ЗВЕЗДЫ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ
18+
РИЧАРД МОРГАН
ПРОБУЖДЕННЫЕ ФУРИИ
ВСЕЛЕННАЯ «ВИДОИЗМЕНЕННОГО УГЛЕРОДА»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Такеси Ковач вернулся домой, на планету Харлан, где океаны полны чудовищами, в небе любой объект крупнее вертолета сбивают орбитальники исчезнувшей нечеловеческой цивилизации, а по земле бродит вышедшая из-под контроля боевая техника. Такеси прилетел сюда, чтобы отомстить, но в его планы быстро вмешались призраки прошлого. Попав в водоворот политических интриг и таинственных событий, Ковач сталкивается с сознанием воскресшей из мертвых Куэллкрист Фальконер, легенды, когда-то чуть не свергнувшей власть Первых Семей Харлана. Невольно став ее защитником, он попадает под прицел местных властей, корпораций и якудза. Но самое страшное, что охоту на него возглавляет молодая версия Ковача, безжалостная и страшная, чья оцифрованная копия много веков пролежала на хранении. И теперь Такеси придется столкнуться лицом к лицу с самим собой, чтобы победить.

- Ричард Морган
  - ○
  - ○
  - ○ Благодарности
  - ○ Пролог
  - ○ Часть первая
    - ■
    - ■ Глава первая
    - ■ Глава вторая
    - ■ Глава третья
    - ■ Глава четвертая
    - ■ Глава пятая
    - ■ Глава шестая
    - ■ Глава седьмая
    - ■ Глава восьмая
  - ○ Часть вторая
    - ■ Глава девятая
    - ■ Глава десятая
    - ■ Глава одиннадцатая
    - ■ Глава двенадцатая
    - ■ Глава тринадцатая
    - ■ Глава четырнадцатая
    - ■ Глава пятнадцатая
    - ■ Глава шестнадцатая
    - ■ Глава семнадцатая

        - Глава восемнадцатая
        - Глава девятнадцатая
    - Часть третья
        - Глава двадцатая
        - Глава двадцать первая
        - Глава двадцать вторая
        - Глава двадцать третья
        - Глава двадцать четвертая
        - Глава двадцать пятая
        - Глава двадцать шестая
        - Глава двадцать седьмая
    - Часть четвертая
        - Глава двадцать восьмая
        - Глава двадцать девятая
        - Глава тридцатая
        - Глава тридцать первая
        - Глава тридцать вторая
        - Глава тридцать третья
        - Глава тридцать четвертая
        - Глава тридцать пятая
        - Глава тридцать шестая
        - Глава тридцать седьмая
    - Часть пятая
        - Глава тридцать восьмая
        - Глава тридцать девятая
        - Глава сороковая
        - Глава сорок первая
        - Глава сорок вторая
        - Глава сорок третья
        - Глава сорок четвертая
        - Глава сорок пятая
        - Глава сорок шестая
        - Глава сорок седьмая
        - Глава сорок восьмая
        - Глава сорок девятая
        - Эпилог
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4

Ричард Морган
Пробужденные фурии

Эта книга посвящается моей жене, Вирджинии Коттинелли, которая не понаслышке знает о трудностях

Copyright © 2005 by Richard Morgan
First published by Gollancz London.
© Сергей Карпов, перевод, 2018
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Fury (*сущ.*)

1. Сильная, неуправляемая и часто разрушительная ярость…

2. Дикая, неуправляемая сила или деятельность.

3а. Одна из трех богинь греческой мифологии, которые наказывают за преступления.

3б. Злая или мстительная женщина.

Новый словарь английского языка.
Penguin, 2001

Благодарности

Бóльшую часть книги я просто выдумал. В паре мест, где это было невозможно, я благодарен за помощь следующим людям.

Дэйв Клэр предоставил бесценный совет и знания по скалолазанию, как на странице, так и в горах. Прекрасный роман Кема Нанна *«Оседлай волну»* и и-мейлы Джея Кейсельберга позволили заглянуть в мир серфинга. А Бернард из «Дайвинг Форнеллс» научил меня безопасно существовать под водой. Если где-то есть ошибки – виноват я, а не они.

Мои отдельные благодарности Саймону Спэнтону и Кэролин Уитакер, которые с бесконечным терпением ждали этот роман и никогда не намекали на сроки.

Пролог

Там, где меня разбудили, все было тщательно подготовлено.

Как и в зале для приемов, где мне предложили сделку. Семейство Харланов ничего не делает наполовину и, как вам подтвердит любой Принятый, любит производить хорошее впечатление. Черный декор с золотыми отливами в тон родовым гербам на стенах; низкочастотное звуковое окружение вселяет в тебя душевный трепет перед грядущей аудиенцией с настоящими сливками общества. Какой-нибудь марсианский артефакт в углу безмолвно намекает: власть над миром перешла от наших давно исчезнувших негуманоидных благодетелей в твердые руки современной олигархии Первых Семей. Неизбежная голоскульптура самого старика Конрада Харлана, тот стоит в торжественной позе «первооткрывателя планеты». Одна рука высоко поднята, вторая прикрывает лицо от яростного света чужого солнца. Все в таком духе.

И вот появляется Такеси Ковач, всплывает из низкого резервуара, заполненного гелем, в бог знает каком новом теле, захлебываясь в мягком пастельном свете, и поднимается с помощью безмятежных слуг в гидрокостюмах с вырезами. Полотенца невероятной пушистости – чтобы стереть гель, халат из того же материала – для короткой прогулки в следующую комнату. Душ, зеркало – пора привыкать к очередному лицу, солдат, – *новая одежда к новой оболочке, и дальше – в зал для аудиенций на беседу с членом семьи. Конечно же, женщиной. Они ни за что не пришлют мужчину, зная обо мне все. Брошен отцом-алкоголиком в десять, рос с двумя младшими сестрами, спорадическая психотическая реакция при встрече с патриархальными фигурами. Нет, только женщина. Какая-нибудь учтивая и опытная руководительница, агент секретной службы семейства Харланов в не самых публичных делах. Писаная красавица в выращенной на заказ оболочке-клоне, наверняка не старше сорока по стандартному летоисчислению.*

– Добро пожаловать на планету Харлан, Ковач-сан. Вы хорошо себя чувствуете?

– Ага. А ты?

Самодовольное высокомерие. Благодаря тренировке чрезвычайных посланников он замечает и обрабатывает детали окружения со скоростью, о которой нормальные люди могут только мечтать. Оглянувшись, Такеси Ковач за долю секунды понимает – понимал с самого пробуждения в резервуаре, – что он кое-кому очень нужен.

– Я? Можете звать меня Аюра, – язык амеранглийский, не японский, но в умело выстроенном непонимании вопроса, элегантном уклонении от оскорбления – без тени возмущения – прекрасно видны культурные корни Первых Семей. Женщина поднимает руку, так же элегантно. – Впрочем, кто я, в данном случае не важно. Думаю, вам понятно, кого я представляю.

– Да, понятно, – то ли низкие частоты, то ли отрезвляющий ответ на легкомысленность, но что-то приручает наглость в моем голосе. Чрезвычайные посланники впитывают все вокруг, и в некоторой степени это походит на заражение. Часто инстинктивно перенимаешь чужое поведение, особенно если интуиция посланника улавливает, что в текущем окружении это поведение дает преимущество. – Значит, у меня новая командировка.

Аюра деликатно кашляет.

– Можно выразиться и так.

– Одиночное задание? – само по себе дело обычное, но и не самое веселое. Когда ты в команде чрезвычайных посланников, чувствуешь такую уверенность, какой не бывает при работе с заурядными людьми.

– Да. Другими словами, вы будете единственным чрезвычайным посланником. Но традиционные ресурсы будут вам предоставлены в любом количестве.

– Звучит неплохо.

– Будем надеяться.

– И что вам от меня нужно?

Женщина опять деликатно откашливается:

– Все в свое время. Позвольте снова осведомиться, хорошо ли вы себя чувствуете в оболочке?

– Очень даже, – внезапное осознание, насколько все отлажено. Реакция оболочки впечатляет даже по сравнению с боевыми моделями Корпуса. Прекрасное тело, по крайней мере, изнутри. – Что-то новенькое от «Накамуры»?

– Нет. – Взгляд женщины только что скользнул вверх и влево? Она – офицер безопасности, наверняка оснащена ретинальным инфодисплеем. – «Харкани Нейросистемс», выращена по внепланетной лицензии для «Хумало-Кейп».

Посланникам не полагается поддаваться удивлению. Если я и нахмурился, то мысленно.

– «Хумало»? Впервые слышу.

– Неудивительно.

– Прошу прощения?

– Достаточно будет сказать, что мы оснастили вас по последнему слову биотехники. Сомневаюсь, что мне нужно

перечислять возможности оболочки человеку вашего опыта. Если же потребуются подробности, краткое руководство найдется в инфодисплее в левом поле вашего зрения, – слабая улыбка, может, даже с намеком на усталость. – «Харкани» не выращивали специально для применения чрезвычайными посланниками, и у нас не было времени обеспечить что-то более подходящее.

– Значит, у вас кризис?

– Очень проницательно, Ковач-сан. Да, ситуацию вполне можно назвать критической. Мы бы хотели, чтобы вы приступили к работе немедленно.

– Ну, за это мне и платят.

– Да, – будет ли она сейчас углубляться в вопрос, кто именно мне платит? Вряд ли. – Как вы, вне всяких сомнений, уже догадались, это тайное задание. Совершенно не похоже на Шарию. Хотя, насколько я понимаю, в конце той кампании у вас был опыт встречи с террористами.

– Ага, – когда мы разнесли их МП-флот, взломали системы передачи данных, растоптали экономику и в целом лишили способности обороняться, еще оставались крепкие орешки, до которых не дошел намек Протектората. И мы их выслеживали. Внедрялись, сближались, саботировали, предавали. Убивали в темных подворотнях. – Было дело.

– Хорошо. У этой работы схожий характер.

– У вас проблемы с террористами? Снова куэллисты бунтуют?

Она отмахивается. Больше никто не принимает куэллизм всерьез. Уже несколько столетий. Горстка подлинных куэллистов, еще оставшихся на планете, променяла революционные принципы на высокодоходную преступность. Риски те же, платят лучше. Они не угроза ни для этой женщины, ни для олигархии, от имени которой она говорит. Это первый намек, что дело не такое, каким кажется.

– Это, скорее, вопрос розыска, Ковач-сан. Человека, а не политической группировки.

– И вы обратились к чрезвычайным посланникам. – Даже с маской самоконтроля бровь не могла не дрогнуть. И голос наверняка приподнялся. – Должно быть, человек выдающийся.

– Да. Так и есть. На самом деле он бывший посланник. Ковач-сан, прежде чем продолжить, думаю, необходимо кое-что прояснить, – вопрос, который…

– Лучше проясните моему старшему по званию. По мне это подозрительно похоже на пустую трату времени Корпуса. Такой работой мы не занимаемся.

– …может, вас в чем-то шокировать. Вы, эм-м, несомненно,

уверены, что вас поместили в новую оболочку вскоре после кампании на Шарии. Возможно, даже спустя пару дней после вашего пробоя.

Пожатие плечами. Спокойствие посланников.

– Дни, месяцы – для меня это не имеет значе…

– Два века.

– Что?

– Вы не ослышались. Вы пролежали на хранении чуть меньше двух сотен лет. В реальном времени…

Спокойствие посланников тут же идет к черту.

– Какого хрена *случилось* с…

– Прошу, Ковач-сан. Выслушайте, – *резкая нотка приказного тона. А затем, когда ее интонация снова меня затыкает, настраивает слушать и запоминать, уже тише,* – *позже я предоставлю столько подробностей, сколько пожелаете. Пока что будет достаточным знать, что вы больше не состоите в Корпусе чрезвычайных посланников. Можете считать себя частным наемником семьи Харланов.*

С последних секунд сознательного существования прошли столетия. Брошен во времени. Выгружен в будущем. Как какой-то преступник. *До всего, что знал, до всех, кого знал,* – *целая вечность. Конечно, техника ассимиляции посланников уже должна бы успокоить нервы, но все же…*

– Как вы…

– Семья приобрела файл вашей оцифрованной личности некоторое время назад. Как я уже сказала, могу сообщить вам подробности позже. Сейчас не стоит забивать этим голову, Ковач-сан. Контракт, который я предлагаю, прибыльный и, как нам кажется, весьма выгодный. Для вас сейчас важнее всего оценить испытание, которому подвергнутся ваши навыки. Это уже не та планета Харлан, что вы знали.

– С этим я справлюсь, – *нетерпеливо.* – *Это моя работа.*

– Хорошо. Теперь вам, конечно, интересно узнать…

– Ага, – *отключить шок – как поставить шину на раненую конечность. Снова собрать весь профессионализм и вальяжное безразличие в кулак. Хвататься за очевидное – самое разумное в этих обстоятельствах.* – *Что ж это за хренов экс-посланник, который вам кровь из носу нужен?*

Может, все было как-то так.

А может, и нет. Я делаю выводы из подозрений и отрывочной информации. Основываюсь на догадках, пользуюсь интуицией посланников, чтобы заполнить пробелы. Но я могу и ошибаться.

Откуда мне знать.

Меня же там не было.

И я не видел его лица, когда ему сказали, где я был. Когда сказали, что я в принципе существую*, а потом сообщили, что именно ему надо делать.*

Часть первая
Это и есть ты

Пусть это будет личным…

Куэллкрист Фальконер. То, что я уже должна была понять, том II

Глава первая

Первая кровь.

Рана жгла адски, но бывало и хуже. Разряд бластера полоснул вслепую по ребрам, уже ослабленный обшивкой двери, которую ему пришлось прогрызть, чтобы добраться до меня. Священники – там, за захлопнутой дверью, – надеялись на простой выстрел в живот. Блин, любители на выезде. Наверняка им самим было не лучше от рикошета после такого-то выстрела в упор. Я же за дверью уже увернулся. Остатки заряда проделали длинную неглубокую борозду на грудной клетке и затухли, тлея в складках куртки. Внезапный мороз в задетом боку и резкая вонь поджаренных кожных сенсоров. То любопытное шипение костей, почти отдающееся вкусом во рту, на месте, где разряд сорвал биосмазку нижних ребер.

Восемнадцать минут спустя, судя по мягкому свету в верхнем левом углу ретинального дисплея, я слышал все то же шипение, пока торопился по освещенной фонарями улице, пытаясь забыть о ране. Незаметный ручеек жидкости под курткой. Крови немного. У синтетических оболочек есть свои преимущества.

– Не хочешь развлечься, сам?

– Уже развлекся, – ответил я, сворачивая от дверей. Он пренебрежительно затрепетал веками с татуировками волны, как бы сказав «тебе же хуже», и его статное мускулистое тело томно скрылось во мраке. Я перешел улицу и свернул за угол, лавируя между парочкой других проституток – одна женщина, вторая неопределенного пола. Женщина была аугментом – по чрезмерно подвижным губам пробегал раздвоенный язычок дракона, возможно, почуяв мою рану в ночном воздухе. Ее взгляд тоже протанцевал по мне, потом скользнул дальше. Кроссгендер с другой стороны слегка сменил позу, озадаченно посмотрел на меня, но промолчал. Обоим я оказался неинтересен. Улицы были мокрые от дождя и опустевшие, так что у них было больше времени меня разглядеть, чем у секс-работника в дверях. Покинув цитадель, я привел себя в порядок, но, видимо, что-то во мне выдавало безнадежность в плане бизнес-перспектив.

За спиной я услышал, как они говорят обо мне на стрип-япе. Услышал слово «нищеброд».

Привередливые. Впрочем, могли себе позволить. Благодаря Инициативе Мексека бизнес процветал. Текитомура этой зимой была переполнена, кишела торговцами ломом и деКомовцами, к которым торгаши лезли стаями, как рипвинги к траулеру. «Новый век – безопасный Новый Хок», – гласила реклама. От недавно

возведенного дока для ховеров в районе Комптё было меньше тысячи километров по прямой до берегов Нового Хоккайдо, и ховерлодеры гоняли туда-сюда день и ночь. Не считая выбросков с воздуха, быстрее способа перебраться через море Андраши не было. А на Харлане лишний раз в воздух не поднимаются. Обычная команда с тяжелым оборудованием – то есть любая – поплывет в Новый Хок на грузовом ховере из Текитомуры. Те, кто выживет, вернутся тем же маршрутом.

Город на подъеме. Свет новой надежды и отважный энтузиазм под дождем денег Мексека. Я хромал по магистралям города, усеянным последствиями кутежа. В кармане постукивали, как игральные кости, свежеизвлеченные стеки памяти.

На пересечении улицы Пенчева и проспекта Муко шла драка. Притоны на Муко только что закрылись, вытурили на улицу завсегдатаев с поджаренными синапсами, и те столкнулись с докерами, которые возвращались с ночной смены в гнилой тишине складского района. Другой причины для насилия не нужно. Теперь десяток человек с паршивой координацией шарахаются по улице, неумело хватая друг друга под подбадривающие крики собравшейся толпы. Одно тело уже неподвижно лежит на тротуаре из расплавленного стекла, а кто-то, истекая кровью, ползком выволакивает себя из свары, упорно подтягиваясь рукой. С силовых костяшек избыточным зарядом брызнули синие искры; где-то блеснуло лезвие. Но все, кто еще стоял на ногах, вроде бы неплохо отрывались, а полиции так и не было.

«Ага, – хмыкнул я про себя. – Наверное, слишком заняты на холме».

Я обошел движуху, как мог, прикрывая раненый бок. Руки под курткой сомкнулись на гладком изгибе последней галлюциногенной гранаты и чуть липкой рукоятке ножа «Теббит».

Никогда не влезай в драку, если можешь быстро убить и исчезнуть.

Вирджиния Видаура – тренер Корпуса чрезвычайных посланников, позже успешная преступница и иногда политическая активистка. Кто-то вроде моего образца для подражания, хотя со времен нашей последней встречи прошло уже несколько десятилетий. Она незваной влезала ко мне в мозг на множестве разных планет, и этот призрак десятки раз спасал мне жизнь. В этот раз ни она, ни нож мне не понадобились. Я миновал драку, даже не встретившись ни с кем глазами, добрался до угла Пенчева и растаял в тенях переулков на приморской стороне улицы. Чип времени в глазу говорил, что я опаздывал.

Поднажми, Ковач. Если верить контакту в Миллспорте, Плекс

и в лучшие времена был не очень надежен, а сейчас я слишком мало ему заплатил для долгого ожидания.

Пятьсот метров вниз и затем налево, в тесные фрактальные завихрения секции «Белахлопок Кохей», названного века назад в честь основного товара и первой семьи операторов-владельцев, склады которой и составляли извивающийся лабиринт проулков. После Отчуждения и последующей потери рынка Нового Хоккайдо местная торговля белаводорослями заглохла, а семьи вроде Кохеев резко обанкротились. Теперь фасады домов печально взирали друг на друга заросшими пылью окнами на верхних этажах, а внизу рулонные ворота, как раззявленные рты, нерешительно застряли где-то наполовину между открытием и закрытием.

Конечно, шли разговоры о возрождении, о том, чтобы заново открыть эти помещения и переоснастить под лаборатории деКома, тренировочные центры и склады оборудования. В основном разговоры так и оставались разговорами – энтузиазм прижился на складах, выходящих на западные пирсы для ховеров, но пока не распространился дальше – по тем же причинам, почему не станешь доверять телефон электронарку. Так далеко от верфи и так далеко на восток звон финансов Мексека практически не доносился.

Радости экономики просачивания[1].

«Белахлопок Кохей» 9.26 тлел слабым огоньком в верхнем окне, а длинные беспокойные языки теней от света, сочившегося из-под приподнятых ворот, окончательно придавали зданию вид одноглазого слюнявого маньяка. Я прижался к стене и выкрутил аудиосхемы синтоболочки на максимум, то есть ненамного. На улицу потекли голоса, нервные, как тени у моих ног.

– …говорю, *этого* я ждать не собираюсь.

Миллспортский акцент, манерный выговор метрополии – харлановский амеранглийский, растянутый так, что коробит слух. Бормотание Плекса, чуть тише уровня членораздельности, звучало на контрасте мягко и провинциально. Кажется, он задал вопрос.

– А я откуда-то знаю, твою мать? Хочешь верь, а хочешь нет, – собеседник Плекса ходил, что-то переставлял. Его голос заглушило эхо в глубине склада. Я уловил слова «кайкьё», «верить» и обрывок смешка. Затем опять ближе к воротам. – …то, во что верит семья, а семья верит тому, что говорит технология. Технология оставляет следы, друг мой, – резкий кашель и вдох, словно при употреблении рекреационных наркотиков. – Этот урод опаздывает.

Я нахмурился. У слова «кайкьё» множество значений, но все

зависят от твоего возраста. Географически – это пролив или канал. В такой форме термин бытовал на начальном этапе Освоения, ну или у выпендрежников из Первых Семей с их гиперграмотностью и кандзи. Этот парень явно не из Первой Семьи, но он вполне мог просто *жить* в те времена, когда Конрад Харлан и его дружки со связями превращали Глиммер VI в свой личный садик. С тех давних времен на хранении до сих пор лежит много оцифрованных личностей, которые так и ждут загрузки в рабочую оболочку. Впрочем, чтобы прожить всю человеческую историю Харлана, оболочку не пришлось бы менять больше шести раз. Прошли всего около четырехсот лет по земным меркам с тех пор, как на планету сели баржи колонистов.

В голове дернулась интуиция посланников. Что-то не так. Я встречал мужчин и женщин со столетиями сознательной жизни за спиной, и никто из них так не разговаривал. В ночи Текитомуры над дымом из трубки манерно звучала вовсе не мудрость веков.

На улицах, на арго стрип-япа, исковеркавшись за пару сотен лет, «кайкьё» значит «тот, который сбывает украденное». Оператор тайных товарных потоков. В некоторых частях Миллспортского архипелага так до сих пор говорят. В других местах значение меняется и обозначает легальных финконсультантов.

Ага, а на юге это значит «одержимый духами святой» или «выход канализации». Хватит корчить из себя детектива. Слышал же человека – ты опаздываешь.

Я взялся за ворота и поднял вверх, блокируя прилив боли от раны настолько, насколько позволяла нервная система синтоболочки. Ворота с грохотом поднялись к крыше. Улицу и меня залил свет.

– Добрый вечер.

– Господи! – миллспортский акцент отшатнулся на целый шаг. Он стоял всего в паре метров от ворот, когда я их поднял.

– Здравствуй, Так.

– Привет, Плекс, – я не сводил взгляда с гостя. – Что это за тан?

Но я уже понял и сам. Бледная, холеная внешность прямиком из второсортного фильма-эксперии, где-то между Микки Нозавой и Рю Бартоком. Пропорционально сложенная бойцовская оболочка, широкая в груди и плечах, с длинными конечностями. Копна волос, как нынче модно на подиумах биотеха, – высокая прическа, словно от удара током, которая должна выглядеть так, будто оболочку только что вынули из резервуара клонов. Одежда просторная, ниспадает изящными складками, явно скрывает оружие, поза говорит о том, что он готов его использовать. Боевая

стойка, правда, – больше лай, чем готовность кусать. В сложенной ладони у него до сих пор была разряженная микротрубка, а зрачки расширились до пределов. Уступка старинной традиции – татуированные иллюминием завитушки в уголке лба.

Ученик якудза из Миллспорта. Уличный головорез.

– Не смей звать меня тан, – прошипел он. – Ты не местный. *Ты* здесь чужак, Ковач.

Я отвернулся от него, следя лишь краем глаза, и посмотрел прямо на Плекса – тот стоял у станков, возился с узлом ремней и примеривал улыбку, которой было неуютно на его потасканном лице ариста.

– Слушай, Так…

– У нас была строго закрытая вечеринка, Плекс. Я развлечений не заказывал.

Якудза дернулся вперед, еле сдерживаясь. Из его горла донесся скрежет. Плекс явно запаниковал.

– Подожди, я… – он с очевидным усилием отложил ремни. – Он здесь по другому поводу, Так.

– Но в мое оплаченное время, – спокойно заметил я.

– *Слушай*, Ковач. Ты, гребаный…

– *Нет*, – при этом я посмотрел на него, надеясь, что он почувствует ярость в моем голосе. – Ты знаешь, кто я, и не будешь мне мешать. Я пришел поговорить с Плексом, а не с тобой. Теперь проваливай.

Не знаю, что его остановило, – репутация посланников, последние новости из цитадели, – *ведь об этом уже все знают, такого ты там наворотил*, – или просто не такая горячая голова, как можно было подумать по бандитскому виду и дешевому прикиду. На миг он замер, еле усмирил гнев, затем отступил и перенаправил его – ухмыльнулся и с пренебрежительным видом уставился на ногти правой руки.

– Ладно. Вперед, веди переговоры с Плексом. Я подожду снаружи. Это все равно ненадолго.

Даже сделал первый шаг к улице. Я посмотрел на Плекса.

– Что это он несет?

Тот поморщился.

– Нам, э-э, придется изменить планы, Так. Мы не можем…

– О нет, – но, оглядевшись, я уже видел спиральные рисунки на пыли там, где пользовались гравподъемником. – Нет-нет, ты мне говорил…

– Я з-знаю, Так, но…

– Я тебе *заплатил*.

– Я верну деньги…

– Мне *не нужны* сраные деньги, Плекс, – я вперил в него

взгляд, борясь с желанием порвать ему глотку. Без Плекса не будет загрузки. Без загрузки… – *Мне нужно мое тело, сука.*

– Все нормально, все нормально. Ты его получишь. Просто прямо сейчас…

– Просто прямо сейчас, Ковач, оборудование взяли мы, – якудза показался снова, все еще ухмыляясь. – Потому что, если начистоту, оно вообще-то наше. Но Плекс, видимо, об этом не упомянул, да?

Я перевел взгляд. Плекс казался пристыженным.

«*Как его не пожалеть,* – Иса, мой миллспортский торговец контактами, – целых пятнадцать лет, рваная фиолетовая прическа и до брутальности очевидные допотопные разъемы инфокрысы, – во время обсуждения сделки и цены предавалась размышлениям с видом мудреца, уставшего от мирской суеты. – *Вспомни историю. Она его пошмела*».

История действительно не пожалела Плекса. Родись он с фамилией Кохей на три века раньше, был бы избалованным младшеньким сынком, жил бы без всякой нужды, а очевидный интеллект проявлял бы лишь в таких джентльменских занятиях, как астрофизика или археология. Ну а так семья Кохей поколениям после Отчуждения оставила одни только ключи к десяти улицам пустых складов и упадочный шарм аристов, который, судя по собственным самоуничижительным исповедям Плекса, помогает разве что перепихнуться, когда ты на мели. Не так уж и плохо, если подумать. Упоровшись трубкой, он пересказал мне всю свою жалкую историю меньше чем через три дня знакомства. Казалось, ему надо выговориться хоть кому-то, а посланники – отличные слушатели. Слушаешь, изучаешь местный колорит, впитываешь. Потом всего одна вспомнившаяся мелочь может спасти тебе жизнь.

От ужаса перед одной-единственной жизнью без новых оболочек обнищавшие предки Плекса учились зарабатывать на пропитание, но преуспели мало. Долги накапливались; стервятники приближались. Когда родился Плекс, семья уже была в кармане у якудза и третьеразрядная преступность стала просто частью их жизни. Он наверняка рос среди таких набыченных типов, как этот. Наверняка научился этой пристыженной, уступающей улыбке уже на коленях у отца.

Последнее, чего он хотел, – огорчать покровителей. Последнее, чего хотел я, – возвращаться ховерлодером в Миллспорт в этой оболочке.

– Плекс, я забронировал место на «Шафрановой королеве». До отъезда четыре часа. Что, возместишь мне билет?

– Мы тебя перенесем, Так, – он говорил умоляющим

голосом. – Завтра вечером будет еще один ховер в ЭмПи. У меня – то есть у ребят Юкио…

– …охренел называть мое *имя*?! – вскрикнул якудза.

– Тебя перенесут на вечерний рейс, никто ничего не узнает, – умоляющий взгляд обратился к Юкио. – Да? Вы же можете, правда?

Я тоже пристально посмотрел на якудза:

– Правда? Учитывая, как вы уже запороли мои планы по отходу?

– Ты сам себе все запорол, Ковач, – якудза хмурился и качал головой. Разыгрывал семпая с манерностью и деланной важностью, которые наверняка скопировал прямиком с собственного семпая из не очень давних лет ученичества. – Ты знаешь, сколько копов тебя сейчас разыскивает? Отряды ищеек прочесывают весь север города, и что-то мне подсказывает, что они нагрянут в доки уже через час. Весь ТПД вышел поиграть. Не говоря уже про наших бородатых друзей-штурмовиков из цитадели. Блин, а *еще* больше крови ты там мог пролить?

– Я задал вопрос. Я не просил критики. Перенесете меня на следующий отлет или нет?

– Да, да, – он отмахнулся. – Как два пальца. Но никакого у тебя уважения, Ковач, к чужим переговорам по серьезному бизнесу. Приходишь, будоражишь местных законников бессмысленным насилием – а они поддадутся искушению закрыть тех, кто нам *нужен*.

– Для чего нужен?

– Не твое собачье дело, – пародия на семпая слетела, он снова стал чистым миллспортским уличным пацаном. – Просто не отсвечивай следующие пять-шесть часов и постарайся никого не убивать.

– А что потом?

– А потом мы позвоним.

Я покачал головой:

– Придумай что-нибудь получше.

– Получше? – его голос стал громче. – Ты *охренел*? Ты с кем так разговариваешь, Ковач?

Я прикинул расстояние, время, которое потребуется, чтобы добраться до него. Боль, которой это будет стоить. Подобрал слова, которые его взбесят.

– С кем я разговариваю? Я разговариваю с обкуренным чимпирой, гребаной уличной шпаной, которую спустил с поводка семпай из Миллспорта, и мне это уже надоело, Юкио. Быстро дал сюда телефон – хочу поговорить с тем, кто действительно принимает решения.

Гнев взорвался. Глаза распахнулись, рука дернулась к тому, что было под курткой. Слишком поздно.

Я ударил.

Прыжок через все расстояние между нами, атака со здоровой стороны. Боковые удары по горлу и колену. Он рухнул, захлебываясь. Я схватил руку, вывернул и прикоснулся к ладони «Теббитом» так, чтобы он видел.

– Это нож с бионачинкой, – сказал я ему сухо. – Адорасьонской геморрагической лихорадкой. Порежу – и все кровеносные сосуды в твоем теле лопнут через три минуты. *Хочешь?*

Он поерзал, хватая ртом воздух. Я прижал лезвие, увидел панику в глазах.

– Так себе способ умереть, Юкио. *Телефон.*

Он порылся в куртке, телефон выскочил и заскользил по вечному бетону. Я наклонился, убедившись, что это не оружие, затем пнул назад к его свободной руке. Юкио подхватил аппарат – дыхание до сих пор хрипло рвалось из горла с наливающимся синяком.

– Отлично. Теперь набирай того, кто может помочь, потом передай мне.

Он пару раз ткнул в экран и протянул телефон, с таким же умоляющим лицом, какое пару минут назад было у Плекса. Я долго буравил его взглядом, пользуясь пресловутой неподвижностью дешевого синтетического лица, затем выпустил вывернутую руку, взял трубку и отступил подальше. Он перекатился от меня, все еще хватаясь за горло. Я прижал трубку к уху.

– Кто это? – спросил учтивый мужской голос на японском.

– Меня зовут Ковач, – я автоматически сменил язык. – У нас с вашим чимпирой Юкио конфликт интересов, который вы наверняка сможете уладить.

Ледяная тишина.

– Причем уладить как-нибудь прямо сегодня, – мягко добавил я.

На другом конце трубки кто-то с шипением втянул воздух между зубов.

– Ковач-сан, вы совершаете ошибку.

– Неужели?

– Вовлекать нас в ваши дела неблагоразумно.

– Но это не я вас вовлекаю. Прямо сейчас я стою на складе и смотрю на пустое место, где было мое оборудование. Благодаря надежному источнику я понял, что это вы его забрали.

Опять тишина. Разговоры с якудза неизменно перемежают

длинные паузы, во время которых полагается размышлять и внимательно прислушиваться к несказанному.

Но я был не в настроении. Рана ныла.

– Мне сказали, что вы закончите через шесть часов. Это терпимо. Но мне нужно ваше слово, что по истечении срока оборудование снова будет здесь и в рабочем состоянии, готовое к использованию. Мне нужно ваше слово.

– Разговаривайте с Хираясу Юкио по поводу…

– Юкио – *чимп*. Давайте будем честными в наших отношениях. Единственная работа Юкио – присмотреть, чтобы я не прикончил нашего общего поставщика услуг. И, кстати говоря, с этим он справляется не лучшим образом. Когда я прибыл, у меня уже кончалось терпение, и сомневаюсь, что пополню его запасы в ближайшее время. Юкио мне не интересен. Мне нужно *ваше* слово.

– И если я его не дам?

– Тогда пара ваших бизнесов-ширм будет выглядеть так же, как цитадель сегодня. Даю вам *свое* слово.

Молчание. Затем:

– Мы не ведем переговоров с террористами.

– Да ну *хватит*. Это что еще за речи? Я думал, что общаюсь с руководством. Мне что, придется сперва причинить ущерб прямо здесь?

Тишина с другим ощущением. Голос на другом конце трубки, похоже, задумался о чем-то еще.

– Хираясу Юкио ранен?

– Пока что не очень, – я холодно взглянул на якудзу. Тот снова обрел дыхание и начал садиться. На границе татуировки поблескивали капли пота. – Но все может измениться. Это в ваших руках.

– Очень хорошо, – всего пара секунд перед ответом. По стандартам якудза поспешно до неприличия. – Меня зовут Танаседа. Я даю вам слово, Ковач-сан, что требуемое оборудование будет на месте и доступно для вас в указанное время. Кроме того, вам заплатят за доставленное беспокойство.

– Спасибо. Это…

– Я не закончил. Также я даю слово, что, если вы совершите акт насилия в отношении моего персонала, я выпущу глобальный приказ на вашу поимку и дальнейшую казнь. Я говорю о весьма неприятной настоящей смерти. Это понятно?

– Справедливо. Но тогда, пожалуй, велите своему чимпу вести себя прилично. Кажется, он вбил себе в голову, что он профессионал.

– Передайте ему трубку.

Юкио Хираясу уже сидел, склонившись над вечным бетоном, и шумно дышал. Я шикнул ему и бросил телефон. Он неловко поймал его одной рукой, все еще поглаживая горло второй.

– Семпай хочет поговорить.

Он воззрился на меня – в глазах ненависть и слезы, – но приложил трубку к уху. Из нее зашипели сжатые японские слоги, будто кто-то пародировал пробитый газовый баллон. Он напрягся, опустил голову. Его ответы были отрывистыми и односложными. Часто слышалось слово «да». Одного у якудза не отнять – с их дисциплиной мало что сравнится.

Односторонний разговор закончился, и Юкио протянул телефон мне, не глядя в глаза. Я взял.

– Вопрос решен, – сказал Танаседа мне в ухо. – Прошу, остаток ночи проведите в другом месте. Через шесть часов вы можете вернуться, вас будет ждать оборудование и возмещение. Больше мы друг друга не услышим. Это. Недоразумение. Было весьма прискорбным.

Как-то он не сильно расстроился.

– Посоветуете хорошее место для завтрака? – спросил я.

Молчание. Вежливый шум помех. Я взвесил телефон в руке, затем бросил обратно Юкио.

– Ну, – я перевел взгляд с якудза на Плекса и обратно, – а *вы* мне посоветуете хорошее место для завтрака?

Глава вторая

Прежде чем Леонид Мексек обрушил водопады щедрости на нищую экономику Шафранового архипелага, Текитомура в сезоны нереста крупных боттлбэков перебивалась благодаря богатым рыбакам из Миллспорта или Охридовых островов, а еще занималась выловом паутинных медуз ради их масла. Благодаря биолюминесценции последних проще ловить ночью, но траулеры редко выходили больше чем на пару часов. Чуть дольше – и невесомые усики-стрекала паутинных медуз покроют одежду и поверхности на корабле таким плотным слоем, что рискуешь потерять производительность из-за отравления парами или ожогов кожи. Всю ночь траулеры то и дело возвращаются, чтобы прополоскать команду и палубу дешевым биорастворителем. За промывочной станцией, обозначенной сияющими лампами Ангьера, – короткий ряд баров и едален, открытых до рассвета.

Плекс, сыпя извинениями, словно из дырявого мешка, провел меня по складскому району до верфи и местечка без окон под названием «Токийский ворон». Оно не сильно отличалось от дешевых шкиперских баров Миллспорта: фрески Эбису и Эльма на заляпанных стенах вперемешку со стандартными молельными табличками с надписями на кандзи или амеранглийской латинице: «Пожалуйста, спокойное море и полные сети». Мониторы за барной стойкой из зеркального дерева выдают местный прогноз погоды, поведенческие паттерны орбитальников и глобальные экстренные новости. Неизбежное голопорно на широкоформатной проекционной подложке в конце комнаты. Матросы траулеров выстроились вдоль бара и сгрудились у столиков с затуманенными усталостью лицами. Компания тощая, в основном мужская, в основном несчастная.

– Я плачу́,– торопливо сказал Плекс, когда мы вошли.

– Будто у тебя есть выбор.

Он ответил робким взглядом.

– Эм-м. Да. Чего желаешь?

– То, что здесь считается за виски. Бочковой крепости. То, что я почувствую даже вкусовыми схемами этой поганой оболочки.

Он улизнул к стойке, а я по привычке нашел столик в углу. Вид на дверь и посетителей. Опустился на стул, поморщившись из-за обожженных бластером ребер.

Ну и трындец.

Да не совсем. Я коснулся стеков через ткань кармана куртки. *Я же получил то, за чем пришел.*

И почему же ты не мог просто перерезать им горло во сне?

Они должны были знать. Должны были видеть.

От стойки вернулся Плекс со стаканами и унылыми суши на подносе. Он казался необъяснимо довольным собой.

– Слушай, Так. Не переживай насчет ищеек. В синтоболочке…

Я посмотрел на него.

– Да. Я знаю.

– И, ну, тоже знаешь. Всего шесть часов.

– И целое завтра до отхода ховера, – я подхватил стакан. – Серьезно, лучше заткнись, Плекс.

Он заткнулся. Через пару минут тяжких дум я обнаружил, что и это мне не нравится. В синтетической коже я стал нервным и дерганым, как после отходняка с мета; мне неприятно сейчас собственное тело. Нужно отвлечься.

– Давно знаешь Юкио?

Он поднял глаза с недовольным видом.

– Ты же сказал…

– Да. Прости. Меня сегодня подстрелили, так что я не в лучшем настроении. Вот и…

– Тебя *подстрелили*?

– *Плекс*. – Я с пристальным взглядом наклонился над столом. – Что ж ты так *орешь*.

– Ой. Прости.

– Я хочу сказать, – я беспомощно повел рукой, – да как ты вообще остаешься в деле, мужик? Ты же вроде как преступник, господи.

– Это был не мой выбор, – сказал он сухо.

– Нет? А как это работает? У них есть какой-то ежегодный призыв, что ли?

– Очень смешно. Полагаю, ты-то сознательно *выбрал* пойти в армию? В семнадцать гребаных стандартных лет?

Я пожал плечами.

– Я сделал выбор, да. Либо армия, либо банды. Я надел форму. Она окупалась лучше, чем криминал, которым я и так занимался.

– Что ж, а я никогда не был в банде, – он закинулся виски. – Якудза об этом позаботились. Слишком большой риск потерять инвестицию. Я ходил к правильным репетиторам, вращался в правильных социальных кругах, учился ходить как надо, говорить как надо, а потом меня сорвали, как хренову вишенку.

Его взгляд выкинуло на расцарапанное дерево стола, как мусор на пляж.

– Я помню отца, – горько произнес он. – День, когда я получил доступ к семейным стекам данных. Сразу после вечеринки в честь совершеннолетия, на следующее утро. Все еще

с похмелья, все еще под кайфом, и тут как тут в его кабинете Танаседа, Кадар и Хираясу, как сраные вампиры. Он в тот день плакал.

– Вот *этот* Хираясу?

Он покачал головой.

– Это сын. Юкио. Хочешь знать, сколько я знаком с Юкио? Мы росли вместе. Спали вместе на одних и тех же уроках кандзи, гасились одним и тем же такэ, встречались с одними и теми же девчонками. Он уехал в Миллспорт, когда у меня началась практика по оцифровке и биотеху, вернулся спустя год уже в этом дебильном костюмчике, – он поднял взгляд. – Думаешь, мне нравится всю жизнь искупать долги отца?

Кажется, ответа ему не требовалось. А мне не хотелось слушать дальше. Я отпил еще виски, пытаясь представить, как бы оно обожгло, если бы в оболочке были настоящие вкусовые рецепторы. Приподнял стакан.

– А как так вышло, что им сегодня от тебя понадобились загрузка и выгрузка? В городе явно больше одного станка для оцифрованного сознания.

Он пожал плечами.

– Какой-то косяк. У них был свой станок, но в нем загрязнение. Морская вода в подаче геля.

– Вот тебе и организованная преступность, а.

В том, как он посмотрел на меня, читалась злая зависть.

– У тебя нет семьи, да?

– Не особо, – грубовато, но ему не стоило знать всю правду. Лучше скормить ему что-то еще. – Меня долго не было.

– На хранении?

Я покачал головой.

– Вне планеты.

– Вне планеты? И где был? – возбуждение в голосе было невозможно ни с чем перепутать, его едва-едва сдерживали призрачные остатки породы. В системе Глиммер не было обитаемых планет, не считая Харлана. Пробное терраформирование на Глиммере V ниже плоскости эклиптики не принесет полезных результатов еще век. Внепланетные путешествия для харланца – это межзвездный пробой, возможность стряхнуть физическую суть и переоблачиться где-то за много световых лет отсюда, под чужим солнцем. Очень романтично, и в общественном сознании у пробойщиков статус прямо как у космонавтов на Земле в годы внутрисистемных перелетов.

Но дело в том, что в отличие от космонавтов, этим нынешним знаменитостям, чтобы путешествовать с помощью

гиперпространственного передатчика, ничего не приходится *делать*. Впрочем, то, что во многих случаях у них нет никаких навыков или значимости, кроме самой славы пробойщика, как будто не оттеняет их триумфального шествия по человеческому воображению. Конечно, старая Земля – настоящий джекпот в плане направлений, но, кажется, в итоге даже не важно, куда ты улетаешь, главное, что возвращаешься. Излюбленная пиар-техника для старых кинозвезд эксперии и вышедших из моды миллспортских куртизанок. Если как-нибудь наскребешь на пробой, тебе более-менее гарантированы годы прибыльного внимания в журналах-симуляциях опыта.

Это, конечно, не относится к чрезвычайным посланникам. Мы приходили тихо, давили какое-нибудь планетарное восстание, свергали какой-нибудь режим, а потом ставили марионетку ООН. Убийства и репрессии от звезды к звезде, ради высшего блага – *естественно* – объединенного Протектората.

Больше я этим не занимаюсь.

– Был на Земле?

– Среди прочего, – я улыбнулся воспоминанию, которому уже насчитывалась сотня лет. – Земля – это дыра, Плекс. Гребаное застывшее общество, гипербогатый надкласс бессмертных, угнетенные массы.

Он пожал плечами и угрюмо потыкал в суши палочками.

– Вроде все как у нас.

– Ага, – я отпил еще виски. Между Харланом и тем, что я видел на Земле, хватало различий в нюансах, но сейчас мне было не до них. – В чем-то ты прав.

– Ну и что ты… Вот *говно*!

Какой-то миг мне казалось, он просто уронил суши из боттлбэка. Глючная реакция продырявленной синтоболочки – а может, глюки от ночной усталости. Прошли целые секунды, прежде чем я поднял взгляд, проследил за его глазами до стойки и двери и понял, что там происходит.

Женщина на первый взгляд казалась непримечательной – худая и с уверенным видом, в сером комбинезоне и незапоминающейся утепленной куртке, с неожиданно длинными волосами и белым, словно поблекшим, лицом. Может, разве что слишком резкая для матроса с траулера. А потом замечаешь, как она стоит: ноги в ботинках на ширине плеч, руки прижаты к стойке из зеркального дерева, лицо наклонено вперед, тело неестественно оцепенелое. А потом глаза возвращаются к волосам, и…

В дверях меньше чем в пяти метрах сбоку от нее замерла группа священников из высшей касты Нового откровения,

холодно обозревая клиентуру. Должно быть, они заметили женщину в ту же секунду, как я заметил их.

– Вот *говно* поганое!

– Плекс, заткнись, – пробормотал я, стиснув зубы и почти не шевеля губами. – Они не знают меня в лицо.

– Но она же…

– Просто. Жди.

Духовно процветающая банда вошла в помещение. Девять человек. Карикатурные солидные бороды и выбритые черепа, лица мрачные и целеустремленные. Из них три старца – на тускло-охровые рясы накинуты черные, цвета евангелических избранников, на глазу, как повязки древних пиратов, биоприцелы. Они зафиксировались на женщине у стойки, пригнувшейся, как чайка, поймавшая ветер. Ее неприкрытые волосы, наверное, были маяком для провокации.

Искали они меня или нет, не имело значения. В цитадели я был в маске, в синтетике. Без сигнатуры.

Но, словно чума по всему Шафрановому архипелагу, капая на северные берега, как яд из разорванной паутинной медузы, – а теперь, как мне рассказывали, даже пуская корни в таких южных и далеких краях, как сам Миллспорт, – Рыцари Нового откровения разносили свое свежевозрожденное женоненавистничество с таким энтузиазмом, что ими бы гордились исламо-христианские предки с Земли. Женщина в одиночестве в баре – уже ничего хорошего, женщина простоволосая – совсем беда, но уж *это*…

– Плекс, – сказал я тихо. – Я тут подумал – все-таки убирайся отсюда подобру-поздорову.

– Слушай, Так…

Я выкрутил галлюциногенную гранату на максимальную задержку, активировал и мягко закатил под стол. Плекс услышал и издал тихий писк.

– Пошел, – сказал я.

Главный старец двинулся к стойке. Он стоял в полуметре от женщины, наверное, ожидая, что та падет ниц.

Она не обратила на него внимания. Если уж на то пошло, она не обращала внимания ни на что, кроме поверхности бара под руками и, как до меня дошло, лица, которое видела в отражении.

Я неторопливо поднялся.

– Это того *не стоит*. Так, ты чего. Ты не зна…

– Я сказал – пошел, Плекс, – теперь меня несло прямо туда – в собирающуюся на горизонте ярость, – как брошенный ялик на краю вихря. – На этом экране тебе играть не захочется, поверь.

Старцу надоело оставаться без внимания.

– Женщина, – рявкнул он. – Прикройся.

– А может, – проговорила она в ответ с хлесткой четкостью, – ты пойдешь в задницу и там будешь командовать?

Наступила почти комичная пауза. Ближайшие пьянчуги вокруг собрания вздрогнули, на их лицах было написано: «*Она что, правда?..*»

Где-то кто-то заржал.

Руку уже занесли. Заскорузлая, с широко расставленными пальцами ладонь, тыльная сторона которой должна была отбросить женщину от бара на пол съежившимся комочком. Но вместо этого…

Заклинившая неподвижность испарилась. Быстрее всего, что я видел со времен боев на Санкции IV. В глубине души я этого ожидал – и все же пропустил, что именно произошло. Она как будто мигнула, как в плохо смонтированной виртуальной реальности, увернулась и исчезла. Я надвинулся на отряд, боевая ярость уже сужала синтетическое зрение на целях. Краем глаза я видел, как она хватается за запястье старца. Слышал треск, когда рванула локоть. Он вскрикнул, вскинулся, но от тяжелого удара рухнул навзничь.

Вспышка оружия. Гром и жирная молния в полумраке у перил стойки. По комнате разнесло кровь и мозги. Супернагретые ошметки брызнули мне в лицо и обожгли.

Ошибка.

Она убила человека на полу, но забыла про остальных на решающие секунды. Ближайший священник накинулся, ударил силовым кастетом, и она упала в корчах на разорванный труп старца. Остальные окружили, пиная ее ботинками со стальными мысками под рясами цвета засохшей крови. Кто-то за столом зааплодировал.

Я протянул руку, задрал голову за бороду и перерезал горло под ней до самого позвоночника. Оттолкнул тело. Полоснул низко через рясу и почувствовал, как нож зарывается в плоть. Повернуть и выдернуть. На руку плеснула теплая кровь. «Теббит», очищаясь, сбрызнул капли. Я потянулся снова, как во сне. Хватать и тащить, держать и резать, пнуть в сторону. Остальные оборачивались, но они были не бойцы. Я рассек щеку до кости, распорол выброшенную ладонь от среднего пальца до запястья, отогнал их от женщины на полу, улыбаясь, – все время улыбаясь, как рифовый демон.

Сара.

Под руку подставилось брюхо с натянутой рясой. Я шагнул, и нож метнулся снизу вверх, словно расстегнув молнию. Я стоял, глядя распотрошенному человеку прямо в глаза. На меня

уставилось морщинистое бородатое лицо. Я чувствовал его дыхание. Наши лица разделяло лишь несколько сантиметров как будто бы целые минуты, прежде чем в его глазах проявилось осознание того, что я сделал. Я рывком кивнул, почувствовал тик улыбки в сжатом уголке рта. Он отпрянул от меня с криком и вываливающимися кишками.

Сара…

– Это *он*!

Другой голос. Зрение очистилось, и я увидел человека, который держал раненую руку перед собой, словно какое-то неприличное доказательство веры. Ладонь алела сгустками, ближайшие к порезу кровеносные сосуды уже лопались.

– Это он! Чрезвычайный посланник! Грешник!

За моей спиной с мягким стуком рванула галлюциногенная граната.

* * *

В большинстве культур плохо относятся к убийству святых. Я не знал, на чью сторону склонится бар, полный просоленных моряков, – Харлан никогда не славился религиозным фанатизмом, но с тех пор, как меня не было, многое изменилось, и в основном к худшему. Цитадель, высившаяся над улицами Текитомуры, была только одной из многих, против которых я выходил за последние два года, и где бы к северу от Миллспорта я ни был, именно бедные и задавленные работой пополняли ряды верующих.

Лучше не рисковать.

Взрыв гранаты отбросил столик, словно капризный полтергейст, но он остался практически незамеченным в крови и ярости за стойкой. Прошло еще полдесятка секунд, прежде чем высвободившаяся молекулярная шрапнель попала в легкие, распалась и произвела эффект.

Крики заглушили агонию умирающих вокруг священников. Испуганные вопли, перемежаемые раскатистым смехом. Это сугубо индивидуальный опыт – стать жертвой Г-гранаты. Я видел, как мужчины отшатываются и отмахиваются от чего-то невидимого, похоже, кружившего вокруг их голов. Другие мечтательно уставились на собственные руки или куда-то в угол, сотрясаясь от смеха. Где-то слышался хриплый плач. Мое дыхание при взрыве автоматически перекрыло – навык остался от десятилетий разных боевых условий. Я обернулся к женщине и обнаружил, что она привалилась к стойке. Лицо заплывало

синяком.

Я рискнул вздохнуть и перекричать стоявший гвалт. – Идти можешь?

Сжатый кивок. Я показал на дверь.

– На улицу. Не дыши.

Накренившись, мы прошли мимо остатков коммандос Нового откровения. Те, кто еще не начал истекать кровью изо рта и глаз, были слишком заняты галлюцинациями, чтобы являть собой угрозу. Они ковыляли и поскальзывались в собственной крови, блеяли и махали руками у себя перед носом. Я был уверен, что так или иначе зацепил всех, но на тот случай, если сбился со счета, помедлил у одного без видимых ран. Старец. Я наклонился над ним.

– Свет, – пролепетал он тонким и удивленным голоском. Его рука поднялась ко мне. – Свет в небесах, ангел грядет. Он несет *перерождение*, тогда как сами люди не смеют, сами они ждут.

Он даже не знал ее имени. Какой же, блин, в этом всем смысл.

– Ангел.

Я взвесил «Теббит». Мой голос был надсадным без дыхания.

– Обознались, старче.

– Анг… – и тут, видимо, что-то просочилось сквозь галлюциногены. Голос вдруг стал истошным, он пополз от меня задом, уставившись на нож. – Нет! Я *вижу* древнего, перерожденного. *Я вижу разрушителя.*

– Вот теперь уже лучше.

Биокомпонент «Теббита» закодирован в желобе на клинке, в полусантиметре от лезвия. Порежешься случайно – вряд ли его заденешь.

Я порезал ему лицо и ушел.

Рана была глубокой.

* * *

Снаружи к моей голове спустился и закружился, щерясь, хоровод маленьких радужных мотыльков с головами-черепами. Я сморгнул их и сделал пару глубоких резких вдохов. Проветрить легкие от дряни. Перегруппироваться.

Набережная верфи за промывочной станцией была безлюдной в обоих направлениях. Ни следа Плекса. Вообще никого. Пустота казалась чреватой, дрожащей от кошмарных предвестий. Я так и ждал, что под ближайшее здание проскользнут гигантские рептильи когти и могучим броском уберут его с пути.

Твою мать, все, Так. Будешь фантазировать в таком состоянии – оно и случится.

Мостовая…

Двигайся. Дыши. Убирайся отсюда.

С небес сеяло легкой моросью, как будто наполняя свечение ламп Ангьера мягкими помехами. Над плоской крышей промывочной станции на меня надвинулись верхние палубы траулера, инкрустированные навигационными огнями. Далекие крики между кораблем и верфью, шипение и лязг автошвартовщиков, стреляющих в береговые пазы. Картина мира вдруг наполнилась перекошенным покоем, из памяти о ньюпестском детстве всплыли необычно мирные воспоминания. Прежний страх улетучился, и я почувствовал, как на губы наползает мечтательная улыбка.

Соберись, Так. Это только химия.

На другой стороне верфи под спящим краном-роботом блеснул шальной свет бликами на ее волосах – она обернулась. Я еще раз бросил взгляд через плечо в поисках погони, но дверь в бар была плотно закрыта. В нижние пределы моего дешевого синт-слуха просачивались слабые звуки. То ли смех, то ли плач, то ли черт знает что. В долгосрочной перспективе Г-гранаты довольно безвредны, но пока они не развеялись, ты обычно теряешь всякий интерес к рациональному мышлению или действию. Я сомневался, что в течение получаса кто-то догадается, даже где находится дверь, не говоря уже о том, как она открывается.

В пирс стукнулся траулер, притянутый тугими тросами автошвартовщиков. Обмениваясь шутками, на берег спрыгнули люди. Я незамеченным добрался до тени крана. Ее лицо призрачно плыло во мраке. Бледная, волчья красота. Обрамлявшие его волосы как будто трещали от полузримой энергии.

– Умеешь ножом махать.

Я пожал плечами.

– Практика.

Она окинула меня взглядом.

– Синт-оболочка, сталь с биокодом. ДеКом?

– Нет. Ничего подобного.

– Ну, ты точно не… – ее задумчивый взгляд остановился, прикованный к месту, где куртка прикрывала рану. – Черт, тебя достали.

Я покачал головой.

– Не они. Уже давненько.

– Да? А по-моему, тебе не помешает медик. У меня есть

друзья, они могут…

– Ничего страшного. Я сброшу шкуру через пару часов.

Брови взлетели.

– Новая оболочка? Ну ладно, твои друзья покруче моих. Тогда мне будет непросто отплатить свой гири.

– Забей. За счет заведения.

– За счет *заведения*? – она изобразила глазами что-то такое, что мне понравилось. – Ты что, пересмотрел эксперий? В главной роли Микки Нозава? Робот-самурай с человеческим сердцем?

– Не припомню, чтобы такое видел.

– Нет? Было большое возвращение на экраны, лет десять назад.

– Пропустил. Меня давно не было.

Шумиха на другой стороне верфи. Я развернулся и увидел распахнутую дверь бара, силуэты в тяжелой одежде на фоне света из проема. Новые посетители, матросы с траулера, незваные гости на взрывной вечеринке. Мимо силуэтов прокатились крики и пронзительные рыдания. Женщина рядом со мной тихо напряглась, наклонив голову под углом одновременно чувственным и хищным, в какой-то невыразимой, ускоряющей пульс манере.

– Они вызовут помощь, – сказала она, и ее поза снова раскрылась, так же быстро и без суеты, как и натянулась. Теперь она как будто уплывала спиной в тень. – Я сваливаю. Слушай, э-э… Спасибо. Спасибо большое. Прости, если испортила вечер.

– Было бы что портить.

Она сделала еще пару шагов, потом остановилась. Сквозь кошачий концерт у бара и шум промывочной станции мне слышалось, как назревает что-то огромное – тонкий настойчивый вой за тканью ночи, ощущение сдвига возможностей, словно за кулисами встают по местам карнавальные чудовища. Свет и тени от опор над головой наложили на ее лицо раздробленную белую маску. Один глаз блеснул серебром.

– Есть где переночевать, Микки-сан? Ты сказал – пара часов. Что планируешь до этого времени?

Я развел руками. Заметил нож, убрал.

– Никаких планов.

– Никаких планов, а? – с моря не было ветра, но мне показалось, ее волосы шевельнулись. Она кивнула. – Значит, и никакого ночлега, правильно?

Я снова пожал плечами, борясь с накатывающей нереальностью отходняка с Г-гранаты, а может, и с чем-то еще.

– Примерно так.

– Итак. Твои планы – всю ночь играть в салочки с ТПД и

Бородатыми и надеяться еще раз в жизни увидеть солнце. Да?

– Эй, это тебе надо писать эксперию. Так рассказала, что мне уже почти не терпится приступить.

– Ага. Мы все тут гребаные романтики. Слушай, если нужно место переночевать, пока для тебя все подготовят твои навороченные друзья, могу помочь. Хочешь играть в Микки Нозаву на улицах Текитомуры – ну… – она снова склонила голову. – Посмотрю эту киношку, когда выпустят.

Я ухмыльнулся.

– До тебя далеко?

Ее глаза показали влево.

– Туда.

Из бара – плач безумных, один голос, вопящий о крови и святом возмездии.

Мы скрылись среди кранов и теней.

Глава третья

Комптё светился – склонившиеся к воде пирсы из вечного бетона, мешанина ламп Ангьера вокруг осевших ховерлодеров на привязи. Суда улеглись в опавших юбках на тросах автошвартовщиков, как вытащенные на берег слоновые скаты. На их ярких боках поблескивали открытые погрузочные люки, по пирсам туда-сюда сновали раскрашенные иллюминием машины, вознося к небу вильчатые руки, полные железа. Постоянный фон из шума двигателей и криков, заглушавших отдельные голоса. Как будто кто-то взял яркое скопление вокруг промывочной станции в четырех километрах к востоку и вырастил до огромной вирусной опухоли. Комптё светом и грохотом жрал ночь по всем направлениям.

Мы пробирались через путаницу машин и людей по набережной за разгрузочными пирсами. На первых этажах домов у верфи – розничные дискаунтеры с проходами, забитыми железом от пола до потолка, светили бледным неоном, смешиваясь с аляповатым блеском баров, борделей и клиник имплантации. Все двери открыты, за ступенькой помещения, в большинстве случаев шириной с сам дом. Вливались и выливались группки покупателей. Машина передо мной резко развернулась, сдавая назад груз умных бомб Пилсудского «земля-земля» и громко вереща «до-*рогу*, до-*рогу*, до-*рогу*». Кто-то меня обошел, с улыбкой на полуметаллическом лице.

Она провела меня в один из салонов по имплантации, мимо восьми рабочих кресел, где сидели, скрежеща зубами, поджарые мужчины и женщины, наблюдая в длинном зеркале напротив и гроздьях мониторов с крупными планами, как их аугментируют. Наверняка это не так уж больно, но вряд ли весело смотреть, как режут, свежуют и отбрасывают твою плоть, чтобы освободить место для какой-нибудь вставной игрушки, которую, по словам спонсоров, в этом сезоне носят *все* команды деКома.

Она остановилась у одного из кресел и посмотрела в зеркало, куда еле влезал лысый великан. Ему делали что-то с костями правого плеча – на окровавленное полотенце на груди откинулся шмат шеи. В обнаженном месиве беспокойно напрягались углеродно-черные шейные мышцы.

– Привет, Орр.

– О! Сильви! – зубы великана не скрежетали, взгляд был слегка рассеянным от эндорфинов. Он лениво поднял руку с нетронутой стороны и стукнулся кулаками с женщиной. – Как дела?

– Погуляла. Уверен, что заживет к утру?

Орр ткнул большим пальцем в сторону.

– Иначе я сделаю то же самое с этим костоправом. Только без анестезии.

Оператор имплантатора натянуто улыбнулся и продолжил заниматься своим делом. Он все это уже слышал. Глаза великана переместились в зеркале на меня. Если он и заметил на мне кровь, она его не беспокоила. Впрочем, он и сам был не особенно чистеньким.

– Что за синт?

– Друг, – сказала Сильви. – Поговорим наверху.

– Десять минут, – он бросил взгляд на оператора. – Правда же?

– Полчаса, – сказал оператор, весь в трудах. – Тканевому клею нужно время, чтобы схватиться.

– Блин, – великан метнул взгляд в потолок. – Куда же делся «Урусифлэш». Схватывался за секунду.

Оператор все еще погружен в работу. Полая игла издавала тонкие звуки всасывания.

– Сам, ты просил по стандартному тарифу. При таких расценках – никакого военного биохима.

– Ладно, твою налево, сколько надо докинуть за делюкс?

– Минимум на пятьдесят процентов больше.

Сильви рассмеялась.

– Забей, Орр. У тебя уже почти все. Даже дорфы посмаковать не успеешь.

– Да ну на хер, Сильви. Я тут помираю со скуки, – великан лизнул большой палец и протянул. – Слышь, снимай.

Оператор имплантатора поднял взгляд, чуть пожал плечами и отложил инструменты на поднос.

– Ана, – позвал он. – Неси «Урусифлэш».

Когда медсестра закопалась в бокс с новыми биохимикатами, оператор выбрал из бардака на полке под зеркалом ДНК-ридер и провел впитывающим концом по пальцу Орра. Закрытый сверху дисплей приборчика засветился и замерцал. Оператор взглянул на Орра.

– После этой транзакции уйдешь в минус, – тихо сказал он.

Орр сверкнул глазами.

– А ты не переживай. Если вылечу завтра, все будет на мази, и ты сам это знаешь.

Оператор помялся.

– Именно *потому*, что ты вылетаешь завтра, – начал он, – я и…

– Да чтоб тебя. Глянь экран спонсора, а. «Фудзивара Гавел».

«Новый век – безопасный Новый Хок». Мы не какая-то левая команда, которую ноги кормят. Если не вернусь, тебе все покроет энка. И ты сам это знаешь.

– Я не…

Обнаженные мышцы в шее Орра вздыбились.

– Ты мне кто, *бухгалтер*? – он привстал на кресле и впился глазами в лицо оператора. – Просто *проводи*, понял? И раз уж отвлекся, отсыпь мне военных эндорфинов. Оставлю на потом.

Мы еще были рядом, когда оператор имплантатора сдался, затем Сильви подтолкнула меня локтем.

– Мы наверху, – сказала она.

– Ага, – великан разулыбался. – Десять минут.

Наверху были спартанские комнаты, свернувшиеся кольцом вокруг зала, который был одновременно и кухней, и гостиной с окнами на верфь. Хорошая звукоизоляция. Сильви стряхнула куртку и набросила на спинку кресла-лежака. Оглянулась на меня, двинувшись в кухонную часть.

– Чувствуй себя как дома. Туалет там, сзади, если надо привести себя в порядок.

Я понял намек, смыл кровищу с рук и лица в крошечной раковине с зеркальцем и вернулся в главную комнату. Она была у кухонной стойки, копалась в шкафчиках.

– Вы правда с «Фудзиварой Гавелом»?

– Нет, – она нашла бутылку и вскрыла, другой рукой взяла в щепоть два стакана. – Мы какая-то левая команда, которую ноги кормят. И это мягко сказано. Просто у Орра знакомая инфокрыса подкопалась к кодам доступа ФГ. Выпьешь?

– А что это?

Она посмотрела на бутылку.

– Фиг знает. Виски.

Я протянул руку за стаканом.

– Такой подкоп и сам по себе немало стоит.

Она покачала головой:

– Дополнительные льготы деКома. Мы прошиты для преступности круче долбаных чрезвычайных посланников. У нас техники для электронного взлома до жопы, – она протянула мне стакан и налила нам обоим. Легкий звон горлышка бутылки о стенку бокала каждый раз разносился в тишине комнаты. – Последние тридцать шесть часов Орр гулял в городе, трахался и химичился на одни только кредиты и обещания энка. И так каждый раз перед вылетом. Видимо, считает это видом искусства. Будем.

– Будем, – виски оказался очень крепким. – Ух-х. Долго с ним в команде?

Она странно на меня посмотрела.

– Достаточно. А что?

– Прости, привычка. Раньше мне платили за сбор местной информации, – я снова поднял стакан. – Значит, за удачное возвращение.

– Такой тост – к беде, – она не подняла стакан. – Тебя правда давно не было, да.

– Прилично.

– Не против рассказать?

– Только если сперва присядем.

Мебель оказалась дешевой, даже без автоподстроя. Я аккуратно опустился на кресло. Рана на боку, кажется, затягивалась, насколько позволяла синт-плоть.

– Итак, – она села напротив и смахнула волосы с лица. Пара толстых прядок напряглась и слегка затрещала. – Сколько ты отсутствовал?

– Лет тридцать, плюс-минус.

– Еще до Бородатых, а?

Внезапная горечь.

– До самого жесткого, да. Но насмотрелся на подобное в других местах. Шария. Латимер. Местами Адорасьон.

– О. *Сколько* названий.

Я пожал плечами.

– Жизнь помотала.

За спиной Сильви со скрипом сложилась дверь и в комнату вошла, зевая, субтильная женщина, с дерзким видом, одетая в наполовину расстегнутый легкий облегающий костюм из полисплава черного цвета. Заметив меня, она склонила голову набок и облокотилась на спинку кресла Сильви, изучая меня с беспардонным любопытством. На ее ежике были выбриты иероглифы кандзи.

– Гости?

– Рада слышать, что ты наконец поставила обновления видоискателя.

– *Пошла* ты, – она лениво щелкнула Сильви по волосам жирно накрашенными ногтями, улыбнувшись, когда пряди с потрескиванием избежали прикосновения. – Кто это? Для отпускных романов поздновато, нет?

– Это Микки. Микки, познакомься с Ядвигой, – субтильная женщина поморщилась при полном имени, изобразила губами только первый слог «Яд». – И Яд. Мы не трахаемся. Он просто пережидает у нас.

Ядвига кивнула и отвернулась, тут же потеряв всякий интерес. На затылке иероглифы кандзи сложились в «Только,

блин, не промахнись».

– «Дрожь» еще осталась?

– Кажется, вы с Лазом закинули все вчера ночью.

– *Все?*

– Господи, Яд. Меня-то не приглашали. Поищи в коробке на окне.

Ядвига пружинистой походкой танцовщицы подошла к окну и опрокинула упомянутую коробку. В ладонь выпала крошечная ампула. Она подняла ее на свет и поболтала, бледно-красная жидкость на дне заколыхалась.

– Ну, – сказала она задумчиво, – на пару раз хватит. Обычно я предлагаю угоститься, но…

– …но собираешься все зажилить себе, – предсказала Сильви. – Старое доброе гостеприимство Ньюпеста. Каждый раз смешно.

– Кто бы говорил, сучка, – ответила Ядвига без обиды в голосе. – Сколько раз, не считая миссий, ты соглашалась подключить нас к своему причесону?

– Это разные ве…

– Нет, это *лучше*. Знаешь, для Отреченки ты слишком жмотишься со своими мощностями. Киёка говорит…

– Киёка ни фига не…

– Девочки, *девочки*, – я поднял руки, разорвав трос перепалки, притягивавший Ядвигу с другого конца комнаты обратно к Сильви по паре легких шагов за реплику. – Все в порядке. Я сам не в настроении для рекреационных веществ.

Лицо Яд осветилось.

– Вот видишь, – сказала она Сильви.

– Хотя если Орр смилостивится и поделится эндорфинами, когда поднимется, буду благодарен.

Сильви кивнула, не отворачиваясь от напарницы. Очевидно, она все еще была раздражена – то ли из-за нарушения хозяйского этикета, то ли из-за упоминания ее религиозной истории. Я не понял, почему именно.

– Орр при *эндорфинах*? – громко переспросила Ядвига.

– Да, – сказала Сильви. – Он внизу. Его кромсают.

Яд хмыкнула.

– Жертва моды, блин. Ничему не научился, – она скользнула рукой в расстегнутый костюм и извлекла глазной шприц. Пальцы, наученные до автоматизма привычкой, прикрутили механизм на горлышко ампулы; затем она закинула голову и с той же рефлекторной ловкостью раздвинула веки глаза и направила пипетку. Натянутая стойка тут же размякла, по телу с головы до пят пробежал характерный трепет наркотика.

«Дрожь» – довольно безобидная игрушка, примерно на шесть десятых аналог бетатанатина, разбавленный парой долей экстракта такэ, после чего каждодневные домашние вещи кажутся завораживающими, как во сне, а совершенно невинные разговорные гамбиты – уморительными до коликов. Прикольно, если это принимают все в комнате, раздражающе – для всех исключенных. В основном он просто замедляет, чего, полагаю, и хотела Яд, как и большинство деКомовцев.

– Ты из Ньюпеста? – поинтересовался я.

– Мм-мм.

– Как там теперь?

– О. Чудесно, – плохо сдерживаемая ухмылка. – Самое красивое болото в южном полушарии. Обязательно для посещения.

Сильви придвинулась.

– А ты оттуда, Микки?

– Да. Очень давно там не был.

Дверь квартиры чирикнула и раздвинулась, чтобы впустить Орра, голого по пояс, правое плечо и шея щедро замазаны оранжевой спайкой для тканей. Он усмехнулся, увидев Ядвигу.

– Уже бодрствуешь, да? – Он вошел и бросил кучу шмоток на кресло рядом с Сильви, которая поморщила нос.

Яд покачала головой и поболтала перед великаном пустой ампулой.

– Сплю. Определенно сплю. В коматозном состоянии.

– Тебе никто не говорил, что у тебя проблемы с зависимостью, Яд?

Субтильная девушка захихикала, так же плохо скрывая это, как и предыдущую ухмылку. Усмешка Орра расширилась. Он изобразил трясучку и дергающееся тупое лицо наркомана. Ядвига покатилась со смеху. Он оказался заразным. Я заметил улыбку на лице Сильви и поймал себя на том, что тоже усмехнулся.

– Ну и где Киёка? – спросил Орр.

Яд кивнула на комнату, из которой вышла.

– Спит.

– Лазло все еще гоняется за той снайпершей с декольте, да?

Сильви подняла голову.

– Чего-чего?

Орр моргнул.

– Ну эта. Тамсин, Тамита, как там ее. Которая из бара на Муко, – он вытянул губы и поджал друг к другу грудные мышцы обеими руками, затем сморщился и остановился – движение отозвалось в прооперированном плече. – Сразу перед тем, как ты свалила в одиночку. Господи, да ты же там *была*. Я и не думал,

что такое тело можно забыть.

– Сильви не оснащена для отслеживания вооружения такого типа, – ухмыльнулась Ядвига. – Нет потребительского интереса. А вот *я*…

– Ребят, а вы не слышали про цитадель? – небрежно поинтересовался я. Орр хмыкнул.

– Да, застал внизу новости. Похоже, какой-то псих завалил половину старших Бородатых в Текитомуре. Говорят, стеки пропали. Похоже, он их просто вырезал из позвоночников, будто всю жизнь этим занимается.

Я заметил, как глаза Сильви проскользили по комнате к карману моей куртки, потом встретились с моим взглядом.

– Дикость какая, – сказала Ядвига.

– Да, но на фига, – Орр завладел бутылкой на кухонной стойке. – Они все равно не могут переоблачаться. Для них это вопрос веры.

– Гребаные фрики, – Ядвига пожала плечами и потеряла интерес. – Сильви говорит, ты надыбал внизу дорфов.

– Да, это правда, – великан с преувеличенной осторожностью налил себе стакан виски. – Спасибо.

– Ай-й-й, *Орр*. Ну *брось*.

* * *

Позже, когда свет выключили и все в квартире расслабились до почти летаргического уровня, Сильви оттолкнула уснувшую Ядвигу с кресла-лежака и наклонилась туда, где сидел я и наслаждался отсутствием боли в боку. Орр давно улизнул в другую комнату.

– Это все ты? – спросила она тихо. – Цитадель?

Я кивнул.

– По какой-то причине?

– Да.

Короткая пауза.

– Итак, – сказала она наконец, – значит, это не такое уж благородное спасение в духе Микки Нозавы, как мне показалось? Ты и без того был на взводе.

Я улыбнулся, слегка заторможенный от эндорфинов.

– Зови это судьбой.

– Ну ладно. Микки Судьба, звучит неплохо, – она по-совиному нахмурилась в глубину стакана, который, как и бутылка, уже какое-то время был пуст. – Надо сказать, нравишься ты мне, Микки. Сама не пойму почему, пальцем бы показать не

смогла. Но все-таки. Нравишься.

– И ты мне.

Она покачала пальцем – наверное, тем самым, которым не могла показать на мои достоинства.

– У нас не. Про. Секс. Понимаешь?

– Понимаю. Ты что, не видела, какого размера у меня дырка в ребрах? – я сонно покачал головой. – Конечно, видела. Спектрохимический чип зрения, да?

Она благодушно кивнула.

– Ты правда из семьи Отрекшихся?

Кислая мина.

– Да. «Из» тут ключевое слово.

– Они тобой не очень гордятся? – я показал на ее волосы. – Я думал, это считается большим шагом на пути к Загрузке. Если размышлять логически…

– Ага, логически. Мы говорим о религии. В Отрекшихся не больше смысла, чем в Бородатых, если начистоту.

– Значит, они не дружат с техникой?

– Мнения разделились, – сказала она с наигранной деликатностью. – Радикальные стремящиеся не в восторге: им не нравится все, что крепко привязывает искусственные системы к физическому бытию. Крыло ждущих просто хочет жить в мире со всеми. Говорят, как ты подметил, что любой виртуальный интерфейс – шаг на пути. Они не надеются, что Загрузка случится при их жизни; мы все лишь прислужники процесса.

– И из которых твои родители?

Сильви снова поерзала на кресле-лежаке, нахмурилась и еще раз подвинула Ядвигу.

– Были умеренными ждунами, в этой вере я и росла. Но в последние пару десятков лет, из-за Бородатых и всего антиперерожденческого движения, многие умеренные перекинулись в радикальнейших стремов. Мать, наверное, тоже склонилась к этому. Она всегда была набожной, – Сильви пожала плечами. – На самом деле не представляю. Много лет не бывала дома.

– Вот как, а?

– Да, вот так. А смысл. Все, что им от меня надо, – женить на каком-нибудь приличном местном, – она фыркнула от смеха. – Как будто есть какие-то шансы, пока я с этой штукой.

Я слегка приподнялся, квелый от наркотиков.

– С какой штукой?

– *Этой*, – она дернула себя за прядь волос. – Этой херней.

Волосы в руке тихо затрещали, пытаясь вырваться, словно тысячи змеек. Под спутанной черно-серебряной массой незаметно

двигались толстые кабели, как мышцы под кожей.

Командный инфотех деКома.

Я уже видел парочку таких – прототип на Латимере, где новая марсианская индустрия машинных интерфейсов привела к рывку в научных разработках. Еще парочкой пользовались саперы на Доме Хань. Военные время не теряют, когда речь идет о том, чтобы извратить передовые технологии себе на благо. Логично. Нередко они сами и оплачивают науку.

– Не сказать, что это непривлекательно, – осторожно выразился я.

– Ну *конечно*, – она расчесала волосы и выловила центральный кабель, пока он не повис с остальными – темная змея в зажатом кулаке. – Просто загляденье, да? Ведь *любой* мужик в здравом уме только и мечтает, как бы заняться любовью, пока возле его головы по подушке шлепает хрен вдвое длиннее его собственного, ага? Одновременно страх перед членомеркой и гомофобия, два в одном.

Я махнул рукой.

– Ну, женщины…

– Ага. К сожалению, я натуралка.

– А.

– Ага. – Она отпустила кабель и тряхнула головой, чтобы серебристая шевелюра легла как прежде. – «А».

Век назад их было трудней заметить. Военные офицеры-системщики проходили длительную виртуальную тренировку, чтобы применять груду железа, встроенного им в голову, но железо было внутренним. А внешне профи по взаимодействиям с машинами никогда не отличались от любой человеческой оболочки – может, конечно, они были чахлые после долгого времени в поле, но так бывает с любой инфокрысой от переработки. Говорят, с этим учишься жить.

Археологические находки у системы Латимер изменили все. Впервые почти за шестьсот лет раскопок по всем межзвездным задворкам марсиан Гильдия наконец сорвала джекпот. Они нашли корабли. Сотни, а возможно, и тысячи кораблей на безмолвной паутине древних парковочных орбит вокруг маленькой второстепенной звезды под названием Санкция. Судя по данным, это были остатки гигантского морского боя, и у некоторых судов имелись звездные двигатели по меньшей мере быстрее скорости света. Судя по другим данным – особенно уничтожению всего исследовательского поселения Археологической гильдии и его семисот с чем-то жителей, – интеллектуальные системы кораблей были автономны и вполне в рабочем состоянии.

До этого единственными по-настоящему автономными машинами, доставшимися нам от марсиан, были орбитальные стражи Харлана, и к ним никак не подобраться. Все остальное можно было назвать автоматизированным, но умным – с натяжкой. А теперь археологам – специалистам по системам – вдруг пришлось вступить во взаимодействие со сложными командными интеллектами флота, возраст которого оценивался приблизительно в миллион лет.

Требовался какой-то научный прогресс. Явно.

И этот прогресс теперь сидел напротив меня, делил со мной кайф от военного эндорфина и таращился в пустой стакан из-под виски.

– А зачем ты подписалась? – спросил я, чтобы заполнить тишину.

Она пожала плечами.

– А зачем остальные подписываются на эту хрень? Ради денег. Думаешь, что отобьешь ипотеку оболочки в первые же операции, а потом просто будешь грести кредиты лопатой.

– А на самом деле нет?

Кривая улыбка.

– На самом деле да. Но, понимаешь, в комплекте идет новый образ жизни. Ну и, конечно, стоимость обслуживания, апгрейдов, ремонта. Странно, но деньги будто сквозь пальцы утекают. Заработал – тут же прожег. Трудно накопить, чтобы выбраться.

– Инициатива не продлится вечно.

– Нет? Знаешь ли, там еще полконтинента нужно очистить. Кое-где мы едва отошли от Дравы на сотню километров. И даже при этом приходится постоянно убирать там, где ты уже прошел, чтобы миминты не лезли назад. Сейчас говорят минимум о еще десятке лет, прежде чем можно начать перезаселение. И я тебе так скажу, Микки, лично мне кажется, что это оптимистичное крабье говно, чисто для общественного употребления.

– Да брось. Новый Хок не такой уж большой.

– Ну, сразу видно внепланетника, – она высунула язык в жесте, в котором было больше вызова в духе маори, чем ребячества. – Может, по твоим стандартам не очень большой – уверена, там, где ты бывал, все континенты в пятьдесят тысяч километров. А здесь немного по-другому.

Я улыбнулся.

– Я родом *отсюда*, Сильви.

– Ах, да. Ньюпест. Ты же говорил. Ну и не рассказывай, что Новый Хок – маленький континент. Не считая Кошута, он самый большой.

На самом деле в Миллспортском архипелаге суши было

больше и чем в Кошуте, и чем в Новом Хоккайдо, но, как на большинстве островных групп, которые составляют доступную площадь Харлана, почти все занимает неосваиваемая горная территория.

Логично предположить, что на единственной в этой солнечной системе планете с обитаемой биосферой, на девять десятых покрытой водой, люди будут *осторожны* с недвижимостью. Логично предположить, что они выработают разумный подход к распределению и использованию земли. Логично предположить, что они не развяжут дурацкие войнушки на огромных площадях полезной территории, не применят оружие, которое сделает землю недоступной для заселения в будущие века.

Ну ведь *логично*, да?

– Я иду спать, – промямлила Сильви. – Завтра тяжелый день.

Я взглянул в окна. Снаружи проклевывался рассвет над лампами Ангьера, которые размазывали его до бледно-серого.

– Сильви, уже «завтра».

– Ага, – она встала и потянулась до хруста. Ядвига на кресле-лежаке что-то невнятно пробормотала и разложила конечности на месте, освободившемся после Сильви. – Ховер не поднимется до обеда, а у нас еще гора тяжелого оборудования для погрузки. Слушай, если надо выспаться – пользуйся комнатой Лаза. Вряд ли он вернется. Слева от туалета.

– Спасибо.

Она блекло улыбнулась.

– Эй, Микки. Это меньшее, что я могу. Спокойной.

– Спокойной.

Я смотрел, как она убрела в свою комнату, проверил чип времени и решил не спать. Еще час – и можно возвращаться к Плексу, не помешав тому танцу Но, который устроили его приятели-якудза. Я задумчиво окинул взглядом кухню и подумал насчет кофе.

И это была моя последняя сознательная мысль.

Гребаные синт-оболочки.

Глава четвертая

Разбудил меня грохот. Кто-то слишком увлеченный веществами забыл, как пользоваться складной дверью, и прибегнул к неандертальским тактикам. *Бум, бум, бум*. Я продрал слипшиеся глаза и с трудом сел на кресле. Ядвига по-прежнему валялась напротив, судя по виду, все еще в коме. Из уголка ее рта сбегала тонкая нитка слюны и смачивала протертую белахлопковую обивку лежака. Из окна в комнату струился яркий солнечный свет, от которого воздух в кухонном пространстве словно подернулся дымкой. Как минимум позднее утро.

Блин.

Бам, *бам*.

Я встал, и в боку ржаво вспыхнула боль. Похоже, пока я спал, эффект эндорфинов Орра сошел на нет.

Бам, бам, бам.

– *Какого* у вас там?.. – крикнул кто-то из комнаты. От звука голоса на кресле зашевелилась Ядвига. Открыла один глаз, увидела, как над ней стою я, и суетливо вскочила в какую-то боевую защитную стойку, потом слегка расслабилась, вспомнив, кто я.

– Дверь, – сказал я с глупым видом.

– Да-да, – проворчала она. – Слышу. Если это опять мозготрах Лазло забыл код, он напрашивается на пендель в пах.

Долбежка прекратилась – возможно, из-за наших голосов. Теперь она возобновилась. Я почувствовал острый приступ боли в виске.

– Да вы там все *оглохли*, что ли?! – женский голос, но его я раньше не слышал. Предположительно, Киёка, которая наконец проснулась.

– *Сейчас!* – проорала Ядвига в ответ, ковыляя по комнате. Ее голос опустился до бормотания. – А кто-нибудь пошел проверить погрузку? Нет, куда там. Да, да. *Иду*.

Она с силой нажала на панель, и дверь сложилась наверх.

– У тебя что, проблемы с координацией, дятел? – едко осведомилась она у того, кто был снаружи. – Мы тебя и в первые девяносто семь раз отлично слы… *Эй!*

Короткая схватка, затем Ядвига влетела назад в комнату, еле сохраняя равновесие. За ней вошел человек, который бил, и одним профессиональным взглядом окинул комнату, поприветствовал меня едва заметным кивком и укоризненно покачал пальцем Яд. Уродливая ухмылка модных заостренных зубов, матово-желтые линзы улучшенного зрения в сантиметр

высотой и расправившая крылья татуировка на скулах.

Несложно было догадаться, кто войдет следующим. Через порог переступил Юкио Хираясу. За ним последовал второй головорез, похожий на оттолкнувшего Яд, как клон, только без улыбки.

– Ковач, – Юкио вдруг заметил меня. Его лицо было перекошенной маской еле сдерживаемой злости. – Какого конкретно *хера* ты тут делаешь?

– Я думал, это моя реплика.

Периферийным зрением я заметил, как легко дрогнуло лицо Ядвиги, словно от внутренней трансляции.

– Тебе же *сказали*, – сорвался Юкио, – не путаться под ногами, пока мы не будем готовы. Не лезть в неприятности. Это что, так охренительно сложно?

– Это и есть твои могущественные друзья, Микки? – растянутый голос Сильви из двери слева от меня. Она стояла в халате и с любопытством осматривала новоприбывших. Чувство расстояния подсказало, что где-то позади появились Орр и кто-то еще. Я увидел отражение движения в линзах клонов-бойцов Юкио и то, как слегка напряглись под матовым стеклом их лица.

Я кивнул.

– Можно сказать и так.

Глаза Юкио метнулись на женский голос, и он нахмурился. Может, его сбило с толку имя Микки; может, невыгодное соотношение «три к пяти», которого он не ожидал.

– Ты знаешь, кто я, – начал он. – Так что давай не усложня…

– Я не знаю, что ты за хрен с горы, – ровно ответила Сильви. – Но знаю, что ты у нас без приглашения. Так что лучше просто уходи.

На лице якудза вспыхнул шок.

– Вот именно, *вали* отсюда, – Ядвига резко подняла руки в движении где-то между боевой стойкой и неприличным жестом презрения.

– Яд… – начал я, но атмосфера уже раскалилась.

Яд замахнулась, выставив подбородок, явно собираясь в отместку вытолкать головореза якудзы в дверь. Боец с прежней улыбкой поднял руки. Яд одурачила его, *очень* быстро увильнула и повалила приемом дзюдо. Кто-то позади меня вскрикнул. Затем Юкио неторопливо извлек маленький черный бластер на заряженных частицах и застрелил Яд.

Она упала, на миг освещенная бледной вспышкой выстрела. По комнате прокатился запах жареного мяса. Все остановилось.

Наверное, я двинулся вперед, потому что второй як встал передо мной, на лице шок, в обеих руках гладкоствольные

пистолеты «Сегед». Я замер, предостерегающе поднял перед собой пустые руки. На полу другой бандит пытался встать и споткнулся об останки Яд.

– Вот, – Юкио оглядел комнату, помахивая бластером в основном в сторону Сильви. – И хватит на этом. Не знаю, что у вас тут творится, но…

Сильви выплюнула всего одно слово.

– Орр.

В замкнутом пространстве снова раздался гром. На этот раз ослепительный. Мне показалось, мимо меня пронеслись распадающиеся сгустки белого огня, врезались в Юкио и бойца передо мной, в человека, который все еще поднимался с пола. Боец раскинул руки, словно пытаясь поймать разряд, угодивший ему в грудь. Широко распахнул рот. Непроницаемые линзы переливчато полыхнули из-за отраженной вспышки.

Пламя затухло, разваливаясь на пятна фиолетового цвета, впитывающиеся в мои глаза. Я проморгался, ухватывая детали.

От бойца осталось две половины на полу, по-прежнему с «Сегедами» в каждом кулаке, от которых к моему лицу поднимался дымок. Излишки разряда приварили руки к оружию.

Тот, что поднимался, так и не преуспел. Он снова лежал рядом с Яд – вернее, его нижняя часть.

В Юкио была дыра, которая лишила его практически всех внутренних органов. Обугленные ребра торчали в верхней половине идеально овальной раны, через которую был виден плиточный пол, на котором он лежал, словно при дешевом спецэффекте в эксперии.

Комнату заполнила резкая вонь опустошенного кишечника.

– Ну. Кажись, сработало.

Мимо меня прошел Орр, разглядывая, очевидно, своих рук дело. Он все еще был раздет по пояс, и я увидел вертикальную линию прорвавшихся отверстий-раструбов для отдачи с одной стороны спины. Они были похожи на гигантские жабры, все еще трепещущие по краям от остывающего жара. Он подошел к Ядвиге и присел.

– Луч узкий, – поставил он диагноз. – Выжег сердце и пол правого легкого. Тут ничего не поделаешь.

– Кто-нибудь, закройте дверь, – попросила Сильви.

* * *

Военный совет оказался довольно стремительным. У команды деКома за спиной уже была пара лет операций в тесной связи, и

они переговаривались рубленым языком, основанным как на сокращениях, так и на внутренних трансляциях и резких жестах. Даже благодаря усиленной до упора интуиции чрезвычайных посланников я едва за ними успевал.

– Сообщим? – хотела знать Киёка – худощавая женщина, похоже, в выращенной на заказ оболочке маори. Она поглядывала на Ядвигу на полу и кусала губы.

– Кому? – возразил Орр быстрым жестом большим пальцем и мизинцем. Второй рукой провел по тату на лице.

– О. А он?

Сильви что-то изобразила на лице, низко махнула рукой. Я не понял, но догадался и встрял.

– Они пришли за мной.

– Быть того не может, – Орр смотрел на меня с чувством, задевающим открытую враждебность. Отверстия в его спине и груди заросли, но, взглянув на массивное мускулистое тело, легко было представить, как они разрываются от выстрела снова. – Хорошие у тебя друзья.

– Не думаю, что они перешли бы к агрессии, если бы Яд не бросилась. Это недоразумение.

– Недора… *охерел*, – глаза Орра расширились. – Яд *мертва*, гондон.

– Не настоящей смертью, – упорно возражал я. – Можно ее вскрыть, извлечь стек и…

– Вскрыть? – слово прозвучало смертельно мягко. Он сделал шаг, надвинулся. – Предлагаешь мне *резать* подругу?

Проигрывая в памяти местоположение оружейных труб, я предположил, что большая часть правого бока была протезом с пятью стволами, которые запитывал агрегат где-то в нижней части грудной клетки. Учитывая недавние достижения в нанотехе, на ограниченном расстоянии большие сгустки энергии можно послать почти куда угодно. А нанорулевые осколки просто катились на разряде, как серферы, всасывая его силу и волоча за собой сдерживающее поле туда, куда их направили данные запуска.

Я отметил про себя уйти влево в случае драки.

– Прости. Другого решения я не вижу.

– Ты…

– Орр. – Сильви рубанула в воздухе вбок. – Срач – место, *время*, – она покачала головой. Очередной знак – пальцы раздвигают большой и указательные пальцы другой руки. По ее лицу мне показалось, что одновременно она прогоняет информацию по командной сети. – Схрон, тот же. Три дня. Кукла. *Сейчас* – сжечь.

Киёка кивнула.

– Норм, Орр. Лаз? Ой.

– Ладно, можно, – Орр не подключился до конца. Он все еще был зол, говорил медленно. – Да, в смысле – хорошо.

– Экип? – снова Киёка с каким-то сложным загибом пальцев на одной руке и наклоном головы. – На фиг?

– Нет, успеваем, – Сильви подняла перед собой ладонь. – Орр и Микки. Спок. Ты налегке. Это, это, мож, это. Все.

– Есть, – Киёка говорила и проверяла ретинальный дисплей, подняв глаза вверх и влево, проглядеть сброшенную Сильви информацию. – Лаз?

– Рано. Я скажу. *Вперед*.

Женщина в оболочке маори исчезла у себя в комнате и показалась через секунду, натягивая объемную серую куртку. Она вышла в главную дверь. Позволила себе последний взгляд через плечо на труп Ядвиги, затем скрылась.

– Орр. Режем. – Большой палец на меня. – «*Гевара*». Великан одарил меня последним обжигающим взглядом и ушел к ящику в углу комнаты, откуда достал тяжелый вибронож. Вернулся и встал передо мной с оружием – специально на долю секунды дольше необходимого, чтобы я напрягся. Только очевидное обстоятельство – что Орру не нужен нож, чтобы меня раздавить, – удержало меня от броска. Моя физическая реакция наверняка оказалась заметной, потому что великан презрительно хмыкнул. Затем крутанул нож в руке и протянул мне рукояткой.

Я взял.

– Хочешь, чтобы я?

Сильви подошла к трупу Ядвиги и оценивала ущерб.

– Вырежи стеки у двух своих друзей, да. Думаю, ты умеешь. Яд можешь оставить.

Я моргнул.

– Вы ее бросите?

Орр снова фыркнул. Женщина взглянула на него и описала рукой спираль. Он подавил вздох и ушел в свою комнату.

– О Яд позабочусь я сама, – ее лицо затуманила отрешенность, она работала на уровнях, которые я не чувствовал. – Просто режь. А пока ты занят, не хочешь рассказать, кого мы поубивали?

– Конечно, – я подошел к телу Юкио и перевернул на остатки груди. – Это Юкио Хираясу – местный як, но, видимо, сын кого-то важного.

Нож в руке с жужжанием ожил, вибрация неприятно отдалась даже в ране на боку. Я стряхнул зудящую дрожь, прижал затылок Юкио рукой, чтобы не дергался, и врезался в хребет.

Смешавшиеся запахи обугленного мяса и говна не помогали.

– А второй? – спросила она.

– Расходная шестерка. Впервые его вижу.

– Стоит брать с нами?

Я пожал плечами.

– Это лучше, чем просто оставить. Можно выкинуть по дороге на Новый Хок. А этого я бы на твоем месте приберег для выкупа.

Она кивнула.

– Так и думала.

Нож прогрыз последние миллиметры позвоночного столба и легко вошел в горло. Я выключил, сменил хват и начал резать заново, парой позвонков ниже.

– Это якудза-тяжеловесы, Сильви, – я похолодел, вспоминая телефонный разговор с Танаседой. Семпай заключил сделку исключительно при условии благополучия Юкио. И он доходчиво объяснил, что произойдет в обратном случае. – Со связями в Миллспорте, может, и с Первой Семьей. Они придут за вами во всеоружии.

Ее глаза оставались нечитаемыми.

– За тобой тоже придут.

– Об этом позабочусь я сам.

– Очень щедро. Но… – она осеклась, когда Орр вернулся из комнаты одетый и направился с коротким кивком на выход, – … думаю, у нас все под контролем. Ки стирает наши электронные следы. Орр спалит все комнаты за полчаса. Им ничего не останется, кроме…

– Сильви, мы говорим о якудза.

– …кроме свидетелей, периферийной видеоинфы, и плюс уже через два часа мы будем на пути в Драву. А туда за нами никто не пойдет, – в ее голосе послышалась внезапная гордость. – Ни якудза, ни Первые Семьи, ни даже сраные чрезвычайные посланники. Перед мимингами ссутся все.

Как всегда бывает с похвальбой, она оказалась неуместна. Например, полгода назад я слышал от друга, что командование Корпуса *участвовало* в тендере на контракт на Новом Хоккайдо – просто у них оказались слишком нескромные запросы для возрожденной веры правительства Мексека в силу освобожденного рынка. Ухмылка на худом лице Тодора Мураками, когда мы делили трубку на пароме из Акана в Новую Канагаву. Благоухающий дым на зимнем воздухе Предела, мягкое урчание водоворота на заднем фоне. Мураками отпустил остриженные в Корпусе волосы, и ветер с воды играл ими. Он не должен был там находиться и беседовать со мной, но посланникам трудно запрещать. Они знают, чего стоят.

– Эй, на хрен Лео Мексека. Мы назвали ему цену. Он не потянул, так чья это проблема? Нам что, делать скидки и подвергать угрозе жизни солдат, чтобы он вернул Первым Семьям какие-нибудь налоги? Да ну хрен. Мы же не местные.

– Ты местный, Тод, – не удержался я. – *Родился и вырос в Миллспорте.*

– Ты отлично меня понял.

Я отлично его понял. Местное правительство не смеет давить на Корпус чрезвычайных посланников. Корпус идет туда, куда посылает Протекторат, и большинство местных правительств молятся всем тем богам, которых к себе допускают, чтобы не было необходимости отправлять подобный народ к ним. Последствия вмешательства посланников могут быть весьма неприятными для всех вовлеченных.

– С этими тендерами вообще какая-то задница. – Тодор выпустил дым над перилами. – *Никто нас не может себе позволить, никто нам не доверяет. Я не врубаюсь, на хрена вообще участвовать, а ты?*

– Я думал, чтобы компенсировать неоперационные расходы, пока вы, ребята, сидите на жопе ровно.

– Ну да. Когда это мы сидим?

– В смысле? Я слышал, сейчас везде все спокойно. Со времен Дома Хань, в смысле. Что, расскажешь какие-нибудь байки про тайные мятежи?

– Эй, сам. – Он передал мне трубку. – Ты *больше не с нами. Забыл?*

Я не забыл.

Инненин!

Он взорвался на краю памяти, как бомба «Мародер» вдали, но не так далеко, чтобы быть в безопасности. Красный лазерный огонь и крики умирающих, разум которых поедает заживо вирус Роулинга.

Я поежился и затянулся трубкой. С чувствительностью посланника Тодор это заметил и сменил тему.

– Ну а у тебя что за дела вдруг? Я думал, ты теперь зависаешь с Радулом Шегешваром. Ностальгия по родине и дешевая организованная преступность.

– Ага. – Я мрачно на него взглянул. – *И где это ты такого наслушался?*

Пожал плечами.

– Просто. Сам знаешь, как слухи ходят. Так зачем тебе опять на север?

Вибронож снова прошил кожу и мускулы. Я выключил и поддел им отделенный участок позвоночника из шеи Юкио

Хираясу.

Элита якудза, мертвый и без памяти. Автор – Такеси Ковач, ведь что бы я теперь ни сделал, этикетку прочтут именно так. Танаседа захочет крови. Хираясу-старший, видимо, тоже. Может, он и спишет сына как никчемного ушлепка, но я отчего-то сомневаюсь. А даже если и так, все правила и обязанности, которыми себя облекали якудза Харлана, вынудят его отомстить. С организованной преступностью всегда так. Мафия гайдуков Радула Шегешвара из Ньюпеста и яки, на севере и на юге – те же яйца, только в профиль. Повернутые на вендетте психи.

Война с якудза.

Так зачем тебе опять на север? Я взглянул на вырезанную кость и кровь на руках. Не этого я хотел, когда сел в ховерлодер до Текитомуры три дня назад.

– Микки? – какой-то миг имя мне ничего не говорило. – Эй, Мик, ты в порядке?

Я поднял взгляд. Она смотрела на меня с подозрением и беспокойством. Я с трудом кивнул.

– Да. Нормально.

– Ну тогда можешь поторопиться? Скоро вернется Орр и захочет начать.

– Ладно, – я перешел ко второму трупу. Нож с жужжанием вернулся к жизни. – Мне все еще интересно, что ты думаешь делать с Ядвигой.

– Увидишь.

– Фокусы, что ли?

Она промолчала, подошла к окну и уставилась на свет и гвалт нового дня. Когда я приступил к надрезу второго позвоночника, она оглянулась на комнату.

– Может, поедешь с нами, Микки?

Рука соскользнула, и нож погрузился по рукоятку.

– Чего?

– Поехали с нами.

– В *Драву*?

– Ой, только не рассказывай, что в стычке с якудза твои шансы выше здесь, в Текитомуре.

Я высвободил лезвие и закончил надрез.

– Мне нужно новое тело, Сильви. Мое не переживет встречу с миминтами.

– А если я все улажу?

– Сильви, – я с усилием выковырял фрагмент кости. – Где ты мне, блин, откопаешь новую тушку на Новом Хоккайдо? Там и так человеческая жизнь еле теплится. Где ты найдешь оборудование?

Она замялась. Я бросил свое дело – интуиция чрезвычайного

посланника очнулась и подсказала, что это неспроста.

– В последний выход, – медленно сказала она, – мы наткнулись на правительственный командный бункер на холмах к востоку от Шопрона. Времени на умные замки нам не хватило, мы и так зашли на север слишком далеко, а с мимингами там плохо, но я залезла достаточно глубоко, чтобы поглядеть оснащение базы. Там полноценная медицинская лаборатория, целая капсула для переоблачения и криобанки клонов. Штук двадцать оболочек, судя по сигнатуре – боевой биотех.

– Ну, это логично. Туда и повезете Ядвигу?

Она кивнула.

Я вдумчиво взглянул на осколок кости в руке, рваные края раны, из которой его достал. Задумался, что со мной сделают якудза, если поймают в этой оболочке.

– И на сколько вы едете?

Она пожала плечами.

– Насколько придется. Провизии на три месяца, но в последний раз мы выполнили квоту за полсрока. Ты можешь вернуться раньше, если хочешь. Из Дравы постоянно ходят ховеры.

– А ты уверена, что машинерия в бункере еще работает?

Она улыбнулась и покачала головой.

– Что?

– Это Новый Хок, Микки. Там работает *все*. В этом-то и проблема с этой дырой.

Глава пятая

Ховерлодер «Пушки для Гевары» оказался именно тем, что кажется по названию, – акула, а не судно, низкое, тяжело армированное, с торчащим вдоль хребта оружием, словно шипастыми плавниками. Заметное отличие от коммерческих ховеров, курсирующих по маршрутам между Миллспортом и Шафрановым архипелагом, – у него не было ни внешних палуб, ни башен. Мостик – тупорылый пузырь на переднем фасаде тускло-серой надстройки, а бока изгибались плавно и без лишних линий. Два погрузочных люка с каждой стороны носа, оба открытые, казались созданными для того, чтобы разряжать пачки ракет.

– Уверена, что сработает? – спросил я Сильви, когда мы подошли к подножию пирса.

– Расслабься, – прорычал позади меня Орр. – Это тебе не «Шафрановые линии».

Он был прав. Для предприятия, которое, по уверениям правительства, подчиняется строгим инструкциям по безопасности, отправление деКома поразило меня исключительной разболтанностью. Сбоку от каждого люка стюард в грязной синей униформе принимал *печатные* документы и проверял коды ридером, который показался бы уместным и в киноэксперии про годы Освоения. По пирсу туда-сюда змеились очереди из потрепанного состава отбывающих по колено в багаже. На холодном прозрачном воздухе туда-сюда ходили бутылки и трубки. Всюду царили натянутое веселье и притворные перепалки, одинаковые шутки про допотопные ридеры. Стюарды всем улыбались в ответ с усталым видом.

– Ну и где носит Лаза? – хотела знать Киёка.

Сильви пожала плечами.

– Будет. Он всегда приходит.

Мы встали в конец ближайшей очереди. Группка деКомовцев перед нами быстро оглянулась, задержав взгляды на волосах Сильви, затем вернулась к болтовне. Среди этого народа она не выделялась. У высокой черной оболочки в паре групп дальше была грива из дредов похожих масштабов, встречались тут и там и другие, менее внушительные.

Рядом со мной молча стояла Ядвига.

– У Лаза это патологическое, – сказала мне Киёка, стараясь смотреть куда угодно, только не на Яд. – Всегда где-то тормозит.

– В нем это прошито, – рассеянно сказала Сильви. – Нельзя стать профессиональным водомеркой без привычки

балансировать на грани.

– Эй, *я* сама водомерка, и всегда прихожу вовремя.

– Ты не ведущая водомерка, – сказал Орр.

– Ах *вот* как. Слушайте, мы все просто… – она бросила взгляд на Ядвигу и прикусила губу. – Ведущий – просто игровая позиция. У Лаза такая же прошивка, как у меня или…

Глядя на Яд, ни за что не скажешь, что она мертва. В квартире мы ее почистили – лучевое оружие прижигает, так что крови обычно остается немного, – приодели в узкий боевой жилет морпехов и куртку, которые спрятали раны, закрыли шокированные раскрытые глаза черными УЗ-линзами. Затем Сильви через командную сеть завела ее опорно-двигательный аппарат. Наверное, потребовалась немалая концентрация, но это ничто в сравнении с тем, что она выдерживает онлайн, когда возглавляет команду против миминтов в Новом Хоке. Яд шла за ее левым плечом, а мы прикрывали их с тыла и флангов. Простые команды лицевым мускулам захлопнули рот мертвой деКомовки, а серая бледность – что ж, в линзах улучшенного зрения и с серой наплечной сумкой на запечатке Яд выглядела не хуже, чем выглядела бы при отходняке с «дрожи» и передозе эндорфинов. Я сомневался, что мы все выглядели аппетитно.

– Документы, пожалуйста.

Сильви протянула пачку бумаг, и стюард принялся сканировать ее ридером по странице за раз. Одновременно Сильви, должно быть, послала по сети разряд в мускулы шеи Ядвиги, потому что покойница наклонила голову – слегка неповоротливо, – словно чтобы окинуть взглядом бронированный бок ховера. Неплохой штришок, очень естественно.

– Сильви Осима. Команда из пятерых, – сказал стюард, поднимая голову и пересчитывая. – Железо уже погружено.

– Так точно.

– Каюты, – он прищурился на экран ридера, – назначены. С П-19 по 22, нижняя палуба.

Рядом с вершиной пирса поднялся шум. Все, кроме Ядвиги, оглянулись. Я заметил охровые рясы и бороды, злую жестикуляцию, приподнятые голоса.

– Что происходит? – спросила обыденным тоном Сильви.

– А, Бородатые, – стюард снова сложил просканированную пачку. – Шатаются по берегу все утро. Похоже, прошлым вечером сцепились с парой деКомовцев к востоку отсюда. Сами знаете, они это плохо переваривают.

– Ага. Гребаные динозавры, – Сильви взяла документы и сунула за пазуху. – У них есть описания или им подойдут любые два деКомовца?

Стюард усмехнулся.

– Говорят, видосов нет. В заведении вся энергия шла на голопорнуху. Но есть показания свидетелей. Женщина. И мужчина. А, у женщины еще были волосы.

– Господи, да это же вылитая *я*, – рассмеялась Сильви.

Орр странно на нее взглянул. Гомон сзади нас стал громче. Стюард пожал плечами.

– Да, кто угодно из пары десятков командных голов, которых я пропустил за утро. Эй, мне больше интересно, что куча священников делала там, где крутят голопорнуху?

– Дрочили? – предположил Орр.

– Религия, – произнесла Сильви с внезапным щелчком в горле, будто ее сейчас стошнит. Сбоку от меня Ядвига пошатнулась и обернулась резче, чем обычно оборачиваются люди. – Никому не приходило в голову, что…

Она охнула – звук шел из самого живота. Я бросил взгляд на Орра и Киёку, увидел, как напряглись их лица. Стюард поднял взгляд, с любопытством, но без волнения.

– …что всякая человеческая жертва – дешевая уловка, что…

Снова полузадушенный звук. Как будто слова выворачивали из слежавшегося ила. Ядвига зашаталась сильнее. Теперь выражение лица стюарда стало меняться, он почувствовал неладное. Даже деКомовцы в очереди позади нас переводили взгляды со свары на пирсе на бледную женщину и ее отрывистую речь.

– …что *вся человеческая история* – просто *сраное оправдание* неспособности доставить *женщине нормальный оргазм*.

Я с силой наступил ей на ногу.

– Ну ладно уж.

Стюард нервно хохотнул. Куэллистские сантименты, даже ранние поэтические, в культурном каноне Харлана до сих пор шли с маркировкой «Обращаться осторожно». Велика опасность, что любое их поощрение выльется в ее поздние политические теории и, конечно, практику. Можно сколько угодно называть ховерлодеры в честь революционных героев, но их идеи лучше скрыть во мраке истории, чтобы никто не помнил, за что люди сражались.

– Я… – сказала Сильви озадаченно. Орр пододвинулся и поддержал ее.

– Давай потом поспорим, Сильви. Сейчас лучше загрузимся. Слушай, – он ткнул ее локтем, – Яд *на ногах не стоит*, да и мне не лучше. Можно уже…

До нее дошло. Она выпрямилась и кивнула.

– Да, потом, – сказала она. Труп Ядвиги перестал качаться,

даже реалистично поднял тыльную сторону ладони ко лбу.

– Похмелье, – сказал я и подмигнул стюарду. Его нервозность изгладилась и он ухмыльнулся.

– Плавали, знаем.

Издевательский смех с пирса. Я слышал слово «мерзость», потом треск электрического разряда. Видимо, силовой кастет.

– Похоже, они поймали больше, чем могут подсечь, – сказал стюард, вглядываясь за наши спины. – Стоило приходить во всеоружии, если хотели качать права в доке, полном деКомовцев. Ладно, с вами все. Следующий.

Мы вошли в люк без дальнейших помех и зашагали по гулким металлическим коридорам в поиске своих кают. Яд сзади меня сохраняла механическую походку. Остальная команда вела себя как ни в чем не бывало.

* * *

– Ну и что это была за херня?

Наконец где-то полчаса спустя я смог задать вопрос. Команда Сильви стояла в ее каюте с неловким видом. Орру пришлось сутулиться под двутаврами на потолке. Киёка уставилась в единственный крошечный односторонний иллюминатор, найдя что-то чрезвычайно интересное на воде. Ядвига лежала ничком на койке. Все еще ни следа Лазло.

– Глюк, – сказала Сильви.

– Глюк, – кивнул я. – И часто тебя глючит?

– Нет. Нечасто.

– Но уже бывало.

Орр нырнул под балкой, чтобы нависнуть надо мной.

– Может, отвянешь, Микки? Тебя никто не заставлял идти с нами. Что-то не нравится – ты волен валить в любой момент, правда же?

– Мне просто интересно, что делать, если Сильви вдруг улетит в облака и начнет цитировать куэллизмы посреди схватки с миминтами, вот и все.

– О миминтах мы позаботимся, – без интонации проговорила Киёка.

– Ага, Микки, – Орр ощерился. – Мы этим на жизнь зарабатываем. А ты откинься и наслаждайся экскурсией.

– Я только хотел…

– Заткни хлебало, если…

– В общем, смотрите, – сказала она очень тихо, но и Орр, и Киёка оглянулись на звук ее голоса. – Вам надо оставить нас с

Микки наедине, чтобы мы могли все обсудить.

– Ай, Сильви, да он же просто…

– У него есть право знать, Орр. Не освободите комнату?

Она проводила их взглядом, подождала, пока дверь сложится, затем прошла мимо меня обратно на свой стул.

– Спасибо, – сказал я.

– Смотри, – я не сразу понял, что в этот раз она говорила буквально. Она запустила руку в волосы и подняла центральный кабель. – Ты знаешь, как это работает. В этой штуке вычислительная мощность больше, чем в большинстве баз данных города. В теории.

Она отпустила кабель и прикрыла волосами. На губах промелькнула маленькая улыбка.

– Там можно словить вирусный удар, способный выскрести человеческий мозг, как яйцо из скорлупы. Или просто интерактивные коды миминтов с функцией самовоспроизведения, автоматические хакерские системы вторжения, личности-конструкты, мусор от трансляций – что угодно. Я должна все это сдерживать, просеивать, использовать и не давать утечь в нашу сеть. Этим я занимаюсь. Снова и снова. И какую прочистку потом не купишь, что-то все равно остается. Неубиваемые остатки кода, осадок, – она передернулась. – Призраки. Там, за моими экранами, есть такое, о чем даже думать не хочется.

– Похоже, самое время для нового железа.

– Ага, – она кисло улыбнулась. – Вот только лишних денег нет. Понимаешь?

Я понимал.

– Последнее поколение техники. Сплошная подстава, а?

– Вот да. Последнее поколение – и цены под потолок. У самих субсидии Гильдии, оборонное финансирование Протектората, а они дерут полную цену научных разработок Санкции с таких людей, как мы.

Я пожал плечами.

– Цена прогресса.

– Да, видела рекламу. Уроды. Слушай, то, что там случилось, – просто песчинка в шестеренках, ничего страшного. Может, связано с перепрошивкой Яд. Обычно я этим не занимаюсь, это незадействованные мощности. И обычно именно туда системы управления данными и сбрасывают всякий мусор. Запуск ЦНС Яд, видимо, его сдвинул.

– А ты помнишь, что говорила?

– Не очень, – она потерла лицо, прижала пальцы к закрытому глазу. – Что-то про религию? Про Бородатых?

– Ну да. С этого ты начала, а потом принялась

перефразировать раннюю Куэллкрист Фальконер. Ты не куэллистка, случаем?

– С хера ли.

– Я так и думал.

Она задумалась на минуту. Под ногами нежно задрожали двигатели «Пушек для Гевары». Отправление в Драву с минуты на минуту.

– Может, я что-то подцепила с пропагандного дрона. Их на востоке до сих пор много – за их декомиссию слишком мало платят, вот и не трогают, пока они не забьют местную связь.

– И среди них есть куэллисты?

– О да. По меньшей мере четыре или пять фракций из тех, что расхерачили Новый Хок, основывались на куэллизме. Блин, я слышала, она и сама там воевала, когда началось Отчуждение.

– Говорят, да.

Дверь прозвенела. Сильви кивнула мне, и я пошел открывать. В слегка вибрирующем коридоре стоял коренастый жилистый человек с длинными черными волосами в хвосте. Он обильно потел.

– Лазло, – угадал я.

– Да. А ты что за хер?

– Долгая история. Хочешь поговорить с Сильви?

– Да, было бы неплохо, – с ноткой иронии. Я отступил и пропустил его. Сильви устало смерила его взглядом.

– Залез в пусковой отсек спасательного плота, – объявил Лазло. – Парочка разрядов для байпаса и семь метров ползком по полированному стальному дымоходу. Как нехрен делать.

Сильви вздохнула.

– Это не достижение, Лазло, и не гениальный ход, и однажды ты так и опоздаешь на отбытие. И кто тогда будет ведущим?

– Ну, как посмотрю, вы уже ищете мне замену, – косой взгляд в мою сторону. – Это кто такой?

– Микки, Лазло, – ленивый жест от меня к нему. – Лазло, знакомься с Микки Судьбой. Временный попутчик.

– Провели его на борт по моим кодам?

Сильви пожала плечами.

– Ты ими все равно не пользуешься.

Лазло заметил на кровати Ядвигу, и на его костлявом лице загорелась ухмылка. Он прошел по каюте и шлепнул ее по ягодице. Когда она не отреагировала, он нахмурился. Я закрыл дверь.

– Господи, чем она вчера накидалась?

– Она мертва, Лаз.

– *Мертва?*

– Пока что да, – Сильви взглянула на меня. – Ты вчера очень много пропустил.

Глаза Лазло проследовали по линии взгляда Сильви через каюту.

– И это как-то связано с нашим высоким таинственным синтетическим незнакомцем, да?

– Да, – ответил я. – Как я уже сказал, долгая история. Лазло подошел к нише с раковиной и налил воды в пригоршню. Опустил лицо в воду и фыркнул. Оставшейся водой пригладил волосы, выпрямился и вперился в меня в зеркале. Резко повернулся к Сильви.

– Ладно, шкипер. Я слушаю.

Глава шестая

Путь до Дравы занял день и ночь.

Где-то на полпути над морем Андраши «Пушки для Гевары» сбросили скорость, раскинули сенсорную сеть так широко, как только могли, и приготовили оружейные системы. По официальным заявлениям правительства Мексека, все миминты были созданы для наземной войны и потому не могли выбраться с Нового Хока. В своем информационном поле команды деКома сообщали о таких машинах, записей о которых не было в архиве Мирового машинного интеллекта, из чего следовало, что как минимум какое-то вооружение, рыскающее по континенту, нашло способ эволюционировать за пределы изначальных параметров. Ходили слухи, что это разбушевался экспериментальный нанотех. По официальным заявлениям, системы нанотеха во время Отчуждения были слишком грубыми и недостаточно изученными, чтобы применяться в качестве оружия. Слухи отметались как антиправительственная пропаганда, официальные заявления высмеивались в любом разумном обществе. Без спутникового покрытия или поддержки с воздуха невозможно было доказать ни то, ни другое. Процветали мифы и дезинформация.

Добро пожаловать на Харлан.

– Трудно поверить, – пробормотал Лазло, когда мы шли последние километры по устью и через брошенные доки Дравы. – Четыре века на гребаной планете – а до сих пор не можем подняться в воздух.

Каким-то образом он уболтал пропустить его на одну из открытых наблюдательных галерей, которые ховерлодер поднял на бронированной спине, как только мы вошли в сканируемую зону базы в Драве. Каким-то еще невообразимым образом он уломал нас подняться с ним, и теперь мы стояли, дрожа в зябкой сырости раннего утра, пока по бокам скользили безмолвные набережные Дравы. Небо над головой во всех направлениях было малообещающего серого цвета.

Орр поднял воротник на куртке.

– Как только придумаешь, как декомиссовать орбитальник, Лаз, скажи нам.

– Ага, поддерживаю, – сказала Киёка. – Сбей спутник – и Мици Харлан будет отсасывать тебе по утрам до конца жизни.

Обычные разговоры среди деКомовцев – аналог баек про пятидесятиметровых боттлбэков, которые рыбаки травили в миллспортских барах. Что бы ты ни приволок из Нового Хока – все это было *человеческих* масштабов. Какими бы злобными ни

были миминты, в конечном счете мы построили их сами, и им не больше трехсот лет. Их не сравнить с древним железом, которое марсиане оставили на орбите Харлана приблизительно пятьсот тысяч лет назад. Железо, которое лишь по ему известным причинам срезало с неба все летательные аппараты молнией ангельского огня.

Лазло подул на руки.

– Если бы они захотели, могли бы уже сами их сбить.

– О, опять понесло, – Киёка закатила глаза.

– Про орбитальники много говна крабьего несут, – гнул свое Лазло. – Например, что они сбивают что угодно больше и быстрее вертолета, но четыреста лет назад колонисты все-таки умудрились посадить баржи. Или, например…

Орр фыркнул. Я увидел, как Сильви закрыла глаза. – …что у правительства есть огромные гиперджеты под полюсом, и *их* в полете ничто не трогает. Или те случаи, когда орбитальники атаковали что-нибудь на земле, только про это говорить не любят. А это *все время* происходит. Вы-то наверняка не слышали про драгу, которую вчера нашли развороченной у мыса Саньсинь…

– Я слышала, – раздраженно перебила Сильви. – В очереди, пока мы вчера утром ждали, когда ты появишься. Сообщают, что она села у мыса на мель. Ты видишь заговор в обыкновенном непрофессионализме.

– Шкипер, *естественно*, они так сказали. Что бы они *еще* тебе сказали?

– Да, твою мать.

– Лаз, старина, – Орр уронил тяжелую руку на плечи ведущего водомерки. – Будь это ангельской огонь, там бы ничего не нашли. Ты и сам это знаешь. И отлично знаешь, что вокруг экватора в покрытии орбитальников огроменная дыра, через которую при правильных расчетах можно посадить целый флот барж колонистов. А теперь забей на свою теорию заговоров и насладись пейзажем, на который ты нас приволок смотреть.

А вид был впечатляющий. Драва в свои лучшие дни была морским портом и окном для торговли во внутреннюю территорию Нового Хоккайдо. К пирсам шли суда со всех основных городов планеты, а город за доками расползся на десятки километров до самого подножия, предоставив жилище почти пяти миллионам человек. На пике коммерческого могущества Драва состязалась в богатстве и культуре с Миллспортом, а морской гарнизон был одним из сильнейших в северном полушарии.

Теперь же мы плыли мимо рядов разбомбленных складов

времен Освоения, кранов, разбросанных по докам, словно детские игрушки, и торговых судов, затопленных на приколе. По воде плыли яркие химические разводы, а единственными живыми существами в округе были жалкие стайки рипвингов, хлопающих крыльями над покосившейся гофрированной крышей склада. Когда мы проходили мимо, один выгнул шею и издал скрипучий боевой клич, но все видели, что он не вкладывал в это душу.

– Приглядывай за ними, – сказала Киёка неприязненно. – Только кажется, что херня, но они умные. Уже расчистили почти весь пляж от чаек и бакланов, и известно, что они нападали и на людей.

Я пожал плечами.

– Ну, это их планета.

Показались укрепления плацдарма деКомовцев. Сотни метров ползучей и живой колючей проволоки по периметру патрулирования, ощетинившиеся ряды припавших к земле блоков-пауков и роботы-стражи, угрюмо взирающие на местных с крыш. В воде над поверхностью торчали башни автоматических мини-субмарин, обходящих устье по изгибу берега. Время от времени встречались наблюдательные воздушные змеи, привязанные к башням кранов и коммуникационной мачте в сердце плацдарма.

«Пушки для Гевары» вырубили подачу энергии и дрейфовали боком между двумя подлодками. В доке несколько человек бросили свои дела, через сокращающееся расстояние до новоприбывших доплыли голоса. Бóльшую часть работы беззвучно выполняли машины. Охрана плацдарма допросила навигационный ИскИн ховерлодера и дала разрешение. Система автошвартов-ки пообщалась с пазами дока, определила траекторию и отстрелялась. Тросы натянулись и подтащили судно. Разумный трап пробудился, растянулся и присосался к погрузочным воротам на берегу. Антиграв с дрожью опустился на уровень швартовки. Двери отомкнулись.

– Нам пора, – сказал Лазло и исчез в люке, словно крыса. Орр изобразил вслед неприличный жест.

– На черта ты нас вообще сюда притащил, если самому не терпится сдристнуть?

Назад всплыл неразборчивый ответ. По коридору застучали ноги.

– А, пусть идет, – сказала Киёка. – Все равно никто не уедет, пока мы не поговорим с Курумаей. Еще торчать в очереди у баббла.

Орр посмотрел на Сильви.

– Что будем делать с Яд?

– Оставим здесь, – командная голова смотрела на уродливое серое поселение из баббл-ткани с любопытным воодушевлением на лице. Трудно было поверить, что причиной был открывшийся вид – может, слушала переговоры систем, открыв все чувства и потерявшись в волнах трафика. Она резко отключилась и повернулась к команде. – Каюты наши до полудня. Нет смысла выводить ее, пока мы не знаем, что нас ждет.

– А железо?

Сильви пожала плечами.

– То же самое. Не хочу целый день таскать за собой тележки по Драве, пока ждем очереди от Курумаи.

– Как думаешь, он разгонит нас в расписании снова?

– После прошлого раза? Почему-то сомневаюсь.

На нижних палубах узкие коридоры были забиты мельтешащими деКомовцами с заброшенной на плечи или поднятой на головы экипировкой. Каюты стояли распахнутыми, их обитатели разбирали багаж, перед тем как нырнуть в сутолоку. Над головами и сумками туда-сюда рикошетили громогласные окрики. Поток вязко двигался вперед и к правому борту, к люку высадки. Мы влезли в толпу и поплелись с ней, вел нас Орр. Я держался сзади, защищал раненые ребра как мог. Время от времени в боку стреляло. Переносил со сжатыми зубами.

Спустя, кажется, очень долгое время мы вывалились из коридора высадки и встали посреди баббов. Рой деКомовцев плыл вперед, через поселение к центральной мачте. На полпути к ней нас ждал Лазло, сидя на распотрошенном пластмассовом упаковочном ящике. Он улыбался.

– Чего так долго?

Орр с рыком сделал вид, что сейчас ему врежет. Сильви вздохнула:

– Хотя бы порадуй, что уже добыл чип очереди.

Лазло раскрыл ладонь с торжественностью фокусника и продемонстрировал нам маленький осколок черного кристалла. Туманный огонек внутри сложился в номер пятьдесят семь. При виде этого Сильви и ее напарники выругались под нос.

– Да, придется подождать, – пожал плечами Лазло. – Все еще распределяют вчерашних. Я слышал, в Чистой Зоне произошло что-то серьезное. Зато пока можно перекусить.

Он повел нас по лагерю к длинному серебристому трейлеру у одной из оград. Вокруг люка подачи раскинулись дешевые пластиковые столы и стулья. За ними сидела горстка посетителей с сонными лицами, поникшими над подносами из фольги, заставленными кофе и завтраками. В люке, как на рельсах, туда-сюда носились три работника. Нас обдало паром и запахом еды,

таким ярким, что он активировал даже жалкие ощущения вкуса и запаха синтетической оболочки.

– Всем мисо и рис? – спросил Лазло.

ДеКомовцы, заняв пару столов, согласно буркнули. Я покачал головой. Для синтетических рецепторов даже хороший мисо-суп на вкус как помои. Я подошел с Лазло к окошку, чтобы посмотреть, что предлагается еще. Остановился на кофе и парочке пирожков, забитых карбогидратами. Стоило мне потянуться за кредитным чипом, как Лазло выставил ладонь.

– Эй. Угощаю.

– Спасибо.

– Ничего особенного. Добро пожаловать в Сачки Сильви. Кажется, забыл сказать это вчера. Прости.

– Ну, там много чего творилось.

– Да. Будешь что-нибудь еще?

На стойке был диспенсер с дермальными болеутоляющими. Я вытянул пару лент и помахал ими работнику. Лазло кивнул, вытащил собственный кредитный чип и бросил на стойку.

– Значит, цепануло.

– Ага. По ребрам.

– Так и думал, судя по тому, как ты двигаешься. Наши вчерашние друзья?

– Нет. Еще раньше.

Он поднял бровь.

– Везде поспел.

– Ты не поверишь, – я оторвал дозу с одной из лент, закатал рукав и прилепил пластырь. По руке прокатилась теплая волна химического здоровья. Мы собрали еду на подносы и отнесли к столикам.

ДеКомовцы ели в сосредоточенном молчании, противоречившем их предыдущим перепалкам. Вокруг начали заполняться остальные столики. Пара человек кивнула на ходу команде Сильви, но в основном деКомовцы держались особняком. Люди оставались в своих группках и кучках. Мимо проносились обрывки разговоров, полные жаргона и того же рубленого спокойствия, что я услышал у своих напарников позавчера. Работники выкрикивали номера заказов, кто-то настроил приемник на канал с джазом эпохи Освоения.

Расслабившись и придя в себя после дермальной волны, я заметил мелодию и почувствовал, как она отбросила меня прямиком в молодость в Ньюпесте. Пятничные ночи у Ватанабе – старик Ватанабе всегда был фанатом джазовых исполинов эпохи Освоения и крутил их неустанно, под стоны самых молодых посетителей, которые скоро стали традицией. Заходи к Ватанабе

почаще – и любые твои музыкальные вкусы сотрутся. В мозг врежется любовь к беспорядочным ритмам.

– Какое старье, – сказал я, кивая на динамики на трейлере. Лазло хмыкнул.

– Добро пожаловать в Новый Хок.

Ухмылки и обмен знаками на пальцах.

– А тебе нравится, а? – спросила меня Киёка со ртом, набитым рисом.

– Все в этом роде, да. Но не узнаю…

– «Диззи Чанго и Великий смеющийся мухомор», – неожиданно сказал Орр. – «Вниз от эклиптики». Хотя изначально это кавер на музыкальный дрейф Черного Таку. Таку никогда бы не пустил скрипку на передний план.

Я одарил великана странным взглядом.

– Не слушай его, – сказала мне Сильви, рассеянно почесывая под волосами. – Возьми ранних Таку и Иде – там сплошная цыганщина. Пригладились только для «Миллспортских сейшнов».

– Это не…

– Эй, Сильви! – у стола остановился молодой на вид командная голова с торчащими волосами. На левой руке балансировал поднос с чашками кофе, на правое плечо была наброшена толстая бухта живого кабеля, что без конца подергивался. – Вы уже вернулись?

Сильви улыбнулась.

– Привет, Оиси. Скучал по мне?

Оиси шутливо поклонился. Поднос на его расставленных пальцах не покачнулся.

– Как обычно. Явно сильнее, чем Курумая-сан. Планируешь с ним сегодня встретиться?

– А ты нет?

– Не-а, мы не выходим. Кашу вчера ночью задел какой-то антихак-выплеск, она оправится только через пару дней. Мы отдыхаем, – Оиси пожал плечами. – Все оплачено. Чрезвычайный фонд.

– Хренов *чрезвычайный* фонд? – Орр выпрямился. – Что у вас вчера было?

– А вы не знаете? – Оиси оглядел стол с круглыми глазами. – Буквально ночью. Не слышали?

– Нет, – терпеливо ответила Сильви. – Потому и спрашиваем тебя.

– А, ну да. Я думал, уже все знают. Рядом разгуливал кооперативный кластер. В Чистой Зоне. Прошлой ночью стал собирать артиллерию. Самоходка, здоровая. Корпус «Скорпион». Курумае пришлось сбивать в отряд всех, пока нас не обстреляли.

– Что-нибудь осталось? – спросил Орр.

– Они не знают. Первичных сборщиков мы сняли вместе с самоходкой, но мелкие разбежались. Дроны, вторичники, вся мелюзга. Кто-то говорит, что видел каракури.

– Да *говно крабье*, – фыркнула Киёка. Оиси снова пожал плечами.

– За что купил, за то и продаю.

– Мехкуклы? Не может быть, – Киёка села на своего конька. – Каракури не видели в ЧэЗэ больше года.

– Кооперативных машин тоже, – заметила Сильви. – Всякое бывает. Оиси, как думаешь, есть шанс, что нас назначат сегодня?

– Вас-то? – К Оиси вернулась улыбка. – Ни за что, Сильви. Только не после прошлого раза.

Сильви мрачно кивнула.

– Так и думала.

Джаз заглох на веселой ноте. Его место занял голос – хриплый, женский, настойчивый. В словах слышались архаичные переливы.

– И это была проба Диззи Чанго на тему классической песни «Вниз от эклиптики», новый взгляд на старую тему. Точно так куэллизм проливает свет на древнее беззаконие экономического строя, который мы пронесли с собой через весь темный путь с берегов Земли. Разумеется, Диззи всю жизнь был убежденным куэллистом, и, как он сам часто говорил…

Собравшиеся деКомовцы застонали.

– Ага, а еще он всю жизнь был убежденным торчком на мете, – крикнул кто-то.

Диджей-пропагандист продолжала ворковать среди насмешек. Она пела одну и ту же прошитую песенку уже столетия. Но жалобы деКомовцев были беззлобными – такая же стершаяся привычка, как наши протесты у Ватанабе. Загадка углубленного знания джаза эпохи Освоения Орра начала проясняться.

– Ладно, поскакал, – сказал Оиси. – Может, еще свидимся в Нечистой, да?

– Может, да, – Сильви смотрела, как он уходит, потом наклонилась в сторону Лазло. – Как у нас со временем?

Водомерка залез в карман и продемонстрировал чип очереди. Номер сменился на пятьдесят два. Сильви с отвращением выдохнула.

– А что такое каракури? – спросил я.

– Механические куклы, – пренебрежительно ответила Киёка. – Не парься, здесь ты их не увидишь. Мы их вычистили еще в прошлом году.

Лазло сунул чип обратно в карман.

– Вспомогательные юниты. Всех видов и размеров. Маленькие бывают с рипвинга, только не летают. Руки и ноги. Иногда с вооружением, и они очень быстрые, – он усмехнулся. – Ничего хорошего.

Внезапное нетерпеливое напряжение Сильви. Она встала.

– Пойду переговорю с Курумаей, – объявила она. – Кажется, пора стать добровольцами на расчистку.

Хоровой протест – громче, чем тот, что вызвал диджей-пропагандист.

– …*не* серьезно.

– За расчистку платят гроши, шкипер.

– Кочевать от дома к дому…

– Ребят, – она подняла руки. – Мне плевать, ясно? Если мы не проскочим очередь, нам тут куковать до завтра. А это хреново. Если вы вдруг забыли, довольно скоро у Яд появится антиобщественный запашок.

Киёка отвернулась. Лазло и Орр что-то пробормотали в остатки мисо-супа.

– Кто пойдет со мной?

Тишина и отворачивающиеся взгляды. Я осмотрелся, затем уперся и встал, купаясь в новых ощущениях без боли.

– Давай. Я схожу. Курумая ведь не кусается, да?

* * *

Но вид у него был такой, будто еще как.

На Шарии был вождь кочевников, с которым я однажды имел дело, шейх с деньгами, раскиданными по базам данных планеты, который предпочитал всю жизнь перегонять полуодомашненных генетически адаптированных бизонов через степь Джахан и жить в юрте на солнечной батарее. Прямо и косвенно под его началом служила сотня тысяч степных кочевников, и когда я сидел с ним на совете в этой юрте, чувствовал, как в нем тугой пружиной сворачивалась властность.

Сигео Курумая был бледной вариацией на ту же тему. Он господствовал в командном баббле с той же энергией, командовал теми же ртом-щелкой и суровым взглядом, сидя за столом, заставленным оборудованием для наблюдения, в окружении когорты деКомовцев, стоящих в ожидании назначения. Как и Сильви, он был командной головой – волосы с серыми и черными прядями заплетены сзади, обнажая торчащий чуб центрального кабеля в самурайском стиле, устаревшем на тысячу

лет.

– Спецмиссия, дорогу, – Сильви пробивала нам путь через других деКомовцев. – Дорогу. Спецмиссия. Вашу мать, пропустите. *Спецмиссия*.

Они с ворчанием расступались, и мы вышли вперед. Курумая едва отвлекся от беседы с командой из трех деКомовцев в тощих молодых оболочках, – я уже начал узнавать стандарт водомерок. Его лицо оставалось бесстрастным.

– Насколько мне известно, у тебя нет никакой специальной миссии, Осима-сан, – сказал он тихо, и деКомовцы вокруг нас взорвались в озлоблении. Курумая обвел их взглядом, пока шум не улегся.

– Как я сказал…

Сильви подняла руку в примирительном жесте.

– Я знаю, Сигео, я знаю, что у меня ее *нет*. Но я ее *хочу*. Мы с Сачками Сильви идем добровольцами в зачистку каракури.

Снова поднялся ропот, но в этот раз приглушенный. Курумая нахмурился.

– Ты *просишься* на зачистку?

– Я прошу разрешения на выход. У ребят дома накопились большие долги, зарплата им нужна уже шесть часов назад. Если это значит, что надо ходить от двери к двери, – мы пойдем.

– В очередь встань, сука, – сказал кто-то позади нас. Сильви слегка напряглась, но не повернулась.

– Я догадывалась, что тебе это не понравится, Антон. Тоже хочешь в добровольцы? Ну, выгуливай банду от дома к дому. Только я почему-то сомневаюсь, что они тебя поблагодарят.

Я оглянулся на собравшихся деКомовцев и нашел взглядом Антона – крупный и плотный, командная грива выкрашена в полдесятка несочетающихся цветов. На глазах у него были линзы, так что зрачки напоминали стальные подшипники, а под кожей на славянских скулах виднелись разводы схем. Он слегка дернулся, но к Сильви не двинулся. Его тускло-металлические глаза переместились на Курумаю.

– Да ладно, Сигео, – Сильви ухмыльнулась. – Только не рассказывай, что здесь все выстроились в очередь на работу по зачистке. Сколько ветеранов пойдут на эту халтуру добровольцами? Ты пошлешь мальков, потому что больше за такие деньги не согласится никто. Я тебе делаю подарок, и ты сам это знаешь.

Курумая обвел ее взглядом с головы до пят, затем кивком отослал трех водомерок. Они отступили с пасмурными лицами. Голокарта моргнула и выключилась. Курумая откинулся на стуле и вперился взглядом в Сильви.

– Осима-сан, в прошлый раз, когда я разогнал тебя в расписании перед другими, ты презрела свои обязанности и исчезла на севере. Откуда мне знать, что ты не выкинешь тот же трюк?

– Сиг, ты послал нас глазеть на *развалину*. Кто-то добрался туда раньше нас, там ничего не осталось. Я тебе уже все говорила.

– Когда наконец соизволила вернуться, да.

– О, рассуждай здраво. Как мне декомиссовать то, что и так расковыряли? Мы свалили, потому что там ни хрена не было.

– Это не ответ на мой вопрос. Как я могу тебе доверять?

Сильви театрально вздохнула.

– Господи, Сиг. У тебя хвост с избыточной мощностью, ты и считай. Я предлагаю услугу за шанс быстро заработать. Иначе мне придется ждать очереди до послезавтра, а у тебя не будет никого, кроме чистильщиков-мальков, все в проигрыше. Какой, блин, смысл?

Долго никто не двигался. Затем Курумая бросил взгляд на один из приборов на столе. Над ним проснулось инфо-поле.

– Что за синт? – спросил он небрежно.

– А, – Сильви сделала жест «позвольте представить». – Новобранец. Микки Судьба. Подмога стрелка.

Курумая поднял бровь.

– С каких пор Орру требуется чья-то помощь?

– Просто пробуем. Моя идея, – Сильви ослепительно улыбнулась. – Как мне кажется, там лишней подмоги не бывает.

– Пожалуй, так, – Курумая обратил взгляд на меня. – Но у твоего нового друга ранение.

– Всего лишь царапина, – ответил я.

У инфополя сменился цвет. Курумая скосил на нее взгляд, и у ее вершины сгустились цифры. Он пожал плечами.

– Хорошо же. Будьте у главных ворот через час, с собственной экипировкой. Получаете стандартную поденную ставку за техобслуживание плюс десять процентов за стаж. Больше ничем помочь не могу. Премия за все убийства – по таблице ММИ.

Она ответила очередной радужной улыбкой.

– Ну и замечательно. Мы будем готовы. Приятно снова иметь с тобой дело, Сигео. Пошли, Микки.

Как только мы собрались уходить, ее лицо дернулось от пришедшего сообщения. Она раздраженно развернулась к Курумае.

– Да?

Он мягко улыбнулся.

– Чтобы мы понимали друг друга, Осима-сан. Вы будете вплетены в строй с остальными. Если вновь попытаетесь

ускользнуть, я узнаю. Я аннулирую ваше разрешение и верну вас назад, даже если придется отправить для этого всех чистильщиков. Хочешь, чтобы тебя арестовала кучка мальков и этапировала сюда, – рискни.

Сильви издала очередной вздох, горестно покачала головой и вышла через толпу деКомовцев в очереди. Когда мы проходили мимо Антона, он показал зубы.

– Техобслуживание, Сильви, – съязвил он. – Похоже, ты наконец нашла свой уровень.

Вдруг он вздрогнул, глаза закатились, а лицо опустело – Сильви что-то свернула у него в голове. Он покачнулся, и ближайшему деКомовцу пришлось схватить его за руку, чтобы удержать. Он охнул, словно фрик-файтер, пропустивший на ринге тяжелый удар. Заплетающийся язык, ярость в голосе:

– Долбаная…

– Отвали, болотник, – это она бросила уже через плечо, лаконично, когда мы выходили из баббла.

И даже не взглянула в его сторону.

Глава седьмая

Ворота – монолит из серого сплава, шесть метров брони в ширину и десять в высоту. Антиграв-подъемники с каждого края стояли на рельсах на внутренней поверхности двух двадцатиметровых башен, которые венчали роботы-стражи. Если подойти к серому металлу достаточно близко, то слышен неустанный скрежет живой колючки снаружи.

Добровольцы Курумаи на зачистку стояли перед воротами тесными кучками, бормочущие разговоры перемежались вспышками громкой похвальбы. Как и предсказала Сильви, большинство были молодыми и неопытными – обе черты четко читались в неуклюжести, с которой они обращались с оборудованием и таращились вокруг. Небольшой ассортимент их железа тоже не впечатлял. Оружие в основном выглядело так, словно было прямиком с распродаж устаревших военных излишков, а транспорта имелось всего не больше десятка штук – может быть, только для половины из пятидесяти с чем-то присутствующих деКомовцев, причем некоторые средства даже без грав-эффекта. Остальным, видимо, придется прочесывать на своих двоих.

Командные головы среди них были редкостью.

– Как все делается, – говорила Киёка благодушно. Она облокотилась на нос грав-жука, на котором сидел я, и сложила руки на груди. Маленький транспорт слегка закачался на парковочной подушке, так что мне пришлось подкачать поле для компенсации. – Понимаешь, у большинства мальков нет нормальных денег, они приходят в игру практически слепые к системам. Зачисткой пытаются заработать на апгрейды, изредка – выполняя легкие задания на окраинах Нечистой. Если повезет, их кто-нибудь заметит. Иногда их берут к себе какие-нибудь команды с потерями.

– А если нет?

– Тогда они сами отращивают волосы, – улыбнулся Лазло, копаясь в кофре на одном из двух других жуков. – Правильно, шкипер?

– Да, именно так, – в голосе Сильви слышалась горечь. Стоя у третьего жука с Орром, она снова пыталась представить Ядвигу живым человеком, и напряжение сказывалось. Я тоже не получал от процесса удовольствия – мы посадили мертвую деКомовку на жука, но пилотировать его было за пределами возможности Сильви, так что Яд летела пассажиркой сзади меня. Было бы странно, если бы в ожидании я слез, а она продолжала сидеть, так

что мне тоже приходилось оставаться на месте. Сильви велела трупу ласково закинуть одну руку мне на плечо, а вторую положить на бедро. Время от времени Ядвига вертела головой, а ее лицо в солнечных линзах искажалось в подобии улыбки. Я пытался сохранять невозмутимый вид.

– Поменьше слушай Лаза, – посоветовала Киёка. – Разве что у одного малька из двадцати есть все данные, чтобы стать командной башкой. Конечно, технику в голову прошить могут, но ты просто сойдешь с ума.

– Ага, как наш шкипер, – Лазло закончил с кофром, запечатал и побрел на другую сторону жука.

– Вот как бывает, – терпеливо продолжала Киёка. – Ищешь кого-нибудь, кто выдержит нагрузку, и дальше держитесь вместе. Копите деньги, пока не хватит на волосы для него плюс базовые разъемы для остальных – и пожалуйста. Готовая команда. На что уставился?

Последнее предназначалось молодому деКомовцу, который подошел завистливо таращиться на грав-жуков и оборудование. От интонации Киёки он слегка сдал назад, но голод на его лице остался.

– Модель «Дракул», да? – спросил он.

– Да, – Киёка побарабанила костяшками по корпусу жука. – Серия «Дракул 41», всего три месяца как с конвейеров Миллспорта, и *все*, что ты о них слышал, на сто процентов правда. Бесшумные движки, встроенная батарея ЭМИ и пучка частиц, система щитов со скоростной реакцией, интегрированные умные системы «Нуханович». Что не назови, все уже прикрутили.

Ядвига повернула голову в сторону молодого деКомовца, а ее мертвый рот, похоже, снова пытался улыбнуться. Рука переместилась с моего плеча на бок. Я слегка поерзал.

– Сколько стоит? – спросил наш новый фанат. За ним собиралась кучка единомышленников-технарей.

– Больше, чем ты заработаешь за весь год, – широко развела руками Киёка. – Базовый пакет стартует от ста двадцати штук. А это – *не* базовый пакет.

Молодой деКомовец сделал пару шагов поближе.

– А можно?..

Я пронзил его взглядом.

– Нет, нельзя. Я на нем сижу.

– Иди сюда, пацан, – Лазло постучал по корпусу жука, с которым возился. – Оставь наших любовничков – у них такое похмелье, что не до вежливости. Я тебе этот покажу. Чтобы было к чему стремиться в следующем сезоне.

Смех. Группка мальков пошла на приглашение. Я обменялся

взглядами облегчения с Киёкой. Ядвига погладила меня по бедру и положила голову на плечо. Я обжег глазами Сильви. За нами прочистила горло система громкой связи.

– Ворота открываются через пять минут. Дамы и господа, проверьте метки.

* * *

Завывание грав-моторов, тихий скрип перекошенных рельс. Ворота рывками поднялись на все двадцать метров, и деКомовцы побежали или поехали, в зависимости от своих финансов, наружу. Живая колючка свернулась и отползла от чистых полей, освобожденных нашими метками, превратившись в беспокойную живую изгородь с человеческий рост. Мы проехали по расчищенной тропе, стенки которой волновались, как в дурном сне от такэ.

Дальше, почуяв приближение наших меток, зашевелились блоки-пауки на множестве ножек. Когда мы приблизились, они подняли массивные многогранные туши с растрескавшегося вечного бетона и заторопились в стороны, нарушая запрограммированную функцию «блокировать и давить». Я не спускал с них глаз. Однажды ночью в Доме Хань я сидел за укреплениями дворца Кван и слушал крики, пока подобные машины стирали с лица земли целую атакующую волну техниндзя-повстанцев. Несмотря на громоздкую и слепую неповоротливость, много времени им не потребовалось.

Спустя пятнадцать минут аккуратных маневров мы прошли оборону плацдарма и беспорядочно высыпали на улицы Дравы. Дороги порта сменились замусоренными магистралями, время от времени проплывали нетронутые многоквартирки в двадцать этажей высотой. Преобладающий архитектурный стиль – утилитарный стандарт эпохи Освоения: жилье было необходимо так близко к воде для обслуживания молодого порта, так что об эстетике думали в последнюю очередь. Ряды маленьких окон в нишах близоруко таращились на море. Стены из грубого вечного бетона были рябыми от бомбардировок и затертыми от столетий забвения. Синевато-серые пятна лишайников обозначали места, где сдало антибактериальное покрытие.

Над головой через облачный покров просачивалось водянистое солнце, лучи еле пробивались, освещая безмолвные улицы впереди. С устья порывами задувал ветер, словно бы подгоняя нас вперед. Я мельком оглянулся и увидел, как живая колючка и блоки-пауки сплетаются за нашими спинами, словно

зарастающая рана.

– Наверно, нечего тянуть, – голос Сильви у моего плеча. Орр ехал на жуке параллельно мне, командная голова сидела за ним, озираясь, словно выискивая запах. – Хотя бы нет дождя.

Она коснулась кнопки на куртке со встроенной связью. Ее голос взлетел в тишине, отразился от безлюдных фасадов. ДеКомовцы повернулись на звук, готовые и рвущиеся в бой, как свора гончих.

– Ладно, друзья. Слушайте. Не желаю принимать на себя командование…

Она откашлялась. Прошептала:

– Но кто, если не я…

Снова закашлялась.

– Но *кто-то* должен что-то сделать. Это не очередное упражнение в… в… – она слегка тряхнула головой. Голос набрал силу, снова вернулся эхом от стен. – Мы сражаемся не за какую-то фантазию для политической мастурбации. Это факты. Власть предержащие уже образовали свои альянсы, продемонстрировали свою преданность или ее отсутствие, сделали свой выбор. Но у нас выбор отняли. Я не хочу – *не хочу*…

Она поперхнулась. Опустила голову.

ДеКомовцы стояли молча, ждали. Ядвига обмякла на моей спине, затем стала соскальзывать с заднего сиденья. Я бросил руку назад и остановил ее. Вздрогнул, когда под мягкой серой ватой болеутоляющих вспыхнула боль.

– *Сильви!* – прошипел я. – А ну приди в себя, Сильви. Вернись в наш мир.

Она посмотрела на меня из-под спутанных волос, и на мгновение показалось, что она даже не узнает меня.

– Приди в себя, – спокойно и тихо повторил я.

Она передернулась. Выпрямилась и снова откашлялась. Небрежно махнула рукой.

– Политика, – объявила она, и ждущая толпа деКомовцев рассмеялась. Она подождала. – Мы здесь не ради *нее*, дамы и господа. Я знаю, что не единственная среди вас с волосами, но думаю, в плане опыта опережаю всех, так что тем, кто не знает, как все устроено, вот что я предлагаю следующее. Лучеобразный строй, разделяемся на каждом перекрестке, пока каждая моторизованная команда не получит себе улицу. Остальные – следуйте за кем хотите, но не советую разбиваться на группы меньше шести человек. Моторизованные команды ведут на каждой улице, те же, кому не повезло идти пешком, проверяйте здания. При обыске каждого – долгие остановки, ребята на транспорте – *не отрывайтесь* от строя, ребята в зданиях –

вызывайте подмогу наездников с улицы, если увидите *что угодно,* похожее на активность миминтов. Что угодно.

– Да, а как насчет вознаграждения? – крикнул кто-то. Поднялся заинтересованный ропот.

– Что убил – то мое, я сюда не делиться приехал, – громко согласился кто-то еще.

Сильви кивнула.

– Вы узнаете, – ее усиленный голос остановил разлад, – что у успешного деКома три стадии. Первая – снять миминта. Затем зарегистрировать, что это сделали вы. А *затем* дожить до того, чтобы вернуться на плацдарм и забрать деньги. Последние две стадии *особенно* сложные, если вы лежите на улице с выпущенными кишками и без башки. А так, скорее всего, и будет, если вы полезете в гнездо каракури без подмоги. У слова «*команда*» есть разные смыслы. Тем, кто хочет однажды попасть в *команду*, советую над ними поразмышлять.

Шум стих до бормотания. Труп Ядвиги за мной выпрямился, с моей руки ушла нагрузка. Сильви оглядела слушателей.

– Итак. Из-за лучеобразного строя мы довольно быстро разделимся, так что карты всегда должны быть онлайн. Отмечайте каждую улицу, когда заканчиваете, оставайтесь на связи и будьте готовы вернуться, чтобы прикрыть пропущенные места. Пространственный анализ. Помните, миминты в этом лучше нас в пятьдесят раз. Если оставите прореху – они ее найдут и используют.

– Если они вообще здесь есть, – раздался новый голос из толпы.

– Если они вообще здесь есть, – согласилась Сильви. – Могут быть, а могут и не быть. Добро пожаловать на Новый Хок. Теперь, – она встала на подножку грав-жука и огляделась. – Есть *конструктивные* мысли?

Тишина. Шарканье ног.

Сильви улыбнулась.

– Хорошо. Тогда начнем прочесывать. Лучеобразный поиск, как договорились. *Чистого скана*.

Раздался нестройный радостный хор, поднялись кулаки с железом. Какой-то идиот пальнул молнией из бластера в небо. Последовали радостные вопли и взрывной энтузиазм.

– …надерем задницу поганым миминтам…

– Оставлю *кучу* трупов, чувак. Гребаную кучу.

– Драва, детка, мы *идем*!

Киёка подъехала ко мне с другого бока и подмигнула.

– Им все это пригодится, – сказала она. – Это и еще больше. Сам увидишь.

* * *

Через час я понял, что она имела в виду.

Это была медленная и раздражающая работа. Пройти пятьдесят метров по улице на скорости паутинной медузы, обходя обломки и сдохшие наземные машины. Следить за сканерами. Остановиться. Подождать, пока пешие чистильщики войдут в здания по сторонам и проберутся до двадцатых этажей осторожным шагом. Слушать их искаженные стенами передачи. Следить за сканерами. Пометить, что здание чистое. Подождать, пока спустятся пешие. Следить за сканерами. Пройти дальше – еще на пятьдесят метров с задержками. Следить за сканерами. Остановиться.

Мы ничего не находили.

Солнце сражалось в безнадежной битве с облачным покровом. Через некоторое время пошел дождь.

Следить за сканерами. Пройти по улице. Остановиться.

– Не так прикольно, как в рекламе, а? – Над Киёкой висели волшебно выглядящие брызги дождя, от которых ее закрывали невидимые экраны жука; она кивнула на пеших чистильщиков, исчезнувших в очередном доме. Они уже вымокли до нитки, и напряженное возбуждение с огнем в глазах быстро шло на убыль. – Возможности и приключения в неведомом краю Нового Хока. Прихватите зонтик.

Сидящий позади нее Лазло усмехнулся и зевнул.

– Брось ты, Ки. Всем надо с чего-то начинать.

Киёка отклонилась назад, оглянулась через плечо.

– Эй, Сильви. Сколько нам еще до…

Сильви подала знак – один из емких жестов, которые я видел в деле после перестрелки с Юкио. Чутье посланников указало мне на дрожь века Киёки, принимающей информацию от командной головы. Лазло довольно кивнул себе.

Я стукнул пальцем по рации, которую мне дали вместо прямого доступа к черепу командной головы.

– Происходит что-то, о чем мне надо знать, Сильви?

– Не, – вернулся пренебрежительный голос Орра. – Когда тебе надо будет знать, мы скажем. Да, Сильви?

Я оглянулся на нее.

– Да, Сильви?

Она немного устало улыбнулась.

– Пока рано, Микки.

Следить за сканерами. Пройти по мокрым от дождя разгромленным улицам. Экраны жуков выглядели как переливающиеся овальные зонты брызг у нас над головами;

пешие чистильщики матерились и мокли.

Мы ничего не находили.

К полудню мы углубились на пару километров в город, и рабочее напряжение уступило скуке. Ближайшие команды занимали пару десятков улиц с каждой стороны. Их транспорт обозначался на картах лениво рыскающими отрядами, а если настроиться на главный канал, было слышно пеших чистильщиков, ворчащих при подъеме в зданиях, в чьих голосах не осталось и следа от прежнего убийственного энтузиазма.

– О, гляньте, – вдруг пророкотал Орр.

Проезд, на котором мы работали, вильнул вправо и тут же уперся в круглую площадь с застройкой в стиле пагод; кольцо зданий замыкал многоэтажный храм на широких колоннах в противоположном конце. На открытом пространстве там, где было повреждено уличное покрытие, широкими лужами скапливался дождь. Не считая огромных покосившихся останков выгоревшей пушки-скорпиона, укрытия нигде не было.

– Эту они прикончили вчера ночью? – спросил я. Лазло покачал головой.

– Не, эта тут уже много лет торчит. Кроме того, по словам Оиси, вчерашнюю так и не достроили выше корпуса, когда уже поджарили. А эта, перед тем как сдохнуть, была ходячей и говорящей самоходной мимингской скотиной.

Орр бросил на него хмурый взгляд.

– Лучше спустить мальков на землю, – сказала Киёка.

Сильви кивнула. Она поторопила по местному каналу чистильщиков из последних зданий и собрала за гравжуками. Они стирали капли дождя с лиц и с досадой смотрели на площадь. Сильви встала на подножку сзади жука и включила громкую связь на куртке.

– Ладно, слушайте, – сказала она. – Кажется, здесь безопасно, но точно знать нельзя, так что новый порядок. Жуки пройдут к дальнему концу и проверят первый этаж храма. Скажем, десять минут. Затем один жук вернется и будет стоять на стреме, пока остальные двое прочешут площадь по краям. Когда они придут в целости, идем клином, и пешие чистильщики проверят верхние этажи храма. Все поняли?

Угрюмая волна согласия вдоль шеренги. Им уже было плевать. Сильви кивнула.

– Идет. Тогда за дело. Чистого скана.

Она развернулась на жуке и снова села за Орром. Когда она наклонилась к нему, я видел, как шевелятся грубы, но синт-оболочка ничего не могла расслышать. Бормотание движка слегка усилилось, и Орр повез их на площадь. Киёка на жуке с Лазло

заняла позицию слева и последовала за ними. Я склонился над собственной приборной доской и взял на себя правый фланг.

После несколько давящих задушенных мусором улиц площадь казалась одновременно и свободнее, и опаснее. Воздух как будто стал легче, брызги на экране жука – слабее. На открытом пространстве жукам наконец довелось показать скорость. Возникло иллюзорное ощущение движения…

…и риска.

Чутье посланников зацарапало, привлекая внимание. Проблема, сразу за горизонтом восприятия. Что-то где-то рванет.

Трудно объяснить, какие именно подсознательно пойманные детали стронули ее в этот раз. Интуитивные функции посланников и в лучшие времена – способности темпераментные, а с тех пор как мы покинули плацдарм, весь город казался одной сплошной ловушкой.

Но все же это нельзя игнорировать.

Нельзя игнорировать интуицию, когда она спасала твою жизнь тысячу раз на таких разных планетах, как Шария и Адорасьон. Когда она прошита в самую твою суть – глубже, чем воспоминания о детстве.

Мои глаза непрерывно сканировали пагоды боковым зрением. Правая рука напряженно лежала на оружейной консоли.

Приближалась пушка-скорпион.

Почти полпути.

Вот!

Вспышка аналога адреналина, такая грубая в синтсистеме. Рука легла на кнопку огня…

Нет.

Только кивающие цветы той растительной жизни, что пролезла к свету через расколотый корпус пушки. Капли дождя нежно прибивали цветки к стеблям.

Дыхание вернулось в норму. Мы прошли «Скорпион» и полпути до храма. Ощущение неминуемого контакта осталось.

– Ты в порядке, Микки? – голос Сильви в ухе.

– Да, – я покачал головой. – Ничего.

Труп Ядвиги за спиной прижался ко мне теснее.

До тени храма мы добрались без происшествий. Над нами высилась каменная стена под наклоном, который вел глаз к ее вершине, где стояли огромные статуи барабанщиков с тайко. Крутые несущие опоры, как пьяные колонны, бесшовно сливались с полом из расплавленного стекла. Из боковых вентиляционных отверстий в зал падал свет, дальше во мраке неустанно звенели ручьи дождевой воды с крыши. Орр въехал на жуке внутрь, как мне показалось, без должной осторожности.

– Хватит, – позвала Сильви достаточно громко, чтобы в зале зазвучало эхо. Она поднялась, оперлась на плечо Орра и легко спрыгнула на пол у жука. – Давайте быстро, ребят.

Лазло соскочил с жука Киёки и походил кругом, похоже, сканируя опоры храма. Начали спешиваться Орр и Киёка.

– Что мы… – начал я и осекся из-за приглушенного ощущения в мертвой рации в ухе. Я поставил жук на тормоз, стянул рацию и уставился на нее. Затем перевел взгляд на деКомовцев и то, чем они занимались. – *Хой!* Никто не хочет объяснить, что за хрень происходит?

Киёка рассеянно улыбнулась мне на ходу. Она несла ремень со взрывчаткой, которой бы хватило, чтобы…

– Отдыхай, Микки, – сказала она легко. – Сейчас закончим.

– Тут, – говорил Лазло. – Тут. И тут. Орр?

Великан махнул с другой стороны пустого зала.

– Принято. Все, как ты думала, Сильви. Максимум на парочку больше.

Они закладывали взрывчатку.

Я поднял взгляд на своды на колоннах.

– О нет. О нет, да вы *прикалываетесь*, – я хотел слезть, но на груди крепче сжалась мертвая хватка Ядвиги. – Сильви!

Она быстро оглянулась, сидя на корточках на стеклянном полу перед черным компьютером в кофре жука. На экране отображались пятна разноцветной информации, менявшиеся, когда она печатала на клавиатуре.

– Еще пара минут, Мик. И все.

Я ткнул большим пальцем на Ядвигу.

– Сними с меня эту хрень, пока я ее не сломал, Сильви. Она вздохнула и встала. Ядвига отпустила меня и обмякла. Я повернулся на жуке и поймал ее прежде, чем она опрокинулась на пол. В этот же момент ко мне подошла Сильви. Она кивнула.

– Ладно. Хочешь помочь?

– Хочу знать, какого хера вы творите.

– Потом. Сейчас можешь достать нож, который я дала тебе в Текитомуре, и вырезать для меня стек из позвоночника Яд. Похоже, это твой ключевой навык, и не знаю, кто из нас захочет тебя заменить.

Я опустил взгляд на мертвую женщину в руках. Она падала лицом вниз, и линзы соскользнули. Один глаз поймал слабый свет.

– Ты хочешь, чтобы я извлек его *сейчас*?

– Да, сейчас, – ее глаза поднялись к ретинальному дисплею. Время явно поджимало. – За три минуты, потому что больше у нас нет.

– На этой стороне закончил, – окликнул Орр.

Я слез с жука и опустил Ядвигу на стекло. Нож лег в руку, словно был там всегда. Я срезал одежду у затылка и снял ее, обнажив бледную кожу. Затем включил клинок.

Все остальные в храме при этом звуке невольно подняли взгляд. Я посмотрел в ответ, и они отвернулись.

Позвоночник Яд вышел после пары ловких надрезов и быстрого выкорчевывания. Запах был неприятный. Я вытер нож о ее одежду и убрал, выпрямился, изучая позвонок в клочках мяса. Ко мне широкими шагами подошел Орр и протянул руку.

– Это возьму я.

Я пожал плечами.

– С удовольствием. Пожалуйста.

– Все готово, – у бортового компьютера Сильви сложила кулак в жесте, который кричал о безвозвратности. Она встала. – Ки, возьмешь на себя эту честь?

Киёка подошла и встала рядом со мной, глядя на изувеченный труп Яд. В ее руке было гладкое серое яйцо. Казалось, мы простояли молча долгое время.

– Время, Ки, – тихо сказал Лазло.

Очень нежно Киёка присела у головы Ядвиги и поместила гранату в место, что я вырезал под затылком. Когда она вставала, в ее лице что-то изменилось.

Орр мягко коснулся ее руки.

– Будет как новенькая, – сказал он.

Я посмотрел на Сильви.

– Может, теперь поделитесь планами?

– Конечно, – командная голова кивнула на сумку. – Лазейка. Через пару минут взорвется инфомина, вырубит у всех рации и сканеры. Еще через пару минут сработает ее шумная подружка. Всюду ошметки Яд, потом рухнет здание. А мы утечем. Через заднюю дверь. С защищенными движками мы выдержим ЭМИ, а когда у мальков оживут сканеры, мы уже будем на краю доступа, невидимыми. Они найдут остатки Яд и решат, что мы наткнулись на гнездо каракури или умную бомбу и испарились при взрыве. А мы снова будем свободными агентами. Как нас и устраивает.

Я покачал головой.

– Самый идиотский план, что я слышал. А если…

– Эй, – Орр недружелюбно буравил меня взглядом. – Не нравится – можешь тут и оставаться на хрен.

– Шкипер, – снова Лазло, на этот раз довольно нервно. – Может, вместо того, чтобы болтать, просто уже *сделаем*? Вот в эти две минуты? Что скажешь?

– Ага, – Киёка бросила взгляд на раскинувшийся труп Ядвиги,

затем отвернулась. – Пора сматываться. Живо.

Сильви кивнула. Сачки оседлали жуков, и мы двинулись клином на звук льющейся воды в задней части храма.

Никто не оглядывался.

Глава восьмая

Насколько нам было видно, все сработало идеально. Мы были уже в добрых пятистах метрах с другой стороны храма, когда рвануло. Приглушенная серия детонаций, затем рокот, перерастающий в рев. Я повернулся на сиденье – теперь, когда Ядвига была в кармане Орра, а не ехала сзади, обзору ничего не мешало – и в узком обрамлении улицы увидел, как все строение недраматично оседает к земле в клокочущем облаке пыли. Через минуту мы спустились в подземный туннель, и я лишился даже этого ограниченного улицей вида.

Я поравнялся с остальными жуками.

– И вы все это продумали заранее? – спросил я. – С самого начала знали, что сделаете?

Сильви мрачно кивнула в тусклом свете туннеля. В отличие от храма, здесь это было ненамеренным. Устаревшая обшивка из иллюминия над головой еще светила голубоватым на последнем издыхании, но в ночь с тройной луной и чистым небом видимость была бы лучше. На жуках тут же автоматически включились навигационные огни. Туннель свернул направо, и мы лишились остатков солнечного света от входа позади. Стало холоднее.

– Мы тут уже пятьдесят раз бывали, – объяснил Орр. – Каждый раз храм казался планом побега на блюдечке. Просто не надо было никуда убегать.

– А, ладно, спасибо, что рассказали.

Рябь смеха деКомовцев в синеватом сумраке.

– Дело в том, – сказал Лазло, – что мы не могли посвятить тебя в планы без общения вслух в реальном времени, а это неудобно. Шкип ввела нас в курс по командной сети за пятнадцать секунд. А с тобой пришлось бы разговаривать, ну знаешь, словами и ртом. И при таком количестве передового радиожелеза на базе никогда не знаешь, кто нас слушает.

– У нас не было выбора, – сказала Киёка.

– Не было выбора, – вторила Сильви. – Тела горели, и небеса кричали, и они говорили мне, я говорила себе… – она прочистила горло. – Простите, ребят. Опять гребаная утечка. Когда вернемся на юг, надо уже что-то с этим сделать.

Я кивнул туда, откуда мы вернулись.

– И скоро они снова поднимут системы сканов?

ДеКомовцы переглянулись. Сильви пожала плечами.

– Десять, пятнадцать минут, в зависимости от софта-предохранителя.

– Обидно будет, если в это время появятся каракури, а? Киёка

фыркнула. Лазло поднял бровь.

– Ага, вот именно, – пророкотал Орр. – Обидно. Такая в Новом Хоке жизнь, привыкай.

– Да и в любом случае, – терпеливо и здраво заметила Киёка. – В Драве нет никаких сраных каракури. Они не…

Металлический лязг впереди.

Снова напряженный обмен взглядами. На всех трех жуках загорелись в готовности оружейные консоли – предположительно, вмешательство командной головы Сильви, – и маленький конвой замер на месте. Орр выпрямился.

Впереди в сумраке стоял брошенный транспорт. Никакого движения. Откуда-то из-за следующего поворота туннеля донесся отчаянный грохот.

Лазло натянуто улыбнулся в полутьме.

– Так что ты там говорила, Ки?

– Эй, – ответила она слабо. – Я открыта к противоположным мнениям.

Грохот прекратился. Повторился.

– Что за хрень? – пробормотал Орр.

Лицо Сильви было непроницаемым.

– Что бы там ни было, его должна была зацепить инфомина. Лаз, может, начнешь отрабатывать оклад водомерки.

– Конечно, – Лазло подмигнул мне и соскочил с сиденья за Киёкой. Сплел пальцы и вытянул руки перед собой, чтобы они хрустнули. – Включился, здоровяк?

Орр кивнул, уже спешиваясь. Открыл багажник под подножкой жука и вытащил полуметровый лом. Лазло снова улыбнулся.

– Тогда, дамы и господа, пристегните ремни и держитесь подальше. *Чистого скана*.

И ушел, прижимаясь к изгибающейся стене туннеля, пользуясь ею как укрытием, пока не достиг разбитого транспорта, затем метнулся в сторону, показавшись в тусклом свете легче собственной тени. Орр брел за ним – брутальный неандерталец с ломом в левой руке. Я бросил взгляд на жука, где Сильви склонилась вперед, прикрыв глаза, с лицом, на котором было любопытное смешение одновременно присутствия и отсутствия, обозначавшее подключение к сети.

Настоящая поэзия.

Лазло схватился одной рукой за край обломков и подтянулся, как обезьяна, на крышу. Неподвижно застыл, слегка наклонив голову. Орр держался сзади, у изгиба туннеля. Сильви что-то неслышно пробормотала себе под нос, и Лазло сдвинулся. Один прыжок – и только он коснулся пола туннеля, как уже бежал.

Наискосок, за поворот к чему-то, чего я уже не видел. Орр вышел на середину, расставив для равновесия руки, изготовившись и глядя в сторону, где исчез водомерка. Через долю секунды и полдесятка быстрых решительных шагов он тоже скрылся из виду.

Тянулись секунды. Мы сидели в синем полумраке и ждали.

Тянулись секунды.

И…

– …ну и что за?..

Голос Сильви, озадаченный. Растущий в громкости – она отключалась от связи и снова давала реальному миру завладеть ее чувствами. Моргнула пару раз и искоса глянула на Киёку.

Худощавая женщина пожала плечами. Только сейчас я понял, что она тоже участвовала – настроилась на балет, который я наблюдал лишь со стороны, слегка напряженный, оставшись в седле жука, пока она, как и вся команда, шла по туннелю на плечах Лазло.

– Ни хрена не поняла, Сильви.

– Ладно, – взгляд командной головы обратился ко мне. – Вроде безопасно. Давай глянем.

Мы осторожно повели жуков за поворот и спешились, чтобы рассмотреть то, что нашли Лазло и Орр.

Существо на коленях можно было назвать гуманоидом с очень большой натяжкой. У него была голова на основном каркасе, но человеческую она напоминала только потому, что что-то разорвало корпус и оставило внутреннюю хрупкую структуру частично обнаженной. На самом верху осталось широкое кольцо, напоминающее нимб, оно держалось над остатками головы на скелетной раме.

Были у него и конечности, приблизительно там же, где у людей, но в таком количестве, что на ум приходили скорее насекомые, чем млекопитающие. С одной стороны тела две из четырех рук были неподвижны и безвольно обвисли, а одна была обожженной и изжеванной. С другой стороны одну конечность оторвало напрочь, с большим ущербом корпусу, а еще две явно остались бесполезны. Они пытались сдвинуться, но с каждой попыткой из обнаженных схем дико брызгали искры, пока движение не умирало в судорогах. Вспышки света бросали на стены скачущие тени.

Было непонятно, функционируют ли четыре нижние конечности или нет, но при нашем приближении существо не пыталось подняться. Лишь удвоили усилия три еще функционирующие руки, они что-то искали во внутренностях металлического дракона, лежавшего на полу туннеля.

У машины по бокам было четыре мощных на вид ноги,

кончавшихся когтями, длинная угловатая голова, забитая вспомогательным многоствольным оружием, и шипастый хвост, что мог вонзаться в землю для дополнительной стабильности. Имелись даже крылья – переплетенная рама с направленными вверх пусковыми установками для основного ракетного вооружения.

Существо было мертво.

Что-то оставило огромные параллельные раны в его левом боку, и ноги под ударом подкосились. Пусковые установки торчали в разные стороны, голова свернута набок.

– Пусковая установка «Комодо», – сказал Лазло, осторожно обходя открывшееся зрелище. – И каракури-монтер. Ты проиграла, Ки.

Киёка покачала головой.

– Бред какой-то. Что он здесь делает? И что *вообще* он делает, если уж на то пошло?

Каракури наклонил голову и взглянул на нее. Работающие конечности выползли из раны в теле дракона и зависли над корпусом в странном защитном жесте.

– Ремонт? – предположил я.

Орр хохотнул.

– Ага. Каракури – монтеры только до определенного момента. А после этого становятся мародерами. Такие раздолбанные штуки они разбирают для кооперативного кластера, чтобы построить что-нибудь новое. Но не пытаются *починить*.

– И это еще не все, – Киёка обвела рукой туннель. – Мехкуклы нечасто ходят поодиночке. Где остальные? Сильви, ты же ничего не принимаешь, да?

– Ничего, – командная голова задумчиво оглядела туннель. На серебре ее волос сверкнул голубой отблеск. – Дальше до конца пусто.

Орр взвесил лом.

– Ну, мы отключаем его или что?

– Стоит все равно смешные деньги, – проворчала Киёка. – Даже если бы мы могли оставить на него заявку, а мы не можем. Может, просто бросим малькам?

– Я не собираюсь ехать по туннелю, – сказал Лазло, – пока эта хреновина фурычит где-то в тылу. Выключай, здоровяк.

Орр вопросительно глянул на Сильви. Она пожала плечами и кивнула.

Лом опустился. Нечеловечески быстро – прямо на скорлупу головы каракури. Металл заскрежетал и разорвался. Нимб отлетел, заскакал по полу и укатился в тень. Орр вытащил лом и размахнулся еще. Поднялась одна из рук машины, защищаясь, –

лом вмял ее в остатки головы. Каракури в странном молчании пытался подняться на нижние конечности – теперь я видел, что они безнадежно исковерканы. Орр ухнул, поднял ботинок и тяжело наступил. Машина опрокинулась, мотая руками в сыром воздухе туннеля. Великан надвинулся, орудуя ломом с экономной и натренированной дикостью.

Это заняло немало времени.

Когда он закончил, когда сухие искры затухли в его ногах, Орр выпрямился и вытер лоб. Он тяжело дышал. Снова бросил взгляд на Сильви.

– Сойдет?

– Да, он выключился, – она направилась назад к их общему жуку. – Пойдем, надо торопиться.

Когда мы снова оседали транспорт, Орр заметил, как я наблюдаю за ним. Добродушно поднял брови и надул щеки.

– Ненавижу, когда приходится выключать вручную, – сказал он. – Особенно когда просадил столько кредов на апгрейды бластера.

Я медленно кивнул.

– Да уж, непросто.

– А как доберемся до Нечистой, будет лучше, увидишь. Куча места, чтобы развернуть железо во всей красе, незачем прятать выплески. Но все-таки, – он показал на меня ломом. – Если снова будем работать руками, теперь и ты в деле. Можешь выключить следующего.

– Спасибо.

– Эй, да не за что, – он протянул лом через плечо Сильви, и она его убрала. Жук задрожал под руками Орра и двинулся вперед, мимо обломков павшего каракури. Снова поднятые брови и ухмылка. – Добро пожаловать в деКом, Микки.

Часть вторая
Это кто-то еще

Натяни новую плоть, как чужие перчатки,
И снова сожги пальцы.

Граффити в Бей-сити на скамейке у Центральной тюрьмы

Глава девятая

Шорох помех. Общий канал был открыт нараспашку. – Слушайте, – сказала пушка-скорпион рассудительно. – В этом нет необходимости. Просто оставьте нас в покое.

Я вздохнул и переставил затекшие конечности в тесноте под утесом. В скалах завывал холодный полярный ветер, морозил лицо и руки. Небо над головой было стандартного для Нового Хока серого цвета – северный зимний свет скупого солнца уже шел на убыль. В тридцати метрах под горой, к которой я прилип, в долину сбегала длинная тропинка щебенки, к изгибу реки и горстке архаичных прямоугольных зданий из баббл-ткани, составлявших куэллистский пост прослушивания. Где мы были всего час назад. Из одной постройки, которую самоходка поразила умным снарядом, все еще поднимался дым. Вот тебе и программные параметры.

– Оставьте нас в покое, – повторила она, – и мы поступим так же.

– Никак не можем, – пробормотала Сильви мягким и отрешенным голосом, пока приводила командную сеть в боевую готовность и прощупывала систему кооперативной артиллерии на предмет брешей. Разум набросил тончайшую сеть восприятия на окружающий ландшафт, словно шелковый платок на пол. – И ты сама это знаешь. Ты слишком опасна. Вся твоя система жизни враждебна нам.

– Ага, – к новому смеху Ядвиги еще предстояло привыкнуть. – А кроме того, мы тут жить хотим, блин.

– Суть власти, – сказал пропагандистский дрон где-то выше по течению, – в том, чтобы земля продолжала оставаться исключительно общим благом. Экономическая конституция государства…

– Это *вы* здесь агрессоры, – пушку-скорпион перебил дрон с намеком на нетерпение. Пушку запрограммировали на сильный миллспортский акцент, который чем-то напоминал мне покойного Юкио Хираясу. – Мы просим только о спокойном существовании, как в последние три века.

Киёка фыркнула.

– Да ну *хватит*.

– У нас это не так работает, – пророкотал Орр.

И с этим было трудно поспорить. За пять недель с того времени, как мы улизнули из пригородов Дравы в Нечистую, Сачки Сильви уничтожили четыре кооперативных системы и свыше десятка отдельных автономных мимантов разных форм и

размеров, не говоря уже о россыпях законсервированного железа, которое мы нашли в командном бункере, где хранилось и мое новое тело. Сильви и ее друзья накопили огромное вознаграждение. При условии, что они избегут полусформировавшихся подозрений Курумаи, временно они стали очень богаты.

А значит, в каком-то смысле и я.

– …те, кто обогащается за счет эксплуатации этих отношений, не могут допустить эволюцию истинной представительной демократии…

Этот дрон все мозги уже продронил.

Я напряг нейрохимические глаза и осмотрел долину в поисках кооператива. Усовершенствования новой оболочки по современным стандартам были базовые – например, не имелось визуального дисплея чипа времени, какими теперь оснащаются даже самые дешевые синтоболочки, – но работала она гладко и мощно. Куэллистская база вскочила перед глазами так близко, что хоть руку протяни. Я осмотрел пространство между баббл-тентами.

– …в борьбе, что снова и снова поднимает голову всюду, где ступает человечество, поскольку всюду находятся рудименты…

Движение.

Приземистые кучки конечностей, словно большие разумные насекомые. Семенящий авангард каракури. Взламывали задние двери и окна с легкостью открывашки, проскальзывали и выскальзывали обратно. Я насчитал семерых. Где-то треть – Сильви оценила наступательную силу кооператива почти в двадцать мехкукол, а также засекла три танка-паука – два из них слеплены из запчастей, – и, конечно, центральную самоходку – пушку-скорпион.

– Тогда вы не оставляете мне выбора, – сказала пушка. – Вы вынуждаете меня нейтрализовать ваше вторжение немедленно.

– Ага, – Лазло подавил зевок. – Вынуждаем попробовать. Флаг тебе в руки, мой железный дружок.

– Я уже в процессе.

Слабая дрожь – я представил, как смертоносное орудие ползет по долине нам навстречу, пока глаза-тепловизоры ищут наши следы. Мы уже два дня выслеживали в этих горах кооператив миминтов, и внезапно стать добычей самим оказалось неприятным поворотом. Стелс-костюм с капюшоном ограничил тепловое излучение тела, а лицо и руки были щедро облиты хамелеохромным полимером примерно с тем же эффектом, но под сводом утеса над головой и двадцатиметровой пропастью под узким карнизом, где едва уместились мои ноги, трудно было не

почувствовать себя прижатым к стенке.

Просто голова закружилась, Ковач. Приди в себя.

Очередная ирония в моей новой жизни, правда, сейчас у меня даже улыбнуться не получалось. Наряду со стандартным боевым биотехом недавно обретенная оболочка – «Эйшундо Органикс», кем бы они когда-то ни были, – шла в комплекте с геном геккона в ладонях и подошвах. Я мог – если, конечно, с какого-то хрена захотел бы, – заползти на сто метров по отвесной скале с той же легкостью, с какой большинство людей поднимается по лестнице. При хорошей погоде я бы мог взобраться босиком, тем самым удвоив хватку, но и на одних руках мог провисеть сколько угодно. Миллион крошечных искусственных щетинок в ладонях крепко вошли в камень, а идеально настроенной свеженькой мускульной системе требовалась лишь иногда менять положение тела, чтобы отогнать усталость из-за долгого напряжения. Ядвига, переоблаченная в резервуаре по соседству и взбудораженная обновкой, когда обнаружила гентех, издала ликующий вопль, а потом весь день ползала по стенам и потолку бункера, как ящерица на тетрамете.

Лично я высоту не люблю.

В мире, где никто не поднимается в воздух из страха перед ангельским огнем, это обычное явление. Подготовка чрезвычайных посланников давит страх с плавной силой тяжелого гидравлического пресса, но все равно остаются миллионы усиков тревоги и неприязни, которыми мы предохраняемся от фобий каждый день. Я пробыл на скале уже с час и почти готов был сам выдать себя пушке-скорпиону, если бы перестрелка позволила поскорее спуститься.

Я перевел взгляд, присмотрелся к северной стене долины. Яд была где-то там, ждала. Я обнаружил, что почти мог ее представить. В таком же стелс-режиме, куда более грациозная, но все же без внутренней прошивки, которая бы крепко связала ее с Сильви и остальной командой. Как и я, она обходилась индукционным микрофоном и зашифрованным аудиоканалом, приклепанным к командной сети Сильви. Шансов, что миминты его взломают, было немного – они отставали в криптографии на двести лет и большую часть этого времени не имели дела с кодами человеческой речи.

Показалась пушка-скорпион. В такой же хаки-маскировке, что и каракури, но достаточно массивная, чтобы бросаться в глаза даже без усиленного зрения. Все еще в километре от базы куэллистов, но уже пересекла реку и занимала высоту на южной стороне с прямой видимостью на укрытие, которое заняла остальная команда ниже по реке. Хвост первичного орудия, из-за

которого она заслужила свое название, изготовился к горизонтальному огню.

Я включил подбородком шифрованный канал и пробормотал в индукционную рацию.

– Контакт, Сильви. Либо действуем сейчас, либо отступаем.

– Полегче, Микки, – протянула она в ответ. – Я уже вхожу в них. И пока что мы хорошо спрятались. Она не начнет палить по долине наугад.

– Ага, с куэллистскими установками она и не должна была палить. Запрограммированные параметры. *Это* помнишь?

Короткая пауза. Я слышал, как на заднем фоне квохчет Ядвига, изображая цыпленка. На основном канале болботал дрон.

Сильви вздохнула.

– Ну просчиталась я с ее политической прошивкой. Знаешь, сколько здесь возилось фракций во время Отчуждения? И под конец все срались между собой, вместо того чтобы объединиться против правительственных войск. Знаешь, как трудно отличить некоторые из них на уровне риторики? Это наверняка какая-нибудь захваченная правительственная броня, которую перепрошило очередное паракуэллистское ответвление после Алабардоса. Может, Фронт Протокола Семнадцатого Ноября, или Ревизионисты Дравы. Кто их разберет?

– И кому это надо? – вторила Ядвига.

– Нам, – заметил я, – если бы час назад мы завтракали в двух бабблах левее.

Здесь я, конечно, передернул – если умный снаряд и промазал, то благодарить за это надо было только нашу командную голову. Перед глазами снова проигралась утренняя сцена во всех деталях. Сильви вдруг вскочила из-за стола с пустым лицом, улетевшим мозгом – навстречу тонкому электронному визгу снаряда, который засекла только она. Применяя вирусные передачи – ложные цели – на скорости компьютера. Только целые секунды спустя я услышал пронзительный свист параболы умного снаряда в небе над нами.

– *Корректируйся!* – прошипела она нам с пустыми глазами и голосом без выразительности, срезанным до нечеловеческой интонации. Чистый слепой рефлекс, центры речи в мозге выплюнули аналог того, чем она шпиговала снаряд на уровне передач – как у человека, который яростно жестикулирует в разговоре по аудиотелефону. – *А ну, сука, корректируй параметры.*

Снаряд взорвался.

Приглушенный хруст, когда рванула первичная система детонации, дробь легких обломков по нашей крыше, затем – ничего. Она заблокировала основной заряд, изолировала от

детонатора аварийными протоколами отключения, украденными из его же рудиментарного мозга. Запечатала и убила вирусными плагинами деКома.

Мы рассеялись по долине, как семена белаводорослей из стручка. Жалкое подобие нашей заученной формации для засады – водомерки далеко друг от друга впереди, пока Сильви и Орр держатся сзади, на вершине строя, с грав-жуками. Маскируемся, прячемся и ждем, пока Сильви готовит головную артиллерию и тянется к приближающемуся врагу.

– …наши воины выйдут из листвы их обычных жизней, чтобы сровнять с землей то здание, что многие столетия…

Теперь на противоположном берегу я разглядел первый танк-паук. Он ворочал башней влево и вправо, застыв на краю растительности у берега. По сравнению с громоздким корпусом пушки-скорпиона они казались хлипкими машинами, даже меньше, чем пилотируемые версии, которые я уничтожал в мирах вроде Шарии или Адорасьона, но при этом были такими чуткими и внимательными, каким никогда не быть живому экипажу. Следующие десять минут я ожидал без предвкушения.

Глубоко в боевой оболочке зашевелилась, как змея, химия насилия и назвала меня лжецом.

В мягкое течение реки плавно вступил второй танк, затем третий. За ними на берег высыпали каракури.

– Поехали, народ, – пронзительный шепот, ради меня и Ядвиги. Остальные и так уже знали, получив команду по внутренней сети быстрее сознательной человеческой мысли. – Через первичные заслоны. По моему приказу.

Самоходка прошла горстку баббл-тентов. Лазло и Киёка заняли позиции ближе к реке, меньше двух километров ниже по течению от базы. Авангард каракури уже почти вышел на них. В десятке мест, где они проходили, шевелились кустарник и высокая серебристая трава. Остальные держались с машинами покрупнее.

– *Сейчас!*

Распустился огонь, бледный и внезапный, среди деревьев ниже по течению. Орр стрелял по первым мехкуклам.

– *Пошли! Пошли!*

Ведущий танк-паук слегка запнулся в воде. Я уже был в пути – вниз к скале по маршруту, который просчитал раз десять, пока ждал под утесом. В водопаде секунд оболочка «Эйшундо» с машинной элегантностью несла меня к месту. Я прыгнул через последние два метра и попал на осыпающийся уклон. На неровной поверхности попыталась подвернуться лодыжка – аварийные сервомышцы натянулись и остановили ее. Я вскочил и

побежал.

Башня паука развернулась. Склон там, где я только что был, превратился в крошку. Осколки ужалили меня в затылок и поцарапали щеку.

– Эй!

– Прости, – в ее голосе звенело напряжение, как непролитые слезы. – Уже.

Следующий выстрел был заметным перелетом – наверное, целился в застрявшее в прошлом изображение того, как я слезал со скалы, которое Сильви воткнула в прицельный софт, а может, выстрел сделан вслепую в машинном эквиваленте паники. Я с облегчением хмыкнул, выхватил осколочный бластер «Ронин» из чехла на спине и сошелся с миминтами.

Что бы Сильви ни сделала с системами кооператива, это оказалось брутально и эффективно. Танки-пауки пьяно шатались, стреляя наугад в небо и верхние выступы по бокам долины. Вокруг носились каракури, словно крысы на тонущем плоту. Посреди всего торчала пушка-скорпион – видимо, парализованная; они припали к земле.

Я долетел до пушки меньше чем за минуту, доводя биотех оболочки до анаэробных пределов. В пятнадцати метрах от нее под ноги сунулся полуотключенный кара-кури, растерянно размахивая верхними конечностями. Я выстрелил в него из «Ронина» с левой, услышал мягкий кашель заряда и увидел, как буря мономолекулярных осколков рвет его на части. Оружие звякнуло новым патроном в каморе. Против мелких миминтов это было оружие разрушительной силы, но пушка-скорпион была в тяжелой броне, ее внутренние системы сложно повредить прямым огнем.

Я приблизился, пришлепнул ультравибрационную мину на один из высоких металлических боков, а потом попытался уйти подальше, пока не грянет взрыв.

И тут что-то пошло не так.

Пушка-скорпион дернулась вбок. Оружейные системы на хребте внезапно пробудились и развернулись. Одна из массивных ног подобралась и пнула куда-то в мою сторону. Случайно или нет, но удар задел меня по плечу, рука онемела, а сам я рухнул во весь рост в высокую траву. Из потерявших чувствительность пальцев выпал осколочный бластер.

– Блин.

Пушка снова пробудилась. Я встал на карачки и увидел краем глаза движение. На меня пыталась навести пулеметы, расположенные высоко на корпусе, вторичная башня. Я заметил бластер в траве и нырнул за ним. В мышцы вбрызнулись

химикаты боевой оболочки, в онемевшую руку просочились ощущения. Пулеметная башня на корпусе самоходки надо мной заработала, и пули разорвали траву. Я схватился за бластер и панически перекатился назад к пушке-скорпиону, чтобы уйти из-под угла огня. Пулеметный дождь следовал за мной, осыпая взметнувшейся землей и измельченной травой. Одной рукой я закрыл глаза, правой поднял «Ронин» и выстрелил вслепую на звук. Боевые навыки наверняка сами направили руку – буря пуль захлебнулась.

А ультравибрационка ожила.

Это похоже на рой осенних огнянок в припадке голодного безумия, усиленный для какой-то документалки про жизнь жуков. Истошный, верещащий звук взрыва – бомба разорвала молекулярные связи и превратила метровую сферу бронированной техники в железные опилки. Оттуда, где я пришлепнул мину, фонтанировала металлическая пыль. Я пополз спиной от бока пушки, вытаскивая из сумки вторую мину. Они ненамного больше миски для рамена, которые очень напоминают видом, но если попадешь в радиус взрыва – покрошит в фарш.

Крик первой мины оборвался – ее поле схлопнулось, и она сама обратилась в пыль. Из огромного разрыва повалил дым. Я взвел детонатор на новой мине и закинул в дыру. Ноги пушки напряглись и топнули чересчур близко, но движение казалось судорожным. Миминт, похоже, потерял чувство ориентации и не понимал, откуда нападают.

– Эй, Микки, – Ядвига на секретном канале, слегка озадаченная. – Тебе помочь?

– Да нет. А тебе?

– Не, просто тебе стоит… – остальное заглушил вой новой мины. Пробитый каркас блеванул свежей пылью и фиолетовым электрическим разрядом. На основном канале пушка-скорпион издала пронзительный электронный плач, пока ультравибрационка вгрызалась ей в кишки. Я почувствовал, как от звука встали дыбом все волосы на теле.

На заднем фоне кто-то кричал. Похоже на Орра.

Во внутренностях пушки-скорпиона что-то взорвалось и, видимо, вырубило мину, потому что ее чирикающий насекомоподобный визг почти тут же прекратился. Плач пропал, словно кровь, впитавшаяся в иссушенную землю.

– Можно повторить?

– Я *сказал*, – проорал Орр, – командная голова ранена. Повторяю, Сильви *ранена*. Валите оттуда на хрен.

Ощущение, словно покатилось что-то массивное…

– Легче сказать, чем сделать, Орр, – в голосе Яд слышалась

натянутая и напряженная ухмылка. – Мы сейчас немножко как бы заняты.

– Поддерживаю, – проскрипел Лазло. Он пользовался аудиосвязью – вместе с Сильви, видимо, упала и командная сеть. – Тащи артиллерию сюда, здоровяк. Нам бы не поме…

Встряла Киёка:

– Яд, подож…

На краю зрения что-то вспыхнуло. Я развернулся, как раз когда на меня налетел каракури, распялив все восемь рук. В этот раз никакой растерянной запинки, мехкукла пришла в себя и работала на полную мощность. Я убрал голову как раз вовремя, чтобы избежать серпа верхней конечности, и нажал на спусковой крючок осколочного бластера в упор. Выстрел отшвырнул развалившегося каракури с раскрошенной нижней частью. Я на всякий случай добил его верхнюю часть, затем повернулся и обошел дохлый остов пушки-скорпиона, крепко сжав «Ронин» в обеих руках.

– Яд, ты где?

– В реке, блин, – краткие, хрустящие взрывы на заднем фоне связи. – Ищи снятый танк и миллион паскудных каракури, которым не терпится его вернуть.

Я побежал.

* * *

По дороге к реке я убил еще четырех каракури – все двигались слишком быстро для поврежденных. Что бы ни достало Сильви, оно не дало ей времени закончить вторжение в их мозги.

По аудиосвязи вскрикнул и выругался Лазло. Похоже, ранение. Ядвига поливала миминтов нескончаемыми оскорблениями, которым аккомпанировал глухой треск ее осколочного бластера.

Я перескочил катящиеся обломки последней мехкуклы и помчался прямо к берегу. На краю прыгнул. Промозглость ледяной воды на уровне паха и внезапно громкое бурление течения. Мшистые камни под ногами и ощущение, как от горячего пота, в ногах, когда гентех-щетинки инстинктивно попытались зацепиться внутри обуви. Удержать равновесие. Я чуть не упал – чуть. Выгнулся, как дерево на ветру, еле одолел собственную инерцию и остался на ногах по колено в воде. Поискал глазами танк.

Я увидел его ближе к другому берегу, упавшего в быстрый поток примерно метровой глубины. Усиленное зрение показало

мне Ядвигу и Лазло, скучковавшихся у подветренной стороны развалины, и каракури, ползающих по берегу, но мнущихся и как будто не веривших, что справятся с течением реки. Парочка запрыгнула на корпус танка, но не удержалась. Ядвига стреляла с одной руки почти вслепую. Второй рукой она обхватила Лазло. На обоих была кровь.

Сотня метров – слишком далеко для эффективной стрельбы из осколочного бластера. Я вошел в реку, пока вода не достала до груди, но по-прежнему был слишком далеко. Поток пытался меня уронить.

– Да твою ж…

Я оттолкнулся и неуклюже поплыл, прижимая одной рукой «Ронин» к груди. Меня тут же потянуло течение.

– Бли-и-ин…

Вода морозила, заткнула легкие, не считаясь с потребностью дышать, кожа на лице и руках онемела. Течение казалось живым существом, настойчиво тянущим за ноги и плечи, пока я барахтался. Вес осколочного бластера и сумки с ультравибрационными минами пытался утянуть меня на дно.

И утянул.

Я замолотил руками по поверхности реки, хватая ртом воздух, но не успел вздохнуть, как опять ушел с головой.

Возьми себя в руки, Ковач.

Думай.

Возьми себя, твою мать, в руки.

Я рванулся к поверхности, заставил себя всплыть и наполнил легкие. Бросил взгляд на стремительно удаляющуюся развалину танка-паука. Затем позволил себя утащить вниз, потянулся ко дну и схватился.

Щетинки зацепились. Я нашел опору ногами, закрепился и пополз против течения по дну.

Это занимало больше времени, чем хотелось бы.

Местами камни, за которые я хватался, были мелкими или незакрепленными, и они выворачивались из ила. В других местах не нащупывали опору ботинки. Каждый раз я терял секунды и метры, уносился назад. Раз чуть не лишился осколочного бластера. Несмотря на анаэробное улучшение, каждые три-четыре минуты я всплывал за воздухом.

Но добрался.

Через целую вечность хватания и скалолазания в кусачем, злом холоде я встал в воде по пояс, выбрел на берег и вылез из реки, тяжело дыша и отряхиваясь. Пару мгновений я мог только стоять на коленях и кашлять.

Растущий гул машины.

Я с трудом вскочил на ноги, пытаясь хоть как-то удержать осколочный бластер в трясущихся руках. Зубы стучали, будто жевательные мышцы закоротило.

– Микки.

Орр, верхом на одном из жуков, с собственным длинноствольным «Ронином» в поднятой руке. Голый по пояс, с еще не заросшими раструбами от выстрелов на правой стороне груди, вокруг которых дрожал от жара воздух. На лице – остатки стелс-полимера и как будто горелой пыли. Из порезов от ударов каракури на груди и левой руке несильно текла кровь.

Он остановил жука и в шоке уставился на меня.

– Какого хрена с тобой случилось? Я тебя везде обыскался.

– Я, я, я, кара, кара, кара…

Он кивнул.

– Разобрались. Яд и Ки подчищают. Пауки тоже готовы, оба.

– А С-с-с-сильви?

Он отвернулся.

Глава десятая

– Как она?

Киёка пожала плечами. Натянула согревающее одеяло до шеи Сильви и стерла биосалфеткой пот с лица командной головы.

– Трудно сказать. Жар сильный, но после такой встречи это дело обычное. Больше меня беспокоит вот что.

Большой палец ткнул в медицинские мониторы у койки. На одном из приборов поднималось инфополе голо-дисплея, пронизанное фиолетовыми цветами и движением. В одном углу узнавалась грубая схема электрической активности человеческого мозга.

– Это командный софт?

– Да, – Киёка показала на экран. У кончика ее пальца бесились алый, оранжевый и ярко-серый цвета. – Это основная сцепка мозга с командной сетью. А также это место, где сидит система аварийной расцепки.

Я посмотрел на разноцветное мельтешение.

– Много активности.

– Да, слишком. После дела эта зона должна быть черной или синей. Система накачивает анальгетики, чтобы снизить отек в нервных путях, и сцепка на время практически отключается. Обычно Сильви просто спит и встает как новенькая. Но это, – она пожала плечами. – Ничего подобного я раньше не видела.

Я сел на краю кровати и всмотрелся в лицо командной головы. В баббл-тенте было тепло, но я все еще чувствовал холод в костях после реки.

– Что сегодня пошло не так, Ки?

Она покачала головой.

– Не знаю. Если попытаться угадать – наверно, мы наткнулись на антивирь, который уже знал наши системы проникновения.

– В софте трехсотлетней давности? Да ладно.

– Сама понимаю.

– Говорят, они эволюционируют, – в дверях стоял Лазло, с бледным лицом, перевязанной рукой там, где его до кости порезал каракури. За ним склонялся к темноте день Нового Хока. – Пошли вразнос. Мы же здесь как раз из-за этого. Чтобы положить этому конец. Понимаешь, у правительства был совершенно секретный проект по выведению ИскИна…

Киёка зашипела сквозь зубы.

– Не сейчас, Лаз. Чтоб тебя. Не кажется, что нам и так есть из-за чего переживать?

– …и он вышел из-под контроля. *Вот* о чем надо переживать,

Ки. Сейчас. – Лазло вошел в баббл, показывая на инфополе. – Это софт из черной клиники, и он разъест Сильви мозг, если мы не найдем к нему чертеж. А это так себе новости, потому что создатели – *аж в сраном Миллспорте*.

– А *ты*, – заорала Киёка, – *несешь бред!*

– Хой! – к моему удивлению, они оба заткнулись и посмотрели на меня. – Э-э, слушайте. Лаз. Я не представляю, чтобы даже эволюционировавшее ПО так легко узнало именно нашу систему. В смысле, какова вероятность?

– Потому что это *одни и те же люди*, Мик. Ну подумай. Кто пишет для деКома? Кто разработал всю программу деКома? И кто по самое не балуй влез в разработку тайного черного нанотеха? Гребаная администрация Мексека, вот кто, – Лазло развел руками, устало взглянул на меня. – Знаешь, сколько было рапортов, сколько я знаю людей, со сколькими лично говорил, кто видел мимантов, для которых в архиве нет никаких описаний? Весь этот континент – эксперимент, чувак, а люди в нем – крысы. И наш шкипер заблудилась в лабиринте.

Еще движение у дверей – Орр и Ядвига пришли посмотреть, что у нас за крики. Великан покачал головой.

– Лаз, тебе реально пора купить себе черепашью ферму в Ньюпесте, о которой ты рассказывал. Забаррикадируйся и разговаривай с яйцами.

– Иди в жопу, Орр.

– Сам иди, Лаз. Это же серьезно.

– Она не лучше, Ки? – Ядвига подошла к монитору и положила руку на плечо Киёки. Как и моя, ее новая оболочка росла на стандартной харланской основе. Смешанное славянское и японское происхождение обусловило дико прекрасные скулы, веко-носовые складки у бледно-нефритовых глаз и широкий разрез рта. Требования боевого биотеха придали телу спортивное и мускулистое сложение, но оригинальные гены сделали его на удивление изящным. Цвет кожи – коричневый, но выцветший из-за резервуара и пяти недель паршивой погоды Нового Хока.

Смотреть, как она пересекает комнату, было почти как пройти мимо зеркала. Мы были как брат и сестра. Физически мы и *были* братом и сестрой – банк клонов в бункере состоял из пяти разных модулей, в каждом из одного генетического стебля росло с десяток оболочек. Сильви оказалось проще всего раскочегарить один модуль.

Киёка подняла руку и взяла новые длинные пальцы Ядвиги, но это движение было нарочитым, почти неохотным. Стандартная проблема с переоблачениями. Феромоновый букет каждый раз другой, а подавляющее большинство отношений, основанных на

сексе, строятся на этом.

– Ей конец, Яд. Я ничего не могу поделать. Даже не знаю, с чего начать, – Киёка снова показала на инфополе. – Просто не понимаю, что там творится.

Молчание. Все смотрели на цветную бурю.

– Ки, – я замялся, взвешивая идею. Месяц совместного деКома помог мне частично влиться в команду, но Орр по-прежнему видел во мне чужака. У остальных все зависело от настроения. Лазло, обычно легкий в общении, был склонен к внезапным приступам паранойи, из-за которой мое неизвестное прошлое вдруг казалось ему таинственным и зловещим. С Ядвигой отношения наладились лучше, но во многом наверняка из-за генетического сходства оболочек. А Киёка по утрам иногда была настоящей стервой. Я действительно не знал, как они все отреагируют. – Слушай, а можно как-то запустить расцепку?

– *Чего?* – Орр, предсказуемо.

Вид у Киёки был невеселый.

– У меня есть вещества, которые могут сработать, но…

– *Даже не смей отключать ее волосы.*

Я встал с кровати и повернулся к великану.

– А если то, что в них, ее убьет? Лучше, чтобы она была длинноволосая и мертвая?

– Заткни свое гнилое хле…

– Орр, он в чем-то прав, – между нами мягко вклинилась Ядвига. – Если Сильви что-то подцепила с кооператива и ее собственный антивирус не справляется, то для того и нужна расцепка, правильно?

Лазло энергично закивал.

– Может, это ее единственная надежда.

– С ней уже такое было, – упрямо сказал Орр. – В тот раз в каньоне Иямон в прошлом году. Она отключилась на несколько часов, температура крышу пробивала, а потом встала как *прежняя*.

Я заметил, как они переглянулись. *Нет. Не совсем как прежняя.*

– Если я активирую расцепку, – сказала Киёка медленно, – не знаю, чем для нее это обернется. Что бы там ни творилось, она целиком в процессе взаимодействия с командным ПО. Вот откуда жар – она должна отключить связь, но не отключает.

– Да. И это не просто так, – Орр обвел нас огненным взглядом. – Она боец, нахер, и она все еще там, все еще борется. Хотела бы отцепиться – уже сама бы это сделала.

– Ага, а может, то, с чем она борется, ей не позволяет, – я обернулся к кровати. – Ки, она же сохранена, да? Память никак не

связана с командным софтом?

– Да, есть буфер безопасности.

– И пока она в таком состоянии, обновление памяти отключено, да?

– Э-э, да, но…

– Тогда, если даже расцепка ей навредит, на стеке она будет целой и невредимой. Какой у вас цикл обновлений?

Снова обмен взглядами. Киёка нахмурилась.

– Не знаю, что-то вроде стандартного, наверное. Скажем, каждую пару минут.

– Ну…

– Да, тебе-то это в кайф, мистер, блин, Судьба, – Орр ткнул в мою сторону пальцем. – Вырубить тело, вырезать жизнь своим ножичком. Сколько гребаных стеков памяти ты уже с собой таскаешь? На хрена они тебе? Куда ты их все денешь?

– Вопрос не в этом, – сказал я мягко. – Я только говорю, что если расцепка повредит Сильви, то мы сможем спасти память до обновления, а потом вернуться в бункер и…

Он качнулся ко мне.

– *Ты ж ее убить хочешь.*

Его оттолкнула Ядвига.

– Он ее хочет спасти, Орр.

– А как насчет копии, которая живет и дышит прямо здесь и сейчас? Перережешь ей горло *просто потому, что у нее повреждение мозга, а у нас имеется копия получше?* Как поступил со всеми остальными, которых ты не хочешь обсуждать?

Я увидел, как Лазло моргнул и взглянул на меня с новым подозрением. Я обреченно поднял руки.

– Ладно, забудьте. Поступайте, как знаете – я только отрабатываю новую оболочку.

– Мы все равно не можем, Мик, – Киёка опять вытирала лоб Сильви. – Если повреждение слабое, нам понадобится больше пары минут, чтобы его заметить, а тогда уже будет слишком поздно, и оно загрузится в память.

«Эту оболочку все равно можно просто убить, – не сказал я. – *Обойдитесь малой кровью, перережьте горло сразу и извлеките стек…»*

Я посмотрел на Сильви и закусил язык. Как смотреть на родственный клон-оболочку Ядвиги – словно зеркало, где меня застало врасплох промелькнувшее отражение.

Может, Орр и прав.

– Одно ясно, – сказала Ядвига мрачно. – В таком состоянии нам здесь оставаться нельзя. Без Сильви у нас в Нечистой шансов выжить не больше, чем у кучки мальков. Нужно вернуть ее в

Драву.

Снова тишина – все обрабатывали эту мысль.

– Ее можно передвигать? – спросил я.

Киёка скривилась.

– Придется. Яд права, нельзя рисковать и задерживаться здесь. Нужно отступать, и самое позднее – завтра утром.

– Да, и нам бы не помешало прикрытие, – пробормотал Лазло. – Все лучше, чем шестьсот километров до Дравы, не зная, на что напорешься. Яд, какие шансы найти друзей на обратный путь? Сам знаю, что это риск.

Ядвига медленно кивнула.

– Но он наверняка того стоит.

– Придется сидеть всю ночь, – сказал Лазло. – Есть мет?

– А Мици Харлан натуралка?

Она снова коснулась плеча Киёки – робкая ласка на полпути превратилась в деловое похлопывание – и ушла. За ней последовал Лазло, кинув на меня через плечо задумчивый взгляд. Орр стоял над Сильви, сложив руки на груди.

– Даже не думай ее трогать, – предупредил он меня.

* * *

Из относительной безопасности куэллистского поста прослушивания Ядвига и Лазло весь остаток ночи сканировали каналы, выискивая в Нечистой признаки дружелюбной жизни. Они прощупывали континент деликатными электронными усиками, сидели без сна и на веществах в свечении портативных экранов, высматривали сигналы. Мне, наблюдавшему со стороны, это сильно напоминало охоту на подводные лодки, как в старых экспериях с Аленом Мариоттом, вроде «Полярной схватки» и «Глубокой погони». Из-за природы работы деКомовцам нечасто требовалась связь на дальних дистанциях. Слишком высок риск, что перехватит артиллерийская система миминтов или свора каракури-мародеров. Электронные передачи урезались до абсолютно минимального диаметра пробоя, обычно чтобы зарегистрировать добычу. Все остальное время команды в основном молчали.

В основном.

Но опытным взглядом вокруг членов любой команды можно было заметить шепот локального сетевого трафика, робкие признаки электронной активности, которые деКомовцы носили с собой, как запах сигарет на одежде курильщика. Еще более опытным взглядом можно было отличить его от следов миминтов,

а с правильными кодами – начать переговоры. Они просидели до самого рассвета, но в итоге Яд и Лазло умудрились связаться с тремя другими командами деКома, которые работали в Нечистой между нашей позицией и плацдармом в Драве. Между ними запели туда-сюда закодированные сообщения-пробои, чтобы установить личность и условия, и Ядвига откинулась с широкой тетраметовой улыбкой на лице.

– Имей сто друзей, – сказала она мне.

После краткого объяснения все три команды согласились, хотя и с разной степенью энтузиазма, прикрыть наш отход в пределах собственного операционного радиуса. Проявлять подобную щедрость – негласное правило поведения деКомовцев в Нечистой, ведь не знаешь, когда помощь понадобится тебе, но из-за соревновательного духа ремесла и конкурентной отчужденности согласие было неохотным. Позиции первых двух команд вынудили нас идти долгими крюками, и обе ворчливо отказались встречать нас или сопровождать на юг. С третьими повезло. Оиси Эминеску стоял лагерем в 250 километрах к северо-западу от Дравы с девятью тяжеловооруженными коллегами. Он тут же предложил выдвинуться навстречу и перехватить нас у радиуса прикрытия предыдущей команды, а затем довести до самого плацдарма.

* * *

– Сказать по правде, – говорил он мне, пока мы стояли посреди его стоянки и наблюдали, как из очередного усеченного зимнего дня вытекает солнечный свет, – нам самим не помешает передышка. Каша все еще не оправилась от всплеска на том форс-мажоре, с которым мы работали в Драве в ночь перед тем, как вы приехали. Она говорит, что в порядке, но когда мы на задании, прошивкой чувствуется, что не очень. И остальные тоже устали. Плюс за последний месяц мы сделали три кластера и двадцать с чем-то автономных юнитов. С нас пока хватит. Незачем испытывать удачу.

– Как-то чересчур рационально.

Он рассмеялся.

– Не суди нас по стандартам Сильви. Не все такие фанатики.

– Я думал, это само собой разумеется. Декомиссовать по максимуму, и все дела.

– Да, есть такое, – ироничная мина. – Так рекламируют малькам, ну и потом, да, софт – он естественным образом склоняет к избыточной работе. Отсюда и статистика жертв. Но в

конце концов это всего лишь софт. Всего лишь прошивка, сам. Если подчиняться прошивке – что ты тогда за человек?

Я всмотрелся в темнеющий горизонт.

– Не знаю.

– Надо быть умнее, сам. Надо. Она тебя прикончит, если не будешь умнее.

В сгущающихся сумерках на другой стороне баббл-тента кто-то прошел и крикнул что-то на стрип-япе. Оиси улыбнулся и крикнул в ответ. Между ними прокатился смех. Позади я почувствовал запах древесного дыма – кто-то разжег костер. Это был стандартный деКомовский лагерь – временная надутая и затвердевшая баббл-ткань из запасов, которая так же быстро растворится, когда придет время выдвигаться. Не считая случайных ночевок в заброшенных зданиях вроде куэллистского поста прослушивания, я жил с командой Сильви в похожих условиях бóльшую часть последних пяти недель. И все же Оиси Эминеску излучал расслабленное тепло, чем отличался от большинства деКомовцев, с которыми я до этого сталкивался. Он был без обычного конкурентного оскала.

– Давно этим занимаешься? – спросил я его.

– О, порядочно. Дольше, чем хотелось бы, но… – пожал плечами. Я кивнул.

– Но платят. Да?

Он кисло улыбнулся.

– Да. У меня младший брат учится на технаря по марсианским артефактам в Миллспорте, обоим родителям нужны новые оболочки, а денег нет. У нас сейчас такая экономика, что никакая другая работа не покроет расходы. А Мексек так обкорнал образование и пенсионную систему оболочек, что если не платишь, то так и сидишь.

– Да, с тех пор как я здесь был в последний раз, настала полная задница.

– Давно не был, а? – он не давил, в отличие от Плекса. Старомодная харлановская вежливость – он, видимо, решил, что если бы я хотел ему сказать, что отлеживал срок, то я сам бы к этому пришел. А если бы не хотел – ну, это все равно не его дело.

– Да, лет тридцать, сорок. Много перемен.

Он снова пожал плечами.

– К этому шло еще раньше. Все, что куэллисты выжали из первоначального режима Харлана, эти ребята урезали с самого начала. Мексек – просто очередной сменщик на посту.

– *Этого врага убить нельзя*, – пробормотал я. Он кивнул и закончил цитату:

– *Только загнать, побитого, в пучину, и учить детей, чтобы*

они следили за волнами в ожидании его возвращения.

– Видать, кто-то невнимательно следил за волнами.

– Не в этом дело, Микки, – он смотрел на слабеющий свет на западе, сложив руки. – Просто с ее времен многое изменилось. Какой смысл свергать режим Первых Семей, здесь или еще где, если просто придет Протекторат и за все твои старания спустит на тебя чрезвычайных посланников?

– Что-то в этом есть.

Он снова усмехнулся, на этот раз без горечи.

– Сам, не *что-то*. А *все*. Это единственная и главная разница между сейчас и тогда. Если бы Корпус посланников существовал во времена Отчуждения, куэллизм бы не протянул дольше шести месяцев. С этими гадами сражаться невозможно.

– Они проиграли в Инненине.

– Ага, и часто они с тех пор проигрывали? Инненин – случайный сбой, глюк в системе, не более.

С ревом пронеслось воспоминание. *Джимми де Сото кричит и царапает остатки лица пальцами, которые уже выдрали один глаз и доберутся до второго, если я не…*

Я это заблокировал.

Случайный сбой. Глюк в системе.

– Может, ты прав.

– Может, да, – тихо согласился он.

После этого мы еще молча постояли, наблюдая за приходом тьмы. Небо достаточно расчистилось, чтобы показалась убывающая Дайкоку, насаженная на северные горы, и полная, но далекая Мариканон, словно медная монета, подброшенная над нашими головами. Распухший Хотей все еще скрывался за горизонтом на западе. Позади разгорелся костер. Наши тени в мечущемся красном свечении стали плотнее.

Когда стало слишком жарко, чтобы стоять рядом, Оиси ушел под вежливым предлогом. Я потерпел жар на спине еще минуту, затем повернулся и заморгал на пламя. С другой стороны присела пара людей из команды Оиси погреть руки. Дрожащие, нечеткие фигуры в жарком воздухе и тьме. Тихие голоса. Никто не смотрел на меня. Было непонятно, то ли это старомодные приличия, как у Оиси, то ли обычная деКомовская групповщина.

Какого хрена ты тут делаешь, Ковач?

Вечно эти простые вопросы.

Я оставил костер и прошел между баббл-тентами туда, где мы поставили три своих – дипломатично в стороне от Оиси. Легкий холод на лице и руках, когда кожа заметила внезапное отсутствие тепла. Бабблы под лунным свечением казались боттлбэками в море травы. Когда я дошел до того, где лежала Сильви, заметил

из-за закрытого полога яркий свет. Остальные были темными. Рядом на свои парковочные стойки опирались под углом два жука, торча рулевым управлением и оружейными держателями в небо. Третьего не было.

Я коснулся панели звонка, поднял полог и вошел. У одной стены на спутанном постельном белье отскочили друг от друга Ядвига и Киёка. Напротив них у приглушенного иллюминиевого ночника лежала трупом Сильви в спальном мешке, с аккуратно отчесанными с лица волосами. У ее ног светился портативный обогреватель. Больше никого в баббл-тенте не было.

– Где Орр?

– Не здесь, – Яд сердито поправила одежду. – Мог бы додуматься постучать, Микки.

– Так я постучал.

– Ну тогда мог бы постучать и *подождать*.

– Прости, я не подумал. Так где Орр?

Киёка махнула рукой.

– Уехал на жуке с Лазло. Вызвались патрулировать периметр. Мы решили проявить благодарность. Эти люди завтра вернут нас домой.

– Тогда почему вы не займете любой другой баббл? Ядвига взглянула на Сильви.

– Потому что здесь тоже кому-то нужно сторожить, – мягко сказала она.

– Я посторожу.

Обе неуверенно посмотрели на меня, потом друг на друга. Потом Киёка покачала головой.

– Нет. Орр нам головы оторвет.

– Орра здесь нет.

Еще один обмен взглядами. Яд пожала плечами.

– Ладно, нахер, почему бы и нет, – она встала. – Пошли, Ки. Дозор сменится только через четыре часа. Орр ничего и не узнает.

Киёка замялась. Она наклонилась к Сильви и положила ладонь ей на лоб.

– Ну ладно, но если…

– Да-да, я вас позову. Давайте валите.

– Да, Ки, – *пошли*, – изводилась Ядвига у дверей. Когда они выходили, она помедлила и оглянулась на меня. – И, Микки. Я видела, как ты на нее пялишься. Руками не трогать, а? Сегодня без запретных плодов. Не лезь к чужому.

Я усмехнулся в ответ.

– Слушай, отсоси, Яд.

– Ага, мечтай-мечтай.

Киёка проговорила одними губами более традиционное

«спасибо», и они ушли. Я сел рядом с Сильви и в тишине посмотрел на нее. Через какое-то время погладил ей лоб, повторяя жест Киёки. Она не пошевелилась. Кожа была горячей и сухой, как бумага.

– Давай, Сильви. Очнись.

Нет ответа.

Я убрал руку и снова посмотрел на нее.

Какого хрена ты тут делаешь, Ковач?

Она не Сара. Сары нет. Какого хрена ты…

Ох, заткнись.

Как будто у меня есть выбор, а?

Пришли воспоминания о последних минутах в «Токийском вороне» и уничтожили эти мысли. Безопасность столика с Плексом, уютная анонимность и обещание билета на завтрашний рейс – я помнил, как встал и ушел от всего этого, словно влекомый песней сирен. С головой в кровь и ярость драки.

Если задуматься, этот момент был так перегружен различными путями переменчивой судьбы, что должен был скрипнуть, когда я через него прошел.

Но, если задуматься, они все такие.

Надо сказать, нравишься ты мне, Микки. Ее голос, заплетающийся язык от ранних часов и наркотиков. Где-то за окнами квартиры к нам подкрадывается утро. *Пальцем бы показать не смогла. Но все-таки. Нравишься*.

Это мило.

Но этого мало.

Слегка чесались ладони и пальцы, генетически запрограммированные тосковать по грубой поверхности, чтобы хвататься и лезть. Я это уже давно заметил за оболочкой; это приходило и уходило, но в основном проявлялось во время стресса и бездеятельности. Забываемое раздражение, обычные минусы загрузки. Даже у новеньких оболочек-клонов есть свой багаж. Я пару раз сжал кулаки, сунул руку в карман и нашел стеки памяти. Они скользко стукнули в пальцах, собрались в ладони мягким весом ценных технических компонентов. Теперь в коллекцию добавились Юкио Хираясу и его бандит.

Во время слегка маниакального пути поиска и уничтожения, который мы прорезали за последний месяц по Нечистой, я нашел время отчистить свои трофеи химикатами и скребком для схем. Когда я раскрыл ладонь под иллюминиевым светом, они блеснули – от кости и спинной ткани не осталось и следа. Шесть блестящих металлических цилиндров, словно нарезанные лазером дольки тонкого пишущего прибора, их совершенство портил только короткий ежик микроджеков с одного конца. Стек

Юкио выделялся среди других – ровно посередине его огибала желтая полоска с кодом производителя железа. Дизайнерская сборка. Как же иначе.

Остальные, включая бойца якудза, были стандартными госпродуктами. Без видимой маркировки, так что я аккуратно обернул яка черной изолентой, чтобы отличать от тех, кого я забрал в цитадели. Я не хотел их путать. Может быть, у него и нет той же товарной ценности, что у Юкио, но я не видел смысла обрекать обычного гангстера на то, что уготовил священникам. Я еще не знал, что с ним сделаю, но в последний миг что-то внутри меня поднялось против моего же предыдущего предложения Сильви выкинуть его в море Андраши.

Я вернул его с Юкио в карман, посмотрел на остальные четыре на ладони и задумался.

Что, этого хватит?

Когда-то на другой планете, у звезды, которой не разглядишь с Харлана, я встретил человека, который зарабатывал торговлей стеками памяти. Он покупал и продавал их на развес, отмеряя хранящиеся внутри жизни, как горстки специй или полудрагоценных камней, – местные политические условия сделали этот бизнес очень прибыльным. Чтобы распугать конкурентов, он изображал из себя местную версию воплощения Смерти, и, хотя он отчаянно переигрывал, воспоминание осталось со мной.

Интересно, что бы он подумал, если бы сейчас меня увидел.

Что, хватит?..

На моей руке сомкнулась ладонь.

Шок тряхнул меня, как разряд тока. Кулак сжался на стеках. Я уставился на женщину передо мной, теперь привставшую в спальнике на локте, с отчаянием, перебирающим мускулы на ее лице. В ее глазах не было узнавания. Хватка была, как у машины.

– Ты, – сказала она на японском и закашлялась. – Помоги мне. *Помоги.*

Это был не ее голос.

Глава одиннадцатая

Когда мы добрались до холмов с видом на Драву, пошел снег. Время от времени заметные шквалы, между ними – вечный кусачий холод. Улицы и крыши зданий в городе припорошило, словно отравой от насекомых, а с востока валила толстая туча, будто бы обещая добавку. По одному из общих каналов проправительственный пропагандный дрон грозил предупреждениями о микро-метели и винил в плохой погоде куэллистов. Когда мы спустились в город и на разбомбленные улицы, всюду обнаружили иней, а лужи с дождевой водой уже подернул лед. Вместе со снежинками на землю опускалась жуткая тишина.

– С Рождеством, ёпта, – пробормотал один из команды Оиси.

Смех, но безрадостный. Тишина слишком давила, тощие кости Дравы под саваном снега – удручали.

Мы прошли мимо недавно установленной охранной системы. Ответ Курумаи на вторжение кооператива шесть недель назад – простое автоматическое оружие куда ниже порога искусственного интеллекта, разрешенного уставом деКома. И все же Сильви вздрагивала, когда Орр пролетал на жуке мимо присевших роботов, а когда один из них слегка привстал, второй раз с тихим чириканьем проверяя наши метки, она отвернула свой пустой взгляд и спрятала лицо за плечом великана.

Когда она очнулась, жар не спал. Только отошел, как отлив, обнажив ее и оставив в поту. И затаился на дальнем краю, почти неслышный; все еще было видно, что об нее по-прежнему бьются волны. Все еще можно было представить тихий рев, который по-прежнему шумел в венах ее висков.

Еще ничего не конечно. И не близко.

Вниз, по спутанным, заброшенным улицам города. У плацдарма обостренные чувства моей новой оболочки уловили за холодом слабый запах моря. Смесь соли и различных органических следов, вездесущий привкус белаводорослей и острая пластмассовая вонь разлитой по поверхности устья химии. Я впервые осознал, насколько была урезана синтетическая обонятельная система – на пути из Текитомуры я ничего этого не заметил.

Оборона базы при нашем приближении зашевелилась. Блоки-пауки тяжело расползлись; живая колючка раздвинулась. Когда мы проезжали, Сильви втянула голову и мелко задрожала. Даже волосы как будто пытались врасти в череп.

«*Переоблучение*, – предположил медик из команды Оиси,

прищуриваясь в томографический прибор, пока Сильви нетерпеливо лежала под сканером. – *Ты еще не выбралась. Я бы посоветовал пару месяцев лежачего отдыха в каких-нибудь теплых и цивилизованных краях. Тот же Миллспорт. Ложись в прошивочную клинику, прогони полную проверку*».

Она закипела. *Пара* месяцев? *Сраный* Миллспорт?

ДеКомовец безразлично пожал плечами.

«Или опять отрубишься. Как минимум надо вернуться в Текитомуру и провериться на вирусы. В таком состоянии дальше оставаться в игре нельзя».

Остальные Сачки согласились. Несмотря на внезапное пробуждение Сильви, мы возвращаемся.

«Прожжем накопленный кредит, – улыбалась Ядвига. – *Туса до утра. Ночная Тека – мы идем».*

Ворота базы заползли перед нами наверх, и мы проехали на базу. В сравнении с последним разом, когда я ее видел, она казалась почти опустошенной. Между баббл-тентами бродили несколько фигур, таская на тележках оборудование. Слишком холодно для чего-то другого. На мачтах связи под ударами ветра и снега бешено полоскалась пара змеев наблюдения. Казалось, все остальное убрали в ожидании метели. Над верхушками баббов высилась заснеженная надстройка большого ховерлодера в доке, но краны над ней были неподвижны. В лагере стояло нежилое ощущение зимовки.

– Лучше сразу поговорить с Курумаей, – сказал Оиси, спешившись с собственного помятого одиночного жука, когда ворота опустились. Он оглядел свою команду и нашу. – Спрошу про койки. Предполагаю, свободных будет немного. Сомневаюсь, что прибывшие сегодня получат назначение до того, как прояснится. Сильви?

Сильви закуталась в куртку. Лицо у нее было изможденное. С Курумаей ей разговаривать не хотелось.

– Я схожу, шкипер, – вызвался Лазло. Он неловко облокотился на мое плечо здоровой рукой и спрыгнул с нашего жука. Под его ногами хрустнул приморожденный снег. – А остальные пока добудьте кофе.

– Отлично, – сказала Ядвига. – Только смотри, чтобы старик Сиг тебя не запугал, Лаз. Если ему не понравится наша история – может гулять на фиг.

– Ага, так ему и скажу, – Лазло закатил глаза. – Или нет. Эй, Микки, не хочешь присоединиться, побудешь моральной поддержкой?

Я моргнул.

– Э-э, да. Конечно. Ки, Яд? Кто-нибудь из вас возьмет жука?

Киёка соскользнула с пассажирского сиденья и легко подскочила к жуку. Лазло присоединился к Оиси и оглянулся на меня. Показал головой в центр лагеря.

– Ну пошли. Раньше начнем, раньше закончим.

* * *

Курумая – пожалуй, предсказуемо, – был не очень рад видеть членов команды Сильви. Нам вдвоем пришлось ждать в неотапливаемой внешней комнате командного баббла, пока он занимался Оиси и расквартировывал его людей. Вдоль перегородок стопками стояли дешевые пластиковые стулья, а на экране в углу без звука мелькали мировые новости. На низком столике светилось инфополе с открытым доступом для любителей подробностей и пепельница для идиотов. Наше дыхание слабо клубилось на воздухе.

– И о чем ты хотел со мной поговорить? – спросил я Лазло и дыхнул себе на руки.

– Чего?

– Колись. Моральная поддержка тебе нужна не больше, чем Яд и Ки – хрен. Что у тебя?

На его лице появилась улыбка.

– Ну, знаешь, я про этих двух давно уже сомневаюсь. Аж ночами не сплю.

– Лаз.

– Ладно-ладно, – он оперся на стул здоровым локтем, закинул ноги на низкий столик. – Ты был с ней, когда она очнулась, да?

– Да.

– Что она тебе сказала? На самом деле.

Я повернулся к нему всем телом.

– Как я вчера ночью и рассказал. Ничего внятного. Просила о помощи. Звала людей, которых там не было. Чепуха. В основном бредила.

– Ага, – он раскрыл ладонь и изучил ее с таким видом, будто это какая-то карта. – Понимаешь, Микки, я водомерка. Ведущий водомерка. Я выживаю, потому что все вижу краем глаза. И сейчас я краем глаза заметил, что ты смотришь на Сильви не так, как раньше.

– Неужели? – мой тон остался разговорным.

– Ужели. До прошлого вечера ты смотрел на нее так, будто ты голодный, а она вкусная. А теперь, – он посмотрел мне в глаза, – ты что-то потерял аппетит.

– Ей нехорошо, Лаз. Больные меня не привлекают. Он покачал головой.

– Не сканируется. Она была больной с самого случая на посте прослушки, а голод у тебя не унимался. Может, утих, но оставался. А теперь ты смотришь на нее так, словно чего-то ждешь. Словно она бомба какая-то.

– Я за нее переживаю. Как и все.

А под словами, словно термоклин, протекла мысль. «*Значит, ты выживаешь, потому что хорошо видишь, Лаз? Чтобы ты знал, если об этом говорить, то можно и погибнуть. В других обстоятельствах со мной ты был бы уже мертв*».

Мы посидели бок о бок в коротком молчании. Он кивнул.

– Значит, не расскажешь, а?

– Нечего рассказывать, Лаз.

Опять тишина. На экране разворачивались последние новости. Несчастный случай со смертельным исходом (и восстановлением по стеку) какого-то второстепенного наследника Харланов в районе верфей Миллспорта, растущий ураган в Кошутском заливе, Мексек к концу года секвестрирует расходы на здравоохранение.

– Слушай, Микки, – Лазло помялся. – Я не говорю, что доверяю тебе, – потому что не доверяю. Но я не Орр. Я не ревную из-за Сильви. Для меня она, понимаешь, просто шкипер, и все. И ее я тебе доверяю.

– Спасибо, – сухо ответил я. – И чем я заслужил эту честь?

– А, ну она рассказала, как вы познакомились. Про Бородатых, и все дела. Достаточно, чтобы догадаться…

Дверь сложилась, и показался Оиси. Он улыбнулся и ткнул большим пальцем туда, откуда пришел.

– Он весь ваш. Встретимся в баре.

Мы зашли. Я так и не узнал, о чем догадался Лазло или как далеко от правды он был.

Сигео Курумая сидел за столом. Он смотрел, как мы входим, не поднявшись, с нечитаемым лицом и таким застывшим телом, что передавали его злость похлеще, чем крик. Старая школа. Голо за спиной создавала иллюзию алькова, где вокруг едва видимой спирали ползали тени и лунный свет. На столе у его локтя простаивало инфополе, бросая бурные узоры цветного света на чистую рабочую поверхность.

– Осима больна? – спросил он без эмоций.

– Да, что-то подцепила у кооперативного кластера на высокогорье, – Лазло почесал за ухом и оглядел пустое помещение. – А у вас все тихо, да? Закрылись на микро-метель?

– Высокогорье. – Курумаю было не сбить с мысли. – Почти в

семистах километрах к северу от места, где вы согласились работать. Где вы должны были заниматься расчисткой по *контракту*.

Лазло пожал плечами.

– Ну, слушай, так уж шкипер решила. Ты пойми…

– У вас был контракт. И куда важнее – обязательства. Вы должны гири базе и мне.

– Мы были под огнем, Курумая-сан, – ложь далась легко, как всем посланникам. Нахлынуло удовольствие, когда в дело вступил навык доминирования – давно я к нему не прибегал. – После засады в храме наш командный софт оказался скомпрометирован, мы понесли тяжелый органический ущерб – я и еще один член команды. Мы действовали вслепую.

После моих слов зазвенела тишина. Позади порывался что-то сказать Лазло. Я пригвоздил его предупреждающим взглядом, и он закрыл рот. Глаза командира плацдарма бегали между нами, наконец остановились на моем лице.

– Ты Судьба?

– Да.

– Новобранец. Ты теперь переговорщик?

Отметить болевую точку – и не останавливаться.

– Я в этих обстоятельствах тоже должен гири, Курумая-сан. Без помощи моих напарников я бы погиб и был бы расчленен каракури в Драве. Но они меня вынесли и нашли мне новое тело.

– Да. Я вижу, – Курумая кратко глянул на стол, затем снова на меня. – Хорошо. Пока что ты рассказал мне не больше рапорта вашей команды из Нечистой, а он был чрезвычайно краток. Будь любезен объяснить, почему во время бегства вслепую вы предпочли не возвращаться на базу.

Это уже проще. Мы обсуждали это у костров в Нечистой больше месяца, оттачивая ложь.

– Наши системы полетели, но частично функционировали. Они обозначили активность мимантов, отрезавших пути отхода позади нас.

– А следовательно, угрожавших чистильщикам, которых вы взяли обязательство защищать. И все же вы ничего не предприняли, чтобы помочь им.

– Господи, Сиг, мы же *ослепли* к херам.

Командир базы взглянул на Лазло.

– Я не просил твоей версии событий. Помолчи.

– Но…

– Мы отступили на северо-восток, – сказал я, бросив еще один предупреждающий взгляд на водомерку. – Насколько мы понимали, там была безопасная зона. И мы двигались, пока

командный софт не вернулся в строй. К этому времени мы почти покинули город, а я истекал кровью. От Ядвиги остался только стек памяти. По очевидным причинам мы приняли решение войти в Нечистую и найти ранее отмеченный бункер с банком клонов и мощностями для облачения. Как вам известно из рапорта.

– Мы? Ты участвовал в принятии решения?

– Я истекал кровью, – повторил я.

Взгляд Курумаи снова опустился.

– Вам будет интересно знать, что после засады, о которой вы сообщаете, в этом районе активности миминтов обнаружено не было.

– Ага, это потому, что мы на них целый дом уронили, – сорвался Лазло. – Раскопайте храм, найдете обломки. Еще пару пришлось вырубать вручную в туннеле на выходе.

И снова Курумая удостоил водомерку холодным взглядом.

– На раскопки не было ни времени, ни возможностей. Дистанционное прощупывание показало в руинах следы техники, но ваш взрыв удобным образом уничтожил бóльшую часть нижнего этажа сооружения. Если там и…

– *Если? Если*, вашу мать?

– …были миминты, как вы заявляете, от них не осталось и следа. Двое в туннеле были обнаружены и как будто подтверждают историю, которую вы транслировали, когда безопасно переправились в Нечистую. Тем временем, к вашему сведению, чистильщики, которых вы оставили, *нашли* гнезда каракури через несколько часов в двух километрах к западу. Во время подавления погибло двадцать семь человек. Девять из них – настоящей смертью, без возможности восстановления.

– Это трагедия, – сказал я ровно. – Но мы не смогли бы ее предотвратить. Если бы мы вернулись с нашими ранениями и поврежденными командными системами, мы бы только мешали. В данных обстоятельствах мы решили как можно быстрее вернуться к полной оперативной мощности.

– Да. И это тоже было в вашем рапорте.

Несколько секунд он размышлял. Я еще раз взглянул на Лазло на случай, если он снова собирался открыть рот. Курумая поднял глаза на меня.

– Хорошо же. Пока что будете располагаться с командой Эминеску. Я пришлю софт-медика для осмотра Осимы, за что вам предъявят счет. Когда ее состояние будет стабильным, мы проведем полное расследование инцидента в храме, как только позволит погода.

– Что? – Лазло сделал шаг вперед. – Ты думаешь, что мы будем ошиваться тут, пока вы там копаетесь? Ни хрена, блин. Мы

уходим. Обратно в Теку прямо на том ховере.

– Лаз…

– Я не *думаю*, что вы останетесь в Драве, нет. Я приказываю. Здесь есть субординация, нравится вам или нет. Если вы попытаетесь сесть на «Рассвет Дайкоку», вас задержат, – Курумая нахмурился. – Я бы не хотел прибегать к таким мерам, но, если вы меня вынудите, я прикажу вас арестовать.

– Арестовать? – пару секунд казалось, будто Лазло никогда не слышал это слово и ждал, когда командная голова его объяснит. – *Арестовать*, на хрен? Мы за последний месяц сняли пять кооперативов, больше десятка автономных миминтов, обезопасили целый бункер с опасным железом – и *это* благодарность?

Тут он вскрикнул и отшатнулся, прижимая ладонь к глазу, будто Курумая ткнул его пальцем. Командная голова встал из-за стола. Его голос стал громовым от гнева.

– Нет. Это то, что происходит, когда я больше не доверяю команде, за которую отвечаю. – Он пронзил меня взглядом. – Ты. Судьба. Забери его отсюда и передай мои указания напарникам. Повторять я не собираюсь. На выход, оба.

Лазло все еще держался за глаз. Я положил ему руку на плечо, чтобы вывести, но он зло ее стряхнул. Бормоча под нос, он поднял дрожащий палец на Курумаю, затем как будто передумал и развернулся на каблуке. Мигом выскочил за дверь.

Я последовал за ним. В проеме я оглянулся на командную голову. По его напряженному лицу невозможно было понять эмоции, но мне показалось, что я все равно уловил их привкус: гнев из-за неповиновения, еще больше – сожаление из-за неспособности удержать под контролем и ситуацию, и себя. Отвращение из-за того, во что все вылилось, здесь и сейчас, в командном баббл-тенте, а может, и на всем буйном рынке Инициативы Мексека. А может, отвращение вообще ко всему, куда скатывается чертова планета.

Старая школа.

* * *

В баре я купил Лазу выпить и послушал, как он кроет Курумаю матом за его высокомерие, потом пошел искать остальных. Его я оставил в хорошей компании – заведение было забито злыми деКомовцами с «Рассвета Дайкоку», которые громко жаловались на погоду и запрет на операции. Подходящим фоном для нытья был резкий, древний скорострельный джаз, к счастью,

лишенный диджейской пропаганды, с которой он стал у меня ассоциироваться за последний месяц. Баббл до краев заполнили дым и шум.

Ядвигу и Киёку я нашел в углу, потерявшихся друг у друга в глазах и в таком разговоре, к которому было неудобно присоединяться. Яд нетерпеливо ответила мне, что Орр остался в жилом баббл-тенте с Сильви, а Оиси где-то тут, может, у стойки, с кем-нибудь там беседует, когда она последний раз его… Короче, где-то там, в направлении ее небрежно отмахнувшейся руки. Я понял многочисленные намеки и оставил их наедине.

На самом деле Оиси не было в направлении, куда махнула Ядвига, но он действительно находился у стойки и болтал с парой деКомовцев, из которых только в одном я узнал его подчиненного. Командная голова поприветствовал меня улыбкой и поднятым стаканом. Голос прорезал царивший шум.

– Попал под раздачу, да?

– Что-то в этом роде, – я поднял руку, чтобы привлечь внимание бармена. – Я так понял, что Сачки Сильви давно уже напрашивались. Тебе взять?

Оиси придирчиво всмотрелся в уровень своего напитка.

– Не, мне нормально. Напрашивались – мягко сказано. Не самые командные игроки в округе, конечно. И все же чаще всех первые в рейтингах. Из-за этого многое сходит с рук, даже у таких, как Курумая.

– Работай на репутацию, потом репутация будет работать на тебя.

– Ага, и кстати о репутации, напомнил. Тут тебя искали.

– М-м? – когда он это говорил, смотрел мне в глаза. Я подавил реакцию и поднял бровь в тон искусно небрежному интересу в голосе. Заказал миллспортский односолодовый у бармена и повернулся к Оиси. – Спросил, кто?

– Разговаривали не со мной, – командная голова кивнул на человека не из его команды. – Это Сими, ведущий водомерка у Перехватчиков. Сими, тот мужик, который расспрашивал про Сильви и ее новобранца, запомнил его имя?

Сими на миг прищурился в сторону, наморщился. Потом его лицо разгладилось, и он щелкнул пальцами.

– Ага, есть. Ковач. Сказал, его звать Ковач.

Глава двенадцатая

Все как будто остановилось.

Словно весь шум в баре вдруг примерз к ушам арктической шугой. Дым не двигался; прижимающиеся к стойке люди казались далекими. Такой шоковой реакции в оболочке «Эйшундо» я еще не испытывал, даже в ближнем бою с мимингами. В сонной тишине я видел, как за мной внимательно следит Оиси, и на автопилоте поднял стакан к губам. Односолодовый виски обжег глотку, а когда тепло плеснулось в желудке, мир уже снова ожил так же внезапно, как перед этим замер. Музыка, гвалт, человеческие жернова вокруг.

– Ковач, – сказал я. – Серьезно?

– Знаешь его? – спросил Сими.

– Слышал, – серьезней врать не имело смысла. Особенно при том, как Оиси не спускал глаз с моего лица. Я снова отпил. – Сказал, что ему нужно?

– Не-а, – Сими покачал головой, очевидно, без интереса. – Просто спрашивал, где ты, уехал ли с Сачками. Это было пару дней назад, так что я сказал ему, что да, ты по уши в Нечистой. Ему…

– А он… – я осекся. – Прости, что ты говорил?

– Ему как будто очень не терпелось с тобой поговорить. Убедил кого-то – кажется, Антона с Бандой Черепа, – взять его с собой в Нечистую, поискать. Значит, ты его знаешь, да? Будут проблемы?

– Возможно, это не тот Ковач, которого знаешь *ты*, – тихо сказал Оиси. – Имя довольно распространенное.

– Есть такое дело, – признался я.

– Но ты сомневаешься?

Я изобразил пожатие плечами.

– Вряд ли. Он ищет меня. Я о нем слышал. Самое вероятное – у нас с ним какие-то дела.

Коллега Оиси и Сими пренебрежительно и пьяно кивнули. Оиси же казался заинтригованным.

– И что ты о нем слышал, об этом Коваче?

В этот раз пожать плечами было проще.

– Ничего хорошего.

– Ага, – энергично поддакнул Сими, – вот именно. Мне показалось, реально суровый психованный засранец.

– Он был один? – спросил я.

– Не, с целой бандой крепких мужиков. Четверо-пятеро. С миллспортским акцентом.

Ну ясно. Значит, это не местные проблемы. Танаседа исполнил свое обещание. *Я выпущу глобальный приказ на вашу поимку*. И они где-то раскопали…

Ты этого не знаешь. Пока не знаешь.

Да ладно. Как иначе. Зачем еще называть имя? Что это за чувство юмора?

Только если…

– Сими, слушай. А меня он по имени не спрашивал? Сими моргнул.

– Хрен знает, а как тебя зовут?

– Ладно. Забей.

– Он спрашивал про Сильви, – объяснил Оиси. – Ее имя он знал. Похоже, знал и Сачков. Но больше всего интересовался новобранцем, который может быть в команде Сильви. И его имени он уже не знал. Правильно, Сими?

– Как-то так, да, – Сими уставился в пустой стакан. Я махнул бармену и повторил для всех.

– Итак. Миллспортские ребята. Еще видел их поблизости?

Сими поджал губы.

– Может, да. Не знаю, я не видел, как уходила Банда Черепа, кого они с собой брали.

– Но это логично, – мягко заметил Оиси. – Если этот Ковач изучил вопрос, он знает, как трудно отследить передвижения в Нечистой. Логично оставить пару ребят на случай, если ты вернешься, – он помолчал, наблюдая за моим лицом. – И послать пробоем сообщение в таком случае.

– Ага, – я осушил стакан, и меня слегка передернуло. Встал. – Похоже, надо поговорить с напарниками. Прошу простить, господа.

Я пробился через толпу, пока опять не вышел к столику Ядвиги и Киёки. Они сплелись в страстном поцелуе, не замечая ничего вокруг. Я сел рядом и постучал Ядвигу по плечу.

– Ну-ка, прекратите. У нас проблемы.

* * *

– Ну, – пророкотал Орр, – мне кажется, ты брешешь.

– Правда? – я с трудом держал себя в руках, желая просто перейти к убеждению методами посланников на полную мощность, а не доверять принятие решения своим коллегам из деКома. – Мы говорим о якудза.

– Ты ничего не знаешь наверняка.

– А ты сам прикинь. Шесть недель назад мы понесли

коллективную ответственность за смерть сына высокопоставленного якудза и двух его помощников. А теперь нас кто-то ищет.

– Нет. Кто-то ищет *тебя*. А ищут ли нас – это еще вопрос.

– Слушайте. Все. – Я пристально оглядел каморку без окон, которую нашли для Сильви. Спартанская площадь на одного, встроенные шкафчики в стенах, стул в углу. Со свернувшейся на койке командной головой и выстроившимися вокруг людьми пространство стало тесным и напряженным. – Они знают Сильви, они связали ее со мной. Приятель Оиси это сказал прямо.

– Чувак, мы вычистили комнату лучше, чем…

– Знаю, Яд, но этого оказалось мало. У них есть свидетели, которые видели нас двоих, может, периферийное видео, может, что-то еще. Суть в том, что я знаю этого Ковача, и поверьте, если мы будем его дожидаться, вы узнаете, что не важно, меня он ищет, Сильви или нас обоих. Это бывший чрезвычайный посланник. Он уберет всех в этой комнате, просто чтобы не заморачиваться.

Старая страшилка про Корпус – Сильви спала, отключившись из-за восстановительной химии и чистой усталости, а Орр слишком распалился из-за спора, но остальные вздрогнули. Несмотря на броню деКомовской невозмутимости, они росли на жутких байках про Адорасьон и Шарию, как и все остальные. Посланники придут и разорвут твой мир. Конечно, на деле не все так просто: правда куда сложнее и в итоге куда страшнее. Но кому в нашей вселенной нужна правда?

– А может, будем действовать на опережение? – спросила Ядвига. – Найдем шухер Ковача на базе и заткнем их раньше, чем они передадут сигнал.

– Наверное, уже поздно, Яд, – Лазло покачал головой. – Мы здесь уже пару часов. Все, кто хотел про нас знать, уже знают.

Мысль росла, как снежный ком. Я молчал и смотрел, как он катится в нужную мне сторону. Высказалась хмурая Киёка.

– Мы в любом случае не сможем найти этих ублюдков. Миллспортский акцент и морда кирпичом – это же весь здешний планктон. Как минимум придется взломать стек данных плацдарма, а мы… – она показала на свернувшуюся Сильви, – не в состоянии.

– Даже если бы Сильви была онлайн, это было бы непросто, – мрачно отозвался Лазло. – Курумая сейчас так на нас зол, что набросится, даже если мы почистим зубы не с тем напряжением у щетки. Надеюсь, эта штука защищена от взлома.

Он кивнул на компактный резонансный шифратор на стуле. Киёка кивнула в ответ – мне показалось, слегка устало.

– Передовые технологии, Лаз. Серьезно. Купила у Рейко перед тем, как мы отбыли. Микки, суть в том, что мы буквально под колпаком. Ты говоришь, за нами идет этот Ковач. Что ты предлагаешь?

Другое дело.

– Предлагаю мне убраться отсюда сегодня ночью на «Рассвете Дайкоку», и предлагаю забрать Сильви с собой.

Комнату охватила тишина. Я следил за взглядами, оценивал эмоции, прикидывал, к чему все идет.

Орр размял шею, как фрик-файтер на ринге.

– Ты, – сказал он отчетливо, – можешь пойти в жопу.

– Орр… – начала Киёка.

– Ни хрена, Ки. Ни *хрена* он ее не заберет. Не в мою смену.

Ядвига сощурила глаза.

– А как же мы, Микки? Что делать нам, когда придет злой Ковач?

– Прячьтесь, – ответил я. – Влезайте в долги, скройтесь из виду где-нибудь на ховерлодере или в Нечистой с чужой командой, если сможете кого-то убедить. Блин, можно даже напроситься, чтобы Курумая вас арестовал, если верите, что у него вы будете в безопасности.

– Эй, мудила, мы это можем сделать, и не сдавая Сильви те…

– Можете, Орр? – я посмотрел в глаза великану. – *Можете?* Можете умчать в Нечистую с Сильви в таком состоянии? Кто ее потащит? Какая команда? Какая команда может позволить себе балласт?

– Он прав, Орр, – Лазло пожал плечами. – Даже Оиси не вернется туда с мертвым грузом на руках.

Орр огляделся, явно загнанный в угол.

– Спрячем ее здесь, на…

– Орр, ты не слушаешь. Ковач здесь все перевернет, чтобы добраться до нас. *Я его знаю.*

– Курумая…

– Забудь. Если понадобится, он сметет Курумаю, как ангельский огонь. Орр, его остановит только одно – информация, что мы с Сильви давно сбежали. Потому что тогда у него не будет лишнего времени, чтобы просрать его на ваши поиски. Когда мы прибудем в Теку, сделаем так, чтобы новости дошли до Курумаи, и когда Ковач вернется, уже весь плацдарм будет говорить о том, как мы смылись. Этого будет достаточно, чтобы он заскочил на следующий же ховер.

Снова тишина, в этот раз – словно отсчет. Я смотрел, как они сдаются – один за другим.

– Разумно, Орр, – Киёка хлопнула великана по плечу. –

Звучит так себе, зато сканируется.

– Так хотя бы выведем шкипера из-под огня.

Орр вскинулся.

– Я ушам своим не верю. Да вы что, не врубаетесь, что он вас *запугивает*?

– Ну, *меня* запугать у него получилось, – обозлился Лазло. – Сильви вышла из строя. Если якудза нанимают убийц из посланников, мы серьезно уступаем.

– Ее нужно сберечь, Орр, – Ядвига так буравила пол взглядом, словно хотела прокопать туннель к спасению. – А здесь у нас ничего не получится.

– Тогда я тоже еду.

– Боюсь, это невозможно, – тихо сказал я. – Думаю, Лазло поможет нам попасть в пусковой отсек спасательного плота, как он поднялся на борт в Теке. Но с твоим железом и источником энергии при проникновении через корпус без допуска ты запустишь все сигнализации на «Рассвете Дайкоку», какие есть.

Это была шальная догадка, прыжок вслепую с наскоро возведенных лесов интуиции Корпуса, но, похоже, я попал. Сачки переглянулись, и Лазло наконец кивнул.

– Он прав, Орр. Тебе никак не влезть по-тихому. Великан-стрелок, кажется, очень долго смотрел на меня. Наконец отвернулся – и посмотрел на женщину на койке.

– Если ты причинишь ей хоть какой-то вред…

Я вздохнул.

– Лучший способ причинить ей вред, Орр, – это оставить ее здесь. А я этого не планирую. Так что прибереги гнев для Ковача.

– Да, – сумрачно подтвердила Ядвига. – Это мы гарантируем. Как только Сильви будет онлайн, мы возьмем эту сволочь и…

– Достойно уважения, – согласился я. – Но пока рановато. Спланируете возмездие попозже, ладно? А сейчас сосредоточимся на выживании.

* * *

Конечно, все было не так просто.

Под давлением Лазло признал, что охрана пирсов в Комптё была халатной на грани смехотворности. На базе Дравы, при постоянной угрозе атаки миминтов, доки намертво зашиты контрмерами против электронного вторжения.

– Так, – я пытался сохранить терпение и спокойствие. – Значит, ты никогда не лазил в этот самый люк спасплота в Драве?

– Ну, один раз было, – Лазло почесал за ухом. – Но мне

малость помогла со взломом Суки Баюк.

Ядвига фыркнула.

– Мелкая лахудра.

– Эй, не завидуй. Она охренительная командная деКомовка. Даже под кайфом вздрючила коды доступа, как…

– Я слышала, в те выходные она дрючила не только коды.

– Блин, только потому, что она не из ваших…

– Она *здесь*? – спросил я громко. – Сейчас, на плацдарме?

Лазло снова принялся чесать ухо.

– Не знаю. Можно поискать, наверное, но…

– Это займет вечность, – предсказала Киёка. – А кроме того, она может оказаться не в настроении опять дрючить коды, когда узнает, в чем дело. Помочь тебе развлечься – это одно, Лаз. Послать Курумаю с его запретами – уже не так привлекательно, понимаешь?

– Ей не обязательно знать все, – сказала Ядвига.

– Не надо быть такой сукой, Яд, я не собираюсь подставлять Суки без…

Я прочистил горло.

– А что насчет Оиси?

Все посмотрели на меня. Лоб Орра пошел складками.

– Пожалуй. Они с Сильви давно друг друга знают. Оба нанимались мальками.

Ядвига улыбнулась.

– Ну конечно, он согласится. Если попросит Микки.

– Что?

Теперь, кажется, улыбки появились на лицах у всех. Долгожданный выход накопившегося напряжения. Киёка хихикнула в ладонь у лица. Лазло демонстративно разглядывал потолок. Еле сдерживаемые смешки. Только Орр слишком злился, чтобы присоединиться к веселью.

– Ты *ничего* не заметил за последние пару дней, Микки? – Ядвига растягивала шутку до последнего. – Ты нравишься Оиси. В смысле, *реально* нравишься.

Я огляделся в тесной каморке и попытался сравниться с Орром отсутствием чувства юмора. В основном я злился на себя. Я *не* заметил, или, по крайней мере, не узнал, в чем именно, по словам Ядвиги, выражалось его внимание. Для посланника упустить полезное преимущество – непростительный провал.

Бывшего посланника.

Ага, спасибо.

– Неплохо, – сказал я ровным тоном. – Тогда лучше пойду и поговорю с ним.

– Ага, – выдавила Ядвига с каменным лицом. – Попроси его

взломать черный ход.

Взрыв смеха, громогласный в замкнутом пространстве. На мое лицо заползла нежеланная улыбка.

– Засранцы.

Не помогло. Веселье только усилилось. На койке из-за шума заворочалась и открыла глаза Сильви. Она привстала на локте и мучительно закашлялась. Смех улетучился из комнаты так же быстро, как появился.

– Микки? – ее голос показался слабым и заржавевшим.

Я повернулся к кровати. Поймал краем глаза ядовитый взгляд, который метнул в меня Орр. Наклонился к ней.

– Да, Сильви. Я здесь.

– Над чем вы смеетесь?

Я покачал головой.

– Очень хороший вопрос.

Она схватилась за мою руку с той же силой, что и в ночь на стоянке Оиси. Я приготовился к тому, что она могла сказать дальше. Но она просто дрожала и смотрела на собственные пальцы, вцепившиеся в рукав моей куртки.

– Я, – пробормотала она. – Оно меня *знало*. Оно. Как старый друг. Как…

– Отстань от нее, Микки, – Орр попытался меня оттеснить, но хватка Сильви оказалась упрямей. Она непонимающе уставилась на него.

– Что происходит? – с мольбой спросила она.

Я бросил взгляд исподлобья на великана.

– Ты ей расскажешь?

Глава тринадцатая

Ночь упала на Драву обрывками заснеженного мрака, легла, как истлевшее одеяло, на сгрудившиеся баббл-тенты базы и высокие угловатые руины самого города. С ветром пришел и ушел фронт микрометели, неся с собой толстые плюхи снега, что замазывали лицо и лезли за шиворот, а потом уносились, истончаясь почти до пустоты, и снова возвращались танцевать в воронках света, идущего от ламп Ангьера. Видимость колебалась, то падала до пятидесяти метров, то расчищалась, то опять падала. Погода, чтобы носа не казать из дома.

Присев в тени забытого грузового контейнера в конце верфи, я на миг задумался, что поделывает второй Ковач, в Нечистой. Как и у меня, у него стандартная для уроженца Ньюпеста нелюбовь к холоду, как и я, он…

Ты этого не знаешь, ты не знаешь, кто он…

Ага, конечно.

Слушай, где, по-твоему, якудза надыбают лишнюю копию личности бывшего чрезвычайного посланника? И на хрена им рисковать? Под всем напускным закосом под предков со Старой Земли они всего лишь бандиты. И они не могут…

Ага, конечно.

С этим зудом живем мы все – цена современности. *А что, если?* Что, если в какой-то безымянный момент жизни тебя скопировали. Что, если ты хранишься в брюхе какого-нибудь компьютера, где обитаешь в бог знает какой параллельной виртуальной реальности или просто спишь, ожидая, когда тебя выпустят в реальный мир.

Или уже выпустили, и теперь ты где-то там. Живешь. Это видишь в эксперии, об этом слышишь в городских легендах о друзьях друзей – которые по какой-нибудь случайной компьютерной ошибке встретили сами себя в виртуальности или – реже – в реальности. Или страшилки про заговоры в духе Лазло об армейских множественных облачениях. Слышишь и экзистенциальные мурашки бегут по коже. И однажды тебе рассказывают такую правдоподобную историю, что можно и поверить.

Однажды я встретил и убил человека с двумя оболочками.

Однажды я встретил самого себя, и кончилось это плохо.

Я не торопился повторять.

И мне без того хватало поводов для беспокойства.

В пятидесяти метрах дальше по доку среди метели темнел «Рассвет Дайкоку». Он был больше «Пушек для Гевары» – судя по

виду, бывший торговый ховер, расконсервированный и переделанный под нужды деКома. Судно излучало старомодную помпезность. Свет уютно горел в иллюминаторах и скапливался в холодные белые и красные созвездия на надстройке. Недавно на трапах плыли целеустремленные ручейки силуэтов отбывающих деКомовцев и горел свет у пирсов погрузки, но теперь люки были закрыты, а ховерлодер стоял, одинокий, на ветрах ночи Нового Хока.

Силуэты в заглушающих звук белых завихрениях справа от меня. Я коснулся рукоятки «Теббита» и подкрутил зрение.

Во главе был Лазло, шел с пружинистостью походки водомерки и дикой ухмылкой на замерзшем лице. За ним – Оиси и Сильви. На лице женщины оставило след действие лекарств, в поведении же второй командной головы сквозили собранность и контроль. Они пересекли открытую площадь у пристани и проскользнули в укрытие контейнера. Лазло растирал лицо обеими руками и стряхивал тающий снег с расставленных пальцев. Раненую руку он поместил в боевую сервошину и, кажется, не чувствовал боли. Я уловил в его дыхании алкоголь.

– Нормально?

Он кивнул.

– Всем заинтересованным сторонам – и парочке незаинтересованных – теперь известно, что Курумая посадил нас под домашний арест. Яд все еще там, громко ноет любому, кто согласен слушать.

– Оиси? Готов?

Командная голова ответил угрюмым взглядом.

– Если ты готов. Как я сказал, у вас будет не больше пяти минут. Иначе останутся следы.

– Пяти минут за глаза хватит, – нетерпеливо сказал Лазло.

Все посмотрели на Сильви. Под пристальным вниманием она сумела выдавить тусклую улыбку.

– Нормально, – вторила она. – Все сканируется. Давайте.

Лицо Оиси резко опустело из-за ухода в сеть. Он чуть кивнул самому себе.

– Их навигационные системы в режиме ожидания. Запуск двигателей и тест системы – через двести двадцать секунд. К этому времени лучше уже быть в воде.

Сильви изобразила отсутствующий профессиональный интерес и подавила кашель.

– Безопасность?

– Включена. Но стелс-костюмы должны запутать сканы. А когда вы будете на уровне воды, я выдам вас за парочку рипвингов, которые ждут легкий улов в турбулентности

кильватера. Как только начнется цикл теста системы, лезьте в отсек. На внутренних сканерах я вас скрою, а навигационка подумает, что потеряла рипвингов в волнах. То же самое, когда будешь выходить, Лазло. Так что оставайся в воде, пока судно не отплывет в устье подальше.

– Просто отлично.

– Выбил нам каюту? – спросил я. Уголок рта Оиси дрогнул.

– Конечно. Для друзей-беглецов не жалко никакой роскоши. Низ по правому борту практически пустой, S-37 в вашем распоряжении. Только толкните дверь.

– Пора, – прошипел Лазло. – По одному.

Он выскользнул из-за укрытия контейнера тем же уверенным легким шагом водомерки, который я уже видел в Нечистой, на миг оказался на обозрении, а затем гибко метнулся с края верфи и снова скрылся. Я искоса взглянул на Сильви и кивнул.

Она пошла, не так ловко, как Лазло, но с эхом той же грации. В этот раз мне показалось, что я слышал слабый всплеск. Я отсчитал пять секунд и последовал за ней, через объятое метелью открытое пространство, присел, чтобы схватиться за верхнюю ступеньку смотровой лестницы, и быстро пополз вниз, к химической вони устья. Погрузившись по пояс, я отпустил лестницу и откинулся спиной в воду.

Даже несмотря на стелс-костюм и одежду поверх него, шок от погружения ошеломил. Мороз прорезался, вгрызся в пах и грудь и выдавил воздух из легких через стиснутые зубы. Клетки гекконовой хватки в ладонях отреагировали и напрягли свои сухожилия. Я вдохнул и поискал в воде остальных.

– Сюда.

Лазло помахал от гофрированной секции причала, где они с Сильви цеплялись за проржавевший амортизирующий генератор. Я скользнул к ним через воду и дал генно-модифицированным ладоням приклеиться прямо к вечному бетону. Лазло рвано вдохнул и проговорил через стучащие зубы:

– Д-д-давайте к к-к-корме и плывите между причалом и корпусом. Увидите пусковые люки. Т-т-только не п-п-пейте воду, а.

Мы обменялись натужными улыбками и оттолкнулись.

Это было непросто – плыть, несмотря на рефлексы тела, которому только и хотелось свернуться в холоде калачиком и дрожать. Не прошли мы и полпути, как Сильви стала отставать, и нам пришлось за ней вернуться. Ее дыхание вырывалось с трудом, зубы скрипели, а глаза начали закатываться.

– Б-б-больше не мог-г-гу, – пробормотала она, когда я перевернулся в воде на спину, а Лазло помог ей взвалиться ко

мне на грудь. – Т-т-только не г-г-говори, что м-мы молодцы, мы ид-д-диоты к-к-какие-то.

– Нормально, – умудрился я разжать челюсти. – Держись. Лаз, вперед.

Он судорожно кивнул и погреб. Я двинулся за ним, с трудом удерживая ношу на груди.

– *Неужели не было другого пути?* – простонала она едва ли громче шепота.

Каким-то образом мне удалось доставить нас обоих к возвышающейся корме «Рассвета Дайкоку», где ждал Лазло. Мы заплыли в щель между корпусом ховера и причалом, и я пришлепнул руку к вечнобетонной стене, чтобы удержаться на месте.

– М-м-меньше м-м-минуты, – сказал Лазло, видимо, ориентируясь на ретинальный дисплей. – Б-б-будем надеяться, Оиси уже п-п-подключился.

Ховерлодер пробудился. Сперва глубокий гул – система антиграва переключилась с плавучести на движение, – затем пронзительный визг воздухозаборников и прум-прум вдоль корпуса – наполнялись юбки. Я почувствовал тягу воды, закружившейся вокруг судна. Из-под кормы взорвались брызги и окатили меня. Лазло улыбнулся с выпученными глазами и показал пальцем.

– Вон, – перекричал он шум двигателя.

Я проследил за его рукой и увидел батарею из трех круглых отверстий, у которых раздвигались лепестковые люки. Внутри загорелось ремонтное освещение, к краю первого прохода по юбке ховера вела навесная ремонтная лестница.

Тембр двигателей стал глубже, утвердился.

Лазло поднялся первым по ступеням лестницы на скошенный верхний край подушки. Прижавшись к корпусу, он махнул мне. Я пихнул Сильви к лестнице, проорал ей на ухо лезть и с облегчением увидел, что она еще в состоянии это сделать. Как только она добралась, ее подхватил Лазло, и после неловкого маневрирования они оба исчезли в шахте. Я поднялся по лестнице так быстро, как только позволяли онемевшие руки, и нырнул в люк, в тишину.

В паре метров над собой я увидел Сильви и Лазло, расставивших конечности, чтобы держаться за выступы на внутренней стороне пусковой трубы. Я вспомнил небрежную похвальбу водомерки при нашей первой встрече: «*Семь метров ползком по полированному стальному дымоходу. Не хрен делать*». С радостью отметил, что, как и почти вся болтовня Лазло, это оказалось преувеличением. Труба была далеко не гладкой – в

металл встроили множество опор. Я на пробу взялся за ступеньку над головой и обнаружил, что могу подтянуться по уклону без особого труда. Выше. Я нашел гладкие выступы на металле, где ноги могли принять часть моего веса. Миг я отдыхал у слабо дрожащей поверхности трубы, потом вспомнил про пятиминутное ограничение Оиси и снова пополз.

Наверху я обнаружил промокших Сильви и Лазло на карнизе в палец толщиной под открытым люком, заполненным провисающим оранжевым синт-брезентом. Водомерка устало взглянул на меня.

– Ну вот, – он потыкал в податливое покрытие над головой. – Это нижний плот. Выпадает первым. Протиснитесь за него, найдете смотровой люк, который ведет на технический этаж между уровнями. Откроете ближайший ремонтный выход в полу – попадете куда-нибудь в коридор. Сильви, лучше ты первая.

Мы отодвинули синт-брезентовый плот от одного края, и в трубу хлынул теплый спертый воздух. Я невольно рассмеялся от удовольствия. Лазло кисло кивнул.

– Ага, кайфуй. А некоторым тут опять придется устраивать заплыв.

Сильви пролезла, и я уже хотел последовать за ней, когда водомерка дернул меня за руку. Я обернулся. Он замялся.

– Лаз? Давай быстрей, времени нет.

– Ты, – он строго поднял палец. – Я тебе доверяю, Микки. Присмотри за ней. Береги, пока мы вас не найдем. Пока она не вернется онлайн.

– Ладно.

– Я тебе доверяю, – повторил он.

Затем отвернулся, убрал пальцы с края люка и быстро скользнул по изгибу пускового отсека. Когда он скрылся из виду, вверх поднялся слабый стук.

Я смотрел ему вслед, кажется, слишком долго, затем обернулся и раздраженно прорвался через синт-брезентовый барьер между собой и новообретенной ответственностью.

На меня накатило воспоминание.

В баббл-тенте.

– Ты. Помоги мне. Помоги мне!

Ее глаза пронзают меня. Мышцы ее лица напряглись от отчаяния, рот слегка полуоткрыт. Когда я вижу это, внутри меня закипает глубокое и незваное возбуждение. Она откидывает спальник и придвигается ко мне, хватает, и в слабом свете от приглушенной иллюминиевой лампы под ее рукой я вижу опавшие набок груди. Я не впервые вижу ее такой – Сачки не страдают от застенчивости, и после месяца лагерной жизни в тесноте похода

через Нечистую я бы мог нарисовать их голыми по памяти, – но в лице и позе Сильви вдруг чувствуется что-то глубоко сексуальное.

– Ущипни меня, – от хриплого голоса, который принадлежал не ей, у меня дыбом встают волосы на затылке. – Скажи, что ты, сука, настоящий.

– Сильви, ты не…

Ее ладонь поднимается – от моей руки к лицу.

– Кажется, я тебя знаю, – говорит она недоуменно. – Элита Черной бригады, точно. Батальон Тецу. Одиссей? Огава?

Ее японский – архаичный, устаревший на столетия. Я поборол призрак дрожи и отвечаю на амеранглийском.

– Сильви, послушай…

– Тебя зовут Силиви? – ее лицо искажает сомнение. Она тоже меняет языки. – Я не помню, я, я что-то, я не могу…

– Сильви.

– Да, Силиви.

– Нет, – я едва шевелю онемевшими губами. – Это тебя зовут *Сильви.*

– Нет, – теперь внезапная паника. – Мое имя. Мое имя. Меня звали, меня звали, меня…

Она осекается и бросает взгляд в сторону, отрываясь от моего. Она пытается вылезти из спальника. Ее локоть едет по скользкой подкладке, и она наваливается на меня. Я поднимаю руки, и в них вдруг оказывается ее теплое, мускулистое тело. Кулак, который я сжал, когда она заговорила, невольно открывается, и стеки памяти просыпаются на пол. Ладони лежат на твердой плоти. По моей шее мазнули ее волосы, и я чувствую ее запах – теплый и женственный пот, накативший из открытого спальника. В моем животе снова что-то переворачивается, и она наверняка тоже это чувствует, потому что издает в мою шею глубокий стон. Ниже, в мешке, ее ноги нетерпеливо ворочаются и раздвигаются перед моей рукой, скользнувшей по ее бедру и между ними. Еще не осознавая, что я делаю, я уже глажу ее щелку, и она влажная на ощупь.

– Да, – вырывается из нее. – Да, вот так. Туда.

В этот раз, когда она сводит ноги, ко мне прижимается все тело, а потом бедра раздвигаются настолько, насколько позволяет спальник. Пальцы входят в нее, она шипит сквозь зубы, отрывается от моей шеи и вперяется в меня взглядом так, словно я пронзил ее ножом. Пальцы впиваются в мое плечо и предплечье. Я провожу в ней длинные, медленные овалы, и чувствую, как ее бедра бьются нетерпеливо из-за моей неторопливости. Ее дыхание становится учащенным.

– Ты настоящий, – шепчет она. – О, ты настоящий. И теперь

ее руки ползают по мне, пальцы путаются с застежками куртки, гладят быстро набухающий пах, хватаются за лицо и подбородок. Она как будто теряется, что делать с тем, что трогает, и постепенно я осознаю, пока она необратимо скатывается в расщелину оргазма, что так она подтверждает слова, что быстрее и быстрее срываются с губ: ты настоящий, ты настоящий, ты настоящий, сука, да, ты настоящий, ох, ты настоящий, да, гондон, да, да, ты настоящий ты, сука, настоящий…

Ее голос застревает в горле вместе с дыханием, и она чуть не сгибается пополам от силы оргазма. Она оплетает меня, словно длинные смертельные ленты белаводорослей у рифа Хираты, бедра сжимают мою руку, всем телом охватывает мою грудь и плечо. Откуда-то я знаю, что через мое плечо она таращится на тени в дальнем углу баббл-тента.

– Меня зовут Надя Макита, – говорит она тихо.

И опять – словно электричество до мозга костей. Как тогда, когда она схватила меня за руку, – шок. Ее имя. В голове дребезжит одно и то же. Это невозможно, это не…

Я снимаю ее с плеча, отдаляю – и движение высвобождает новую волну феромонов. Наши лица всего в паре сантиметров друг от друга.

– Микки, – бормочу я. – Судьба.

Она бросается вперед как хищная птица, и губы запечатывают мои, обрывая слова. Ее язык горячий и лихорадочный, а руки снова возятся с моей одеждой – на этот раз с решительной уверенностью. Я вылезаю из куртки, расстегиваю тяжелые синт-брезентовые штаны, и ее рука тут же зарывается в них. После недель в Нечистой, когда почти нет времени уединиться и подрочить, в теле, которое столетиями лежало на льду, я едва не кончаю сразу же, как ее рука смыкается на моем члене. Она это чувствует и улыбается в поцелуе, губы отлипают от моих, слабый скрип зубов и шуршание смешка глубоко в ее горле. Она встает в спальном мешке на колени, одной рукой опираясь на мое плечо, пока вторая работает между моих ног. Пальцы, длинные, тонкие, горячие и клейкие от пота, свернулись в тренированную хватку и нежно двигаются вверх и вниз. Я стягиваю штаны к коленям и откидываюсь, чтобы дать ей место. Большой палец поднимается и опускается вдоль члена, как метроном. В стоне я опустошаю легкие до дна, и она тут же замедляется почти до остановки. Прижимает свободную руку к моей груди, толкает меня на пол, а ее хватка на моем стояке сжимается чуть ли не до боли. Свернувшиеся мускулы в животе не дают лечь на лопатки под ее весом и приглушают пульсирующее желание кончить.

– Хочешь в меня? – серьезно спрашивает она.

Я качаю головой.

– Как скажешь, Сильви. Как…

С силой дергает за член.

– Я не Сильви.

– Надя. Как скажешь, – я хватаю ее за изгиб ягодицы, длинное твердое бедро, и тащу на себя. Она снимает руку с моей груди, опускает и раздвигает себя, медленно насаживаясь на мой член. При соприкосновении наши вздохи сливаются. Я пытаюсь отыскать в себе хоть какой-то контроль посланника, кладу руки на ее бедра и помогаю опускаться и подниматься. Но это ненадолго. Она тянется руками к моей голове и поднимает ее к набухшей груди, прижимает лицом и ведет к соску. Я сосу его, а второй рукой беру вторую грудь, пока она приподнимается на коленях и ведет нас обоих к оргазму, от которого в глазах темнеет, когда происходит взрыв.

Мы падаем друг на друга в темном баббл-тенте, скользкие от пота и содрогающиеся. Обогреватель бросает на наши спутанные конечности и прижавшиеся тела красноватое свечение, и во мраке слышится что-то тихое – то ли плач женщины, то ли просто ветер на улице, который пытается пробраться внутрь.

Я не хочу смотреть ей в лицо, чтобы знать наверняка.

* * *

В кишках ровно гудящего «Рассвета Дайкоку» мы вылезли из технического этажа в коридор и, капая на пол, добрались до S-37. Как и было обещано, дверь при нажатии раскрылась. Внутри в неожиданно роскошном пространстве вспыхнул свет. Я подсознательно готовился к чему-то в духе спартанской двухместной каюты, как на «Пушках для Гевары», но Оиси постарался на славу. Каюта – настоящий комфорт-класс, со спальным пространством с подстройкой, где можно надуть и две отдельные кровати, и одну широкую. Мебель была не новой, но в воздухе чувствовался слабый запах консервационных антибактериальных средств, от чего все казалось девственно чистым.

– В-в-весьма, – простучал я зубами, запирая дверь. – Неплохо, Оиси. О-д-добряю.

Ванная комната сама была почти размером с каюту на одного, с душевой кабинкой и мощным стационарным феном. Мы разделись догола и сбросили мокрую одежду, затем по очереди смыли холод с костей сперва под беспощадным кипятком, потом в мягко обволакивающей буре теплого воздуха. Это заняло немало

времени, но на лице Сильви не было ни намека на приглашение, когда она вошла в душевую, и потому я остался снаружи, растирая стынущую кожу. В какой-то момент, наблюдая, как по ее груди и животу сбегает вода, стекая между ног и подергивая намокшие лобковые волосы, я почувствовал возбуждение. Тут же быстро взял куртку из стелс-костюма и неуклюже уселся, прикрыв ею эрекцию. Женщина в душе заметила движение и с любопытством посмотрела на меня, но ничего не сказала. И с чего бы. В последний раз, когда я видел Надю Макиту, она засыпала после секса в баббл-тенте на равнинах Нового Хока. С уверенной улыбочкой на губах, одна рука – на моем бедре. Когда я освободился из-под нее, она только повернулась в спальном мешке и что-то пробормотала под нос.

С тех пор она не возвращалась.

А ты тем временем оделся и прибрался, пока остальные не вернулись, словно преступник, подчищающий следы.

Встретил подозрительный взгляд Орра с уверенной ложью чрезвычайных посланников.

Ускользнул с Лазло в собственный баббл, чтобы лежать без сна до рассвета, не в силах поверить в то, что ты видел, слышал и делал.

Наконец Сильви вышла из душевой после фена, совершенно сухая. Я с трудом отвел взгляд от вдруг сексуализированного ландшафта ее тела и поменялся с ней местами. Она промолчала, только легонько стукнула меня по плечу неплотно сжатым кулаком и нахмурилась. Затем исчезла в каюте за дверью.

Я пробыл в душе не меньше часа, поворачиваясь так и этак в едва ли не ошпаривающей воде, рассеянно мастурбируя и стараясь не задумываться о том, что собирался делать, когда мы доберемся до Текитомуры. Вокруг вибрировал «Рассвет Дайкоку», направляясь на юг. Выйдя из душа, я сбросил нашу мокрую одежду в кабинку и поставил фен на полную, затем вернулся в каюту. Сильви уже дрыхла под одеялом в спальном пространстве, которое включила на одну кровать.

Я долго стоял и смотрел, как она спит. Ее рот был открыт, волосы вокруг лица – в хаотическом беспорядке. Черный центральный кабель перекрутился и фаллически лежал на щеке. Этих образов мне еще не хватало. Я пригладил его вместе с остальными волосами, очистил лицо. Она что-то пробормотала во сне и поднесла к губам тот же неплотно сжатый кулак, которым шутливо ударила меня. Я постоял и посмотрел еще.

Это не она.

Я знаю, *что не она. Это невоз…*

Что, так же невозможно, как еще один Такеси Ковач,

выслеживающий тебя? Когда ты разучился удивляться, Так?

Я стоял и смотрел.

И в конце концов раздраженно пожал плечами, и залез на спальное пространство рядом, и попытался уснуть.

Получилось не сразу.

Глава четырнадцатая

Возвращение в Текитомуру заняло куда меньше времени, чем наша поездка на «Пушках для Гевары». Уверенно шлепая по волнам ледяного моря вдаль от побережья Нового Хока, «Рассвет Дайкоку» не сдерживался из-за опасений, как его собрат на пути туда, и бóльшую часть пути несся на крейсерской скорости. Если верить Сильви, Текитомура выросла на горизонте вскоре после того, как поднялось солнце, разбудившее ее через окна, которые я забыл затенить. Уже меньше чем через час мы толкались на пирсах Комптё.

Проснулся я в залитой солнцем каюте, без шума двигателей, с Сильви, одетой и глядящей на меня поверх рук, сложенных на спинке стула, который она оседлала у спального пространства. Я моргнул.

– Чего?

– Какого хрена ты вчера делал?

Я сел под одеялом и зевнул.

– А поподробней? Чтобы я понял, что конкретно ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, – огрызнулась она, – что проснулась с твоим членом, который уткнулся мне в позвоночник, как гребаный осколочный бластер.

– А, – я потер глаз. – Прости.

– Разбежался. С каких пор мы спим вместе?

Я пожал плечами.

– Видимо, с тех пор, как ты поставила общую кровать. Что мне оставалось, спать на полу, как тюленю?

– Ой, – она отвернулась. – Я и забыла.

– Ну, это был твой выбор, – я поднялся было с кровати, но вдруг заметил, что обвиняемый стояк по-прежнему налицо, и остался на месте. Кивнул на ее одежду. – Вижу, шмотки высохли.

– Эм-м, да. Спасибо. Что подумал об этом, – торопливо, видимо догадываясь о моем физическом состоянии. – Я принесу твои.

Мы вышли из каюты и нашли ближайший люк выгрузки, никого не встретив по дороге. Снаружи, в ослепительном зимнем солнце, на пирсе стояло несколько охранников, болтая о рыбалке на боттлбэков и взлете цен на портовую недвижимость. Когда мы проходили мимо, нас не удостоили и взглядом. Мы прошли пирс и спустились в сутолоку утренней толпы Комптё. Через пару кварталов и в трех улицах в глубь города мы нашли клоповник, слишком злачный для того, чтобы иметь систему наблюдения, и

сняли комнату, выходившую на внутренний двор.

– Лучше тебе прикрыть голову, – сказал я Сильви, отрезав «Теббитом» лоскут от невзрачной занавески. – Кто знает, сколько здесь еще ходит религиозных маньяков с твоей фоткой у сердца. На, примерь.

Она взяла самодельный платок и с отвращением изучила.

– Я думала, мы должны привлечь к себе внимание.

– Да, но не головорезов из цитадели. Не будем лишний раз усложнять жизнь, а.

– Ладно.

Номер мог похвастаться одним из самых побитых инфотерминалов, что я видел. Он был встроен в стол у кровати. Я завел его и вырубил камеру со своей стороны, затем позвонил в администрацию порта Комптё. Как я и думал – наткнулся на конструкт, блондинку лет двадцати, слишком ухоженную, чтобы казаться настоящей. Она улыбнулась так, словно могла меня видеть.

– Чем могу помочь?

– У меня для вас важная информация, – сказал я. Мой голос запишут, но с трехсотлетней оболочкой какой шанс, что меня выследят? Компания, которая создала оболочку, уже не существует. А без лица им будет непросто выловить меня с какой-нибудь уличной видеосъемки. На некоторое время это собьет со следа. – У меня есть причины полагать, что на недавно прибывший ховерлодер «Рассвет Дайкоку» перед отправкой из Дравы пробрались без разрешения два пассажира.

Конструкт снова улыбнулся.

– Это невозможно, сэр.

– Да? Тогда проверьте каюту S-37,– я оборвал связь, вырубил терминал и кивнул Сильви, которая упихивала непокорные волосы под платок из занавески. – Другое дело. Мы еще сделаем из тебя богобоязненную деву приличного поведения.

– Отвали, – природная упругость шевелюры командной головы по-прежнему приподнимала края платка. Она попыталась пригладить ткань, чтобы та не лезла в поле зрения. – Думаешь, они придут сюда?

– Рано или поздно. Но сперва им нужно проверить каюту, а торопиться они не будут с таким ненадежным звонком. Потом они сверятся с Дравой, только потом отследят звонок. Это займет весь день, если не больше.

– Значит, можно спокойно покинуть это место, ничего не поджаривая?

Я огляделся в грязной каморке.

– Ищейки мало что узнают по вещам, которые трогали мы и

еще десяток последних жильцов. Может, достаточно, чтобы подтвердить следы из каюты. Волноваться не о чем. И в любом случае у меня кончились зажигательные снаряды. А у тебя?

Она кивнула на дверь.

– Где угодно в Комптё по две сотни ящик.

– Соблазнительно. Но нехорошо по отношению к остальным постояльцам.

Пожала плечами. Я ухмыльнулся.

– Блин, а тебя реально бесит этот платочек? Брось, еще успеем где-нибудь прервать след. Пошли отсюда.

* * *

Мы спустились по кривобокой пластмассовой лестнице, нашли боковой выход и выскользнули на улицу, не выписываясь из отеля. Обратно в пульсирующий поток торговли и досуга деКома. На углах выпендривались горстки мальков, опытные команды перемещались тесно сбитыми группками – манера, которую я заметил еще в Драве. Мужчины, женщины и машины носили железо. Командные головы. Дилеры с паленой химией и мелкими игрушками, работающими от раскинутых пластиковых полотен, переливающихся на солнце. Время от времени – религиозные маньяки, декламирующие под издевки прохожих. Уличные артисты, пародировавшие для прикола местную моду, с дешевыми голосказками или еще более дешевыми кукольными спектаклями, с подносами для редкого душа почти потраченных кредитных чипов и с надеждой, что сегодня поменьше зрителей подбросят нулевые чипы. Мы попетляли между ними – моя привычка избавляться от слежки и наш слабый интерес к некоторым выступлениям.

– …леденящая кровь история Безумной Людмилы и Лоскутного человека…

– …хардкорные съемки из деКомовских клиник! Спешите видеть новые *рубежи* в хирургии и испытаниях над телами, дамы и господа, самые последние *рубежи*…

– …взятие Дравы героическими командами деКома в цветном изображении…

– …Бог…

– …пиратские репро для всех чувств! *Стопроцентная* гарантия подлинности! Жозефина Хикари, Мици Харлан, Ито Мариотт и многие другие. Расслабьтесь в окружении самых красивых тел Первой Семьи…

– …сувениры деКома. Обломки каракури…

На одном из углов иллюминиевый знак гласил «ОРУЖИЕ» на амеранглийском, стилизованным под кандзи. Мы вошли через занавески, увешанные тысячами гильз, в кондиционированное тепло лавки. На стенах тяжелые гранатометы и силовые бластеры соседствовали с увеличенными голосхемами и закольцованными съемками сражений с мимингами на мрачных пейзажах Нового Хока. Из невидимых динамиков слабо доносился риф-дайв-эмбиент.

Из-за высокой стойки у входа нам коротко кивнула женщина с худым лицом и волосами командной головы, а потом вернулась к разборке старого плазмошрапнельного карабина для малька, который, похоже, хотел его купить.

– Смотри, дергаешь эту штуку назад до упора – и досылается запасной магазин. Понял? Тогда у тебя до перезарядки будет еще десяток лишних выстрелов. В перестрелке очень полезно. Встретишься на Новом Хоке с роем каракури – еще порадуешься, что есть на что положиться.

Малек пробормотал что-то невнятное. Я побродил вокруг в поисках оружия, которое легко спрятать, а Сильви стояла и нервно чесала головной платок. Наконец малек расплатился и ушел с покупкой под мышкой. Женщина перевела взгляд на нас.

– Нашли что-нибудь подходящее?

– На самом деле нет, – я подошел к стойке. – Я не на выезд. Ищу что-нибудь для органического ущерба. И чтобы можно было на вечеринки надевать, понимаешь.

– Охо. Что-нибудь мясное, а? – женщина подмигнула. – Ну, это не такой редкий запрос, как можно подумать. Посмотрим.

Она открыла терминал на стене за стойкой и включила инфополе. Теперь, приглядевшись, я заметил, что в ее прическе не хватало центрального кабеля и некоторых толстых прядей. Остальные волосы свисали на фоне бледной кожи жидко и неподвижно, плохо скрывая длинный полукруглый шрам на одной стороне лба. Зарубцевавшаяся ткань поблескивала в свете терминала. Ее движения были резкими и зажатыми, без деКомовской грации, которую я видел у Сильви и остальных.

Она почувствовала мой взгляд и хмыкнула, не отворачиваясь от экрана.

– Нечасто встречаешь таких, как я? Как там в песне – «*ДеКомовец ходит тихо*». Или не ходит вообще, да? Дело в том, что такие, как мы, не любят болтаться в Теке и напоминать себе, каково быть целыми. Если есть семья – возвращаешься к ней, есть родина – туда. И если бы я *помнила*, есть они у меня или где они, и духу моего тут бы не было, – она снова рассмеялась, тихо, как вода, булькающая в трубе. Ее пальцы работали с инфополем. –

Мясное. Ну вот. Как насчет измельчителя? «Ронин» ММ86. Короткоствольный осколочный бластер, превращает человека в кашу с двадцати метров.

– Я же сказал – что-нибудь для вечеринок.

– Так и сказал. Так и сказал. Ну, «Ронин» в мономолекулярках не выпускает ничего меньше восемьдесят шестого. Может, пулевую пушку?

– Нет, измельчитель пойдет, но надо поменьше. Что еще есть?

Женщина пососала нижнюю губу. Стала от этого похожа на ведьму.

– Ну, *есть*, конечно, бренды Старых Домов – «Эйч энд Кей», «Калашников», «Дженерал системс». Просто в основном секонд-хенд. Мальки меняют на железяки для миминтов. Слушай. «Джи Эс Рапсодия» – нормально? Не выявляется при скане и очень тонкая, под одеждой не торчит, но рукоятка с автоподстроем. Реагирует на тепло тела, формируется под хват. Как?

– Какая дальность?

– Смотря какой разброс. Если пуже, я бы сказала, достанешь цель на сорока, пятидесяти метрах, если руки не трясутся. На широком дальности нет вообще, зато разом очистит всю комнату.

Я кивнул.

– Сколько?

– О, как-нибудь договоримся, – женщина неумело подмигнула. – Твоя подруга тоже покупает?

Сильви была на другой стороне лавки, метрах в шести от нее. Она услышала и бросила взгляд на инфополе.

– Да, возьму реактивный «Сегед» из списка. Там перечислена вся амуниция, что у вас в наличии?

– А… да, – женщина моргнула, перевела взгляд на экран. – Но он кушает и патроны «Ронин СП9», они совместимые. Могу докинуть два-три магазина, если вы…

– Давайте, – Сильви встретила мой взгляд лицом, которое я не смог прочитать. – Я подожду снаружи.

– Хорошая мысль.

Больше никто ничего не говорил, пока Сильви не зазвенела гильзовыми занавесками и не вышла. Мы оба проводили ее взглядом.

– Рубит в инфокоде, – наконец вымолвила женщина. Я посмотрел на ее морщинистое лицо и задумался, что стояло за словами. Откровенная демонстрация деКомовской силы, прикрытая для маскировки платком – чтение ассортимента на расстоянии, – так и напрашивалась на лишнее внимание. Но было непонятно, на какой мощности работает разум продавщицы и волнует ли ее что-нибудь, кроме быстрой продажи. И даже

помнит ли она что-либо дольше двух часов.

– Фокус такой, – слабо проговорил я. – Ну что, эм-м, обсудим цену?

* * *

На улице я нашел Сильви у края толпы перед голошоу. Его вел старик, но он ловко управлялся с экраном и синт-системой, примотанной к горлу, чтобы изменять голос для каждого персонажа истории. Голо была бледной сферой с нечеткими силуэтами у его ног. Я расслышал имя «Куэлл» и потянул Сильви за руку.

– Господи, а ты не могла быть еще *очевидней*?

– Ш-ш, заткнись. Слушай.

– Затем Куэлл вышла из дома торговца белаводорослями и увидела толпу, собравшуюся у верфи; люди *кричали* и *размахивали руками*. Она не разглядела, что происходит. Помните, друзья мои, это все было на Шарии, где солнце – *жестокий актиниевый свет,* и…

– И где не растут никакие белаводоросли, – пробормотал я Сильви на ухо.

– Ш-ш.

– …она прищуривалась и приглядывалась, но… – сказочник отложил управление и подул на пальцы. На голодисплее силуэт Куэлл застыл, сцена вокруг начала темнеть. – Пожалуй, на этом сегодня и закончу. Очень уж холодно, а я уже не тот, что раньше, и кости мои…

Хор возражений от собравшейся толпы. В перевернутом решете для паутинных медуз у ног сказочника зазвенели кредитные чипы. Он улыбнулся и снова вернулся к управлению. Голо засветился.

– Вы очень добры. Ну что ж, смотрите, Куэлл отправилась к кричащей толпе, а посреди нее увидала юную блудницу с разорванной одеждой, так что *ее идеальные, набухшие груди с сосками-вишенками* гордо поднимались всем на обозрение, а мягкие темные волосы между длинн*ых гладких ног* казались перепуганным зверьком под взглядом *дикого рипвинга*.

Обязательный крупный план в голо. Люди вокруг стояли на цыпочках. Я вздохнул.

– А над ней высились, *над ней высились* два бойца в черном, два бойца *пресловутой* религиозной полиции – *бородатые священники* с *длинными ножами*. В их глазах сияла жажда крови, зубы *поблескивали* в бородах в злорадстве из-за вседозволенности

и власти над *юным телом беспомощной* женщины.

Но меж кончиками кинжалов и *обнаженной плотью* юной блудницы встала Куэлл и провозгласила звенящим голосом: *«Что это значит?»* И толпа замолкла при звуке ее голоса. И снова она спросила: *«Что все это значит, почему вы преследуете эту женщину?»* – и снова ответом послужило молчание, пока наконец один из священников в черном не объявил, что женщину застали за грехом *прелюбодеяния* и по законам Шарии ей *грозит смерть* – она *истечет кровью* в песке пустыни, а ее тело бросят в море.

Всего на миг на задворках моего разума промелькнули скорбь и гнев. Я поборол их и выдохнул, медленно. Слушатели вокруг давили, наклонялись и выгибались, чтобы лучше разглядеть экран. Кто-то толкнул меня, я с силой сунул локтем в ребра в ответ. Вскрик, обиженные ругательства, которые оборвал кто-то другой.

– Тогда Куэлл обратилась к толпе и спросила: «*Кто из вас не грешил с блудницами?»* – и толпа затихла и не смотрела ей в глаза. Но один из священников зло отчитал ее за вмешательство в соблюдение священного закона, и она спросила только его: «*Ты никогда не грешил с блудницей?»* – и многие в толпе, кто знал его, засмеялись, так что ему пришлось признаться, что грешил. *«Но это другое*, – сказал он, – *ибо я мужчина». «Значит*, – сказала Куэлл, – *ты лицемер»*, – достала крупнокалиберный револьвер из-под длинного серого плаща и прострелила священнику *оба колена*. И он рухнул на землю с *криками*.

Два тихих хлопка и тонкие пронзительные крики из голоэкрана. Сказочник кивнул и прочистил горло.

– *«Унесите его»*, – приказала Куэлл, и тотчас двое из толпы подняли все еще кричащего священника и унесли. И наверняка были рады уйти, потому что теперь люди замолчали и испугались, увидев оружие в руке Куэлл. И когда крики заглохли вдалеке, воцарилась тишина, которую нарушал только *стон* морского ветра у верфи и *плач прелестной блудницы* у ног Куэлл. И Куэлл обратилась ко второму священнику, и навела крупнокалиберный револьвер на него. *«А ты,* – сказала она, – *скажешь, что никогда не грешил с блудницей?»* И священник приосанился, посмотрел ей в глаза и сказал: «*Я священник, и я ни разу в жизни не был с женщиной, чтобы не осквернить свою плоть!*»

Сказочник замер в драматической позе и помолчал.

– Он так и напрашивается, – прошептал я Сильви. – Цитадель ведь выше по холму.

Но она не слушала, вся погрузилась в шарик голоэкрана. Когда я пригляделся, заметил, что она покачивается.

Твою мать.

Я схватил ее за руку, но она раздраженно вырвалась.

– Что ж, тогда Куэлл посмотрела на мужчину в черном и, встретив его *пламенный взгляд*, поняла, что он глаголет истину и что он человек слова. Тогда она посмотрела на револьвер в руке и снова на мужчину. И сказала: *«Значит, ты фанатик, и уже не исправишься»*, – и выстрелила ему в лицо.

Снова хлопок, и голоэкран окрасился ярко-красным. Наезд на окровавленное лицо священника. Аплодисменты и возгласы среди толпы. Сказочник переждал их со скромной улыбкой. Сбоку от меня Сильви зашевелилась, словно просыпалась. Сказочник ухмыльнулся.

– Что ж, друзья мои, как вы можете вообразить, *прелестная юная блудница* была *благодарна* своей спасительнице. И, когда толпа унесла тело второго священника, пригласила Куэлл к себе *домой*, где… – сказочник снова отложил управление и охватил себя руками. Наигранно задрожал и потер руками предплечья. – Но что-то совсем холодно стало. Не смогу…

Под новый хор возражений я опять взял Сильви под руку и увел. Первые несколько шагов она молчала, затем пустым взглядом посмотрела на сказочника и на меня.

– Я никогда не была на Шарии, – сказала она озадаченно.

– Нет, и готов спорить, он тоже, – я внимательно посмотрел ей в глаза. – И Куэлл тоже там вряд ли бывала. Но сказка-то хорошая, да?

Глава пятнадцатая

Я купил пачку одноразовых телефонов у лоточника в порту и с одного позвонил Лазло. Его голос был зыбким, пробивался через склоки старинных заглушек и контрзаглушек, которые плыли над Новым Хоком, словно смог над каким-нибудь городом начала тысячелетия на Земле. Шум верфи тоже не помогал. Я прижал трубку к уху.

– Говори погромче, – попросил я.

– …*спрашиваю*, она все еще не ходит в сеть, да?

– Говорит, что нет. Но держится нормально. Слушай, мы оставили следы. В любую минуту жди очень злого Курумаю у дверей. Начинай разучивать алиби.

– Кто, я?

Я не мог не улыбнуться.

– Как там, слышно про Ковача?

Его ответ было не разобрать за внезапной гущей помех и голосов.

– Еще раз?

– …этим утром, говорит, видел Банду Черепа вчера у Шопрона, с какими-то новыми лицами, направ… юг на всех парах. Наверное, вернутся сегодня к ночи.

– Ладно. Когда Ковач появится, будьте осторожней. Это опасный говнюк. Так что держитесь. Чистого скана.

– Обязательно, – долгая пауза, полная помех. – Эй, Микки, ты же за ней присматриваешь, да?

Я фыркнул.

– Нет, как раз думал оскальпировать и продать лишние мощности торговцам инфой. А *ты* как думаешь?

– Я знаю, что ты мо… – его голос снова придавила волна искажений. – …сли нет, приведи ее к тому, кто поможет.

– Да, мы над этим работаем.

– …Миллспорт?

Я угадал вопрос.

– Не знаю. Пока что нет, по крайней мере.

– Если будет надо, чувак, – теперь его голос угасал, слабый из-за расстояния и блокировок. – *Любой* ценой.

– Лаз, я тебя не слышу. Мне пора.

– …скана, Микки.

– Ага, и тебе того же. На связи.

Я сбросил звонок, отнял трубку от уха и взвесил на ладони. Долго смотрел в море. Затем достал новый телефон и набрал по памяти номер из очень давних времен.

* * *

Как и многие города на Харлане, Текитомура лепилась к подножию горного хребта, стоя по пояс в океане. Доступного места для стройки было мало. В те времена, когда Земля вовсю готовилась к плейстоценовому ледниковому периоду, планета Харлан, похоже, претерпела ровно противоположную быструю смену климата. Полюсы растаяли до жалких обмылков, океаны затопили все, кроме двух континентов маленькой планетки. Последовало массовое вымирание, в том числе довольно многообещающей расы саблезубых обитателей побережий, которые, судя по археологическим находкам, дошли до рудиментарных каменных инструментов, огня и религии, основанной на сложном гравитационном танце трех лун Харлана.

Очевидно, все это их не спасло.

Марсиане-колонизаторы, когда прибыли, в малой территории проблем не увидели. Они строили сложно переплетенные поднебесные крепости прямо на самых крутых горных склонах и по большей части игнорировали ошметки и выступы земли на уровне моря. Полмиллиона лет спустя марсиане ушли, но руины их крепостей дожили до новой волны колонизаторов-людей, которые взирали на них с благоговением, но по большей части не трогали. Нас довели до этих краев астронавигационные карты, найденные в заброшенных городах на Марсе, но по прибытии мы были предоставлены сами себе. Без крыльев и без привычной небесной технологии из-за орбитальников человечество ограничилось традиционными городами на двух континентах: расползающимся многоостровным мегаполисом в сердце Миллспортского архипелага и мелкими портами в стратегических точках для связи. Текитомура была десятикилометровой полосой плотно застроенного порта, прижавшегося к нависшим горам позади, насколько это возможно, и далее сходящего на нет. На скалистом подножии над городом росла цитадель, как будто стремясь к полумистическому статусу марсианских развалин. А к ним самим вели узкие горные тропы, вырубленные археологическими командами.

Больше на раскопках Текитомуры археологи не работали. Гранты на все, что не касалось разгадки военного потенциала орбитальников, урезали до нуля, и мастера Гильдии, не занятые армейскими контрактами, давно отправились в систему Латимер с помощью гиперпространственного передатчика. В паре многообещающих мест у Миллспорта и южнее еще держались упрямые ученые-отщепенцы, в основном с собственным финансированием, но на горе над Текитомурой раскопки

остались сиротливыми и опустевшими, такими же заброшенными, как скелеты марсианских башен, рядом с которыми их устраивали.

– Слишком хорошо, чтобы быть правдой, – сказал я, когда мы закупились провизией в уличном окне у набережной. – Уверена, что мы не будем соседствовать с влюбленными подростками и нищими электронарками?

Вместо ответа она многозначительно посмотрела на меня и дернула за прядь, выбившуюся из хватки платка. Я пожал плечами.

– Ну ладно. – Я приподнял пачку амфетаминовой колы с запечаткой. – С вишневым вкусом нормально?

– Нет. На вкус как говно. Давай обычную.

Мы купили пакеты для провизии, более-менее наугад выбрали улицу, ведущую наверх от воды, и пошли. Меньше чем через час шум и здания начали исчезать за спиной, а уклон стал круче. Когда наша скорость стала ниже, а шаги труднее, я принялся посматривать на Сильви, но она не показывала слабости. Напротив, свежий воздух и холодное солнце как будто шли ей на пользу. Напряженная хмурость, которая мелькала на ее лице все утро, совершенно изгладилась, и она даже раз или два улыбнулась. Когда мы забрались выше, солнце стало блестеть на обнаженных выходах минеральных пород на окружающих скалах, а ради открывшихся видов стоило и остановиться. Пару раз мы отдыхали, пили воду и смотрели на растекшуюся по берегу Текитомуру и море за ней.

– Наверно, круто было быть марсианином, – сказала она как-то.

– Наверно.

Первая крепость показалась на другой стороне огромной скалы. Она возвышалась на километр – сплошь изгибы и наросты, на которые сложно смотреть. Посадочные платформы выкатывались, как языки с вырезами; шпили венчали широкие крыши с окнами, насестами и менее понятными надстройками. Зияли входы: анархичный разброс овальных отверстий – от длинных, тонких и вагинальных до формы сердца. Всюду висели провода. Часто появлялось мимолетное ощущение, что постройка на сильном ветру запоет, а то и закружится, как циклопическая музыкальная подвеска.

У тропинки на подходе сгрудились человеческие постройки, мелкие и приземистые, как уродливые щенки у ног сказочной принцессы. Пять хижин в таком же давнем стиле, как развалины на Новом Хоке, во всех – слабый голубой свет спящих автоматических систем. Мы остановились у первой и сбросили

рюкзаки. Я прищурился и оценил углы обстрела, поискал возможные укрытия для нападающих и продумал, как их обойти. Более-менее неконтролируемые мысли – способ чрезвычайных посланников убивать время, подобно тому, как другие люди насвистывают сквозь зубы.

Сильви сорвала платок и с заметным облегчением растрясла волосы.

– Минутку, – сказала она.

Я подытожил свою полуинстинктивную оценку обороноспособности раскопок. На любой другой планете, где можно подняться в воздух, мы были бы легкой мишенью. Но на Харлане обычные правила не работают. Летательная машина максимальной грузоподъемностью – шестиместный вертолет на старинном роторном моторе, *без* умных систем и *без* лучевого вооружения. Всё остальное превращается в пепел. В том числе индивидуальные летуны с антигравитационным ранцем или нанокоптеры. Избирательность ангельского огня, очевидно, была связана с уровнем технологии не меньше, чем с физической массой. Прибавьте к этому высотный предел в четыреста метров – который мы с Сильви давно оставили позади, – и можно с чистой душой полагать, что единственный способ добраться до нас – пешком по тропе. Или вскарабкаться рядом по крутому склону – всегда на здоровье.

Позади меня Сильви удовлетворенно хмыкнула, и, обернувшись, я увидел, что дверь хижины сложилась. Она иронично подняла руку.

– После вас, профессор.

Голубой дежурный свет моргнул и стал белым, как только мы занесли внутрь рюкзаки, и где-то я услышал шепот заводящегося кондиционера. В углу на столе проснулось и вскочило инфополе. Несло антибактериальными средствами, но уже чувствовалось, как запах уходит, потому что системы заметили посетителей. Я сунул рюкзак в угол, снял куртку и взял стул.

– Кухня где-то по соседству, – сказала Сильви, открывая внутренние двери. – Но мы все равно в основном набрали саморазогревающиеся продукты. А все остальное здесь есть. Туалет здесь. Кровати здесь, здесь и здесь. Без автоподстройки, уж прости. Когда вскрывала замки, увидела, что жилье рассчитано на шестерых. Инфосистемы есть, подключены прямиком к глобальной сети через стек Миллспортского университета.

Я кивнул и рассеянно провел рукой через инфополе. Напротив меня в воздухе неожиданно замерцала женщина в строгом костюме. Она старомодно и формально поклонилась.

– Профессор Судьба.

Я бросил взгляд на Сильви.

– Ну очень смешно.

– Я Раскопка 301. Чем могу помочь?

Я зевнул и оглядел комнату.

– Здесь есть оборонные системы, Раскопка?

– Если вы говорите об оружии, – деликатно ответил конструкт, – боюсь, нет. Стрельба какими-либо снарядами или выбросы неуправляемой энергии так близко от места высокой ксенологической важности непростительны. Однако все помещения закрываются системой кодирования, которую чрезвычайно трудно взломать.

Я снова бросил взгляд на Сильви. Она улыбнулась. Я прочистил горло.

– Ладно. А что насчет наблюдения? Как далеко вниз достают сенсоры?

– Область чувствительности охватывает только раскопку и вспомогательные помещения. Однако с помощью глобальной связи я могу получить доступ к…

– Ага, спасибо. На этом все.

Конструкт замерцал и исчез, комната за ним на миг показалась угрюмой и неподвижной. Сильви подошла к главной двери и заперла ее нажатием. Обвела помещение рукой.

– Ну что, мы здесь в безопасности?

Я пожал плечами, вспоминая угрозу Танаседы. *«Глобальный приказ на поимку».*

– Безопасней мест на ум все равно не идет. Лично я сегодня же отправился бы в Миллспорт, но именно поэтому…

Я осекся. Она с любопытством посмотрела на меня.

– Что именно – поэтому?

Именно поэтому мы следуем твоей идее, а не моей. Потому что все, что могу придумать я, легко может придумать и он.

– Именно этого от нас и будут ожидать, – исправился я. – Если повезет, они проскочат мимо нас и отправятся на юг на самом быстром транспорте, который найдут.

Она взяла стул напротив меня и оседлала.

– Да. А мы что будем делать в это время?

– Это предложение?

Я сказал раньше, чем сам понял. Ее глаза распахнулись.

– Ты…

– Прости. Прости, это. Это шутка.

За такую ложь меня бы выкинули из посланников под презрительный смех. Я так и видел, как Вирджиния Видаура пораженно качает головой. Я бы не убедил монаха с Лойко

жертвенно ширнуться для вечерни смирения. И точно не убедил Сильви Осиму.

– Слушай, Микки, – сказала она медленно. – Я знаю, что должна тебе за ту ночь с Бородатыми. И ты мне нравишься. Очень. Но…

– Эй, серьезно. Это шутка, ладно? Плохая шутка.

– Я не говорю, что не думала об этом. Кажется, пару ночей назад мне это даже приснилось, – она улыбнулась, и в моем животе что-то приключилось. – Представляешь?

Я изобразил пожатие плечами.

– Бывает.

– Просто… – она покачала головой. – Я тебя не знаю, Микки. Я знаю тебя не лучше, чем шесть недель назад, и это как-то напрягает.

– Ну да, я поменял оболочки. После такого…

– Нет. Дело не в этом. Ты закрытый, Микки. Самый закрытый из всех, кого я встречала, а можешь мне поверить, в нашем деле попадаются тяжелые случаи. Ты зашел в тот бар, «Токийский ворон», с одним только своим ножом и поубивал всех, не моргнув и глазом. И все время у тебя была такая улыбочка, – она коснулась своих волос – как мне показалось, неловко. – Когда я хочу, я все помню в деталях. Я видела твое лицо, и сейчас вижу его так же четко. Ты улыбался, Микки.

Я промолчал.

– Я не хочу ложиться в постель с таким человеком. Ну, – она слабо улыбнулась, – это я вру. Какая-то часть меня хочет, какая-то часть *очень* хочет. Но этой части я научилась не доверять.

– Наверняка очень мудрое решение.

– Ага. Наверняка, – она стряхнула волосы с лица и попыталась улыбнуться тверже. Ее взгляд снова столкнулся с моим. – Ты ходил в цитадель и собрал их стеки памяти. Зачем, Микки?

Я улыбнулся в ответ. Встал со стула.

– Знаешь, Сильви, какая-то часть меня очень хочет тебе рассказать. Но…

– Поняла, поняла…

– …этой части я научился не доверять.

– Остряк.

– Стараюсь. Слушай, я проверю кое-что на улице, пока не стемнело. Скоро вернусь. Если думаешь, что по-прежнему должна мне за историю с Бородатыми, сделай одолжение, пока меня не будет. Постарайся забыть, что я показался таким извращенцем. Буду очень благодарен.

Она отвернулась, глядя на инфополе. Ответила очень тихо.

– Конечно. Без проблем.

Нет, проблема есть. Я закусил язык и направился к двери. *Проблема просто охрененная. И я до сих пор понятия не имею, как ее разрулить.*

На второй звонок отвечают почти сразу. Бесцеремонный мужской голос, которому не хочется ни с кем общаться.

– Да?

– Ярослав?

– Да. – нетерпеливо. – Кто это?

– Голубой жучок.

От слов открывается тишина, словно рана от ножа. Нет даже шума помех. По сравнению со связью во время разговора с Лазло линия кристально чистая. Я слышу шок на другом конце линии.

– Кто это? – голос совершенно изменился. Затвердел, как разбрызганный вечный бетон. – Включи видео. Хочу видеть лицо.

– Это не поможет. Мое новое лицо тебе вряд ли знакомо.

– Я тебя знаю?

– Просто скажем, ты в меня не верил, когда я отправился на Латимер, и я целиком оправдал твое неверие.

– Ты! Ты вернулся на Харлан?

– Нет, с орбиты, блин, звоню. А ты как думаешь?

Долгая пауза. Дыхание на линии. Я с рефлекторной осторожностью оглядываю верфь Комптё.

– Что надо?

– Ты знаешь, что надо.

Снова колебания.

– Ее здесь нет.

– Ну да, конечно. Зови.

– Я серьезно. Она исчезла, – говорит с заминкой – этому можно поверить. – Когда ты вернулся?

– Довольно давно. Куда она делась?

– Я не знаю. Если предположить… – его голос затих со вдохом через вялые губы. Я бросаю взгляд на часы из бункера в Нечистой. Они триста лет показывали точное время, безразличные к отсутствию людей. После многих лет жизни с чипом времени часы кажутся странными, немного архаичными.

– Предполагай. Это важно.

– Ты никому не говорил, что вернулся. Мы думали…

– Да, не люблю вечеринки по случаю возвращения. Теперь предполагай. Куда она ушла?

Я слышал, как он поджал губы.

– Поищи на Вчире.

– Пляж Вчира? Да брось.

– Хочешь верь, хочешь нет. Больше мне сказать нечего.

– После стольких лет? Я думал…

– Да, я тоже думал. Но когда она ушла, я пытался… – он замолчал. Сглотнул со щелчком в горле. – У нас все еще были общие счета. Она оплатила переезд в жестком классе на юг, на Кошут, на скоростном торговом судне, купила там себе новую оболочку. Серферскую. Вычистила ради нее весь счет. Прожгла все деньги. Она – я знаю, она там с гребаным…

Он захлебнулся. Густое молчание. Какие-то жалкие остатки приличий вынуждают меня поморщиться. Говорю мягче.

– Значит, думаешь, Бразилия еще там, а?

– А что меняется на Пляже Вчира? – горько спрашивает он.

– Ладно, Ярош. Это все. Спасибо. – Сам поднял бровь при собственных словах. – Не переживай там сильно, а.

Он хмыкает. Как только я собираюсь отключиться, он прочищает горло и начинает говорить:

– Слушай, если увидишь ее. Передай…

Я жду.

– А, ну нахер, – и вешает трубку.

Солнечный свет слабеет.

Подо мной, когда с моря дохнуло ночью, по всей Текитомуре загораются огни. На западном горизонте расселся Хотей, окрашивая оранжевым рябую тропинку на воде по направлению к берегу. Над головой медной и откушенной с краю висела Мариканон. В море густые сумерки уже усеяны бегущими огнями траулеров. До меня слабо доносились звуки порта. ДеКом никогда не спит.

Я бросил взгляд через плечо на археологическую хижину, краем глаза зацепился за марсианскую крепость. Она высилась огромным скелетом на фоне темнеющего неба справа – словно кости давно погибшего зверя. Медно-оранжевый лунный свет падал через отверстия строения и иногда выходил под неожиданными углами. С ночью пришел холодный ветер, на нем слегка качались висящие провода.

Мы их избегаем, потому что не можем найти для них применения в своем мире, но я сомневался, что дело только в этом. Одна археолог рассказывала мне, что человеческие поселения обходят подобные остатки марсианской цивилизации на всех планетах Протектората. «*Это инстинкт*, – сказала она. – *Атавистический страх. Даже археологические городки вымирают, как только заканчиваются раскопки. Никто не остается там по своей воле».*

Я смотрел на лабиринт расколотого лунного света и теней крепости и чувствовал, как в меня потихоньку просачивается тот

самый атавистический страх. В уходящем свете слишком легко представлялись медленные взмахи широких крыльев и спирали, которые оставляют силуэты рапторов на вечернем небе, существ крупнее и безобразнее, чем что угодно, летавшее и ползавшее по Земле.

Я отбросил мысль с раздражением.

Давай сосредоточимся на реальных проблемах, а, Микки? Как будто тебе их не хватает.

Дверь хижины сложилась, и наружу пролился свет, резко напомнив мне, как уже похолодало.

– Ты зайдешь поужинать? – спросила она.

Глава шестнадцатая

Передышка в горах мало чем помогала.

В первое утро я спал крепко, но когда наконец вышел из спальни, голова болела и мысли разбегались. «Эйшундо Органикс» явно не рассчитывали свои оболочки на декадентский образ жизни. Сильви поблизости не было, но стол был засыпан всякими продуктами, в основном с открытыми крышками. Я покопался и нашел нетронутую банку кофе, вскрыл и выпил у окна. На задворках разума бегали полузабытые сны, в основном из клеточной памяти, об утоплении. Последствия того, что оболочку передержали в резервуаре, – то же самое у меня было в начале Нечистой. Боестолкновения с мимингами и быстрый темп жизни с Сачками Сильви выдавили их более традиционными сценариями про драки и побеги, а также переиначенной ерундой из моего собственного подсознания.

– Вы проснулись, – сказала Раскопка 301, заблестев на краю зрения.

Я бросил на нее взгляд и поднял кофе.

– В процессе.

– Ваша коллега оставила сообщение. Хотите прослушать?

– Наверное.

– *Микки, я прогуляюсь в город*, – голос Сильви донесся изо рта конструкта без соответствующей смены изображения. В моем хрупком состоянии спросонья это задело тяжелее, чем я ожидал. Совершенно парадоксальное зрелище, а также нежеланное напоминание о моей главной проблеме. – *Окунусь в инфопоток. Хочу проверить, запускается ли уже сеть, может, свяжусь с Орром и остальными. Узнаю, что у них там. Что-нибудь принесу*. Конец сообщения.

От внезапного возвращения голоса конструкта я моргнул. Кивнул и отнес кофе к столику. Расчистил место у инфополя от еды и какое-то время размышлял над ней. Раскопка 301 висела над душой.

– Значит, отсюда я могу зайти в Миллспортский университет, да? Порыться в их общем стеке?

– Будет проще, если вы спросите меня, – скромно ответил конструкт.

– Ну ладно. Краткая информация по… – я вздохнул. – Куэллкрист Ф…

– Поиск начат, – то ли от скуки после многих лет безделья, то ли из-за плохого распознавания интонации конструкт уже приступил к работе. Инфокатушка засветилась и расширилась. У

вершины возникла миниатюрная копия головы и плеч Раскопки 301 и принялась за подбор информации. В пространстве под ней посыпались иллюстрации. Я посмотрел, зевнул и подождал. – Найдено: первое – куэллкрист, также куалгрист – земноводное растение планеты Харлан. Куэллкрист – вид водорослей охровой раскраски, обитающих на мелководье, встречается в основном в поясах умеренного климата. Хотя водоросли и содержат питательные элементы, их количеством они уступают видам земного происхождения или гибридным видам специального разведения, и потому их культивация не считается экономически целесообразной.

Я кивнул. Не с этого хотелось бы начать, но…

– Из зрелых образцов куэллкриста извлекаются медицинские вещества, но вне небольших сообществ на юге Миллспортского архипелага эта практика не встречается. По-настоящему куэллкрист примечателен только своим необычным жизненным циклом. Если растение оказывается на долгий период времени в безводных условиях, его стручки иссыхают до черного порошка, который может разноситься ветром на сотни километров. Остальная масса умирает и гниет, но порошок куэллкриста, снова попав в воду, пускает микролистья, из которых через неделю может вырасти целое растение.

Второе, Куэллкрист Фальконер – псевдоним Нади Макиты, лидера повстанцев и политического мыслителя времен Отчуждения. Родилась в Миллспорте 18 апреля 47-го (по колониальному летоисчислению), умерла 31 октября 105-го. Единственный ребенок миллспортского журналиста Стефана Макиты и морского инженера Фусако Кимуры. Макита изучала демодинамику в Миллспортском Университете и опубликовала скандальную магистерскую диссертацию «Изменение роли гендера и новая мифология», а также три сборника стихов на стрип-япе, которые быстро обрели культовый статус в миллспортских литературных кругах. Позже…

– Можно здесь подробней, Раскопка?

– Зимой 67-го Макита закончила академическую карьеру, отказавшись как от должности исследователя на факультете социологии, так и от литературного покровительства ведущего члена Первых Семей. Между октябрем 67-го и маем 71-го она путешествовала по планете Харлан. Отчасти ее поддерживали родители, отчасти – труд в качестве чернорабочего, включая профессии рубщика белаводорослей и сборщика скальных фруктов. Считается, что жизнь среди разнорабочих помогла Маките укрепиться в своих политических убеждениях. Плата и условия работы у обеих групп на одинаково низком уровне:

на фермах белаводорослей были распространены смертельные болезни, а у сборщиков скальных фруктов – несчастные случаи.

Так или иначе, к началу 69-го Макита опубликовала статьи в радикальных журналах «Новая звезда» и «Море перемен», в них она отступила от либерального реформизма, которого придерживалась в студенческие годы (и который поддерживали родители). Вместо них она предложила новую революционную этику, которая заимствовала положения у существующей экстремистской философии, но одновременно язвительно и жестоко критиковала ее почти наравне с политикой правящего класса. Этот подход не позволил ей сблизиться с радикальной интеллигенцией того периода, так что, пусть Макиту и признавали ярким мыслителем, она оказалась изолирована от революционного мейнстрима. Не найдя подходящего названия для своей новой политической теории, она назвала ее куэллизмом в статье «Периодическая революция», где заявляла, что современные революционеры, «лишившись почвы из-за деспотических сил, должны разлететься по земле, как пыль куэллкриста, стать вездесущими и неуловимыми, но сохранить мощь революционного перерождения для любого времени и места, где эта почва найдется». Существует общепринятая точка зрения, что она взяла имя «Куэллкрист» вскоре после публикации и вдохновляясь ею. Происхождение фамилии «Фальконер», впрочем, остается неизвестным.

Во время кошутских бела-бунтов в мае 71-го и их жестокого подавления Макита впервые выступила в роли партизана в…

– Погоди, – кофе оказался так себе, а ровное шествие по-уютному знакомых фактов начало усыплять. Я снова зевнул и встал, чтобы выкинуть банку. – Ладно, давай без таких подробностей. Можно перескочить дальше?

– Революция, – послушно сказала Раскопка 301,– которую только что возникшие куэллисты не могли выиграть из-за внутренних расколов…

– Еще дальше. Давай про второй фронт.

– Ровно двадцать пять лет спустя эта, казалось бы, риторическая похвальба превратилась в работающую аксиому. Если воспользоваться образной системой самой Макиты, порошок куэллкриста, который могучая буря правосудия, как ее назвал сам Конрад Харлан, разнесла по всей планете после поражения куэллистов, дал ростки нового сопротивления в десятке разных точек. Второй фронт Макиты появился точно так, как она предсказывала, но в этот раз динамика волнений изменилась до неузнаваемости. В контексте…

Копаясь в упаковках в поисках нового кофе, я почти не обращал внимания на рассказ консультанта. Я и так все знал. К началу второго фронта куэллизм уже не был новенькой рыбкой у рифа. После поколения тихой инкубации под пятой харланского режима он остался единственной радикальной силой на планете. Другие движения бряцали оружием или продали души, но в итоге одинаково ушли со сцены; правительственные силы, действовавшие при поддержке Протектората, став кучкой разочарованных и озлобленных неудачников. А куэллисты просто ускользнули, растворились, бросили борьбу и стали жить своей жизнью, к чему, как говорила Надя Макита, они всегда должны были быть готовы. «Технология подарила нам жизни таких временных масштабов, о которых наши предки могли только мечтать. Мы должны быть готовы использовать это время, жить в это время, если хотим воплотить наши мечты». И двадцать пять лет спустя они вернулись – с построенными карьерами, счастливыми семьями, взрослыми детьми, снова готовые к бою, не постаревшие, но заматеревшие, более мудрые, сильные, твердые. И каждый начинал бунтовать только по одной причине: он слышал, что вернулась сама Куэллкрист Фальконер.

Если специальным службам было трудно смириться с полумифической природой двадцатипятилетнего отсутствия Нади Макиты, ее возвращение оказалось для них еще страшнее. Ей было пятьдесят три, но она обзавелась новой плотью, не опознаваемой даже близкими знакомыми. Она бродила по развалинам предыдущей революции, словно мстительный призрак, и первыми ее жертвами стали предатели и отступники из старых союзников. В этот раз в движении не будет распрей и расколов, никто не отклонится от цели, не подрежет куэллистам крылья, не продаст ее харланцам. Неомаоисты, коммунитарианцы, Путь нового солнца, парламентские градуалисты и социальные либертарианцы – они ныли из-за того, что упустили шанс, так и не взяли власть на себя, а Макита нашла их и покарала всех.

Когда она обратила взор на Первые Семьи и их ручную свиту, это уже была не революция.

Это было Отчуждение.

Это была война.

Три года – и заключительный удар по Миллспорту. Я вскрыл второй кофе и выпил, пока Раскопка 301 дочитывала историю. В детстве я слышал ее тысячи раз, и каждый раз надеялся на перемену в последнюю минуту, отсрочку неизбежной трагедии.

– Правительственные силы удержали Миллспорт, и атака куэллистов провалилась. На последующих переговорах был

заключен умеренный компромисс; судя по всему, Макита верила, что у ее врагов есть более насущные дела, и они не станут ее выслеживать. Прежде всего она верила в их любовь к экономии, но из-за ошибочных данных разведки заблуждалась относительно критической роли, которую ее поимка или устранение играли в мирном договоре. Когда она осознала ошибку, побег уже был практически невозможен…

К черту «практически». Харлан послал на окружение кратера Алабардос больше кораблей, чем участвовало в любом морском сражении в ходе войны. Асы-вертолетчики с полусамоубийственной решимостью подняли эскадрилью до четырехсотметрового предела. Внутрь набились снайперы спецназа, вооруженные настолько мощно, насколько только позволяли, по предположениям, параметры орбитальников. Был приказ уничтожить любое воздушное судно любой ценой – если придется, то и воздушным тараном.

– В последней отчаянной попытке спасти предводительницу последователи Макиты рискнули высотным перелетом в полуразобранном джеткоптере, который орбитальники могли бы проигнорировать. Однако…

– Да, ладно, Раскопка. Хватит на этом. – Я допил кофе. Однако им настала задница. Однако план оказался провальным (или, возможно, намеренным предательством). Однако с неба над Алабардосом сорвался луч ангельского огня и превратил джеткоптер в выжженное подобие самого себя. Однако Надя Макита тихо спланировала в океан в виде органических молекул среди металлического пепла. Заново мне это слушать не хотелось. – Что насчет легенд о спасении?

– Как бывает со всеми героическими фигурами, существует множество легенд о тайном спасении Куэллкрист Фальконер от настоящей смерти, – голос Раскопки 301 как будто окрасил упрек, но это мне могло показаться спросонья. – Есть те, кто верит, что она никогда не садилась на джеткоптер, а позже ускользнула из Алабардоса, слившись с наземными войсками противника. Более достойные доверия теории основываются на идее, что до физической смерти сознание Фальконер сохранили и ее воскресили, как только улеглась послевоенная истерия.

Я кивнул.

– И где бы ее хранили?

– Существуют разные предположения, – конструкт подняла одну элегантную руку и стала последовательно вытягивать пальцы. – Некоторые полагают, что либо ее отправили пробоем за пределы планеты, либо она в инфохранилище в глубоком космосе…

– О да, уж наверняка.

– …либо на другую из Освоенных планет, где у нее были друзья. Наиболее вероятны Адорасьон и Земля Нкрумы. Другая теория гласит, что ее сохранили после боевого ранения в Новом Хоккайдо, которое она могла не пережить. А когда она встала на ноги, ее последователи бросили или забыли копию…

– Ага. Как обычно и поступают с сознанием любимого лидера-героя.

Раскопка 301 нахмурилась из-за того, что ее перебили.

– Теория предполагает масштабные и хаотичные бои, множество случайных смертей, а также перебои связи. Подобные условия встречались на клиньях в разные этапы кампаний на Новом Хоккайдо.

– Хм-м.

– Другое предполагаемое место – Миллспорт. Специалисты по истории этого периода заявляли, что семья Макита достаточно возвышалась над средним классом, чтобы обладать доступом к тайным хранилищам. Многие брокерские фирмы одерживали верх в юридических тяжбах, чтобы сохранить анонимность подобных хранилищ. Общий тайный объем в зоне метрополии Миллспорта оценивается более чем в…

– А в какую теорию веришь ты?

Конструкт так резко замолчала, что даже не закрыла рот. По проекции пробежала рябь. У правого бедра, левой груди и в глазах кратко блеснули строчки кода. Голос стал более плоским.

– Я служебный конструкт «Харкани Датасистемс», работающий на базовом уровне взаимодействия. Я не могу ответить на этот вопрос.

– Значит, ни во что не веришь, а?

– Я воспринимаю только информацию и степени вероятности, которые она дает.

– Тоже неплохо. Тогда посчитай. Что вероятнее всего?

– Самый правдоподобный вывод из доступной информации – Надя Макита была на борту куэллистского джеткоптера над Алабардосом, попала под орбитальный огонь и больше не существует.

Я снова кивнул и вздохнул.

– Вот так.

* * *

Сильви вернулась через пару часов со свежими фруктами и термоупаковкой с пряными пирожками с креветками. Ели мы в

основном молча.

– Прорвалась? – через некоторое время спросил я.

– Нет, – она покачала головой с набитым ртом. – Что-то не так. Я это чувствую. Я чувствую, что они там, но недостаточно четко, чтобы поднять канал связи.

Она опустила глаза, нахмурилась, словно от боли.

– Что-то не так, – повторила она тихо.

– Но ты же не снимала платок?

Она посмотрела на меня.

– Нет. Я не снимала платок. Это не влияет на функциональность, Микки. Только бесит меня лично.

Я пожал плечами.

– Будто меня не бесит.

Она опустила глаза к карману, где я обычно держал извлеченные стеки памяти, но промолчала.

Оставшийся день мы старались не попадаться друг другу на глаза. Сильви в основном сидела у инфополя, периодически вызывая перемены цвета на дисплее, ничего не трогая и не говоря. В какой-то момент ушла в спальню и пролежала там час, таращась в потолок. Бросив на нее взгляд по дороге в ванную, я видел, как она беззвучно шевелит губами. Я принял душ, постоял у окна, съел фрукт и выпил кофе, который не хотел пить. Наконец я вышел на улицу и принялся бродить у основания крепости и по окраинам, бессвязно беседуя с Раскопкой 301, которая почему-то взялась меня сопровождать. Может, присматривала, чтобы я ничего не сломал.

В холодном горном воздухе висело неопределенное напряжение. Как неслучившийся секс, как плохая погода.

Так мы долго не протянем, – знал я. – *Что-то случится.* Но случилась только ночь, и после очередной трапезы с односложными разговорами мы пораньше легли в раздельные постели. Я валялся в мертвой тишине звукоизоляции хижины, представляя ночные звуки снаружи, которым по большей части место было дальше на юге. Неожиданно до меня дошло, что я должен был оказаться там уже почти два месяца назад. Подготовка чрезвычайных посланников – сосредоточиться на окружении и выживать – не давала мне в последние недели задумываться, но всякий раз на досуге мыслями я возвращался к Ньюпесту и Болотному Простору. Вряд ли по мне кто-то скучал, но договоренности были нарушены, и Радул Шегешвар может подумать, что мое безвестное исчезновение на самом деле означает, что меня обнаружили и поймали – со всеми вытекающими последствиями для Простора. Конечно, Шегешвар был мне должен, но долг был сомнительный, а Шегешвар – из

южной мафии, а значит, это довод ненадежный. У гайдуков нет этической дисциплины якудза. И после пары месяцев молчаливой просрочки терпение исчерпывается.

Руки снова зачесались. Генетический тик от желания схватиться за скалу и уползти к хренам собачьим подальше.

Признай, Микки. Пора сваливать. Твои деКомовские деньки закончились. Было весело, у тебя теперь новое лицо и эти гекконовые руки, но поигрались и хватит. Пора возвращаться. Не забывать о главном деле.

Я повернулся на бок и уставился в стену. С другой стороны в той же тишине и том же одиночестве лежала Сильви. Может, в той же зыби беспокойного сна.

И что мне делать? Бросить ее?

В прошлом ты и не так поступал.

Я увидел обвиняющий взгляд Орра. *Даже не думай ее трогать.*

Услышал голос Лазло. *Я тебе доверяю, Микки.*

Да, – усмехнулся мой собственный голос. – *Он доверяет Микки. А с Такеси Ковачем он еще не знаком.*

А если она та, за кого себя выдает?

Ой, да брось. Куэллкрист Фальконер? Ты же слышал машину. Куэллкрист Фальконер превратилась в пепел в семистах метрах над Алабардосом.

Тогда кто она? Тот призрак, что в стеке. Может, она и не Надя Макита, но точно сама в это верит. И она уж точно ни хрена не Сильви Осима. Тогда кто?

А хрен знает. Тебя это колышет?

Не знаю, колышет?

Тебя колышет, что якудза наняли тебя же любимого из какого-то архива, чтобы тебя убить. Офигительно поэтично, и знаешь что? Он наверняка их не разочарует. У него точно будут все ресурсы – глобальный приказ, не забывай. И можешь поверить, в плане мотивации его тоже не обделили. Сам знаешь правила насчет двойных оболочек.

И прямо сейчас единственное, что связывает все это с твоей нынешней оболочкой, – *женщина в соседней комнате и ее третьеразрядные друзья-наемнички. Чем быстрее ты их бросишь, вернешься на юг и вспомнишь о главном деле, тем лучше для всех заинтересованных лиц.*

Главное дело. Да, это решит все твои проблемы, Микки. И задолбал меня так звать.

Я нетерпеливо сбросил одеяло и выбрался из кровати. Приоткрыл дверь и увидел пустую комнату. Стол и переливающееся инфополе, светящееся в темноте, силуэт двух

рюкзаков, прислоненных друг к другу в углу. Свет Хотея рисовал бледно-оранжевым окна на полу. Я вышел голым в лунную лужу и присел у рюкзаков, чтобы поискать банку амфетаминовой колы.

На хер сон.

Я услышал ее позади и развернулся с холодной, незнакомой тревогой в костях. Не зная, с кем окажусь лицом к лицу.

– Ты тоже, а?

Голос Сильви Осимы, слегка озадаченный волчий вид Сильви Осимы, стоявшей передо мной, обхватив себя руками. Она тоже была голая, груди приподнялись в букве V, сложенной ее руками, как подарок для меня. Бедра замерли в полушаге – одна нога полусогнута позади другой. Волосы в беспорядке на заспанном лице. В свете Хотея ее бледная кожа стала цвета теплой меди и костра. Она неуверенно улыбнулась.

– Я все время просыпаюсь. Мозг как будто работает на форсаже, – она кивнула на банку в моей руке. – И это мало поможет.

– Мне не хочется спать, – мой голос прозвучал хрипло.

– Нет, – улыбка загасла от внезапной серьезности. – Мне тоже не хочется. Мне хочется того, чего хотел ты.

Она опустила руки, и груди свободно повисли. Слегка застенчиво она подняла руками гриву волос, завела их за плечи. Сдвинула ноги, так что бедра потерлись друг о друга. Она внимательно наблюдала за мной между локтей.

– Я нравлюсь тебе такой?

– Я… – Из-за позы ее груди поднялись выше. Я почувствовал, как кровь прилила к члену. Прочистил горло. – Ты мне очень нравишься такой.

– Хорошо.

И она стояла, не двигаясь, наблюдая за мной. Я уронил банку колы на рюкзак, из которого ее достал, и сделал шаг к ней. Ее руки разомкнулись и опустились на мои плечи, сложились у меня за спиной. Я наполнил одну ладонь мягким весом груди, вторую опустил к ее бедрам и вспомнившейся влаге, которая…

– Нет, стой, – она оттолкнула опустившуюся руку. – Не туда, не сейчас.

Секунда эта чуть коробит – разряд по ожиданиям, возникшим в баббл-тенте два дня назад. Я пожал плечами и сложил обе руки на груди, сжимая сосок и поднося к губам. Она опустила руки и взяла мой твердый член, поглаживая взад и вперед так, словно то и дело думала отпустить. Я нахмурился, вспоминая жесткую, уверенную хватку прошлого раза, и сам сжал ее ладонь крепче. Она усмехнулась.

– Ах, прости.

Слегка запнувшись, я толкнул ее к краю стола, высвободился из хватки и встал перед ней на колени. Она что-то гортанно промурлыкала и слегка расставила ноги, откидываясь назад и упираясь в стол обеими руками.

– Я хочу твои губы, – произнесла она неразборчиво. Я провел ладонями по ее бедрам и нажал большими пальцами по бокам щелки. Пробежала дрожь, ее губы разомкнулись. Я наклонился и провел внутри нее языком. Ее дыхание перехватило, и я улыбнулся. Она как-то почувствовала улыбку, и меня по плечу шлепнула рука.

– Сволочь. Не смей останавливаться, сволочь.

Я раскинул ее ноги шире и приступил к делу. Ее рука мяла мои плечо и шею, пока она беспокойно ерзала по краю стола, а бедра подчинялись движению моего языка. Пальцы запутались в моих волосах. Я снова умудрился расплыться в улыбке, но в этот раз она уже была не в состоянии сказать что-то человеческим языком. Она начала мурчать, то ли мне, то ли себе. Сперва это были просто слоги одобрения, но чем ближе она была к оргазму, тем длиннее становились слова. Увлекшись, я различил их не сразу. Сотрясаясь в оргазме, Сильви Осима выкрикивала строчки кода.

Она закончила, тяжело содрогнувшись и прижав мою голову между бедер. Я поднял руки и мягко разомкнул ее хватку, поднялся с улыбкой.

И оказался лицом к лицу с другой женщиной.

Невозможно было понять, что изменилось, но чутье Корпуса заметило это за меня, и твердое знание, как лифт, опустилось в самое мое нутро.

Надя Макита вернулась.

Она была в прищуре глаз и кривом изгибе уголка губ, которые не принадлежали ни одному выражению Сильви Осимы. Она была в каком-то голоде, что лизал ее лицо, как пламя, и в коротком, рваном дыхании, словно оргазм, окончившись, включился на какой-то зеркальный повтор.

– Привет, Микки Судьба, – прошелестела она.

Ее дыхание замедлилось, а рот скривился в ухмылке, которая заменила ту, что сползла с моего лица. Она соскользнула со стола, опустила руки и дотронулась до меня между ног. Старое, уверенное прикосновение, которое я помнил, – но я уже лишился эрекции от шока.

– Что-то не так? – пробормотала она.

– Я… – теперь она взялась за меня обеими руками, словно мягко вытягивая веревку. Я почувствовал, что опять твердею. Она следила за моим лицом.

– Что-то не *так*?

– Все так, – быстро сказал я.

– Хорошо.

Она элегантно встала на колено, не отрывая взгляда от моих глаз, и взяла головку члена в рот. Одна рука осталась на его стволе, другая пробралась к правому бедру и сложилась там на мускуле, крепко вцепившись.

Гребаное безумие, – сообщил мне холодный и деловой осколок личности посланника. – *Прекрати это немедленно.*

И ее глаза по-прежнему смотрели в мои, когда язык, зубы и рука довели меня до взрыва.

Глава семнадцатая

Позже мы, влажные, лежали друг на друге в моей постели, так и не расцепив руки после последней отчаянной хватки. Местами наша кожа стала липкой от смешавшихся выделений, а многократные оргазмы растянули мускулы до вялой покорности. В моих глазах все мелькали образы того, что мы делали друг с другом. Я видел ее сверху, скрестившую руки на моей груди, тяжело давившую с каждым движением. Видел, как бьюсь в нее сзади. Видел, как ее щелка опускалась на мое лицо. Видел, как она корчится подо мной и дико сосет собственный центральный кабель в волосах, пока я вставлял ей между ног, которые она сомкнула на моих бедрах, словно тиски. Видел, как сам беру мокрый от ее слюны кабель в рот, а она смеется мне в лицо, и как я кончил с могучей судорогой, увлекшей меня вслед за ней.

Но стоило ей заговорить, как от переиначенного амер-английского акцента по спине пробежали мурашки.

– Что? – видимо, она почувствовала дрожь.

– Ничего.

Она повернула голову ко мне. Я чувствовал вперившийся в лицо взгляд, словно тепло.

– Я задала вопрос. Что случилось?

Я ненадолго закрыл глаза.

– Надя, да?

– Да.

– Надя Макита.

– Да.

Я искоса посмотрел на нее.

– Как же ты, блин, сюда попала, Надя?

– Это что, метафизический вопрос?

– Нет. Технологический, – я привстал на одной руке и обвел жестом ее тело. Даже несмотря на подготовку посланников, я поражался своему отстраненному спокойствию. – Ты не можешь не замечать все, что здесь происходит. Ты живешь в командном ПО, иногда выходишь наружу. Судя по тому, что я видел, думаю, ты выходишь по каналам основных инстинктов, на приливной волне. Секс, может, еще страх или ярость. Все, от чего функции сознания помутняются и уступают место тебе. Но…

– Ты что, эксперт?

– Что-то в этом роде, – я следил за ее реакцией. – Когда-то я был чрезвычайным посланником.

– Кем-кем?

– Не важно. Я хочу знать, что происходит с Сильви Осимой,

когда ты здесь?

– С кем?

– Твою мать, ты в ее теле, Надя. Не строй дурочку. Она перекатилась на спину и уставилась в потолок.

– Не хочется об этом говорить.

– Не сомневаюсь. И знаешь что? Мне тоже. Но рано или поздно нам придется. И ты сама это понимаешь.

Долгая пауза. Она раздвинула ноги и рассеянно пригладила кожу на внутреннем бедре. Потянулась и сжала мой сморщившийся член. Я взял ее за руку и мягко оттолкнул.

– Забудь, Надя. Я вымотался. Даже Мици Харлан не разбудит во мне сегодня зверя. Пора поговорить. Так где Сильви Осима?

Она снова отвернулась от меня.

– А я что, ее сторож? – спросила она сердито. – Думаешь, я все это контролирую?

– Видимо, нет. Но какое-то представление ты же должна иметь.

Снова тишина, но в этот раз с дрожащим напряжением. Я ждал. Наконец она перекатилась ко мне лицом, с отчаянием в глазах.

– Эта твоя хренова Осима мне *снится*, понял? – прошипела она. – Она гребаный *сон*, откуда же мне знать, куда она пропадает, когда я просыпаюсь?

– Да, а ты, видимо, снишься ей.

– И что, мне от этого лучше?

Я вздохнул.

– Расскажи, что тебе снится.

– Зачем?

– Затем, Надя, что я хочу помочь, твою мать.

Глаза вспыхнули.

– Ну ладно, – сорвалась она. – Мне снится, что ты ее пугаешь. Нравится? Мне снится, что она гадает, нахрена тебе столько душ дохлых священников. Что она гадает, кто такой на самом деле Микки Судьба и безопасно ли с ним находиться. Не поимеет ли он ее при ближайшей возможности. Или не поимеет ли буквально и уйдет. Если мечтаешь присунуть этой женщине, Микки, или кто ты там на самом деле, можешь просто забыть. Тебе больше повезет со мной.

Я оставил это замечание без ответа. Она натянула ухмылку.

– Ты это хотел услышать?

Я пожал плечами.

– Для начала пойдет. Ты ее подтолкнула к сексу? Чтобы получить контроль?

– А тебе все интересно.

– Я наверняка могу спросить и у нее.

– Ты думаешь, она вернется? – новая улыбка, и на этот раз в ней больше зубов. – На твоем месте я бы не надеялась.

И дальше в таком духе. Мы еще недолго грызлись и цапались, но под весом посткоитальной химии это ни к чему не привело. В конце концов я сдался и сел на другом краю кровати, уставившись на главную комнату и залитые Хотеем напольные панели. Пару минут спустя я почувствовал ее руку на плече.

– Прости, – сказала она тихо.

– Да? И за что?

– Я только что поняла, что сама напросилась. В смысле, я спросила, о чем ты думаешь. Если я не хотела знать, зачем спрашивать, да?

– Есть такое.

– Просто… – она замялась. – Слушай, Микки. Меня тянет в сон. И я тебе соврала: если я поддамся, уже не знаю, вернется ли Сильви Осима. Не знаю, проснусь ли завтра утром. От этого кто угодно будет нервничать, правильно?

Я смотрел на оранжевый пол в соседней комнате. Нахлынуло и ушло мимолетное головокружение. Я прочистил горло.

– Всегда есть амфетаминовая кола, – хрипло проговорил я.

– Нет. Рано или поздно мне придется уснуть. Почему бы и не сейчас. Я устала, хуже того – я довольная и расслабившаяся. Ощущение, что если я и должна пропасть, то именно сейчас. Это всего лишь химия, я знаю, но бороться с этим вечно не могу. И мне кажется, я вернусь. Что-то мне это подсказывает. Но пока я не знаю когда, и не знаю, куда ухожу. И мне страшно. Ты не мог бы… – новая пауза. Я услышал, как она сухо сглотнула в тишине. – Ты мог бы держать меня, когда я усну?

Оранжевый лунный свет на исхоженном и темном полу.

Я взял ее за руку.

* * *

Как и большинство боевых оболочек, что я носил, «Эйшундо» оснащался внутренним будильником. В час, который я фиксировал в голове, любые мои сны расплывались в поднимающийся край тропического солнца над тихими водами. Запах фруктов и кофе из каких-то невидимых мест, задорные голоса вдалеке. Холод песка ранним утром под босыми ногами и слабый, но настойчивый ветер в лицо. Шум волноломов.

Пляж Вчира? Уже?

Руки сжаты в карманах выцветших серф-штанов, следы песка

в подкладке, которая…

Искусственные ощущения тут же скрылись, как только я проснулся. Ни кофе, ни пляжа, где его можно пить. Ни песка под ногами или в разжавшихся кулаках. Солнечный свет был, но куда более размытый, чем в пробуждающем образе; он бесцветно пробивался через окна другой комнаты в серую, давящую тишину дома.

Я опасливо повернулся на бок и посмотрел на лицо женщины рядом со мной. Она не двигалась. Я вспомнил страх в глазах Нади Макиты, когда она постепенно погружалась в сон. Сознание ускользало от нее, как натянутая веревка из рук, потом все прекращалось – она вздрагивала и моргала, неспящая. А потом миг, резкий и неожиданный, когда она отпустила веревку окончательно и не вернулась. Теперь я лежал и смотрел на ее мирное лицо во сне, и это не помогало.

Я выскользнул с кровати и тихо оделся в соседней комнате. Не хотелось быть рядом, когда девушка проснется.

И точно не хотелось будить ее самому.

Напротив меня материализовалась Раскопка 301 и открыла рот. Боевая нейрохимия ее опередила. Я резко провел рукой по горлу и ткнул большим пальцем в спальню. Сорвал куртку со спинки стула, втиснулся в нее и кивнул на дверь.

– На улице, – пробормотал я.

На улице день начинался лучше, чем показалось сперва. Солнце было зимним, но если стоять под его лучами, то можно было согреться, а облака над головой стали расходиться. Дайкоку торчала на юго-западе, словно призрак скимитара, а над океаном медленно кружилась колонна из точек – видимо, рипвинги. Внизу, на краю невооруженного зрения, виднелась пара судов. В спокойном воздухе постоянно слышался гул Текитомуры. Я зевнул и взглянул на амфетаминовую колу в руке, затем сунул ее в карман куртки. Я уже проснулся настолько, насколько хотел.

– Так что хотела? – спросил я конструкт рядом с собой.

– Мне казалось, вам будет интересно знать, что в лагерь пришли посетители.

Врубилась нейрохимия. Время превратилось в желе – оболочка «Эйшундо» перешла в боевой режим. Я искоса в изумлении глядел на Раскопку 301, когда мимо меня воздух прорезал разряд. Я видел вспышку потревоженного воздуха, когда он прорвался через проекцию конструкта, а когда я уворачивался в сторону, моя куртка вспыхнула.

– Твою…

Ни пушки, ни ножа. Все внутри. Ни времени, чтобы добраться до дверей, да и в любом случае инстинкт посланника откинул

меня от нее. Позже я понял то, что уже знала ситуационная интуиция: вернуться назад было бы чистым самоубийством. Все еще в пылающей куртке я перекатился в укрытие за стену хижины. Луч бластера вспыхнул снова, но уже вдали от меня. Они палили в Раскопку 301, приняв ее за настоящего человека.

Боевой навык не уровня ниндзя, – мелькнуло в голове. – *Эти ребята – местная наемная подмога.*

Да, вот только у них есть пушки, а у тебя нет.

Время сменить арену.

Огнеупорный материал куртки превратил пламя в дым и жар на ребрах. Обугленная ткань истекала увлажняющим полимером. Я сделал глубокий вдох и бросился.

Крики позади, мгновенно вскипевшие от удивления к ярости. Может, им казалось, что они сняли меня первым выстрелом; может, просто были туповаты. Снова стрелять они начали только через пару секунд. К этому времени я почти достиг соседней хижины. В ушах трещал огонь из бластеров. Жар вспыхнул у самого бедра, и плоть поджалась. Я метнулся в сторону, скрылся за хижиной и огляделся перед собой.

Еще три хижины, расположены приблизительно дугой на земле, перекопанной археологами. За ними в небо поднималась на массивных консольных опорах крепость, словно какая-то доисторическая ракета, готовая к пуску. Я еще не был внутри; слишком ненадежная земля под ногами и пятьсот метров вниз до скошенных горных склонов. Но я знал по предыдущему опыту, что делает с человеческим восприятием чужеродная перспектива марсианской архитектуры, и знал, что рефлексы посланников выдержат.

Местная наемная подмога. Помни об этом.

В лучшем случае они пойдут за мной нерешительно, обескураженные головокружительным интерьером, может, даже с долей суеверного страха, если повезет. Они будут не в своей тарелке, они будут бояться.

Они совершат ошибку.

А значит, крепость – идеальное место для бойни.

Я ринулся по оставшемуся пространству, проскочил между двух хижин и направился к ближайшему выступу марсианского сплава, что рос из скалы, словно древесный корень пятиметровой ширины. Археологи ввинтили рядом в землю металлическую лестницу. Я перескакивал три ступени за раз и вылетел на утес, заскользил ботинками по сплаву цвета синяка. Выровнялся напротив барельефа с техноглифами на боку ближайшей консольной опоры, уходящей в небо. Опора была по меньшей мере десять метров высотой, но в паре метров слева от меня к

поверхности барельефа была приклеена эпоксидной смолой лестница. Я схватился за ступеньку и полез.

Новые крики послышались от хижин. Стрельбы не было. Похоже, они обыскивали углы, но у меня не было времени обострять нейрохимию и проверять. Лестница скрипнула и сдвинулась под моим весом, на ладонях выступил пот. Клей плохо держался на марсианском сплаве. Я удвоил скорость, достиг вершины и со вздохом облегчения закатился на нее. Затем прижался к опоре. Я тяжело дышал и слушал. Нейрохимия принесла снизу звуки плохо организованного поиска. Кто-то пытался отстрелить замок с одной из хижин. Я уставился на небо и на миг задумался.

– Раскопка? Ты здесь? – шепотом.

– Я в радиусе связи, да, – слова конструкта как будто послышались из воздуха рядом с моим ухом. – Вам не нужно говорить громче. Исходя из контекста ситуации, я делаю вывод, что вы не желаете, чтобы поблизости с вами я была видимой.

– Правильно мыслишь. А желаю я, чтобы ты по моей команде стала видимой внутри одной из запертых хижин внизу. Еще лучше – в нескольких, если ты поддерживаешь множественные проекции. Умеешь?

– Я запрограммирована на общение один на один с каждым членом первоначальной команды Раскопки 301 в любой момент, плюс с потенциальными гостями в числе семи человек, – на этой громкости разобрать было трудно, но в голосе конструкта как будто слышалось веселье. – Это дает мне мощность на шестьдесят два отдельных образа.

– Ладно, пока хватит трех-четырех, – я с мучительной осторожностью перекатился на живот. – Слушай, а можешь проецироваться в виде меня?

– Нет. Я могу выбирать среди набора проекций, но не способна их никоим образом менять.

– Мужчины в запасе есть?

– Да, но опций меньше, чем…

– Ладно, нормально. Выбери из своего набора тех, кто похож на меня. Мужчина, моего телосложения.

– Когда приступить?

Я уперся руками в поверхность.

– Сейчас.

– Приступаю.

Пара секунд, а затем в хижинах внизу разверзся хаос. Там и сям трещали бластеры, перемежаемые предупреждающими криками и топотом. В пятнадцати метрах над ними я оттолкнулся обеими руками, привстал и сорвался на спринт.

Опора нависала над пустотой в пятидесяти метрах, затем бесшовно сливалась с основным корпусом крепости. У стыка зияли овальные отверстия. Археологи приспособили вдоль опоры веревочные перила, но, как и на лестнице, со временем эпоксидная смола сдала. Местами тросы оторвались и свисали с боков; где-то их не осталось вовсе. Я скривился и сузил фокус на широкой стене, где опора сходилась с главным строением. Не сбавлял скорости.

Нейрохимия поймала голос, перекрикивающий остальных…

– …бки безмозглые, прекратить огонь! Прекратить огонь! *Прекратить огонь, нахрен!* Наверху, он *наверху*!

Зловещее затишье. Я отчаянно прибавил каплю скорости. Затем воздух разорвало лучами бластеров. Я поскользнулся, чуть не вылетел в прореху перил. Снова метнулся вперед.

Раскопка 301 над ухом, громогласная из-за усиленной нейхрохимии.

– Некоторые секции постройки небезопасны…

Мой безмолвный оскал.

Жар разряда на спине и вонь ионизированного воздуха. Снова новый голос внизу – на нейрохимии он звучал в упор.

– А ну дай сюда, мудила. Я покажу вам, как…

Я бросил себя вбок. Выстрел, которого я ждал, прорезался обжигающей болью по спине и плечу. Меткая стрельба для такого расстояния и неуклюжего оружия. Я упал, перекатился, как рассчитывал, поднялся и нырнул в ближайшее овальное отверстие.

Бластерный огонь летел мне вслед.

* * *

Они последовали за мной только через полчаса.

Зажавшись в спиральной марсианской архитектуре, я изо всех сил и нейрохимии прислушивался к спорам. На таком низком этаже постройки не получилось найти точку обзора, что открыла бы вид на улицу, – *сраные марсианские строители*, – но необычные эффекты воронки внутренней структуры крепости доносили до меня голоса порывами. В сути сказанного разобраться было нетрудно. Местные хотели смотаться домой; их предводитель хотел мою голову.

И его можно было понять. На его месте я тоже хотел бы этого. К якудза не возвращаются с наполовину выполненным контрактом. И уж точно нельзя оставлять за спиной чрезвычайного посланника. И он это знал лучше всех

присутствующих.

Его голос был моложе, чем я ожидал.

– …поверить, что вы все пересрались с испугу. Вашу ж мать, да вы же тут рядом выросли. Это же просто *развалина*.

Я оглядел волнующиеся изгибы и впадины, почувствовал, как их линии несильно, но настойчиво затягивают внимание выше, пока глаза не начинают болеть. Из невидимых отверстий наверху падал суровый утренний свет, но по дороге вниз он каким-то образом смягчался и менялся. Его словно всасывал матовый голубоватый сплав, а отраженный свет, исторгнутый обратно, был уже странно приглушенным. Под антресольным этажом, куда я забрался, сумрак испещряли провалы и дыры в полу там, где их не проделал бы ни один человек-архитектор в здравом уме. Далеко внизу виднелся горный склон – серые скалы и редкая растительность.

Всего лишь развалина. Ага.

Он и *правда* был моложе, чем я ожидал.

Впервые я задался конструктивным вопросом: насколько. По самым скромным подсчетам, ему не хватало пары формирующих личность случаев, которые я пережил с марсианскими артефактами.

– Слушайте, он же даже *без оружия*.

Я напряг голос, чтобы он донесся до улицы.

– Хой, Ковач! Если ты такой до хрена уверенный, чего сам не придешь меня завалить?

Внезапная тишина. Какой-то ропот. Мне показалось, я расслышал короткий смешок одного из местных. Потом снова тот же голос, такой же громкий.

– А тебя оснастили неплохой подслушкой.

– А то.

– Планируешь драться или так и будешь слушать и отшучиваться?

Я усмехнулся.

– Просто хочу помочь. Но если обязательно надо драться, то пожалуйста – заходи. И подмогу приводи, если хочешь.

– Есть мысль получше. Давай я предложу подмоге придумать, чем заткнуть все отверстия твоей напарницы, пока ты не выйдешь? Если хочешь, можешь и это послушать со своей нейрохимией. Хотя, если честно, наверняка будет слышно и так. Они так и пышут энтузиазмом, мои ребята.

Меня пронзила ярость, слишком быстрая для рационального мышления. Мышцы на лице заходили и содрогнулись, оболочка «Эйшундо» натянулась. На два вязких мига он меня зацепил. Затем сквозь эмоции холодно просочились системы посланника,

обесцветили их для здравой оценки.

Он этого не сделает. Если Танаседа отследил тебя через Осиму и Сачков, то потому, что знает, что она замешана в смерти Юкио Хираясу. А если он это знает, она ему нужна невредимой. Танаседа из старой школы, ему нужна старомодная казнь. Поврежденный товар его не обрадует.

А кроме того, мы говорим о тебе. Ты знаешь, на что способен, – явно не на это.

Но тогда я был моложе. А сейчас. Я. – Я втиснул эту мысль в голову. – *Там. Молодой я – там. И неизвестно…*

Известно. Это блеф посланников, и ты это знаешь, сам часто им пользовался.

– Нечего ответить?

– Мы оба знаем, что ты на это не пойдешь, Ковач. Мы оба знаем, на кого ты работаешь.

В этот раз пауза перед тем, как он ответил, была почти незаметной. Быстро перегруппировался, очень впечатляет.

– Ты неплохо осведомлен для беглеца.

– Это все мои тренировки.

– Впитать местный колорит, а?

Слова Вирджинии Видауры на вступлении в Корпус, субъективно – век назад. Интересно, как давно она говорила это ему.

– Что-то в этом роде.

– Скажи-ка мне кое-что, а то действительно интересно. Как же с такой тренировкой ты докатился до того, что стал дешевым тайным убийцей? Надо сказать, такой карьерный ход меня ставит в тупик.

Пока я слушал, в голову прокралось холодное знание. Я скривился и слегка сменил позицию. Промолчал.

– Судьба, да? Ты же Судьба?

– У меня есть и другое имя, – крикнул я в ответ. – Но его украл какой-то дебил. Пока я его не верну, сойдет и Судьба.

– Может, не вернешь.

– Не, спасибо, что переживаешь, но я знаю этого дебила. Проблем с ним не будет.

Реакция была крошечной, едва ли миг заминки. Заметна только чутью посланников – гнев, подавленный так же быстро, как он вспыхнул.

– Вот как?

– Да, именно так. Полный дебил. Краткосрочная помеха.

– Что-то ты слишком уверен в себе, – голос изменился всего на пару градусов. Где-то глубоко внутри я его задел. – Может, ты не так уж хорошо его знаешь, как думаешь.

Меня разобрал смех.

– Прикалываешься? Я научил его всему, что он знает. Без меня…

И *вот он*. Тот, о ком я знал, что он идет. Тот, кого я не мог слышать нейрохимией, пока обменивался завуалированными оскорблениями с голосом снаружи. Присевший силуэт в черном, проскользнувший в отверстие в пяти метрах подо мной, в какой-то маске в духе спецотрядов с сенсорами на глазах, от которой лицо кажется нечеловеческим и насекомоподобным. Термографическое видение, звуковой локатор, распознаватель движения – это по меньше мере…

Я уже падал. Оттолкнувшись от карниза, приготовившись ударить каблуками в шею под головой в маске и сломать ее.

Что-то в экипировке его предупредило. Он отскочил в сторону, поднял взгляд, вывернул в мою сторону бластер. Под маской раскрылся для крика рот. Разряд прорезал воздух там, где я только что летел. Я упал на пол на корточки, в волоске от его правого локтя. Отбил движение ствола бластера, дернувшегося ко мне. Из его рта вырвался крик, дрожащий от испуга. Я ударил по горлу ребром ладони, и звук захлебнулся в хрип. Он пошатнулся. Я выпрямился, шагнул за ним и ударил опять.

И появились еще двое.

Застыли в проеме, бок о бок. Единственное, что меня спасло, – их непрофессионализм. Когда первый коммандо рухнул замертво у моих ног, любой из них уже мог меня пристрелить, но вместо этого оба одновременно бросились вперед и запутались. Я помчался прямо на них.

Я бывал на таких планетах, где можно застрелить человека с ножом на десяти метрах и заявить, что это была самооборона. Юридический довод – чтобы сократить разрыв и порезать, много времени не нужно.

И это правда.

А если правда знаешь, что делаешь, то можно обойтись и без ножа.

Между нами было пять метров или меньше. Я налетел бурей ударов, бил ногами по лодыжке и плюсне, блокировал оружие, как только мог, врезал локтем в лицо. Бластер освободился из рук, и я его перехватил. Провел перед собой дугой в упор.

Сдавленные крики и краткий всплеск крови – плоть распоролась и тут же прижглась. Поднялся дымок, их тела отвалились от меня. Было время передохнуть, бросить взгляд на оружие в руке – говняцкий «Сегед Инкандесс», – и рядом с моей головой на поверхности сплава полыхнул новый луч бластера. Они навалились разом.

Как же с такой тренировкой ты докатился до того, что стал дешевым тайным убийцей?

Да дурак, наверно.

Я отступил. Кто-то сунул голову в овальное отверстие, и я спугнул его неприцельным залпом.

Я схватился одной рукой за выступ и подтянулся наверх, цепляясь ногами за широкий спиральный карниз, который вел на антресольный этаж, где я прятался до этого. Гекконовая хватка оболочки «Эйшундо» не справлялась со сплавом. Я заскользил, снова тщетно схватился и упал. В провал слева от того, где был я, ворвались еще два коммандо. Я выстрелил из «Сегеда» наугад, слишком низко. Луч срубил ступню у правого коммандо. Она вскрикнула и запнулась, схватилась за покалеченную ногу, неуклюже завалилась и упала в дыру в полу. Второй ее крик поднялся уже через провал.

Я вскочил с пола и бросился на ее напарника.

Драка была неуклюжая, обоим мешало оружие в руках. Я замахнулся рукояткой «Сегеда»; он отбил и попытался поднять собственный бластер. Я блокировал и пнул в колено. Он встретил удар собственным пинком. Я провел апперкот рукояткой «Сегеда». Он выронил оружие и одновременно врезал мне по горлу и в пах. Я отшатнутся, но удержал «Сегед» и вдруг получил расстояние, чтобы его использовать. Сквозь боль предупреждающе завопило чувство расстояния. Коммандо выхватил пистолет и прицелился. Я увернулся, не обращая внимания на боль и предупреждение в голове, навел бластер.

Острые брызги из оружия в руке коммандо. Холодная хватка паралича.

Рука разжалась, и «Сегед» куда-то ускользнул.

Я попятился, и пол ушел из-под ног.

…сраные марсианские строители…

Я выпал из крепости, как бомба, и без крыльев полетел прочь от сужающейся радужки сознания.

Глава восемнадцатая

– Не открывайте глаза, не открывайте левую руку, не двигайтесь вообще.

Как мантра, как заклинание, и мне ее, кажется, напевают долгие часы. Я все равно не знал, могу ли не подчиниться, – левая рука стала немым осколком льда от кулака до плеча, а глаза словно слиплись. Плечо казалось не на месте, наверняка вывихнуто. Где-то еще тело гудело от всеохватной похмельной боли парализатора. Холодно было везде.

– Не открывайте глаза, не открывайте левую руку, не…

– Я и в первый раз слышал, Раскопка, – в горле как будто стоял ком. Я закашлялся, и по мне пробежала тревожная дурнота. – Где я?

Краткая неуверенная пауза.

– Профессор Судьба, возможно, эту информацию вам лучше узнать чуть позже. Не открывайте левую руку.

– Да понял я. Левая рука, не открывать. Ей абзац?

– Нет, – помедлив, ответил конструкт. – По всей видимости, нет. Но это единственное, что вас держит.

Шок – кол в грудь. Затем накатившая волна искусственного спокойствия – заработала подготовка. Чрезвычайные посланники должны быть в этом мастерами: просыпаться в неожиданных местах – это часть задания. Не паникуешь, просто собираешь информацию и решаешь проблему. Я тяжело сглотнул.

– Понятно.

– Теперь можно открыть глаза.

Я поборол боль парализатора и разлепил веки. Моргнул пару раз, чтобы очистить зрение, и тут же об этом пожалел. Моя голова висела на правом плече, и единственное, что я под ним видел, – пятьсот метров пустоты и подножие горы. Вдруг объяснились холод и ощущение тошнотворного покачивания. Я болтался, как висельник, на собственной левой руке.

Снова вспыхнул шок. Я с усилием задвинул его подальше и неловко вывернул голову, чтобы посмотреть наверх. Кулак сжался на зеленоватом тросе, который без всякого шва исчезал обоими концами в дымно-сером сплаве. Со всех сторон меня под странными углами окружали опоры и шпили из того же сплава. Все еще не придя в себя после выстрела из шокера, я не сразу признал дно крепости. Оказывается, улетел я недалеко.

– Что происходит, Раскопка? – прохрипел я.

– Падая, вы ухватились за марсианский трос торможения, который в соответствии со своей функцией, какой мы ее

понимаем, втянулся и поднял вас во входной отсек.

– Входной отсек? – я заозирался в поисках какого-нибудь места, где можно было бы безопасно встать. – И как он работает?

– Нам это неизвестно. Предположительно, из положения, в котором вы находитесь, марсианин – по крайней мере, взрослый марсианин, – с легкостью используя окружение, которое вы видите, добирался до отверстий в дне крепости. Здесь их несколько в пределах…

– Ну ладно, – я мрачно уставился на сжатый кулак. – Сколько я в отключке?

– Сорок семь минут. Очевидно, ваше тело обладает высокой сопротивляемостью к оружию нейронной частоты. А также было предназначено для выживания в условиях большой высоты или экстремального окружения.

Подумать только.

Я не мог взять в толк, какого черта «Эйшундо Органикс» вылетели из бизнеса. Я был готов рекламировать их везде. Мне уже попадались подсознательные программы выживания на боевых оболочках, но это был просто шедевр биотехнологий. В моем помутневшем от парализатора разуме зашевелилось расплывчатое воспоминание о произошедшем. Отчаянный, настоящий ужас головокружения, осознание падения. Схватился за что-то почти незамеченное, пока парализатор обволакивал меня, словно ледяной черный плащ. Последнее усилие, когда сознание отключилось. Спасен какой-то лабораторией трехсотлетней давности с яйцеголовыми, полными энтузиазма и идей.

Слабая улыбка поблекла, когда я задумался, что почти целый час напряжения и большая нагрузка сделали с сухожилиями и суставами руки. Спросил себя, что, если это необратимый ущерб. Смогу ли я вообще пошевелить этой конечностью.

– Где остальные?

– Ушли. Теперь они вне моего сенсорного радиуса.

– Значит, решили, что я упал.

– По всей видимости. Человек, которого вы называли Ковач, отрядил нескольких подчиненных обыскать подножие горы. Как я понимаю, они хотят найти ваше тело, а также тело женщины, которую вы изувечили в ходе перестрелки.

– А Сильви? Моя коллега?

– Они забрали ее с собой. У меня есть видеозапись…

– Не сейчас, – я прочистил горло, впервые заметив, какое оно пересохшее. – Слушай, ты сказала, тут есть дыры. Путь в крепость снизу. Где ближайшая?

– Позади трехсгибного сталактитового шпиля слева от вас

находится входной проем девяносто три сантиметра в диаметре.

Я выгнул шею и заметил то, о чем, похоже, говорила Раскопка 301. Сталактитовый шпиль очень напоминал двухметровую перевернутую ведьминскую шляпу, которую в трех местах с силой промяли здоровые кулаки. Он был покрыт неровными голубоватыми гранями, которые отражали затененный свет под крепостью и блестели, словно мокрые. Из-за деформации в самом низу кончик был почти горизонтальным и представлял собой что-то вроде седла, за которое я бы мог уцепиться. Кончик был меньше чем в двух метрах от меня.

Легко. Нехрен делать.

Если, конечно, сможешь прыгнуть с покалеченной рукой.

Если твои волшебные ладошки будут липнуть к марсианскому сплаву лучше, чем час назад наверху.

Если…

Я поднял правую руку и взялся за трос рядом со второй рукой. Очень мягко снял напряжение и начал приподниматься на новой хватке. Левая рука содрогнулась, когда с нее ушел вес, и через онемение прорезалась зазубренная вспышка жара. Плечо скрипнуло. Жар расползся по натруженным связкам и начал превращаться в подобие боли. Я попытался напрячь левую руку, но не добился ничего, кроме покалывания в пальцах. Боль в плече набухла и начала просачиваться в мышцы руки. Казалось, что когда боль разойдется, она будет адской.

Я снова попытался двинуть пальцами левой руки. В этот раз покалывание уступило глубокой, до костей, пульсирующей боли, от которой из глаз брызнули слезы. Пальцы не реагировали. Рука как приварилась к месту.

– Желаете, чтобы я вызвала спасательные службы? Спасательные службы: полиция Текитомуры, а за ними – деКомовские силы, несущие гнев Курумаи, местные злобные якудза с улыбающимся новеньким мной во главе, а то и – кто знает – Рыцари Нового откровения, если они могут позволить себе взятки полиции и держат руку на пульсе событий.

– Спасибо, – слабо ответил я, – но, думаю, я справлюсь.

Я взглянул на мертвую хватку левой руки, обратно на трехсгибный сталактитовый шпиль, вниз на пропасть. Сделал долгий и глубокий вдох. Затем медленно дополз правой рукой по тросу, пока она не коснулась заклинившей напарницы. Еще вдох – и я задрал тело от талии вверх. Едва-едва восстановившаяся нервная ткань в мышцах живота заискрилась в протесте. Я закинул правую ногу, промахнулся, заболтался в воздухе и закинул снова. Лодыжка устроилась на тросе. На левую руку приходилось все меньше веса. Началась нешуточная боль,

судорожные взрывы в суставах и мышцах.

Еще вдох, еще взгляд вн…

Нет, не смей *смотреть вниз*.

Еще вдох со стиснутыми зубами.

И я начал большим и указательным пальцами правой руки отцеплять по одному парализованные пальцы от троса.

* * *

Вздымающийся ввысь голубоватый сумрак внутренностей крепости я оставил за спиной полчаса спустя, и был все еще на грани непрекращающегося маниакального хихиканья. Адреналиновый смех не покидал меня всю дорогу по консольной опоре, на пути вниз по шаткой лестнице археологов – а это непросто, когда одна рука едва действует, – и затем по ступенькам вниз. Я встал на твердую почву, все еще глупо хмыкая, и прошел между хижинами со встроенной осторожностью и фыркающими взрывами веселья. Даже когда вернулся к нашей хижине, даже внутри, глядя на пустую кровать, где я оставил Сильви, я чувствовал, как губы дергает улыбка облегчения, а в животе слабо бурлит смех.

Еще бы чуть-чуть, и все.

Отрывать пальцы от троса было невесело, но по сравнению с остальной эскападой – сплошное удовольствие. Освободившись, левая рука упала и повисла на плечевом суставе, который ныл, как больной зуб. От нее было столько же пользы, сколько от повешенного на шею балласта. Целая минута мата, прежде чем я смог заставить себя снять правую ногу, раскачаться на правой руке и с размаху неуклюже скакнуть к шпилю. Я хватался, вгрызался, и обнаружил, что хоть раз марсиане использовали материал, обладающий чем-то вроде приличного трения, и, тяжело дыша, прилепился на седло. Там я оставался добрых десять минут, прижимаясь щекой к холодному сплаву.

Осторожно выгибаясь и изучая окружение, я выяснил, что лаз в полу, который обещала Раскопка 301, был на расстоянии руки, если встать на кончик шпиля. Я напряг левую руку, добился какой-то реакции выше локтя и решил, что в крайнем случае она сгодится как рычаг для лаза. С этой позиции я бы смог поднять ноги внутрь.

Еще через десять минут я стоял весь в поту, но в полной готовности.

Через полторы напряженных минуты я лежал на полу крепости, тихо посмеиваясь про себя и слушая шорох эха в

инопланетной архитектуре, которая спасла мне жизнь.

Не хрен делать.

В конце концов я собрался и направился на выход. В хижине они выбили все внутренние двери, за которыми могла скрываться угроза, а в спальне, которую мы делили с Сильви, остались следы борьбы. Я осмотрелся, массируя руку у плеча. Легкая прикроватная тумбочка перевернута, простыни скручены и сползают с кровати на пол. Больше они нигде ничего не тронули.

Ни крови. Ни вездесущего запаха выстрела.

На полу спальни я нашел свой нож и «Джи Эс Рапсодию». Слетев с перевернутой тумбочки, они укатились в разные углы. Их никто не искал.

Слишком торопились.

Куда слишком торопились? Спуститься с горы и подобрать мертвого Такеси Ковача?

Я слегка нахмурился, собирая оружие. Странно, что они не перевернули комнаты вверх дном. Если верить Раскопке 301, кого-то послали спуститься и найти мое разбитое тело, но весь отряд для этого не нужен. Вполне логично провести хотя бы поверхностный обыск лагеря.

Я спросил себя, как они сейчас ищут меня у подножия. Спросил себя, что они сделают, когда не найдут мое тело, и сколько будут искать.

Спросил себя, что сделает *он*.

Я вернулся в основное жилое пространство хижины и сел за стол. Уставился в глубины инфополя. Подумал, что боль в левом локте потихоньку сходит на нет.

– Раскопка?

Она появилась на другом конце стола с волнением в воздухе. Как всегда, идеальная, незатронутая событиями последних двух часов.

– Профессор Судьба?

– Ты сказала, у тебя осталась запись того, что здесь случилось? Это касается всего лагеря?

– Да, ввод и вывод работают на одной и той же системе обработки изображений. В лагере на каждые восемь кубических метров пространства предусмотрены микрокамеры. В комплексе марсиан запись иногда плохого…

– Это не важно. Покажи мне Ковача. Запись всего, что он делал и говорил. Включи в поле.

– Приступаю.

Я аккуратно положил «Рапсодию» и «Теббит» рядом с правой рукой.

– И, Раскопка? Если кто-то поднимется по тропе, сообщай мне

немедленно.

* * *

Тело ему досталось хорошее.

Я искал в записи лучшие кадры; нашел, как нападавшие поднимались к хижине по горной тропе. Поставил на паузу и всмотрелся. У него была масса, что ожидаемо пригодится на поле боя, но и грация, походка и осанка, что больше напоминали о театре «Всего тела», чем о схватке. Лицо – гладкая смесь необычных для Харлана расовых вариантов. Значит, выращен на заказ. Внепланетные генетические коды. Загорелая кожа цвета затертого янтаря, глаза – пугающе голубые. Широкие выдающиеся скулы, большой рот с полными губами и длинные завивающиеся волосы, зачесанные назад статическим гребнем. Очень мило.

И очень дорого, даже для якудза.

Я подавил царапающее душу беспокойство и попросил Раскопку пройтись по нападавшим. Глаз зацепился еще за одного человека. Высокий и мощный, с волосами-радугой. Микрокамеры лагеря поймали крупный план глаз под стальными линзами и подкожные схемы на бледном угрюмом лице.

Антон.

Антон и, по крайней мере, пара тощих водомерок, которые шли перед ним по тропе с расхлябанной и синхронной координацией деКомовцев на операции. Одна из них – женщина, которой я отстрелил ногу в крепости. Еще двое – нет, трое, даже больше – шли за командной головой, явно отличаясь от остальной группы, если искать тот самый характерный разбросанный, но организованный строй.

Где-то во мне серый упадок духа приготовился к всплывающим воспоминаниям.

Антон и Банда Черепа.

Ковач притащил с собой гончих с Нового Хока.

Я вспомнил сумятицу перестрелки в хижинах и крепости, и все встало на свои места. Куча боевиков якудза и команда деКомовцев смешались и лезли друг другу под ноги. Паршивая логистика для чрезвычайного посланника. В его возрасте я бы не допустил такую ошибку.

О чем ты? Ты только что допустил эту ошибку в его возрасте. Это же ты *и есть.*

По спине пробежала слабая дрожь.

– Раскопка, снова включи спальню. Где ее уводят. Поле подскочило и заволновалось. Женщина со спутанными

гиперволосами моргнула и проснулась среди скомканных простыней. Ее разбудил грохот стрельбы снаружи. Глаза округляются, когда она понимает, что происходит. Затем дверь распахивается и комнату заполняют плечистые мужики, потрясают железом и орут. Когда они увидели, кого захватили, крики разрядились до смешков. Оружие убрали, кто-то потянулся к ней. Она ударила в лицо. Вспыхнула и угасла короткая схватка – ее скоростные рефлексы сдались под перевесом в количестве. Сорвали простыни, нанесли эффективные обезвреживающие удары по бедру и солнечному сплетению. Пока она сипела на полу, один лыбящийся громила схватил ее за грудь, пошуровал между ног и подвигал над ней тазом ради шутки. Пара его приятелей засмеялась.

Я видел это уже второй раз. И все же гнев разгорелся во мне, как пламя. В ладонях проснулись и вспотели гекконовые щетинки.

В дверях появился второй боевик, увидел, что происходит, и яростно завопил на японском. Громила отскочил от женщины на полу. Нервно поклонился, извинился, заикаясь. Новоприбывший подошел ближе и три раза с оглушающей силой отвесил ему пощечины. Боевик вжался в стену. Новые крики из новоприбывшего. Среди самых цветастых выражений, что я слышал на японском, он велел принести пленнице одежду.

Когда с охоты вернулся Ковач, ее уже одели и усадили на стуле в центре основного жилого пространства хижины. Ее руки покоились на коленях, запястья были крепко связаны фиксирующей наклейкой, невидной глазу. Якудза стояли на почтительном расстоянии от нее, не убирая оружия. Неудавшийся романтик дулся в углу безоружный – одна половина рта распухла, верхняя губа разбита. Глаза Ковача засекли ущерб, он повернулся к боевику сбоку от него. Тихий обмен репликами, который микрокамеры без усиления передать не могли. Он кивнул, снова посмотрел на женщину перед собой. Я видел в его осанке интересную нерешительность.

Затем он повернулся к двери в хижину.

– Антон, зайдешь?

В комнате появился командная голова Банды Черепа. Когда женщина его увидела, ее рот перекосился.

– Продажный кусок говна.

Губы Антона искривились, но он промолчал.

– Насколько я понимаю, вы знакомы, – но в голосе Ковача оставалась слабая вопросительная интонация, и он по-прежнему наблюдал за женщиной.

Сильви перевела взгляд на него.

– Да, я знаю эту сволочь. И? Ты тут при чем, дебил? Он уставился на нее, и я напрягся, сидя на стуле. Такого я никогда не видел и не знал, что он сделает. Как бы я поступил в его возрасте? Нет, к черту. Что бы я хотел сделать в его возрасте? Разум пронесся по утрамбованным десятилетиям насилия и ярости, пытаясь предугадать развитие событий.

Но он только улыбнулся.

– Нет, госпожа Осима. Я тут больше ни при чем. Вы лишь посылка, которую мне и членам моей команды нужно доставить в сохранности, не более того.

Кто-то что-то пробормотал; кто-то еще хохотнул. Все еще выкрученный на полную, нейрохимический слух уловил грубую шутку про члены. В инфополе молодой я замолчал. Его глаза перебежали на человека с разбитой губой.

– Ты. Иди сюда.

Боевику не хотелось. Это было видно по его позе. Но он якудза, а для них важнее всего лицо. Он выпрямился, встретил взгляд Ковача и шагнул вперед с оскалом из заостренных зубов. Ковач смерил его с нейтральным выражением лица и кивнул.

– Покажи правую руку.

Якудза наклонил голову набок, по-прежнему не спуская взгляда с глаз Ковача. Жест чистого высокомерия. Он поднял руку с вытянутыми пальцами, она небрежно повисла. Он снова наклонил голову, в другую сторону, по-прежнему буравя взглядом глаза этого поганого тани.

Ковач двигался, как разорванный трос на траулере. Он схватил протянутую руку у запястья и вывернул вниз, блокируя телом все возможные реакции. Вытянул схваченную ладонь, и над захватом появилась его вторая рука с бластером. Вспыхнул и зашипел луч.

Боевик взвизгнул, когда его рука вспыхнула. Бластер наверняка приглушили – большинство лучевых пушек срезали бы конечность начисто, испарили бы все, что попадет в луч. Этот всего лишь сжег кожу и мясо до кости и сухожилий. Ковач подержал человека еще немного, затем отпустил с ударом локтем по голове на прощание. Боевик повалился на пол с обугленной рукой, зажатой под мышкой, и заметно потемневшими штанами. Он плакал навзрыд.

Ковач выровнял дыхание и оглядел комнату. В ответ смотрели каменные лица. Сильви отвернулась. Я так и чувствовал запах поджаренной плоти.

– Если она не попытается бежать, не смейте ее трогать и не разговаривайте с ней. Это понятно? В нашей ситуации вы значите меньше, чем грязь у меня под ногтями. Пока мы не вернемся в

Миллспорт, эта женщина для вас *бог. Это понятно?*

Тишина. Главарь якудза завопил на японском. После выволочки поднялись согласные голоса. Ковач кивнул и повернулся к Сильви:

– Госпожа Осима. Не могли бы вы проследовать за мной.

Миг она смотрела на него, затем поднялась и вышла за ним из хижины. Затем собрались якудза, оставив только главаря и человека на полу. Тот смерил взглядом покалеченного боевика, затем беспощадно пнул его под ребра, плюнул и вышел.

Снаружи на раскладные гравитационные носилки грузили тех троих, кого я убил в крепости. Главарь якудза отрядил человека, чтобы вести их, затем возглавил защитный строй вокруг Ковача и Сильви. Сбоку и позади носилок Антон и четыре оставшихся члена Банды Черепа собрались в расслабленный арьергард. Уличные микрокамеры Раскопки проследовали за процессией до тропы в Текитомуру, пока она не скрылась из виду.

В пятидесяти метрах за ними, все еще баюкая сожженную и оставленную без ухода руку, ковылял опозоренный боевик, который посмел коснуться Сильви Осимы.

Я наблюдал за ним и пытался понять.

Понять хоть что-то.

Я все еще шевелил извилинами, когда Раскопка 301 спросила, закончил ли я или хочу увидеть что-то еще. Я рассеянно ответил, что не хочу. В голове интуиция чрезвычайных посланников уже делала все, что надо сделать.

Подпаливала мое понимание ситуации и сжигала дотла.

Глава девятнадцатая

Когда я прибыл в «Белахлопок Кохей» 9.26, окна везде были темными, но на складе, до которого направо ворот десять, в верхних окнах свет мерцал так, словно внутри пожар. В ночь, даже через закрытые до земли ворота вырывался исступленный ритм гибрида рифдайва и неоджанка, а возле входа стояли три плотных силуэта в темных куртках, пускали дым и похлопывали себя ладонями из-за холода. Может, у Плекса Кохея и было место для танцевальных вечеринок, но не похоже, чтобы у него были деньги на автоматическую охрану у дверей. Все оказалось легче, чем я ожидал.

Если, конечно, Плекс действительно здесь.

– *Ты прикалываешься?* – издевка с миллспортским акцентом пятнадцатилетней Исы на линии, когда я позвонил ей сегодня под вечер. – Естественно, *он там будет. Какой сегодня день?*

– *Э-э…* – я прикинул. – *Пятница?*

– *Вот именно, пятница. И что местные лопухи делают по пятницам?*

– *Мне-то откуда знать, Иса? И не будь такой столичной сноб*кой.

– *Ну эй, пятница? Але? Куча рыбаков? Ночь Эбису?*

– *Он устраивает вечеринку.*

– *Он выжимает все кредиты из дешевого пространства и хороших связей под такэ, вот что он делает*, – манерно протянула она. – *Столько складов. Столько друзей семьи из яков.*

– *Не ошибусь, если предположу, что ты не знаешь, на каком именно складе?*

Дурацкий вопрос. Прочесывать фрактальное переплетение улиц складского района казалось мне не самым увлекательным занятием, но стоило добраться до секции «Белахлопок Кохей», как вечеринка нашлась сама – музыка разносилась на полдесятка переулков во всех направлениях.

– *Не ошибешься*, – Иса зевнула. Наверное, только недавно проснулась. – *Кстати, Ковач. Ты там кого-то выбесил?*

– *Нет. А что?*

– *Ну, наверное, мне об этом болтать не следует. Но при нашей с тобой истории.*

Я сдержал улыбку. Наша с Исой история ограничивалась полутора годами. Когда тебе пятнадцать, наверное, это долго.

– *Да?*

– *Да, здесь у нас большая шумиха, спрашивают про тебя. И хорошо платят за ответы. Так что если ты еще не, пора начинать*

оглядываться через плечо этой твоей новой басовитой оболочки, которую ты себе раскопал.

Я нахмурился и задумался.

– Что еще за шумиха?

– Если бы я знала, бесплатно бы не сказала. Но вышло так, что я и не знаю. Из деловых со мной говорили только грязные миллспортские копы, а их можно купить за минет на Ангельской верфи. Таких мог послать кто угодно.

– Не ошибусь, если предположу, что ты обо мне не рассказала?

– Не ошибешься. Долго еще планируешь висеть со мной на линии, Ковач? А то я не такая, как ты. У меня есть социальная жизнь.

– Нет, я все. Спасибо за новости, Иса.

Она хмыкнула.

– С превеликим и пробирающим до самого клитора удовольствием. Оставайся живым, и может, займемся бизнесом, за который я уже смогу с тебя взять деньги.

Я слепил только что купленную куртку у воротника, размял руки в черных полисплавных перчатках – укол боли в левой – и, выходя из переулка, добавил в походку бандитской наглости. Представлял себе Юкио Хираясу в расцвете его молодой дерзости. Не обращая внимания, что куртка не на заказ от портного: все, что я смог найти в краткий срок, – бренд с вешалки в дешевом магазине, одежда, к которой настоящий Хираясу и близко бы не подошел. Но она была насыщенного матово-черного в тон напыленным перчаткам – в этом свете сойдет. Ложь посланника обеспечит остальное.

Я кратко подумал о том, чтобы ворваться на вечеринку Плекса по-плохому. Пробиться через дверь или заползти на склад сзади и разбить окно в потолке. Но левая рука все еще ныла от кончиков пальцев до шеи, и я не знал, насколько могу доверять ей в критической ситуации.

Охрана двери заметила меня и подобралась. Нейрохимическое зрение оценило их для меня на расстоянии – дешевое мясо из порта, судя по движениям – разве что с самыми базовыми боевыми улучшениями. У одного на щеке была татуировка тактических морпехов, но это могла быть и подделка – работа какого-нибудь салона с купленным у армии ПО. Или, как у большинства тактиков, после демобилизации у него начались тяжелые времена. Сокращение. Универсальный девиз и катехизм Харлана в эти дни. Урезать расходы – это святое, и даже военные от такого не застрахованы.

– Притормози, сам.

Это был тот, что с татуировкой. Я удостоил его

презрительным взглядом. Едва замедлился.

– У меня встреча с Плексом Кохеем. И я не собираюсь ждать.

– Встреча? – его взгляд поднялся и скользнул налево, проверяя список гостей в ретинальном дисплее. – Сегодня нет. Он занят.

Я округлил глаза, сымитировал вулканическое давление гнева, какое подсмотрел у главаря яков в записи Раскопки 301.

– Ты знаешь, с кем разговариваешь? – гаркнул я.

Татуированный швейцар пожал плечами:

– Я знаю, что не вижу твоего лица в списке. А у нас это значит, что ты не войдешь.

Остальные сбоку смерили меня взглядом с профессиональным интересом. Смотрели, кто легче всего ломается. Я поборол порыв встать в боевую стойку и взамен пришпилил их взглядом, исполненным манерного презрения. Приступил к блефу.

– Ну что ж. Будьте добры, сообщите своему нанимателю, что прогнали от его дверей Юкио Хираясу и что благодаря вашей *исполнительности* он будет завтра утром говорить со мной в присутствии семпая Танаседы, без подготовки, а значит, и перспектив.

Взгляды у этих троих забегали. Это всё имена, привкус настоящего престижа якудза. Вожак охраны замялся. Я отвернулся, чтобы уйти. Только на середине движения он решился.

– Хорошо, Хираясу-сан. Подождите минутку.

Что ни говори, а организованная преступность замечательно вселяет страх в своих прислужников и тех, кто с ними якшается. Иерархия головорезов. На любом из десятка разных миров одно и то же – триады Дома Хань, *familias vigilantes*[2] Адорасьона, команды прово[3] на Земле Нкрумы. Региональные вариации, но все сеют уважение в своих рядах через страх возмездия. И все пожинают одинаковый урожай нежелания брать на себя инициативу. Никому не хочется принимать независимые решения, когда независимый поступок несет риск показаться неуважительным. А за такую хрень можно нарваться на настоящую смерть.

Лучше всего довериться иерархии. Швейцар достал телефон и набрал босса.

– Слушай, Плекс, у нас…

Миг он внимал с неподвижным лицом. Злое насекомообразное жужжание из телефона. Мне не нужна была нейрохимия, чтобы понять, что ему сказали.

– Э-э, да, я помню, что ты говорил. Но у меня тут Юкио

Хираясу хочет побеседовать, и я…

Опять пауза, но в этот раз охранник казался радостнее. Он пару раз кивнул, описал меня и то, что я сказал. Я так и слышал, как Плекс мнется на другом конце линии. Я подождал пару секунд, затем нетерпеливо щелкнул пальцами и жестом попросил телефон. Охранник сдался и протянул трубку. Я раскопал в памяти двухмесячной давности речевые паттерны Хираясу, а пробелы в знаниях приукрасил стандартными бандитскими идиомами Миллспорта.

– Плекс. – Мрачное нетерпение.

– Э-э. Юкио? Это правда ты?

Я перешел к визгу Хираясу.

– Нет, это дилер *скальной пыли*. А ты как думаешь? Нам надо провести переговоры о серьезном бизнесе, Плекс. Ты представляешь, как я близок, чтобы отправить твоих охранников в рассветную поездку? Не заставляй меня ждать у ворот.

– Ладно, Юкио, ладно. Все нормально. Просто. Блин, мы же думали, что ты уже *все*.

– Ну да. Вот тебе, сука, новости. Я вернулся. Но, значит, Танаседа тебе про меня не говорил?

– Тана… – Плекс слышно сглотнул. – И Танаседа тоже здесь?

– Забудь про Танаседу. У нас где-то четыре или пять часов, прежде чем накроет ТПД.

– Что накроет?

– *Что* накроет? – я снова изобразил визг. – А ты как думаешь башкой своей гнилой?

Я слышал, как он дышит. Женский голос на заднем фоне, приглушенный. В моей крови что-то вскипело, но тут же угасло. Это ни Сильви, ни Надя. Плекс раздраженно огрызнулся на женщину, затем вернулся к трубке.

– Я думал, они…

– *Ты меня впустишь, сука, или как?*

Блеф сработал. Плекс попросил охранника, и три односложных слова спустя тот уже набивал код для узкой дверцы в металлических воротах. Вошел сам и жестом пригласил меня следовать за ним.

Внутри клуб Плекса выглядел ровно так, как я и ожидал. Дешевое эхо миллспортской такэ-атмосферы – перегородки из полупрозрачного сплава вместо стен, голограммы с грибными трипами над кучей танцоров, на которых из одежды одни только краска и тени. Звук фьюжн заливал все помещение, забивался в уши, заметно сотрясал ритмом полупрозрачные стенные панели. Я чувствовал, как звук вибрирует в моих телесных полостях, как при бомбежке. Над толпой в воздухе корчились идеально

загорелые тела пары подражателей театра «Всего тела», в дерганых движениях их раскинутых рук – срежиссированный оргазм. Но если приглядеться, было видно, что они висели на тросах, а не на антиграве. А голограммы трипов, очевидно, были записями, а не прямой трансляцией из стеков памяти, как в такэ-клубах Миллспорта. Ису это все вряд ли бы сильно впечатлило.

С помятых пластиковых стульев у стены неохотно поднялась команда обыска из двух человек. В забитом до упора помещении они, очевидно, думали, что на сегодня отработали. Раздраженно оглядели меня и приготовили детекторы. За их спинами и прозрачной стенкой это увидели танцоры и с широкими наркоманскими улыбками спародировали их движения. Мой сопровождающий усадил обоих мужчин коротким кивком, и мы прошли мимо, за стенную панель в гущу танца. Воздух – температуры тела. Музыка – еще жарче.

Через забитый танцпол мы продрались без происшествий. Пару раз приходилось потолкаться, чтобы пройти, но в ответ я не получал ничего, кроме улыбок, извиняющихся или просто блаженно отсутствующих. Где на Харлане не ищи, такэ-субкультура довольно расслабленная – аккуратное выведение психотропных веществ поместило самые популярные сорта в эйфорическую часть спектра, и худшее, чего можно ожидать от людей под воздействием, – что тебя обнимут и обслюнявят с нечленораздельными признаниями в беззаветной любви. Встречались галлюциногены и похуже, но практически никому, кроме военных, они не сдались.

Немало поглаживаний и сотню пугающе широких улыбок спустя мы добрались до основания металлического пандуса и поднялись туда, где на лесах стояли два контейнера из доков, обшитых панелями из зеркального дерева. От их помятой и поцарапанной поверхности отлетал отраженный свет голограмм. Сопровождающий провел меня к левому контейнеру, нажал на панель звонка и открыл ранее невидимую зеркальную дверь. Открыл по-настоящему – как и дверь, что вела на улицу. Похоже, складных порталов тут не водилось. Он отступил и пропустил меня.

Я вошел и оценил обстановку. На переднем плане – пунцовый Плекс, раздетый по пояс и влезающий в какую-то дико психоделическую шелковую блузку. За ним на огромной кровати с автоподстройкой валялись две женщины и мужчина. Все были физически молоды и красивы; с одинаковыми пустыми улыбками, в одинаковой размазанной краске и без одежды. Было нетрудно догадаться, откуда их выдернул Плекс. Вдоль задней стены коробки выстроились мониторы для микрокамер в клубе. По ним

струился поток меняющихся сцен из танцевального зала. Через стены доносился бит фьюжн, приглушенный, но достаточно узнаваемый, чтобы танцевать. Или чем еще они тут занимались.

– Эй, привет, Юкио. Дай-ка я на тебя посмотрю, – Плекс вышел вперед, поднял руки. Неуверенно улыбнулся. – Прикольная оболочка, чувак. Где достал? На заказ?

Я кивнул на его друзей.

– Убери их.

– А, конечно, – он обернулся к кровати и хлопнул руками. – Ну все, мальчики и девочки. Веселье окончено. Надо поговорить с этим самом о бизнесе.

Они ушли, обиженно, как маленькие дети, которым запретили сидеть допоздна. Проходя мимо, одна из женщин пыталась коснуться моего лица. Я раздраженно отдернулся, и она скуксилась. Охранник проследил за ними, затем бросил вопросительный взгляд на Плекса. Плекс адресовал такой же мне.

– Да, и он тоже.

Охранник ушел, отрезав часть музыкального грохота. Я снова посмотрел на Плекса, который направился к низкому подсвеченному изнутри модулю для гостей вдоль боковой стены. В его движениях любопытно сочетались вальяжность и нервозность, в крови сражались такэ и мандраж. Он потянулся в свечение верхней полки модуля, неуклюже покопался среди резных хрустальных кувшинов и изящных бумажных конвертиков.

– Э-э, будешь трубку?

– Плекс, – я дожимал блеф до конца. – Какого *хрена* происходит?

Он вздрогнул. Заикнулся.

– Я, э-э, я думал, Танаседа…

– *Задолбал* с Танаседой, Плекс. Говори со мной.

– Слушай, я не виноват, – его тон становился оскорбленным. – Разве я вас с самого начала не предупреждал, что она по голове стукнутая? Болтала, как кайкьё. И хоть кто-нибудь меня послушал? Я *разбираюсь* в биотехе, чувак, и знаю, когда он полетевший. И эта сучка с кабелем в башке – *полетела*.

Вот как.

Мой мозг отмотал события на два месяца до первой ночи снаружи склада, когда я в синтетической оболочке с кровью священников на руках и бластерным разрядом на ребрах от нечего делать подслушивал Плекса и Юкио. Кайкьё – пролив, барыга, финансовый консультант, выход канализации. Святой, одержимый духом. Или святая, одержимая призраком революции трехсотлетней давности. Сильви – с Надей в голове. С Куэлл в голове.

– Куда ее забрали? – тихо спросил я.

Это уже был не тон Юкио, но я больше и не собирался поддерживать его личину. Я не знал, как продолжать ложь, знакомство с Плексом было давним.

– В Миллспорт, наверное, – он собирал себе трубку, видимо, чтобы избавиться от тумана такэ. – В смысле, Юкио, Танаседа правда не…

– Куда в Миллспорте?

Тут до него дошло. Я видел, как просачивается понимание, и он вдруг потянулся под верхнюю полку модуля. Может, в его бледной тушке ариста имелась нейрохимическая прошивка, но для Плекса она была не более чем аксессуаром. А вещества замедлили его до смехотворной скорости.

Я позволил ему взяться за пистолет, наполовину достать из-под полки, где он скрывался в кобуре. Затем ударил по руке, отбросил его на кровать тыльной стороной кулака и пнул ногой модуль. Разбилась стеклянная посуда, разлетелись бумажные конвертики, полка переломилась. Пистолет выпал на пол. На вид – компактный осколочный бластер, старший брат «Джи Эс Рапсодии» под моей курткой. Я подхватил его и обернулся как раз вовремя, чтобы застать Плекса за броском к какой-то скрытой кнопке тревоги на стене.

– Не надо.

Он замер, завороженно уставившись на пистолет.

– Сядь. Сюда.

Он опустился на кровать, схватившись за руку там, где я ударил. Ему повезло, что я ее не сломал, подумал я с жестокостью, которая вдруг потребовала слишком много усилий.

Не спалил ее, ничего такого.

– Кто, – разомкнулись его губы, – кто ты такой? Ты не Хираясу.

Я поднес руку к лицу и изобразил, как театрально снимаю маску Но. Слегка поклонился.

– Неплохо. Я не Юкио. Хотя он у меня в кармане. Его лицо сморщилось.

– Что ты несешь?

Я залез в куртку и достал наугад один из стеков памяти. На самом деле это оказался не дизайнерский экземпляр Хираясу с желтой полоской, но, судя по выражению Плекса, намек он понял.

– Блин. Ковач?

– Молодец, – я убрал стек. – Оригинал. Никаких подделок. А теперь, если только не хочешь в карман к своему другу детства, предлагаю отвечать на мои вопросы так же, как отвечал бы, когда принимал меня за него.

– Но ты же… – он покачал головой. – Тебе это с рук не сойдет, Ковач. Они нашли… Они нашли *тебя*, чтобы найти тебя.

– Я знаю. Похоже, они в отчаянии, да?

– Несмешно, чувак. Он чертов псих. До сих пор подсчитывают трупы, которые он оставил в Драве. С настоящей смертью. Без стеков, все дела.

Я почувствовал укол шока, но почти отдаленный. Он не пробился из-за мрачного спокойствия, что опустилось на меня при виде Антона и Банды Черепа на записи Раскопки 301. Ковач отправился в Новый Хок и выполнил работу с усердием чрезвычайного посланника. Забрал с собой то, что ему было нужно. Вывод. То, что ему не пригодилось, превратить в дымящиеся руины за его спиной.

– И кого он убил, Плекс?

– Я… я не знаю, чувак, – он облизал губы. – Много кого. Всю ее команду, всех, кого она…

Он замолк. Я кивнул, поджав губы. Смял и убрал абстрагированную жалость к Яд, Киёке и остальным, чтобы не мешала.

– Да. Она. Это следующий вопрос.

– Слушай, чувак, ничем не могу помочь. Ты не должен даже…

Я нетерпеливо двинулся к нему. Занимаясь яростью, как подожженная бумага. Он снова вздрогнул, хуже, чем когда принимал меня за Юкио.

– Ладно-ладно. Я скажу. Только не трогай меня. Что тебе нужно?

За работу. Впитывай.

– Во-первых, я хочу знать все, что *ты* знаешь или думаешь, что знаешь, о Сильви Осиме.

Он вздохнул.

– Чувак, я же говорил тебе не лезть. Еще в том рыбацком баре. Я тебя предупреждал.

– Ага, оказывается, и меня, и Юкио. Очень благородно с твоей стороны, бегать по округе и предупреждать всех подряд. Почему она тебя так пугает, Плекс?

– А ты не знаешь?

– Давай прикинемся, будто не знаю, – я поднял руку, переводя на язык жестов готовую излиться злость. – А еще прикинемся, что если ты мне будешь врать, то я поджарю тебе башку к хренам.

Он сглотнул.

– Она, она говорит, что она – Куэллкрист Фальконер.

– Ага, – кивнул я. – Это правда?

– А я-то с какого перепугу должен знать?

– На твой профессиональный взгляд, это возможно?

– Я не знаю, – голос стал почти умоляющим. – Чего тебе от меня надо? Это ты ездил с ней в Новый Хок, сам знаешь, как там. Наверное, да, наверное, она *может* ею быть. Могла наткнуться на схрон бэкапов личностей. Как-то заразилась.

– Но ты не веришь?

– Очень неправдоподобно. Не представляю, зачем вообще хранилище личностей настраивать на вирусную утечку. Никакого смысла, даже для банды гребанутых куэллистов. А как же их ценности? И уж тем более, если мы говорим о бэкапе их драгоценной-революционной-разлюбимой иконы.

– Итак, – произнес я без эмоций, – значит, ты не большой фанат куэллистов?

Впервые на моей памяти Плекс отбросил свой щит оправдывающейся легкомысленности. Он еле слышно фыркнул – видимо, человек с другой родословной просто бы сплюнул.

– Оглядись, Ковач. Думаешь, я бы жил так, если бы из-за Отчуждения не накрылась торговля водорослями с Новым Хоком? Как думаешь, кого мне за это благодарить?

– Это сложный исторический вопрос…

– Охренеть, какой сложный.

– …на который мне не хватает компетенции ответить. Но я понимаю, почему ты бесишься. Должно быть, тяжко вылавливать партнеров для игрищ из такого второразрядного клуба. Не иметь возможности позволить себе дресс-код тусовочного круга Первых Семей. Сочувствую.

– Ха-ха, сука.

Я понял, что мое выражение лица окаменело. Судя по всему, он тоже это заметил, и внезапный гнев вспыхнул в нем почти зримо. Я заговорил, чтобы не начать его бить.

– Я вырос в трущобах Ньюпеста, Плекс. Мои мать и отец работали на мельницах белаводорослей, как и все остальные. Батрачество, поденная оплата, без бонусов. Были времена, когда нам везло, и мы ели два раза в день. И это не какой-то случайный застой, просто бизнес. На котором жировала такая мразь, как ты со своей семейкой, – я сделал вдох и снизил накал чувств до равнодушной иронии. – Так что прости меня, пожалуйста, что не сопереживаю трагическому упадку аристократии. Ладненько?

Он пожевал губами и кивнул.

– Ладно. Ладно, чувак, все нормально.

– Ага, – я кивнул в ответ. – Итак. Ты говорил, что нет смысла ставить на вирусное распространение сохраненную копию Куэлл.

– Ага. Точно, именно так, – теперь он едва ли не расстилался передо мной, лишь бы вернуться к безопасной теме. – И в любом

случае, слушай, она, Осима, загружена по самые зенки самыми разными защитами, чтобы вирусняк не просочился в сцепку. Эта деКомовская командная хрень – произведение искусства.

– Ага, и вот мы возвращаемся к тому, с чего начали. Если она на самом деле не Куэлл, почему ты так ее боишься?

– Почему я?.. – он моргнул. – Блин, потому что, Куэлл она или нет, ей-то все равно. У нее серьезный психоз. Как можно доверить подобный софт психу?

Я пожал плечами.

– Судя по тому, что я видел на Новом Хоке, под этот диагноз подходит пол-деКома. Это вообще профессия не для уравновешенных.

– Да, но сомневаюсь, что многие мнят себя реинкарнацией революционного лидера, который помер три столетия назад. Сомневаюсь, что они рассказывают…

Он прикусил язык. Я посмотрел на него.

– Что рассказывают?

– Всякое. Ну знаешь, – он нервно отвернулся. – Старую хрень с войны, с Отчуждения. Ты наверняка слышал, как на нее находит, с каким японским акцентом из исторических фильмов говорит.

– Да, слышал. Но ты хотел сказать не это, Плекс. Правда же?

Он попытался подняться с кровати. Я наклонился вперед, и он замер. Я посмотрел на него с тем же выражением, как когда говорил о своей семье. Даже не поднял осколочный пистолет.

– Что рассказывают?

– Чувак, Танаседа…

– Танаседы здесь нет. А я есть. Рассказывают. Что? Он сломался. Слабо повел рукой.

– Я даже не знаю, поймешь ли ты меня.

– А ты попробуй.

– Ну, все сложно.

– Нет, все просто. Давай помогу тебе начать. В ночь, когда я пришел за своей оболочкой, вы с Юкио обсуждали ее. Предположу, что у тебя с ней был бизнес, еще предположу, что ты общался с ней в той дыре в рыбацком доке, куда водил меня на завтрак, да?

Он неохотно кивнул.

– Хорошо. Получается, единственное, чего я не пойму, – почему ты так удивился, когда ее там увидел.

– Я не думал, что она вернется, – пробормотал он. Я вспомнил, как впервые увидел ее той ночью, выражение транса на лице, когда она таращилась на себя в зеркальной стойке бара. Память чрезвычайного посланника выкопала фрагмент разговора

в Комптё, позже. Орр, обсуждая похождения Лазло: *«…все еще гоняется за той снайпершей с декольте, да?»*

И Сильви: «*Чего-чего?*»

«Ну эта. Тамсин, Тамита, как там ее. Которая из бара на Муко. Сразу перед тем, как ты свалила в одиночку. Господи, да ты же там была. Я и не думал, что такое тело возможно забыть».

И Яд: *«У Сильви нет оборудования, чтобы отслеживать вооружение такого типа».*

Я вздрогнул. Нет оборудования. Нет оборудования, чтобы запомнить, как она бродит в ночи Текитомуры, разрываясь между Сильви Осимой и Надей Макитой или гребаной Куэллкрист Фальконер. Нет оборудования, она ничего не может сделать, кроме как брести, подчиняясь всплывшим осколкам воспоминаний и снов, пока ее не занесет в какой-то полузнакомый бар, где, пока она пытается прийти в себя, какая-то безжалостная банда бородатых отбросов с лицензией на убийство от Господа хочет ткнуть ее лицом в предполагаемую никчемность женского пола.

Я вспомнил Юкио, когда он ворвался в квартиру на следующее утро. Ярость на его лице.

«Ковач, какого конкретно хрена *ты тут делаешь?»* И его слова Сильви, когда он ее увидел.

«Ты знаешь, кто я».

Не отсылка мимоходом к его очевидной принадлежности к якудза. *Он верил, что она его знает.*

И невозмутимый ответ Сильви: «*Я не знаю, что ты за хрен с горы».* Потому что в этот момент она и не знала. В памяти посланника остался кадр с удивленным выражением на лице Юкио. Нет, не оскорбленное самомнение. Он действительно поразился.

В секунды стычки, в обожженной плоти и крови после нее мне не пришло в голову задуматься, почему он так злился. Моя злоба была для меня константой. Постоянным попутчиком в последние два года и больше – гнев внутри меня и гнев, отражающийся в людях вокруг. Я не обращал на него внимания, он стал просто состоянием. Юкио злился, потому что злился. Потому что он мачо с претензиями и иллюзиями о своем статусе, как и его папочка, как и все они, а я его унизил перед Плексом и Танаседой. Просто за то, что он мачо с претензиями, как и все они, так что ничего, кроме гнева, от меня он получить не мог.

Или:

Потому что ты влез в сложную сделку с опасно нестабильной женщиной, чья голова забита передовыми боевыми технологиями с прямым доступом к…

Чему?

– Что она продавала, Плекс?

Он выдохнул. Похоже, для него это была больная тема.

– Я не знаю, Так. Правда не знаю. Какое-то оружие, что-то со времен Отчуждения. Она называла это протокол «Куалгрист». Что-то биологическое. Меня оставили не у дел, как только я их свел. Как только сказал, что предварительная информация сходится, – он снова отвернулся, в этот раз без следа нервозности. Пробубнил под нос с горечью: – Сказали, для меня это слишком круто. Не доверяли, мол, я разболтаю. Привезли специалистов из Миллспорта. С ними приехал и чертов Юкио. Меня оставили не у дел.

– Но ты же там был. Ты видел ее той ночью.

– Да, она что-то передавала на очищенных чипах деКома. По частям, понимаешь, потому что не доверяла нам, – он отрывисто хохотнул. – А мы не доверяли ей. Каждый раз я должен был проверять предварительные фрагменты кода. Убедиться, что это подлинный антиквариат. Все, что я одобрял, Юкио переправлял своей карманной бригаде из ЭмПи. И больше я ничего не видел. А знаешь, кто ее вообще нашел? Я. Она пришла ко мне. А меня слили, только накинули комиссию посредника.

– Как она на тебя вышла? Удрученно пожал плечами.

– Обычные каналы. Спрашивала по Текитомуре несколько недель. Искала себе барыгу.

– Но не говорила, на какой товар?

Он сумрачно поковырял на кровати пятно краски с тела.

– Нет.

– Плекс, ну что ты в самом деле. Она тебя так зацепила, что ты вызвал своих приятелей из яков, но при этом не показала, что у нее было?

– Это она хотела вызвать яков, не я.

Я нахмурился.

– *Она?*

– Ага. Сказала, они заинтересуются, сказала, им это пригодится.

– Ох, *это говно крабье*, Плекс. Чем может заинтересовать якудза биотехническое оружие трехсотлетней давности? Они же не воюют.

– Может, думала, они перепродадут это военным для нее. За процент.

– Но она не так сказала. Ты же только что говорил: она сказала, что им это *пригодится*.

Он уставился на меня.

– Ну да. Не знаю. Я не прошит на абсолютную память

посланников, как ты. Не помню, что она там наговорила. И уже насрать. Как сказали они, я больше не при делах.

Я отошел от него. Привалился к стене контейнера и рассеянно изучил осколочный пистолет. Периферийное зрение сообщило, что Плекс не двигался со своего места на кровати. Я вздохнул, и показалось, что с моих легких сошел вес, но он тут же вернулся вновь.

– Ну ладно, Плекс. Еще пара вопросов, простых, и я от тебя отстану. Новая версия меня гонялась за Осимой, да? Не за мной?

Он щелкнул языком, едва слышно из-за фьюжн снаружи.

– За вами обоими. Танаседа хочет твою голову за то, что ты сделал с Юкио, но ты не главное блюдо.

Я мрачно кивнул. Какое-то время мне казалось, что это Сильви как-то выдала себя вчера в Текитомуре. Поговорила не с тем человеком, попалась не на ту городскую камеру, чем-то привлекла команду преследователей, которые обрушились на нас, как ангельский огонь. Но дело было не в этом. Все проще и хуже – они вычислили нас благодаря тому, что я без прикрытия ковырялся в архивах и искал Куэллкрист Фальконер. Наверняка за инфопотоками установили глобальное слежение с самого момента, как началась эта хрень.

А ты и попался. Молодчина.

Я скривился.

– И за всем стоит Танаседа?

Плекс замялся.

– Нет? Тогда кто дергает за ниточки?

– Я не…

– Вот только не надо, Плекс.

– Слушай, да не знаю я! Не знаю. Но это кто-то наверху пищевой цепочки, вот что я могу сказать. Я слышал, Первые Семьи, какая-то придворная шпионка из Миллспорта.

Я почувствовал настоящее облегчение. Значит, не якудза. Приятно знать, что моя рыночная ценность не упала *настолько* низко.

– У этой шпионки есть имя?

– Да, – он резко встал и подошел к модулю для развлечения гостей. Уставился на разбитые вещи внутри. – Зовут Аюра. Судя по всему, дама жесткая.

– Ты с ней не встречался?

Он покопался в осколках, которые я оставил, нашел неповрежденную трубку.

– Нет. Сейчас я даже Танаседу не вижу. До уровня Первых Семей меня и близко не допустят. Но об этой Аюре ходят придворные сплетни. У нее есть репутация.

Я фыркнул.

– Ага, как и у всех них.

– Я серьезно, Так, – он закурил трубку и укоризненно взглянул на меня через поваливший дым. – Я пытаюсь тебе помочь. Помнишь скандал шестьдесят лет назад, когда Мици Харлан оказалась в кошутской сим-порнухе?

– Смутно, – в то время я был занят, воровал биооружие и внепланетные инфобонды в компании Вирджинии Видауры и Голубых Жучков. Высокоприбыльная преступность под видом политических акций. Мы смотрели новости только ради расследования, не более. Тогда хватало о чем волноваться, кроме нескончаемых скандалов и дебошей аристократических личинок Харлана.

– Ну, в общем, ходят слухи, что ограничением ущерба и зачисткой для семьи Харланов занялась эта самая Аюра. Прикрыла студию, применила крайние меры, выследила всех участников. Я слышал, большинство из них отправились на небо. Она отвезла их ночью на Утесы Рилы, привязала к грав-ранцам и просто нажала на кнопку.

– Как элегантно.

Плекс набрал полные легкие дыма и поднял руки. Голос его стал скрипучим.

– Вот такая она. Старая школа, сам понимаешь.

– Представляешь, где она могла найти мою копию? Он покачал головой.

– Нет, но, видимо, копия из военного хранилища Протектората. Он молодой, намного моложе тебя. Сейчас, в смысле.

– Ты с ним встречался?

– Да, меня притащили на допрос в прошлом месяце, когда он только прибыл из Миллспорта. По тому, как говорят люди, о них многое можно понять. Он до сих пор называет себя посланником.

Я снова скривился.

– И очень энергичный, кажется, будто ему не терпится поработать, сделать сразу все. Он уверен в себе, ничего не боится, для него проблем не существует. Над всем смеется…

– Ну да, я понял, молодой. Дошло. Обо мне он что-то говорил?

– Не особо, в основном задавал вопросы и слушал. Только… – Плекс снова затянулся. – У меня осталось впечатление, что он, не знаю, разочарован, что ли. Тем, чем ты теперь занимаешься.

Я почувствовал, как мои глаза сузились.

– Он так и сказал?

– Нет-нет, – Плекс отмахнулся трубкой, выпустил струйки

дыма из носа и рта. – Просто такое впечатление, и все.

Я кивнул.

– Ладно, последний вопрос. Ты сказал, что ее забрали в Миллспорт. Куда?

Новая пауза. Я смерил его любопытным взглядом.

– Да ладно, что тебе осталось терять? Куда ее повезли?

– Брось это, Так. Все снова как в том рыбацком баре. Ты лезешь туда, куда…

– Я уже влез, Плекс. Танаседа об этом позаботился.

– Нет, слушай. С Танаседой можно договориться. У тебя же есть стек Юкио. Предложи его безопасно вернуть. Он пойдет на это, я его *знаю*. У них с Хираясу-старшим сто лет дружбы за спиной, если не больше. Он семпай Юкио, практически его приемный дядюшка. Он согласится.

– А ты думаешь, Аюра все так и оставит?

– Конечно, почему нет, – Плекс повел трубкой. – Она же получила, что искала. Если ты не будешь соваться…

– Плекс, задумайся. У меня есть двойник. Это проблемы с ООН, огромные санкции для всех вовлеченных. Не говоря уже о праве держать сохраненную копию действующего чрезвычайного посланника. Если Протекторат об этом узнает, шпионке Аюре грозит серьезный срок на хранении, несмотря на все связи с Первыми Семьями. Когда ее выпустят, солнце уже станет гребаным красным карликом.

Плекс фыркнул.

– Ты так думаешь? Правда считаешь, что ООН полезет сюда и будет рисковать, портить отношения с местной олигархией из-за одного случая двойной загрузки?

– Если это выплывет наружу, то да. Им придется. От них не ждут ничего иного. Поверь мне, Плекс, уж я-то знаю, я этим зарабатывал на жизнь. Весь Протекторат держится на уверенности, что никто не смеет нарушить правила. Как только кто-то нарушает, и ему это сходит с рук, то не важно, насколько этот проступок незначительный – это первая трещина в дамбе. И если об этом заговорят все, Протекторат потребует стек памяти Аюры на блюдечке. А если Первые Семьи не подчинятся, ООН отправит посланников, потому что отказ местной олигархии подчиниться воспримут в единственном ключе – мятеж. А мятежников наказывают всегда, где бы они ни были и чего бы это ни стоило.

Я следил за ним, следил, как он постепенно осознает то, что осознавал я, когда впервые услышал новости в Драве. Мысль о том, что было сделано, на что пошли Первые Семьи и в какой неизбежный поток действий мы попали. Факт, что из ситуации

нет выхода, если кто-то по имени Такеси Ковач не умрет навсегда.

– Эта Аюра, – сказал я тихо, – сама загнала себя в угол. Хотелось бы знать почему. Хотелось бы знать, что может быть настолько важным, что стоит этого. Но в конце концов погоды это не делает. Одному из нас придется умереть, мне или ему, и для нее проще всего отправить его за мной, пока кто-то из нас не убьет другого.

Он снова посмотрел на меня с распахнутыми от смеси курева и грибов зрачками, забыв о трубке и тонком дыме, поднимающемся из его ладони. Как будто это было слишком масштабно, чтобы понять. Как будто я галлюцинация такэ, которая отказывалась превращаться во что-то приятное или просто сгинуть.

Я покачал головой. Попытался выкинуть из нее Сачков Сильви.

– В общем, как я уже сказал, Плекс, мне нужно это знать. *Реально* нужно. Осима, Аюра и Ковач. Где их искать?

Он покачал головой.

– Бесполезно, Так. В смысле, ну скажу я тебе. Ты очень хочешь знать, ладно, я скажу. Но это не поможет. Ты уже ничего не можешь. Ты никак не…

– Давай ты для начала просто скажешь, Плекс. Сними груз с души. А о логистике буду беспокоиться я.

И он сказал. И я занялся логистикой, и беспокоился из-за нее.

Всю дорогу на улицу я беспокоился, словно волк с лапой в капкане. Всю дорогу. Мимо угашенных танцоров в свете стробоскопа, записей галлюцинаций и химических улыбок. Мимо пульсирующих прозрачных панелей, где женщина, раздетая до талии, встретила мой взгляд и прижалась к стеклу, чтобы я оценил вид. Мимо дешевой охраны и детекторов, последних щупалец тепла и ритмов рифдайва и до холода ночи складского района, где уже пошел снег.

Часть третья
Это было давно

Эта Куэлл, короче, она реально по делу говорила, заставляла задуматься. Фишка вот в чем: что-то исчезает, что-то нет, но иногда вещи исчезают не потому, что они больше не нужны. Нет, они просто ждут своего времени, ждут перемен, а потом возвращаются. С музыкой, короче, так же, да и с жизнью, ага, и с жизнью так же.

Диззи Чанго, из интервью для журнала «Новые синие небеса»

Глава двадцатая

Всю дорогу на юг блокировали штормовые предупреждения.

На некоторых планетах, где я был, с ураганами справляются. Спутниковые карты слежения, модели систем бурь – чтобы видеть, куда они направляются, и, если понадобится, применить высокоточное лучевое вооружение, чтобы вырвать им сердце, прежде чем они нанесут ущерб. На Харлане это не работает, а марсиане либо не думали, что стоит запрограммировать свои орбитальники на охоту за бурями, либо же орбитальники сами перестали переживать насчет погоды. Может, они обиделись, что их бросили. Так или иначе, мы остались в средневековье: мониторинг с поверхности и редкое вертолетное зондирование на низких высотах. Метеорологический ИскИн помогает с прогнозированием, но из-за трех лун и гравитации в 0,8g погодная система практически непредсказуема и бури нередко выделывают странные фокусы. Когда на Харлане ураган входит в раж, остается только отойти подальше и наблюдать.

Этот рос долго – я помнил прогнозы о нем еще в ночь, когда мы сбегали из Дравы, – и все, кто мог уйти из-под него, шли. По всему Кошутскому заливу на запад со всей скоростью, на которую были способны, тащились урбоплоты и морские фабрики. Траулеры и охотники на скатов, которых погода застала слишком далеко на востоке, укрывались в относительно защищенных гаванях на мелководье Ирезуми. Маршруты ховерлодеров из Шафранового архипелага перенаправляли на западный изгиб залива. А это дополнительный день к рейсу.

Шкипер «Дочери гайдука» ко всему относился философски.

– И похуже видали, – рокотал он, вглядываясь в защищенные экраны на мостике. – В девяностых сезон бурь выдался таким суровым, что пришлось залечь больше чем на месяц в Ньюпесте. На север не ходило вообще ничего.

Я уклончиво поддакнул. Он прищурился на меня, отведя взгляд от экрана.

– Тебя тогда здесь не было?

– Да. Был вне планеты.

Он сипло засмеялся.

– Ну да, конечно. Всякие экзотические путешествия. И когда я увижу твою смазливую мордашку на Кошут-Нет? Уже назначил свиданку Мэгги Сугити по прибытии?

– Только дай срок.

– Еще срок? Тебе что, своего *срока* было мало?

Так мы подшучивали всю дорогу из Текитомуры. Как и

большинство шкиперов, что я встречал, Ари Джапаридзе был человеком с хитринкой, но в целом без воображения. Обо мне он почти ничего не знал – как он сказал, такие отношения с пассажирами ему нравятся больше всего, – но и дураком не был. Собственно, и не нужно быть археологом, чтобы догадаться: если на твой грузовой драндулет за час до отплытия поднимается человек и предлагает за тесную матросскую койку столько же, сколько платят за каюту на «Шафрановых линиях», – что ж, этот человек явно не в ладах с правоохранительными органами. Для Джапаридзе провалы в моих знаниях о последней паре десятилетий на Харлане имели очень простое объяснение. Меня здесь не было – в почтенном криминальном смысле слова. Я каждый раз отвечал простой правдой о своем отсутствии, но слышал только сиплый смех.

Что меня вполне устраивало. Люди верят в то, во что хотят верить, – взять хотя бы гребаных Бородатых, – и у меня осталось отчетливое впечатление, что в прошлом Джапаридзе и сам провел какое-то время на хранении. Не знаю, что он во мне разглядел, но уже на второй вечер после Текитомуры я получил приглашение на мостик, а миновав Эркезеш на южном окончании Шафранового архипелага, мы уже обменивались мнениями о любимых барах Ньюпеста и как лучше жарить стейки из боттлбэков.

Я пытался забыть о времени.

Пытался не думать о Миллспортском архипелаге и долгой западной дуге, по которой мы его обходим.

Не спалось.

Ночной мостик «Дочери гайдука» являл собой неплохую альтернативу сну. Я сидел с Джапаридзе и пил дешевый миллспортский купажированный виски, глядя, как судно идет на юг, к теплому морю и воздуху, богатому ароматами белаводорослей. Я рассказывал – на автомате, как машины, что поддерживали судно на изгибающемся курсе, – бородатые байки о сексе и путешествиях, делился воспоминаниями о Ньюпесте и внутренних землях Кошута. Массировал мышцы левой руки, которые все еще ныли и дергались. Напрягал левую руку, несмотря на боль. А попутно придумывал, как убить Аюру и себя.

Днем я старался как можно меньше выходить на палубы и смешиваться с другими пассажирами. Это все равно была непривлекательная компания: три перегоревших и озлобленных деКомовца, направляющихся на юг – может, домой, может, просто к солнышку; суровый торговец паутинными медузами и его телохранитель, сопровождавшие поставку масла в Ньюпест; молодой священник Нового откровения и его аккуратно замотанная жена, поднявшиеся на борт в Эркезеше. Еще шесть

незапоминающихся мужчин и женщин, которые сторонились людей даже больше меня и отворачивались, если с ними заговорить.

Какое-то социальное взаимодействие было неизбежно. «Дочь гайдука» – небольшое суденышко, по сути, буксир, приваренный к носу четырех двойных грузовых капсул и могучему движку ховерлодера. От передних палуб между капсулами и по бокам от них шли галереи на двух уровнях к узкому наблюдательному пузырю сзади. Маленький жилой отсек был битком набит. Сразу же начались свары, в том числе из-за украденной еды, которые Джапаридзе пришлось оборвать угрозами высадить пассажиров в Эркезеше, но, когда Шафрановый архипелаг остался позади, все уже обвыклись и успокоились. Я поучаствовал в паре натянутых бесед с деКомовцами за едой, попытался проявить интерес к их историям неудач и выпендрежу про приключения в Нечистой. От торговца маслом медуз я наслушался лекций о пользе для рынка программы экономии режима Мексека. Со священником я не разговаривал вовсе, потому что не хотелось потом придумывать, где прятать его тело.

От Эркезеша до залива мы добрались быстро, а там не встретили ни следа шторма. Я обнаружил, что меня вытеснили со всех излюбленных мест для размышлений, когда остальные пассажиры высыпали насладиться теплой погодой и солнцем, на котором можно было загореть. Как их не понять – небо стало по-настоящему голубым от края до края, Дайкоку и Хотей светили высоко и ясно. Сильный ветер с северо-востока освежал на жаре и поднимал брызги с мятой поверхности моря. На западе волны едва слышно разбивались в пену об огромные изгибающиеся рифы, предвещавшие неизбежное появление побережья Кошутского залива на юге.

– Красота, правда? – спросил тихий голос у перил рядом со мной.

Я скосил глаза и увидел жену священника – все еще в шарфе и облачении, несмотря на погоду. Она была одна. Ее лицо – та часть, что я видел, – обратилось ко мне из туго затянутого кружка шарфа, закрывавшего ее ниже рта и выше лба. Лицо было покрыто потом от непривычной жары, но казалось вполне уверенным в себе. Она зачесала волосы так, чтобы из-под ткани не выбивалось ни пряди. Очень молодая, наверное, вчерашний подросток. А также, осознал я, беременная, несколько месяцев.

Я отвернулся, вдруг поджав рот.

Сосредоточился на виде за бортом.

– Никогда не путешествовала так далеко на юг, – продолжила она, когда увидела, что я не собираюсь поддаваться ее первому

гамбиту. – А вы?

– Да.

– Здесь всегда так жарко?

Я мрачно взглянул на нее.

– Не жарко, просто вы одеты не по погоде.

– А. – Она положила руки в перчатках на перила и как будто принялась их изучать взглядом. – Вы не одобряете?

Я пожал плечами.

– При чем тут я. Мы живем в свободном мире, вы разве не слышали? Так сказал Лео Мексек.

– Мексек, – она изобразила плевок. – Такой же коррумпированный, как и остальные. Как все материалисты.

– Да, но надо отдать ему должное. Если его дочь изнасилуют, он вряд ли забьет ее до смерти за то, что она его опозорила.

Она поморщилась.

– Вы говорите об отдельном случае, это не…

– Четырех, – я жестко поднял пальцы перед ее лицом. – Я говорю о *четырех* отдельных случаях. И это только в этом году.

Я увидел, как ее щеки пунцовеют. Она опустила взгляд на свой выдающийся живот.

– Те, кто громче всего защищают Новое откровение, не всегда так же пылко его исповедуют, – пробормотала она. – Многие из нас…

– Многие из вас корчатся, но терпят, надеясь получить хоть что-то ценное от не самых психопатических директив вашего гиноцидального вероучения, потому что не хватает мозгов или смелости создать что-то новое. Я знаю.

Теперь она покраснела до самых кончиков старательно укрытых волос.

– Вы ошибаетесь на мой счет, – она коснулась своего шарфа. – Я сама это выбрала. Свободно. Я верю в Откровение.

– Тогда вы глупее, чем кажетесь.

Возмущенное молчание. Я воспользовался им, чтобы обуздать вспышку ярости в груди.

– Значит, я глупая? Я глупая потому, что выбрала скромный образ жизни? Потому что не выставляю себя напоказ, как эта потаскуха Мици Харлан и ей подобные, потому что…

– Слушайте, – сказал я холодно, – может, поупражняетесь в этой своей скромности и просто закроете свой женственный ротик? Мне правда все равно, что вы думаете.

– Вот видите, – ответила она, ее голос вдруг налился пронзительностью. – Вы вожделеете ее, как остальные. Вы поддались ее дешевым чувственным уловкам и…

– Ну *хватит*. На мой взгляд, Мици Харлан тупая

поверхностная шлюшка, но знаете что? Она хотя бы распоряжается своей жизнью как хозяйка. А не пресмыкается у ног любого бабуина, который может отрастить бороду и внешние половые органы.

– Вы назвали моего мужа…

– Нет, – я развернулся к ней. Похоже, ничего я не обуздал. Мои руки схватили ее за плечи. – Нет, я *тебя* зову трусливой предательницей собственного пола. Я еще могу понять твоего мужа – он мужик, он-то при этом паскудном раскладе ничего не теряет. Но *ты*? Ты же отбросила столетия политической борьбы и научного прогресса, чтобы сидеть во мраке и бормотать суеверия о собственной никчемности. Ты позволила, чтобы у тебя час за часом и день за днем отнимали жизнь – самое драгоценное, что у тебя есть, только чтобы влачить жалкое существование, пока это позволяют мужчины. А потом, когда ты наконец умрешь – а я надеюсь, что скоро, сестра, *реально* надеюсь, – ты плюнешь на собственные возможности и откажешься от главной силы, которую мы завоевали, – вернуться и попробовать все сначала. И все это из-за сраной веры, и если твой ребенок женского пола, то ты обрекаешь ее *ровно на тот же самый ад.*

Тут я почувствовал ладонь на своей руке.

– Эй, мужик, – один из деКомовцев на пару с телохранителем торговца. Он казался испуганным, но решительно настроенным. – Хватит. Оставь ее в покое.

Я посмотрел на его пальцы, повисшие на моем локте. Коротко представил, как ломаю их, беру руку в захват и…

Во мне ожило воспоминание. Отец трясет мать за плечи, как ловушку для белаводорослей, застрявшую на цепи, выкрикивая оскорбления и выдыхая пары виски ей в лицо. Семилетний я хватаю его за руку и пытаюсь удержать.

В тот раз он отшвырнул меня почти не глядя, через всю комнату в угол. И вернулся к ней.

Я разжал руки на плечах женщины. Сбросил хватку деКомовца. Мысленно тряхнул себя за шиворот.

– А теперь отойди, мужик.

– Ладно, – ответил я тихо. – Как я уже сказал, сестра, у нас свободный мир. Я тут ни при чем.

* * *

Шторм подрезал нас пару часов спустя. Долгий тянущийся шарф плохой погоды, что омрачал небо за моим иллюминатором, налетел на «Дочь гайдука» с борта. В это время я раскинулся на

спине на койке, пялясь в металлически-серый потолок и строго отчитывая себя за нежелательное вмешательство. Я услышал, как гул двигателя стал чуть громче, и решил, что Джапаридзе придает гравсистеме больше плавучести. Пару минут спустя узкая каюта как будто накренилась; на столике на пару сантиметров проскользил стакан, пока его не задержала антипроливочная поверхность. Вода в нем опасно всколыхнулась и плеснула через край. Я вздохнул и встал с койки, с трудом прошел по каюте и выглянул в иллюминатор. По стеклу шлепнул неожиданный дождь.

Где-то на судне завелась тревожная система.

Я нахмурился. Это казалось чересчур для чего-то не страшнее барашков на воде. Я влез в легкую куртку, которую купил у одного из матросов команды судна, спрятал под нее «Теббит» и «Рапсодию» и выскользнул в коридор.

Снова вмешиваемся, да?

Ерунда. Если это корыто затонет, лучше знать об этом заранее.

Я последовал за звуком тревоги на главную палубу и вышел на дождь. Мимо прошла девушка из команды с неуклюжим длинноствольным бластером.

– Что у вас? – спросил я.

– Хрен его знает, сам, – она уделила мне мрачный взгляд, дернула головой в сторону кормы. – Главный пульт показывает взлом трюма. Может, рипвинг пытается спрятаться от шторма. Может, нет.

– Помочь?

Она помедлила, на ее лице на миг всплыло подозрение, но потом она приняла решение. Может, ей обо мне что-то рассказывал Джапаридзе, может, ей просто нравилось мое недавно обретенное лицо. А может, просто было страшно и не хотелось идти одной.

– Давай. Спасибо.

Мы дошли до грузовых капсул и поднялись на одну из галерей, упираясь ногами всякий раз, как судно перекатывалось на волне. Дождь из-за ветра лупил под непонятными углами. Пронзительный плач тревоги перекрикивал погоду. Впереди во внезапном сумраке бури вдоль одной из секций левой капсулы пульсировал ряд красных огней. Под мелькающими тревожными сигналами из щели приоткрытого люка лился бледный свет. Женщина зашипела и указала стволом бластера.

– Ну вот, – она пошла вперед. – Внутри кто-то есть. Я бросил на нее взгляд.

– Или что-то. Рипвинги же, нет?

– Да уж, рипвинги поумнели, если разобрались с кнопками. Обычно они просто закорачивают систему клювом и надеются на лучшее. Но сейчас не чую гари.

– Я тоже, – я окинул взглядом галерею и капсулы над нами. Взял «Рапсодию» наизготовку и перевел на максимальный разброс. – Ладно, давай действовать разумно. Пропусти меня первым.

– Но я должна…

– Не сомневаюсь. Но я этим на жизнь зарабатывал. Так что давай уж уступишь. Стой здесь, стреляй по всем, кто выйдет из люка, если только я не крикну и не предупрежу.

Я двинулся к люку настолько осторожно, насколько позволяла шаткая галерея, и изучил запорный механизм. Повреждений видно не было. Люк приоткрылся на пару сантиметров, может, стронутый наклоном судна в шквале.

После того как замок взломал какой-нибудь ниндзя-пират.

Ну спасибо.

Я отключился от ветра и тревоги. Прислушался к движениям внутри, выкрутил нейрохимию так, чтобы уловить тяжелое дыхание.

Ничего. И никого.

Или кто-нибудь с боевой стелс-подготовкой.

Ну ты заткнешься, нет?

Я поднес ногу к краю люка и осторожно нажал. Петли были идеально сбалансированы – он тяжело откинулся наружу. Не давая себе времени одуматься, я влез в проем, поводя «Рапсодией».

Ничего.

Вдоль трюма блестящими рядами стояли стальные бочки высотой по пояс. Расстояние между ними было слишком узким даже для ребенка, не то что для ниндзя. Я подошел к ближайшей и прочел этикетку. ЛУЧШИЙ ЭКСТРАКТ ЛЮМИНЕСЦЕНТНЫХ КСЕНОМЕДУЗ ШАФРАНОВЫХ МОРЕЙ, ХОЛОДНОГО ОТЖИМА. Масло паутинных медуз, с дизайнерским оформлением для дополнительной стоимости. Собственность нашего эксперта по экономии.

Я усмехнулся и почувствовал, как улетучивается напряжение.

Ничего, кроме…

Я принюхался.

Только что в металлическом воздухе грузовой капсулы был запах.

И исчез.

Остроты чувств оболочки из Нового Хока хватило, только чтобы понять, что он был, но после этого, несмотря на стойкое

знание и усилия, он испарился. Откуда ни возьмись в голове мелькнуло воспоминание о детстве, нехарактерно счастливый образ тепла и смеха, который я не смог распознать. Что бы это ни был за запах, он казался близко мне знакомым.

Я убрал «Рапсодию» и двинулся к люку.

– Ничего. Я выхожу.

Я выбрался под теплые струи дождя и снова закрыл тяжелый люк. Он встал на место с солидным стуком запоров, отсекая любые запахи прошлого. Пульсирующее красное сияние над головой угасло, а тревога, константа, которую я перестал замечать на задворках ума, неожиданно оборвалась.

– Что ты там делал?

Это был торговец, лицо напряженное, на грани гнева. При нем был и охранник. Позади сгрудились несколько членов команды. Я вздохнул.

– Проверяю твои инвестиции. Все в безопасности, можешь не волноваться. Похоже, сглючили замки капсулы, – я взглянул на женщину с бластером. – А может, все-таки прилетел гениальный рипвинг, а мы его спугнули. Слушай, знаю, вопрос странный, но нет ли на борту распознавателя запахов?

– *Запахов?* Типа как у полиции? – она покачала головой. – Вряд ли. Но спроси шкипера.

Я кивнул.

– Ну ладно, я так и…

– Я задал вопрос.

Напряжение торговца окончательно превратилось в гнев. Сбоку меня бурил взглядом охранник.

– Да, а я ответил. Теперь прошу прощения…

– Ты никуда не пойдешь. Томас.

Я пронзил телохранителя взглядом, прежде чем он подчинился приказу. Тот замер и переступил с ноги на ногу. Я перевел глаза на торговца, пытаясь побороть настойчивое желание довести конфронтацию до пика. После столкновения с женой священника у меня чесались кулаки.

– Если твой обормот меня тронет, ему понадобится операция. А если ты не уйдешь с дороги, то и тебе. Я уже сказал, твой груз в безопасности. Теперь отойди и избавь нас обоих от унизительной сцены.

Он оглянулся на Томаса и, видимо, прочитал на его лице что-то полезное. Отодвинулся.

– Спасибо. – Я пробился через собравшуюся позади команду. – Никто не видел Джапаридзе?

– Наверно, на мостике, – ответил кто-то. – Но Ицуко верно говорит, на «Дочке» нюхачей ни хрена нет. Мы же не *морские*

копы.

Смех. Кто-то насвистел мелодию из эксперии-сериала под тем же названием, остальные поддержали ее на пару нот. Я ответил тонкой улыбкой и прошел мимо. Уходя, я слышал, как торговец громко требовал, чтобы люк немедленно открыли.

Да пожалуйста.

Я все равно пошел искать Джапаридзе. Если у него и нет нюхача, он хотя бы мог налить.

* * *

Буря миновала.

Я сидел на мостике и смотрел на погодных сканерах, как она исчезает на востоке, желая, чтобы узел внутри меня последовал ее примеру. Снаружи просветлело небо, «Дочь гайдука» прекратили мотать волны. Джапаридзе перешел от аварийного движка к грав-моторам, и судно вернулось к былой стабильности.

– Скажи мне по правде, сам, – он налил мне еще стопку миллспортского купажированного и уселся в кресло за навигационным столом. На мостике больше никого не было. – Присматриваешься к партии масла, да?

Я поднял бровь.

– Если бы присматривался, это был бы очень необдуманный вопрос.

– Да не, почему, – он подмигнул и залпом выпил. С тех пор как стало понятно, что погода нас больше не побеспокоит, он позволил себе расслабиться. – Тот – урод, как по мне, забирай его груз на здоровье. Главное, не распускай руки, пока он на «Дочке».

– Так точно, – я в шутку поднял стопку.

– А на кого?

– В смысле?

– На кого радаришь? Яки? Банды Болотного Простора? А то…

– Ари, я серьезно.

Он моргнул.

– Чего?

– Сам подумай. Если я разведчик яков, то такие вопросы доведут тебя до настоящей смерти.

– Да говно это крабье. Ты меня не убьешь, – он встал, наклонился ко мне над столом и всмотрелся в мое лицо. – У тебя глаза не такие. Я вижу.

– Неужели.

– Ага, да и кроме того, – он опустился назад в кресло и неровно повел рюмкой. – Кто доставит это корыто к порту

Ньюпеста, если я умру? Здесь тебе не ИскИны «Шафрановых линий». «Дочке» время от времени нужно человеческое внимание.

Я пожал плечами.

– Наверно, можно запугать кого-нибудь из команды. Для стимула покажу твой тлеющий труп.

– Неплохая мысль, – он улыбнулся и снова потянулся за бутылкой. – Об этом я не подумал. Но, как я уже сказал, я этого в твоих глазах не вижу.

– Часто встречался с такими, как я?

Он наполнил стопки.

– Мужик, я *сам* был таким, как ты. Вырос в Ньюпесте, прямо как ты, и был пиратом, прямо как ты. Обрабатывал торговые маршруты с Семипроцентными Ангелами. Всякое крабье говно, грузовые скиммеры по всему Простору, – он сделал паузу и посмотрел мне в глаза. – И попался.

– Фигово.

– Да, это было фигово. Мне вытряхнули душу из тела и засунули на хранение почти на три десятка лет. Когда я вышел, из оболочек у них была только какая-то недопрошитая тушка торчка на мете. Вся семья у меня уже выросла или переехала, или, ну знаешь, умерла. У меня была дочка – когда меня закрывали, семилетняя, а когда вышел, стала старше моей новой оболочки на десять лет. Давно завела собственную семью и жила своей жизнью. Даже если бы я знал, как с ней говорить, она меня и знать не хотела. Для нее я был просто тридцатилетним пробелом в жизни. Как и для ее матери, которая нашла себе другого, детей народила, ну, сам знаешь, как бывает, – он опрокинул рюмку, передернулся и уставился на меня вдруг увлажнившимися глазами. Налил себе еще. – Брат погиб в аварии на жуке через пару лет после того, как меня закрыли, без страховки, без шанса на новую оболочку. Сестра была на хранении – легла через десять лет после меня и не вышла бы еще двадцать. Был другой брат, родился через пару лет после того, как меня закрыли, – я и не знал, как с ним разговаривать. Отец и мать развелись, он умер первым, получил оболочку по страховке и уехал куда-то опять быть молодым, свободным и холостым. Ее дожидаться не стал. Я ее навещал, но она только таращилась в окошко с такой вот улыбкой, все твердила: «Скоро, скоро, скоро и мой черед». Аж мурашки по коже.

– И ты вернулся к Ангелам.

– Как ты догадался.

Я кивнул. Это была не догадка, а опыт десятка моих знакомых по молодости в Ньюпесте.

– Да, к Ангелам. Они меня приняли. Успели без меня

подняться. Пара тех же ребят, с которыми я работал. Брали ховерлодеры на миллспортских рейсах изнутри. Деньги хорошие, а при моей новой потребности в мете они мне были нужны. Побыл с ними года два-три. Снова попался.

– Да? – я сделал над собой усилие и попытался изобразить удивление. – Сколько в этот раз?

Он улыбнулся, как человек перед пожаром.

– Восемьдесят пять.

Мы посидели молча. Наконец Джапаридзе налил нам еще виски и отпил свой так, будто на самом деле пить не хотел.

– В этот раз я потерял их навсегда. Вторую жизнь матери я пропустил. А от третьего раза она отказалась, только легла на хранение и оставила распоряжение, чтобы будили в прокатной оболочке на семейные праздники. Освобождение сына Ари из тюремного хранения в этот список не попало, так что я намек понял. Брат все еще был мертв, сестра вышла из хранения и уехала на север за десятилетия до моего возвращения. Не знаю куда. Может, отца искать.

– А семья твоей дочери?

Он рассмеялся и пожал плечами.

– Дочь, внуки. Черт, от них я уже отставал на два поколения, даже не пытался догнать. Просто смирился с тем, что было, и жил дальше.

– А что было? – я кивнул на него. – Эта оболочка?

– Да, эта оболочка. Можно сказать, мне повезло. Принадлежала какому-то капитану охотника на скатов, которого повязали за ловлю в морских угодьях Первых Семей. Достойная оболочка, ухоженная. С полезным морским софтом и какой-то инстинктивной хренью для погоды. Получается, выдали ее вместе с работой в комплекте. Я взял кредит на лодку, подзаработал. Купил лодку побольше – подзаработал. Купил «Дочку». Теперь есть женщина в Ньюпесте. Пара детишек растет.

Я без иронии поднял стопку.

– Поздравляю.

– Ну, как я сказал, повезло.

– И зачем ты мне это рассказываешь?

Он наклонился над столом и посмотрел на меня.

– Сам знаешь, зачем рассказываю.

Я подавил ухмылку. Он не виноват, просто не знает. Но старается.

– Ладно, Ари. Вот что, не буду я трогать твой груз. Исправлюсь, брошу пиратскую жизнь и заведу семью. Спасибо за совет.

Он покачал головой.

– Я ничего нового тебе не сказал, сам. Просто напомнил, вот и все. Жизнь – она как море. Вокруг гуляют трехлунные волны, и если пропустишь хоть одну, то она оторвет тебя от всех и всего, что тебе дорого.

* * *

Он, конечно, был прав.

Но немного опоздал.

Вечер застал «Дочь гайдука» на ее западном крюке пару часов спустя. Солнце раскололось, как яйцо, по сторонам от встающего Хотея, и по горизонту в обоих направлениях пролился красноватый свет. Низкое побережье Кошутского залива лежало плотным черным основанием на этой картине. Высоко над ней светились, как полная разогретых монет лопата, облака.

Я избегал передних палуб, где собрались наблюдать за закатом остальные пассажиры, – сомневался, что буду желанным гостем после своих сегодняшних представлений. Взамен я прошел по одной из грузовых галерей, нашел лестницу и забрался на капсулу. Вдоль нее шел узкий мостик, на котором я и уселся, скрестив ноги.

Я не потратил юность так бездарно, как Джапаридзе, но конечный результат отличался не сильно. Я выскочил из капканов дурацких преступлений и тюремного хранения в раннем возрасте, но был от них на волосок. К двадцати годам я променял банды Ньюпеста на службу тактическим морпехом Харлана – если хочешь попасть в банду, то выбирай самую большую на районе, а с тактиками никто не шутил. Какое-то время это казалось умным ходом.

Семь лет службы спустя ко мне пришли рекрутеры Корпуса. Обыкновенный отбор поместил меня на вершину шорт-листа, и мне предложили добровольно поступить на программу обучения чрезвычайных посланников. От таких приглашений не отказываются. Через пару месяцев я стал внепланетником, начали появляться пробелы. Меня не было дома – то перемещался пробоем к боевым действиям на Освоенных планетах, то прохлаждался на военном хранении и в виртуальной среде. Время ускорялось, замедлялось, теряло смысл из-за межзвездных расстояний. Я перестал следить за прошлой жизнью. Увольнения домой были редкими и с каждым разом вызывали чувство, что я там не на месте, из-за чего я брал их не так часто, как мог бы. Для чрезвычайного посланника весь Протекторат был игровой площадкой – *раз я здесь, можно хотя бы мир посмотреть*,

рассудил я в то время.

И вдруг Инненин.

Когда уходишь из Корпуса, остается очень ограниченный выбор профессий. Никто не доверит тебе кредит, закон ООН открыто запрещает занимать государственные или корпоративные посты. Остается – не считая откровенной нищеты – или наемничество, или преступность. Преступность безопасней и проще. Вместе с парой коллег, которые также ушли из Корпуса после Инненина, я оказался на Харлане, затыкал за пояс местных правоохранителей и мелких преступников, с которыми они играли в догонялки. Мы заслужили репутацию, заняли вершину, сражали любого врага, как ангельский огонь.

Попытка семейного воссоединения началась паршиво, продолжилась еще хуже. Закончилась криками и слезами.

В этом виноваты либо все, либо никто. Мать и сестры уже стали незнакомками, память о наших узах расплылась на фоне четких и ярких функций памяти посланника. Я потерял их из виду, не знал, чем они живут. Особой новостью стал брак моей матери с кадровым чиновником Протектората. Я встречался с ним один раз и тут же захотел убить. Чувство наверняка было взаимным. В глазах семьи я где-то переступил черту. Хуже того, они были правы – мы только расходились, где именно была эта черта. Для них она была неотделима от границы между моей военной службой для Протектората и шагом в несанкционированную преступность ради личной выгоды. Для меня она оказалась менее определенной и возникла незамеченной во время службы в Корпусе.

Но попробуй объясни это тому, кто там не служил.

Я пробовал недолго. Мгновенная и очевидная боль, которую я этим причинил матери, заставила меня остановиться. Ей это дерьмо было ни к чему.

От солнца на горизонте остались расплавленные крохи. Я взглянул на юго-восток, где сгущалась тьма, приблизительно в сторону Ньюпеста.

Навещать я никого не собирался.

Кожаное хлопанье крыльев за плечом. Я поднял взгляд и заметил рипвинга, парящего над грузовой капсулой, – то черное, то отливающее зеленым пятно в последних лучах солнца. Он сделал надо мной пару кругов, затем дерзко приземлился на мостике метрах в пяти от меня. Я повернулся в его сторону. У Кошута они почти не сбивались в стаи и размером были больше, чем те, которых я видел в Драве, и этот зверь был длиной в добрый метр от перепончатых когтей до клюва. Достаточно здоровый, чтобы я порадовался, что вооружен. Он с шорохом

сложил крылья, поднял одно плечо в моем направлении и, не моргая, смерил меня взглядом. Он как будто чего-то ждал.

– Чего вылупился?

Долгий миг рипвинг молчал. Затем выгнул шею, расправил крылья и пару раз проскрипел мне. Когда я не сдвинулся с места, он успокоился и удивленно наклонил голову.

– Я к ним не пойду, – сказал я ему наконец. – Так что даже не уговаривай. Прошло слишком много времени.

И все же в темнеющих сумерках вокруг я почувствовал тот же зуд, что и в капсуле. Словно тепло из прошлого.

Словно я не один.

Мы с рипвингом сидели, нахохлившись, в шести метрах, наблюдая друг за другом, пока опускалась темнота.

Глава двадцать первая

Мы вошли в гавань Ньюпеста около середины следующего дня и подползли к швартовочному месту с мучительной осторожностью. Весь порт забили ховерлодеры и суда, сбежавшие от штормовых метеоусловий в восточном краю залива, и портовое ПО раскидывало их по причалам согласно какой-то интуитивно не понятной математической схеме, для которой у «Дочери гайдука» не было интерфейса. Джапаридзе перешел на ручное управление, проклиная машины в целом и ИскИн администрации порта в частности, пока мы пробирались через как будто случайные кучки кораблей.

– Накати то, накати это, блин. Если б я хотел столько техники в башку, пошел бы в деКом.

Как и у меня, у него было легкое, но заметное похмелье.

Мы попрощались на мостике, и я спустился на бак. Я сбросил рюкзак на берег, пока нас еще с лязгом подтягивали автошвартовщики, и перескочил сокращающийся разрыв с борта на верфь. Заслужил пару взглядов от зевак, но никакого внимания со стороны властей. С кружащим на горизонте штормом и забитым до упора портом охране хватало проблем и без легкомысленных способов схода на берег. Я подобрал рюкзак, закинул на плечо и влился в редкий поток пешеходов на верфи. На меня влажно осела жара. Через пару минут я был далеко от набережной, обливался потом и махал автотакси.

– Внутренний порт, – сказал я ему. – Чартерный терминал, и быстро.

Такси развернулось на 180 градусов и нырнуло обратно на главные магистрали города. Вокруг развернулся Ньюпест.

Каждый раз эту пару столетий, как я в него возвращался, город сильно менялся. Город, где я вырос, был низменным, как местность, где его построили, расползался укрепленными от бурь тупоносыми типовыми блоками и баббл-тентами на перешейке между морем и огромным заросшим озером, которое позже станет Болотным Простором. Тогда Ньюпест благоухал белаводорослями и вонью связанных с ними промышленных процессов, походило это на смесь парфюма и телесного запаха дешевой шлюхи. Если ты попадал в город, встреча и с тем, и с другим была неизбежна.

Какие трогательные воспоминания о детстве.

Пока Отчуждение скрывалось во мраке истории, относительное благополучие вернулось и принесло новый рост – как вдоль внутреннего берега Простора и длинного изгиба побережья, так и вверх, к тропическому небу. Здания в центре

Ньюпеста взмыли благодаря усилившейся уверенности в технологии управления бурями и процветающему денежному среднему классу, которому хотелось жить рядом со своими вкладами, но не хотелось их нюхать. Когда я вступил в чрезвычайные посланники, природоохранное законодательство ввело ограничения на загрязнение воздуха на уровне земли, а в центре появились небоскребы, способные потягаться с любой высоткой Миллспорта.

После этого мои визиты стали реже, и я проглядел, когда это веяние переломилось и почему. Я только знал, что на юге города появились районы, куда вонь вернулась, а дивные новые стройки вдоль побережья и Простора километр за километром вырождались в трущобы. В центре на улицах появились попрошайки, а почти у всех крупных зданий – вооруженная охрана. Глядя в окно автотакси, я уловил в походке людей эхо раздраженного напряжения, которого еще не было сорок лет назад.

Мы пересекли центр по приподнятой приоритетной дороге, из-за которой цифры на счетчике побежали так, что размазались в пятно. Но ненадолго – не считая одного-двух глянцевых лимузинов и россыпи такси, дорога под сводами принадлежала нам, и когда мы съехали на главное шоссе к Простору с другой стороны, скорость счетчика снова снизилась до разумной. Мы выбрались из зоны высоток и оказались в трущобах. Низкие дома прижались к проезжей части. Про них я уже слышал от Шегешвара. Расчищенные обочины с обеих сторон дороги продали, пока меня не было, и былые ограничения по медицине и безопасности пошатнулись. Я мельком заметил голого двухлетнего ребенка, вцепившегося в проволочную ограду на плоской крыше и завороженного грохотом дорожного движения в двух метрах от лица. На другой крыше, подальше, два мальца немного старше запускали в нас самодельные ракеты, которые пролетали мимо и скакали по дороге.

Перед нами возник съезд к внутреннему порту. Авто-такси заложило вираж с компьютерной точностью, пролетело через пару улиц и притормозило до человеческой скорости, когда мы въехали на спиральную дорогу через трущобы до окраин Болотного Простора. Не знаю, почему программа вела нас так – может, предполагалось, что я буду любоваться видами; сам терминал был довольно приятным глазу – торчащие вверх стальные кости под синим иллюминием и стеклом. Дорога пронизывала его, как леска проходит через поплавок.

Мы тихо остановились, и такси выставило цену светящимися пурпурными цифрами. Я скормил ему чип, подождал, пока

отопрутся двери, и выбрался под своды, где работали кондиционеры. Вокруг бродили туда-сюда или сидели то тут, то там люди – кто-то просил мелочь, кто-то просто чего-то ждал. Стойки чартерных компаний выстроились вдоль одной из стен здания, окруженные и увенчанные множеством разноцветных голограмм, в большинстве случаев с виртуальным конструктом для обслуживания клиентов. Я выбрал стойку с живым человеком – парнем лет под двадцать, который сгорбился над столом, поглаживая разъемы быстрой загрузки в шее.

– Работаете?

Он навел на меня безжизненный взгляд, не повернув головы.

– Мама.

Я уже собирался дать ему затрещину, когда до меня дошло, что это не какое-то непонятное ругательство. В нем была прошита внутренняя связь, просто ему было лень общаться мысленно. Пока он слушал ответ, его глаза уставились в пустоту, после чего он поднял на меня уже чуть более осмысленный взгляд.

– Куда хотите?

– Пляж Вчира. В одну сторону, там можете оставить. Он хмыкнул.

– Ага, Пляж Вчира – это семьсот километров из конца в конец, сам. Куда *именно* на Пляже Вчира?

– Южный край. Полоса.

– Город Духа, – он с сомнением взглянул на меня. – Ты серфер?

– Я похож на серфера?

Очевидно, правильного ответа на этот вопрос не было. Он мрачно пожал плечами и отвернулся, глаза закатились вверх – он снова подключился к связи. Вскоре после этого со двора терминала подошла сурового вида блондинка в рубленых шортах сборщиков водорослей и выцветшей футболке. Ей было под пятьдесят, и жизнь помяла ее у глаз и губ, но шорты открывали стройные ноги пловчихи, и несла она себя гордо. Футболка гласила: «Дайте мне работу Мици Харлан – я справлюсь и лежа». На лбу капли пота, на пальцах – следы какой-то технической смазки. Рукопожатие было сухим и черствым.

– Сьюзи Петровская. Это мой сын, Михаил. Хотите, чтобы я отвезла вас на Полосу?

– Микки. Да, как скоро можно отправляться?

Она пожала плечами.

– Я разобрала одну турбину, но это профилактический осмотр. Скажем, час, полчаса, если не волнуют охранные проверки.

– Час нормально. Мне все равно перед отъездом нужно кое с

кем повидаться. Во сколько мне это обойдется?

Она пошипела сквозь зубы. Оглядела длинную галерею стоек конкурентов и отсутствие клиентов.

– Город Духа – поездка долгая. Нижний конец Простора и еще дальше. С багажом?

– Только я.

– Двести семьдесят пять. Знаю, что тебе в одну сторону, но мне-то возвращаться придется в любом случае. И уйдет весь день.

Цена была завышенной, так и напрашивалась, чтобы ее сбили к отметке в 250. Но две сотни были ненамного больше того, что я только что заплатил за приоритетную поездку на такси через город. Я пожал плечами:

– Ладно. Кажется, справедливо. Покажете, на чем едем?

* * *

Скиммер Сьюзи Петровской был вполне обычным – тупоносая двадцатиметровая машина с двумя турбинами, которая больше заслуживала название ховерлодера, чем любое крупное судно, бороздящее морские маршруты Харлана. Без антиграва, чтобы повысить плавучесть, только двигатели и бронированная юбка – вариация базовой машины, которыми пользовались еще во времена до диаспоры на Земле. На носу – салон на шестнадцать человек, на корме – багажный отсек, по бокам надстройки – галереи с перилами от кокпита до транца. На крыше за куполом пилота была установлена злобного вида ультравибрационная пушка на дешевой автотурели.

– Часто приходится пользоваться? – спросил я, кивая на раздвоенный ствол орудия.

Она заскочила на открытый турбинный отсек с привычной грациозностью, затем бросила на меня оттуда угрюмый взгляд.

– На Просторе до сих пор встречаются пираты, если вы об этом. Но в основном шпана, угашенная метом по зенки или… – невольный взгляд на здание терминала, – электронарки. Все проекты реабилитации свернули после того, как урезали бюджет, у нас большие проблемы с улицами, которые переливаются в криминал на Просторе. Но их бояться нечего. Обычно можно шугануть парой предупредительных выстрелов. На вашем месте я бы не волновалась. Хотите положить рюкзак в салон?

– Нет, нормально, он не тяжелый, – я оставил ее наедине с турбиной и удалился в тень в конце верфи, где были в беспорядке свалены пустые ящики и цистерны. Сел на одном, что почище, и открыл рюкзак. Проверил телефоны и нашел неиспользованный.

Набрал местный номер.

– «Саусайд Холдингс», – произнес андрогинный синтетический голос. – Ввиду…

Я настучал четырнадцатизначный секретный код. Голос затопило шипение помех, а затем тишина. Долгая пауза, затем другой голос, на этот раз человеческий. Мужской и узнаваемый. Обрывистые слоги и расплющенные гласные ньюпестского диалекта американглийского, такого же неприкрытого, каким я его услышал впервые на улицах города целую вечность назад.

– Ковач, тебя где, сука, носит?

Я усмехнулся, несмотря ни на что.

– Эй, Рад. Тоже рад тебя слышать.

– Прошло почти три сраных месяца, мужик. А у меня тут не отель для домашних зверушек. Где мое бабло?

– Только *два* месяца, Радул.

– Больше двух.

– Девять недель – это мое последнее предложение. Он засмеялся на другом конце линии – звук напомнил мне лебедку траулера на полной скорости.

– Ну ладно, Так. Как поездка? Клевало?

– Улов со мной, – я коснулся кармана, где хранил стеки памяти. – И для тебя кое-что привез, как и обещал. В консервах, для дальней поездки.

– Конечно. Я свежачка и не ждал. Ты представь, какой был бы запах. Особенно через три месяца.

– Два месяца.

Снова лебедка траулера.

– Я думал, мы сошлись на девяти неделях. Значит, ты наконец в городе?

– Практически да.

– Заедешь?

– Да понимаешь, тут-то и проблема. Дело есть, не могу задерживаться. Но нельзя же оставить тебя без рыбки…

– Нельзя, вот именно. Твоя последняя партия была так себе. Больше для употребления почти не годится. Мальчики думали, что я с ума сошел, что еще такое подаю, но я ответил: Такеси Ковач – из старой школы. Он платит долги. Мы делаем, что он просит, а когда он *наконец* объявится – обязательно поступит как полагается.

Я помялся. Перестроился.

– Я не могу отдать тебе деньги сейчас, Рад. Сейчас опасаюсь переводить крупные суммы. Ни мне, ни тебе от этого не будет ничего хорошего. Нужно время, чтобы решить проблемы. Но рыбу можешь забрать, если пошлешь кого-нибудь за ней в ближайший

час.

На линию опять прокралась тишина. Я растягивал долг до критической точки, и мы оба это знали.

– Слушай, у меня их четыре. На одну штуку больше, чем ожидалось. Забирай все и сразу. Можешь продать их без меня, делать что хочешь, а если мой кредит исчерпан – решай сам.

Он ничего не сказал. Его молчание давило, как влажная духота со стороны Болотного Простора. Чутье чрезвычайного посланника подсказало, что это переломный момент, а чутье чрезвычайного посланника ошибается редко.

– Деньги будут, Рад. Можешь накинуть процент, если хочешь. Как только я разгребу свое говно, мы вернемся к обычному бизнесу. Это все временно.

Все еще ничего. Тишина начала звенеть – смертельная песнь натянувшегося троса. Я посмотрел на Простор, словно мог увидеть Рада и встретиться с ним глазами.

– Он бы тебя догнал, – сказал я резко. – Ты сам знаешь.

Тишина длилась еще миг, потом сломалась. В голосе Шегешвара звенела фальшивая бодрость.

– О чем ты, Так?

– Ты знаешь, о чем я. Наш дружок-дилер, в давние времена. Ты бежал с остальными, Рад, но из-за твоей ноги у тебя не было ни шанса. Если бы он прошел меня, то догнал бы тебя. Ты это знаешь. Остальные сбежали, а я остался.

Он выдохнул на другом конце линии, и словно пружина ослабла.

– Итак, – сказал он. – Процент. Скажем, тридцать?

– Звучит разумно, – соврал я ради нас обоих.

– Да. Но твою предыдущую поставку рыбы придется снять с меню. Может, зайдешь, благословишь нас по традиции, обсудим условия. Рефинансирования.

– Не могу, Рад. Я же сказал, я здесь проездом. Через час опять пропаду. Смогу вернуться только через неделю или больше.

– Ну, – я так и видел, как он пожимает плечами. – Значит, не будет благословения. Не думал, что тебе этого хочется.

– Не хочется, – это было наказание, еще одна пеня поверх моих добровольных тридцати процентов. Шегешвар раскусил меня – это главный навык в организованной преступности, а он был хорош в своем деле. Может быть, у кошутских гайдуков не имелось статуса или умудренности якудза с севера, но занимаются они одним и тем же. Если хочешь заработать на вымогательстве, надо знать, как зацепить человека. А способы зацепить Такеси Ковача написаны по моему недавнему прошлому как кровью. Долго думать не надо.

– Тогда приходи, – сказал он тепло. – Выпьем вместе, может, даже сходим к Ватанабе, как в старые времена, поболтаем о том о сем, так и сяк… под такэ и саке, а, хе-хе? Я хочу посмотреть тебе в глаза, друг мой. Увидеть, что ты не изменился.

Словно из ниоткуда – лицо Лазло.

Я тебе доверяю, Микки. Присмотри за ней.

Я бросил взгляд на Сьюзи Петровскую, которая опускала кожух турбины.

– Прости, Рад. Слишком важное дело, чтобы откладывать. Хочешь рыбки – пришли кого-нибудь к внутреннему порту. Чартерный терминал, седьмой пирс. Я пробуду здесь час.

– И никакого благословения?

Я скривился.

– Никакого благословения. Времени нет.

Он немного помолчал.

– Я думаю, – сказал он наконец, – что мне очень хотелось бы посмотреть тебе в глаза, Такеси Ковач. Пожалуй, я приеду сам.

– Конечно. Буду рад видеть. Главное, успей за час. Он повесил трубку. Я поскрежетал зубами и ударил кулаком по ящику рядом.

– Черт. *Черт.*

Присмотри за ней. Береги.

Да-да. Конечно.

Я тебе доверяю, Микки.

Ну все, все, понял я тебя.

Звонок телефона.

На миг я глупо поднял к уху тот, по которому сейчас говорил. Потом до меня дошло, что звук доносился из открытого рюкзака. Я наклонился и перебрал три-четыре трубки, прежде чем нашел телефон с загоревшимся дисплеем. Им я уже пользовался – он был со сломанной печатью.

– Да?

Ничего. Линия активна, но на ней ни звука. Даже без помех. У моего уха разинулась идеальная черная тишина.

– Алло?

И что-то прошипело из темноты, едва ли громче, чем звенящее напряжение, что я слышал в предыдущем звонке.

торопись

И снова только тишина.

Я опустил трубку и уставился на нее.

В Текитомуре я сделал три звонка, я пользовался тремя телефонами из рюкзака. Звонил Лазло, звонил Ярославу, звонил Исе. Это мог быть кто угодно из них. Чтобы знать наверняка, мне нужно было проверить лог и увидеть, с кем телефон соединялся

ранее.

Но я обошелся без этого.

Шепот из темной тишины. Голос на расстоянии, которое нельзя измерить.

торопись

Я знал, что это был за телефон.

И знал, кто мне звонил.

Глава двадцать вторая

Шегешвар был верен своему слову. Через сорок минут после звонка с Простора с ревом показался аляповатый красно-черный спортивный скиммер с открытым верхом и влетел в гавань с превышением скорости. За его прибытием наблюдали все на верфи. На морской стороне Ньюпеста такое поведение привело бы к мгновенному перехвату управления судном портовой администрацией и унизительной остановке на месте. Не знаю, то ли у внутреннего порта было хуже оснащение, то ли Шегешвар установил в эту дорогую игрушку мощный софт против блокировок, то ли банды Болотного Простора скупили администрацию ВП на корню. Так или иначе, просторомобиль не остановился. Наоборот, развернулся, поднимая брызги, и быстро направился к месту между шестым и седьмым пирсами. Метров за десять он вырубил моторы и заскользил на одной инерции. Шегешвар за штурвалом заметил меня. Я кивнул и поднял руку. Он помахал в ответ.

Я вздохнул.

За нами тянется след длиной в десятилетия, но он не похож на брызги, которые Радул Шегешвар срезал с волн в гавани. Он не пропадает безвозвратно. Так и висит, как поднятая пыль за шарийским пустынным крузером, и если обернешься и всмотришься в свое прошлое, то тут же ударишься в кашель и слезы.

– Привет, *Ковач*.

Крик, зловеще громкий и радостный. Шегешвар стоял в кокпите и все еще рулил. Его глаза скрывали широкие солнечные очки с оправой-«крыльями» – сознательный протест против миллспортской моды на ультрапродвинутые заказные линзы шириной в палец. Он был облачен в тончайшую, вручную обработанную песком переливающуюся куртку из шкуры болотной пантеры. Он снова помахал и расцвел в улыбке. Из-под носа судна с металлическим стуком выстрелил линь. Наконечник-гарпун, не связанный с пазами вдоль пирса, пробил дыру в стене верфи из вечного бетона в полуметре ниже места, где стоял я. Скиммер подтянулся, и Шегешвар спрыгнул из кокпита на нос, посмотрел на меня.

– Может, еще раз прооpешь мое имя? – спросил я ровно. – Вдруг кто-то в первый раз не расслышал.

– Упс, – он наклонил голову набок и всплеснул руками в жесте извинения, который никого не одурачил. Он все еще злился на меня. – Видимо, это все моя открытая натура. И как же тебя

величать в наши дни?

– Забей. Так и будешь там стоять?

– Не знаю, а ты подашь мне руку?

Я потянулся вниз. Шегешвар схватился за протянутую ладонь и взобрался на верфь. Пока я его поднимал, по руке пробежали судороги, которые улеглись в виде горячей боли. Я все еще расплачивался за прерванное падение под крепостью. Гайдук поправил свою безукоризненную сшитую на заказ куртку и провел ухоженной рукой по черным волосам до плеч. Радул Шегешвар заработал много и рано, чтобы оплатить клон-копии тела, с которым родился, так что лицо под солнечными линзами принадлежало ему – бледное, несмотря на климат, узкое и костлявое, без единого следа японского происхождения. Оно венчало равно стройное тело, которому, на мой взгляд, было под тридцать. Обычно Шегешвар проживал каждый клон со зрелого возраста до времени, когда, как он выражался, тело не может ни трахаться, ни драться как положено. Я не знал, сколько он сменил оболочек, потому что после нашей дружной молодости в Ньюпесте сбился со счета, сколько он прожил по-настоящему. Как и большинству гайдуков – как и мне, – ему довелось и полежать на хранении.

– Неплохая оболочка, – сказал он, обходя меня кругом. – Очень неплохая. А что с другой?

– Долгая история.

– Которую ты мне не расскажешь, – он закончил круг и снял линзы. Уставился мне в глаза. – Да?

– Да.

Он театрально вздохнул.

– Огорчаешь, Так. Очень огорчаешь. Становишься таким же неразговорчивым, как сучьи узкоглазые северяне, с которыми проводишь время.

Я пожал плечами.

– Я и сам наполовину сучий узкоглазый северянин, Рад.

– Ах да, в самом деле. Я забыл.

Он не забыл. Просто издевался. В каком-то смысле с наших деньков у Ватанабе ничего не изменилось. Именно он тогда втягивал нас в драки. Даже дело с дилером мета было его идеей.

– Внутри есть кофемашина. Хочешь?

– Докатились. Знаешь, если бы приехал в питомник, угостили бы настоящим кофе и косячком из морской конопли, скатанным на бедрах лучших голопорноактрис, которых только можно купить за деньги.

– В другой раз.

– Ага, вечно ты куда-то несешься, да? Если не по делу

посланников или неокуэллов, то из-за какой-нибудь идиотской личной мести. Знаешь, Так, это, конечно, не мое дело, но кто-то должен тебе сказать все как есть, и похоже, эта участь досталась мне. Притормози и закури, приятель. Вспомни, что ты живешь, – он вернул очки на место и мотнул головой к терминалу. – Ладно, пошли уж. Кофе из машины, почему бы и нет. Все бывает в первый раз.

Вернувшись в прохладу, мы сели за столик у стеклянных панелей, которые открывали вид на гавань. С нами сидело шесть других зрителей с багажом, ждали. Их обходил нетрезвый мужик в лохмотьях, протягивая поднос для кредитных чипов и рассказывая о невезучей жизни всем, кому интересно. В основном никому. В воздухе стоял слабый запах дешевых антибактериальных средств, который я прежде не замечал. Видимо, проехали роботы-уборщики.

Кофе был жуткий.

– Вот видишь, – сказал Шегешвар, отставляя свой с гримасой. – Надо бы тебе переломать ноги только за то, что заставил меня это пить.

– А ты попробуй.

На миг наши взгляды сомкнулись. Он пожал плечами.

– Шучу я, Так. Теряешь чувство юмора.

– Ага, оно теперь идет на тридцать процентов дороже, – я глотнул свой кофе без выражения. – Раньше друзья получали его даром, но времена меняются.

Сперва он оставил фразу без ответа, затем наклонил голову и снова взглянул мне в глаза.

– Думаешь, я несправедливо с тобой обхожусь?

– Думаю, ты, когда удобно, забываешь настоящий смысл слов «ты спас мне задницу, чувак».

Шегешвар кивнул, будто другого и не ожидал. Посмотрел на стол между нами.

– Это старый долг, – сказал он тихо. – И сомнительный.

– Тогда ты так не думал.

Это было слишком давно, чтобы легко восстановить в памяти. До подготовки чрезвычайных посланников, из тех времен, когда события с течением десятилетий размываются. Лучше всего я помню вонь в подворотне. Щелочной осадок из фабрики переработки белаводорослей и слитое масло из гидравлических систем компрессионных баков. Матерщину дилера и блеск остроги для боттлбэков, которой он прорезал влажный воздух в мою сторону. Остальные сбежали, их юный бандитский задор легко испарился в ужасе, как только появился полированный стальной крюк и распорол ногу Радула Шегешвара от колена до

бедра. Умчались с криками в ночь, как изгнанные духи, бросив Радула волочиться, поскуливая, вслед за ними, оставив меня, шестнадцатилетку, против стали с пустыми руками.

«Иди сюда, прыщ, – дилер улыбался мне во мраке, почти сюсюкал, надвигаясь и отрезая выход. – *Кинуть меня пытался, да. На моей территории. Я тебя вскрою и скормлю тебе твои же кишки, дружочек».*

И впервые в жизни я осознал с ощущением, напомнившим холодные руки на юной шее, что я вижу перед собой человека, который меня убьет, если я его не остановлю.

Не изобьет, как отец, не порежет, как бестолковая шпана из вражеской банды, с которыми мы ежедневно забивали стрелки на улицах Ньюпеста. Убьет. Убьет, и наверняка вырвет мой стек и выкинет в гнилые воды гавани, где он и пробудет дольше жизни любого, кого я знал или любил. Этот образ, этот ужас перед одиночеством в ядовитой воде и толкнули меня вперед, заставили просчитать взмах заостренной стали и ударить, когда он потерял равновесие после промаха, опустив острогу.

И мы оба покатились в дряни, хламе и едкой вони отбросов фабрики, и я дрался с ним за острогу.

И отнял.

Размахнулся и скорее благодаря удаче, чем расчету, распотрошил ему брюхо.

Боевой дух хлынул из него, как вода, в сток. Он громко забулькал, выпучив глаза и уставившись на меня. Я выпучился в ответ, ярость и страх все еще колотились в венах на висках, все химические клапаны в теле были открыты на полную. Я едва ли осознавал, что только что сделал. Затем он осел в кучу мусора. Опустился, словно на любимое кресло. Я с трудом поднялся с колен, пока с лица и волос стекала щелочная слизь, все еще не отрываясь от его взгляда, все еще вцепившись в древко остроги. Он хлопал губами, горло издавало хлюпающие, отчаянные звуки. Я опустил взгляд и увидел, что его кишки все еще намотаны на крюк в моих руках.

Меня охватил шок. Рука судорожно раскрылась, и крюк выпал. Я отшатнулся, брызнув рвотой. Его слабые мольбы заглушил хриплый кашель из моего горла, пока я опустошал желудок. К вони подворотни присоединился жаркий и громкий запах свежей блевоты. Я содрогнулся и повалился в грязь.

Думаю, он все еще был жив, когда я снова поднялся на ноги и пошел помочь Шегешвару. Звуки, что издавал дилер, следовали за мной всю дорогу из подворотни, а новости на следующий день сообщили, что он истек кровью ближе к рассвету. С другой стороны, те же самые звуки преследовали меня еще многие

недели, когда бы я не оказывался в такой тишине, что мог слышать свои мысли. Большую часть следующего года я часто просыпался с забитыми ими ушами.

Я отвернулся от этого воспоминания. Перед глазами оказались стеклянные панели терминала. За столом напротив за мной пристально наблюдал Шегешвар. Может, тоже вспоминал. Он скривился.

– И тебе кажется, у меня нет права злиться? Ты исчез на девять недель, ни единой весточки, пока я сидел с твоим говном и выглядел дурак дураком в глазах других гайдуков. А теперь просишь изменить планы? Знаешь, что я делаю с теми, кто смеет так борзеть?

Я кивнул. С мрачным юмором вспомнил собственный гнев на Плекса пару месяцев назад, пока истекал жидкостями синтетического тела в Текитомуре.

Нам, э-э, придется изменить планы, Так.

Мне хотелось убить его только за то, что он такое сказал.

– Думаешь, тридцать процентов – несправедливо? Я вздохнул.

– Рад, ты гангстер, а я… – я махнул рукой, – не лучше. Сомневаюсь, что мы оба много понимаем в том, что справедливо, а что нет. Делай как знаешь. Я найду деньги.

– Ладно, – он все еще смотрел на меня. – Двадцать процентов. Это отвечает твоему пониманию коммерческих приличий?

Я покачал головой, промолчал. Покопался в карманах в поисках стеков памяти, сжал кулак и наклонился с ними.

– Вот. Ты пришел за этим. Четыре рыбки. Делай с ними, что хочешь.

Он оттолкнул мою руку и зло ткнул пальцем в лицо.

– Нет, друг мой. Я буду делать с ними то, что *ты* хочешь. Я только предоставляю тебе услугу, и не смей, сука, об этом забывать. И я сказал – двадцать процентов. Что, справедливо?

Решение выкристаллизовалось из ниоткуда, быстро, как затрещина по затылку. Разбираясь позже, я так и не понял, что к нему привело, – только казалось, словно я опять слушаю голосок из темноты, который велит торопиться. Что это было похоже на внезапное покалывание пота на ладонях и ужас, что я опоздаю к чему-то действительно важному.

– Я сказал серьезно, Рад. Решать тебе. Если ты теряешь лицо среди приятелей-гайдуков – откажись. Я их выкину где-нибудь в Просторе, и мы закончим наш бизнес. Выставишь мне счет – я придумаю, как его оплатить.

Он всплеснул руками в жесте, который скопировал еще в нашей молодости с эксперий про гайдуков вроде «Друзей Ирени Козмы» и «Голосов вне закона». Трудно было не улыбнуться при

этом. А может, меня теперь охватило чувство направления, наркотическая хватка принятого решения и его значимости. При важности момента голос Шегешвара оказался лишь жужжанием на окраинах насущных проблем. Я заглушал его.

– Ну ладно, *нахрен. Пятнадцать* процентов. Брось, Так. Это справедливо. Еще меньше – и меня свергнут собственные люди за бесхозяйственность. Пятнадцать процентов, идет?

Я пожал плечами и снова протянул сложенный кулак.

– Идет, пятнадцать процентов. Это еще нужно?

Он накрыл мой кулак ладонью, забрал стеки с классической уличной ловкостью рук и убрал в карман.

– С тобой тяжело торговаться, Так, – прорычал он. – Никто тебе не говорил?

– Это же комплимент, да?

Он снова зарычал, в этот раз без слов. Встал и отряхнул костюм, будто сидел в скирдовальном доке. Когда я встал за ним, человек в лохмотьях свернул к нам.

– Ветеран деКома, – бормотал он. – Поджарился во имя безопасного Нового Хока в новый век, отключал большие кооперативные кластеры. Не найдется…

– Нет, у меня денег нет, – сказал нетерпеливо Шегешвар. – Слушай, если хочешь, можешь допить кофе. Еще теплый.

Он поймал мой взгляд.

– Что? Я же бандит, нет? А ты чего ждал?

* * *

На Болотном Просторе небо покоилось на безграничной тиши. Даже порыкивание турбин скиммера казалось мелким, впитывалось опустошенным, плоским пейзажем и кучей влажных туч над головой. Я стоял у перил, пока волосы от скорости лепились к голове, и вдыхал традиционный аромат свежих белаводорослей. Воды Простора ими забиты, и проход любого судна поднимает их на поверхность. Мы оставляли за собой широкий след нарубленного салата и грязную серую баламуть, которая будет оседать еще целый час.

Слева от меня в кокпите сидела Сьюзи Петровская и вела с сигаретой в одной руке, прищурившись от дыма и света с облачного неба. Михаил был на другом борту, облокотился на перила, как длинный куль с балластом. Он был мрачен все наше путешествие, красноречиво выражая только свое нежелание участвовать в поездке и больше ничего. Время от времени он хмуро чесал джеки в шее.

Справа по борту мелькнула заброшенная скирдовальная станция – не больше пары баббл-тентов и короткий почерневший пирс из зеркального дерева. Ранее мы видели другие станции, некоторые еще работали, были освещены изнутри и загружали скирды на большие автоматические баржи. Но то было, пока наша траектория прижималась к приозерным районам Ньюпеста. На таком расстоянии островок замершей промышленности только усиливал ощущение одиночества.

– Не идет водорослевый бизнес, а? – перекричал я турбины. Сьюзи Петровская бросила краткий взгляд в мою сторону.

– Что-что?

– Водорослевый бизнес, – заорал я опять, показывая на оставшуюся позади станцию. – Не идет, да?

Она пожала плечами.

– С рынком сырья никогда не угадаешь. Большинство независимых добытчиков вытеснили давным-давно. Здесь работают огромные мобильные установки «Кош-Юнити», вся переработка и скирдование происходят прямо на борту. Поди поконкурируй.

Ее отношение не ново. Сорок лет назад, перед моим уходом, все Сьюзи Петровские этого мира давали такой же флегматичный ответ на экономические трудности. Та же замкнутая стойкость, то же мрачное пожатие плечами с сигаретой во рту, как будто политика – какая-то гигантская капризная погодная система, с которой ничего нельзя поделать.

Я вернулся к наблюдению за горизонтом.

Через какое-то время зазвонил телефон в левом кармане. Я помедлил, потом раздраженно передернулся, выудил его, еще жужжащий, и прижал к уху.

– Да, что?

Из прижавшейся электронной тишины материализовалось бормотание, колыхание тишины – словно пара темных крыльев, бьющихся в неподвижности над головой. Намек на голос, слова, ползущие шепотом в ухо.

времени не осталось

– Да, это ты уже говорила. Я и так лечу, как могу.

больше не могу их сдерживать…

– Да, *я прямо сейчас*.

прямо сейчас…

Это прозвучало как вопрос.

– Да, я же *сказал…*

там крылья… бьется тысяча крыльев, и весь мир раскололся…

Теперь голос угасал, как плохо настроенный канал, колебался, снова уходил в тишину.

раскололся от края до края… какая красота, Микки… И пропал.

Я подождал, опустил телефон и взвесил в ладони. Скривился и сунул его в карман.

В мою сторону глянула Сьюзи Петровская.

– Плохие новости?

– Да, что-то в этом роде. Можем ехать быстрее?

Она уже снова наблюдала за водой. Одной рукой закуривала новую сигарету.

– Чтобы безопасно – нет.

Я кивнул и задумался над полученной информацией.

– А сколько будет стоить небезопасно?

– Например, вдвойне?

– Ладно. Давай.

На ее губах всплыла мрачная улыбочка. Она пожала плечами, затушила пальцами сигарету и заложила за ухо. Потянулась через дисплеи кокпита и ткнула в пару экранов. Изображения радаров увеличились до максимума. Она что-то крикнула Михаилу на венгерском уличном диалекте, который слишком изменился за время, пока меня не было, так что я уловил только самую суть. «Спускайся вниз и не смей трогать…» что-то? Он бросил на нее презрительный взгляд, затем отклеился от перил и вернулся в салон.

Она обернулась ко мне, почти не сводя взгляда с управления.

– Ты тоже. Лучше займи место там. Я ускорюсь, и мы поскачем.

– Я удержусь.

– Да, но лучше иди к нему. Будет с кем поболтать, а то я буду занята.

Я подумал об оборудовании, которое видел в салоне. Навигационные плагины, развлекательная дека, усилители передачи. Провода и джеки. Я вспомнил и поведение пацана, и как он чесал разъемы в шее, отсутствие интереса к миру. Теперь многое, над чем я до этого не задумывался, встало на свои места.

– Конечно, – сказал я. – Хорошо, когда есть с кем поговорить, да?

Она не ответила. Может, уже погрузилась в темные радуги на радарных изображениях нашего пути по Простору, может, задумалась о чем-то еще. Я оставил ее в одиночестве и ушел на корму.

Турбины над головой издали обреченный вопль.

Глава двадцать третья

Время в Болотном Просторе стоит на месте.

Сперва замечаешь пустяки: изогнутая корневая система кустов цепеша, выдающаяся из воды, как полусгнившие кости какого-то утонувшего гуманоида, странные чистые полянки на воде, где не соблаговолили расти белаводоросли и видно до самого бледно-изумрудного песчаного дна, скрытную спину грязевой кочки, может, брошенный каяк сборщиков двухсотлетней давности, еще не заросший мхом Сакатэ. Но эти зрелища редки и разрозненны, и рано или поздно взгляд притягивает великий плоский горизонт, а потом, сколько ни пытайся приглядеться к деталям, кажется, будто твое зрение обратно тащит волна.

Сидишь и слушаешь песню двигателей, потому что больше заняться нечем. Наблюдаешь за горизонтом и тонешь в собственных мыслях, потому что больше деваться некуда.

…торопись…

Я тебе доверяю, Микки. Присматривай за ней, ней, ней, ней, ней…

Ней. Сильви, серебристо-серые волосы. Ее лицо…

Ее лицо, слегка перекроенное женщиной, которая выкралась на свободу и украла его. *Ее* голос, слегка измененный…

Я не знаю, вернется ли Сильви Осима.

Затем, Надя, что я хочу помочь, твою мать.

Она гадает, кто такой на самом деле Микки Судьба, и безопасно ли с ним находиться. Не поимеет ли он ее при ближайшей возможности.

Она гадает, нахрена тебе столько душ дохлых священников.

Худое, внимательное лицо Тодора Мураками на пароме. Дым из трубки, подхваченный ветром.

Ну а у тебя что за дела вдруг? Я думал, ты теперь зависаешь с Радулом Шегешваром. Ностальгия по родине и дешевая организованная преступность. Зачем тебе опять на север?

Пора возвращаться. Не забывать о главном деле.

Главное дело. Да, это решит все твои проблемы, Микки. И задолбал меня так звать.

И крики. И зияющие раны, вырезанные в позвоночниках у шеи. И вес стеков памяти в ладони, все еще липких от цепляющегося мяса. И дыра, которую ничем не заполнить.

Сара.

Главное дело.

Я хочу помочь, твою мать.

…торопись…
Я тебе доверяю…
Я хочу помочь…
…торопись…
Я ХОЧУ…

– Берег, – через динамик салона пролился голос Сьюзи Петровской, лаконичный и такой твердый, что за него можно было схватиться. – Город Духа через пятнадцать минут.

Я бросил свои думы и посмотрел налево, где к нам скользил берег Кошута. Он казался темной неровной линией на безликом горизонте, затем будто напрыгнул и стал вереницей низких холмов с редкой прогалиной белых дюн. Зад Вчиры, кончики затонувшего древнего горного хребта, стесанного геологические эпохи назад до семисоткилометрового изгиба заболоченного волнолома с одной стороны и полоски кристально-белого песка – с другой.

«*Однажды,* – сообщил мне один из старожилов Города Духа почти полвека назад, – *сюда прорвется море*». Прорвется и зальет Болотный Простор, как армия вторжения, преступающая давно оспариваемую границу.

Стешет последний бастион и уничтожит пляж. «*Однажды, чувак,* – медленно повторил старожил так, что было ясно – «Однажды» начинается с большой буквы, и улыбнулся с типичной, как я к тому времени уже понял, серферской отстраненностью, – *Однажды, но не Сейчас. И пока не наступит Сейчас, чувак, просто смотри в море. Просто смотри, не оглядывайся, не переживай о том, что его сдерживает*».

Однажды, но не Сейчас. Просто смотри в море.

Наверное, это можно назвать философией. На Пляже Вчира это вполне за нее сходит. Может, ограниченная, но я встречал мировоззрения и куда хуже.

Когда мы достигли южных краев Простора, небо расчистилось, и я начал видеть на солнечном свете признаки жизни. Город Духа на самом деле не населенный пункт, а собирательное название для 170-километровой береговой линии со службами и инфраструктурой для серферов. В самом разреженном виде он доходит до разбросанных палаток и баббл-тентов на пляже, межпоколенческих кострищ и мест для барбекю, хижин и баров, грубо сплетенных из белаводорослей. Солидность застройки возрастает и снижается по мере того, как Полоса приближается и удаляется от мест, где серфинг не просто хороший, а феноменальный. А в зонах Большого Прибоя плотность населения становится почти муниципальной. На холмах за дюнами появляются настоящие улицы со стационарным

освещением, кучками вечнобетонных платформ и причалов, торчащих с хребта перешейка на другую сторону, в Болотный Простор. В последний раз, когда я здесь был, существовало пять таких скоплений, каждое со своей бандой энтузиастов, которые божились, что лучший серфинг на континенте – *по-любому прям здесь, чувак*.

Кто его знает, прав мог быть кто угодно. Кто его знает, их могло вырасти еще пять.

Не менее непостоянными были и сами жители. Вдоль всей Полосы лениво протекали циклы заселяемости: некоторые были связаны со сменой пяти времен года Харлана, некоторые – со сложным ритмом трехлунных приливов, а некоторые – с тягучим, вальяжным пульсом продолжительности жизни функциональной серферской оболочки. Люди приходили, уходили и приходили опять. Иногда их преданность определенному участку пляжа была непоколебима цикл за циклом, жизнь за жизнью; иногда менялась. А иногда и преданности никакой не было.

Найти человека на Полосе – задача не из легких. Зачастую именно поэтому люди сюда и приезжают.

– Следующая остановка – мыс Кем, – снова голос Петровской поверх снижающих обороты турбин. Он казался усталым. – Пойдет?

– Да, без разницы. Спасибо, – я пригляделся к приближающимся вечнобетонным платформам и сплетению низких зданий, которое они держали над водами Простора, грязной паутине построек, взбирающейся на холм позади. Кое-где на балконах и причалах виднелись люди, но по большей части поселение казалось вымершим. Я не представлял, подходящий это конец Города Духа или нет, но где-то надо было начинать. Когда скиммер вильнул влево, я схватился за лямку над головой и подтянулся на ноги. Бросил взгляд через салон на своего безмолвного попутчика. – Приятно было поболтать, Михаил.

Он пропустил слова мимо ушей, вперив взгляд в окно. Все то время, пока мы сидели в салоне, он ничего не говорил, только отмороженно таращился на отсутствие пейзажа вокруг. Пару раз он ловил мой взгляд, когда чесал свои разъемы, и резко прекращал с напряженным лицом. Но даже тогда ничего не говорил.

Я пожал плечами и уже хотел выйти на огороженную палубу, но передумал. Я пересек салон и прислонился к стеклу, загородив поле зрения Михаила Петровского. Он моргнул, захваченный врасплох во время погружения в себя.

– Знаешь, – весело сказал я, – тебе чертовски повезло с матерью. Но мир полон таких, как я. А нам насрать, жив ты или

мертв. Если не поднимешь жопу и не начнешь проявлять интерес, за тебя это никто не сделает.

Он фыркнул.

– А с какого бока тут…

Уличные ребята уже давно бы все поняли по моему взгляду, но этот слишком подсел на электрожажду, слишком избаловался из-за маминой поддержки. Я легонько взял его за горло, сжал и выдернул из сиденья.

– Теперь понимаешь, о чем я? Что мне сейчас мешает передавить тебе трахею?

– Ма… – прохрипел он.

– Она тебя не слышит. Она занята, вкалывает за вас двоих, – я придвинулся к нему. – Михаил, ты бесконечно менее важен в общем положении вещей, чем тебе кажется из-за ее внимания.

Он поднял руки и попытался разжать мои пальцы. Я проигнорировал жалкие потуги и сжал сильнее. На его лице появился настоящий испуг.

– Будешь продолжать в том же духе, – говорил я ему обыденным тоном, – и окажешься на подносах для человеческих запчастей под приглушенным освещением. Для таких, как я, это единственная польза от тебя, и когда мы придем, нам никто не помешает, потому что ты никому не дал повода переживать из-за тебя. Ты хочешь, чтобы все кончилось так? Запчастями, двухминутным прополаскиванием и смывом?

Он дергался и бился, лицо становилось фиолетовым. Дико затряс головой в отрицании. Я подержал его еще пару секунд, потом ослабил хватку и уронил обратно в сиденье. Он давился и кашлял, не сводя с меня залитых слезами глаз. Одна рука поднялась массировать горло там, где остались мои отпечатки. Я кивнул.

– Вот это все вокруг, Михаил. Все, что происходит. Это называется жизнь, – я придвинулся, и он втянул голову. – Прояви интерес. Пока еще можешь.

Скиммер обо что-то мягко стукнулся. Я выпрямился и вышел на боковую палубу во внезапные жару и свет. Мы плыли среди переплетения обшарпанных причалов из зеркального дерева, укрепленных в стратегических точках тяжелыми вечнобетонными опорами для швартовки. Моторы низко бормотали и мягко прижимали скиммер к ближайшему месту высадки. От зеркального дерева в глаза били блики послеполуденного солнца. Сьюзи Петровская стояла в кокпите и щурилась из-за отраженного света.

– Двойная, – напомнила она.

Я передал ей чип и подождал, пока она его проведет. Михаил

предпочел не показываться из салона. Может, задумался о жизни. Мать вернула мне чип, прикрыла рукой глаза и показала:

– Через три улицы есть место, где можно дешево взять напрокат жука. У той мачты передач. Которая с флагами с драконами.

– Спасибо.

– Не за что. Надеюсь, найдешь, что ищешь.

* * *

Я забил на прокат жуков, по крайней мере сперва, и побродил по городку, впитывая окружение. До вершины холма я мог бы с равным успехом видеть подобное в любом пригороде Ньюпеста со стороны Простора. Преобладала та же утилитарная архитектура, та же смесь фасадов мех– и софт-шопов с товарами для воды и едален с барами. Те же запятнанные и затоптанные улицы из расплавленного стекла и те же запахи. Но на спуске сходство заканчивалось – словно заканчивался сон.

Вторая половина поселения подо мной рассыпалась на бессистемные постройки из любых материалов, какие приходили на ум. Баббл-ткань соседствовала с деревянными домами, лачугами из плавника и – ближе к концу – даже брезентовыми палатками. Дороги из расплавленного стекла уступали халтурно выложенным вечнобетонным плитам, затем песку, а затем наконец широкому бледному пляжу. Здесь на улицах движение было оживленнее, чем на стороне Простора, и состояло в основном из полуодетых людей, направляющихся к береговой линии под вечерним солнцем. У каждого третьего под мышкой была доска. Само море на свету под низким углом окрасилось в грязно-золотой и рябило от активности: серферы плыли рядом с досками или на них, небрежно нарезая мягко выгибающуюся поверхность воды. Солнце и расстояние превращали людей в безликие черные силуэты.

– Ничего себе видок, а, сам?

Высокий детский голос, противоречивший словам, которые он произнес. Я оглянулся и увидел мальчишку лет десяти, который наблюдал за мной из дверей. Тощий, хоть ребра пересчитывай, и забронзовевший, в серф-штанах, глаза – выцветшего на солнце синего. Спутанная шевелюра после моря. Он прислонился к косяку, беспечно сложив руки на голой груди. В лавке за ним я увидел полки с досками. Переливающиеся экраны с акватехническим софтом.

– Видал и похуже, – признался я.

– Первый раз на Вчире?

– Нет.

Его голос тронуло разочарование.

– Значит, уроки не нужны?

– Нет, – я на миг замолчал, прикидывая надежность источника. – Сам давно на Полосе?

Он улыбнулся.

– Все жизни. А что?

– Я здесь ищу друзей. Вдруг ты их знаешь.

– Да? Ты коп? Бандит?

– В последнее время нет.

Похоже, это был правильный ответ. Улыбка вернулась.

– А имена у твоих друзей есть?

– Имелись, когда я был здесь в последний раз. Бразилия, Адо, Трес, – я помялся. – Может, Видаура.

Его губы скривились, поджались, он пососал зубы. Все эти выражения были переняты от другого тела, куда старше.

– Джек Соул Бразилия? – уточнил он аккуратно.

Я кивнул.

– Ты Жучок?

– В последнее время – нет.

– Из команды Мультифлоры?

Я сделал вдох.

– Нет.

– Пацан БаКрум?

– У тебя-то имя есть? – спросил я.

Он пожал плечами.

– Конечно. Милан. Здесь меня все зовут Пушечник.

– Так вот, Милан, – сказал я ровно, – ты начинаешь меня охрененно бесить. Ты будешь мне помогать или нет? Знаешь, где Бразилия, или просто живешь на остатках его славы с тех времен, когда он проезжал здесь последний раз тридцать лет назад?

– Эй, – бледно-голубые глаза прищурились. Руки опустились, сжались в маленькие кулачки. – Между прочим, я *местный*, сам. Я *серфер*. Скакал по гребням на Вчире еще тогда, когда *ты* был брызгами в дырке твоей мамаши.

– Сомневаюсь, но выяснять не будем. Я ищу Джека Соула Бразилию. Я найду его с тобой или без тебя, но ты можешь сэкономить мне время. Вопрос – согласишься ли ты?

Он уставился на меня, все еще злой, все еще в агрессивной позе. В десятилетней оболочке это выглядело не так уж впечатляюще.

– Вопрос, сам, *стоит* ли тебе помогать?

– А.

Подмасленный, Милан выдавал информацию более охотно, хотя и сдержанными обрывками, призванными замаскировать и сгладить очень ограниченное знание. Я взял ему ром и кофе в уличном кафе напротив его лавки – «*не могу просто ее закрыть, сам, убытки же будут*», – и теперь пережидал повествование. По большей части в его рассказах тут же угадывались бородатые пляжные легенды, но по паре деталей я решил, что он действительно несколько раз встречался с Бразилией, а то и катался с ним. Последняя встреча, похоже, состоялась лет десять назад или больше. Героизм в схватке плечом к плечу и с голыми руками против серферов из лоялистов Харланов в паре километров к югу от мыса Кем. Сшибка и сеча, Милан наделяет себя скромно преуменьшенной отвагой, получает пару ран – *«ты бы видел гребаные шрамы на оболочке, чувак, я до сих пор по ним скучаю»*, – но высшие похвалы приберегает для Бразилии. *«Как хренова болотная пантера, сам. Уроды пробили ему грудь – он даже не заметил. Всех порвал. Просто, типа, вообще ничего не осталось, когда он закончил. Отправили их на север по кусочкам»*. И дальше, конечно, была торжественная вакханалия – со светом костра и криками женщин в диком оргазме, сливающимися с шумом прибоя.

Стандартная картинка, и в прошлом мне ее уже расписывали другие энтузиасты Вчиры. Пропуская очевидные приукрашивания, я выловил какие-то полезные подсказки. У Бразилии были деньги – *«столько лет с Жучками-то, конечно. Ему никогда не придется за гроши учить нестоянчиков, толкать доски и тренировать какие-нибудь тушки аристов с Миллспорта»*, но он все еще не сжился с реинкарнацией в клонах. У него будет отличное серферское тело, но мне не узнать его в лицо. *«Ищи охерительные шрамы на груди, сам»*. Да, он все еще отращивает волосы. По последним слухам, он затихарился в сонной пляжной деревушке где-то к югу. Оказывается, учился играть на саксофоне. Был один джазмен, выступал еще с Чанго-младшим, который рассказывал Милану…

Я оплатил напитки и встал. Солнце скрылось, и грязно-золотое море уже потускнело до недрагоценного металла. На пляже под нами оживали светлячками огни. Я подумал, успею ли заскочить в прокат жуков, пока он не закрылся.

– А твой арист, – спросил я, чтобы поддержать разговор. – Ты пять лет учишь его тело держаться на доске, оттачиваешь рефлексы. А для тебя в чем выгода?

Милан пожал плечами и допил остатки рома. После алкоголя и денег он оттаял.

– Мы меняемся оболочками. Я получаю то, что носит он, в обмен на это, в шестнадцать лет. Так что моя выгода –

тридцатилетняя с чем-то оболочка ариста после косметического ремонта и обмена при свидетелях, чтобы я не выдавал себя за него, а так свеженькая, как из каталога. Клон высшего качества, все периферийные системы на стандарте. Неплохо же, а?

Я рассеянно кивнул.

– Да, если он присматривает за тем, что носит. Образ жизни аристов, которых я видел, быстро изнашивают тушки.

– Не, этот чувак в форме. Заезжает проверить свой вклад, ну знаешь, поплавать и посерфить. На этой неделе тоже должен был, но из-за той темы с харланским лимузином не прокатило. Он страдает от лишнего веса и серфить, конечно, ни хрена не умеет. Но это легко исправить, когда я…

– Тема с харланским лимузином? – по моим нервам резанула внимательность чрезвычайных посланников.

– Ну да, ты же знаешь. Скиммер Сейти Харлана. А мой парень очень близок с этой ветвью семьи, вот и…

– И что случилось со скиммером Сейти Харлана?

– А ты не слышал? – Милан моргнул и улыбнулся. – Ты где был, сам? Со вчерашнего дня этим забита вся сеть.

Сейти Харлан повез сыновей и невестку в Рилу, а скиммер накрылся у Предела.

– Как накрылся?

Он пожал плечами.

– Еще никто не знает. Просто взорвался, судя по видео из общего доступа, – изнутри. Тут же затонул, ну, что от него осталось. До сих пор ищут обломки.

Вряд ли им повезет. В это время года отголоски водоворота шли очень далеко, течения у Предела смертельно непредсказуемые. Затонувшие части судна может унести на километры, прежде чем они осядут. Изувеченные останки Сейти Харлана и его семьи могут оказаться где угодно среди разбросанных островков и рифов Миллспортского архипелага. Поиски стека будут настоящим кошмаром.

Я вернулся мыслями к «Белахлопку Кохей» и лепету Плекса под такэ. *Я не знаю, Так. Правда не знаю. Какое-то оружие, что-то со времен Отчуждения. Она называла это протокол «Куалгрист»*. Он сказал – «что-то биологическое», но признался, что его знания неполны. Они были доступны только якудза высшего уровня и агенту семейства Харланов, Аюре. Аюре, которая занималась для семейства Харланов ограничением ущерба и зачисткой.

Еще одна миниатюрная частица пазла легла в моем разуме на место. Драва в снегах. Ожидание в предбаннике Курумаи, равнодушный просмотр выжимки глобальных новостей. Случайная смерть какого-то второстепенного наследника Харлана

в районе верфей Миллспорта.

Это сложно было назвать связью, но интуиция посланников работает иначе. Она просто накапливает информацию, пока не начинаешь различать в ее массе какие-то очертания. Пока связи не проявятся сами. Я еще ничего не различал, но фрагменты пели, как музыкальные подвески в бурю.

Их песня – и настойчивый пульс ритма: *торопись, торопись, времени нет.*

Я неловко обменялся с Миланом почти забытым рукопожатием Вчиры и торопливо отправился назад по холму.

* * *

Прокат жуков все еще светился, на месте оказался и скучающий администратор с телосложением серфера. Его глаза проснулись настолько, чтобы определить, что я не покоритель волн – ни профи, ни новичок, – а затем переключились в механический режим обслуживания клиентов. Защита от рабочей рутины, сохранявшая едва заметную искру внутри, из-за которой он и не уезжал из Вчиры, энтузиазм, тщательно укрытый до встречи с братом по разуму, с тем, кто поймет. Но парень вполне компетентно предоставил мне одноместный скоростной жук кричащих цветов и показал на софте с уличными картами пункты возврата по всей Полосе. Он также предоставил защитный костюм и шлем из полисплава с заводскими параметрами, хотя было видно, как из-за этой просьбы его и без того невысокое мнение обо мне упало ниже плинтуса. Похоже, на Пляже Вчира до сих пор обреталось множество людей, не отличающих риск от идиотизма.

Да, похоже. Включая тебя, Так. Сам-то давно занимался чем-нибудь безопасным?

Десять минут спустя я оделся и мчал от мыса Кем за конусом света фары в собирающихся вечерних сумерках.

Куда-то на юг, выслушивая неумелую игру на саксофоне.

У меня были зацепки и получше, но одно точно играло мне на руку. Я знал Бразилию и знал: если он услышит, что его ищут, то прятаться не станет. Он придет разобраться лично. Это как грести навстречу большой волне. Как выходить против шоблы лоялистов Харланов.

Если пошуметь, искать его и не придется.

Он сам меня найдет.

* * *

Три часа спустя я съехал с шоссе в холодное голубоватое свечение ламп Ангьера над парковкой жуков вокруг круглосуточной забегаловки и магазина техники. Устало оглядываясь на проделанный путь, я заключил, что пошумел достаточно. Запас кредитных чипов малого номинала исчерпан, в голове стоял легкий туман от совместной выпивки и курения по всей Полосе, а костяшки правой руки еще слегка побаливали от неудачного удара в пляжном кабаке, где плохо относились к чужакам, которые разыскивают местные легенды.

Ночь под лампами Ангьера была приятно прохладной, на парковке тусили группки серферов с бутылками и трубками в руках. Смех, как будто отражающийся от темноты вокруг света ламп, высокий возбужденный голос, рассказывающий байку про сломанную доску. Пара серьезных компаний собралась у распотрошенных внутренностей жука на ремонте. Сверкали лазерные резаки, фонтанируя от экзотических сплавов странными зелеными или лиловыми искрами.

Я купил за стойкой удивительно хороший кофе и вышел на улицу смотреть на серферов. Во время молодости в Ньюпесте я не относился к этой культуре – этикет банд не позволял серьезную приверженность одновременно скуба-дайвингу и катанию на волнах, а дайвинг нашел меня первым. Я ему никогда не изменял. Меня что-то привлекало в немом мире под поверхностью. Внизу царил обширный, медленно дышащий покой, противоположность уличного безумия и моей еще более нервной семейной жизни.

Там можно было скрыться.

Я допил кофе и вернулся в забегаловку. В воздухе вились и хватали за желудок запахи супа рамен. Я вдруг осознал, что не ел с самого позднего завтрака на мостике «Дочери гайдука» с Джапаридзе. Я залез на стул перед стойкой и кивнул тому же парню с глазами мет-торчка, у которого брал кофе.

– Вкусно пахнет. Что у вас есть?

Он взял повидавший виды пульт и ткнул приблизительно в направлении автоповара. Над разными сковородками выскочили голоэкраны. Я просмотрел их и выбрал любимое блюдо, которое сложно испортить.

– Давай-ка ската под чили. Скат мороженый, правильно?

Он закатил глаза.

– А тебе свежего подавай? У нас-то? По таким ценам?

– Меня давно не было.

Но это не вызвало реакции на его одурелом от мета лице. Он просто завел автоповара и убрел к окнам таращиться на серферов, словно они какой-то редкий и красивый вид морской фауны, заключенный в аквариум.

Я съел только половину миски с раменом, когда позади открылась дверь. Никто ничего не сказал, но я уже все понял. Поставил миску и медленно повернулся на стуле.

Он был один.

Эти черты я не помнил, даже приблизительно. Он носил более светлое и широкое лицо, чем в последний раз, спутанную гриву волос – блондин с седыми прядями, – и скулы, которые заимствовали от славянских генов не меньше, чем от его склонности к адорасьонской внешности. Но тело под свободным комбинезоном почти не отличалось – он по-прежнему мог похвастаться ростом и стройной шириной груди и плеч, узкой талией и длинными ногами, большими руками. И все его движения по-прежнему излучали то же небрежное самообладание.

Я узнал его так же уверенно, как если бы он сорвал комбинезон и показал шрамы на груди.

– Я слышал, ты меня ищешь, – сказал он мягко. – Я тебя знаю?

Я ухмыльнулся.

– Здравствуй, Джек. Как поживает Вирджиния?

Глава двадцать четвертая

– До сих пор не могу поверить, что это ты, мало́й.

Она сидела на склоне дюны сбоку от меня и рисовала треугольники в песке между ног палкой-шокером для боттлбэков. Она все еще была мокрая после моря, вода блестела жемчужинами на темной от солнца коже серферской оболочки, черные волосы в рваной прическе торчали мокрыми и неровными шипами. К эльфийскому лицу привыкнуть было непросто. Она выглядела по меньшей мере на десять лет моложе, чем когда я ее видел в последний раз. Впрочем, наверняка те же затруднения она испытывала при взгляде на меня. Когда она говорила, смотрела в песок с нечитаемым лицом. Говорила с заминками, так же, как когда разбудила меня в комнате для гостей на рассвете и спросила, не хочу ли я пройтись с ней по пляжу. У нее была вся ночь, чтобы оправиться от удивления, но посматривала она на меня до сих пор урывками, будто это запрещено.

Я пожал плечами.

– В меня поверить еще можно, Вирджиния. Не я вернулся из мертвых. И не зови меня «*мало́й*».

Она чуть улыбнулась.

– Все мы когда-то возвращались из мертвых, Так. Вредная профессия, забыл?

– Ты поняла, о чем я.

– Да. – Она какое-то время рассматривала горизонт, где рассвет все еще был кровавым слухом в утренней дымке. – А *ты* ей веришь?

– Что она Куэлл? – я вздохнул и набрал пригоршню песка. Смотрел, как он струится между пальцами и по бокам ладони. – Я верю, что *она* верит.

Вирджиния Видаура нетерпеливо повела рукой.

– Я встречала электронарков, которые верили, что они Конрад Харлан. Я не про это спрашиваю.

– Я знаю, о чем ты спрашиваешь, Вирджиния.

– Так отвечай на гребаный вопрос, – сказала она без злости. – Я тебя что, ничему не научила в Корпусе?

– Куэлл она или нет? – песок на моей ладони налип на остатках влаги после купания. Я резко отряхнул руки. – Как это возможно, да? Куэлл мертва. Испарилась. Несмотря на все политические влажные мечты твоих приятелей.

Она оглянулась через плечо, будто они могли нас услышать. Проснулись бы, вышли бы из дома за нами на пляж, потягиваясь и позевывая, отдохнувшие и готовые жестоко наказать меня за

неуважение.

– Помню времена, когда ты тоже об этом мечтал, Так. Времена, когда ты хотел, чтобы она вернулась. Что с тобой случилось?

– Со мной случилась Санкция IV.

– Ах, да. Санкция IV. Революция потребовала от тебя больше, чем ты ожидал, да?

– Тебя там не было.

После слов открылась небольшая пауза. Она отвернулась. Маленькая банда Бразилии номинально была куэллистской – или, по крайней мере, неокуэллистской, – но из них только у Вирджинии Видауры была подготовка чрезвычайного посланника. Из нее способность к самообману выдавили так, что эмоциональная привязанность к легенде или догме больше не могла возникнуть с легкостью. Я полагал, что у нее будет свое мнение, заслуживающее внимания. Будет своя точка зрения.

Я ждал. Волны на пляже поддерживали медленный, ожидаемый ритм.

– Прости, – сказала она наконец.

– Брось. У всех рано или поздно растаптывают мечты, да? И если при этом не больно, то что же это за второразрядные мечты такие?

У нее поднялся уголок рта.

– Но, вижу, все еще цитируешь ее.

– Перефразирую. Слушай, Вирджиния, поправь, если я ошибаюсь, но не существует данных о том, что Надя Макита когда-либо делала бэкап. Верно?

– Не существует данных и о бэкапе Такеси Ковача. Но один сейчас где-то гуляет.

– Да уж, не напоминай. Но это же гребаная семья Харланов, и за их решением стоит логика. Стоит выгода.

Она покосилась на меня.

– Что ж, приятно видеть, что служба на Санкции IV не поколебала твое самомнение.

– Вирджиния, кончай. Я бывший чрезвычайный посланник. Я убийца. У меня есть *применение*. Довольно трудно представить, чтобы семья Харланов сохранила женщину, которая чуть не свергла их олигархию. И в любом случае, как нечто такое, как копия исторически значимого персонажа, может скинуться в череп типичной авантюристки из деКома.

– Едва ли типичной, – она еще потыкала в песок. Затишья в разговоре все удлинялись. – Такеси, ты знаешь, мы с Ярошем…

– Да, я с ним разговаривал. Он мне и сказал, что ты здесь. Просил передавать привет, если встречу. Надеется, с тобой все

хорошо.

– Правда?

– Ну, на самом деле он сказал «ну нахер», но я читаю между строк. Что, не получилось у вас?

Она вздохнула.

– Нет. Не получилось.

– Хочешь об этом поговорить?

– Нет смысла, это уже было давно, – злой укол в песок шокером. – Не могу поверить, что он еще не оправился.

Я пожал плечами.

– *«Мы должны быть готовы жить в это время, о котором наши предки могли только мечтать, если хотим воплотить наши мечты».*

В этот раз ее выражение было смазано некрасивой злостью, которая не шла новому приятному лицу.

– Издеваешься, мать твою?

– Нет, просто отмечаю, что у куэллистской мысли широкий…

– Заткнись, Так.

В Корпусе чрезвычайных посланников не было традиционных авторитетов, по крайней мере, в том смысле, как их понимают люди. Но от привычки – идеи, что к тренерам стоит прислушиваться, – было трудно избавиться. А когда при этом имелись чувства сродни…

В общем, не важно.

Я заткнулся. Послушал волны.

Немного погодя к нам из дома поплыли ржавые ноты из саксофона. Вирджиния Видаура встала и оглянулась с каким-то смягчившимся лицом, прикрыв глаза рукой. В отличие от большинства серферских хат, что я видел, пока объезжал этот участок Полосы вчера ночью, дом Бразилии был построен, а не надут. Стойки из зеркального дерева ловили усиливающийся на глазах солнечный свет и блестели, как огромное холодное оружие. Глаз отдыхал в тени выветренных поверхностей серого цвета и цвета поблекшего лайма между ними, но выше нам широко подмигивали окна четырех этажей, выходящих на море.

Запинающуюся мелодию саксофона прервала фальшивая нота.

– Ай, – я поморщился – наверное, преувеличенно. Меня застала врасплох внезапная мягкость на ее лице.

– Он хотя бы старается, – сказала она неопределенно.

– Да. Что ж, зато теперь все проснулись.

Она искоса посмотрела на меня все так же, будто это запрещено. Ее губы невольно изогнулись.

– Ты настоящий засранец, Так. Ты об этом знаешь?

– Мне говорили пару раз. Так что у вас подают на завтрак?

* * *

Серферы.

На Харлане они встречаются почти везде, потому что почти везде на Харлане есть океан, который швыряет волны, за которые и умереть на жалко. А у слова «умереть» не только фигуральное значение. Помните, 0,8 g и три луны – в некоторых местах Вчиры по волне можно катиться километров шесть, а высоту некоторых из этих штуковин легче увидеть, чтобы поверить. Но у низкой гравитации и трехлунного притяжения есть и обратная сторона, и системы течений на Харлане такие, что Земле и не снились. Химический состав, температура и скорость колеблются в жутких пределах, и море выделывает стервозные и неумолимые шутки почти без предупреждений. Теоретики завихрений до сих пор пытаются понять их на моделях-симуляциях. На Пляже Вчира исследования проводят иначе. Не раз я видел идеальный эффект Янга на как будто бы стабильной девятиметровой волне, словно миф о Прометее в покадровом воспроизведении: идеальный водяной гребень вскипает и пьяно запинается под наездником, затем рассыпается, словно под осколочным огнем артиллерии. Море раскрывает пасть, глотает доску, глотает наездника. Я несколько раз помогал вытаскивать выживших. Видел ошарашенные улыбки, свечение, которое сходило с их лиц, когда они говорили что-нибудь вроде «Я уже не думал, что эта сука меня отпустит», или «Блин, ты видал, как эта хрень подо мной развалилась», или – чаще всего – выпаливали: «Доску мою достал, сам?» Я смотрел, как они уходят обратно – те, кому после «уборки» не вывихнуло и не переломало конечности и не размозжило череп, – и видел гложущее желание в глазах тех, кому приходилось лечиться и ждать.

Это чувство мне хорошо известно. Просто у меня оно связано с убийством других людей.

– Почему мы? – в лоб спросила Мари Адо с отсутствием манер, которое она, видимо, считала обязательным дополнением к внепланетному имени.

Я улыбнулся и пожал плечами.

– Не смог вспомнить других таких дураков.

Она обиделась как-то по-волчьи, сама волнисто пожала одним плечом и повернулась ко мне спиной, отправившись к кофе-машине у окна. Похоже, Мари выбрала клон своей последней оболочки, но теперь она казалась какой-то

беспокойной до мозга костей, чего я за ней не помнил сорок лет назад. Еще она казалась более тощей, глаза чуть запали, и волосы она убирала в обрезанный хвост, который как будто стягивал все лицо. У ее выращенной на заказ адорасьонской внешности была подходящая костная структура; кривой нос казался еще более орлиным, темные жидкие глаза – темнее, а подбородок – волевым. Но все равно ей не шло.

– Ну, Ковач, в наглости тебе не откажешь. Так заявиться после Санкции IV.

Напротив меня за столом вздрогнула Вирджиния. Я чуть покачал головой. Адо покосилась на подругу.

– А ты что думаешь, Сиерра?

Сиерра Трес по обыкновению промолчала. Ее лицо тоже было омоложенной версией того, что я помнил, – изящно выточенные черты где-то между миллспортскими японцами и представлением генетического салона об инкской красоте. Его выражение ничего не выдавало. Она стояла у кофе-машины, прислонившись к стене, выкрашенной голубой клеевой краской, сложив руки на крохотном полисплавном топе. Как и у большинства только что проснувшихся обитателей дома, на ней были лишь напыленный купальник и дешевая ювелирка. С пальца с серебряным кольцом свисал, словно забытый, опустошенный демитас из-под кофе с молоком. Но ее взгляд, который танцевал между Мари и мной, требовал ответов.

Остальные за утренним столом согласно зашевелились. Согласно с кем – сказать было трудно. Я впитал реакцию с хладнокровностью подготовки посланника, задвигая ее для оценки позже. Мы уже прошли вчера ночью Опознание – стилизованный допрос, замаскированный под обычные воспоминания при встрече, – и установили, что я в новой оболочке – все же я. С этим проблем не было.

Я прочистил горло.

– Знаешь, Мари, ты тоже могла присоединиться. Но Санкция IV – совсем другая планета, никаких волн, океан плоский, как твоя грудь, так что я так и не придумал, нахрена ты мне там сдалась.

Это оскорбление было столь же несправедливым, сколь и многослойным. Мари Адо, бывший Голубой Жучок, была криминальным экспертом во множестве повстанческих специализаций, никак не связанных с искусством покорения волн, да и, если на то пошло, физически не уступала большинству женских тел в комнате, включая Вирджинию Видауру. Но я знал, как она болезненно относится к своему облику, а также что, в отличие от меня или Вирджинии, она ни разу не покидала

планеты. Таким образом, я обозвал ее провинциалкой, помешанной на серфе, дешевым поставщиком сексуальных услуг *и* сексуально непривлекательным человеком в одном флаконе. Не сомневаюсь, если бы это слышала Иса, она бы взвизгнула от восторга.

Я все еще болезненно относился к темам, касающимся Санкции IV.

Адо посмотрела на большое дубовое кресло в конце стола.

– Выкинь этого ублюдка, Джек.

– Нет, – он протянул тихо, почти сонно. – Не сейчас. Он раскинулся в кресле из темного дерева почти горизонтально, вытянул перед собой ноги, опустив нос, свободно сложив руки друг на друге на коленях, словно пытался читать по ним.

– Джек, он грубит.

– Ты тоже, – Бразилия извернулся и сел ровнее и ближе к столу. Его глаза встретились с моими. Его лоб усеивали капли пота. Я понял причину. Несмотря на новую оболочку, он не сильно изменился. Не бросил дурные привычки.

– Но она права, Ковач. Почему мы? Почему мы должны тебе помочь?

– Ты отлично знаешь, что это не ради меня, – соврал я. – Если куэллистская этика умерла на Вчире, тогда скажи, где ее искать. А то времени в обрез.

Фырканье с другого конца стола. Молодой серфер, который был мне не знаком.

– Чувак, ты даже *не знаешь*, Куэлл она или нет. Посмотри на себя – ты же в это сам не веришь. Хочешь, чтобы мы пошли против семьи Харланов ради какого-то глюка в ушибленной головушке чокнутой сучки из деКома? Это *вряд ли*, сам.

За столом зазвучали голоса, в которых я услышал согласие. Но большинство молчали и наблюдали за мной.

Я посмотрел молодому серферу в глаза.

– А зовут тебя?..

– Тебе-то что, сам?

– Это Дэниэл, – сказал Бразилия легко. – Он с нами недавно. И да, ты видишь его реальный возраст. И, боюсь, слышишь.

Дэниэл покраснел и зыркнул таким взглядом, будто его предали.

– Факт есть факт, Джек. Это же Утесы Рилы. Никто не попадал туда без приглашения.

Улыбка, словно молния, перекинулась от Бразилии к Вирджинии Видауре и Сиерре Трес. Даже Мари Адо хмуро фыркнула в кофе.

– Чего? Чего ржете?

Я старательно удержался от того, чтобы присоединиться к улыбкам, и посмотрел на Дэниэла. Он мог пригодиться.

– Боюсь, ты правда выдаешь возраст, Дэн. Чуточку.

– Нацуме, – сказала Адо, словно что-то объясняя ребенку. – Имя тебе ничего не говорит?

Его взгляд послужил достаточным ответом.

– Николай Нацуме, – снова улыбнулся Бразилия, в этот раз в поддержку Дэниэла. – Не переживай, ты на пару сотен лет моложе, чтобы его помнить.

– Это реальная история? – услышал я, как пробормотал кто-то, и почувствовал, что во мне разливается странная грусть. – Я думал, это миф, пропаганда.

Еще одна серферша, которую я не знал, повернулась в кресле посмотреть на Джека Соула Бразилию с протестом на лице.

– Эй, Нацуме так и не попал внутрь.

– Еще как попал, – сказала Адо. – Не верьте бреду, которому нынче учат в школах. Он…

– Достижения Нацуме мы обсудим позже, – мягко остановил ее Бразилия. – Пока что достаточно знать, что прецедент проникновения в Рилу существует.

Настала короткая пауза. Серфер, который не верил в существование Нацуме в реальности, шептал на ухо Дэниэлу.

– Ладно, с этим разобрались, – сказал наконец кто-то, – но если эта женщина, кем бы она ни была, у семьи Харланов, какой смысл в рейде? С допросной техникой, которая имеется в Риле, ее уже пять раз раскололи.

– Необязательно, – Вирджиния Видаура наклонилась над своей опустевшей тарелкой. Под напыленным купальником сдвинулись маленькие груди. Как странно было видеть ее еще и в серферской униформе. – У деКома передовое железо и производительность больше, чем у многих мейнфреймов ИскИнов. Его делают так, как только умеют инженеры-нейротехники. Помните, что оно должно быть в состоянии справиться с марсианской навигационной системой. Думаю, даже годный допросный софт по сравнению с этим курит в сторонке.

– Ее могли просто запытать, – сказала Адо, возвращаясь на свой стул. – Это же Харланы.

Я покачал головой.

– Если они попытаются, она может просто спрятаться в командную систему. А кроме того, она должна оставаться дееспособной на сложных уровнях. Краткосрочная боль им не поможет.

Сиерра Трес подняла голову.

– Ты сказал, она с тобой общается?

– Кажется, да, – я проигнорировал пару недоверчивых голосов за столом. – Если спросите меня, думаю, она смогла подключиться с помощью деКомовского оборудования к телефону, с которого какое-то время назад я звонил одному члену ее команды. Возможно, остался след в командной сети, который она смогла найти. Но он теперь мертв, так что связь плохая.

Жесткий смех от пары человек, в том числе Дэниэла. Я запомнил их лица.

Может, Бразилия это заметил. Он жестом попросил тишины.

– Вся ее команда погибла, так?

– Да. Так мне сказали.

– Четыре деКомовца в лагере, полном деКомовцев, – Мари Адо скорчила гримасу. – Их просто так вырезали? Трудно поверить, да?

– Я не…

Она не обратила на меня внимания.

– В смысле, что этому позволили случиться. Этот, как его, Курумая, да? Большой папочка из деКома, старая школа. И он просто дал харланцам зайти и устроить такое у него под носом? А как же остальные? Немного же это говорит о духе товарищества, да?

– Немного, – ответил я ровно, – ты права. Работа де-Кома основана на конкуренции, это модель охотников за головами. Команды тесно связаны внутри. Вне команды, насколько я видел, преданности немного. А Курумая уступил бы любому олигархическому давлению – возможно, уже по факту. Сачки Сильви никогда не были у него на хорошем счету, по крайней мере, не настолько, чтобы он нарушил субординацию.

Адо скривила губу. – Очаровательно.

– Такие времена, – неожиданно сказал Бразилия. Посмотрел на меня. – *«Если лишить нас преданности высшим идеалам, мы неизбежно вернемся к страху и жадности».* Правильно?

После цитаты никто ничего не сказал. Я осмотрел лица в комнате, пытаясь различить поддержку среди неприязни и оттенков серого между ними. Сиерра Трес выразительно выгнула одну бровь и молчала. Вокруг меня висела аура Санкции IV, *гребаной* Санкции IV. Мои действия легко можно было объяснить страхом или жадностью. По некоторым лицам я видел, что они так и сделали.

Впрочем, никого из них там не было.

Никого из них там и близко не было.

Бразилия встал. Вгляделся в лица за столом – может, в поисках того же, что и я.

– Подумайте об этом, народ. Это затронет нас всех, так или

иначе. Каждый здесь потому, что я вам доверяю: вы будете молчать, а если что-то надо сделать, вы мне поможете. Сегодня на закате будет еще одна встреча. Мы проголосуем. Как я уже сказал, задумайтесь.

Затем забрал свой саксофон со стула у окна и прогулочным шагом вышел из комнаты, будто в его жизни сейчас не было ничего важней.

Через пару секунд поднялась и направилась за ним Вирджиния Видаура.

На меня она не смотрела.

Глава двадцать пятая

Бразилия нашел меня позже, на пляже.

Он бежал трусцой из прибоя с доской под мышкой – на теле остались только шорты, шрамы и напыленные полусапоги, – вытряхивая море из волос свободной рукой. Сидя на песке, я приветственно поднял руку, и он ускорился в моем направлении. Не так-то просто после часов, проведенных в воде. Когда он остановился, одышки я практически не заметил.

Я прищурился из-за солнца.

– Развлекаешься?

– Попробуешь? – он коснулся доски, наклонил ее ко мне. Серферы так не поступают – по крайней мере, не с доской, которая принадлежит им больше пары дней. А эта выглядела старше его оболочки.

Джек Соул Бразилия. Даже на Пляже Вчира другого такого не найти.

– Спасибо, но я пас.

Он пожал плечами, воткнул доску в песок и шлепнулся рядом со мной. С него закапала вода.

– Как хочешь. Сегодня годный свелл. Не страшно.

– Но тебе, наверное, скучно.

Широкая улыбка.

– Ну, в этом и западня, не правда ли.

– Правда?

– Да, – он показал на море. – Если входишь в воду, то выжимаешь из любой волны максимум. Лишишься этого настроя – и можешь отправляться в Ньюпест. Забыть о Вчире.

Я кивнул.

– Много таких бывает?

– Перегоревших? Встречаются. Но уйти – это нормально. Больно смотреть на тех, кто остается.

Я посмотрел на рубец на его груди.

– Ты такой чувствительный, Джек.

Он улыбнулся, глядя на море.

– Стараюсь.

– Поэтому ты не пользуешься клонами, а? Выжимаешь из каждого максимум?

– *Изучаю* каждый на максимум, – мягко поправил он. – Да. Плюс не поверишь, сколько сейчас стоит хранение клонов, даже в Ньюпесте.

– Адо или Трес это, кажется, не беспокоит.

Он снова усмехнулся.

– Мари не знает, на что тратить наследство. Ты же помнишь ее настоящую фамилию?

– Да, помню. А Трес?

– Сиерра знает нужных людей. Когда мы свернули дела Жучков, она какое-то время работала на гайдуков. В Ньюпесте ей многие должны.

Он слегка поежился, позволил этому перерасти в дрожь и захватить плечи. Неожиданно чихнул.

– Вижу, *это* ты не бросил. Адо поэтому такая худая? Он странно посмотрел на меня.

– Адо худая, потому что ей хочется быть худой. Как она этого добивается – ее дело, правильно?

Я пожал плечами.

– Конечно. Просто интересно. Я думал, вам уже надоест аутоинфекция.

– А, но тебе-то она никогда не нравилась, верно? Помню, в последний раз, когда ты был здесь, Мари пытался уломать тебя на штамм ГДХ. Ты всегда был в этой теме немного пуританином.

– Просто никогда не понимал, что прикольного в том, чтобы себя заражать. И думал, ты, как профессиональный медик, будешь умнее.

– Напомню тебе об этом во время нашего следующего отходняка с тетрамета. Или похмелья с односолодового.

– Это не одно и то же.

– Ты прав, – мудро кивнул он. – Эта химическая хрень – каменный век. Но я десять лет сталкивал грипп Дома Хань со специально усиленной иммунной системой – и испытывал только кайф и реально зрелищные бредовые сны. Как катиться по волнам. Ни головной боли, ни повреждений внутренних органов, ни даже соплей из носа, стоит только смешать вирус и ингибиторы. Вот и скажи, какой наркотик так может.

– Вы на этом сейчас сидите? ГДХ?

Он покачал головой.

– Уже давно нет. Вирджиния нашла нам заказную культуру с Адорасьона. Выведенный комплекс спинной лихорадки. Блин, ты бы видел теперь мои сны. Иногда просыпаюсь с криками.

– Рад за тебя.

Какое-то время мы оба наблюдали за людьми в воде. Пару раз Бразилия хмыкал и показывал на что-нибудь в движениях серферов. Мне это мало что говорило. Однажды, когда кто-то «убрался», он мягко поаплодировал, но когда я взглянул на его лицо, то не заметил издевки.

Немного погодя он снова спросил, показывая на торчащую доску.

– Уверен, что не хочешь попробовать? На моей доске? Блин, эта консервированная хрень на тебе практически создана для моря. Даже странно для военного заказа, если подумать. Легкая какая-то, – он рассеянно потыкал в мое плечо пальцами. – Я бы даже сказал, ты ходишь в почти идеальной спортивной оболочке. Что за лейбл?

– А, какая-то обанкротившаяся тема, никогда про них раньше не слышал. «Эйшундо».

– *«Эйшундо»?*

Я взглянул на него с удивлением.

– Да, «Эйшундо Органикс». Знаешь?

– А то, блин, – он отодвинулся на песке и уставился на меня. – На тебе дизайнерская классика, Так. Они выпустили всего одну серию и минимум лет на сто опередили свое время. Примочки, которые тогда никто не пробовал. Гекконовая хватка, перестроенная структура мускулов, а какие автономные системы выживания – ты не поверишь.

– Как раз поверю.

Он не слушал.

– Гибкость и выносливость выше крыши, прошивка рефлексов, которую мир не видел, пока в начале трехсотых не появились «Харкани». Черт, да такого просто больше не делают.

– Естественно, не делают. Они же разорились, нет? Он с пылом затряс головой.

– Нет, это все политика. «Эйшундо» были товариществом из Дравы, появились в восьмидесятых, – типичные тихие куэллисты, хотя не припомню, чтобы они по-настоящему это скрывали. Их бы наверняка закрыли, но все знали, кто производит лучшие спортивные оболочки на планете, так что они обеспечивали половину сопляков из Первых Семей.

– Хорошо устроились.

– Ну, что ж. Зато, как я уже сказал, их никто не смел тронуть, – воодушевление покинуло его лицо. – Затем, во время Отчуждения, они открыто поддержали куэллистов. Семья Харланов их так и не простила. Когда все кончилось, они занесли в черные списки всех, кто работал на «Эйшундо», даже казнили пару старших биотехников как предателей и террористов. Поставка оружия врагу и тому подобная хренотень. Вообще, после того, что случилось в Драве, им все равно был конец. Блин, поверить не могу, что ты сидишь в их фиговине. Это же исторический артефакт, Так.

– Ну, приятно знать.

– Ты уверен, что не хочешь…

– Продать его тебе? Спасибо, нет, я…

– *Посерфить*, чувак. Уверен, что не хочешь посерфить? Взять доску и намокнуть? Узнать, на что способен в этой штуке?

Я покачал головой.

– Буду жить в неведении.

Он какое-то время смотрел на меня с непониманием. Затем кивнул и отвернулся к морю. Было заметно, как на Джека действует один только вид волн. Уравновешивал лихорадку, которую он в себе разжег. Я попытался, хотя и угрюмо, не завидовать.

– Может, в другой раз, – сказал он тихо. – Когда будет попроще.

– Да. Может, – я не мог представить такого времени, если только он не говорил о прошлом – а как попасть туда, я не знал.

Казалось, ему хотелось поговорить.

– Ты же никогда не пробовал, да? Даже в Ньюпесте? Я пожал плечами.

– Падать с борда я умею, если ты об этом. В детстве раз или два летом выбирался на местные пляжи. Потом попал в банду, а они были строго за дайвинг. Сам знаешь, как бывает.

Он кивнул – может, вспоминал собственную молодость в Ньюпесте. Может, вспоминал, когда мы в последний раз об этом говорили, но я бы не рассчитывал. Последний раз мы об этом говорили пятьдесят с лишним лет назад, и если у тебя нет памяти чрезвычайных посланников, то это очень много событий и разговоров назад.

– Какой идиотизм, – пробормотал он. – С кем ходил?

– Воины Рифов. В основном хиратское подразделение. *Ныряй свободным – умри свободным. Оставь всю дрянь наверху*. Тогда мы резали таких, как ты, за один косой взгляд. А ты?

– Я? О, я себя мнил свободным до хрена духом. Наездники Бури, Девятый Вал, Рассветный Хор Вчиры. Кто-то еще, всех уже не упомнить, – он покачал головой. – Какой же *идиотизм*.

Мы смотрели на волны.

– Сколько ты уже здесь? – спросил я.

Он потянулся и закинул голову к солнцу, зажмурив глаза. Из его груди вырвался звук вроде мурлыканья, превратился в смешок.

– На Вчире? Не знаю, не считаю. Наверное, уже около века. Плюс-минус.

– А Вирджиния говорит, Жучки устранились пару десятков лет назад.

– Да, примерно. Как я уже сказал, Сиерра иногда еще выходит на дело. Но большинство из нас не участвовали ни в чем хуже пляжной драки уже лет десять, двенадцать.

– Тогда будем надеяться, ты не заржавел.

Он метнул в меня еще одну ухмылку.

– А ты-то уже нас просчитал.

Я покачал головой.

– Нет, я просто внимательно слушаю. «*Это затронет нас всех, так или иначе?*» Тут ты прав. Ты на это пойдешь, что бы ни решили остальные. Для *тебя* это серьезно.

– Ах, так? – Бразилия улегся на песок и закрыл глаза. – Тогда подумай вот о чем. Этого ты наверняка не знаешь. Когда куэллисты сражались с Первыми Семьями за власть над континентом Новый Хоккайдо, было много разговоров об отрядах карателей, которые выслеживали Куэлл и других из Особого комитета. Их ответ на Черные бригады. И знаешь, что они сделали?

– Да, знаю.

Он приоткрыл один глаз.

– Знаешь?

– Нет. Просто не люблю риторических вопросов. Хочешь что-то рассказать – рассказывай.

Он снова закрыл глаза. Мне показалось, по его лицу промелькнуло что-то похожее на боль.

– Ладно. Знаешь, что такое инфошрапнель?

– Конечно, – термин был давний, почти устаревший. – Дешевый вирусняк. Каменный век. Исковерканные отрывки стандартного кода в вещательной матрице. Забрасываешь во вражеские системы, и вирусы пытаются выполнить те зацикленные функции, которые в них прописаны изначально. Забивают действующий код непоследовательными командами. По крайней мере в теории. Как я слышал, работало оно не очень.

На самом деле я знал об ограничениях оружия не понаслышке. 150 лет назад остатки сопротивления на Адорасьоне транслировали инфошрапнель, чтобы замедлить наступление посланников в бассейне Манзана, потому что больше у них ничего не осталось. Не особенно это нас замедлило. Остервенелая рукопашная на крытых улицах Неруды доставила нам куда больше неприятностей. Но Джеку Соулу Бразилии, с псевдонимом и любовью к культуре, планету которой он ни разу не видел, необязательно было об этом знать.

Он сдвинул свое длинное тело на песке.

– Что ж, Особый комитет Нового Хоккайдо не разделял твоего скептицизма. А может, они просто были в отчаянии. Так или иначе, они придумали что-то в этом роде на основе переправки оцифрованных людей. Создали фальшличности каждого члена комитета – просто поверхностную сборку базовых воспоминаний

и характера…

– Ой, да хорош нести бред!

– …и начинили инфомины широкого разброса, чтобы распределить на куэллистских территориях и снарядить для взрыва при касании. Нет, это не бред.

Я закрыл глаза.

Твою мать.

Голос Бразилии продолжал безжалостно струиться.

– Да, план заключался в том, что в случае разгрома они сдетонируют мины и заставят поверить собственных защитников, а то и авангард атакующих войск, что это *они* – Куэллкрист Фальконер. Ну или кто там.

Звуки волн и далекие крики над водой.

Ты мог бы держать меня, когда я усну?

Я видел ее лицо. Слышал изменившийся голос, не принадлежавший Сильви Осиме.

Ущипни меня. Скажи, что ты, сука, настоящий.

Бразилия еще продолжал, но слышалось, что он подходит к концу.

– Если подумать, хитрое оружие. Появляется путаница – кому доверять, кого арестовывать? Даже хаос. Может, это выиграет время, чтобы реальная Куэлл сбежала. Может, просто. Создаст хаос. Последний удар. Кто знает?

Когда я открыл глаза, он снова сидел и смотрел в море. Покой и благодушие ушли с его лица, стерлись, как макияж, высохли, как морская вода на солнце. Вдруг он, внутри своего мускулистого серферского тела, показался озлобленным и разгневанным.

– Кто тебе все это рассказал? – спросил я.

Он взглянул на меня, и на губах мелькнул призрак прежней улыбки.

– Тот, с кем тебе стоит встретиться, – ответил он тихо.

* * *

Мы взяли его жука – облегченный двухместник, ненамного больше моего одноместного, взятого в прокат, но, как выяснилось, куда более быстрый. Бразилия не поленился натянуть потертый защитный костюм из шкуры пантеры, что лишний раз выделило его из прочих идиотов, которые гоняют по шоссе в плавках на такой скорости, что если упадут, то останутся без мяса на костях.

– Ну что ж, – сказал он, когда я об этом упомянул. – Иногда

стоит рискнуть. А иногда кто-то просто напрашивается.

Я взял свой полисплавный шлем и настроил по голове. Мой голос металлически раздался в динамике.

– А видел, как напрашивались?

Он кивнул.

– Все время вижу.

Он завел жука, сам надел шлем, а затем помчал нас по шоссе ровно на двух сотнях километров в час, направляясь на север. По дороге, которую я уже проезжал, пока искал его. Мимо круглосуточной забегаловки, мимо других остановок и центров гудящей жизни, где я разбрасывал его имя, как кровь с чартерной лодки во время рыбалки на боттлбэков, через мыс Кем и дальше. При дневном свете Полоса теряла свое очарование. Крошечные горстки светящихся окон, которые я проезжал по пути на юг вчера вечером, оказались выжженными на солнце утилитарными зданиями и баббл-тентами. Неоновые и головывески были выключены или поблекли до невидимости. Поселения в дюнах лишились уютной привлекательности больших ночных улиц и стали просто скопищем построек по обочинам замусоренного шоссе. Теми же остались только шум моря и ароматы, разлитые в воздухе, но на такой скорости мы их не замечали.

В двадцати километрах к северу от мыса Кем в дюны вела узкая разбитая дорога. Бразилия сбавил скорость для поворота – не настолько, насколько мне хотелось бы, – и увел нас с трассы. Под жуком клубился песок, выметаясь из-под обломков вечного бетона и скалистой земли, на которой настелили дорогу. В эпоху гравитационного транспорта дорожное покрытие нужно не столько ради ровной поверхности под машиной, сколько для направления. И за первой же линией дюн строители забросили все старания в пользу вех из иллюминия и углеродного волокна, вкопанных в землю через каждые десять метров. Бразилия позволил двигателю успокоиться, и мы умиротворенно заскользили вдоль шестов, змеившихся по песку в направлении моря. Вдоль маршрута появилась пара баббло в под неудобными углами на склонах. Было непонятно, живет ли в них кто-нибудь. Дальше я увидел оснащенный для боя скиммер, припаркованный под пыльным навесом в неглубоком распадке. На верхних склонах при звуке движка жука или, может, почуяв наше тепло, проснулись сторожевые системы, напоминающие пауков или миниатюрных каракури. Подняли пару конечностей в нашем направлении, потом снова опустили, когда мы проехали.

Мы перевалили за последние дюны, и Бразилия остановил жука боком к морю. Поднял шлем, наклонился над приборной доской и кивнул на склон.

– Ну вот. Ничего не говорит?

Давным-давно кто-то загнал бронированный ховерлодер на пляж, пока его нос не протаранил дюну, да так и бросил. Теперь судно разлеглось на опавшей юбке, как болотная пантера, которая подкралась к добыче, но была убита на месте. Задние рулевые лопасти встали под углом, соответствующим самому сильному ветру, и, видимо, навечно застряли. Песок забился в мозаичные щели брони и накопился на внешней стороне юбки, так что армированные бока ховера казались верхушкой закопанного сооружения, куда больше самого судна. Оружейные бойницы с открывшегося нам бока торчали пушками в небо – верный признак, что гидравлическим регуляторам конец. Верхние люки были распахнуты, словно для эвакуации.

На боку центрального фюзеляжа, у пузыря мостика, я заметил краску. Черную и красную, сплетенную в знакомом узоре, при виде которого я почувствовал холодное прикосновение к спине: стершиеся от времени остатки стилизованного листа куэллкриста.

– Охренеть.

– Ага, – Бразилия поерзал на сиденье жука. – Вот именно.

– И эта штука здесь с?..

– Ага, приблизительно.

Мы съехали на жуке по дюне и спешились у хвоста. Бразилия вырубил энергию, и транспорт осел на песок, как послушный тюлень. Ховер возвышался над нами, умная металлическая броня впитывала жар солнца, так что вблизи стояла слабая прохлада. В трех местах вдоль рябого борта с края юбок шли лестницы и заканчивались в песке. Та, что сзади, где судно кренилось к земле, лежала почти горизонтально. Бразилия не обратил на нее внимания, сразу схватился за перила и без труда подтянулся на палубу. Я закатил глаза и последовал за ним.

Стоило выпрямиться, как меня застал врасплох голос.

– Так это он?

Я моргнул на солнце и разобрал тощий силуэт на слегка наклоненной палубе. Он был на голову ниже Бразилии и носил простой серый комбинезон с отрубленными у плеч рукавами. Судя по лицу под редкими белыми волосами, ему по меньшей мере было под шестьдесят, но обнаженные руки дыбились мускулами и кончались широкими костлявыми ладонями. А за мягким голосом чувствовалась стальная сила. В вопросе звучало напряжение, близкое к враждебности.

Я сделал шаг, чтобы встать рядом с Бразилией. Повторил позу старика, опустив руки по бокам, словно оружие, которое может скоро пригодиться. Без интереса встретил его взгляд.

– Да, я – это он.

Показалось, что его взгляд опустился, но не потому, почему можно было подумать. Он осматривал меня с ног до головы. Настал миг молчания.

– Ты разговаривал с ней?

– Да, – мой голос чуть смягчился. Я неправильно понял его напряжение. Это была не враждебность. – Я разговаривал с ней.

* * *

Внутри ховерлодера меня неожиданно встретили простор и естественный свет. Обычно такие боевые суда довольно тесные, но у Сосеки Коя было достаточно времени, чтобы это изменить. Переборки снесли, местами верхнюю палубу отогнули, чтобы создать пятиметровые световые колодцы. Солнце лилось в смотровые щели и открытые верхние люки, пробивалось через потрескавшуюся броню то ли на месте боевых повреждений, то ли от намеренной перфорации. У этих открытых мест кипела растительная жизнь, переливаясь из подвешенных корзин и сплетаясь обнаженными корнями со скелетом фюзеляжа. В некоторых местах иллюминиевую обшивку аккуратно заменили, в других оставили гнить. Где-то, невидимый, журчал по камням ручей, солируя над басом прибоя снаружи.

Кой усадил нас на мягкие циновки у низкого столика на дне одного из световых колодцев. Накормил нас, обслуживая по-старомодному церемонно, с помощью авто-повара корабля, стоявшего на полке позади него и до сих пор вполне себе функционирующего. К мясу на гриле и жареной лапше он добавил чайник чая из белаводорослей и фрукты с растений над головой – лозовые сливы и толстые тридцатисантиметровые полоски кошутской цепной ягоды. Бразилия набросился на еду с энтузиазмом человека, который весь день провел в воде. Я поковырялся в угощениях из вежливости, но с цепной ягодой вышло иначе – редко где я встречал вкуснее. Кой во время еды упорно избегал любых разговоров.

Наконец Бразилия бросил на тарелку оголенные нити последней цепной ягоды, вытер пальцы о салфетку и кивнул мне.

– Рассказывай. Я передал ему суть, но это твоя история.

– Я… – я поднял взгляд от стола с разоренными блюдами и увидел голод другого рода. – Ну. Это уже было давно. Несколько месяцев назад. Я был в Текитомуре, по делам. Зашел в бар на верфи, «Токийский ворон». Она была…

Рассказывать это было очень странно. Странно и, если честно,

нереально. Слушая собственный голос, я вдруг сам с трудом верил в путь, который прошел от той ночи пролитой крови и кричащих галлюцинаций по пустошам машин-призраков Нового Хока и снова на юг, убегая от собственного двойника. Донкихотское рыцарство в портовых барах, неистовый шизофренический секс и повторившийся морской побег в компании таинственной и несчастной женщины с волосами из живой стали, горные перестрелки с осколком самого себя среди марсианских руин. Сильви была права, когда окрестила меня Микки в тени крана на верфи. Чистая эксперия.

Неудивительно, что Радулу Шегешвару трудно было смириться с тем, как я изменился. Если бы человеку, который приходил к нему два года назад за помощью, рассказали эту историю о перепутанной преданности и пьяных сменах маршрута, он бы рассмеялся и не поверил.

Нет, ты бы не рассмеялся.

Ты бы смотрел, холодно и отстраненно, почти не слушая и думая о чем-то другом. О следующей резне приверженцев Нового откровения, крови на лезвии «Теббита», глубокой яме в Болотном Просторе и истошном крике, который все не кончается и не кончается.

Ты бы отмахнулся от историй, не вникая, правдива она или нет, довольный тем, что имеешь.

Но Кой заглотил ее, не произнеся ни слова. Когда я делал паузу и смотрел на него, он не задавал вопросов. Терпеливо ждал и однажды, когда я замялся, мягко, жестом, попросил продолжать. Наконец, когда я закончил, он молча посидел и кивнул самому себе.

– Говоришь, когда она впервые проявилась, то приняла тебя за другого.

– Да. – Внимательность чрезвычайного посланника мгновенно подняла имена из глубин посторонних воспоминаний. – Одиссей. Огава. Она думала, я один из ее солдат, из батальона Тецу. Из Черных бригад.

– Что же, – он отвернулся с непроницаемым лицом. Голос мягкий. – Спасибо, Ковач-сан.

Тишина. Я обменялся взглядами с Бразилией.

Серфер прочистил горло.

– Все так плохо?

Кой сделал вдох так, словно ему от этого было больно.

– Это не помогло, – он снова посмотрел на нас и печально улыбнулся. – Я служил в Черных бригадах. Батальон Тецу в них не состоял, это был отдельный фронт.

Бразилия пожал плечами.

– Может, она что-то перепутала.

– Да, может, – но печаль не покинула его глаз.

– А имена? – спросил я. – Их ты узнаешь?

Он покачал головой.

– *Огава* – обычное имя для северян, но не припомню, чтобы знал кого-то лично. После стольких лет трудно быть уверенным, но оно кажется незнакомым. А *Одиссей*... Что ж, – пожал плечами, – есть сенсей по кендо, но сомневаюсь, что у нее куэллистское прошлое.

Еще какое-то время мы посидели в молчании. Наконец Бразилия вздохнул.

– Эх, черт.

По какой-то причине его небольшой взрыв эмоций оживил Коя. Он снова улыбнулся, в этот раз с блеском, которого я за ним еще не замечал.

– Кажется, ты пал духом, друг мой.

– Как иначе. Я правда думал, что в этом что-то есть. Думал, мы действительно это сделаем.

Кой потянулся к тарелкам и начал убирать их на полку за плечом. Его движения были плавными и экономными, одновременно с этим он говорил.

– Вы знаете, что будет на следующей неделе? – спросил он словно между прочим.

Мы оба моргнули.

– Нет? Как нехорошо. Как легко мы забываемся в собственных заботах, а? Как легко отделяемся от общего положения вещей, к которому привыкло большинство, – он наклонился вперед, чтобы забрать самые дальние тарелки, и я подал их ему. – Благодарю. На следующей неделе, в конце, день рождения Конрада Харлана. В Миллспорте праздник обязателен. Фейерверки и веселье без пощады. Хаос человеческих забав.

Бразилия понял раньше меня. Его лицо озарилось.

– То есть?..

Кой мягко улыбнулся.

– Друг мой, откуда мне знать, в этом действительно может быть *что-то*, как ты загадочно выразился. Но есть оно или нет, одно я могу сказать точно: мы это *сделаем*. Потому что на самом деле у нас нет выбора.

Именно это я и хотел услышать, но я все еще не мог поверить, что он это сказал. По дороге на юг я представлял, что склоню на свою сторону Бразилию, Видауру и, может, еще пару преданных неокуэллизму, несмотря на то, осуществятся их собственные мечты или нет. Но история Бразилии об инфошрапнели, то, как она сходилась с условиями Нового Хока, и понимание, что ее

рассказал человек, который разбирается, который сам присутствовал при тех событиях, встреча с этим маленьким сдержанным стариком и его серьезный подход к садоводству и трапезе – все это толкало меня к краю головокружительной пропасти – уверенности, что я зря трачу время.

Понимание, что не зря, дурманило не хуже.

– Задумайтесь, – начал Кой, и в его голосе словно что-то изменилось. – Возможно, призрак Нади Макиты и есть призрак. Но разве пробудившегося и мстительного призрака недостаточно? Разве он уже не вгонял олигархов в панику и непокорность сковывающим заветам их кукловодов на Земле? Тогда как же мы можем этого *не* сделать? Как мы можем *не* вырвать из их хватки то, что вселяет в них ужас и ярость?

Я обменялся еще одним взглядом с Бразилией. Поднял бровь.

– На это мало кто клюнет, – сказал серфер мрачно. – Большинство бывших Жучков пойдут в бой, если будут думать, что это ради Куэлл, и только тогда уговорят остальных. Но не уверен, что они согласятся на это ради пробудившегося призрака, даже если охренеть какого мстительного.

Кой закончил убирать посуду, взял салфетку и изучил свои руки. Нашел ленточку сока цепной ягоды на запястье и стер со скрупулезным вниманием. Пока он говорил, я не сводил взгляда с руки.

– Если желаешь, я поговорю с ними. Но все же, если у них нет собственной воли, их не стала бы уговаривать и сама Куэлл, и я тоже не стану.

Бразилия кивнул:

– Ну отлично.

– Кой, – мне вдруг захотелось кое-что знать. – А как *ты* думаешь? Мы гоняемся за призраком?

Он издал какой-то тихий звук, что-то среднее между смешком и вздохом.

– Мы все гоняемся за призраками, Ковач-сан. Мы столько живем на свете – как может быть иначе.

Сара.

Я подавил мысль, не зная, заметил он боль на краю моих глаз или нет. Не зная с нахлынувшей паранойей, вдруг он уже все как-то понял. Мой голос раздался со скрипом:

– Но я спросил не об этом.

Он моргнул и вдруг снова улыбнулся.

– Верно, не об этом. Ты спросил, во что я верю, а я ушел от ответа. Прошу прощения. На Пляже Вчира дешевая метафизика и дешевая политика ходят бок о бок и пользуются большим спросом. На их изречении без всякого труда можно построить

приличную жизнь, но после становится трудно избавиться от привычки, – он вздохнул. – Верю ли я, что мы имеем дело с вернувшейся Куэллкрист Фальконер? Я жажду этого всеми фибрами души, но, как любой куэллист, я вынужден мириться с фактами. И факты не поддерживают то, во что я хочу верить.

– Это не она.

– Это маловероятно. Но в одно из своих менее пылких мгновений сама Куэлл предложила оговорку для подобных ситуаций. Если факты против тебя, сказала она, но ты не можешь вынести отказа от веры, тогда хотя бы не торопись судить. Жди и наблюдай.

– Звучит как совет против скоропалительных действий.

Он кивнул.

– В основном так. Но в нашем случае то, в истинность чего мне хочется верить, не имеет отношения к тому, будем ли мы действовать или нет. Потому что я *верю* хотя бы вот во что: даже если у этого призрака нет другой ценности, кроме как ценности талисмана, его время – сейчас, а место – среди нас. Так или иначе грядут перемены. Харланцы видят их так же ясно, как мы, и уже сделали свой ход. Нам осталось лишь сделать свой. Если в итоге мне придется сражаться и погибнуть за призрака и память о Куэллкрист Фальконер, а не за нее саму, то это лучше, чем не сражаться вовсе.

Эти слова звучали в моей голове эхом еще долго после того, как мы оставили Сосеки Коя готовиться и покатили на жуке обратно вдоль Полосы. Эти слова – и простой вопрос. Простое убеждение, которое стояло за ним.

Разве пробудившегося и мстительного призрака недостаточно?

Но для меня вопрос звучал иначе. Потому что я обнимал этого призрака и смотрел на лунный свет на полу хижины в горах, пока она ускользала от меня в сон, не зная, проснется ли вновь.

Если ее можно пробудить, я не хотел оказаться тем, кто скажет ей, кто она. Не хотел видеть ее лица, когда она узнает правду.

Глава двадцать шестая

После этого события замелькали быстро.

«Есть мысль и есть действие, – однажды сказала молодая Куэлл, свободно воруя, как я узнал позже, у древних самураев, предков планеты Харлан. – *Не следует их путать. Когда приходит время действовать, мысль уже должна быть завершена. Когда начнется действие, для мысли уже не останется места».*

Бразилия вернулся к остальным и выдал решение Коя за свое. Это вызвало у серферов, которые не простили меня за Санкцию IV, всплеск протестов, но они быстро угасли. Даже Мари Адо отбросила враждебность, как сломанную игрушку, когда стало понятно, что я имею к вопросу косвенное отношение. Один за другим в окрашенных закатом тени и свете общей гостиной мужчины и женщины Пляжа Вчиры давали свое согласие.

Похоже, пробудившегося призрака будет достаточно.

* * *

План налета сложился со скоростью и легкостью, которые самым впечатлительным могли бы показаться благосклонностью богов или провидением. Для Коя это просто был поток исторических сил, не более сомнительный, чем законы гравитации или термодинамики. Лишь подтверждение, что час пробил, политический котел вскипел. Разумеется, он перельется через край, *разумеется*, капли упадут все в том же направлении – на пол. Как иначе?

Я сказал, что, по-моему, это просто удача, а он только улыбнулся.

В любом случае все шло одно к одному.

Кадры:

Голубые Жучки. Они давно уже почти не существовали как организация, но членов старой команды хватало, чтобы образовать костяк, соответствовавший легенде. Новички, притянутые за прошедшие годы гравитацией легенды, составляли число, с которым следовало считаться, и заявляли о своей принадлежности к банде. За это время Бразилия научился доверять некоторым из них. Он видел их в серфинге и видел их в бою. Самое важное – он видел, что все они доказали восприимчивость к максимам Куэлл и способность жить полной жизнью, когда вооруженная борьба была неуместна. Вместе старички и новички были силой, настолько близкой к спецотряду

куэллистов, насколько это возможно без машины времени.

Оружие:

Обыденно припаркованный боевой скиммер на заднем дворе Коя символизировал тенденцию, которая охватывала Полосу вдоль и поперек. Жучки были не единственными специалистами по крупным ограблениям, что залегли на Пляже Вчира. Что бы ни притягивало Бразилию и ему подобных к волнам, оно так же легко проявлялось в непреодолимой склонности к нарушениям закона всех видов и мастей. Город Духа был полон отошедших от дел бандитов и революционеров, и казалось, никто из них не мог расстаться с любимыми игрушками навсегда. Тряхни Полосу – и железо посыплется, как ампулы и секс-игрушки из простыни Мици Харлан.

План:

Переусложненный, как считало большинство из команды Бразилии. Утесы Рилы имели почти ту же дурную славу, что бывший штаб тайной полиции на бульваре Симацу – тот самый, который член Черной бригады Ифигения Деме превратила в дымящийся щебень, когда ее пытались допросить в подвале, но лишь активировали имплантированную в нее энзимную взрывчатку. Желание повторить то же самое в Риле висело в доме ощутимым зудом. Не сразу удалось убедить самых горячих среди новообращенных Жучков, что прямая атака на Утесы будет самоубийством куда менее продуктивного свойства, чем у Деме.

– Как их винить, – сказал Кой, в голосе которого вдруг блеснуло прошлое Черных бригад. – Они слишком долго ждали шанса отомстить.

– Дэниэл – нет, – язвительно заметил я, – ему не больше двух десятков лет.

Кой пожал плечами.

– Гнев из-за несправедливости – как лесной пожар: он переходит любые границы, даже между поколениями.

Я перестал брести и оглянулся на него. Было легко представить, что его начнет заносить. Сейчас мы оба были морскими великанами из сказок, стояли по колено в виртуальном океане среди островов и рифов Миллспортского архипелага в масштабе один к двум тысячам. Сиерра Трес воспользовалась связями у гайдуков и организовала нам время в картографическом конструкте высокого разрешения, принадлежащем фирме морских архитекторов, чье коммерческое управление не пережило бы слишком пристального внимания закона. Руководство осталось не в восторге от просьбы, но приходится мириться с подобными просьбами время от времени, если дружишь с гайдуками.

– Ты сам-то когда-нибудь видел лесной пожар, Кой? *Потому что это явно нечастое зрелище на планете, поверхность которой на 95 процентов состоит из воды.*

– Нет, – он развел руками. – Это метафора. Но я видел, что происходит, когда несправедливость наконец приводит к расплате. И длится она долго.

– Да, это я знаю.

Я отвернулся в воды южного Предела. Конструкт воспроизвел водоворот в миниатюре – бурлящий, перемалывающий и тянущий меня за ноги под водой. Если бы глубина была того же масштаба, что и весь конструкт, он наверняка смел бы меня с ног.

– А ты? Видел лесной пожар? Возможно, во внепланетных командировках?

– Парочку, да. На Лойко я помогал его разжечь, – я продолжал рассматривать водоворот. – Во время Бунта пилотов. Бóльшая часть поврежденных кораблей села на Екатерининском тракте, и они несколько месяцев вели партизанскую войну. Пришлось их выжигать. Тогда я был чрезвычайным посланником.

– Ясно, – в его голосе не отразилось оценки. – Помогло?

– На какое-то время. Мы явно убили многих. Но, как ты сказал, такое сопротивление живет поколениями.

– Да. А пожар?

Я снова повернулся к нему и невесело улыбнулся.

– Очень долго тушили. Слушай, Бразилия ошибается насчет бреши. Сразу за этим мысом мы в пределах прямой видимости охранных ищеек Новой Канагавы. Смотри. А на другой стороне рифы. С этой стороны не зайти, нас разнесут.

Он подошел и присмотрелся.

– Если нас будут ждать – да.

– Чего-то ждать они будут. Они знают меня, знают, что я приду за ней. Да, блин, у них есть я в штате. Им надо только *спросить* меня – спросить его, и он расскажет, чего ожидать, гондон эдакий.

Ощущение предательства было саднящим и всеохватным, словно что-то вырвали из груди. Как Сару.

– Тогда разве он не знает, что надо прийти сюда? – мягко поинтересовался Кой. – На Вчиру?

– Вряд ли, – я заново прокрутил собственные домысленные доводы при посадке на «Дочь гайдука» в Текитомуре, надеясь, что и вслух они прозвучат убедительно. – Он слишком молод, чтобы знать о моем знакомстве с Жучками, а официальных данных об этом они не найдут. Он знает Видауру, но для него она по-прежнему тренер Корпуса. Он не представляет, чем она сейчас занимается или что между нами после службы осталась связь. Эта

сука Аюра сдаст ему все, что у них есть на меня, может, и на Вирджинию. Но есть у них немного, и к нам это не приведет. Мы посланники, мы оба заметали следы и разбавляли инфопотоки дезой на каждом шагу.

– Очень продуманно.

Я поискал на морщинистом лице иронию и не встретил ее. Пожал плечами.

– Это все подготовка. Мы натренированы исчезать без следа на планетах, с которыми почти не знакомы. А там, где я рос, это вообще детские игры. Все, что есть у этих уродов, – слухи о криминале за нами и сроки хранения. Не так уж это много, когда перед тобой вся планета без возможности наблюдения с воздуха. А единственное, что, возможно, он *думает*, что знает обо мне, – что я буду избегать Ньюпеста, как чумы.

Я захлопнул сквозняк семейных чувств, который ужалил меня на «Дочери гайдука». Выпустил воздух из легких.

– И где он станет тебя искать?

Я кивнул на модель Миллспорта перед нами, мрачнеющую на плотно заселенных островах и платформах.

– Мне кажется, он будет искать меня прямо там. Туда я возвращался всякий раз с внепланетных командировок. Самая большая городская среда на планете, самое лучшее место, чтобы исчезнуть, если хорошо его знаешь, и сразу через бухту от Рилы. Если бы я был посланником, там бы и залег. В укрытии, но на расстоянии удара.

На миг, когда я смотрел на линии верфей и улицы, от непривычного взгляда с высоты птичьего полета закружилась голова, а расплывчатые воспоминания из разных столетий смазали старое и новое в одно знакомое пятно.

И он где-то там.

Брось, ты не можешь знать наверняка…

Он где-то там, как антитело, идеальный для столкновения с противником, которого разыскивает, мягко задает вопросы в потоке городской жизни, подкупает, угрожает, вынуждает, ломает – делает все то, чему нас обоих так хорошо научили. И при этом дышит полной грудью, живет в свое темное удовольствие, словно в какой-то негативной версии философии Джека Соула Бразилии.

В ушах снова заструились слова Плекса.

И очень энергичный, кажется, будто ему не терпится поработать, сделать сразу все. Он уверен в себе, ничего не боится, для него проблем не существует. Над всем смеется.

Я мысленно пробежался по цепочке своих знакомств за последний год, по людям, которых мог поставить под угрозу.

Тодор Мураками – если он по-прежнему там, а не на миссии. Знает ли его молодой я? Мураками вступил в Корпус примерно в одно время со мной, но поначалу мы виделись редко и не служили вместе до Земли Нкрумы и Инненина. Догадается ли ручной Ковач Аюры? Сможет ли успешно переиграть Мураками? Если на то пошло – подпустит ли Аюра свое новенькое творение-двойника к состоящему на службе чрезвычайному посланнику? Посмеет ли?

Вряд ли. А Мураками, с полной поддержкой Корпуса за плечами, в состоянии о себе позаботиться.

Иса.

Ох ты ж.

Пятнадцатилетняя Иса, что носит облик светской львицы, из которой можно делать титановые гвозди, словно куртку из шкуры пантеры поверх мягкого и избалованного воспитания, полученного среди остатков среднего класса Миллспорта. С острым, как бритва, язычком, но сама такая же ломкая. Прямо версия малышки Мито из времен сразу перед тем, как я ушел в посланники. Если он найдет Ису, то…

расслабься, все схвачено. Она может отправить тебя только в Текитомуру. Даже если у них будет Иса – больше не будет ничего.

Но…

Чтобы забеспокоиться о ней, мне понадобилось время, какой-то миг. И осознание этой задержки поднялось во мне холодным отвращением.

Но он ее сломает, если она будет ему мешать. Спалит, как ангельский огонь.

Правда? Если она напоминает Мито тебе, то разве не напомнит и ему? Сестра у вас одна на двоих. Разве это его не остановит?

А разве остановит?

Я обратился памятью к мраку службы в Корпусе – и не нашел ответа.

– Ковач!

Голос раздался с небес. Я моргнул и поднял взгляд от модели улиц Миллспорта. Над нашими головами в воздухе виртуальности висел Бразилия, облаченный в кричаще-рыжие серф-шорты и обрывки низкого облака. С его физической формой и длинными волосами, которыми играли стратосферные ветра, он казался каким-то одиозным божком. Я приветственно поднял руку.

– Джек, спускайся и посмотри на северные подступы. Тут не…

– Нет времени, Так. Выходи. Немедленно.

Я почувствовал, как сжимается грудь.

– Что такое?

– Гости, – загадочно ответил он и исчез в завихрении белого света.

* * *

«Склеп Дзуринды Туджмана» – фирма морских архитекторов и инженеров гидродинамики – арендовала офис в здании на севере Города Духа, где Полоса начинала превращаться в курортные комплексы и пляжи с безопасными волнами. При обычных обстоятельствах никто из команды Бразилии и шагу бы не ступил в эту часть города, но они умело сливались с ордами туристов. Только тот, кто специально выискивал осанку хардкорного серфера, разглядел бы ее под негармонирующими между собой, кричащими пляжными вещами дорогих брендов, в которые они переоделись, как в камуфляж. В строгом окружении зала совещаний с антивибром, в десяти этажах от набережной, они казались вспышкой какого-то экзотического антикорпорационного грибка.

– Священник? Сраный *священник*?

– Боюсь, да, – ответила мне Сиерра Трес. – Похоже, один. Что, как я понимаю, для Нового откровения необычно.

– Если только они не подсматривают приемчики у шарийских бригад мучеников, – угрюмо сказала Вирджиния Видаура. – Освященные одиночки-убийцы избранных неверующих. Во что ты влип, Так?

– Это личное, – пробормотал я.

– Как обычно, – скривилась Видаура и оглядела собравшуюся компанию. Бразилия пожал плечами, а Трес не выказала больше эмоций, чем обычно. Но Адо и Коя охватило злое напряжение. – Мне кажется, Так, у нас есть право знать, что происходит. Это может поставить под угрозу все, над чем мы работаем.

– Это *никак* не связано с тем, над чем мы работаем, Вирджиния. Это несущественно. Эти бородатые ублюдки слишком тупые, чтобы нам помешать. Они сугубо на дне пищевой цепи.

– Тупые или нет, – заметил Кой, – но один из них сумел тебя отследить. И теперь спрашивает о тебе на мысе Кем.

– *Ну ладно*. Схожу и убью его.

Мари Адо покачала головой.

– Только не один.

– Эй, это *моя* проблема, Мари.

– Спокойней, Так.

– *А я, сука, спокоен, нахер!*

Крик утонул в антивибрационной изоляции, как боль во внутривенном эндорфине. Какое-то время никто ничего не говорил. Мари Адо подчеркнуто отвернулась, глядела в окно. Сиерра Трес подняла бровь. Бразилия старательно разглядывал пол. Я скривился и попробовал еще раз. Тихо.

– Ребят, это моя проблема, и я бы хотел покончить с ней сам.

– Нет, – это был Кой. – На это нет времени. Мы уже потратили два драгоценных дня на подготовку. Больше мешкать нельзя. Твоим личным вендеттам придется подождать.

– Да это не займет…

– Я сказал *нет*. К завтрашнему утру твой бородатый друг в любом случае будет искать тебя совершенно не в том месте, – бывший коммандо из Черных бригад отвернулся, заканчивая разговор, как иногда поступала Вирджиния Видаура, если мы плохо показывали себя на тренировках Корпуса. – Сиерра, нужно ускорить реальное время в конструкте. Хотя сомневаюсь, что оно ускоряется намного, да?

Трес пожала плечами.

– Архитектурная специфика, сами понимаете. Обычно время на втором плане. Может, если раскочегарить, добьемся ускорения в сорок или пятьдесят раз.

– Это хорошо, – Кой, пока говорил, демонстрировал почти зримый азарт. Я представил Отчуждение, тайные встречи в подпольных каморках. Тусклый свет на разложенных планах. – Это подойдет. Но нам нужно запустить два отдельных уровня: картографический конструкт и виртуальный номер в отеле со всем необходимым для совещаний. Мы должны легко переключаться между ними по желанию. По какому-нибудь базовому жесту, скажем, два раза моргнуть. Не хочу во время планирования возвращаться в реальный мир.

Трес кивнула уже на ходу.

– Скажу Туджману, чтобы он занялся.

Она пригнулась и вышла из зала с антивибром. За ней мягко и надежно сложилась дверь. Кой обернулся к остальным.

– Теперь предлагаю передохнуть несколько минут, чтобы очистить головы, потому что отныне мы будем жить в виртуале, пока не закончим. Если повезет, мы закончим до полуночи реального времени и уйдем. И – Ковач. Это только мое личное мнение, но мне кажется, ты должен объяснение хотя бы кому-то из нас.

Я встретил его глаза ледяным взглядом, который мне удачно подарила внезапная волна неприязни к этому знатоку хода истории, политики и прочего крабьего говна.

– Как ты прав, Сосеки. Это твое личное мнение. Давай будешь

держать его при себе?

Вирджиния Видаура прочистила горло.

– Мне кажется, Так, нам лучше спустится и выпить кофе.

– Да, пожалуй.

Я в последний раз пронзил Коя взглядом и направился к двери. Заметил, как переглядываются Видаура и Бразилия перед тем, как она последовала за мной. Пока мы опускались на прозрачном лифте через залитое светом центральное пространство, никто из нас ничего не сказал. На полпути я заметил большой офис со стеклянными стенами, где Туджман неслышно кричал на бесстрастную Сиерру Трес. Очевидно, требование более сложной виртуальной среды приняли не очень хорошо.

Лифт выпустил нас в открытом атриуме к звукам улицы. Я пересек лобби, вышел в толпу туристов на набережной, затем поймал автотакси взмахом руки. Пока такси садилось на землю, Вирджиния Видаура поймала меня за другую руку.

– Ты куда собрался?

– Ты знаешь, куда я собрался.

– Нет, – она сжала руку. – Нет, никуда ты не пойдешь. Кой прав, на это нет времени.

– Это займет всего ничего.

Я попытался сесть в открытый люк автотакси, но без рукопашной схватки это было невозможно. А в случае с Видаурой это был не самый надежный вариант. Я остервенело мотнулся обратно к ней.

– Вирджиния, *отпусти*.

– А если что-то пойдет не так. А если этот священник…

– Все пойдет *как надо*. Я убиваю этих больных уродов уже больше года и…

Я осекся. Серферская оболочка Видауры была ростом с мою, наши глаза разделяла длина ладони. Я чувствовал ее дыхание на своих губах и напряжение в ее теле. В мою руку впились ее пальцы.

– Ну все, – сказала она. – Успокойся. Ты мне все расскажешь, Так. Ты успокоишься и расскажешь, мать твою, все.

– О чем тут говорить?

Она улыбается мне из-за стола зеркального дерева. Это лицо не похоже на то, что я помню, – например, на несколько лет младше, – но в новой оболочке чувствуется эхо тела, которое погибло под огнем из «Калашникова» у меня на глазах целую жизнь назад. Руки той же длины, так же ниспадают черные как смоль волосы. Как она закидывает голову, чтобы волосы открыли правый глаз. Как она курит. Как она до сих пор курит.

Сара Сахиловская. Недавно из хранения, живет своей жизнью.

– Ну, наверное, ни о чем. Если ты счастлива.

– Я счастлива, – она смахивает дым от стола в минутном раздражении. Крошечная искорка женщины, которую я когда-то знал. – Как же не быть счастливой? Помилование за денежное возмещение. А деньги поступают постоянно – работы с биокодированием хватит на следующие десять лет. Пока океан снова не успокоится, надо приручать целые новые уровни течений, и это в районном масштабе. Еще только предстоит смоделировать столкновение течения Микуни с теплой водой от Кошута, а потом что-то с этим сделать. И мы выйдем на тендер, как только придет государственное финансирование. Йозеф говорит, если будем продолжать в том же духе, я расплачусь за весь срок в следующие десять лет.

– Йозеф?

– Ах да, надо было сказать, – снова улыбка, в этот раз шире. Более открытая. – Он замечательный, Так. Тебе бы с ним познакомиться. Он ведет этот проект. Из-за него я вышла в первую волну. Он занимался виртуальными собеседованиями, был моим руководителем по проекту, когда я вышла, а потом мы – ну, сам понимаешь…

Она опустила взгляд на колени, все еще улыбаясь.

– Ты покраснела, Сара.

– Вовсе нет.

– Еще как, – я знаю, что должен порадоваться за нее, но не могу. Слишком много воспоминаний о ее длинных бледных боках, двигающихся надо мной на кроватях в отелях и злачных убежищах. – Значит, у него все серьезно, у этого Йозефа?

Она быстро поднимает взгляд, пронзает им меня.

– У нас обоих все серьезно, Так. С ним я счастлива. Мне кажется, такой счастливой я еще не была.

Тогда на хера ты меня искала, сука тупая?

– Это прекрасно, – говорю я.

– А как ты? – спрашивает она с игривой заботой. – Ты счастлив?

Я выгибаю бровь, чтобы выиграть время. Скашиваю взгляд в сторону – раньше это ее смешило. В этот раз я вижу только материнскую улыбку.

– Ну, счастье, – я корчу новую мину. – С этим, э-э, у меня всегда было сложно. В смысле, да, я вышел намного раньше тебя. Полная амнистия от ООН.

– Да, я слышала. И ты побывал на Земле, да?

– Недолго.

– А что теперь?

Я неопределенно повел рукой.

– А, работаю. Ничего такого престижного, как у вас на Северной косе, но оболочку отбиваю.

– Законно?

– Шутишь, что ли? У нее меняется лицо.

– Ты знаешь, Так. Если это правда, я не могу проводить с тобой время. Это часть сделки по новой оболочке. Я все еще на УДО, я не могу связываться с…

Она качает головой.

– Преступниками? – спрашиваю я.

– Не надо смеяться, Так.

Я вздыхаю.

– Я не смеюсь, Сара. Мне кажется, у тебя все очень здорово. Просто, не знаю – как представлю, что ты пишешь биокод, а не воруешь…

Она снова улыбается. Она улыбается по умолчанию в течение всей беседы, но в этот раз выражение лица тронуто болью.

– Люди меняются, – говорит она. – Тебе стоит попробовать.

Неловкая пауза.

– Может, попробую.

И еще одна.

– Слушай, мне уже правда пора. Йозеф, наверное, не…

– Нет, ты чего, – я показываю на наши пустые стаканы, стоящие в одиночестве вдали друг от друга на поцарапанном зеркальном дереве. Было время, когда мы и не думали покидать такие бары, не заставив стол полностью опустошенными рюмками и одноразовыми трубками. – Где твое самоуважение, женщина? Давай еще по одному.

И она соглашается, но это не облегчает неловкость между нами. А когда она допивает новый стакан, встает, целует меня в обе щеки и оставляет сидеть одного.

И с тех пор я ее не видел.

– Сахиловская? – Вирджиния Видаура нахмурилась, копаясь в памяти. – Высокая, да? Дурацкая прическа, вот такая, поверх глаза? Ага. Кажется, один раз ты ее приводил на вечеринку, когда мы с Ярошем еще жили в доме на улице Юкай.

– Да, точно.

– Значит, она уехала на Северную косу, а ты снова вступил в Голубых Жучков – что, назло ей?

Как солнечный свет и дешевая металлическая мебель на кофейной террасе, вопрос блестит слишком ярко. Я отворачиваюсь от него к морю. Мне оно не помогало так, как Бразилии.

– Все не так, Вирджиния. Когда я с ней встретился, я уже был

с вами. Я даже не знал, что она вышла. Последнее, что я слышал, вернувшись с Земли, – что она долеживала полный срок. В конце концов, она убила копов.

– И ты тоже.

– Ну да, но спасибо деньгам Земли и влиянию ООН.

– Ладно, – Видаура потыкала в свою банку кофе и снова нахмурилась. Кофе был так себе. – Значит, вы вышли в разное время и потеряли друг друга из-за разницы. Грустно, но случается сплошь и рядом.

За шумом волн я снова услышал Джапаридзе.

Вокруг гуляют трехлунные волны, и если пропустишь хоть одну, то она оторвет тебя от всех и всего, что тебе дорого.

– Да, верно. Сплошь и рядом, – я повернулся к ней из профильтрованной прохлады столика в тени экранов. – Но я не потерял ее из-за разницы, Вирджиния. Я ее отпустил. Отпустил с этой сволочью, Йозефом, и просто ушел.

На ее лице расцвело понимание.

– А, *ясно*. Так *вот* откуда внезапный интерес к Латимеру и Санкции IV. Знаешь, всегда было любопытно, почему ты так резко передумал.

– Не только поэтому, – соврал я.

– Ну ладно, – ее лицо говорило «проехали», она не повелась. – И что такого случилось с Сахиловской, пока тебя не было, что ты принялся вырезать священников?

– Северная коса Миллспортского архипелага. Угадаешь сама?

– Они обратились?

– Этот *гад* обратился. А ее просто затянуло под винты.

– Правда? Она что, такая беспомощная?

– Вирджиния, да она была связана по рукам и ногам *из-за УДО!* – я остановил себя. Экраны стола частично отрезали жару и звук, но проницаемость варьировалась. За другими столиками повернулись головы. Я со своей растущей башни ярости хватался за отстраненность чрезвычайного посланника. Голос резко стал безэмоциональным. – Правительство меняется не хуже людей. Они закрыли финансирование проектов на Северной косе через пару лет после того, как она туда попала. Провозгласили новую антиинженерную этику, чтобы оправдать экономию. Не надо вмешиваться в естественный баланс планетарных биосистем. Пусть сдвиги Микуни сами придут в равновесие, так будет лучше, мудрее. И, конечно, дешевле. Ей оставалось еще семь лет оплаты – при окладе за биокодирование, который она получала раньше. Большинство местных деревень поднял из нищеты *исключительно* проект Микуни. Хер знает, что там началось, когда всем вдруг опять пришлось влачить жалкое существование береговых

рыбаков.

– Она могла бы уехать.

– *У них уже был сраный ребенок, понятно?* – пауза, вдох. Взгляд на море. Сбавить обороты. – У них был ребенок, дочь, ей всего пару лет. И вдруг – безденежье. А оба родом с Северной косы, это как раз одна из причин, почему ее имя выдал поиск машины по УДО. Не знаю, может, они думали, что справятся. Судя по тому, что я слышал, перед тем как кран завернули напрочь, спонсирование Микуни пару раз еще капало. Может, они просто надеялись, что настанут новые перемены.

Видаура кивнула.

– И дождались. Поднялось Новое откровение.

– Ага. Классическая динамика бедности, люди хватаются за что угодно. И если выбор стоит между религией и революцией, правительство с удовольствием отойдет и пустит священников развлекаться вволю. Впрочем, во всех деревнях и так была жива религиозность. Аскетичный образ жизни, строгий социальный порядок, патриархат. Общество прямиком из гребаной Шарии. Оставалось только одновременно ударить боевикам Откровения и экономическому спаду.

– И что случилось? Она оскорбила почетного самца?

– Нет. Не она, ее дочь. Какой-то несчастный случай на рыбалке. Подробностей не знаю. Она погибла. В смысле, с возможностью восстановления по стеку, – снова вспыхнула ярость, замораживая все внутри головы ледяными брызгами. – Только, конечно, это было запрещено *нахрен*.

Какая ирония. Когда-то бичом земных религий были марсиане, знание об их дочеловеческой межзвездной цивилизации возрастом свыше миллиона лет развеяло представление человечества о его месте в общем миропорядке. А теперь марсиан узурпировало Новое откровение, поставило вместо ангелов: «Первые божьи крылатые создания – *и ни следа стеков памяти в тех немногих мумифицированных телах, которые до нас дошли*». Для разума, погрузившегося в религиозный психоз, вывод неизбежен. Новые оболочки – зло, порожденное в черном сердце человеческой науки, шаг прочь с тропы к загробной жизни и от божьего присутствия в нас всех. Богомерзость.

Я уставился на море. Слова падали изо рта, как пепел.

– Она пыталась сбежать. Одна. Йозеф уже гребанулся от веры, не стал бы помогать. Тогда она забрала тело дочери, одна, и угнала скиммер. Отправилась на восток вдоль побережья в поисках канала, чтобы срезать путь на юг, до Миллспорта. Ее догнали и притащили назад. А Йозеф им помогал. Ее усадили на кресло наказаний, которое священники поставили посреди

деревни, и заставили смотреть, как они вырезают стек из позвоночника ее дочери. Потом то же самое сделали с ней. Пока она была в сознании. Чтобы могла проявить благодарность за свое спасение.

Я сглотнул. Было больно. Вокруг колебалась и текла человеческая суета, словно разноцветный идиотский прилив.

– Потом вся деревня праздновала освобождение их душ. Доктрина Нового откровения гласит, что стек памяти следует расплавить, чтобы изгнать демона. Но на Северной косе бытуют свои суеверия. Они взяли стеки на двухместную лодку, запечатали в отражающий сонары пластик. Проплыли пятьдесят километров в море и где-то по дороге священник-старец выкинул их за борт. Он не знал курса корабля, а рулевому запрещалось знать, когда выкидывают стеки.

– Кажется, система, доступная для коррупции.

– Может. Но не в этом случае. Я пытал их обоих до смерти, а они ничего не смогли сказать. У меня было больше шансов найти стек Сары, если бы на него опрокинулся весь риф Хираты.

Я почувствовал ее взгляд на себе и наконец обернулся ему навстречу.

– Значит, ты там был, – пробормотала она.

Я кивнул.

– Два года назад. Отправился на ее поиски, когда вернулся с Латимера. Нашел только Йозефа, хнычущего у ее могилы. От него все и узнал, – мое лицо дернулось от воспоминания. – В итоге. Он выдал имена рулевого и исполнявшего обряд старца, так что их я нашел следующими. Как я уже говорил, ничего полезного они сказать не смогли.

– И что потом?

– А потом я вернулся в деревню и убил всех остальных.

Она чуть качнула головой.

– Кого остальных?

– Всю деревню. Каждого ублюдка, кого смог найти, кто был взрослым в день ее гибели. Инфокрыса в Миллспорте подняла для меня файлы по населению, имена и лица. Всех, кто даже пальцем не пошевелил, чтобы ей помочь. Я взял список, вернулся и вырезал их всех, – я посмотрел на свои руки. – И парочку тех, кто встал на пути.

Она смотрела на меня так, словно не узнавала. Я раздраженно отмахнулся.

– Ох, хватит, Вирджиния. Мы оба делали вещи похуже на стольких планетах, что я уже и не вспомню.

– У тебя же память чрезвычайного посланника, – ответила она онемело.

Я снова отмахнулся.

– Фигура речи. На семнадцати планетах и пяти лунах. И то поселение на Разбросе Невского. И…

– Ты забрал их стеки?

– У Йозефа и священников – да.

– Ты их уничтожил?

– С чего бы? Именно этого они и хотят. Ничто после смерти. Не возвращаться, – я помялся. Но теперь уже казалось бессмысленным останавливаться. И если я не смогу довериться Видауре, то не смогу довериться никому. Я прочистил горло и ткнул большим пальцем на север. – Там, на Болотном Просторе, у меня есть друг из гайдуков. Среди прочих бизнес-предприятий он разводит болотных пантер для бойцовских ям. Иногда, если они хороши, он оснащает их стеками памяти. Чтобы загружать покалеченных победителей в свежие оболочки и повышать шансы.

– Кажется, я понимаю, к чему ты клонишь.

– Ага. За плату он берет стеки, которые я приношу, и загружает их владельцев в пантер, которые теряют хватку. Мы даем им время пообвыкнуться, а потом пускаем в дешевые ямы и смотрим, что будет. Этот друг неплохо зарабатывает на матчах, где известно, что в пантер загружены люди; оказывается, в бойцовских кругах сложилась целая извращенная субкультура, – я наклонил кофейную банку, изучая остатки на дне. – Думаю, они уже все посходили с ума. Вряд ли весело, когда тебя заключают во что-то настолько чужеродное, не говоря уже о сражении зубами и когтями не на жизнь, а на смерть в грязной яме. Сомневаюсь, что в человеческом разуме остается сознание.

Видаура опустила взгляд на колени.

– Так ты себе говоришь?

– Нет, просто теория, – я пожал плечами. – Может, я и ошибаюсь. Может, сознание остается. Может, его остается предостаточно. Может, в самые ясные моменты они думают, что попали в ад. Меня устраивает и так, и так.

– И как ты это финансируешь? – прошептала она. Я отыскал где-то в себе зубастую улыбку и натянул ее.

– Ну, вопреки общему мнению, отчасти то, что случилось на Санкции IV, кончилось для меня неплохо. На отсутствие денег не жалуюсь.

Она подняла взгляд, лицо изменилось куда-то в сторону гнева.

– Ты *заработал* на Санкции IV?

– Вполне заслуженно, – сказал я тихо.

Ее лицо несколько разгладилось, когда она подавила гнев. Но голос все равно звенел.

– И этих денег хватит?

– На что?

– Ну, – она нахмурилась. – Чтобы закончить вендетту. Ты охотишься на священников из деревни, но…

– Нет, это было еще в прошлом году. Много времени это не заняло, их там было немного. На данный момент я охочусь на тех, кто состоял в Духовенстве Магистров, когда ее убили. Это уже надолго; их много, они в старших санах. С лучшей защитой.

– Но ты не планируешь останавливаться на них?

Я покачал головой.

– Я вообще не планирую останавливаться, Вирджиния. Они же не могут мне ее вернуть? Так зачем мне останавливаться?

Глава двадцать седьмая

Не знаю, что из этого Вирджиния передала остальным, когда мы вернулись в ускоренную виртуальность. Я оставался в картографическом конструкте, пока остальные удалились на уровень отеля, который я почему-то все время представлял наверху. Не знаю, что она им передала, мне было плевать. В основном я чувствовал облегчение, что посвятил в историю кого-то еще.

Что я не один.

Конечно, люди вроде Исы и Плекса знали обрывки, Радул Шегешвар – побольше. Но для всех остальных Новое откровение замяло то, что я делаю, с самого начала. Им не хотелось уронить лицо или напроситься на вмешательство сил неверных, вроде Первых Семей. Смерти списывали на несчастные случаи, неудачные ограбления монастырей. Тем временем, по словам Исы, от имени Духовенства на меня открыли частные контракты. У священников было боевое крыло, но они, очевидно, не очень в него верили, потому что посчитали уместным нанять горстку миллспортских тайных убийц. Однажды ночью в заштатном городишке на Шафрановом архипелаге я позволил одному подобраться поближе, чтобы испытать, что за калибр у их подмоги. Не впечатлился.

Я не знаю, что Вирджиния Видаура передала своим коллегам-серферам, но само появление священника на мысе Кем недвусмысленно говорило, что после налета на Утесы Рилы мы не можем залечь на Полосе. Если меня смогло отследить Новое откровение, то смогут и другие, более компетентные силы.

Обитель Пляжа Вчиры разоблачена.

Мари Адо озвучила, наверное, общее мнение.

– Ты все запорол, притащил в порт личное крабье говно. *Ты* и разруливай.

Так я и сделал.

Одно из самых прикладных умений чрезвычайных посланников – работать с подручными инструментами. Я оглядел ближайшее окружение, выделил то, на что мог повлиять, и тут же все понял. Личная херня наделала бед; личная херня и вытащит нас из болота, не говоря уже о решении моих личных проблем в качестве побочного эффекта. Ирония улыбнулась мне во весь рот.

Не все оценили юмор. Например, Адо.

– Довериться гребаным гайдукам? – за словами слышалась чистопородная миллспортская издевка. – Нет уж, спасибо.

Сиерра Трес приподняла бровь.

– Мы обращались к ним и раньше, Мари.

– Нет, это *ты* к ним обращалась. Я от этой погани держусь подальше. А кроме того, этого ты даже не знаешь.

– Я слышала о нем. Я имела дело с теми, кто имел дело с ним, и, судя по всему, он человек слова. Но я могу проверить. Говоришь, он тебе должен, Ковач?

– И весьма.

Она пожала плечами.

– Значит, этого будет достаточно.

– Да твою мать, Сиерра. Нельзя же…

– Шегешвар надежен, – перебил я. – Он серьезно относится к долгам, как своим, так и чужим. Нужны только деньги. Если у вас есть.

Кой бросил взгляд на Бразилию, тот кивнул.

– Да, – сказал он. – Достать легко.

– О, ну тогда, блин, с днем рождения, Ковач!

Вирджиния Видаура пришпилила Адо взглядом.

– Можешь просто заткнуться нахрен, Мари? Это не твои деньги. Твои надежно хранятся в миллспортском торговом банке, правильно?

– Это еще что…

– *Хватит*, – сказал Кой, и все заткнулись. Сиерра Трес пошла звонить из комнаты дальше по коридору, остальные вернулись в картографический конструкт. В разогнанной виртуальной среде Трес ушла на весь день – во внешнем мире это равнялось десяти минутам. В конструкте с помощью разницы во времени можно сделать три или четыре звонка одновременно, переключаясь с одного на другой с минутными задержками, которые превращаются в секундные паузы на другом конце линии. Когда Трес вернулась, она уже подняла достаточно информации на Шегешвара, чтобы подтвердить свое изначальное впечатление. Он был старомодным гайдуком – по крайней мере, в собственных глазах. Мы вернулись в номер отеля, и я набрал код тайного звонка на телефоне без визуалки.

Связь оказалась паршивой. Шегешвар отвечал из-за шума на заднем фоне – отчасти из-за сбоев соединения реальности/виртуальности, отчасти нет. Шум очень напоминал крики кого-то или чего-то.

– Я тут немного занят, Так. Не хочешь перезвонить?

– Как насчет того, чтобы я расплатился, Рад? Прямо сейчас, прямой перевод через безопасный клиринг. И еще такая же сумма сверху.

В виртуальности тишина тянулась минутами. На другом конце линии – может, колебание в три секунды.

– Это было бы очень интересно. Покажи деньги – и поговорим.

Я бросил взгляд на Бразилию, который поднял расставленные пальцы и покинул комнату без единого слова. Я быстро произвел вычисления.

– Проверь счет, – сказал я Шегешвару. – Деньги будут через десять секунд.

– Звонишь из конструкта?

– Проверяй свой оборот, Рад. Я подожду.

Дальше было проще.

* * *

В краткосрочной виртуальности не нужен сон, а большинство программ не отвлекаются на функции, которые его вызывают. В долгосрочном, конечно, это вредно для здоровья. Слишком долго задержишься в краткосрочном конструкте – и рано или поздно разум начнет угасать. Останешься на пару дней – и эффекты будут всего лишь… странными. Как одновременно уйти в запой с тетраметом и наркотиком для фокуса вроде Саммита или Синагрипа. Время от времени концентрация застревает, как барахлящий движок, но на этот случай есть свои приемы. Отправляешься на воображаемую прогулку по району, смазываешь мыслительные процессы чем-нибудь не относящимся к делу – и ты как новенький. Как и с Саммитом и Синагрипом, начинаешь получать маниакальное удовольствие от растущего фокального визга.

Мы проработали не меньше тридцати восьми часов, вылавливая ошибки в плане атаки, прогоняя альтернативные сценарии и переругиваясь. Время от времени один из нас издавал раздраженный вздох, падал навзничь в неглубокую воду картографического конструкта и греб на спине прочь от архипелага, навстречу горизонту. Если правильно выбрать угол побега и не врезаться в забытый островок и не поцарапаться спиной о риф, это лучший способ отойти и расслабиться. Дрейфуя под слабые голоса остальных в отдалении, можно было почувствовать, как сознание снова расслабляется, словно натруженный мускул.

В другое время похожего расслабления можно добиться, отключившись совсем и вернувшись на уровень отеля. Там в изобилии были еда и напитки, и, хотя они на самом деле не попадали в желудок, подпрограммы вкуса и алкогольного опьянения мы включить не забыли. В конструкте есть не надо

было точно так же, как не надо было спать, но сами поглощение еды и употребление напитков имели приятный успокаивающий эффект. Так что в какой-то момент после тридцати часов работы я сидел один за тарелкой с сасими из боттлбэка, закидываясь Шафрановым саке, когда передо мной возникла Вирджиния Видаура.

– Вот ты где, – сказала она со странной легкостью в голосе.

– Вот я где, – согласился я.

Она прочистила горло.

– Как голова?

– Остывает, – я поднял чашку саке. – Хочешь? Лучшее нигори Шафранового архипелага. Вроде бы.

– Перестань верить всему, что пишут на этикетках, Так.

Но бутылку она взяла, создала чашку прямо у себя в руке и налила.

– Кампай, – сказала она.

– Por nosotros.[4]

Мы выпили. Она опустилась в автоподстраивающееся кресло напротив.

– Хочешь, чтобы меня замучила ностальгия?

– Не знаю. А ты пытаешься смешаться с местными?

– Я не была на Адорасьоне уже больше ста пятидесяти лет, Так. Теперь здесь мой дом. Здесь мое место.

– Да уж, в местную политику ты точно встроилась.

– И пляжную жизнь, – она слегка откинулась и подняла одну ногу. Она была гладкой, мускулистой и загорелой от жизни на Вчире, и напыленный купальник демонстрировал ее во всей красе. Я почувствовал, как пульс слегка набирает скорость.

– Очень красиво, – признал я. – Ярош сказал, ты потратила на эту оболочку все что имела.

Она как будто осознала излишне сексуальный подтекст позы и опустила ногу. Взяла саке в обе руки и наклонилась над ним.

– Что еще он тебе рассказал?

– Ну, разговор был короткий. Я только пытался узнать, где ты.

– Ты искал меня.

– Да, – что-то остановило меня на этом простом признании. – Искал.

– И теперь, когда нашел, что?

Пульс сохранял ускоренное биение. Периферийный визг от задержки в виртуале вернулся. В голове каскадом полились образы. Вирджиния Видаура, с жестким взглядом, жестким телом, недоступный тренер Корпуса, стоит перед нами на введении – мечта о женской компетенции вне досягаемости для любого из

нас. Осколки насмешки в голосе и глазах, которые в отношениях менее четко определенных могли бы оттаять до чувственности. Мучительно стыдная попытка флирта со стороны Джимми де Сото в баре, которую прихлопнули с брутальным равнодушием. Умение поддерживать авторитет без всякого сексуального напряжения. Мои собственные яркие невоплощенные фантазии, которые медленно давил вес уважения, укоренившегося на том же костном уровне, что и интуиция чрезвычайных посланников.

А потом бой, окончательно развеянные остатки романтического флера, пережившие годы тренировки. Лицо Видауры в десятках разных оболочек на множестве планет, обостренное болью, или яростью, или просто глубокой сосредоточенностью на миссии. Запашок ее давно немытого тела в тесном шаттле на темной стороне луны Лойко, скользкая кровь на моих руках после кошмарной ночи в Зухидже, когда она чуть не умерла. Выражение ее лица, когда поступил приказ раздавить любое сопротивление в Неруде.

Я думал, эти переживания подняли нас выше секса. Они словно бы черпали из таких эмоциональных глубин, что перепихон по сравнению с ними казался чем-то мелким. Последний раз, когда я посещал Вчиру и видел, как к ней липнет Бразилия – одной ее адорасьонской родословной было достаточно, чтобы разжечь в нем желание, – я почувствовал легкое превосходство. Даже во время долгосрочных отношений с Ярославом в мерцающем режиме я всегда верил, что он не мог понять сердце женщины, бок о бок с которой я сражался в стольких уголках Протектората, сколько не каждому доведется увидеть.

Я напустил вопросительное выражение, которое казалось попыткой спрятаться.

– Думаешь, это хорошая мысль? – спросил я.

– Нет, – хрипловато ответила она. – А ты?

– Э-эм. Сказать по правде, Вирджиния, мне быстро становится наплевать, хорошая или нет. Но не я же из нас двоих привязан к Джеку Соулу Бразилии.

Она рассмеялась.

– Джека это не смутит. Это ведь даже не реальность, Так. И в любом случае, он не узнает.

Я оглядел номер.

– Он может выскочить в любую минуту. Как и любой из них, если на то пошло. Я не любитель эксгибиционизма.

– Я тоже, – она встала и протянула мне руку. – Идем со мной.

Она вывела меня из номера в коридор. В обоих направлениях бежали одинаковые двери над безликим серым ковром,

растворяясь в бледной дымке через несколько десятков метров. Мы пошли, рука об руку, прямо к границе коридора, почувствовав, как от нее пахнуло слабым холодом. Видаура открыла последнюю дверь слева. Мы проскользнули внутрь, уже хватая друг друга.

Напыленку стянуть легко. Через пять секунд после того, как закрылась дверь, она спустила мои серферские шорты до лодыжек и катала быстро растущий член между ладоней. Я с усилием оторвался, снял купальник с ее плеч и оголил до талии, прижал ладонь между ее ног. Ее дыхание натянулось, мышцы в животе напряглись. Я встал на колени и стянул костюм ниже, через бедра, пока она с легкостью не вышла из него. Тогда я слегка раздвинул губы ее щелки пальцами, легко провел по ним языком и встал, чтобы поцеловать ее в рот. Ее пробила еще одна дрожь. Она сосала мой язык и слегка закусила его, затем подняла обе руки к моей голове и отодвинула меня. Я снова провел пальцами по складкам щелки, обнаружил влагу и тепло и нежно нажал на клитор. Она содрогнулась и улыбнулась.

– И теперь, когда ты меня нашел, – повторила она, пока ее глаза теряли фокус, – что?

– Теперь, – ответил я, – я хочу узнать, правда ли мускулы в этих бедрах такие сильные, как кажется.

Ее глаза загорелись. Вернулась улыбка.

– Я тебя покалечу, – пообещала она. – Позвоночник сломаю.

– В смысле, попробуешь.

Она издала тихий голодный звук и закусила мою нижнюю губу. Я поддел руку под ее колено и поднял. Она схватилась за мои плечи и обняла второй ногой талию, затем опустила руку к члену и с силой прижала к складкам щелки. Пока мы говорили, она стала совсем мягкой и влажной. Свободной рукой я раздвинул ее пошире, и она опустилась на меня, выдыхая при проникновении и качаясь на мне взад и вперед. Бедра сомкнулись на талии с обещанной калечащей силой. Я развернулся, чтобы прижаться спиной к стене. Вернул себе какой-то контроль.

Ненадолго. Видаура крепче впилась в плечи и начала двигаться на моей эрекции, дыхание вырывалось от усилий короткими всхлипами – сильнее и быстрее с приближением оргазма. Не отставая, я чувствовал, как от напряжения член распаляется до самого основания. Я чувствовал, как ее влагалище трется о мой ствол. Я потерял всякий контроль, обеими руками схватил ее за задницу и тяжелее насадил на себя. Над моим лицом тут же открылись глаза, и она усмехнулась мне. Показался кончик языка и коснулся верхних зубов. Я засмеялся в ответ, натянуто и глухо. Теперь это была борьба – Видаура выгнула

живот вперед, бедра назад, выводила головку члена до устья щелки и дрожащих там нервных окончаний, а мои руки вбивали ее назад, чтобы оказаться в ней до упора.

Битва разрешилась лавиной чувств.

По нашей коже лился пот, скользкий под хватающими руками…

Жесткие улыбки и поцелуи, больше похожие на укусы…

Дыхание, неистово вырвавшееся из-под контроля…

Мое лицо, закопавшееся в ее набухающих грудях и скользкой от пота ложбине между ними…

Ее лицо, трущееся щекой о мой лоб…

Один мучительный момент, когда она отодвинулась от меня всей силой…

Вопль – то ли ее, то ли мой…

…и жидкий поток освобождения, и падение, подергиваясь, вдоль стены в кучу конечностей и содрогающихся тел.

Все.

Прошло несколько минут, я приподнялся на бок, и мой вялый член, скользнув, выпал из нее. Она двинула ногой и слабо застонала. Я попытался передвинуть нас обоих в более сносную позу. Она открыла один глаз и улыбнулась.

– Итак, солдат. Давно об этом мечтал, да?

Я слабо усмехнулся в ответ.

– Всего лишь вечность. А ты?

– Пару раз эта мысль приходила мне в голову, да, – она оттолкнулась от стены пятками и привстала, опираясь на локти. Ее взгляд скользнул по собственному телу, затем по моему. – Но я не трахаюсь с новобранцами. Господи, только посмотри, что мы натворили.

Я потянулся рукой к ее животу в размазанном поту, провел пальцем до начала щелки. Она вздрогнула, и я улыбнулся.

– Значит, душ? Она скривилась.

– Да уж, стоит.

В душе мы снова начали трахаться, но уже без той одинаковой маниакальной силы, что заряжала нас в первый раз, так что мы не могли продолжать стоя. Я перенес ее в спальню и положил, всю мокрую, на кровать. Встал на колено у ее головы, мягко повернул и подвел рот к моему члену. Она сосала – сперва легко, затем с набирающейся силой. Я лег вдоль худого мускулистого тела, сам повернул голову и раздвинул ее ноги. Затем подхватил рукой бедра, подтянул щелку к лицу и принялся работать языком. И снова пришел голод, словно ярость. Живот, казалось, был набит искрящимися проводами. На другой стороне кровати она издала приглушенный звук, перекатилась и заползла

на меня, опираясь на локти и расставленные колени. Ее ноги надавили на меня, рот работал над головкой члена, а рука ходила по стволу.

Это тянулось долгую, медленную, безумную вечность. Без помощи химии мы знали друг друга недостаточно хорошо для по-настоящему синхронного оргазма, но упущенное наверстала подготовка посланников или, может, что-то еще. Когда я наконец кончил ей в глотку, меня выгнуло к ее телу, стоящему на четвереньках, и в чистом рефлексе я крепко обнял ее ноги. Подтащил ближе к себе, неистово работая языком, так что она выплюнула меня, все еще содрогающегося и текущего, и закричала от собственного оргазма, и рухнула на меня, сотрясаясь.

Но уже скоро скатилась, села, скрестив ноги, и серьезно посмотрела на меня, словно я был задачкой, которую она не могла решить.

– Пожалуй, на сегодня хватит, – сказала она. – Пора возвращаться.

* * *

А позже я стоял на пляже с Сиеррой Трес и Джеком Соулом Бразилией, глядя, как последние лучи заката выбивают яркую медь с края поднимающейся Мариканон, сомневаясь, не совершил ли я где-то ошибку. Голову затуманило, и я не мог разобраться. Мы вошли в виртуальность с закрытыми блоками физической отдачи, так что, несмотря на всю сексуальную разрядку с Вирджинией Видаурой, мое реальное тело переполняли неразряженные гормоны. По крайней мере в одном, казалось, ничего не произошло.

Я исподтишка бросил взгляд на Бразилию и снова засомневался. Бразилия, который никак внешне не отреагировал, когда мы с Видаурой вернулись в картографический конструкт через пару минут, хотя и с разных сторон архипелага. Бразилия, который работал все с тем же спокойным, добродушным и элегантным усердием, пока мы не прокачали и налет, и отступление. Который небрежно положил руку на копчик Видауры и слабо улыбнулся мне сразу перед тем, как оба исчезли из виртуальности с координацией, которая говорила лучше всяких слов.

– Ты ведь вернешь все свои деньги, ты же знаешь? – сказал я ему. Бразилия нетерпеливо поморщился.

– Знаю, Так. Меня волнуют вовсе не деньги. Если бы ты

попросил, мы бы покрыли твой долг Шегешвару единовременным платежом. Мы до сих пор так можем – если хочешь, считай это наградой за то, о чем ты нам сообщил.

– Это необязательно, – ответил я скованно. – Я это считаю займом. И расплачусь, как только все уляжется.

Сдавленное фырканье Сиерры Трес. Я обернулся к ней.

– Тебя что-то смешит?

– Ага. Мысль, что все скоро уляжется.

Мы наблюдали, как на море перед нами наползает ночь. В темном конце горизонта навстречу Мариканон с запада карабкалась Дайкоку. Дальше по пляжу команда Бразилии собирала костер. Вокруг растущей кучи плавника трещал смех, скакали темные силуэты. Вопреки всем дурным предчувствиям, что были у меня и Трес, вечер, мягкий и прохладный, как песок под ногами, пропитывался глубоким покоем. После маниакальных часов в виртуальности казалось, что до завтрашнего дня больше ничего не нужно делать или говорить. А сейчас завтрашний день все еще катился по другой стороне планеты, как волна из пучин с растущей силой. Я подумал, что будь я Коем, то почувствовал бы, как история задерживает дыхание.

– Значит, сегодня пораньше никто не ляжет, – сказал я, кивая на растущий костер.

– Через пару дней нас всех может ждать настоящая смерть, – ответила Трес. – Тогда и выспимся.

Вдруг она резко стянула футболку через голову скрещенными руками. Груди поднялись и упали по очереди. Этого мне еще не хватало. Она бросила футболку на песок и двинулась по пляжу.

– Я купаться, – окликнула она нас. – Кто со мной? Я бросил взгляд на Бразилию. Тот пожал плечами и пошел за ней.

Я смотрел, как они дошли до воды и окунулись, затем погребли на глубину. Через десяток метров Бразилия снова нырнул, почти немедленно выскочил из воды и что-то крикнул Трес. Она миг скользила по воде без рук и слушала его, затем погрузилась. Бразилия нырнул за ней. На этот раз они скрылись из виду почти на минуту, затем оба всплыли, фыркая и отплевываясь, почти в сотне метров от пляжа. Как наблюдать за дельфинами у рифа Хираты, подумал я.

Я повернул направо и направился к костру. Мне кивали; кто-то даже улыбнулся. Среди незнакомых мне людей, сидящих на песке, Дэниэл – кто бы мог подумать – поднял взгляд и предложил мне фляжку с чем-то. Казалось неприличным отказываться. Я опрокинул фляжку и закашлялся от водки – такой крепкой, что почти наверняка домашней.

– Мощно, – просипел я и вернул.

– Да, в этом конце Полосы ничего с ней не сравнится, – он туманно повел рукой. – Присядь, выпей еще. Это Андреа, моя лучшая подруга. Это Хиро. Эй, следи за ним – он старше, чем кажется. Пробыл на Вчире дольше, чем я жив. А это Магда. Та еще стерва, но если узнаешь ее поближе, терпимая.

Магда добродушно отвесила ему подзатыльник и отобрала фляжку. За неимением других дел я сел на песок к ним. Андреа наклонилась ко мне и захотела пожать руку.

– Просто хотела поблагодарить, – промурлыкала она на американглийском с миллспортским акцентом, – за то, что ты для нас сделал. Без тебя мы бы даже не знали, что она еще жива.

Дэниэл кивнул – водка придала движению преувеличенную торжественность.

– Точно, Ковач-сан. Когда ты пришел, я вел себя непочтительно. Дело в том – и я сейчас говорю откровенно, – я думал, что ты заливаешь. Чего-то своего добиваешься, понимаешь. Но сейчас, с Коем на борту… Блин, мы в деле. Мы всю планету вверх дном перехерачим.

Все согласно забормотали, малость разгоряченно, на мой вкус.

– Отчуждение покажется портовой дракой, – сказал Хиро.

Я снова взял фляжку и выпил. Во второй раз она не так драла горло. Может, вкусовые рецепторы были ошарашены.

– Какая она? – спросила Андреа.

– Эм-м, – в памяти мелькнул образ женщины, считавшей себя Надей Макитой. Лицо, искаженное в судорогах оргазма. В моей системе при одной мысли об этом забурлил коктейль гормонов. – Она… Другая. Трудно объяснить.

Андреа кивнула со счастливой улыбкой.

– Как тебе повезло. В смысле, что ты ее встретил. Разговаривал с ней.

– У тебя еще будет шанс, – проговорил Дэниэл заплетающимся языком. – Как только мы ее отобьем у этих сволочей.

Веселые крики. Кто-то разжигал костер.

Хиро мрачно кивнул.

– Ага. Время расплаты для харланцев. Для всей мрази Первой Семьи. Настоящая смерть уже идет.

– Как же будет *круто*, – сказала Андреа, пока мы наблюдали, как занимается пламя, – снова быть с тем, кто знает, что *делать*.

Часть четвертая
Больше ничто не важно

Одно нужно понять сразу:
Революция требует Жертв.

Шандор Спавента «Задачи
для авангарда куэллистов»

Глава двадцать восьмая

К северо-востоку от Кошута, за изгибом планеты, в океане Нуримоно лежит, словно разбитая тарелка, Миллспортский архипелаг. Когда-то, многие эпохи назад, это была огромная вулканическая система; она раскинулась на сотни километров, и ее останки до сих пор видны в необычно изогнутых внешних краях островов. Огонь, распалявший извержения, давно затух, но оставил высокий изломанный горный пейзаж, пики которого спокойно пережили повышение уровня моря. В отличие от других островных дуг на Харлане протечки вулканов оставили плодородную почву, так что бóльшая часть суши обильно покрыта наземной растительностью планеты, окруженной со всех сторон горами. Позже прибыли марсиане и привнесли собственную колониальную растительную жизнь. Еще позже пришли люди и сделали то же самое.

В сердце архипелага, в величии вечного бетона и расплавленного стекла раскинулся Миллспорт. Это взрыв городского проектирования – каждый свободный утес и склон засажен шпилями, воду захватывают широкие платформы и многокилометровые мосты. За последние четыре сотни лет то города на Кошуте, то на Новом Хоккайдо разрастались до значительных размеров, копили богатства, но ничто на планете не может сравниться с этой метрополией. Она – дом свыше двадцати миллионов человек, допуск к единственным коммерческим окнам для космических перелетов, которые позволяет орбитальная сеть, средоточие власти, корпораций и культуры, – где бы ты ни остановился на Харлане, так и чувствуешь, как Миллспорт затягивает тебя, словно водоворот.

– Ненавижу эту дыру, – сказала мне Мари Адо, пока мы бродили по процветающим улицам Тадаймако в поисках кофейни под названием «У Макиты». Как и Бразилия, на время налета она отказалась от своего комплекса позвоночной лихорадки, так что стала раздражительной из-за перемены. – Гребаная тирания метрополии. Ни у одного города не должно быть столько влияния.

Стандартная речь – прямиком из руководства куэллистов. Они твердили о Миллспорте одно и то же на протяжении многих столетий. И, конечно, они правы, но поразительно, как из-за постоянного пережевывания хочется спорить даже с самой очевидной истиной.

– Ты же здесь выросла, да?

– И что? – она метнула в меня тяжелый взгляд. – Значит, мне

тут сразу должно нравиться?

– Да нет, наверное.

Дальше мы шли молча. Вокруг чопорно гудел Тадаймако, более деловой и светский, чем я помнил по временам тридцать с чем-то лет назад. Старый портовый квартал, некогда неблагополучная и слегка опасная площадка для игр аристов и молодняка корпораций, дала новый глянцевый урожай аутлетов и кафе. Многие бары и притоны, которые я помнил, умерли сравнительно легкой смертью; другие превратились в мучительно имажинистское эхо самих себя. Каждый фасад на улице блестел на солнце свежей краской и антибактериальным покрытием, дорога под ногами была безупречно чистой. Даже запах моря, что находилось в паре улиц от нас, казался стерилизованным – ни гниющих водорослей, ни сброшенных химикатов, а сама гавань полна яхт.

Чтобы не отставать от принятой эстетики, «У Макиты» сияла чистотой, но старалась изо всех сил прикинуться злачным заведением. Искусно загрязненные окна почти не пропускали солнце; внутри стены были украшены копиями фотографий времен Отчуждения и куэллистскими эпиграммами в изящных рамочках. В одном углу была неизбежная иконическая голограмма самой героини – та, что со шрамом от шрапнели на подбородке. Музыкальная система проигрывала Диззи Чанго. «Миллспортские сейшны», «Сон водорослей».

В дальней кабинке сидела Иса и крутила высокий стакан, в котором что-то еще плескалось. Сегодня ее волосы были дико алого цвета и длиннее, чем раньше. Она выкрасила лицо серыми квадратами, из-за чего стала похожей на арлекина, а ее глаза были подернуты каким-то сияющим блеском гемоглобинового голода, от которого венки в белках светились так, словно сейчас взорвутся. На шее инфокрысы всем на обозрение были выставлены разъемы, один подключен к деке, которую она принесла с собой. Инфополе над ней поддерживало видимость, что она студентка, которая готовится к экзаменам. А заодно, если судить по нашей последней встрече, излучало небольшое поле помех, чтобы разговор за столиком невозможно было подслушать.

– Где вас носит? – спросила она.

Садясь, я улыбнулся.

– Опаздывать модно, Иса. Это Мари. Мари – Иса. Так как у нас дела?

Иса неприлично долго изучала Мари, потом повернула голову и отсоединилась с элегантным тренированным жестом, продемонстрировав затылок.

– Дела хорошо. А главное – тихо. Ничего нового в сети

миллспортского полицейского департамента, ничего от частных охранных компаний, которыми любят пользоваться Первые Семьи. Они не знают, что вы здесь.

Я кивнул. Хотя новости радовали, в них не было ничего удивительного. Мы все скоординированно прибыли в Миллспорт в начале недели, но в разные дни, разбившись на шесть групп. Фальшивые ксивы по стандартам качества Голубых Жучков, разные транспортные средства от дешевых скоростных судов до люксового лайнера «Шафрановых линий». В Миллспорт на празднование Дня Харлана со всей планеты стекались толпы людей, и, чтобы нас раскрыли, нужна была или серьезная неудача, или серьезная промашка при организации.

Но слышать это все равно было приятно.

– Как насчет охраны Утесов?

Иса покачала головой.

– Утесы тише, чем оргазм жены священника. Если бы они знали, что вы запланировали, уже внедрили бы целый новый протокольный слой, но ничего нет.

– Или ты не заметила, – сказала Мари.

Иса смерила ее очередным холодным взглядом.

– Дорогая моя, ты хоть *что-нибудь* знаешь об инфо-потоке?

– Я знаю, с какими уровнями шифрования мы имеем дело.

– Да, и я тоже. Как думаешь, как я плачу за учебу? Мари Адо изучила свои ногти.

– Видимо, с помощью мелких преступлений.

– Очаровательно, – Иса перевела взгляд в моем направлении. – Где ты ее *достал*, Так? У Мадам Ми?

– Веди себя нормально, Иса.

Она с шумом, страдальчески и по-подростковому выдохнула.

– Ну хорошо, Так. Только ради тебя. Только ради тебя я не вырву волосы этой наглой суке. И Мари, к твоему сведению, я работаю в ночную смену по высокой ставке под псевдидентом в качестве автора-фрилансера охранного софта, а работаю в таком количестве корпораций, сколько ты минетов делала в подворотнях.

Она подождала в напряжении. Адо посмотрела на нее блестящими глазами, потом улыбнулась и слегка придвинулась. Ее голос был не громче шепота коррозии.

– Слушай сюда, мелкая тупая девственница: если думаешь, что спровоцируешь меня на драку, ты жестоко ошибаешься. И для тебя это к лучшему. Потому что в том маловероятном случае, когда ты сумеешь меня довести, ты даже не успеешь понять, что случилось. А теперь давай будем говорить по делу, а потом можешь возвращаться к своим играм в инфопреступления с

однокурсниками и притворяться, будто что-то понимаешь в этом мире.

– Ах ты драная шлю…

– Иса! – я добавил в голос резкости и поднял перед ней руку, когда она стала подниматься. – Достаточно. Она права, она может убить тебя голыми руками и глазом не моргнуть. А теперь веди себя нормально, а то не получишь денег.

Иса бросила на меня взгляд, как на предателя, и села. Из-за раскраски под арлекина было трудно понять, но мне показалось, что она дико покраснела. Может, задела за живое подколка про девственность. Мари Адо хватило благородства не сидеть с довольным видом.

– Я не обязана тебе помогать, – слабо ответила Иса. – Я могла продать тебя неделю назад, Так. И заработала бы больше, чем ты мне сейчас предлагаешь за эту херню. Не забывай.

– Не забудем, – заверил я с предупреждающим взглядом на Адо. – А теперь, не считая того, что никто о нас не знает, что еще ты нашла?

* * *

То, что нашла и загрузила на матово-черные инфочипы невинного вида Иса, было хребтом операции. Схемы охранных систем Утесов Рилы, включая измененные процедуры на День Харлана. Последние карты динамических прогнозов течений у Предела на следующую неделю. Уличные патрули миллспортского ПД и протоколы для водного транспорта на время праздника. А самое главное – она сама и ее необычная теневая личность на окраине элиты инфопреступников Миллспорта. Она согласилась помочь, и теперь стала фактически соучастницей, что, как я подозревал, было главной причиной ее нервозности и потери самообладания. Организация атаки на семейную собственность Харланов точно дает больше поводов для стресса, чем ее стандартные вылазки в нелегальную торговлю информацией. Если бы я не взял ее более-менее на слабо, сомневаюсь, что она бы стала иметь с нами дело.

Но какой пятнадцатилетка промолчит, когда его берут на слабо?

Явно не я в ее возрасте.

Если бы я был другим, может, не оказался бы в том переулке с дилером и его острогой. Может…

Ну да. Разве у кого-то бывает второй шанс? Рано или поздно все мы увязаем по уши. А потом остается просто не уйти по

макушку в болото.

То, как держалась Иса, заслуживало аплодисментов. Несмотря на все свои предчувствия, когда мы заканчивали встречу, она взяла себя в руки и снова говорила с лаконичной миллспортской манерностью.

– Ты нашла Нацуме? – спросил я.

– Да, между прочим нашла. Но не уверена, что тебе захочется с ним говорить.

– Почему?

Она улыбнулась.

– Потому что он обрел религию, Ковач. Живет в монастыре, на Девятой на Китовьей Спине.

– Китовья? Это Отреченцы?

– А то, – она изобразила абсурдно торжественную набожную позу, которая не гармонировала с ее волосами и лицом. – Братство Пробужденных и Прозревших. Впредь отрекитесь от плоти и от мира.

Я почувствовал, как дернулись мои губы. Мари Адо рядом сидела мрачная, словно рипвинг.

– К этим ребятам у меня претензий нет, Иса. Они безобидные. На мой взгляд, если они такие дураки, чтобы отказаться от женского общества, – им же хуже. Но я удивлен, что такой человек, как Нацуме, мог на это повестись.

– А, но тебя давно не было. Теперь они принимают и женщин.

– Правда?

– Да, довольно давно, уже почти десять лет. Я слышала, что они обнаружили в своих рядах скрывавших личность женщин. Те провели у них много лет. Неудивительно, да? Любой в новой оболочке может соврать про пол, – голос Исы стал уверенней, когда она оказалась на знакомой территории. – Ни у кого, кроме правительства, нет денег на такие масштабные инфопроверки. Если долго прожить в мужской оболочке, даже психохирургия не сразу отличит. Так или иначе, Братство встало перед выбором: или пойти по дорожке Откровения «раз сменишь оболочку – на выход», или осовремениться и отказаться от сегрегации. И вот падите ниц – внезапно грядут перемены.

– Не ошибусь, если предположу, что название они все равно не сменили?

– Не ошибешься. Все то же Братство. Видимо, «брат» включает и «сестру», – она по-подростковому пожала плечами. – Не знаю, что об этом думают сами сестры, но что поделать, считай это взносом за вход.

– Кстати говоря, – сказала Мари Адо. – Мы сможем войти?

– Да, они принимают посетителей. Может, вам придется

подождать Нацуме, но это нестрашно. Вот самое замечательное в Отречении от плоти, – Иса снова улыбнулась. – Можно не переживать насчет такой ерунды, как Время и Пространство.

– Молодец, Исси.

Она послала мне воздушный поцелуй.

Но когда мы собрались уходить, она слегка нахмурилась и, видимо, на что-то решилась. Подняла руку и сложила пальцы, чтобы мы придвинулись обратно.

– Слушайте, ребята. Я не знаю, что именно вам нужно в Риле, и, сказать по правде, знать мне не хочется. Но вот бесплатная информация. В этом году старик Харлан не выйдет из капсулы.

– Нет? – для его дня рождения это было необычно.

– Вот именно. Полусекретная придворная сплетня, услышала вчера. Они лишились еще одного наследника в Песках Амами. Судя по всему, того закололи скирдовальными вилами. Это непубличная информация, но МПД в последнее время халтурит с шифрованием. Я прочесывала сеть в поисках информации по Харланам, и вот. Наткнулась в потоке. В общем, из-за этого случая и того, на прошлой неделе, когда старик Сейти поджарился на скиммере, рисковать они не собираются. Уже отменили появление половины семьи, и похоже, даже Мици Харлан достанется двойной наряд охраны из тайной службы. А старика Харлана не будет вообще. Это точно. Наверное, дадут ему посмотреть на праздник через виртуальное подключение.

Я медленно кивнул.

– Спасибо. Полезная информация.

– Да, жаль, если это испортит вам какую-нибудь зрелищную попытку убийства. Ты не спрашивал, так что я и не собиралась говорить, но будет обидно, если вы туда все-таки прорветесь, а убивать некого.

Адо ответила тонкой улыбкой.

– Мы здесь не для этого, – быстро сказал я. – Но все равно спасибо. Слушай, Иса, а ты не помнишь, пару недель назад еще какая-то мелкая сошка из Харланов погибла в районе верфи?

– Ага. Марек Харлан-Цукия. Упоролся метом, свалился с пирса в Карловых доках, ударился головой и утонул. Душераздирающе.

Адо нетерпеливо повела плечом. Я поднял руку, чтобы ее задержать.

– Как думаешь, есть шанс, что парнишке Мареку помогли?

Иса состроила гримасу.

– Наверно, есть. Карловы по ночам – не самое безопасное место. Но его уже наверняка переоблачили, об убийстве ничего не говорят. Впрочем…

– …с чего им посвящать в это дело широкую общественность. Понятно, – я чувствовал, как подает сигналы интуиция чрезвычайного посланника, но они были слишком слабые, чтобы что-то разобрать. – Ладно, Иса. Спасибо за новости. Нас это никак не затрагивает, но все равно держи ушки на макушке, а?

– Как всегда, сам.

Мы заплатили по счету и оставили ее там – с красными глазами, лицом арлекина и переливающимся светлым инфополем у локтя, словно каким-то домашним демоном-фамильяром. Когда я оглянулся, она помахала, и я почувствовал укол приязни, которая держалась до выхода на улицу.

– Тупая сучка, – сказала Мари Адо, пока мы шли к морю. – Ненавижу этот закос под низший класс.

Я пожал плечами.

– Ну, протест принимает разные формы.

– Ага, вот только раньше таких не было.

На килевом пароме мы пересекли Предел к пригороду на платформе, который назывался Восточный Акан – видимо, в надежде, что те, кто не мог позволить себе поселиться на склонах настоящего Акана, смирятся и с этим. Адо ушла искать, где наливают чай; я стоял у леера, глядя на водный трафик и сменяющиеся за бортом виды. В Миллспорте есть волшебство, которое легко забывается вдали от него, но выйди подальше на Предел – и весь город словно раскрывается. Ветер в лицо и морской запах белаводорослей соскребают с настроения городской налет мрачности, и вместо нее обнаруживаешь широкий оптимизм морехода, который иногда держится еще многие часы после того, как сходишь на сушу.

Стараясь не пустить его в свою голову, я прищурился, вглядываясь в горизонт. Там, в пелене морской дымки от водоворота, на отшибе, мрачнели Утесы Рилы. Не самый южный конец архипелага, но почти: двадцать километров открытой воды на север до ближайшего населенного пункта – конца Новой Канагавы – и по меньшей мере десять до ближайшего рифа, на котором можно хотя бы твердо встать. Многие из Первых Семей с самого начала заняли высоты Миллспорта, но Харлан превзошел их всех. Рила, великолепная в блеске черного вулканического камня, была твердыней во всем, кроме разве что названия. Элегантное и могучее напоминание всему городу, кто здесь на самом деле хозяин. Крепость под стать тем, что строили наши марсианские предшественники.

Мы пристали в Восточном Акане с мягким стуком, который словно разбудил пассажиров. Я снова нашел Мари Адо, у трапа на высадку, и мы отправились по прямоугольной сетке улиц

одновременно и быстро, и осторожно, проверяя, что за нами нет хвоста. Спустя десять минут Вирджиния Видаура впустила нас в еще не обставленный жилой лофт, который Бразилия выбрал для нашей базы. Ее глаза скользнули по нам, как клинический мазок.

– Все нормально?

– Да. Мари не нашла новых друзей, но что тут поделать?

Адо хмыкнула, оттолкнула меня и скрылась внутри склада. Видаура заперла дверь, пока я рассказывал о Нацуме.

– Джек не обрадуется, – сказала она.

– Да, я тоже такого не ожидал. Вот тебе и легенда, а? Не хочешь со мной на Китовью? – я по-идиотски поднял брови. – В виртуальную среду.

– Это вряд ли хорошая идея.

Я вздохнул.

– Да, вряд ли.

Глава двадцать девятая

Монастырь на Девятой на Китовьей Спине был мрачным и безликим местом. Островок Китовья Спина, наряду с десятком похожих клочков земли и обустроенных рифов, служил поселением для рабочих порта и судостроителей Новой Канагавы. Плотины и подвесные дороги вели коротким путем через воду до самой Канагавы, но ограниченное пространство на островах означало для дешевой рабсилы скученное жилье в виде бараков. Отреченцы просто приобрели стометровое здание и забили все окна.

– Для безопасности, – пояснил монах, который впустил нас. – У нас маленькая охрана, но много ценного оборудования. Вам придется сдать оружие, прежде чем войти.

Под простым серым комбинезоном – формой ордена – перед нами стояла базовая бюджетная синтоболочка «Фабрикона», предположительно со встроенным оборудованием для сканирования. Голос звучал как громкое, но плохое соединение по телефону, а на лице из силиконлоти было пустое выражение, которое могло и не передавать его отношение к нам: на дешевых моделях маленькие мышечные группы никогда не отличались качеством. С другой стороны, даже у дешевых синтов обычно есть машинные уровни рефлексов и силы; в такой оболочке наверняка можно прожечь бластером дыру, но только разве что разозлить ее обладателя.

– Справедливо, – ответил я.

Я вытащил «Джи Эс Рапсодию» и подал рукояткой вперед. Сиерра Трес рядом сделала то же самое с короткоствольным бластером. Бразилия дружелюбно развел руки, и синт кивнул.

– Хорошо. Верну, когда будете уходить.

Он провел нас по мрачному холлу из вечного бетона, где обязательная статуя Конрада Харлана была бесцеремонно упакована в целлофан, затем в помещение на первом этаже, которое раньше наверняка было квартирой. Перед столом и тяжелой стальной дверью за ним стояли два ряда неудобных на вид стульев, таких же базовых, как и оболочка служителя. За столом нас ждала женщина. Как и ее коллега, она была в синт-оболочке и сером комбинезоне, но ее лицо казалось чуть более оживленным. Может, сильнее старалась в благодарность за новое решение о допуске обоих полов.

– Кто из вас просил аудиенции? – спросила она так любезно, насколько позволяли ограничения голоса «Фабрикона».

Джек Соул Бразилия и я подняли руки; Сиерра Трес

подчеркнуто отошла в сторонку. Женщина-служительница жестом пригласила нас следовать за ней и ввела код для стальной двери. Та открылась со старинным металлическим лязгом, и мы вошли в залу с серыми стенами, продавленными диванами и виртуальной системой перехода, которая, судя по виду, до сих пор работала на кремнии.

– Прошу, устраивайтесь на диванах поудобнее, закрепите электроды и гипнофоны согласно инструкционной голограмме справа от вас.

«Устраивайтесь поудобнее» прозвучало амбициозно – диваны без автоподстроя как будто и не предназначались для удобства. Я все еще пытался усесться, когда служительница подошла к пульту контроля перехода и включила его. В гипнофонах замурчал сонокод.

– Пожалуйста, поверните голову направо и следите за голоформой, пока не потеряете сознание.

Переход оказался на удивление куда более плавным, чем я ожидал по окружению. В сердце голосферы образовалась колеблющаяся цифра восемь и начала проходить через цветовой спектр. Контрапунктом звучал сонокод. Через пару секунд световое представление заполнило все мое зрение, а звук в ушах стал шумом воды. Я почувствовал, как покачнулся навстречу колеблющейся цифре, затем провалился в нее. На моем лице замерцали полосы света, затем остановились на белом цвете и реве потока в ушах. Пол ушел из-под ног, появилось ощущение, что весь мир повернулся на 180 градусов, и вдруг я оказался стоя на захоженной каменной платформе за водопадом. Остатки колеблющегося спектра на миг задержались преломленным светом в слабой дымке, затем угасли, как последняя нота. Вдруг у моих ног появились лужицы, а на лице – холодный сырой воздух.

Когда я обернулся в поисках выхода, воздух рядом зарябил и сгустился в световой набросок человека, который стал Джеком Соулом Бразилией. Когда он материализовался, громкость водопада подскочила, потом успокоилась. По воздуху снова пробежал колеблющийся спектр, снова ушел. Замерцали и вернулись лужицы. Бразилия проморгался и огляделся.

– Я думаю, нам сюда, – сказал я, показывая на невысокие каменные ступени сбоку от водопада.

Мы обошли по ступеням каменный выступ и оказались на ярком солнечном свете над водопадом. Ступени перешли в мощеную тропинку по замшелому склону холма, и в этот же миг я увидел монастырь.

Он рос над мягкими спинами холмов, позади которых высились острые горные пики, отдаленно напоминающие о

Шафрановом архипелаге. Семь этажей и пять башен из резной обработанной древесины и гранита, сделано под классическую пагоду. Тропа от водопада пересекала склон и оканчивалась у широких ворот из зеркального дерева, сиявших на солнце. От монастыря лучились в беспорядке другие тропинки, уводившие за холмы, на которых бродили один-два человека.

– Ну, сразу видно, почему они ушли в виртуал, – сказал я, в основном для себя. – Всяко лучше Китовьей Спины.

Бразилия хмыкнул. Он был таким же неразговорчивым всю дорогу из Акана. Казалось, он все еще не оправился от шока, узнав, что Николай Нацуме отрекся от мира и плоти.

Мы поднялись по холму и обнаружили, что ворота приоткрыты достаточно, чтобы можно было войти. Внутри холл с полированными полами из земной древесины и потолками с балками; он вел в центральный сад и, похоже, вишневым деревьям в цвету. Стены по обе стороны были завешаны затейливыми цветными гобеленами, и, когда мы дошли до середины зала, фигура с одного из них расплелась клубком ниток, сперва повисших в воздухе и подплывших к нам, а потом превратившихся в мужчину. Он был одет в тот же комбинезон монахов, что мы видели у Отрекшихся в реальном мире, но его тело не было синтетическим.

– Я могу вам помочь? – вежливо поинтересовался он. Бразилия кивнул.

– Мы ищем Ника Нацуме. Я его старый друг.

– Нацуме, – монах на миг склонил голову, затем снова поднял. – Сейчас он работает в саду. Я сообщил ему о вашем прибытии. Полагаю, он скоро будет здесь.

Последнее слово еще не успело сорваться с его губ, как в дальнем конце холла показался худой человек среднего возраста с седым хвостом. Насколько я понимал, это была его естественная внешность, но если только сад не скрывался прямо за углом, скорость его появления говорила о том, что волшебство машинных систем все еще в действии. А на его комбинезоне не было ни следа воды или земли.

– Ник? – Бразилия двинулся навстречу. – Это ты?

– Да, определенно, я бы сказал, что это так, – Нацуме скользил по деревянному полу. Вблизи в нем было что-то, болезненно напоминающее мне Лазло. Хвост и поджарая уверенность, читавшаяся в осанке; намек в лице на ту же маниакальную обаятельность. *Парочка разрядов для байпаса и семь метров ползком по полированному стальному дымоходу.* Но если в глазах Лазло всегда можно было разглядеть туго натянутый поводок, на котором он себя держал, Нацуме словно забыл

внутренние перепады, утишил их до мира и покоя. Его взгляд был пронзительным и серьезным, но ничего не требовавшим от мира. – Сейчас я предпочитаю называть себя Норикае.

Он обменялся с монахом короткими почтительными жестами, после чего тот быстро взлетел с пола, распался на массу цветных нитей и снова вплелся в гобелен. Нацуме проследил за ним взглядом, затем оглянулся и изучил нас.

– Боюсь, я не узнаю вас в этих телах.

– Меня ты не знаешь вовсе, – успокоил я.

– Ник, это я. Джек. Из Вчиры.

Нацуме посмотрел на свои руки, потом снова на Бразилию.

– Джек Соул Бразилия?

– Да. Ты что здесь *делаешь*, чувак?

Краткая улыбка.

– Учусь.

– И что, у тебя здесь есть океан? Прибой, как на рифе Четырех пальцев? Утесы, как в Пашкани? Брось, чувак.

– Вообще-то сейчас я учусь выращивать филигранные маки. Удивительно трудно. Возможно, вам будет интересно взглянуть на плоды моих усилий?

Бразилия неловко попереминался с ноги на ногу.

– Слушай, Ник, не уверен, что у нас есть время…

– О, время здесь… – снова улыбка, – гибкое. Я найду для вас время. Прошу сюда.

Мы покинули холл и обошли слева двор с вишнями в цвету, затем под аркой и по патио с галькой. В углу медитировали на коленях два монаха, которые не подняли глаз. Было невозможно понять, кто эти обитатели монастыря – люди или функции конструкта, как привратник. По крайней мере Нацуме на них внимания не обратил. Мы с Бразилией переглянулись, на лице серфера была написана тревога. Я мог читать его мысли, словно на распечатке. Это не тот человек, которого он знал, и он больше не уверен, можно ли ему доверять.

Наконец Нацуме провел нас через сводчатый туннель в другой клуатр и по короткой лестнице из земной древесины – в неглубокую яму с болотными травами и водорослями, которые окаймляла круговая каменная дорожка. Там, торча поплавками на переплетенных лесах серой корневой системы, свои переливчатые лиловые и зеленые лепестки возносили к виртуальному небу с десяток филигранных маков. Самый высокий едва доходил до пятидесяти сантиметров. Может, с флористической точки зрения это и было впечатляюще; откуда мне знать. Но это точно не казалось великим достижением для человека, который однажды отбился от взрослого боттлбэка без всякого оружия, не считая

собственных кулаков, ног и химического сигнального патрона. Для человека, который однажды покорил Утесы Рилы без антиграва или веревок.

– Очень красиво, – сказал Бразилия. Я кивнул.

– Да. Ты, наверно, очень ими доволен.

– Не слишком, – Нацуме обошел своих подопечных с драными лепестками, бросая на них критические взоры. – В конце концов, я допустил самую очевидную ошибку, которую, оказывается, совершает большинство начинающих практиков.

Он с ожиданием посмотрел на нас.

Я бросил взгляд на Бразилию, но там помощи не дождался.

– Маловаты? – спросил я наконец. Нацуме покачал головой и хохотнул.

– Нет, на самом деле для такой влажной почвы это неплохой рост. И – мне очень жаль – я вижу, что совершил очередной промах, типичный для садовода. Предположил, что объект моей личной одержимости обладает тем же очарованием для всех.

Он пожал плечами и снова присоединился к нам на ступеньках, сел на них. Показал на растения.

– Слишком яркие. Идеальный филигранный мак – матовый. Он не должен так блестеть, это пошло. По крайней мере так мне сказал аббат.

– Ник…

Он посмотрел на Бразилию.

– Да.

– Ник, нам надо. Кое о чем. С тобой поговорить.

Я подождал. Это было его решение. Если он не доверял почве, я не собирался забегать на нее вперед Бразилии.

– Кое о чем? – Нацуме кивнул. – И о чем же?

– Нам, – я никогда не видел серфера настолько зажатым. – Мне нужна твоя помощь, Ник.

– Да, это очевидно. Но в чем?

– Дело в том…

Вдруг Нацуме рассмеялся. Смех был мягкий, без издевки.

– Джек, – сказал он. – Это же я. Только потому, что теперь я выращиваю цветы, ты мне не доверяешь? Думаешь, Отречься – значит отказаться от собственной человечности?

Бразилия отвернулся в угол сада.

– Ты изменился, Ник.

– Ну разумеется. Прошло больше века, чего же ты ожидал? – впервые монашескую безмятежность Нацуме замарал налет раздражения. Он встал, чтобы быть с Бразилией лицом к лицу. – Что я проведу всю жизнь на одном и том же пляже, буду кататься по волнам? Забираться на самоубийственные стометровые валы

ради удовольствия? Ломать замки, воровать корпоративный биотех ради легких денег на черном рынке и называть это неокуэллизмом? Неизбежной кровавой революцией.

– Я не…

– Ну *конечно*, я изменился, Джек. Иначе что я за эмоциональный калека?

Бразилия резко шагнул к нему.

– О, а *это* что, по-твоему, намного лучше?

Он махнул рукой в сторону филигранных маков. Их перепутанные корни словно задрожали от силы жеста.

– Уполз в этот фантазийный мирок, растишь *цветочки,* вместо того чтобы жить, и обвиняешь *меня* в том, что я эмоциональный калека. Иди на хер, Ник. Это ты калека, а не я.

– А чего ты добился там, Джек? Чем ты таким занимаешься, что намного ценнее этого?

– *Четыре дня назад я стоял на десятиметровой волне*, – Бразилия с трудом успокоился. Его крик заглох до бормотания. – Это в разы лучше твоего виртуального говна.

– Правда? – Нацуме пожал плечами. – Ты где-то оставил завещание, что не хочешь возвращаться, на случай если умрешь под волной на Вчире?

– Дело не в этом, Ник. Я вернусь, но я все равно умру. Это будет стоить новой оболочки, а я через это уже проходил. Там, в реальном мире, который ты так ненавидишь…

– Я не ненавижу…

– *Там* у поступков есть последствия. Если я что-нибудь сломаю, я это пойму, потому что мне будет больно, твою мать.

– Да, пока не включится улучшенная эндорфинная система оболочки или пока ты не примешь что-нибудь от боли. Не понимаю, о чем ты.

– О чем я? – Бразилия снова беспомощно махнул на маки. – *Это же все нереально, Ник*.

Я поймал краем глаза движение. Обернулся и увидел пару монахов, привлеченных повышенными тонами и болтающихся у сводчатого входа в клуатр. Один из них болтался буквально. Его ноги зависли в тридцати сантиметрах от неровных булыжников мостовой.

– Норикае-сан? – спросил второй.

Я чуть сменил позу, отвлеченно задумавшись, настоящие они обитатели монастыря или нет, и если нет, то какие операционные параметры прописаны в них на подобные обстоятельства. Если у Отреченцев была внутренняя охранная система, наши шансы в бою равнялись нулю. В чужой виртуал со своими разборками приходить смысла нет, если этого не хотят сами хозяева.

– Ничего, Катана-сан, – Нацуме сделал торопливый и сложный жест обеими руками. – Разногласия между друзьями.

– Тогда приношу извинения за вмешательство, – Катана поклонился, накрыв кулак ладонью, и оба гостя скрылись под сводами туннеля. Я не видел, в реальном времени они ушли или нет.

– Возможно… – начал Нацуме тихо, потом замолчал.

– Прости, Ник.

– Нет, ты, разумеется, прав. Все это нереально, в том смысле, к которому мы оба привыкли. Но здесь *я* более реален, чем раньше. Я сам определяю, как существую, а сложнее испытания, поверь мне, не бывает.

Бразилия что-то неслышно пробормотал. Нацуме снова сел на деревянную ступеньку. Взглянул на Бразилию, и через миг серфер сел в паре ступенек выше. Нацуме кивнул и посмотрел на свой сад.

– На востоке есть пляж, – сказал он отсутствующе. – На юге – горы. Если я пожелаю, они могут встретиться. Если пожелаю, я могу лазать, если пожелаю – плавать. Даже заниматься серфингом, хотя пока что мне не хотелось.

И при всем при этом мне нужно делать выбор. Выбор с последствиями. Будут в океане боттлбэки или нет? Будут кораллы, о которые можно порезаться и истечь кровью, или нет? Если уж на то пошло – будет ли кровь? Все эти вопросы требуют предварительных размышлений. Полноценная гравитация в горах? Если я упаду, позволю ли себе умереть? И что это будет значить? – он посмотрел на свои руки, словно они тоже были для него каким-то выбором. – Если я что-нибудь сломаю или вывихну, позволю ли себе почувствовать боль? Сколько ждать перед тем, как вылечиться? Позволю ли себе помнить боль? А за этими вопросами из болота поднимают голову вторичные – хотя кто-то сказал бы, что первичные. Зачем я это на самом деле делаю? *Хочу* ли я боли? Почему? Хочу ли я падать? *Почему?* Мне важнее достичь вершины или просто страдать по пути? Для кого я все это делаю? Для кого я всегда все это делал? Для себя? Своего отца? Возможно, для Лары? – он улыбнулся на филигранные маки. – Как думаешь, Джек? Это все из-за Лары?

– Ты не виноват, Ник.

Улыбка пропала.

– Здесь я изучаю последнее, что меня пугает в этом мире. Себя. И в процессе я никому не принесу вреда.

– И никому не поможешь, – заметил я.

– Да. Аксиома, – он оглянулся на меня. – Значит, ты тоже революционер? Один из преданных неокуэллистов?

– Не особо.

– Но Отречению не сочувствуешь?

Я пожал плечами.

– Это безобидно. Как ты и сказал. И если кому-то не хочется играть, то никто не заставляет. Но вы как бы предполагаете, что мы все будем предоставлять энергию и инфраструктуру для вашего образа жизни. Как по мне, это главный минус Отречения.

За это я заслужил улыбку.

– Да, для многих из нас это что-то вроде испытания веры. Конечно, в итоге мы верим, что человечество последует за нами в виртуал. Мы лишь прокладываем путь. Изучаем дорогу, так сказать.

– Ага, – сорвался Бразилия, – а тем временем наш мир снаружи разваливается.

– Он всегда разваливается, Джек. Ты правда считаешь, что то, чем я раньше занимался, мелкое воровство и бунтарство… Ты правда считаешь, что это на что-то влияло?

– Мы собираем команду в Рилу, – резко сказал Бразилия, решившись. – Мы на что-то повлияем, Ник. Повлияем.

Я прочистил горло.

– С твоей помощью.

– А.

– Да, нам нужен маршрут, Ник, – Бразилия встал и ушел в угол двора, повышая голос, как будто теперь, когда секрет вышел наружу, он хотел, чтобы даже громкость речи отражала его решимость. – Ты не против его подсказать? Скажем, ради старых времен?

Нацуме встал и вопросительно взглянул на меня.

– Ты когда-нибудь забирался на морской утес?

– Не сказать. Но моя оболочка это умеет.

Секунду он смотрел мне в глаза. Словно обрабатывал то, что я сейчас сказал, и что-то не сходилось. Затем он вдруг прыснул, и этот смех будто не принадлежал человеку, с которым мы разговаривали.

– Твоя оболочка умеет? – хохот загас до более управляемого смешка, а затем тяжелой паузы. – Этого мало. Ты знаешь, что на последней трети Утесов Рилы находятся колонии рипвингов? Наверное, их стало еще больше с тех пор, как поднимался я. Ты знаешь, что вдоль всех нижних укреплений над отвесной стеной нависает скальный козырек, и только Будда знает, сколько передовых технологий против проникновения они там встроили с тех пор, как залезал я? Ты *знаешь*, что течения у основания Рилы унесут твое переломанное тело на середину Предела, прежде чем тебя оставить?

– Ну, – я пожал плечами, – по крайней мере, если я упаду, меня не захватят для допроса.

Нацуме бросил взгляд на Бразилию.

– Ему сколько лет?

– Отстань от него, Ник. На нем тело «Эйшундо», которое он *нашел*, как он рассказывает, пока бродил по Новому Хоккайдо и охотился на миминтов. Ты же знаешь, что такое миминт?

– Да, – Нацуме все еще смотрел на меня. – Сюда доходили новости о Мексеке.

– В наши дни это уже не новости, Ник, – сказал ему Бразилия с очевидным удовольствием.

– На тебе правда «Эйшундо»?

Я кивнул.

– И ты знаешь, чего он стоит?

– Мне это пару раз демонстрировали, да.

Бразилия нетерпеливо переминался на каменной кладке клуатра.

– Слушай, Ник, ты дашь нам маршрут или нет? Или просто боишься, что мы побьем твой рекорд?

– Вы напрашиваетесь на смерть, без восстановления по стеку, вы оба. С чего я должен вам в этом помогать?

– Эй, Ник, ты же отрекся от мира и плоти, забыл? С чего же то, что будет с нами в реальном мире, должно тебя волновать?

– Меня волнует, что вы оба нахрен свихнулись, Джек. Бразилия ухмыльнулся – может, из-за ругательства, которое все-таки сумел вытянуть из бывшего кумира.

– Да, но, по крайней мере, мы еще в игре. И ты знаешь, что мы все равно на это пойдем, с твоей помощью или без нее. Так что…

– Ну ладно, – Нацуме поднял руки. – Да, забирайте. Прямо сейчас. Я даже для вас все проговорю. Будто это вам поможет. Да, вперед. Идите и умрите на Утесах Рилы. Может, хоть это покажется тебе достаточно *реальным*.

Бразилия только пожал плечами и снова ухмыльнулся.

– Что такое, Ник? Завидуешь, что ли?

* * *

Нацуме провел нас по монастырю в скудно обставленные апартаменты с деревянным паркетом на третьем этаже, где стал рисовать руками в воздухе и воссоздавать для нас покорение Рилы. Частично он рисовал по памяти, существовавшей в коде виртуальности, но инфофункции монастыря позволяли

сравнивать карту и с объективным конструктом Рилы в реальном времени. Его предсказания оказались точны до мелочей – колонии рипвингов расширились, а укрепления на козырьке усилили, хотя стек данных монастыря не мог предложить на этот счет ничего, кроме визуального подтверждения. Предсказать, что нас могло там ожидать, было невозможно.

– Но эти плохие новости обоюдоострые, – сказал он оживленно, как не разговаривал до начала работы. – Этот козырек мешает и им. Они не видят, что внизу, а движения рипвингов сбивают сенсоры с толку.

Я глянул на Бразилию. Нацуме незачем знать то, что ему не нужно, – что сенсорная сетка Утесов была меньшей из наших проблем.

– Я слышал в Новой Канагаве, – начал я о другом, – что рипвингов прошивают системами микрокамер. И дрессируют. Есть в этом правда?

Он фыркнул.

– Да, то же самое говорили и сто пятьдесят лет назад. Тогда это было крабьим говном параноиков, это остается им и сейчас, я уверен. Какой смысл ставить микрокамеры в рипвингов? Они никогда не подходят к человеческим поселениям, если могут этого избежать. А судя по тому, что я помню из исследований, их непросто приручить или дрессировать. Плюс более чем вероятно, что орбитальники засекут прошивку и собьют их в полете, – он одарил меня скверной ухмылкой – не из безмятежного репертуара монаха Отречения. – Поверь мне, тебе хватит проблем, когда полезешь в колонию *диких* рипвингов, какие уж там дрессированные киборги.

– Ясно. Спасибо. Еще полезные советы?

Он пожал плечами.

– Да. Не свалитесь.

Но выражение его глаз разоблачало лаконичное отстранение, которое он изображал, и позже, выгружая информацию для внешнего пользования, он хранил натянутое молчание, в котором не чувствовалось его предыдущего монашеского спокойствия. Когда Нацуме вел нас на выход из монастыря, он вообще молчал. Визит Бразилии растревожил его, как весенний ветер – карповые озера в Данти. Теперь под рябью поверхности туда-сюда беспокойно скользили могущественные силуэты. Когда мы дошли до первого холла, он обернулся к Бразилии и неловко начал.

– Слушай, если вам…

Что-то закричало.

Конструкт Отречения был хорош – я почувствовал покалывание на ладонях, когда гекконовые рефлексы «Эйшундо»

изготовились хвататься и ползти. Краем вдруг обострившегося зрения я увидел, как напрягся Бразилия, и как за ним содрогнулась стена.

– *В сторону!* – заорал я.

Сперва это казалось еще одним фокусом гобеленов привратника – выпирающий выступ той же ткани. Затем я увидел, что под тканью выгибается каменная стена, под силами, что невозможны в реальном мире. Крик, должно быть, был какой-то запрограммированной реакцией конструкта на колоссальное напряжение, под которым оказалось здание, а может, просто голосом той твари, что пыталась ворваться. Времени размышлять не было. Доли секунды спустя стена взорвалась внутрь со звуком огромного расколовшегося арбуза, гобелен разорвался, и в холл вступила невероятная десятиметровая тварь.

Как будто монаха Отречения накачали высококачественной смазкой так, что его тело лопнуло по всем швам, чтобы выпустить масло. В этом существе с трудом узнавался человек в сером комбинезоне, вокруг него кипела переливчатая черная жидкость и висела в воздухе вязкими жадными щупальцами. Лица у твари не было – глаза, нос и рот были разворочены распирающей нефтью. Вещество, захватившее тело, пульсировало из каждого отверстия и сустава, словно сердце внутри еще билось. С каждым ударом пульса от всего существа исходил крик, не успевающий заглохнуть, прежде чем вырывался следующий.

Я обнаружил, что замер в боевой стойке, которая явно была менее чем бесполезна. Нам оставалось только бежать.

– Норикае-сан, Норикае-сан. Пожалуйста, покиньте территорию.

Хор криков с идеальной гармонией, – от противоположной стены с гобеленов расплелся отряд привратников и грациозно воспарил над нами навстречу вторженцу, размахивая необычными шипастыми палицами и копьями. Их свежесобранные тела пульсировали собственным сияющим наполнением – мягким, штрихованным золотистым светом.

– Просим, немедленно уведите гостей. Мы справимся.

Упорядоченные золотые нити коснулись треснувшей фигуры, и та отшатнулась. Крик раскололся и набрал громкость и тембр, пронзая мои барабанные перепонки. Нацуме обернулся к нам, перекрикивая шум.

– Вы их слышали. Вы ничем не поможете. Убирайтесь отсюда.

– Да, но как? – прокричал в ответ я.

– Возвращайтесь к… – его слова заглохли, словно его выключили. Над его головой что-то пробило огромную дыру в крыше холла. Вниз обрушились камни, привратники замелькали в

воздухе, испуская золотой свет, который превращал камни в пыль раньше, чем они задевали нас. Это стоило двоим из них существования, когда переполненный чернотой нападавший воспользовался рассеянностью, потянулся новыми толстыми щупальцами и разорвал их на части. Я видел, как они, умирая, истекали бледным светом. А через крышу…

– Ох ты ж.

Очередная налитая нефтью фигура, в два раза больше первого гостя, тянулась человеческими руками, из костяшек и из-под ногтей которой росли огромные жидкие когти. Внутрь протиснулась развороченная голова и пусто улыбнулась при виде нас. Из разорванного рта, как слюна, стекали капли черной дряни, шлепались на пол, разъедая его до серебристой филигранной подложки. Одна капля задела мою щеку и обожгла кожу. Расколотый крик усилился.

– В водопад! – проорал мне на ухо Нацуме. – Прыгните в него. Вперед!

Затем второй нападавший топнул, и весь потолок холла провалился. Я схватил Бразилию, который уставился наверх в немом ужасе, и поволок к приоткрытой двери. Вокруг нас собирались в стройные ряды привратники и бросались навстречу новой угрозе. Я видел, как из оставшихся гобеленов повалила новая волна, но не успели они сгруппироваться, как половину из них схватила и разорвала тварь над крышей. Свет лился на каменный пол дождем. В пространстве звенели музыкальные аккорды, растрескиваясь в дисгармонии. Среди звука бушевали черные изувеченные твари.

Мы добрались до двери, отделавшись всего парой ожогов, и я толкнул Бразилию вперед себя. На миг обернулся и тут же пожалел об этом. Я видел, как Нацуме коснулось бесформенное щупальце тьмы, и каким-то образом услышал его крик поверх всех воплей. На какую-то секунду это еще был человеческий голос; затем его словно выкрутила на звуковом пульте нетерпеливая рука, а Нацуме расплывался, метался и бился, как рыба между двумя листами стекла, тая на глазах и заливаясь криком в жуткой гармонии с громогласной яростью двух нападавших.

Я вышел.

Мы бросились к водопаду. Еще один взгляд через плечо, и я вижу, что растоптано полмонастыря, а две фигуры в черных щупальцах растут, отбиваясь от роя привратников. Небо над головой потемнело, словно в бурю, вдруг резко похолодало. По траве сбоку от тропинки пробежал неописуемый шелест, словно бурный ливень, словно утечка газа под высоким давлением. Пока

мы скользили по петляющей тропинке у водопада, я видел, как завесу воды рвут дикие узоры помех, а как только мы оказались на платформе, поток заикнулся и вовсе прекратился, оставив внезапную серость голой скалы и чистый воздух, но потом вода брызнула, снова хлынула.

Я поймал взгляд Бразилии. Выглядел он не веселее, чем я себя чувствовал.

– Ты первый, – сказал я ему.

– Нет, все в порядке. Ты…

Истошный, пронзительный вопль с тропинки наверху. Я толкнул его в спину и, когда он скрылся за шумящей пеленой, нырнул за ним. Почувствовал, как вода льется на руки и плечи, почувствовал, как падаю, и…

…вскочил на обшарпанном диване.

Переход был аварийным. Пару секунд я еще чувствовал себя в воде, мог поклясться, что одежда промокла до нитки, а волосы прилипли к лицу. Я с всхлипом вздохнул, и тут меня нагнало восприятие реального мира. Я был сухим. Я был в безопасности. Я сдирал гипнофоны и электроды, скатывался с дивана, дико озирался, пока сердце запоздало ускорялось и физическое тело реагировало на сигналы сознания, которое только сейчас вскочило за руль в адреналиновой гонке.

На другом конце зала Бразилия уже был на ногах, нетерпеливо говорил с помрачневшей Сиеррой Трес, которая каким-то образом вернула и собственный бластер, и мою «Рапсодию». Комнату переполнял заржавевший ор аварийной сирены, которую не включали многие десятки лет. Неуверенно мигал свет. На полпути через зал я наткнулся на администратора, которая бросила приборную панель, полыхавшую в сумасшествии всеми цветами. Даже на лице оболочки «Фабрикона» с ущербными мускулами я видел, что на меня взирали сами изумление и гнев.

– Это вы занесли? – кричала она. – Вы нас заразили?

– Нет, конечно, нет. Проверяйте свои приборы. Эти твари еще там.

– Что это была за хрень? – спросил Бразилия.

– Я бы сказал, спящий вирус, – я рассеянно взял «Рапсодию» у Трес и проверил магазин. – Ты сам видел – эти твари раньше были монахами. На атакующей системе в пассивном режиме стояла маскировка под оцифрованного человека. Система ждет подходящего триггера. Хозяин может даже не знать, что в себе носит, пока оно не рванет.

– Да, но *почему*?

– Нацуме, – я пожал плечами. – Наверное, вирус поместили

уже тогда…

Служительница таращилась на нас так, словно мы лопотали на компьютерном коде. За ней в дверях зала перехода появился ее коллега и ворвался внутрь. В его левой руке был маленький бежевый чип, дешевая силикоплоть на державших его пальцах натянулась. Он сунул чип нам и наклонился ближе, чтобы его было слышно за шумом сирен.

– Уходите немедленно, – с нажимом бросил он. – Норикае-сан велел мне передать вам это, но уходите немедленно. Вы здесь больше нежеланны и не в безопасности.

– Быть того не может, – я взял чип. – На вашем месте я ушел бы с нами. Заварите все инфопорты в монастырь и вызывайте нормальную команду по зачистке вирусов. Судя по тому, что я видел, у ваших привратников проблемы.

Сирены орали вокруг, как тусовщики на вечеринке под метом. Он тряхнул головой, словно чтобы избавиться от шума.

– Нет. Если это испытание, мы встретим его в Загрузке. Мы не оставим наших братьев.

– И сестер. Ну, смотрите сами, так-то это благородно. Но лично я бы сказал, что любой, кто туда сейчас зайдет, останется с обглоданным до костей подсознанием. Вам срочно нужна поддержка реального мира.

Он уставился на меня.

– Вы не понимаете, – крикнул он. – Там наше царство, а не в мире плоти. Это судьба человеческой расы – Загрузиться. Там мы сильнее всего и одержим победу.

Я сдался. Прокричал ему в ответ:

– Ладно. Пожалуйста. Потом расскажете, как было. Джек, Сиерра. Оставим этих идиотов помирать и сваливаем отсюда.

Мы бросили их в зале перехода. Последний раз я видел этих двоих, когда служитель ложился на один из диванов, уставившись в потолок, а женщина пристраивала электроды. Его лицо было залито потом, но и светилось от восторга; застыло в пароксизме решимости и эмоций.

* * *

На Девятой мягкий полуденный свет окрашивал слепые стены монастыря в теплые оранжевые оттенки, с Предела доносились сигналы автомобилей вперемешку с запахом моря. Легкий западный ветерок игрался в канавах пылью и высохшими спорами вертокрутки. Впереди по улице пробежала пара ребятишек, изображая стрельбу и гоняясь за миниатюрным

роботом-игрушкой в виде каракури. Больше никого не было, ничто не говорило о битве, бушующей в машинном сердце конструкта Отреченцев. Вполне можно было бы понять, если бы произошедшее показалось сном.

Но уходя, в нижних пределах нейрохимического слуха я по-прежнему мог разобрать плач древних сирен, словно предупреждение, тонкое и немощное, о великих грядущих силах и хаосе.

Глава тридцатая

День Харлана.

А вернее, канун Дня Харлана – технически празднование не начнется до полуночи, а до нее еще не меньше четырех часов. Но даже так рано вечером, когда в западном небе еще разливался дневной свет, гулянья давно начались. В центре Новой Канагавы и Данти уже маршировал аляповатый парад голограмм и костюмированных танцев, в барах благодаря государственным субсидиям обслуживали по спецценам. Один из секретов успешной тирании – знать, когда и как спускать подданных с поводка, а в этом Первые Семьи были настоящими мастерами. Даже те, кто их больше всего ненавидел, признали бы, что если речь заходит об уличных вечеринках, то к Харлану и его породе претензий быть не может.

У воды в Тадаймако царили более приличные настроения, но все равно праздничные. Работа в коммерческой гавани встала еще в обед, и теперь небольшие кучки портовиков сидели на высоких бортах килевых грузовых кораблей, делились трубками и бутылками и с ожиданием смотрели на небо. На яхтах начались вечеринки, одна-две побольше перешли на причалы. Всюду плескалась музыкальная мешанина, и чем больше сгущались сумерки, тем лучше было видно, что палубы и мачты обсыпали зеленым и розовым иллюминиевым порошком. То, что ссыпалось, грязно мерцало в воде между корпусами.

В паре яхт от тримарана, который мы угоняли, стояла блондинка в мини и задорно махала мне рукой. Я в осторожном приветствии поднял сигару из Эркезеша, тоже ворованную, надеясь, что она не воспримет это как приглашение зайти. Иса включила на нижних палубах грохочущую музыку, уверяя, что она модная, но это было только прикрытие. Под этот бит происходило вторжение в кишки бортовой охранной системы тримарана «Островитянин с Боубина». Незваные на эту вечеринку гости встретят у входа в люк Сиерру Трес или Джека Соула Бразилию и дуло осколочного «Калашникова».

Я сбил с сигары пепел и поблуждал по кормовой части яхты, стараясь выглядеть в своей тарелке. В кишки пролезло расплывчатое напряжение, более настойчивое, чем я привык испытывать перед делом. Чтобы понять почему, много ума не требовалось. По левой руке пробежала боль – как я знал, психосоматическая.

Мне очень не хотелось карабкаться на Утесы Рилы. *Ну как всегда. Весь город веселится, а я всю ночь буду лезть на*

двухсотметровый отвесный утес.

– Приветик.

Я поднял взгляд и увидел на сходнях блондинку в мини и с ослепительной улыбкой. Она слегка покачивалась на чрезмерно высоких шпильках.

– Привет, – осторожно ответил я.

– Незнакомое лицо, – сказала она с пьяной прямотой. – Я бы запомнила такое роскошное тело. Нечасто здесь швартуешься, да?

– Да, ты права, – я шлепнул по борту. – Она у меня в Миллспорте впервые. Прибыл всего пару дней назад.

По крайней мере для «Островитянина с Боубина» и настоящих владельцев судна это было правдой. Ею владели две богатые пары с Охридовых островов, разбогатевшие на какой-то государственной распродаже местных навигационных систем; они собирались в Миллспорт впервые за многие годы. Идеальный выбор транспорта, выдернутый Исой из стека данных управления порта со всем остальным, что нужно, чтобы попасть на борт тридцатиметрового тримарана. Сейчас обе четы лежали без сознания в отеле в Тадаймако, а парочка молодых революционеров-энтузиастов Бразилии проследит, чтобы так продолжалось следующие два дня. В сумятице празднования Дня Харлана маловероятно, что кто-то их хватится.

– Не против, если я поднимусь на борт и осмотрюсь?

– Э-э, ну, было бы неплохо, но мы уже готовимся отходить. Еще пара минут, и поплывем на Предел смотреть фейерверки.

– О, фантастика. Знаешь, я бы с удовольствием присоединилась, – она слегка откинулась назад, демонстрируя тело. – От фейерверков я схожу с ума. От них я вся прямо, даже не знаю…

– Эй, детка, – на мою талию легла рука, а под подбородком пощекотали ярко-алые волосы. Иса, раздетая до купальника с вырезами и с шокирующими микродермалами на теле, прижалась ко мне. Она грозно взглянула на блондинку. – Кто твоя новая подружка?

– О, мы не, э-э… – я приглашающе поднял руку. Губы блондинки поджались. Может, дело в обиде; может, дело в блестящем взгляде Исы с красными венами. А может, в здоровом отвращении при виде пятнадцатилетней девушки, которая висит на мужике старше ее в два раза. Переоблачение, может, и приводит к совсем странному выбору тел, но людям с такими деньгами, чтобы хватило на «Островитянина с Боубина», это претерпевать было необязательно, если только не хотелось самим. Если я трахал человека, которому на вид было пятнадцать лет, то либо ей и *было* пятнадцать, либо мне хотелось, чтобы она

так выглядела, что в итоге одно и то же.

– Я лучше пойду, – сказала она и шатко отвернулась. Слегка кренясь через каждые пару шагов, она ушла настолько благородно, насколько это было возможно на этих дурацких каблуках.

– Ага, – крикнула ей вслед Иса. – С праздниками. Может, еще увидимся.

– Иса? – пробормотал я.

Она ухмыльнулась мне.

– Ага, чего?

– Отпусти меня и, блин, очень прошу, оденься.

* * *

Мы отчалили двадцать минут спустя и вышли из порта по общему лоцманскому лучу. Наблюдение за салютом с Предела было не такой уж поразительно оригинальной идеей, и мы оказались далеко не единственной яхтой в гавани Тадаймако, которая направлялась в ту сторону. Пока что Иса наблюдала из рубки на нижней палубе и позволяла интерфейсу морского трафика вести нас. Еще будет время оторваться от него, когда начнется шоу.

В главной каюте на носу судна мы с Бразилией распаковывали снаряжение. Стелс-костюмы для подводного плавания с аквалангом «Андерсон», добытые благодаря Сиерре Трес и ее друзьям-гайдукам, оружие из сотен личных арсеналов на Пляже Вчира. Многоцелевые процессоры костюмов пропатчили софтом, разработанным Исой для налета, на них же накатили защищенную систему связи, которую она тем же днем украла свеженькой с фабрики. Как и коматозных хозяев «Островитянина с Боубина», никто этой системы не хватится еще пару дней.

Мы встали и окинули взглядом готовое железо, поблескивающую черноту выключенных костюмов, разнообразное потертое и поцарапанное оружие. На полу из зеркального дерева почти не хватало места.

– Как в старые времена, а?

Бразилия пожал плечами.

– Старых волн не бывает, Так. Каждый раз волна другая. Оглядываться назад – самая большая ошибка.

Сара.

– Избавь меня от вашей гребаной пляжной философии, Джек.

Я оставил его в каюте и пошел в кормовую часть, чтобы посмотреть, как справляются за штурвалом Иса и Сиерра Трес. Я

чувствовал, как Бразилия провожает меня взглядом, и всю дорогу по коридору и трем ступенькам в штормовую рубку со мной оставалось пылающее раздражение.

– Эй, детка, – сказала Иса, завидев меня.

– Прекрати.

– Как хочешь, – она беспардонно ухмыльнулась и глянула туда, где к боковой панели рубки прислонилась Сиерра Трес. – Раньше ты вроде не возражал.

– Раньше там была… – я сдался. Показал рукой. – Костюмы готовы. Есть что от остальных?

Сиерра Трес медленно покачала головой. Иса кивнула на инфополе связи.

– Они все онлайн, смотри. Зеленое свечение куда ни плюнь. Сейчас нам только это и нужно, и важно. Если бы было что-то еще – значит, все накрылось. Поверь мне, сейчас тот случай, когда нет новостей – это хорошие новости.

Я неловко повернулся в тесном пространстве.

– На палубу подниматься безопасно?

– Да, конечно. Корабль продвинутый, от генераторов запитываются погодные экраны, я поставила их на частичную непрозрачность. Если кому-то неймется заглянуть, как твоей подружке-блондинке, твое лицо в оптике будет просто пятном.

– Хорошо.

Я пригнулся и вышел из рубки, направился к корме и подтянулся на зону отдыха с диванами, оттуда – на саму палубу. Так далеко на север Предела было тихо, качка на тримаране почти не чувствовалась. Я дошел до рубки для хорошей погоды, уселся в одном из кресел пилотов и достал эркезешскую сигару. Внизу был целый хьюмидор размером с ящик, так что я решил, что владельцы не пожалеют парочки. Революционная политика. Всем приходится чем-то жертвовать. Вокруг слегка поскрипывала яхта. Небо потемнело, но над самым хребтом Тадаймако низко висела Дайкоку и окрашивала море голубоватым свечением. Вокруг сияли ходовые огни других кораблей, аккуратно отведенных друг от друга портовым софтом. Над водой слабо стучали басы с сияющих берегов Новой Канагавы и Данти. Вечеринка была в полном разгаре.

На юге из моря вздымалась Рила, достаточно далеко, чтобы казаться тонкой и точеной, как оружие – темный, изогнутый клинок, – неосвещенная, не считая горстки огоньков цитадели на вершине.

Я смотрел на нее и молча курил.

Он там.

Или где-то в городе, ищет тебя.

Нет, он там. Будь реалистом.

Ну ладно, он там. И она тоже. Если уж на то пошло, то и Аюра, и пара сотен отобранных агентов семьи Харланов. Будешь переживать об этом, когда долезешь.

Мимо в лунном свете проскользнула пусковая баржа на пути к огневой позиции дальше на Пределе. Палуба на корме была с горкой завалена упаковками, стропами и гелиевыми цилиндрами. Обрезанная передняя надстройка кипела от активности, люди махали руками и стреляли в ночь сигнальными ракетами. Когда судно прошло мимо, с него донесся пронзительный вой – гимн в честь дня рождения Харлана, исполненный грубой серией гудков.

С днем рождения, скотина.

– Ковач?

Это была Сиерра Трес. Она вошла в рубку незамеченной, что говорило много или о ее стелс-навыках, или о моей рассеянности. Я надеялся на первое.

– Ты в порядке?

Я на миг задумался.

– А кажется, что нет?

Она изобразила характерно лаконичный жест и села в соседнее кресло пилота. Долгое время она просто смотрела на меня.

– Ну и что у тебя с девчонкой? – спросила она наконец. – Соскучился по давно утраченной молодости?

– Нет, – я ткнул большим пальцем на юг. – Гребаная, давно утраченная молодость засела где-то там и ждет не дождется, когда меня прикончит. С Исой у меня ничего. Я же не педофил, блин.

Очередная долгая тихая пауза. Пусковая баржа скрылась в вечере. Разговоры с Трес всегда были такими. В нормальных обстоятельствах меня бы это раздражало, но сейчас, в покое перед полночью, это действовало на удивление умиротворяюще.

– Как думаешь, давно они пометили Нацуме тем вирусняком?

Я пожал плечами.

– Трудно сказать. Имеешь в виду, была ли это долгая слежка или ловушка специально для нас?

– Например.

Я сбил пепел с сигары и посмотрел на уголек под ним.

– Нацуме – легенда. Да, полузабытая, но *я* его помню. Как и моя копия, которую наняли Харланы. Он наверняка уже знает, что я говорил с людьми в Текитомуре и что мне известно, где они удерживают Сильви. Он знает, как я поступлю, получив эту информацию. Капля интуиции чрезвычайного посланника дорисует остальное. Если он не дурак, то да, вполне мог велеть

прицепить к Нацуме вирусных сторожей в ожидании меня. С его финансированием было бы несложно написать пару фальш-личностей и перевести по поддельным данным из другого монастыря Отречения.

Я затянулся сигарой, почувствовал горечь дыма и снова выдохнул.

– С другой стороны, может, семья Харланов пометила Нацуме еще в те времена. Они люди злопамятные, а когда он залез на Рилу, то выставил их идиотами, хоть это и был всего лишь выпендреж пацана-куэллиста.

Сиерра молчала, глядя перед собой в лобовое стекло рубки.

– В итоге разницы нет, – наконец сказала она.

– Нет. Они знают, что мы идем, – странно, но, сказав это, я улыбнулся. – Они не знают, когда именно и как именно, но знают.

Мы следили за кораблями вокруг. Я скурил эркезешку до упора. Сиерра Трес сидела молча и неподвижно.

– Видимо, на Санкции IV было тяжело, – сказала она позже.

– Угадала.

Хоть раз я победил ее в ее же игре на несловоохотливость. Я выкинул окурок и достал еще две сигары. Предложил ей, она покачала головой.

– Адо винит тебя, – сказала она. – И еще кое-кто. Но Бразилия, кажется, нет. Похоже, ты ему нравишься. Думаю, всегда нравился.

– Как я могу не нравиться.

Ее губы изогнула улыбка.

– И в самом деле.

– Это что значит?

Она отвернулась к передней палубе тримарана. Теперь улыбка пропала, скрылась за обычным кошачьим спокойствием.

– Я тебя видела, Ковач.

– Где видела?

– Видела тебя с Видаурой.

Фраза на какое-то время зависла между нами в воздухе. Я оживил сигару затяжкой и выпустил побольше дыма, чтобы можно было спрятаться за ним.

– И как, понравилось?

– Меня не было в комнате. Но я видела, как вы туда идете. И не было похоже, что вы торопитесь на рабочий завтрак.

– Нет, – память о прижавшемся ко мне виртуальном теле Вирджинии скрутила желудок в узел. – Нет, не на завтрак.

Еще тишина. Слабые басы от кучек огней южной Канагавы, Мариканон поднялась и присоединилась в северо-восточном небе к Дайкоку. Пока мы неторопливо плыли на юг, я слышал почти

дозвуковой рев водоворота на полной мощности.

– Бразилия знает? – спросил я.

Теперь пришел ее черед пожимать плечами.

– Не знаю. Ты ему говорил?

– Нет.

– А она?

И еще тишина. Я вспомнил горловой смех Вирджинии и острые, разномастные осколки трех предложений, которыми она отмела мои переживания и открыла все клапаны.

Джека это не смутит. Это ведь даже не реальность, Так. И в любом случае он не узнает.

Я привык доверять ее решениям среди взрывов бомб и под огнем «Санджетов» на семнадцати разных планетах, но здесь она словно сфальшивила. Вирджиния Видаура была привычна к виртуальности не хуже любого из нас. Отмести то, что в ней происходит из-за нереальности, казалось мне отговоркой.

Пока мы этим занимались, все казалось охренительно реальным.

Да, но после этого ты остался таким же озабоченным и полным спермы, как когда начинал. Это не реальнее твоих фантазий о ней, когда ты был зеленым рекрутом.

Эй, но она тоже там присутствовала.

Через какое-то время Сиерра встала и потянулась.

– Видаура – удивительная женщина, – сказала она загадочно и вышла на корму.

* * *

Незадолго до полуночи Иса оторвалась от трафик-контроля Предела, и Бразилия взял управление в рубке хорошей погоды. К этому времени над Миллспортом вовсю взрывался традиционный салют, словно внезапные зеленые, золотые и розовые разводы на сонаре. Практически у каждого островка и платформы имелись свои арсеналы, а на крупных, вроде Новой Канагавы, Данти и Тадаймако, они были в каждом парке. Запаслись даже корабли на Пределе – от некоторых из наших ближайших соседей ракеты чертили пьяные траектории искр, а остальные пользовались обычными сигналками. На общем радиоканале на фоне музыки, шума и веселья какой-то неумелый диктор верещал бессмысленные описания происходящего.

«Островитянин с Боубина» слегка взбрыкнул, когда Бразилия повысил скорость и мы начали резать волны на юг. Так далеко на Пределе ветер нес туман из капель, поднятых водоворотом. Я

почувствовал их на лице, легкие, как паутина, затем холодные и мокрые, когда они накопились и побежали слезами.

А потом начались настоящие фейерверки.

– Смотрите, – сказала Иса с озаренным лицом, когда на миг из-под рукава подростковой наглости показалась яркая манжета детского восторга. Как и остальные, она поднялась на палубу, потому что не собиралась пропускать начало шоу. Она кивнула на один из радаров. – Первые пошли. Взлет.

На экране к северу от нашей позиции на Пределе я увидел множество пятен, каждое отмечено тревожным красным зубцом, обозначающим воздушный объект. Как и на любой игрушке богатеев, на «Островитянине с Боубина» приборов было в переизбытке, они сообщали даже, на какой высоте объекты. Я следил, как под каждым пятном росли цифры, и вопреки себе почувствовал внутри укол благоговения. Наследие планеты Харлан – невозможно здесь вырасти и не чувствовать его.

– И они перерезают веревки, – радостно сообщил нам диктор. – Шары поднимаются. Я вижу…

– Обязательно это слушать? – спросил я.

Бразилия пожал плечами.

– Попробуй найди канал, где этой хрени нет. Я не смог.

В следующий миг небо раскололось.

Аккуратно нагруженные взрывчатым балластом, первые гелиевые шары достигли отметки в четыреста метров. Нечеловечески точный, компьютерно быстрый – ближайший орбитальник заметил это и выпустил длинный дрожащий перст ангельского огня. Тот разорвал темноту, располосовал облачные массы западного неба, озарил зубчатые горные ландшафты вокруг нас резким синим цветом и за долю секунды коснулся каждого шара.

Балласт сдетонировал. Над Миллспортом пролился радужный огонь.

Гром возмущенного воздуха на пути ангельского огня величественно прокатился по архипелагу, словно разорвалось что-то темное.

Даже радиокомментатор заткнулся.

Где-то на юге высоту набрала вторая порция шаров. Их снова сразил орбитальник; ночь обратилась в голубоватый день. Небо истекало цветами. Опаленный воздух шипел.

Теперь запуски начались из всех стратегических точек Миллспорта и барж на Пределе. Множество приманок для созданных инопланетянами механических очей над головой. Мерцающие лучи ангельского огня словно сливались воедино – блуждающая указка уничтожения, тыкающая из-за облаков во все

стороны, нежно облизывала каждый объект-нарушитель, поднявшийся до четырехсотметровой высоты. Непрекращающийся гром оглушал. Предел и ландшафт за ним стал серией засвеченных фотографий. Радиоприем сдох.

– Пора, – сказал Бразилия.

Он ухмылялся.

Я понял, что и я тоже.

Глава тридцать первая

Воды Предела были холодными, но не неприятными. Я спустился по бортовой лесенке «Островитянина с Боубина», отпустил леер и почувствовал, как со всех сторон на кожу костюма давит прохладное желе. Это было похоже на объятия, и я позволил себе отдаться им, пока вес оружия и акваланга «Андерсон» тащил меня вниз. В паре метров от поверхности я включил системы скрытности и плавучести. Грав-сила задрожала и мягко подняла меня обратно. Я выплыл на поверхность до уровня глаз, опустил и продул маску на шлеме.

В нескольких метрах всплыла Трес. Подняла руку в перчатке. Я поискал взглядом Бразилию.

– Джек?

Его голос раздался из индукционного микрофона, с фырканьем от пробравшей дрожи.

– Под тобой. Холодновато, а?

– Я же говорил, надо было бросить автоинфекцию. Иса, ты там слышишь?

– А *ты* как думаешь?

– Ну ладно. Знаешь, что делать?

Я услышал, как она вздохнула.

– Да, папочка. Оставаться на месте, держать каналы открытыми. Передавать все, что придет от остальных. Не разговаривать с чужими дяденьками.

– Все правильно.

Я осторожно поднял руку и увидел, что стелс-системы уже активировали шифт-отражатели в коже костюма. Ближе ко дну включится стандартный хамелеохром и сольет меня с преобладающими цветами, но на открытой воде шифт-система превращала меня в призрака, соринку в глазу на темной воде, оптический трюк, обман зрения.

Это радовало.

– Ну ладно, – я сделал вдох глубже, чем нужно. – Поехали.

Я запомнил свет на южном окончании Новой Канагавы, затем черную кучу Рилы в двадцати километрах. Потом опустился назад в море, лениво повернулся и поплыл.

Бразилия завез нас так далеко на юг от общего трафика, насколько было возможно без привлечения внимания, но нам все равно предстоял еще длинный путь до Утесов. В нормальных обстоятельствах дорога заняла бы самое малое пару часов тяжелых усилий. Течения, которые затягивали на юг в водоворот, в чем-то помогали, но единственное, что действительно делало

подводный поход жизнеспособным, – модифицированная система плавучести. Так как электронная безопасность архипелага была ослеплена и оглушена орбитальным штормом, никто не заметит под водой индивидуальный грав-двигатель. А при аккуратно подобранном векторе та же сила, что позволяет не тонуть, увлечет нас на юг на машинной скорости.

Словно морские призраки из легенды о дочери Эбису, мы скользили в потемневшей воде на расстоянии руки друг от друга, пока поверхность моря над нами бесконечно и безмолвно расцветала отражениями ангельского огня. В ушах мягко щелкал и булькал акваланг «Андерсон», электролизуя кислород прямо из воды вокруг, смешивая его с гелием из ультракомпактного мини-бака на спине, питая этой смесью меня, потом терпеливо разбивая и распределяя мои выдохи пузырьками не больше икринок. Вдали басовым контрапунктом гудел водоворот.

Очень мирно.

Да, это самая простая часть.

Во вспыхивающем сумраке всплыло воспоминание. Ночное ныряние с рифа Хираты с девчонкой из дорогого района Ньюпеста. Ее однажды занесло к Ватанабе с Шегешваром и какими-то еще Воинами Рифов – сборная солянка из экспериментирующих папиных дочек и пацанов из Вонючего города. Ева? Ирена? Все, что я помнил, – сплетенная веревка темно-медовых волос, длинные конечности и сияющие зеленые глаза. Она курила косяки из морской конопли – неумело, давясь и кашляя от крепкой смеси так часто, что ее более опытные друзья не скрывали смеха. Она была самым красивым созданием, что я встречал.

В редком – для себя – порыве я украл ее у Шегешвара, который в любом случае, похоже, считал ее обузой, устроился с ней в тихом углу у кухонь Ватанабе и отвоевал себе на весь вечер. Казалось, она родом совершенно с другой планеты – отец, который о ней заботился и переживал с вниманием, над которым бы в другое время я издевался, мать, которая подрабатывала, *только чтобы не чувствовать себя домохозяйкой*; дом за городом, который принадлежал им лично, поездки в Миллспорт и Эркезеш каждые несколько месяцев. Тетушка, которая уехала на внепланетную работу и которой все так гордились, брат, который надеялся последовать за ней. Она говорила обо всем этом свободно, с видом человека, который верит, что это совершенно нормально, и кашляла от морской конопли, и часто улыбалась мне.

– *Ну*, – сказала она в какой-то миг, – *а* ты *как развлекаешься?*

– *Я, э-э, я. Ныряю с рифов.*

Улыбка превратилась в смех.

– Ну да, Воины Рифов, можно было догадаться. Ныряешь ты, а намокнуть должна я?

Это должна была быть моя шутка. Этой шуткой мы все клеили девчонок, а она украла ее у меня из-под носа. Я был не против.

– Дальняя сторона Хираты, – выпалил я. *– Хочешь как-нибудь попробовать?*

– Конечно, – не испугалась она. – Давай прямо сейчас?

На Кошуте стояла середина лета, влажность достигла ста процентов уже несколько недель назад. Мысль залезть в воду была заразительным зудом. Мы сбежали от Ватанабе, и я научил ее читать потоки автотакси, выбирать незанятое и запрыгивать на крышу. Мы проехали через весь город, чувствуя, как холодеет пот.

– Держись крепче.

– А то сама бы не додумалась, – прокричала она в ответ и рассмеялась мне в лицо.

Такси остановилось у администрации порта по вызову, и мы скатились с него, вызвав манерные возгласы испуга у потенциальных клиентов. Удивление улеглось до ворчания и неодобрительных взглядов, от которых мы помчались, давясь от смеха. В охране гавани была дыра в восточном углу доков для ховерлодеров – слепое пятно, которое в предыдущем году прорубил какой-то несовершеннолетний хакер ради прикола; он продал его Воинам Рифов за голопорнуху. Мы прошли через брешь, проскользнули к пирсу ховеров и угнали килевой бот. Мы тихо толкались багром и гребли, пока не выбрались из порта, потом завели мотор и с криками прорезали широкую дугу со сливочными барашками в сторону Хираты.

Позже, нырнув в безмолвие вод, я поднял взгляд на рябь поверхности, окрашенную Хотеем, и увидел над собой ее тело, бледное на фоне черных ремней жилета и древнего акваланга со сжатым воздухом. Она забыла обо всем, дрейфовала, может, рассматривая возвышающуюся рядом с нами стену рифа, может, просто нежась в прохладе моря вокруг. Минуту я висел под ней, наслаждаясь видом и чувствуя, как у меня встает. Я обвел глазами очертания ее бедер, остановился на бритой вертикальной полоске волос в основании живота и проблеске губ, когда ноги лениво раздвинулись, чтобы грести. Я уставился на мускулистый живот под нижним краем жилета, очевидные выпуклости груди.

Потом что-то случилось. Может, перебрал морской конопли – всегда неудачная мысль перед погружением. Может, просто какое-то отцовское эхо от моей домашней жизни. В край зрения влез риф, и на один ужасный миг показалось, что он массивно

нависает над нами, обрушивается. Эротизм вальяжного движения девушки сморщился до неожиданного, давящего страха, что она мертва или без сознания. Во внезапной панике я толкнулся наверх, схватил ее за плечи обеими руками и развернул в воде.

И она была в порядке.

Глаза за маской округлились от удивления, руки схватились за меня в ответ. Ее губы раскрыла улыбка, она позволила воздуху всплыть пузырьками из-за зубов. Жесты, ласка. Ноги обхватили меня. Она вынула изо рта регулятор, рукой показала повторить то же и поцеловала меня.

– Так?

Позже, в баббла́х для снаряжения, которые Воины надули и поставили на рифе, лежа со мной на постели из затхлых зимних гидрокостюмов, она удивилась, как нежно я с ней обращаюсь.

Я не разобьюсь, Так. Я большая девочка.

И позже, снова обхватив меня ногами, восторженно смеясь:

Держись крепче!

Я уже был не в том состоянии, чтобы понять ее отсылку к поездке на крыше автотакси.

– Так, ты меня слышишь?

Ева? Ариана?

– *Ковач!*

Я моргнул. Голос Бразилии.

– Да, прости. Что там?

– Судно, – не успел он сказать, как я сам это услышал – царапающий визг малых винтов в воде, острый звук поверх рева водоворота на заднем фоне. Я проверил свою систему близости, ничего не нашел на следе грава. Перешел на сонар и увидел объект на юго-западе, быстро поднимающийся по Пределу.

– Килевка, – пробормотал Бразилия. – Как думаешь, надо волноваться?

Было трудно поверить, что семья Харланов задействует килевые патрульные катера. И все же…

– Вырубайте движки, – сказала за меня Сиерра Трес. – Оставайтесь на месте. Рисковать не стоит.

– Да, ты права, – я нехотя нашел управление плавучестью и вырубил поддержку грава. Тут же почувствовал, как начал тонуть под заново навалившимся весом снаряжения. Я нащупал и настроил шкалу аварийного всплытия, и почувствовал, как начали заполняться резервные камеры в плавучем жилете. Остановил, как только прекратился спуск, и завис в озаренном сумраке, слушая приближающийся визг лодки.

Может, Елена?

Сияние зеленых глаз. Обрушившийся риф.

В очередной вспышке ангельского пламени я заметил над головой киль судна – большого и акульего, с огромным наростом сбоку. Я сузил глаза и вгляделся в послеразрядный мрак, выкручивая нейрохимию на полную. Похоже, катер что-то тащил.

И напряжение тут же вылилось прочь.

– Чартер, ребята. Везут боттлбэка.

Катер со скучным гулом прополз мимо и исчез на севере, неловко накренившись под весом добычи, даже не приблизившись к нам. Нейрохимия показал мне силуэт мертвого боттлбэка на освещенной голубым поверхности воды, за которым еще тянулись тонкие струйки крови. Массивное тело-торпеда непослушно покачивалось на носовой волне; плавники тянулись, как переломанные крылья. Спинной плавник надорвался и теперь развевался в воде, края выглядели расплывчатыми из-за разрывов и ниток мяса. Рядом волочились незатянутые тросы. Похоже, его загарпунили несколько раз – тот, кто заказал катер, явно не был великим рыбаком.

Когда люди только прибыли на Харлан, боттлбэки жили без естественных хищников. Они были вершиной пищевой цепочки, великолепно приспособившиеся морские охотники и очень умные и социальные животные. Ни один из недавних результатов эволюции на планете не был в состоянии их убить.

Мы это быстро изменили.

– Надеюсь, это не знак, – неожиданно прошептала Сиерра Трес.

Бразилия издал гортанный звук. Я открыл клапаны резервных камер плавучего жилета и включил обратно грав-систему. Вода вдруг показалась холоднее. Пока шло автоматическое отстраивание положения и проверка снаряжения, я чувствовал, как в меня просачивается непонятный, неопределенный гнев.

– Давайте уже закончим, ребята.

Но настроение сохранилось и спустя двадцать минут, пульсируя у висков и за глазами, когда мы выплыли на мель у основания Рилы. Спроецированные на стекло скуба-маски бледно-красные указатели маршрута симуляционного софта Нацуме как будто вспыхивали в ритм моему кровотоку. Во мне рос волной позыв калечить, как бодрость, как веселье.

Мы нашли канал, который рекомендовал Нацуме, пробрались, отталкиваясь руками в перчатках, от камня и наростов кораллов, чтобы не зацепиться. Выползли из воды на узкий край, который софт окрасил и пометил смайликом со слегка демонической улыбкой. «*Вход,* – говорил Нацуме, сбросив на мимолетный миг монашеские приличия. – *Тук-тук*». Я закрепился и огляделся. Моря касался слабый серебряный свет

Дайкоку, но Хотей еще не поднялся, а брызги водоворота и окружающих волн туманили и тот свет, что был. Мир скрывался во мраке. Из-за ангельского огня по скалам побежали тени от очередного взрыва пакета фейерверков где-то на севере. В небе затрещал гром. Я миг оглядывал утес, затем потемневшее море, из которого мы выбрались. Никаких признаков, что нас заметили. Я отцепил от маски шлем ныряльщика и снял. Сбросил ласты и размял пальцы ног в резиновых ботинках.

– Все в порядке?

Бразилия утвердительно хмыкнул. Трес кивнула. Я закрепил шлем на ремне у копчика, где он не будет мешаться, стянул перчатки, сунул их в сумку на поясе. Поправил облегченную маску на лице поудобнее и проверил, что провод с инфосигналом по-прежнему надежно подключен. Закинув голову, я увидел, как над нами четко отмеченными красными опорами для рук и ног выделяется маршрут Нацуме.

– Все видят?

– Да, – Бразилия улыбнулся. – Даже неинтересно, да? Когда все так размечено.

– Значит, пойдешь первым?

– После вас, мистер Эйшундо.

Не давая себе времени задуматься, я потянулся и схватился за первый обозначенный выступ, уперся ногами и подтянулся на скалу. Раскачался и нашел зацепку для второй руки. Скала была влажной от дымки водоворота, но хватка «Эйшундо» держалась. Я уперся ногой в кривой выступ, снова прыгнул и схватился.

И оставил землю позади.

Нехрен делать.

Когда я прошел двадцать метров, в разуме сверкнула мысль и оставила за собой слегка маниакальную улыбку. Нацуме ведь предупреждал, что первые стадии подъема обманчивы. «*Обезьянья тема,* – сказал он серьезно. – *Много широких прыжков, размашистых движений, сил на этом этапе еще полно. Будет даже* весело. *Только помните, что это ненадолго*».

Я поджал губы и тихо подвыл на манер шимпанзе. Подо мной неустанно билось и грызло скалы море. Его шум и запах отскочили вверх по утесу и обдали меня прохладой и сыростью. Я подавил дрожь.

Раскачался. Схватился.

Очень медленно я стал замечать, что подготовка чрезвычайного посланника еще не включилась, чтобы снизить головокружение. С камнем меньше чем в полуметре перед глазами и мускульной системой «Эйшундо», гудящей на костях, можно было даже забыть, что под ногами пропасть. Выше скала

лишилась влажной пленки от водоворота, повторяющийся рев волн стал далеким белым шумом. Гекконовая хватка на ладонях делала стеклянные, предательские выступы до смешного удобными. А самый главный из всех факторов – а может, просто вытекающий из хватки «Эйшундо», – казалось, что я был прав, когда говорил Нацуме, что оболочка сама все умеет.

Затем, когда я добрался до выступов и карнизов, маркеры которых на дисплее были дополнены символом отдыха, я опустил взгляд и посмотрел, как дела у Бразилии и Трес, и тут-то все испортил.

В шестидесяти метрах внизу – а это даже не треть всего подъема – черным руном лежало море с серебром Дайкоку на ряби. Подножие скал у основания Рилы раскинулось в воде твердыми тенями. Два больших выступа, обрамлявших канал, в который мы приплыли, теперь выглядели так, будто могли уместиться мне в руку. Плескание воды между ними завораживало, затягивало вниз. Вид тошнотворно закружился перед глазами.

Включилась подготовка, лишив страх красок. Словно закрылся герметичный шлюз в голове. Взгляд снова вернулся к скале. Сиерра Трес подняла руку и коснулась моей ноги.

– Нормально?

Я осознал, что на минуту застыл на месте.

– Отдыхаю.

Помеченная тропа зацепок отклонялась налево, по диагонали от широкого выступа, который, как предупредил нас Нацуме, практически непроходим. Так что он свернул и полз почти вверх ногами под подбородком выступа, вжимая ноги в миниатюрные складки и трещины скалы, хватая пальцами зацепки, которые едва ли заслуживали звания «опора», пока наконец не добрался обеими руками до серии скошенных карнизов на дальней стороне и не подтянулся в почти вертикальную позицию.

Я стиснул зубы и начал делать то же самое.

На полпути нога соскользнула, потянула весь мой вес и сорвала правую руку со скалы. Невольный хрип – и я повис на левой руке, пока ноги болтались слишком низко, чтобы найти хоть какую-то опору, кроме воздуха. Я бы закричал, но едва восстановившиеся сухожилия в левой руке сделали это за меня.

«Сука».

Держись крепче.

Гекконовая хватка не подвела.

Я вывернулся вверх, наклонив голову, чтобы найти в стекле маски помеченные опоры для ног. Короткое паническое дыхание. Пристроил одну ногу к округлости скалы. С левой руки сошла

крошечная доля напряжения. Не в состоянии видеть через маску, я потянулся в темноте правой рукой выше и на ощупь поискал еще зацепку.

Нашел.

Чуть сдвинул закрепленную ногу и втиснул рядом вторую.

Завис, тяжело дыша.

Нет, не смей тормозить!

Чтобы поднять правую руку к следующей опоре, понадобилась вся сила воли. Еще два движения – и потребовались те же истощающие усилия, чтобы найти следующую. Еще три – слегка изменился угол, – и я осознал, что уже почти на другой стороне выступа. Я поднял руку, нашел первый из скошенных карнизов и подтянулся, задыхаясь и матерясь. Передо мной наконец предстала настоящая, глубокая опора. Я встал ногами на нижний карниз. Обмяк от облегчения, прильнув к холодному камню.

Оттаскивай свою жопу с дороги, Так. Им что, болтаться внизу и ждать тебя?

Я полез по следующим опорам, пока не оказался на вершине выступа. Широкая полка светилась на дисплее маски красным, над ней плавал смайлик. Отдых. Я ждал, пока Сиерра Трес и затем Бразилия появятся снизу и присоединятся ко мне. Большой серфер улыбался, как ребенок.

– Заставил поволноваться, Так.

– Просто. Хватит. Хватит, твою мать, понял?

Мы отдыхали минут десять. Над нашими головами теперь целиком открылся укрепленный козырек под цитаделью – хаотические углы природной скалы, торчащей над головой, дополняли прямые линии. Бразилия кивнул наверх.

– Уже рукой подать, а?

– Да, и волноваться не о чем, кроме разве что рипвингов, – я вытащил спрей-репеллент и щедро облился. Трес и Бразилия повторили за мной. Запах у него был тонкий, какой-то зеленый, который в припадочной темноте казался сильнее. Может, это и не отпугнет рипвингов при любых обстоятельствах, но точно будет держать на расстоянии. А если этого окажется мало…

Я достал «Рапсодию» из кобуры внизу грудной клетки и прижал к рабочей поверхности на груди. Она пристала, легко доступная в доли секунды, – если, конечно, у меня будут свободные руки. При перспективе встречи с полным утесом голодных перепуганных рипвингов, которые будут защищать детенышей, я бы предпочел свой тяжелый бластер «Санджет» на спине, но им бы я ни за что не смог управлять с толком. Я скривился, сдвинул маску и снова проверил инфоджек. Сделал

глубокий вдох и потянулся к следующим опорам.

Теперь утес стал выгибаться, выпирать, вынуждая лезть под углом в двадцать градусов, отклоняясь назад. Путь, по которому шел Нацуме, петлял по скале, руководствуясь редкой доступностью достойных опор, и даже при этом возможности отдохнуть были редки и разбросаны далеко друг от друга. Ко времени, когда изгиб сгладился обратно до вертикали, руки у меня болели от плеч до кончиков пальцев, а горло саднило от учащенного дыхания.

Держись крепче.

Я нашел помеченную на дисплее диагональную трещину, передвинулся к ней, чтобы уступить место остальным, и вбил в нее руку по локоть. Затем вяло повис для передышки.

Запах ударил в ноздри в тот же момент, как я увидел тончайшие белые нити, болтающиеся сверху.

Маслянистый, кислый.

Ну начинается.

Я вывернул голову и посмотрел вверх для подтверждения. Мы были прямо под гнездом колонии. Вся поверхность скалы была залеплена толстым слоем сливочно-белой паутинной секреции, в которой плавали эмбрионы рипвингов и в которой жили первые четыре месяца созревания. Очевидно, где-то прямо надо мной выросшие птенцы вырывались из нее и либо взмывали, либо неумело наворачивались головой вниз навстречу дарвиновскому финалу в море.

Давай сейчас об этом не будем, а?

Я напряг нейрохимическое зрение и осмотрел колонию. Тут и там на выступающих утесах в белой массе чистились и трепали крыльями темные силуэты, но было их немного. «*Рипвинги не проводят много времени в гнездах*, – заверил нас Нацуме. – *У них нет яиц, чтобы их греть, а эмбрионы подпитываются напрямую от паутины*. – Как и большинство суровых скалолазов, он был еще и экспертом по фауне на полставки. – *Вы наткнетесь на пару сторожей, рожающую самку или, может, наевшихся родителей, которые выделяют еще больше жижи на свой собственный участок. Если пойдете аккуратно, вас трогать не будут*».

Я снова скривился и полез выше от трещины. Маслянистая вонь усилилась, к костюму начали прилипать ошметки рваной паутины. Всюду, где они меня касались, тут же бледнела система хамелеохрома. Я прекратил дышать через нос. Быстрый взгляд вниз подтвердил, что остальные следуют за мной с перекошенными от запаха гримасами.

А затем расщелина неизбежно кончилась, и дисплей сказал, что следующие опоры зарыты глубоко под паутиной. Я

безотрадно кивнул и погрузил руку, шевеля пальцами, пока не нащупал каменный шип, напоминавший красную модель на дисплее. Он казался вполне устойчивым. Второе погружение в паутину подарило мне еще одну опору, даже лучше, и я ударил ногой вбок в поисках карниза, тоже покрытого этой гадостью. Теперь, даже дыша через рот, я чувствовал масло в глотке.

Это было куда хуже, чем облезать выпуклость. Опоры были удобные, но всякий раз приходилось запускать руки или ноги в плотные, цепляющиеся паутины. Приходилось следить за неразличимыми тенями эмбрионов, висящих внутри, потому что даже эмбрионы умели кусаться, а гормоны страха, которые они выпускали в паутину, стоит их коснуться, разливались в воздухе, словно химическая сирена. Уже через секунды на нас накинутся сторожа, и я невысоко оценивал наши шансы сражаться с ними, не свалившись.

Сунуть руку. Пощупать.

Схватиться. Двигаться.

Вырваться и стряхнуть руку. Давиться от высвободившейся вони. Сунуть руку назад.

Теперь мы были с ног до головы покрыты нитями, а мне было трудно вспомнить, каково вообще было лезть по чистой скале. На краю почти чистой прогалины я миновал дохлого и гниющего птенца, застрявшего когтями вверх тормашками в узле паутины, из которого не смог вырваться и умер с голоду. Это добавило к вони новые, приторно-сладкие полутона гнили. Выше почти взрослый эмбрион, кажется, повернул ко мне свой клюв, пока я опасливо рылся в жиже в полуметре от него.

Я подтянулся на карниз, ставший закругленным и липким от паутины.

На меня бросился рипвинг.

Наверное, он испугался не меньше, чем я. Поднимающийся туман репеллента и выползающая вслед за ним массивная черная фигура – можно себе представить. Он остервенело клюнул меня в глаза, но только попал по маске и толкнул мою голову назад. Клюв скользнул по стеклу. Я потерял хватку левой рукой, закрутился на правой. Рипвинг каркнул и выгнулся ниже, метя в горло. Я почувствовал, как зазубренный клюв коснулся кожи. Другого пути нет, я изо всех сил подтянулся правой рукой на карниз. Хлестнул левой, с нейрохимической скоростью, и поймал зверюгу за горло. Сорвал с карниза и швырнул вниз. Раздался еще один удушенный хрип, затем взрыв кожаных крыльев. Вскрикнула Сиерра Трес.

Я снова схватился левой рукой и посмотрел вниз. Оба напарника были на месте. Рипвинг превратился в удаляющуюся

крылатую тень, парящую над морем. Я глубоко вздохнул.

– Вы в порядке?

– Можешь, пожалуйста, так больше не делать? – проскрежетал Бразилия.

Мне и не пришлось. Дальше маршрут Нацуме повел нас по области с рваной и старой паутиной, наконец – через узкую полосу жирной секреции, а потом мы выбрались. Через десяток опор после этого мы примостились на платформе из обработанного камня под укрепленным козырьком цитадели Рилы.

Обмен натянутыми улыбками. На платформе хватало места, чтобы сесть. Я стукнул по индукционному микрофону.

– Иса?

– Да, я здесь, – ее голос казался нехарактерно высоким, торопливым от напряжения. Я снова улыбнулся.

– Мы наверху. Сообщи остальным.

– Ладно.

Я откинулся на скалу и по-лошадиному фыркнул. Уставился на горизонт.

– Я больше никогда *не* хочу это повторять.

– Но все же осталось еще немного, – сказала Трес, показывая большим пальцем на козырек. Я проследил за движением и осмотрел нижний край укрепления.

«*Архитектура лет Освоения*, – Нацуме почти издевался. – *Вся такая барочная. С тем же успехом могли бы и лестницу навесить*». И проблеск гордости, которую не смогли отнять все годы Отречения. – *Конечно, они и не ожидали, что кто-то сможет туда залезть*».

Я изучил резьбу на скошенном нижнем краю выступа, уходящего от нас наверх. В основном стандартные мотивы с крыльями и волнами, но местами встречались стилизованные лица, символизирующие Конрада Харлана и некоторых самых примечательных его родственников из эры Освоения. Каждые десять квадратных сантиметров кладки являли собой достойную опору. Расстояние до края выступа было меньше трех метров. Я вздохнул и поднялся обратно на ноги.

– Ну ладненько.

Бразилия встал рядом, оглядывая резьбу.

– Вроде легко, а? Как думаешь, есть там сенсоры?

Я прижал «Рапсодию» к груди, чтобы убедиться, что она надежно закреплена. Расстегнул чехол с бластером на спине. Поднялся на ноги.

– Какая, нахрен, разница.

Я поднял руки, сунул кулак в глаз Конраду Харлану и

ухватился пальцами. Затем полез над пропастью, даже не успев об этом задуматься. Через тридцать секунд висения я был на вертикальной стене. Там я нашел похожую резьбу и спустя секунды уже сидел на парапете три метра шириной, вглядываясь вниз, на строгий изящный двор в форме слезы с галереями по краям, гравием, разровненным граблями, и скрупулезно расставленными камнями. Где-то на середине стояла небольшая статуя Харлана со склоненной головой и медитативно сложенными ладонями, в тени идеализированного марсианина за спиной, крылья которого раскинулись в жесте покровительства и передачи власти. В дальнем конце закругленного двора наружу вела царственная арка – как я знал, к тенистым дворам и садам гостевого крыла цитадели.

Мимо меня пронеслось благоухание трав и скальных фруктов, но, не считая самого ветра, никаких звуков поблизости не слышалось. Гости, судя по всему, собрались в центральном комплексе, где сверкали огни и откуда ветер доносил шум празднования. Я выкрутил нейрохимию и выловил смех, элегантную музыку, которую Иса бы возненавидела, и звенящий в песне голос, довольно красивый.

Я достал «Санджет» из чехла на спине и повысил мощность. В темноте, в авангарде группы со смертью в руках, я на миг почувствовал себя каким-то злым духом из легенд. За мной поднялись Бразилия и Трес и распределились по парапету. У большого серфера в руках лежала старинная тяжелая шрапнельная винтовка; Трес взяла свой бластер в левую, чтобы освободить место в правой для «Калашникова» с твердым боезапасом. На ее лице было отрешенное выражение, и казалось, будто она взвешивает оба оружия или собирается их выбросить. Ночное небо разорвалось от ангельского огня и осветило нас, голубоватых и нереальных. Словно сигнал, пророкотал гром. На заднем фоне за всем этим звал водоворот.

– Ну ладно, – сказал я мягко.

– Да, на этом закончим, – произнес женский голос из благоухающих теней. – Опустите оружие, пожалуйста.

Глава тридцать вторая

Из галерей показались силуэты, вооруженные и бронированные. Не меньше десятка. Тут и там я видел бледные лица, но на большинстве были громоздкие маски улучшенного зрения и шлемы в стиле тактических морпехов. Боевая броня охватывала их грудь и конечности, словно дополнительные мускулы. Оружие было равно тяжеловесным. Осколочные бластеры с широкими раструбами насадок для разброса, шрапнельные винтовки на век новее, чем прихватил на вечеринку Джек Соул Бразилия. Пара больших плазмопушек для стрельбы с бедра. В крепости Харлана никто не собирался рисковать.

Я мягко направил ствол «Санджета» к каменному парапету. Легко держался за приклад. Периферийное зрение сказало, что Бразилия так же поступил со своей винтовкой, а Сиерра Трес держала оружие у боков.

– Да, на самом деле я имела в виду *сложить* оружие, – учтиво сказала женщина. – Другими словами, избавиться от него совершенно. Возможно, мой амеранглийский не такой естественный, как хотелось бы.

Я повернулся в направлении голоса.

– Это ты, Аюра?

Возникла долгая пауза, а затем она вышла из-под арки в конце изящного двора. Ее осветил очередной разряд орбитальника, затем вновь опустился сумрак, так что, чтобы сохранить детали, мне пришлось прибегнуть к нейрохимии. Офицер безопасности Харланов была воплощением красоты Первых Семей – элегантные, почти неподвластные возрасту евразийские черты, а черные волосы, собранные в высокую прическу в статическом поле, словно и венчали, и обрамляли ее личико. Живой ум во взгляде и губах, незаметнейшие морщинки по уголкам глаз, чтобы намекнуть на прожитые годы. Высокое, стройное тело в простой стеганой куртке с ромбами черного и темно-красного цветов и высоким воротником, обозначающим должность, в тон брюкам, достаточно широким, чтобы, когда она стоит спокойно, казаться настоящим королевским платьем. Туфли на плоской подошве, в которых, если придется, можно бежать или драться.

Осколочный пистолет. Не нацеленный, но и не опущенный.

Она улыбнулась в тусклом свете.

– Я Аюра, да.

– А дебильный молодой я тоже с тобой?

Новая улыбка. Бровь приподнялась, она искоса взглянула

туда, откуда пришла. Он вышел из-под темного свода. На его лице была ухмылка, но как будто не очень твердо закрепленная.

– Я здесь, старик. Хотел что-то сказать?

Я оглядел загорелое боевое тело, подобранную позу и связанные сзади длинные волосы. Как какой-то гребаный злодей из дешевой самурайской киношки.

– С тобой говорить все равно без толку, – ответил я. – Просто подсчитываю идиотов.

– Да? Ну, это не я только что лез двести метров, чтобы попасть в засаду.

Я пропустил подколку мимо ушей и перевел взгляд на Аюру, которая наблюдала за мной с веселым любопытством.

– Я пришел за Сильви Осимой, – сказал я тихо.

Молодой я коротко гоготнул. Кто-то из бронированных мужчин и женщин подхватил смех, но ненадолго. Слишком нервничали; слишком много пушек на виду. Аюра подождала, пока продребезжат последние смешки.

– Я думаю, нам всем это известно, Ковач-сан. Но я не представляю, как вы собираетесь достичь своей цели.

– Ну, вы сейчас сходите и приведете ее.

Снова издевательский смех. Но улыбка офицера безопасности побледнела, и она резким жестом попросила тишины.

– Будьте серьезнее, Ковач-сан. Мое терпение не безгранично.

– Поверьте, мое тоже. И я устал. Так что лучше пошлите парочку своих людей привести Сильви Осиму из той пыточной, куда вы ее упрятали, и надейтесь, что она цела и здорова, потому что иначе переговорам конец.

Теперь в саду камней воцарилась тишина. Смеха больше не было. Убедительность чрезвычайного посланника, моя интонация, выбор слов, расслабленность позы – все это велело им верить.

– Что именно вы предлагаете на этих переговорах, Ковач-сан?

– Голову Мици Харлан, – сказал я просто.

Тишина выкрутилась на максимум. Лицо Аюры было словно выгравировано из камня, так мало эмоций она выдала. Но что-то в том, как она стояла, изменилось, и я понял, что зацепил ее.

– Аюра-сан, я не блефую. Любимая внучка Конрада Харлана была захвачена две минуты назад ударной группой куэллистов в Данти. Ее охрана из секретной службы мертва, как будет мертв любой, кто совершит глупость и попытается ее спасти. Вы сосредоточили силы не в том месте. И теперь у вас меньше тридцати минут, чтобы вернуть мне Сильви Осиму невредимой. После я потеряю контроль над событиями. Убейте нас, берите в плен. Это не важно. Ничего не изменится. Мици Харлан умрет в

мучениях.

Я переломил ситуацию. На парапете было прохладно и тихо, я слабо слышал водоворот. Это был надежный, тщательно продуманный план, но он не гарантировал, что меня не убьют. Я кратко задумался, что случится, если меня сострелят с края. Если я погибну до того, как упаду.

– Говно крабье! – это был я. Он шагнул к парапету, в его движениях бушевала сдерживаемая ярость. – Ты блефуешь. Ты никак не…

Я встретился с ним взглядом, и он заткнулся. Я мог ему посочувствовать – я испытывал то же самое леденящее кровь неверие, когда впервые посмотрел в его глаза и по-настоящему понял, кто за ними. Раньше я уже пробовал двойное облачение, но это была углеродная копия того же меня, а не эхо из другого времени и места в моей жизни. Не этот призрак.

– Не мог? – я повел рукой. – Ты забываешь, что еще не прожил сотню с чем-то лет моей жизни. И вопрос даже не в этом. Мы говорим не обо мне. А об отряде куэллистов с тремя сотнями лет задавленной ненависти и никчемной лахудрой-аристткой на пути между ними и их любимым лидером. Ты это понимаешь, Аюра-сан, даже если моя идиотская молодая версия – нет. Они сделают все, что от них потребуется. И ничего из того, что я скажу или сделаю, не изменит этого, только если вы не отдадите Сильви Осиму.

Аюра что-то пробормотала молодому мне. Затем достала телефон из куртки и взглянула на меня.

– Прошу меня простить, – сказала она вежливо, – если я не приму ваши слова на веру.

Я кивнул.

– Пожалуйста, подтверждайте сколько угодно. Но прошу поторопиться.

Офицеру безопасности не пришлось долго добиваться ответов. Она не успела сказать и двух слов в трубку, как ей в ухо полился поток паникерского лепета. Я слышал голос на том конце даже без нейрохимии. Ее лицо посуровело. Она бросила несколько приказов на японском, оборвала говорившего, затем отключилась и убрала телефон в куртку.

– Как вы планируете уйти? – спросила она.

– А, понадобится вертолет. Я так понимаю, у вас их тут штук шесть есть. Ничего особенного, с одним пилотом. Если будет хорошо себя вести, вернем его невредимым.

– Да, если вас не спалит в небесах нервный орбитальник, – протянул Ковач. – Сегодня неудачное время для полетов.

Я с неприязнью посмотрел на него.

– Я готов рискнуть. Не самый дурацкий поступок в моей жизни.

– А Мици Харлан? – офицер безопасности Аюра наблюдала за мной, как хищник. – Какие я получу гарантии ее безопасности?

Впервые с начала конфронтации сбоку от меня пошевелился Бразилия.

– Мы не убийцы.

– Нет? – Аюра перевела взгляд на него, как сторожевая пушка с аудиореакцией. – Похоже, об этом новом виде куэллизма мне еще не доводилось слышать.

Впервые мне показалось, что я услышал в голосе Бразилии надрыв.

– Пошла ты, палачка. С кровью целых поколений на руках еще собираешься учить нас морали? Первые Семьи всегда…

– Эту дискуссию мы продолжим в другой раз, – громко объявил я. – Аюра-сан, твои тридцать минут истекают. Убийство Мици Харлан сделает куэллистов непопулярными, и я думаю, ты понимаешь, что они хотят этого избежать всеми силами. Если этого мало, я даю свое слово. Подчинитесь нашим требованиям, и я лично прослежу, чтобы внучка Харлана вернулась невредимой.

Аюра искоса взглянула на другого меня. Он пожал плечами. Может, чуть кивнул. А может, промелькнула мысль о том, что придется говорить с Конрадом Харланом с окровавленным трупом Мици на руках.

Я видел, как решение пускает в ней корни.

– Очень хорошо, – сказала она поспешно. – Я верю вашему слову, Ковач-сан. Мне не нужно объяснять, что это значит. Когда придет время расплаты, ваше поведение в этом вопросе может быть единственным доводом, который убережет вас от гнева семьи Харланов.

Я расплылся в краткой улыбке.

– Не надо мне угрожать, Аюра. Когда придет время расплаты, я буду очень далеко. И это обидно, ведь жалко не увидеть, как ты и твои жалкие хозяева по иерархии будут сбиваться с ног, чтобы перевести награбленное на внепланетные счета, прежде чем народные массы вздернут вас на портовом кране. А теперь. Где мой сраный вертолет?

* * *

Они принесли Сильви Осиму на грав-носилках, и когда я впервые ее увидел, подумал, что Голубым Жучкам все же придется казнить Мици Харлан. Женщина с железными волосами

стала смертельно-бледной подделкой той, что я помнил по Текитомуре: исхудавшая от недель на успокоительных, больное лицо опалено на щеках лихорадочным цветом, губы искусаны, веки слегка прикрывали мечущиеся глаза. На лбу лежала пленка пота, блестевшая в свете врачебной лампы в изголовье носилок, а на левой половине лица приклеен длинный прозрачный пластырь на тонком порезе, который шел от скулы к подбородку. Когда ангельский огонь осветил сад камней, Сильви Осима в голубоватой вспышке могла показаться покойницей.

Я скорее почувствовал, чем увидел возмущенное напряжение, охватившее Сиерру Трес и Бразилию. По небу прокатился гром.

– Это она? – натянутым голосом спросила Трес.

Я поднял свободную руку.

– Просто. Полегче. Да, это она. Аюра, какого хрена вы с ней делали?

– Я не рекомендую нервничать, – но в голосе офицера безопасности слышалось напряжение. Она знала, как близки мы к срыву. – Рана – дело ее рук, мы не успели ее остановить. Была испытана процедура, и реакция оказалась скверной.

Я вспомнил об Инненине, как Джимми де Сото изувечил себе лицо, когда ударил вирус Роулинга. Я знал, какую процедуру испытывали на Сильви Осиме.

– Вы ее кормили? – спросил я голосом, который покоробил мой собственный слух.

– Внутривенно, – Аюра убрала оружие, пока мы ждали, когда ее люди доставят Сильви в сад камней. Теперь она двинулась вперед, разведя руки в стороны, успокаивая. – Вы должны понять, что…

– Мы все отлично понимаем, – сказал Бразилия. – Мы понимаем, что за люди вы и ваш род. И однажды мы очистим от вас этот мир.

Должно быть, он двинулся, может, дернул стволом шрапнельной винтовки. С паническим лязгом оружие в саду взлетело. Аюра развернулась.

– *Нет! Спокойно*. Всем.

Я бросил взгляд на Бразилию, пробормотав:

– Ты тоже, Джек. Не просри все.

Тихий рубленый звук. Над вытянутыми линиями гостевого крыла цитадели к нам понесся узкий черный свупкоптер «Дракул», опустив нос. Он широко мотнулся над садом камней, над морем, помедлил миг, когда небо растрескалось синим, затем, покачиваясь, вернулся, выпустив хватательное шасси. Перемена в реве движка – и он сел с насекомоподобной точностью на парапет справа от нас. Если того, кто им управлял,

и тревожила орбитальная активность, это не было заметно.

Я кивнул Сиерре Трес. Она согнулась под мягким вихрем роторов и, пригнувшись, побежала к свупкоптеру. Я видел, как она заглянула и кратко перекинулась словом с пилотом; затем повернулась и показала «о'кей». Я опустил «Санджет» и обратился к Аюре:

– Так, ты и младшенький. Поднимайте ее, давайте ко мне. Поможете загрузить. *Все остальные – назад.*

Было неловко, но мы втроем сумели затащить Сильви Осиму из сада камней на парапет. Бразилия отошел, чтобы встать между нами и пропастью. Я взял сероволосую женщину под руки, пока Аюра поддерживала спину, а Ковач ноги. Вместе мы перенесли ее обмякшее тело к свупкоптеру.

И у дверей, в громыхании роторов над головой, Аюра Харлан наклонилась ко мне над полубессознательным телом, которое мы держали. Свупкоптер был стелс-транспортом, предназначенным для тихого перемещения, но вблизи роторы издавали столько шума, что я не смог разобрать, что она сказала. Я изогнул шею.

– Что-что?

Она придвинулась еще ближе. Зашипела прямо в ухо.

– Я сказала – верни мне ее целой, Ковач. Эти клоуны-революционеры – с ними мы разберемся в другой раз. Но если они тронут тело или разум Мици Харлан, я потрачу все свое существование, чтобы выследить тебя.

Окруженный шумом, я улыбнулся в ответ. Повысил голос, когда она отстранилась.

– Мне не страшно, Аюра. Я общался с такой дрянью, как ты, всю жизнь. Ты получишь Мици потому, что я так обещал. Но если правда за нее так переживаешь, лучше отправь Мици в продолжительный внепланетный отпуск. Эти ребята шутить не любят.

Она опустила взгляд на Сильви Осиму.

– Ты же знаешь, это не она, – прокричала она. – Не может быть, чтобы это была она. Куэллкрист Фальконер мертва. По-настоящему.

Я кивнул.

– Ладно. Если это правда, что же все уроды из Первых Семей так забегали?

Крик офицера безопасности стал искренне взволнованным.

– Почему? Потому что, Ковач, кем бы она ни была – а она *не* Куэлл, – *кем* бы она ни была, она принесла из Нечистой зоны чуму. Новый вид смерти. Спроси ее о протоколе «Куалгрист», когда она очнется, а потом спроси себя: так ли ужасно то, что я делала, лишь бы остановить ее?

– Хой! – это был молодой я, с торчащими из-под коленей Сильви локтями и выразительно разведенными руками. – Мы загрузим эту суку или вы всю ночь болтать собираетесь?

Я долго выдерживал его взгляд, затем осторожно поднял голову и плечи Сильви к ожидающей в тесной кабине свупкоптера Сиерре Трес. Второй Ковач с силой толкнул, и внутрь проскользнуло все тело. Из-за движения он оказался ко мне вплотную.

– Это еще не конец, – проорал он мне в ухо. – У нас с тобой незаконченные дела.

Я убрал одну руку из-под колена Сильви Осимы и пихнул его локтем подальше от нее. Наши взгляды сомкнулись.

– Не искушай меня, – крикнул я, – мелкий продажный сучонок.

Он ощерился. Бразилия рванул ближе. Аюра положила ладонь на руку молодого меня и сердито проговорила ему что-то на ухо. Он сдал назад. Прицелился в меня указательным пальцем и ткнул. То, что он сказал, заглушил шум роторов. Затем офицер безопасности Харланов увела его назад, вдоль парапета, на безопасное расстояние. Я запрыгнул на «Дракул», уступил место Бразилии и кивнул Сиерре Трес. Она заговорила напрямую с пилотом, и свупкоптер ослабил хватку на парапете. Я уставился на второго, молодого, Ковача. Увидел, как он уставился в ответ.

Мы оторвались.

У Бразилии рядом со мной на лице была приклеена ухмылка, словно маска для какой-то церемонии, на которую меня не пригласили. Я устало кивнул ему в ответ. Вдруг я почувствовал, что сломлен, телом и разумом. Долгое плавание, неустанные усилия и почти смертельные события подъема, натянутое до предела напряжение столкновения – все обрушилось на меня разом.

– У нас получилось, Так, – проревел Бразилия.

Я покачал головой. Собрал силы в кулак.

– Пока что неплохо, – возразил я.

– Ай, не надо так.

Я снова покачал головой. Держась за дверной проем, я выглянул из свупкоптера и всмотрелся в быстро уменьшающиеся огни цитадели Рилы. Я больше не мог видеть фигурки в саду камней обычным зрением и слишком устал, чтобы применять нейрохимию. Но даже через растущую с каждой секундой дистанцию я чувствовал его взгляд и пылающую в нем безжалостную ненависть.

Глава тридцать третья

Мы нашли «Островитянина с Боубина» ровно там, где он и должен был ждать. Мореходные навыки Исы, не без помощи пилотного ПО тримарана, были безукоризненны. Сиерра Трес поговорила с пилотом, который – судя, конечно, по очень краткому знакомству, – оказался приличным парнем. Будучи заложником, во время полета он не нервничал и однажды сказал Сиерре Трес что-то такое, отчего она засмеялась вслух. Теперь он лаконично кивнул, пока она говорила ему на ухо, поднял на максимум пару шкал на приборной доске, и свупкоптер упал навстречу яхте. Я попросил жестом лишнюю рацию и прислонил ее к уху.

– Еще тут, Аюра?

Вернулся ее голос, точный и пугающе вежливый.

– Я еще слушаю, Ковач-сан.

– Хорошо. Мы готовимся садиться. Твой летун знает, что надо быстро отвалить, но лишний раз подчеркну: я хочу, чтобы небо было чистое во всех…

– Ковач-сан, у меня нет полномочий на…

– А ты найди. Я ни на миг не поверю, что Конрад Харлан не может опустошить все небо над Миллспортским архипелагом, если захочет, даже если не можешь лично ты. Так что слушай внимательно. Если увижу в следующие шесть часов хоть один вертолет на нашем горизонте – Мици Харлан конец. Если увижу в следующие шесть часов воздушный след на нашем радаре – Мици Харлан конец. Если увижу хоть одно судно на хвосте – Мици Харлан…

– Ты понятно объяснил, Ковач. – Чинный тон в ее голосе быстро улетучивался. – За вами не будут следовать.

– Спасибо.

Я бросил рацию обратно на сиденье рядом с пилотом. Снаружи свупкоптера было мрачно. С самого взлета не ударило ни одного орбитального разряда, и, судя по отсутствию фейерверков на севере, световое шоу подходило к концу. С запада надвигались плотные тучи, удушая поднимающийся край Хотея. Дайкоку скрывалась выше за тонкой вуалью, а Мариканон вовсе пропала из виду. Казалось, что пойдет дождь.

«Дракул» сделал узкий круг над тримараном, и я увидел на палубе Ису с белым лицом, которая неубедительно размахивала одной из старинных шрапнельных винтовок Бразилии. При этом виде уголки моих губ тронула улыбка. На повороте мы отошли подальше и опустились к уровню моря, затем скользнули боком к

«Островитянину с Боубина». Я стоял в дверях и медленно махал. Напряжение отпустило лицо Исы, и она убрала шрапнельную винтовку. Пилот посадил аппарат в углу палубы «Островитянина с Боубина» и прокричал нам через плечо:

– Конечная остановка, народ!

Мы спрыгнули, спустили все еще полубессознательное тело Сильви и аккуратно положили на палубу. Туман водоворота накрыл нас, как холодное дыхание морских духов. Я наклонился обратно в кабину.

– Спасибо. Плавно долетели. Тебе пора валить.

Он кивнул, и я отступил. «Дракул» расцепился с палубой и поднялся. Нос повернулся, и через секунды аппарат уже был в сотне метров, поднимаясь в ночное небо с приглушенным шепотом. Когда шум стих, я сосредоточил внимание на женщине у моих ног. Бразилия согнулся над ней, поднимая веко.

– Вроде бы все не очень плохо, – пробормотал он, когда я присел рядом. – Небольшая температура, но дыхание нормальное. У меня внизу есть снаряга, на которой ее нужно проверить.

Я приложил тыльную сторону ладони к ее щеке. Под пленкой брызг водоворота она была горячей и сухой на ощупь, как тогда в Нечистой. И, несмотря на экспертное медицинское мнение Бразилии, ее дыхание не казалось мне таким уж нормальным.

Ну да, это же человек, который предпочитает наркотикам рекреационные вирусы. Видимо, небольшая температура – *термин относительный, а, Микки*?

Микки? А куда делся Ковач?

А Ковач остался там, вылизывает заднищу Аюре Харлан. Вот куда делся твой Ковач.

Проблеск яркого гнева.

– Может, спустим ее вниз, – предложила Сиерра Трес.

– Да, – без тепла отозвалась Иса. – Она хреново выглядит.

Я подавил внезапную иррациональную вспышку неприязни.

– Иса, какие новости от Коя?

– А, – она пожала плечами. – Последний раз, когда я проверяла, все было нормально, они передвигались…

– В последний раз, когда ты *проверяла*? Какого хрена, Иса? Давно это было?

– Не знаю, я следила по радару за вами! – ее голос стал громче от обиды. – Увидела, как вы прибываете, подумала…

– Иса, давно, мать твою?

Она закусила губу и уставилась на меня.

– Недавно, понял!

– Ты… – я сжал кулак опущенной руки. Призвал спокойствие. Она не виновата, она ни в чем не виновата. – Иса, спустись и

немедленно сядь за рацию. Пожалуйста. Свяжись, узнай у Коя, все ли в порядке. Скажи ему, что мы здесь закончили, уже уходим.

– *Хорошо*, – в ее лице и интонации все еще сквозила обида. – Спущусь.

Я посмотрел, как она уходит, вздохнул и помог Бразилии и Трес поднять вялое, горячее тело Сильви Осимы. Ее голова закатилась, и мне пришлось быстро сдвинуть руку, чтобы ее подхватить. Повисшая копна серых волос местами как будто дергалась, мокрая от брызг, но движение было малозаметное. Я вгляделся в бледное и одновременно раскрасневшееся лицо и почувствовал, как поджимается от разочарования подбородок. Иса была права: выглядела она хреново. Не то, что представляется, когда думаешь о статной героине боев Отчуждения с огнем в глазах. Не то, что ожидаешь, когда люди вроде Коя разглагольствуют о пробудившихся и мстительных призраках.

Не *знаю, не знаю, как раз призраком она может стать очень скоро.*

Ха-ха, сука.

Иса появилась у сходного трапа на корме, как раз когда мы подошли. Погрузившись в свои горькие мысли, я не сразу заметил ее лицо. А к этому времени уже было слишком поздно.

– Ковач, прости, – сказала она умоляющим голосом. Свупкоптер.

Слабая, мягкая рубка роторов, появляющихся из шума водоворота. Смерть и ярость на крыльях ниндзя.

– Их накрыли, – плакала Иса. – Их выследили коммандос Первых Семей. Адо ранена, все остальные… половина из них. Мици Харлан у них.

– У кого? – Сиерра Трес с нехарактерно расширившимися глазами. – У кого она? У Коя или…

Но я уже знал ответ.

– *Воздух!*

Это крикнул я. Уже пытаясь положить Сильви Осиму на палубу, не уронив. Бразилия подумал о том же, но сделал противоположное. Мы потянули тело Сильви в разные стороны. Сиерра Трес закричала. Мы все двигались словно в грязи, неграциозно и медленно.

Словно миллион разъяренных водяных, океан у нашей кормы разорвал град пулеметного огня, а затем обрушился на любовно отполированную палубу «Островитянина с Боубина». Самое жуткое, что все происходило в тишине. Вода плескалась и шлепала, безобидно молчаливая и игривая. Вокруг нас всюду разлетались щепки пластика и дерева. Иса закричала.

Я опустил Сильви на диван на корме. Упал на нее. Из потемневшего неба над водой на высоте бреющего полета пронеслась машина «Дракул», словно привстав на собственном приглушенном пулеметном огне. Пушки снова дали залп, и я скатился с дивана, стаскивая безучастную Сильви за собой. Когда я упал в тесном пространстве на пол, что-то тупое ударило мне в ребра. Я почувствовал, как по мне проскользнула тень свупкоптера, а затем исчезла, и только затихшие моторы бормотали в стороне.

– Ковач? – это был Бразилия, выше на палубе.

– Еще здесь. Ты?

– Он возвращается.

– Ну, сука, естественно, – я высунулся из укрытия и увидел, как «Дракул» разворачивается в дымке. Первый прогон был скрытной атакой – он не знал, ожидали мы его или нет. Теперь это не имело значения. Он не будет торопиться, пересидит на расстоянии, покрошит нас в ошметки.

Ублюдок.

Ярость брызнула из меня гейзером. Все спертое бешенство, которое не позволила выпустить встреча с Аюрой. Я с трудом вскочил у кормовых диванов, схватился за комингс трапа и подтянулся на палубу. Там скорчился Бразилия, прижав к себе обеими руками шрапнельную винтовку. Он угрюмо кивнул вперед. Я проследил за взглядом, и ярость завязалась во мне в новый узел. Сиерра Трес лежала с ногой, размазанной на красные блестящие клочки. Иса была рядом, вся в крови. Ее дыхание вырывалось крошечными частыми выдохами. В паре метров лежала брошенная шрапнельная винтовка, которую она вынесла на палубу.

Я побежал к ней, подхватил, как любимого ребенка. С другого конца палубы открыл огонь Бразилия. Его шрапнельная винтовка издала ревущий, разрывающий треск, дульная вспышка вырвалась из ствола на метр. Свупкоптер мотнулся вправо, задирая нос, когда пилот заметил огонь. Мачты «Островитянина с Боубина» со свистом разорвал новый пулеметный залп, но слишком высоко, чтобы летчик переживал. Я закрепился на слегка качающейся палубе и прижал приклад к плечу. Прицелился и начал стрелять, как только «Дракул» опустился обратно. Винтовка заревела в ухе. На попадание надежды было мало, но стандартная шрапнель винтовки детонирует при близости к цели, и может быть, может быть…

Может быть, он достаточно замедлится, чтобы ты попал? Приди в себя, Микки.

На миг я вспомнил про «Санджет», брошенный на парапет,

когда я поднимал Сильви Осиму. Если бы он был у меня сейчас, снять этого гада с небес было бы раз плюнуть.

Ага, а так ты сидишь с музейным экспонатом Бразилии. Отличный ход, Микки. Эта ошибка тебя и убьет.

Второй стрелок с нашего корабля, похоже, заставил пилота понервничать, хотя ничего, что мы запустили в небо, его не тронуло и близко. Может, он не был военным пилотом. Он снова прошел над нами под крутым углом скольжения, чуть не зацепившись за мачты. Он был так низко, что я видел лицо за маской, всматривающееся вниз, пока он разворачивал аппарат. Со скрежетом зубов, лицом, пропитанным брызгами водоворота, я вел сопроводительный огонь, пытаясь не выпускать его из прицела, чтобы задеть хоть раз.

А затем посреди оружейного рыка и плывущего тумана у хвоста «Дракула» что-то взорвалось. Один из нас смог засадить снаряд достаточно близко для детонации в воздухе. Свупкоптер запнулся и развернулся. Он казался неповрежденным, но выстрел, видимо, напугал пилота. Он снова поднял машину, обходя нас по широкой поднимающейся дуге. Снова вдарили бесшумные пулеметы, разрывая палубу по направлению ко мне. Магазин винтовки опустошился, раскрылся для перезарядки. Я бросился в сторону, упал на палубу и заскользил к лееру по мокрому дереву…

И тут явился ангельский огонь.

Из ниоткуда – длинный любопытный палец голубого цвета. Он ткнул из-за облаков, прорезал мокрый от брызг воздух, и свупкоптер разом исчез. Никакого жадно бегущего ко мне пулеметного огня, ни взрыва, никакого шума вообще, не считая потрескивания потревоженных молекул воздуха на пути луча. Небо, где «Дракул» принял удар, вспыхнуло и угасло, оставив след на сетчатке.

…и я врезался в леер.

Долгий миг было слышно только водоворот и шлепанье волн о корпус прямо подо мной. Я выгнул шею и осмотрелся. Небо упрямо оставалось пустым.

– Попался, сволочь, – прошептал я.

Подгрузилась память. Я поднялся и побежал туда, где в ползучих алых разводах, разбавленных водой, лежали Иса и Сиерра Трес. Трес привалилась к рубке хорошей погоды и накладывала себе шину из обрывков пропитанной кровью ткани. Когда она затягивала, скрежетала зубами – мимо проскочил один-единственный вздох боли. Она поймала мой взгляд и кивнула, затем перекатила голову туда, где возле Исы присел Бразилия, хлопоча руками над раскинувшимся телом подростка. Я подошел

и заглянул ему через плечо.

Она получила не меньше шести или семи пуль в живот и ноги. Ниже груди зрелище было такое, словно ее задрала болотная пантера. Теперь ее лицо было неподвижным, а учащенное дыхание замедлилось. Бразилия поднял взгляд на меня и покачал головой.

– Иса? – я встал на колени в ее крови. – Иса, поговори со мной.

– Ковач? – она попыталась перекатить ко мне голову, но та не послушалась. Я наклонился ниже, приблизился к ее лицу.

– Я здесь, Иса.

– Прости, Ковач, – простонала она. Ее голос был голосом маленькой девочки, едва ли громче шепота. – Я не подумала.

Я сглотнул комок.

– Иса…

– Прости…

И она перестала дышать.

Глава тридцать четвертая

В сердце лабиринтоподобной группы островков и рифов с ироничным названием Эльтеведтем когда-то стояла башня в два километра высотой. Марсиане построили ее прямо на донном грунте по только им известным причинам, и всего где-то полмиллиона лет назад – равно необъяснимо – она упала в океан. Большинство обломков рассеяло по местному дну, но местами на земле еще встречаются массивные осколки. Со временем руины стали частью ландшафта тех островков или рифов, на которые обрушились, но даже этого подпорогового присутствия хватило, чтобы Эльтеведтем оставался по большей части незаселенным. Рыбацкие деревни на Северной косе Миллспортского архипелага, в паре десятков километров, были ближайшим человеческим поселением. Сам Миллспорт лежал в ста километрах к югу. А Эльтеведтем («Я потерялся» на одном из венгерских диалектов времен до Освоения) мог проглотить целую флотилию плоскодонных судов, если эта флотилия хотела затеряться. Здесь были узкие, заросшие зеленью каналы между поднимающимися каменными выступами, такими высокими, что можно было спрятать «Островитянина с Боубина» по мачты; выгрызенные между мысами морские пещеры, входы в которые были невидимы, если не подойти вплотную; куски сводчатых обломков марсианской башни, задушенные взрывом свисающей растительности.

Хорошее место, чтобы спрятаться.

По крайней мере от внешних преследователей.

Я облокотился на леер «Островитянина с Боубина» и уставился в прозрачную воду. В пяти метрах под поверхностью многоцветная кучка местных и завезенных рыб юркала вокруг белого саркофага из спрей-бетона, в котором мы похоронили Ису. Я подумывал связаться с ее семьей, когда мы выберемся, дать им знать, где она, но это казалось бессмысленным жестом. Если оболочка мертва – она мертва. А родителям не будет легче на душе, когда спасатели расколют спрей-бетон и обнаружат, что кто-то вырезал из ее позвоночника стек памяти.

Теперь она лежала в моем кармане – душа Исы, за неимением лучшего названия, – и я чувствовал, как во мне с ее одиноким весом в пальцах что-то меняется. Я не знал, что с ней сделаю, но и не смел оставлять другим. Иса оказалась крупно замешана в миллспортском налете, а это при обнаружении означает виртуальный допрос на Утесах Рилы. Пока что мне придется ее носить, как я нес на юг мертвых священников для наказания, как

я нес Юкио Хираясу и его коллегу-бандита, на случай если понадобится торговаться.

Стеки якудза я закопал в песке под домом Бразилии на Пляже Вчира, и не ожидал, что карман наполнится снова так скоро. По пути в Миллспорт я даже поймал себя на редком мимолетном удовольствии от странного необычного отсутствия *багажа*, пока не обожгли вновь воспоминания о Саре и привычная ненависть.

Теперь карман снова стал тяжелей, словно какая-то извращенная современная версия проклятого Эбису невода из легенды Танаки, обреченного вечно поднимать лишь тела утонувших моряков и больше ничего.

Казалось, карман никак не может оставаться пустым, а я уже и не знал, что чувствую.

Почти два года все было иначе. Стабильность окрасила мое существование в зернистый монохром. Я в любой момент мог запустить руку в карман и взвесить его содержимое в ладони с мрачным и зачерствевшим удовлетворением. Было чувство медленного накопления, сбора крупиц, крошек на чаше весов напротив той, где лежал колоссальный тоннаж гибели Сары Сахиловской. Два года я не искал другой цели, кроме наполнения кармана пригоршней украденных душ. Не искал будущего, мировоззрения, которые не вращались вокруг голодного кармана и вольеров болотных пантер в зверинце Шегешвара на Просторе.

Правда? А что же тогда случилось в Текитомуре?

Движение у леера. Тросы натянулись и слегка закачались. Я поднял взгляд и увидел, как двигается вперед Сиерра Трес, опершись на леер обеими руками и подпрыгивая на здоровой ноге. Ее обычно безэмоциональное лицо было искажено досадой. В других обстоятельствах это было бы забавно, но под отрезанными на бедре джинсами на второй ноге был прозрачный гипс, обнажавший раны.

Мы скрывались в Эльтеведтеме уже почти три дня, и Бразилия распорядился временем настолько, насколько только позволяло наше ограниченное боевое медицинское оборудование. Кожа под гипсом Трес была черно-фиолетовой и распухшей, пробитой и порванной пулеметным огнем свупкоптера, но раны очистили и продули. По поврежденным областям шли синие и красные ярлыки, обозначавшие места, где Бразилия ввел био для регенерации. Ботинок из гибкого сплава на гипсе защищал от внешних повреждений, но, похоже, чтобы в нем ходить, требовалось больше болеутоляющих, чем Трес была готова принять.

– Лучше бы лежала, – сказал я, когда она присоединилась ко мне.

– Да, но они промазали. Так что я не лежу. Только не трахай мозги, Ковач.

– Ну ладно, – я отвернулся обратно к воде. – Есть связь?

Она покачала головой.

– Но Осима проснулась. Зовет тебя.

Я на миг потерял из виду рыбку на дне. Снова нашел. Не сдвинулся с места и не поднял глаз.

– Осима? Или Макита?

– Ну, это же зависит от того, во что тебе хочется верить, правильно?

Я пасмурно кивнул.

– Значит, она все еще думает, что…

– На данный момент да.

Я еще недолго последил за рыбкой. Потом резко выпрямился и уставился на люк. Почувствовал, как мои губы перекосила невольная гримаса. Сдвинулся.

– Ковач.

Я нетерпеливо оглянулся на Трес.

– Ну, чего?

– Полегче с ней. Она не виновата, что Ису застрелили.

– Нет. Не виновата.

Внизу, в одной из передних кают, на двухэтажной койке на подушках лежала, глядя в иллюминатор, оболочка Сильви Осимы. Во время спринта вдоль берега с зигзагами и петлями до самого Эльтеведтема и последовавших дней в укрытии она спала, проснувшись только во время двух припадков бредовой паники, выкрикивая машинный код. Когда Бразилия отрывался от штурвала и наблюдения за радаром, он кормил ее дермальными питательными пластырями и подкожными коктейлями. Остальное довершала внутривенная капельница. Похоже, все это сказывалось. Румянец на лихорадочных щеках поблек, дыхание стало более явным. Лицо по-прежнему оставалось болезненно-бледным, но теперь хотя бы смотрело с осмысленным выражением, а длинный тонкий шрам на скуле, похоже, залечивался. Женщина, которая верила, что она Надя Макита, посмотрела на меня из глаз оболочки и слабо улыбнулась ее губами.

– Здравствуй, Микки Судьба.

– Здравствуй.

– Я бы встала, но мне не советовали, – она кивнула на кресло, встроенное в одну из стен каюты. – Может, ты присядешь?

– Мне и так хорошо.

Миг она всматривалась в меня пристальней, возможно, оценивая. В том, как она это делала, виделся намек на Сильви

Осиму – достаточный, чтобы внутри меня что-то скрутилось. Затем, когда она заговорила и лицо переменилось, все пропало.

– Как я поняла, нам скоро придется уходить, – сказала она тихо. – Пешком.

– Возможно. Я бы сказал, у нас есть еще пара дней, но в итоге все зависит от удачи. Вчера вечером здесь уже был воздушный патруль. Мы его слышали, но он не подходил близко и не заметил нас, потому что они не могут брать на борт технику, чтобы сканировать на предмет теплового излучения или электронной активности.

– А, значит, хотя бы это не изменилось.

– Орбитальники? – я кивнул. – Да, они работают по тем же параметрам, когда тебя…

Я осекся. Повел рукой.

– Как всегда.

Снова долгий оценивающий взгляд. Я смотрел в ответ пустыми глазами.

– Расскажи, – наконец сказала она. – Сколько прошло. В смысле, после Отчуждения.

Я помялся. Это было похоже на шаг через порог.

– Прошу. Мне нужно знать.

– Почти три сотни лет, по местному, – я снова повел рукой. – Триста двадцать, если точнее.

Мне не нужна была тренировка чрезвычайного посланника, чтобы прочитать то, что было в ее глазах.

– Так долго, – пробормотала она.

Жизнь – она как море. Вокруг гуляют трехлунные волны, и если пропустишь хоть одну, то она оторвет тебя от всех и всего, что тебе дорого.

Доморощенная морская философия Джапаридзе. Но вгрызалась она глубоко. Хоть ты головорез из Семипроцентных Ангелов, хоть тяжеловес из семейства Харланов – кое-что на всех людях оставляет одинаковые следы от зубов. Хоть ты гребаная Куэллкрист Фальконер.

Или нет, напомнил я себе.

Полегче с ней.

– Ты не знала? – спросил я.

Она покачала головой.

– Не знаю, мне это снилось. Кажется, я понимала, что прошло много времени. Кажется, мне говорили.

– Кто говорил?

– Я… – она остановилась. Чуть подняла руки от кровати и бессильно опустила. – Не знаю. Не помню.

Она сложила руки в слабые кулаки.

– Триста двадцать лет, – прошептала она.

– Да.

Она лежала, какое-то время сживаясь с мыслью. Корпус ласкали волны. Я обнаружил, что вопреки себе сел в кресло.

– Я звала тебя, – сказала она неожиданно.

– Ага. *Торопись, торопись*. Я получил сообщение. А потом перестала звать. Почему?

Вопрос как будто поставил ее в тупик. Глаза расширились, затем взгляд снова провалился сам в себя.

– Не знаю. Я знала, – она прочистила горло. – Нет, *она* знала, что ты за мной придешь. За ней. За нами. Она мне сказала.

Я наклонился вперед.

– Сильви Осима сказала? Где она?

– Здесь. Где-то здесь.

Женщина на койке закрыла глаза. Минуту или около того мне казалось, что она уснула. Я бы ушел из каюты, поднялся на палубу, но там мне делать было нечего. Затем ее глаза вдруг снова раскрылись, и она кивнула, словно ей на ухо только что что-то подтвердили.

– Там… – она сглотнула. – Пространство. Как тюрьма прошлого тысячелетия. Ряды камер. Галереи и коридоры. Там те, кого она, по ее словам, *поймала*, как ловят боттлбэков на чартерной яхте. Или поймала как болезнь? Это, все это сливается. Я понятно объясняю?

Я подумал о командном ПО. Вспомнил слова Сильви Осимы на переправе в Драву.

…интерактивные коды миминтов с функцией самовоспроизведения, автоматические хакерские системы вторжения, личности-конструкты, мусор от передач – что угодно. Я должна все это сдерживать, просеивать, использовать и не давать утечь в нашу сеть. Этим я занимаюсь. Снова и снова. И какую прочистку потом ни купишь, что-то все равно остается. Неубиваемые остатки кода, осадок. Призраки. Там, за моими экранами, есть такое, о чем даже думать не хочется.

Я кивнул. Задумался, чего может стоить побег из этой тюрьмы. Каким человеком – или существом – нужно для этого быть.

Призраком.

– Да, я понимаю, – и дальше, не успев оборвать себя. – Так вот откуда ты, Надя? Она тебя поймала?

По истощенным чертам скользнул краткий ужас.

– Григорий, – прошептала она. – Там есть что-то, что говорит, как Григорий.

– Какой Григорий?

– Григорий Исии, – все еще шепотом. Затем ужас от увиденного внутри себя пропал, стерся, и она буравила взглядом меня. – Ты не веришь, что я настоящая, Микки Судьба?

На задворках разума зашевелилась нервозность. Откуда-то из пучин памяти до Корпуса всплыло имя «Григорий Исии». Я уставился в ответ на женщину на кровати.

Полегче с ней.

Да ну нахер.

Я встал.

– Я не знаю, что ты такое. Но одно могу сказать точно – ты не Надя Макита. Надя Макита мертва.

– Да, – тонким голосом ответила она. – Это я вполне поняла. Но, очевидно, перед смертью она сделала и спрятала бэкап, потому что вот она я.

Я покачал головой.

– Нет, это не так. Тебя нет ни в каком возможном смысле. Надя Макита погибла, испарилась. И нет никаких свидетельств, что существует копия. Никаких технических объяснений, как копия могла попасть в командный софт Сильви Осимы, если она вообще существовала. На самом деле нет никаких свидетельств, что ты что-то большее, чем искусственная псевдоличность.

– Наверное, уже хватит, Так, – в каюту неожиданно вошел Бразилия. Его лицо было недружелюбным. – На этом и закончим.

Я огрызнулся на него, обнажая зубы в жестком оскале.

– Это твое окончательное медицинское заключение, а, Джек? Или просто революционные устои куэллистов? Истина в маленьких и контролируемых дозах. Чтобы пациент выдержал.

– Нет, Так, – сказал он тихо. – Это предупреждение. Тебе пора выходить из воды.

Я сжал и разжал кулаки.

– Не испытывай меня, Джек.

– Ты здесь не единственный с нейрохимией, Так. Момент застыл, затем опрокинулся и умер, когда до меня дошла его нелепость. Сиерра Трес была права. Эта женщина с раздвоением не виновата, что Иса погибла; не виноват и Бразилия. А кроме того, все, что я мог сделать плохого призраку Нади Макиты, я уже сделал. Я кивнул и скинул боевое напряжение, как куртку. Сунулся мимо Бразилии и потянулся к двери за ним. Ненадолго оглянулся на женщину на койке.

– Кем бы ты ни была, Сильви Осиму ты вернешь невредимой, – я дернул головой в сторону Бразилии. – Я привел тебе новых друзей, но сам я не из них. Если я решу, что ты хоть как-то повредила Осиме, я спалю их, как ангельский огонь, только чтобы добраться до тебя. Держи это в уме.

Она спокойно смотрела на меня.

– Спасибо, – сказала она без иронии. – Буду.

* * *

На палубе я нашел Сиерру Трес в стальном шезлонге, осматривающей небо в бинокль. Я подошел и встал за ней, усиливая нейрохимию, вглядываясь в том же направлении. Вид был ограниченный – «Островитянин с Боубина» спрятался в тени массивного зазубренного осколка рухнувшей марсианской постройки, который упал на отмель под нами, закопался и со временем сросся с рифом. Воздушные споры породили над водой толстую завесу из чего-то вроде лишайников и ползучих сорняков, и вид из-под руин загораживали веревки свисающей растительности.

– Что-нибудь видишь?

– Кажется, они подняли сверхлегкую авиацию, – Трес убрала бинокль. – Слишком далеко, ничего, кроме бликов, не разглядеть, но у рифа что-то двигается. Хотя и что-то очень маленькое.

– Значит, еще нервничают.

– А как иначе? Прошло сто лет с тех пор, как Первые Семьи последний раз теряли воздушное судно из-за ангельского огня.

– Ну, – я пожал плечами с легкостью, которой на самом деле не чувствовал. – Прошло сто лет с тех пор, как какой-то дурень в последний раз пошел в воздушную атаку во время орбитального шторма, правильно?

– Значит, тебе тоже не кажется, что он поднялся на четыреста метров?

– Не знаю, – я проиграл в памяти чрезвычайного посланника последние секунды свупкоптера. – Взлетал он довольно лихо. Даже если не поднялся, может, орбитальники среагировали на его вектор. Вектор и активные орудия. Блин, да кто знает, как думают эти штуки? Что они воспринимают как угрозу? Они и раньше нарушали правила. Смотри, что было с автосборщиками скальных фруктов во время Освоения. А гоночные ялики на Охридах, помнишь? Говорят, большинство не оторвалось от воды больше чем на сто метров, когда выжгли их всех.

Она бросила на меня насмешливый взгляд.

– Когда это случилось, Ковач, я еще не родилась.

– А. Прости. Ты кажешься старше.

– Спасибо.

– В любом случае, пока мы убегали, никто не торопился послать за нами воздушную погоню. Значит, в расчетах ИскИны

склонялись к осторожности, давали мрачные прогнозы.

– Или нам повезло.

– Или нам повезло, – повторил я.

Из люка поднялся Бразилия и пошел к нам. В том, как он двигался и смотрел на меня с открытой неприязнью, мелькал нехарактерный для него гнев. Я удостоил его подобным же взглядом, а затем отвернулся дальше смотреть на воду.

– Больше ты с ней так разговаривать не посмеешь, – сказал он мне.

– Ой, *иди* ты.

– Я серьезно, Ковач. Мы все знаем, что у тебя проблемы с политической позицией, но я не позволю тебе выблевывать на эту женщину ненависть, которую ты копишь в своей ушибленной башке.

Я развернулся к нему.

– Эту женщину? Эту *женщину*? И это *я* башкой ушибся. *Эта женщина*, о которой ты говоришь, не человек. Она фрагмент, в лучшем случае призрак.

– Мы еще не знаем наверняка, – сказала Трес тихо.

– Ой, хватит. Вы что, не понимаете, что происходит? Вы проецируете собственные желания на гребаный черновик оцифрованного человека. Уже. А что же будет, когда мы доставим ее на Кошут? Построим целое революционное движение на мифологических ошметках?

Бразилия покачал головой.

– Движение уже существует. Его не нужно строить, оно готово действовать.

– Ага, не хватает только генерала, – я отвернулся, когда во мне поднялась старая усталость, даже более сильная, чем гнев. – Очень жаль, что у вас есть только свадебный.

– *Ты еще не знаешь.*

– Нет, ты прав, – я начал уходить. На тридцатиметровом судне далеко не уйдешь, но я собирался оставить между собой и этими внезапными идиотами максимальное расстояние. Затем что-то заставило меня развернуться к ним обоим. Голос поднялся на резкой ярости. – Я *не* знаю. Я *не знаю*, сохранили ли личность Нади Макиты или нет, чтобы потом оставить валяться в Новом Хоке, как какой-то никому не нужный неразорвавшийся снаряд. *Я не знаю*, загрузилась ли она в башку мимо проходившей деКомовке или нет. *Но какие, блин, шансы?*

– Мы не можем судить, – сказал Бразилия, шагая ко мне. – Нужно доставить ее к Кою.

– *Кою?* – я злобно рассмеялся. – Ну *насмешил*. Кой, охренеть можно. Джек, ты правда думаешь, что еще когда-нибудь увидишь

Коя? Он наверняка уже поджаренный кусок мяса, который соскребывают в подворотне в Миллспорте. А еще лучше – он гость на допросе Аюры Харлан. До тебя не доходит, Джек? Все *кончено*. Твоему неокуэллистскому возрождению настала жопа. Коя нет, остальных наверняка тоже. Просто новые, сука, жертвы на великой дороге революционных перемен.

– Ковач, ты думаешь, мне плевать на то, что случилось с Исой?

– Я думаю, Джек, что, раз мы спасли шелуху и миф, тебе уже все равно, кто умрет и как.

У леера неловко двинулась Сиерра Трес.

– Иса сама решила участвовать. Она знала риски. Она взяла деньги. Она была свободным агентом.

– *Она была пятнадцатилетней девчонкой, вашу мать!* Никто из них ничего не сказал. Они только смотрели на меня. Шлепанье волн о корпус стало громче. Я закрыл глаза, сделал глубокий вдох и снова посмотрел на них. Кивнул.

– Ничего, – сказал я измученно. – Я понимаю, к чему все идет. Я это уже видел. Видел на Санкции IV. Сраный Джошуа Кемп все уже сказал в Индиго-Сити. «*Мы алчем революции. Как мы ее добьемся – не имеет значения, и это уж точно не повод для этических дебатов – нашим главным моральным судьей будет исторический результат*». Если у вас внизу не Куэллкрист Фальконер, вы ее все равно в нее превратите. Да?

Серферы обменялись взглядами. Я снова кивнул.

– Да. А что будет с Сильви Осимой? Она этого не просила. Она не была свободным агентом. Она была, сука, невинной жертвой. И станет только первой из многих, если вы добьетесь того, чего хотите.

Опять тишина. Наконец Бразилия пожал плечами.

– Так зачем ты вообще пришел к нам?

– Потому что, блин, я в тебе ошибся, Джек. Потому что я помнил, что ты был выше этого унылого мечтательного говна.

Снова движение плечами.

– Значит, ты неправильно помнил.

– Я уже понял.

– Мне кажется, ты пришел к нам потому, что у тебя не было выбора, – трезво сказала Сиерра Трес. – И ты должен был сознавать, что мы поставим возможное существование Нади Макиты выше личности хозяина.

– *Хозяина?*

– Никто не хочет специально причинять Осиме вред. Но если жертва необходима, если она – Макита…

– Но это не она. Разуй глаза-то, Сиерра.

– Может, и нет. Но позволь мне быть честной до конца, Ковач. Если это Макита, она стоит для народа Харлана во сто крат больше, чем какая-то наемная охотница из деКома, которая тебе приглянулась.

Когда я посмотрел на Трес, то чувствовал, как в меня прокрадывается холодная, разрушительная легкость. Она казалась почти уютной, как возвращение домой.

– А может, она стоит больше, чем какая-то серферская неокуэллистская хромоножка. Никогда не приходило в голову? Готова на *эту* жертву, да?

Она посмотрела на ногу, потом на меня.

– Конечно, – сказала она мягко, словно объясняла ребенку. – А что, по-твоему, я тут делаю?

* * *

Час спустя секретный канал поймал внезапную возбужденную передачу. Подробности остались непонятны за ликованием, но суть была ясна. Сосеки Кой и небольшая группка выживших выбралась из схватки за Мици Харлан. Маршрут побега из Миллспорта не подвел.

Они были готовы забрать нас.

Глава тридцать пятая

Когда мы вошли в деревенскую гавань и я огляделся, чувство дежавю оказалось настолько ошеломляющим, что я чуть ли не чувствовал запах гари. Чуть ли не слышал панические крики.

Чуть ли не видел себя.

Приди в себя, Так. Это было не здесь.

Не здесь. Но здесь были то же бессистемное скопище построек, укрепленных для плохой погоды и расползающихся от воды, тот же крошечный центр из магазинчиков на главной улице и тот же портовый комплекс в одном конце бухты. Те же пришвартованные у причала гроздья килевых траулеров и каботажников в тени корпуса большого океанского охотника на скатов с аутригерами. Даже та же заброшенная исследовательская станция в дальнем конце бухты и недалеко от нее – примостившийся на утесе молельный дом, который стал взамен станции сердцем деревни, когда иссякло финансирование проекта Микуни. На главной улице ходили женщины, мешковато закутанные, словно торопились на работу с опасными веществами. Мужчины – нет.

– Давайте быстрее закончим, – пробормотал я.

Мы пришвартовали шлюпку на том конце пляжа, где над мелководьем под углами, говорящими о запустении, склонялись заляпанные и захоженные пластмассовые пирсы. Сиерра Трес и женщина, которая называла себя Надей Макитой, сидели на корме, пока мы с Бразилией разгружали багаж. Как и любые путешественники по Миллспортскому архипелагу, владельцы «Островитянина с Боубина» запасли уместную женскую одежду на случай, если придется пристать в каком-нибудь сообществе на Северной косе, и Трес с Макитой были замотаны по самые глаза. Мы помогли им выбраться из шлюпки, как я надеялся, со столь же уместной заботой, собрали рюкзаки на запечатке и направились по главной улице вверх. Процесс оказался медленным – Сиерра Трес перед сходом с яхты накачалась по самые глаза боевыми болеутоляющими, но гипс и ботинок из гибкого сплава по-прежнему принуждали ее к походке старухи. Мы ловили на себе любопытные взгляды, но я их объяснял светлыми волосами и телосложением Бразилии. Я начал жалеть, что мы не замотали заодно и его.

Никто с нами не заговорил.

Мы нашли единственную гостиницу в деревне, с окнами на главную площадь, и забронировали номера на неделю с помощью двух девственно-чистых паспортных инфочипов из набора,

который привезли с Вчиры. Женщины, Трес и Макита, находились под нашей ответственностью, и от них никаких удостоверений личности не требовалось. Тем не менее служащая в шарфе и халате приветствовала их с теплом, которое, когда я объяснил, что моя престарелая тетушка повредила бедро, тут же превратилось в заботу и грозило стать проблемой. Я с негодованием отверг предложение вызвать местного женского врача, и служащая отступила перед мужской властью. Поджав губы, она занялась проверкой наших удостоверений. Из окна рядом с ее стойкой можно было выглянуть на площадь и увидеть высокую платформу и крепления для стула наказаний. Я мрачно взирал на нее, затем вернул себя в настоящее и закрепился в нем. Мы положили руки на античный сканер для допуска и поднялись в свои комнаты.

– Ты имеешь что-то против них? – спросила меня Макита, снимая головной убор в номере. – Ты какой-то злой. Вот почему у тебя вендетта против их священников?

– Это связано.

– Понятно. – Она встряхнула волосами, пропустила через них пальцы и рассмотрела маскирующую систему из ткани и металла в другой руке с озадаченным любопытством, так противоречащим открытому презрению Сильви Осимы, когда от нее потребовалось надеть платок в Текитомуре. – И кому под всеми тремя лунами захочется такое носить?

Я пожал плечами.

– Это не самая большая тупость, на которую себя обрекают люди.

Она пристально посмотрела на меня.

– Это скрытая критика?

– Нет, конечно. Если я захочу сказать тебе что-нибудь критическое, тебе не придется переспрашивать.

Она повторила мое пожатие плечами.

– Что ж, жду с нетерпением. Но, думаю, можно смело заключить, что ты не куэллист.

Я глубоко вдохнул.

– Заключай что хочешь. Я на улицу.

* * *

Я бродил в торговом конце порта, пока не отыскал кафе из баббл-ткани, где подавали дешевую еду и питье рыбакам и портовикам. Я заказал миску рыбного рамена, отнес к месту у окна и сел есть, глядя, как по палубам и мосткам аутригеров

охотника на скатов ходят матросы. Через какое-то время к моему столику подошел тощего вида и среднего возраста местный с подносом.

– Не против, если присяду? Народу многовато.

Я оглядел заведение. Посетителей хватало, но были и другие свободные места. Я неприветливо пожал плечами.

– Как хочешь.

– Спасибо, – он сел, поднял крышку с бэнто и приступил к еде. Какое-то время мы ели молча; затем случилось неизбежное. Между порциями он поймал мой взгляд. Его обветренное лицо сморщилось в улыбке.

– Значит, не здешний?

Я почувствовал, как слегка натягиваются нервы.

– С чего решил?

– А, ну видишь, – он снова улыбнулся, – будь ты здешний, спрашивать бы не пришлось. Ты бы меня и так знал. Я всех в Кураминато знаю.

– Везет.

– И не с этого охотника, нет?

Я отложил палочки. Пессимистично задумался, не придется ли позже убить этого человека.

– А ты кто, сыщик?

– Нет! – он довольно рассмеялся. – Я квалифицированный специалист по гидродинамике. Квалифицированный и безработный. Ну, скажем, частично безработный. Сейчас я по большей части подрабатываю на том траулере, который покрашен в зеленый. Вообще родаки отправили меня в колледж, когда дела с Микуни были в разгаре. В реальном времени – на виртуальное обучение им денег не хватило. Семь лет. Они думали, что вся эта тема с течением обеспечит хорошее житье, но, естественно, стоило мне выпуститься, как все стало наоборот.

– И зачем же ты остался?

– О, я не отсюда. Я из местечка в десятке километров выше по побережью, Альбамисаки.

Название провалилось в меня, словно глубинный снаряд. Я оцепенел и ждал, когда он сдетонирует. Не зная, что буду тогда делать.

Я заставил себя шевелить языком.

– Правда?

– Да, приехал сюда с девушкой, с которой познакомился в колледже. Здесь ее семья. Я думал, мы начнем дело по постройке килевок – ну знаешь, будем жить починкой траулеров, пока, может, не удастся показать свои чертежи в миллспортских яхт-кооперативах, – он иронично скривился. – Ну. В итоге завел

семью. Теперь постоянно то еда, то одежда, то учеба.

– А как твои родители? Часто их видишь?

– Нет, они погибли, – на последнем слове его голос чуть треснул. Он отвернулся, неожиданно сжав губы.

Я сидел и внимательно следил за ним.

– Мне жаль, – сказал я наконец.

Он прочистил горло. Снова посмотрел на меня.

– Да не. Ты-то тут при чем. Ты не знал. Просто. – Он вдохнул так, словно ему было от этого больно. – Это случилось всего где-то год назад. Ни с того ни с сего, чтоб тебя. Какой-то охреневший маньяк с бластером. Поубивал десятки человек. Всех стариков, от пятидесяти и старше. Жуть. Что у таких в голове творится.

– Его поймали?

– Нет, – очередной болезненный вдох. – Нет, он все еще где-то шляется. Говорят, он по-прежнему убивает, никак не получается его остановить. Если бы я знал, где он, я бы его остановил нахрен.

Я быстро припомнил проулок, который заметил между ангарами в дальнем конце портового комплекса. Подумал подарить ему шанс.

– Нет денег на новые оболочки? Для родителей, в смысле?

Он тяжело посмотрел на меня.

– Ты же знаешь, у нас это не принято.

– Эй, ты же сам сказал. Я не здешний.

– Да, но. – Он помялся. Оглядел баббл, вернулся ко мне. Его голос стал тише. – Слушай, я вырос на Откровении. Согласен не со всем, что говорят священники, особенно нынче. Но это вера, это образ жизни. Дает какую-то опору, помощь в воспитании детей.

– У тебя сыновья или дочери?

– Две дочери, три сына, – он вздохнул. – Да, знаю. Это учение – хрень сплошная… Знаешь, там, за мыском, у нас пляж для купания. У всех деревень такой найдется, помню, как в детстве мы все лето из воды не вылезали, все вместе. Иногда после работы приходили и родители. Теперь, с той поры, как все стало серьезно, там прямо в море построили стену. Если хочешь искупаться, за тобой все время следят старцы, и женщинам приходится идти на другую сторону стены. Так что я даже не могу поплавать вдоволь с женой и дочерями. Бред полнейший, я сам понимаю. Перебор. Но что поделать? У нас нет денег, чтобы переехать в Миллспорт, да и все равно не хочется, чтобы мои дети играли на тамошних улицах. Насмотрелся, когда там учился. Город полон гребаных вырожденцев. Там живой души не осталось, одна тупая мерзота. Здесь люди еще хотя бы верят во

что-то, кроме удовлетворения животных потребностей, когда захочется. Знаешь что? Я бы и сам не хотел еще одну жизнь в другом теле, если придется жить так.

– Ну, тогда хорошо, что у тебя нет денег на новую оболочку. Ужасно жить с постоянным соблазном, верно?

«*И ужасно увидеть родителей вновь*», – не добавил я.

– Это да, – сказал он, очевидно, не заметив иронии. – В этом и смысл. Как только понимаешь, что жизнь у тебя всего одна, куда больше стараешься, чтобы все делать правильно. Забываешь про все материальное, про вырожденчество. Волнуешься за свою жизнь, а не за то, чем можно заняться в новом теле. Болеешь за то, что важно. Семья. Общество. Дружба.

– И, конечно, Уклад, – мягкость в моем голосе была на удивление неподдельной. Следующие несколько часов нам нужно было вести себя тихо, но причина не в этом. Я с любопытством заглянул внутрь себя и обнаружил, что потерял свое обычное презрение, которое призывал в подобных ситуациях. Я посмотрел на него, но все, что почувствовал, – усталость. Не он дал Саре и ее дочери умереть навсегда; он, может, даже не родился, когда это случилось. Может, в похожей ситуации он бы пошел по тому же стадному пути, как его родители, но сейчас я не мог придать этому значения. Не мог ненавидеть его настолько, чтобы увести в тот проулок, признаться, кто я, и подарить ему возможность отомстить.

– Правильно, Уклад, – его лицо озарилось. – Это главное, это основа всего остального. Понимаешь, наука нас предала, отбилась от рук, *мы* ее уже не контролируем. Она все слишком упростила. Не надо стареть естественным образом, не надо умирать и представать перед Творцом, – от этого мы ослепли и не видим настоящих ценностей. Мы все жизни пытаемся найти деньги на новую оболочку и тратим реальное время, которое нам дано на то, чтобы прожить правильно эту одну жизнь. Если бы люди только…

– Эй, Микулаш, – я поднял взгляд. Возглас издал шагавший к нам мужчина того же возраста, что и мой собеседник. – Все уши уже прожужжал этому бедолаге или как? Нам еще корпус отскабливать.

– Да, иду-иду.

– Ты его не слушай, – сказал новенький с широкой улыбкой. – Думает, что всех знает, и если твое лицо не совпадает со списком, то обязательно ему надо докопаться, кто ты да что ты. Вернее, он уже до всего докопался, да?

Я улыбнулся.

– Ну да, почти.

– Так и понял. Я Тойо, – протянутая толстая рука. – Добро пожаловать в Кураминато. Может, еще увидимся, если ты здесь надолго.

– Да, спасибо. Будет здорово.

– А нам тем временем пора. Приятно было поболтать.

– Да, – согласился Микулаш, поднимаясь на ноги. – Приятно было поболтать. Ты подумай над тем, что я говорил.

– Может быть, – в последнем припадке осторожности я остановил его, когда он уже отворачивался. – Скажи-ка. Как ты понял, что я не с охотника на скатов?

– А, это. Ну, ты смотрел за ними так, будто тебе интересно, что они делают. Никто не станет разглядывать собственный корабль на приколе. Я угадал, а?

– Да. Все точно, – в меня просочилась капля облегчения. – Может, тебе все-таки стоит стать сыщиком. Новая работа. Будешь делать доброе дело. Ловить злодеев.

– Эй, а мысль интересная.

– Не-е, он если кого и поймает, будет с ними слишком добрый. Он у нас размазня. Даже жену приструнить не умеет.

Общий смех, когда они уходили. Я присоединился. Позволил смеху медленно угаснуть до улыбки, затем только до легкого облегчения.

Мне правда не хотелось бы идти за ним и убивать.

* * *

Я подождал полчаса, затем вышел из баббла на верфь. На палубах и надстройке охотника еще ходили люди. Я постоял и посмотрел пару минут, пока ко мне по переднему трапу не спустился член команды. Лицо у него было недружелюбное.

– Чем-то могу помочь?

– Да, – ответил я. – *Спой мне гимн о мечтах, что с небес Алабардоса пали*. Я Ковач. Остальные в гостинице. Передай шкиперу. Мы придем, когда будет темно.

Глава тридцать шестая

Охотник на скатов «Флирт с ангельским огнем», как и большинство кораблей такого типа, в море казался злым и лихим. Наполовину военное судно, наполовину гоночный ялик-переросток, сочетавший центр тяжести в остром киле и неправдоподобные мощности грав-силы в двойных капсулах на аутригерах, – в первую очередь он был построен для беспечной скорости и пиратства. Слоновые скаты и их родственники поменьше – быстры в воде, но важнее то, что их мясо портится, если оставить его надолго без обработки. Можно заморозить туши и торговать спокойно, но если успеешь домчать до больших рынков в таких финансовых центрах, как Миллспорт, то сорвешь настоящий куш. А для этого нужно быстроходное судно. Судостроители по всему Харлану понимали и исходили из этого. Среди тех же судостроителей ходило негласное понимание, что лучшие слоновые скаты обитают и нерестятся в угодьях, отведенных эксклюзивно для Первых Семей. Браконьерство – серьезное преступление, и если хочешь, чтобы оно сошло тебе с рук, быстроходному судну также нужен низкий и малозаметный профиль – как визуально, так и на радаре.

Если надо сбежать от правоохранителей Харлана, найдется много способов хуже, чем на борту охотника.

На второй день в море, обнадеженный знанием, что мы уже так далеко от Миллспортского архипелага и нас не догонит ни один воздушный аппарат, я вышел на палубу и встал на левом мостке аутригера, глядя, как подо мной проносится пенящийся океан. Брызги на ветру и ощущение, что события летят на меня слишком быстро, чтобы их осознать. Прошлое и груз смертей оставались в кильватере, унося с собой выбор и решения, которые уже поздно менять.

Чрезвычайным посланникам такое должно удаваться на ура.

Откуда ни возьмись передо мной предстало новое эльфийское лицо Вирджинии Видауры. Но в этот раз в моей голове не было голоса, не было укоренившейся уверенности в тренере. Похоже, от этого призрака помощи больше не будет.

– Не против, если я присоединюсь?

Кто-то перекричал шум ветра и срезанных килем волн. Я посмотрел направо, на центральную палубу, и увидел, как она опирается на перила в конце мостика, одетая в комбинезон и куртку, которую взяла взаймы у Сиерры Трес. От этой позы она казалась больной, еле стоящей на ногах. Ветер сдувал с лица серебряно-серые волосы, но под весом тяжелых прядей они не

поднимались высоко – как мокрый флаг. Ее глаза были темными провалами на белизне лица.

Очередной, сука, призрак.

– Конечно. Почему нет?

Она прошла по мостику, демонстрируя в движении больше силы, чем в позе. Когда она встала около меня, на ее губах играл ироничный изгиб, а голос в воздушном потоке казался твердым. Лекарства Бразилии срастили рану на щеке до поблекшей линии.

– Значит, не против поговорить с фрагментом?

Когда-то в порноконструкте в Ньюпесте я упоролся такэ с виртуальной шлюхой в – неудачной – попытке сломать программу удовлетворения желания в системе. Тогда я был совсем молодой. Однажды, уже не такой молодой, после кампании на Адорасьоне, я сидел и пьяно болтал на запрещенные политические темы с военным ИскИном. Однажды на Земле я так же нажрался с копией самого себя. Хотя, в конце концов, остальные разговоры к этому и сводились.

– Только не подумай чего, – сказал я ей. – Я готов говорить с кем угодно.

Она помялась.

– Я вспоминаю много подробностей.

Я смотрел на море. Молчал.

– Мы трахались, да?

Подо мной лился океан.

– Да. Пару раз.

– Я помню… – новая зависшая пауза. Она отвернулась от меня. – Ты меня держал. Когда я засыпала.

– Да, – я нетерпеливо взмахнул рукой. – Это все недавние события, Надя. Ты не можешь вспомнить дальше?

– Это. Трудно, – она передернулась. – Есть пробелы, моменты, до которых я не могу достать. Они как запертые двери. Как *крылья* в моей голове.

«*Да, это называется ограничительная система псевдоличности,* – хотелось сказать мне. – *Чтобы у тебя не начался психоз*».

– Ты помнишь человека по имени Плекс? – спросил я вместо этого.

– Плекс, да. Из Текитомуры.

– Что ты о нем помнишь?

Выражение на ее лице обострилось, как будто это была маска, которую кто-то с силой натянул на себя.

– Что он дешевая пешка якудза. Долбаные фальшивые манеры ариста и проданная бандитам душонка.

– Очень поэтично. Хотя насчет ариста – это не фальшивка.

Давным-давно его семья была торговцами придворного уровня. Они обанкротились, когда ты устроила свою революционную войну.

– Мне что, должно быть стыдно?

Я пожал плечами.

– Просто знакомлю с фактами.

– Потому что пару дней назад ты говорил мне, что я не Надя Макита. А теперь вдруг обвиняешь в том, что она сделала триста лет назад. Определись, во что ты веришь, Ковач.

Я искоса глянул на нее.

– Значит, говорила с остальными?

– Мне назвали твое настоящее имя, если ты об этом. Немного рассказали, почему ты злишься на куэллистов. Об этом клоуне Джошуа Кемпе, против которого ты пошел.

Я снова отвернулся к набегающему морскому пейзажу.

– Я не пошел против него. Меня послали ему помочь. Разжечь охренительно великую революцию на комке грязи под названием Санкция IV.

– Да, они говорили.

– Ага, для этого меня послали. Пока – а так делал каждый, сука, революционер, которого я видел, – Джошуа Кемп не превратился в больного демагога ничем не лучше тех, кого он пытался сместить. И давай сразу кое с чем определимся, пока ты не наслушалась еще каких неокуэллистских доводов. Этот клоун Кемп, как ты выразилась, совершал каждое свое зверство, включая ядерный удар, во имя гребаной Куэллкрист Фальконер.

– Понимаю. Значит, ты еще пытаешься обвинить меня в действиях психопата, который воспользовался моим именем и парочкой эпиграмм энное количество столетий после того, как я умерла. Это, по-твоему, честно?

– Эй, ты сама хочешь быть Куэлл. Привыкай.

– Ты так говоришь, будто у меня был выбор.

Я вздохнул. Опустил взгляд на свои руки на перилах.

– А ты, значит, правда говорила с остальными, да? Что они тебе еще наплели? Революционная необходимость? Подчинение ходу истории? Что? Что такого смешного я сказал?

Улыбка улетучилась, скривилась в мину.

– Ничего. Ты не понимаешь главного, Ковач. Разве ты не видишь, что уже не важно, действительно ли я та, кем себя считаю, или нет? А если я просто фрагмент, неудачный набросок Куэллкрист Фальконер? В чем разница? Насколько я могу дотянуться, я вижу, что я Надя Макита. Что еще мне остается, кроме как жить ее жизнью?

– Может, тебе остается вернуть Сильви Осиме ее тело.

– Ну так вышло, что сейчас это невозможно, – огрызнулась она. – Верно?

Я посмотрел на нее.

– Не знаю. Верно?

– Ты думаешь, я ее где-то прячу? Ты что, не понимаешь? Все работает не так, – она схватила в пригоршню серебристые волосы и потянула. – Я не умею пользоваться этим говном. Осима разбирается в системах куда лучше меня. Она ушла *туда*, когда нас захватили харланцы, и оставила тело на автопилоте. Это *она* отправила сюда *меня*, когда ты пришел нас спасать.

– Да? Ну и что она поделывает сейчас? Отдыхает, как спящая красавица? Полирует инфотех? *Хватит!*

– Нет. Она страдает.

Это меня оборвало.

– Из-за чего страдает?

– А ты как думаешь? Из-за того, что все члены ее команды погибли в Драве.

– Говно крабье. Она не была с ними в контакте, когда они погибли. Сеть не работала.

– Да, это так, – женщина передо мной глубоко вздохнула. Ее голос стал тише и умерился до спокойного объяснения. – Сеть не работала, она не имела к ней доступа. Она мне все это объяснила. Но система приема сохранила каждый момент их смерти, и, если она откроет там не те двери, это все с воплями вырвется наружу. Она в шоке от того, с чем столкнулась. Она это знает, и, пока это продолжается, она остается там, где безопасно.

– Это она тебе сказала?

Мы стояли лицом к лицу, между нами было едва ли полметра морского ветра.

– Да, это она мне сказала.

– Я ни хрена тебе не верю.

Она долго выдерживала мой взгляд, потом отвернулась. Пожала плечами.

– Во что ты веришь – дело твое, Ковач. Судя по тому, что мне рассказал Бразилия, ты просто ищешь легкие мишени, чтобы выместить свой экзистенциальный гнев. Это всегда проще, чем конструктивная попытка что-то изменить, да?

– Ой, только не надо! Будешь мне впаривать *эти* сказочки? Конструктивные перемены? Вот что такое у нас Отчуждение? Конструктивная перемена? Вот что такое изничтожение Нового Хока?

– Нет, – впервые я увидел в лице перед собой боль. Ее голос сменился с прозаичного на усталый, и, услышав его, я почти в нее поверил. Почти. Она крепко вцепилась в перила обеими руками и

покачала головой. – Все должно было быть не так. Но у нас не осталось выбора. Нам нужно было продавить политические перемены, глобально. На фоне массовых репрессий. Они бы ни за что не сдали своих позиций без боя. Думаешь, я сама рада, что все так получилось?

– Тогда, – ровно ответил я, – стоило планировать все получше.

– Да? Ну, тебя-то там не было.

Молчание.

На миг мне показалось, что она уйдет в поисках более политически дружелюбной компании, но она не ушла. Возражение, слабый намек на презрение в голосе улетели далеко назад, пока «Флирт с ангельским огнем» парил по рябой поверхности моря почти на скорости воздушных аппаратов. И – пришла мне в голову тоскливая мысль – нес на своих крыльях легенду к ее преданной армии. Героя – в историю. Через пару лет об этом судне, об этом путешествии на юг напишут песни.

Но не об этом разговоре.

Хотя бы это вытолкнуло осколки улыбки на мои губы.

– Ага, а теперь ты объясни, что я сказала смешного, – обиженно произнесла женщина сбоку от меня.

Я покачал головой.

– Просто удивляюсь, почему ты беседуешь со мной, а не сидишь со своими неокуэллистскими фанатами.

– Может, мне нравится вызов. Может, я не получаю удовольствия от хорового одобрения.

– Тогда тебе не понравятся следующие дни.

Она не ответила. Но второе предложение отдалось в моей голове чем-то, что я читал в детстве. Из дневников кампании, набросок тех времен, когда Куэллкрист Фальконер еще писала стихи, текст, чья интонация тогда казалась мне омерзительно плаксивой из-за голоса актера-халтурщика и школьной системы, настроенной похоронить Отчуждение как прискорбную ошибку, которой можно и нужно было избежать. Куэлл видела, куда заведет ее дорога, но уже ничего не могла, лишь скорбеть:

Мне приносят

>Военные рапорты<

Но все, что я вижу, – перемены и обугленные тела;

Мне говорят

>Цели достигнуты<

Но все, что я вижу, – упущенные шансы и кровь;

Меня встречают

Гребаным хоровым одобрением всего, что я скажу, А все, что я вижу, – цена.

Много позже, уже в ньюпестских бандах, я нашел нелегальную версию оригинала, которую зачитала на микрофон сама Куэлл за несколько дней до последней атаки на Миллспорт. В мертвом изможднии голоса я слышал каждую слезу, которые из нас пыталось выдавить своим дешевым надрывом школьное издание, но за ними слышалось что-то глубже, мощнее. Там, в наспех надутом баббл-тенте, где-то на краю архипелага, в окружении солдат, которых в следующие дни ждала подле нее настоящая смерть или что-то еще хуже, Куэллкрист Фальконер не отказывалась от цены. Она закусывала ей губу, словно сломанным зубом, вонзала в плоть, чтобы никогда не забыть. Чтобы никто не забыл. Чтобы о великой революции, каким бы ни был ее итог, не слагали баллад, гимнов и прочего крабьего говна.

– Расскажи мне о протоколе «Куалгрист», – сказал я наконец. – Оружии, которое ты продала якудза.

Она вздрогнула. Не посмотрела на меня.

– Значит, знаешь об этом, а?

– Выжал из Плекса. Но он не слышал подробностей. Ты активировала что-то, что убивает членов семьи Харланов, правильно?

Она какое-то время взирала на воду.

– Слишком много нужно принять на веру, – произнесла она медленно. – Чтобы тебе об этом рассказать.

– А что? Это обратимо?

Она стала совсем неподвижной.

– Вряд ли. – Мне пришлось напрячь слух, чтобы выловить ее слова из ветра. – Я не мешала им верить. Пусть думают, что существует код отмены. Тогда меня оставили бы в живых, пытаясь его узнать. Но я сомневаюсь, что это можно остановить.

– Так что это такое?

Тут она посмотрела на меня, и голос ее стал тверже.

– Генетическое оружие, – сказала она отчетливо. – Во время Отчуждения из Черных бригад набрали состав добровольцев, которым модифицировали ДНК для переноса. Это ненависть к крови Харланов, на генетическом уровне, активируется феромонами. Это была передовая технология из исследовательских лабораторий Дравы. Никто не знал, сработает ли она, но Черные бригады хотели иметь возможность нанести удар с того света, если нас ждет поражение при Миллспорте. То, что будет возвращаться, поколение за поколением, чтобы преследовать харланцев. Добровольцы – те, кто выживет, – передадут это детям, а те дети – своим детям.

– Мило.

– Это была война, Ковач. Думаешь, Первые Семьи не

передают своим отпрыскам установки правящего класса? Думаешь, привилегии, уверенность в своем превосходстве не отпечатываются в сознании поколение за поколением?

– Ну, может быть. Но не на генетическом же уровне.

– Ты точно об этом знаешь? Ты знаешь, что творится в банках клонов Первых Семей? К каким технологиям они получили доступ и что встроили в себя? Что поддерживает их олигархию?

Я подумал о Мари Адо и обо всем, от чего она отказалась, отправившись на Пляж Вчира. Никогда ее не любил, но она заслуживала, чтобы о ней судили как о человеке, а не о представителе своего класса.

– А давай ты просто скажешь, что эта херня делает, – сказал я без эмоций.

Женщина в оболочке Осимы пожала плечами.

– Я думала, уже сказала. У любого с модифицированными генами есть инстинкт к насилию против членов семьи Харланов. Это как генетический страх перед змеями у обезьян, как встроенная реакция боттлбэков на крылатую тень на воде. Феромонная сигнатура крови Харланов активирует реакцию. Дальше только вопрос времени и личности – один носитель среагирует сразу, сойдет с ума и будет убивать всем, что попадется под руку. Другой станет ждать и планировать. Кто-то даже воспротивится позыву, но это как секс, как конкуренция. В конце концов биология победит.

– Генетически зашифрованное восстание, – кивнул я себе. На меня опускалось тоскливое спокойствие. – Вполне естественное продолжение принципа Куэллкрист. Разнесись на ветру и скрывайся, оживи в следующей жизни. Если не сработает, подключай своих праправнуков, и они придут драться за тебя спустя поколения. Преданность до конца. Почему же Черные бригады этим не воспользовались сразу?

– Я не знаю, – она угрюмо потянула за лацкан куртки, которую ей одолжила Трес. – Не у всех были коды доступа. Имеет смысл подождать несколько поколений, прежде чем такое активировать. Может, никто из знавших о проекте столько не прожил. Судя по тому, что говорили твои друзья, бóльшую часть Бригад выследили и устранили после того, как я… после того, как все кончилось. Может, никого не осталось.

Я снова кивнул.

– А может, никто из тех, кто остался, не смог себя заставить это сделать. Все-таки идея охренеть ужасная.

Она бросила на меня усталый взгляд.

– Это оружие, Ковач. Оружие всегда ужасно. Думаешь, целиться на Харланов по крови намного хуже, чем ядерная бомба,

которую они применили против нас в Мацуэ? Испарили сорок пять тысяч человек, потому что где-то там были явки куэллистов. Говоришь, охренеть ужасно? На Новом Хоккайдо я видела, как правительственные силы ровняли с землей целые города бомбежкой по пологой траектории. Политических подозреваемых казнили сотнями, бластерным выстрелом в стек. Это не ужасно? Протокол «Куалгрист» менее разборчивый, чем системы экономического подавления, которые диктуют, чтобы ты сгноил свои ноги на фермах белаводорослей или легкие на фабриках переработки, ползал по гнилым скалам, а потом падал в пропасть во время сбора скальных фруктов только потому, что ты родился бедным?

– Ты говоришь о системе, которой нет уже триста лет, – сказал я беззлобно. – Но не в этом суть. Мне жалко не семью Харланов. А бедных балбесов, за которых предки из Черных бригад выбрали политические взгляды на клеточном уровне за поколения до того, как они родились. Можешь звать меня старомодным, но я предпочитаю самостоятельно решать, кого убиваю и за что, – сперва я сдержался, но потом все же добил. – И судя по тому, что я читал, Куэллкрист Фальконер – тоже.

Под нами пронесся километр убеленной голубизны. Почти неслышный, сам себе что-то бормотал гравдвижок в левой капсуле.

– Что это значит? – прошептала она наконец. Я пожал плечами.

– Это же ты активировала эту штуку.

– Это куэллистское оружие, – мне показалось, я слышу в ее словах намек на отчаяние. – У меня больше ничего не осталось. Думаешь, это хуже, чем армия призывников? Хуже, чем улучшенные боевые клоны-оболочки, в которые Протекторат выгружает солдат, чтобы они убивали без жалости и сожалений?

– Нет. Но мне кажется, эта концепция противоречит словам: «*Я не прошу вас сражаться, жить или умереть за дело, если вы сперва не поняли и не приняли собственную свободную волю*».

– Я это знаю! – теперь это было слышно отчетливо – зазубренная линия надлома в ее голосе. – Думаешь, я не знаю? Но какой у меня был выбор? Я осталась одна. Половину времени видела галлюцинации, видела сны о жизни Осимы и… – она содрогнулась. – О другом. Я не знала, когда проснусь в следующий раз и что увижу вокруг, временами не знала, *проснусь* ли вообще. Не знала, сколько у меня времени, иногда даже не знала, *настоящая* я или нет. Ты хоть представляешь, что это за жизнь?

Я покачал головой. Назначения Корпуса провели меня через

множество кошмарных жизненных опытов, но я никогда не сомневался, что все происходящее совершенно реально. Подготовка не позволяла.

Ее руки снова сжимали перила, костяшки побелели. Она смотрела в океан, но сомневаюсь, что она его видела.

– Зачем возвращаться на войну с Харланами? – спросил я мягко. Она стрельнула в меня глазами.

– Думаешь, война прекращалась? Думаешь, только потому, что мы триста лет назад выгрызли какие-то уступки, эти люди перестали искать способы снова забить нас в нищету времен Освоения? Этот враг не уходит.

– Ага, *этого врага убить нельзя*. Я читал эту речь еще в детстве. Странное дело: для человека, который время от времени просыпался в течение нескольких недель, ты удивительно неплохо осведомлена.

– Все не так, – сказала она, снова вперившись взглядом в торопливое море. – До того как я впервые очнулась по-настоящему, сны об Осиме мне снились многие месяцы. Это как лежать в больничной койке, в параличе, смотреть на кого-то, кого принимаешь за врача, на плохо настроенном мониторе. Я не понимала, кто она, только что она для меня важна. Иногда я знала то, что знала она. Иногда казалось, будто я в ней всплываю. Будто я могу приложить к ней рот и говорить через нее.

Я осознал, что разговаривала она уже не со мной; слова просто текли из нее, как лава, сорванные с места давлением, которое я мог воображать только отдаленно.

– Когда я впервые очнулась по-настоящему, я думала, что умру от шока. Мне снилось то, что снилось *ей*, что-то о парне, с которым она переспала в молодости. Я открыла глаза на кровати в каком-то клоповнике в Теке – и могла двигаться. У меня было похмелье, но я была жива. Я знала, где я, улицу и название гостиницы, но не знала, кто я. Я вышла, дошла до моря на солнце, и люди оглядывались на меня, и я осознала, что плачу.

– А как же остальные? Орр и команда?

Она покачала головой.

– Нет, их она оставила где-то в другом конце города. Оставила их *она*, но мне кажется, я с этим как-то связана. Мне кажется, она чувствовала, что я приближаюсь, и решила побыть ради этого в одиночестве. А может, я ее заставила. Не знаю.

Ее пробила дрожь.

– Когда я с ней говорила. Там, в камерах, когда я ей об этом рассказывала, она назвала это утечкой. Я спросила ее, может ли она меня иногда отпускать, а она не ответила. Я. Я знаю, что кое-что убирает преграды. Секс. Скорбь. Гнев. Но иногда я всплываю

без всяких причин, и она отдает мне руль, – женщина помолчала, снова покачала головой. – Может, мы с ней просто как-то торгуемся.

Я кивнул.

– Кто из вас вошел в контакт с Плексом?

– Я не знаю, – она смотрела на свои руки, сжимала и разжимала их, как какую-то механическую систему, с которой еще не свыклась. – Я не помню. Кажется – да, кажется, это была она, кажется, она его уже знала. Шапочно, по криминальному миру. Тека – маленький город, а деКомовцы всегда на краю закона. Дешевый черный рынок железа для деКома – часть бизнеса Плекса. Вряд ли они когда-то занимались бизнесом, но она знала его в лицо, знала, кто он. Я выкопала его из ее памяти, когда поняла, что хочу активировать систему «Куалгрист».

– Ты помнишь Танаседу?

Она кивнула теперь сдержанней.

– Да. Патриарх яков, высокого уровня. Он появился после Юкио, когда Плекс сообщил, что предварительные коды сходятся. Юкио не хватало полномочий, он не мог потянуть то, чего они хотели.

– И чего же именно?

Она повторила ищущий взгляд, которым стрельнула в меня, когда я впервые заговорил об оружии. Я развел руки на хлещущем ветре.

– Брось, Надя. Я привел тебе армию революционеров. Я лез по Утесам Рилы, чтобы спасти тебя. Это же должно что-то значить, да?

Ее взгляд снова метнулся прочь. Я подождал.

– Это вирус, – сказала она наконец. – Высокая заразность, грипп без симптомов. Им заражаются все, его передают все, но реагируют только генетически модифицированные. Он вызывает перемену в том, как их гормональная система воспринимает встречу с феромонами Харланов. Оболочки-переносчики были спрятаны в запечатанных схронах. Чтобы их активировать, спецгруппа должна была раскопать хранилище, кто-нибудь из них – облачиться в одно из тел и пойти гулять по миру. Вирус довершит остальное.

Облачиться в одно из тел. Слова заструились в голову, словно вода в трещину. Где-то совсем рядом воспарил предвестник осознания чрезвычайного посланника. В механизмах интуиции завертелись цепляющиеся шестеренки, готовясь выдать на выходе знание.

– Эти схроны. Где они?

Она пожала плечами.

– В основном на Новом Хоккайдо, но были и в северной части Шафранового архипелага.

– И Танаседу ты водила?..

– На мыс Саньсинь.

Механизм щелкнул, и двери открылись. Воспоминания, понимание хлынули в проем, словно утренний свет. Спор Лазло и Сильви, пока «Пушки для Гевары» входили в док Дравы.

– Вы-то наверняка не слышали про драгу, которую вчера нашли развороченной у мыса Саньсинь…

– Я слышала. Сообщили, что она села на мель у мыса. Ты видишь заговор в обыкновенном непрофессионализме.

И мой собственный разговор с Плексом в «Токийском вороне» предыдущим утром.

– А как так вышло, что им сегодня от тебя понадобились загрузка и выгрузка? В городе явно больше одного станка для оцифрованного сознания.

– Какой-то косяк. У них был свой станок, но в нем загрязнение. Морская вода в подаче геля.

– Вот тебе и организованная преступность, а.

– Тебя что-то развеселило, Ковач?

Я покачал головой.

– Микки Судьба. Наверное, оставлю это имя.

Она странно на меня посмотрела. Я вздохнул.

– Не важно. Так в чем была выгода для Танаседы? Что он получил бы от такого оружия?

Уголок ее губ воспрял. Ее глаза будто бы блестели в свете, отраженном от волн.

– Преступник есть преступник, несмотря на политический класс. В конце концов, Танаседа ничем не отличается от дешевого бандита из Карловых доков. А в чем якудза лучше всех? Шантаж. Влияние. Рычаги, чтобы получать уступки от правительства. Взгляд сквозь пальцы на нужную деятельность, доли в правильных государственных предприятиях. Участие в репрессиях за отдельную цену. Все очень презентабельно.

– Но ты их кинула.

Она мрачно кивнула.

– Я показала им схрон, дала коды. Сказала, что вирус передается половым путем, чтобы они думали, что получили весь контроль. На самом деле он действует и так, а Плекс поленился заглянуть в биокоды глубже. Я знала, что могла довериться тому, что он в какой-то степени накосячит.

Я почувствовал, как на моем лице промелькнула новая слабая улыбка.

– Да, на это у него талант. Видимо, это все родословная

аристов.

– Видимо.

– Учитывая то, что якудза держат всю секс-индустрию Миллспорта, ты сделала правильный выбор. – Меня, словно кайф от «дрожи», пробрало истинное удовольствие от аферы – в ней была плавная, машинная четкость, достойная чрезвычайных посланников. – Ты подарила им угрозу для харланцев, при этом у них уже имелась превосходная система доставки.

– Да, так мне казалось, – ее речь снова становилась неразборчивой, она окунулась в воспоминания. – Они собирались дать оболочку из Саньсиня какому-то бойцу яков и отвезти его в Миллспорт, чтобы продемонстрировать, что у них есть. Не знаю, добрался ли он.

– О, в этом я уверен. Якудза довольно скрупулезны в стратегиях давления. Блин, многое бы я отдал за то, чтобы увидеть лицо Танаседы, когда он заявился с посылкой в Рилу, а генетики Харланов рассказали ему, что он на самом деле привез. Удивлен, что Аюра не казнила его на месте. Поразительная сдержанность.

– Или поразительная рациональность. Если его убить, это не поможет, правильно? Когда оболочка поднялась на паром в Теке, она уже заразила столько нейтральных переносчиков, что вирус не остановить. А когда он сошел в Миллспорте, – она пожала плечами, – у них на руках уже была невидимая пандемия.

– Ага.

Может, она что-то услышала в моем голосе. Снова оглянулась на меня, и ее выражение стало несчастным от сдерживаемого гнева.

– Ну все, Ковач. Говори, твою мать. Как бы поступил ты?

Я посмотрел на нее и увидел боль и ужас. Отвернулся, вдруг устыдившись.

– Не знаю, – тихо сказал я. – Ты права, меня там не было.

И тогда, словно я дал ей то, чего она ждала, она повернулась и ушла.

Оставила меня одного на мостике глядеть, как на меня с безжалостной скоростью несется океан.

Глава тридцать седьмая

Погодные системы в Кошутском заливе, пока нас не было, улеглись. Побившись больше недели о восточные берега, шторм срезал через северный конец Вчиры и убрел прочь в южный океан Нуримоно, где, как все полагали, рано или поздно умрет в холодных водах по дороге к полюсу. В установившемся покое морское движение внезапно взорвалось – все старались наверстать. «Флирт с ангельским огнем» ворвался в суету, как уличный дилер, которого загнали в людный торговый центр. Он огляделся, пристроился к боку ползущего урбоплота «Картины плывущего мира» и мирно пришвартовался в дешевом конце его дока по правому борту, когда солнце только размазалось по западному горизонту.

Сосеки Кой встретил нас под кранами.

Я заметил его обрисованный закатом силуэт с борта охотника и поднял в приветствии руку. Он не ответил. Когда мы с Бразилией сошли и приблизились, я увидел, как он изменился. Теперь на его морщинистом лице была целеустремленность с огнем в глазах – блеском, который мог быть и слезами, и закаленной яростью, пока было трудно сказать точно.

– Трес? – спросил он тихо. Бразилия ткнул большим пальцем на охотника на скатов.

– Еще залечивается. Мы оставили ее с… С ней.

– Понял. Хорошо.

Рубленые слова упали в тишину. Вокруг хлопотал морской ветер, тянул за волосы, жег мою носоглотку солью. Сбоку я скорее почувствовал, чем увидел, как лицо Бразилии поджалось, как у человека, который хочет потрогать рану.

– Мы слышали новости, Сосеки. Кто из твоих выбрался?

Кой покачал головой.

– Немногие. Видаура. Аото. Собески.

– Мари Адо?

Он закрыл глаза.

– Мне жаль, Джек.

По сходням спустился шкипер охотника с парой корабельных офицеров, с которыми я познакомился достаточно хорошо, чтобы кивать в коридорах. Кой, похоже, знал всех – они обменялись грубыми хватаниями за плечи и быстрым запутанным стрип-япом, затем шкипер хмыкнул и ушел к башне портового управления с остальными. Кой повернулся к нам.

– Они задержатся на приколе для ремонта гравсистемы. По левому борту стоит еще один загонщик скатов, они старые

друзья. Завтра они купят у него свежую добычу, чтобы увезти в Ньюпест, для вида. Мы тем временем уйдем отсюда на рассвете на одном из контрабандистских скиммеров Шегешвара. Это больше всего похоже на исчезновение из того, что мы смогли устроить.

Я избегал взгляда в лицо Бразилии. Мои глаза блуждали по надстройке урбоплота, напоминающей город. В основном я наслаждался эгоистичным облегчением от того, что Вирджиния Видаура фигурировала в списке выживших, но внутренний чрезвычайный посланник тем не менее замечал вечерний поток людей, возможные точки обзора для наблюдателей или снайперов.

– Мы можем им доверять?

Кой кивнул. Казалось, он рад погрузиться в технические детали.

– Подавляющему большинству – да. «Картины» построены в Драве; большинство акционеров на борту – потомки первых владельцев кооператива. Культура в основном склоняется в сторону куэллизма, а это подразумевает желание помогать друг другу, но не лезть в чужое дело, если не просят.

– Да? Звучит довольно утопично. А как насчет обычной команды?

Взгляд Коя заострился.

– У «Картин» своя репутация, как и у всех плотов. Обычная команда и иммигранты знают, на что подписываются. Те, кому здесь не нравится, не остаются. Их фильтрует культура.

Бразилия прочистил горло.

– Сколько из них знает, что происходит?

– Знает, что мы здесь? Человек десять. Знает, *почему* мы здесь? Двое, оба из Черных бригад, – Кой ищущим взглядом осмотрел охотника на скатов. – Оба захотят присутствовать на Опознании. На нижних кормовых у нас явочная квартира, где можно провести его.

– Кой, – я встал в его поле зрения. – Сперва нужно поговорить. Ты кое-что должен знать.

Он долго всматривался в меня с нечитаемым морщинистым лицом. Но в его глазах был голод, который, я знал, мне не преодолеть.

– Это подождет, – сказал он мне. – Наша главная задача – подтвердить Ее личность. Буду признателен, если никто из вас не будет называть меня по имени, пока мы не закончим.

– Опознать, – сказал я резко. Слышная большая буква в начале «Ее» начинала меня бесить. – Ты хотел сказать – *Опознать*, да, Кой?

Его взгляд скользнул мне за плечо, обратно на бок охотника.

– Да, это я и хотел сказать, – ответил он.

* * *

О корнях куэллизма в низших классах наговорили много, особенно за века с тех пор, как главный его архитектор умерла и удобным образом оказалась вне плоскости политических дебатов. Тот факт, что Куэллкрист Фальконер решила опираться именно на беднейшие слои рабочих Харлана, привел большинство неокуэллистов к любопытной уверенности, что во время Отчуждения набирать руководство предполагалось исключительно из этих слоев. То, что сама Надя Макита была представителем относительно привилегированного среднего класса, аккуратно замалчивалось, а поскольку она так и не получила политическую должность, главный вопрос «*кто будет заправлять, когда все уляжется*», так и не встал. Но живучее убеждение в сердце современной куэллистской мысли осталось, и привлекать к этому внимание в неокуэллистской компании считается невежливым.

Так что я промолчал по поводу того, что явка на нижних кормовых «Картин плывущего мира», очевидно, не принадлежала мужчине и женщине из Черных бригад с элегантными манерами, которые нас там ждали. Нижние кормовые – самые дешевые и суровые места на любом урбоплоте или морской фабрике, и никто не поселится там по доброй воле. Я чувствовал, как усиливается вибрация от двигателей «Плывущего мира», когда мы спускались в люки от более предпочтительного жилья на уровнях надстройки на корме, а когда мы вошли в квартиру, от гула уже было никуда не деться. Простая мебель, поцарапанные и побитые стены, минимум украшений четко говорили, что тот, кто здесь квартировался, много времени дома не проводил.

– Прошу прощения за обстановку, – сказала женщина учтиво, впустив нас в апартаменты. – Это только на одну ночь. Двигатели близко, поэтому прослушать нас практически невозможно.

Ее напарник провел всех к стульям вокруг дешевого пластикового стола с напитками. Чай в разогретом чайнике, разные суши. Очень формально. Пока мы усаживались, он говорил.

– Да, также мы меньше чем в ста метрах от ближайшего внешнего ремонтного люка, где вас всех заберут завтра утром. Скиммер подведут под несущие балки между шестым и седьмым килями. Вы спуститесь прямиком на него, – он кивнул Сиерре

Трес. – Даже с травмой это не составит труда.

Во всем чувствовалась отрепетированная компетентность, но, пока он говорил, его взгляд все время смещался к женщине в теле Сильви Осимы, а потом резко отрывался. Тем же самым занимался Кой с самого мига, когда мы спустили ее с «Флирта с ангельским огнем». Только женщина из Бригады, кажется, держала взгляды и надежды под настоящим контролем.

– Итак, – начала она плавно. – Я Сто Делия. Это Киёси Тан. Приступим?

Опознание.

В нынешнем обществе это такой же привычный ритуал, как вечеринки подтверждения родительства в честь рождения ребенка или повторные свадьбы, чтобы закрепить старые отношения пары в новых оболочках. Отчасти стилизованная церемония, отчасти сессия ностальгии в духе «а помнишь, когда…». Опознание различается и формами, и формальностями от мира к миру, от культуры к культуре. Но на каждой планете, где я был, это уважаемый аспект социальных отношений. Не считая дорогих высокотехнологичных психографических процедур, это единственный способ доказать нашим друзьям и семье, что, несмотря на наши тела, мы именно те, за кого себя выдаем. Опознание – важнейшая социальная процедура, которая определяет переменчивую личность в современном мире, и не менее важная для нас, чем для наших предков из прошлого тысячелетия – подписи и отпечатки пальцев.

И это когда речь идет об обычных гражданах.

Для полумифических героических фигур, вернувшихся – возможно – с того света, это в сто крат значительнее. Сосеки Кой, когда садился, заметно дрожал. У его коллег были более молодые оболочки, и они не так выдавали свои чувства, но, если взглянуть глазами чрезвычайного посланника, в неуверенной, чрезмерной жестикуляции, а изредка и в надломленном голосе из пересохшего горла виделось то же напряжение. Этим мужчинам и женщине, однажды принадлежавшим к самым страшным повстанческим силам в планетарной истории, вдруг в пепле прошлого блеснула надежда. Они смотрели на женщину, которая заявляла, что она Надя Макита, глазами, в которых читалось, что на кону стоит все, что у них есть.

– Это честь, – начал Кой, затем замолчал, чтобы прочистить горло. – Это честь – говорить о тех событиях…

Женщина в оболочке Сильви Осимы за столом ровно смотрела на него. Она ответила на один из его незаметных вопросов резким утверждением, пропустила мимо ушей второй. Вклинились другие члены Бригады, и она слегка поворачивалась

на стуле к ним, каждый раз со старомодным жестом включения в беседу. Когда начальный раунд любезностей подошел к концу и Опознание набрало обороты, я почувствовал, как остаюсь лишь в статусе зрителя. Разговор ускорился, быстро скакал с событий последних дней к долгой и угрюмой политической ретроспективе, а затем – к беседе об Отчуждении и годах перед ним. Язык менялся так же легко, от современного амеранглийского до незнакомого старомодного японского диалекта, время от времени могло пахнуть стрип-япом. Я бросил взгляд на Бразилию и пожал плечами, когда от нас удалились одновременно и тема, и синтаксис.

Это продолжалось часами. В стенах вокруг глухо гремели неустанные моторы урбоплота. «Картины плывущего мира» продолжали путь. Мы сидели и слушали.

– …заставляет задуматься. Упадешь с этих скал – и ты требуха, размазанная по >>*отливу?*<<. Никакого плана восстановления, никакой политики новых оболочек, ни даже посмертных компенсаций семье. >>*Гнев?*<< пробирает до мозга костей и…

– …помнишь, когда ты впервые поняла, что это так?

– …одна из статей моего отца о теории колоний…

– …играли в >>?????<< на улицах Данти. Мы все играли. Помню, однажды >>*уличная полиция?*<< хотела…

– …реакция?

– В семье всегда так – по крайней мере, в моей семье всегда >>*????? (глагол)*<< в >>*чуму?*<<, которую разносили скользминоги…

– …даже в твоей молодости, да?

– Я это писала, еще когда была практически подростком. Поверить не могу, что это опубликовали. Поверить не могу, что были люди, которые >>*платили хорошие деньги/уделяли внимание?*<< настолько, что >>?????<<…

– Но…

– Правда? – пожатие плечами. – Мне так не казалось, когда я >>*оглядывалась назад/передумала?*<< с >>*кровью на руках?*<< во время… >>?????<<.

Время от времени Бразилия или я вставали и заваривали свежий чай на кухне. Ветераны Черных бригад едва нас замечали. Они полностью ушли и потерялись в разговоре и подробностях прошлого, которое вдруг вновь стало реальным прямо напротив них.

– …помнишь, чье это было решение?

– Очевидно, нет – ваша >>*военная вертикаль/уважение?*<<, ребята, ни хрена не…

Внезапный взрывной смех за столом. Но на их глазах была видна пленка слез.

– …и там становилось слишком холодно для стелс-кампании. Мы бы торчали на ИК-сканерах, как…

– Да, это было почти…

– …Миллспорт…

– …лучше было им соврать, что у нас есть шансы? Я так не думаю.

– Уже была бы сотня гребаных километров между…

– …и припасами.

– …Одиссей, насколько я помню. Он готов был держаться у >>?????<< до самого…

– …насчет Алабардоса?

Долгая пауза.

– Все смутно, ощущение, что >>*?????*<<. Я помню что-то про вертолет? Мы садились на вертолет?

Она слегка дрожала. Не в первый раз они сорвались с этой темы, как рипвингы от винтовочного выстрела.

– …что-нибудь насчет…

– …по сути своей, *реакционная* теория…

– Нет, вряд ли. Если бы я изучала другие >>м*одели?*<<…

– Но разве это не аксиома, что >>*борьба?*<< за власть над >>?????<< приведет…

– Правда? И кто это сказал?

– Ну. – Смущенные колебания, обмен взглядами. – *Ты* и сказала. По крайней мере ты >>з*аявляла/признавала?*<<, что…

– Говно крабье! Я никогда не говорила, что судорожная смена политики – >>*путь?*<< к лучшему…

– Но Спавента заверяет, что ты защищала…

– *Спавента?* Хренов трепач. Он еще дышит?

– …и твои тексты о демодинамике показывают…

– Слушайте, я не охренительно великий идеолог, ясно? Мы столкнулись с >>*боттлбэком в прибое?*<< и должны были…

– То есть ты утверждаешь, что >>?????<< – не решение для >>?????<<, а снижение >>*бедности/безграмотности?*<< значило бы…

– Ну конечно. Я никогда о другом и не говорила. Так что случилось со Спавентой?

– Эм-м, ну – сейчас он преподает в Миллспортском Университете…

– *Правда?* Мелкий ушлепок.

– Кхм. Возможно, стоит обсудить >>*версию/точку зрения?*<< этих событий, которая меньше вращается вокруг >>?????<< и больше – вокруг теорий >>*отдачи/рогатки?*<<

известного…

– Очень хорошо, звучит логично. Но дайте мне хоть один >>*связывающий пример?*<<, чтобы подтвердить эти заявления.

– Э-э-э-э-э…

– Вот именно. Демодинамика – не >>*кровь в воде?*<<, это попытка…

– Но…

И так далее и тому подобное, пока с лязгом дешевой мебели Кой вдруг не встал.

– Довольно, – сухо обрубил он разговор.

Между нами забегали взгляды. Кой обошел стол, его лицо натянулось от эмоций, когда он посмотрел на женщину перед собой. Она отвечала ему взглядом без выражения.

Он протянул ей руки.

– Я, – он сглотнул, – до этого скрывал от тебя свою личность, ради. Нашего дела. Общего дела. Но я Сосеки Кой, девятый командир Черных бригад, Шафрановый фронт.

Маска на лице Сильви Осимы растаяла. Взамен на лице появилось что-то вроде ухмылки.

– Кой? *Трясучка* Кой?

Он кивнул. Его губы были плотно сжаты.

Она приняла его протянутые руки, и он поднял ее на ноги. Повернулся к столу и посмотрел на каждого из нас по очереди. В его глазах можно было видеть слезы, можно было слышать их в голосе, когда он заговорил.

– Это Куэллкрист Фальконер, – сказал он с нажимом. – Для меня сомнений не осталось.

Затем он обернулся и обхватил ее руками. На его щеках вдруг блеснули ручейки. Голос стал охрипшим.

– Мы так долго ждали, когда ты вернешься, – плакал он. – *Так долго*.

Часть пятая
Это грядущая буря

Никто не слышал, как вернулся Эбису, пока не стало слишком поздно: слова уже нельзя было вернуть, поступки нельзя было отменить, и каждый должен был отвечать за себя…

Народные легенды о морском боге

Непредсказуемые направления и скорость ветра… ожидайте штормовой погоды…

Кошутская сеть управления бурями. Предупреждение о чрезвычайном положении

Глава тридцать восьмая

Я проснулся с легким похмельем, стояла кошутская жара, солнце стояло низко над горизонтом, слышался громкий, словно зазубренный рык. В вольерах кто-то кормил болотных пантер.

Я бросил взгляд на часы. Очень рано.

Я лежал в простынях, спутавшихся на пояснице, слушал животных и грубые мужские крики дрессировщиков. Два года назад Шегешвар водил меня на экскурсию, и я до сих пор помнил страшную силу, с которой пантеры скакали, чтобы ловить куски рыбных стейков размером с торс человека. Тогда дрессировщики кричали так же, но чем больше их слушаешь, тем больше понимаешь, что это бравада, скрывающая инстинктивный ужас. За исключением одного-двух матерых охотников у Шегешвара работали люди с верфей и из трущоб Ньюпеста, где подростки, вживую видевшие пантеру, встречались так же часто, как побывавшие в Миллспорте.

Пару веков назад было иначе – тогда Простор был меньше, его еще не расчистили до самого юга, чтобы освободить место монокультурным комбайнам для белаводорослей. Кое-где ядовито прекрасные деревья и плавучая растительность трясин добирались почти до окраин города, а внутренний порт приходилось осушать дважды в год. Не было в диковинку, что пантеры загорали на разгрузочных причалах в летнюю жару, когда их хамелеоновая шкура на спине и гриве переливалась, мимикрируя под палящие лучи. Добыча пантер отличалась необычным циклом размножения, а потому хищники охотились на ближайших к болотам улицах, где они без усилий разрывали запечатанные баки с мусором, а время от времени, по ночам, утаскивали бездомного или ничего не подозревающего пьянчугу. Как и в своих владениях, в переулках они припадали к земле, их тело и конечности скрывал рисунок шкуры и гривы, которые в темноте становились черного цвета. Жертвам они казались лишь скоплением теней, а потом становилось слишком поздно, и полиции не оставалось ничего, кроме широких брызг крови и эха криков в ночи. К десяти годам я уже насмотрелся на этих зверей вживую, помню, как на верфи мы с друзьями, вопя, взбирались по лестнице на крышу склада, когда, заметив наше осторожное приближение, сонная пантера перекатилась, шлепнула обвисшей гривой с щупальцами и распахнула клюв, широко зевая.

Ужас, как и многие эмоции детства, оказался преходящим. Болотные пантеры были страшными, смертельно опасными, если столкнуться с ними при неудачных обстоятельствах, но, в конце

концов, это лишь часть нашего мира.

Рык снаружи пошел на крещендо.

Для команды Шегешвара болотные пантеры были настоящими злодеями из сотен дешевых голоигр и, может, уроков школьной биологии, если они учились. Чудовищами с другой планеты.

Нашей.

А может, в некоторых из молодых оболтусов, работающих на Шегешвара, – пока их неизбежно не губил образ жизни нижнего эшелона гайдуков, – эти чудовища пробуждали экзистенциальную дрожь понимания, как на самом деле далеко нас занесло от дома.

А может, и нет.

В кровати рядом со мной кто-то пошевелился и простонал.

– Эти твари никогда не затыкаются?

Воспоминание пришло одновременно с изумлением, так что они взаимно исключили друг друга. Я посмотрел в сторону и увидел эльфийские черты Вирджинии Видауры, смятые подушкой, прижатой к голове. Ее глаза все еще были закрыты.

– Время кормежки, – сказал я, чувствуя, что рот еще липкий.

– Ага, и я даже не пойму, кто меня бесит больше. Они или эти сраные идиоты, которые их кормят, – она открыла глаза. – Доброе утро.

– И тебе, – воспоминание о ней, оседлавшей меня прошлой ночью. Член под простынями вставал от одной только мысли. – Я и не думал, что это случится в реальном мире.

Миг она смотрела на меня, потом перекатилась на спину и уставилась в потолок.

– Нет. Я тоже.

К поверхности лениво всплыли события предыдущего дня. Первая встреча с Видаурой на носу низкого скиммера Шегешвара, занявшего позицию в бурлящих водах под массивными несущими опорами урбоплота. Лучи восходящего солнца только начали пробираться через корму в пространство между корпусами, так что, когда я спускался через ремонтный люк, она была не более чем вооруженным и островолосым силуэтом. В ее фигуре чувствовалась деловая серьезность, вселяющая уверенность, но когда при нашей погрузке ее мазнул по лицу свет фонаря, я увидел что-то еще, чему не мог дать названия. Она ненадолго встретилась со мной взглядом, потом отвернулась.

Во время поездки на скиммере по утренним водам залива почти все молчали. С запада дул сильный ветер, холодный металлический свет вокруг не располагал к беседам. Когда мы приблизились к берегу, пилот Шегешвара позвал нас внутрь, а второй молодой гайдук с жестким лицом заскочил в пушечную

турель. Мы сидели в тишине тесного салона, слушая, как двигатели меняют тембр, пока мы замедлялись на подходе к пляжу. Видаура села рядом с Бразилией, и я видел, как во мраке соприкасались их бедра и они держались за руки. Я закрыл глаза и откинулся на неудобное сиденье из металла и ремней, от нечего делать повторяя про себя наш маршрут.

Из океана – прямо на дикий отравленный отходами пляж где-то на северном конце Вчиры, из Ньюпеста его почти не было видно, хотя именно канализация из городских трущоб и отравляла все вокруг. Ни один дурак не заплывет сюда купаться или рыбачить, никто не увидит, как здесь дерзко идет тупоносый скиммер с тяжелой юбкой. Через заиленные литорали с нефтяными пятнами, через удушенную и умирающую плавучую растительность и на сам Простор. Зигзаг через бесконечный суп белаводорослей на стандартной скорости, чтобы запутать следы, три остановки на разных скирдовальных станциях, у каждой из которых были связи с гайдуками, смена направления после каждой. Уединение и конец путешествия на второй родине Шегешвара – в питомнике пантер.

Это заняло почти весь день. Я стоял на причале последней скирдовальной станции маршрута и смотрел, как солнце заходит за облака Простора, похожие на клочки окровавленной ваты. На палубе скиммера подо мной тихо и напряженно говорили Бразилия и Видаура. Сиерра Трес все еще была внутри – последний раз, когда я проверял, обменивалась гайдуцкими сплетнями с командой из двух человек. Кой был где-то занят, делал звонки. Из-за скирды высохших водорослей в человеческий рост вышла женщина в оболочке Осимы и остановилась рядом со мной, проследив за моим взглядом до горизонта.

– Красивое небо.

Я хмыкнул.

– То немногое, что я помню о Кошуте. Вечерние небеса на Просторе. Когда я работала на сборе водорослей в шестьдесят девятом и семьдесят первом, – она соскользнула вдоль скирды, села и посмотрела на свои руки, словно искала на них следы труда, о котором говорила. – Конечно, часто нас заставляли вкалывать до темноты, но когда свет становился вот таким, то все знали, что работа почти окончена.

Я промолчал. Она подняла взгляд на меня.

– Все еще не убежден, а?

– Меня и не нужно убеждать, – ответил я. – Здесь мое мнение в любом случае немногого стоит. Всех, кого надо было убедить, ты убедила еще на борту «Плывущего мира».

– Ты правда думаешь, что я намеренно обманула этих людей?

Я задумался на миг.

– Нет. Не думаю. Но это еще не значит, что ты та, за кого себя принимаешь.

– Тогда как ты объяснишь то, что случилось?

– Как я уже сказал, мне и не надо объяснять. Хочешь – зови это ходом истории. Кой получил, что хотел.

– А ты? Ты не получил, что хотел?

Я мрачно взглянул на раненое небо.

– У меня и так уже все есть.

– Правда? Значит, тебя легко удовлетворить, – она обвела рукой округу. – Получается, нет надежд на лучшее завтра, чем вот это? И мне не завлечь тебя справедливой перестройкой социальной системы?

– То есть разносом олигархии и символики, с помощью которой они добиваются господства? Всю власть народу? Всякое такое?

– Всякое такое. – Было непонятно, то ли она передразнивает, то ли соглашается. – Ты не против присесть, у меня шея болит так с тобой разговаривать.

Я помедлил. Отказ казался необязательным грубым жестом. Я присоединился к ней, сел на причал, привалился к водорослевой скирде и замер в ожидании. Но она резко затихла. Мы посидели плечом к плечу. Как ни странно, я чувствовал себя с ней просто.

– Знаешь, – сказала она наконец, – в детстве мой отец получил задание по биотехническим нанобам. Ну знаешь, восстанавливающие ткань системы, усилители иммунитета? Ему надо было сделать что-то вроде обзорной статьи, дать взгляд на развитие нанотехники с самого приземления, что нас ожидает в будущем. Я помню, как он показывал мне видеоматериалы, где в младенца при рождении устанавливали всякие передовые технологии. И я пришла в ужас.

Отстраненная улыбка.

– До сих пор помню, как смотрела на малыша и спрашивала, как он поймет, что эти машины делают. Он пытался мне объяснить, говорил, что ребенку и не надо ничего понимать, они сами все знают. Их нужно только включить.

Я кивнул.

– Неплохая аналогия. Я не…

– Просто. Помолчи минутку, а? Представь, – она подняла руки, словно брала что-то в рамку. – Представь, если какая-нибудь сволочь специально не включит большинство из этих нанобов. Или включит, скажем, только те, что отвечают за функции мозга и желудка. А остальные – просто мертвый биотех, или еще хуже – полумертвый, он сидит, поглощает питательные

вещества и ничего не делает. Или запрограммирован на что-нибудь плохое. Уничтожать ткань, а не восстанавливать. Впускать не те протеины, нарушать химию в организме. Довольно скоро ребенок вырастет и получит букет проблем со здоровьем. Все опасные местные организмы, которых Земля не знала, – они ворвутся на борт, и ребенок сляжет с болезнями, потому что его имунная защита не эволюционировала после Земли. И что тогда будет?

Я скривился.

– Мы его похороним?

– Ну, до этого. Придут врачи и порекомендуют операции, или замену органов и конечностей…

– Надя, тебя реально давно здесь не было. Не считая военных условий и избирательной хирургии, уже никто не…

– Ковач, это аналогия, ты понял, нет? Суть в том, что у тебя тело, которое не работает в полную силу, которому постоянно нужен сознательный контроль извне, а почему? Не из-за какого-то врожденного изъяна, а потому, что неправильно используется нанотех. И это – мы. Это общество – каждое общество Протектората – тело, где девяносто пять процентов нанотеха вырубили. Люди не делают то, что должны.

– Например?

– Не *управляют*, Ковач. Не контролируют. Не следят за социальными системами. Не приносят безопасность на улицы, не руководят общественным здравоохранением и образованием. Не созидают. Не накапливают богатство, не организуют информацию, не проверяют, чтобы и то и другое текло туда, куда надо. Люди все это могут, у них есть нужные мощности, но они как нанобы. Их сперва нужно включить, людей сперва нужно научить. И в конечном итоге это и есть куэллистское общество. Наученное население. Нанотех демодинамики в действии.

– Ну да, значит, гадкие злые олигархи отключили нанотех.

Она снова улыбнулась.

– Не совсем. Олигархи – не внешний фактор; они как замкнутая подпрограмма, которая вышла из-под контроля. Рак, если хочешь вернуться к той аналогии. Они запрограммированы питаться остальным телом несмотря на то, чем это обернется для всей системы, и убивать любых конкурентов. Вот почему их нужно низвергнуть первыми.

– Да, кажется, этот спич я уже слышал. Уничтожьте правящий класс, и все будет хорошо, правильно?

– Нет, но это обязательный первый шаг, – ее возбуждение заметно нарастало, она говорила быстрее. Заходящее солнце окрасило ее лицо витражным светом. – Каждое революционное

движение в человеческой истории совершало одну и ту же простую ошибку. Все видели власть как статический аппарат, структуру. А это не так. Это динамическая, текучая система с двумя возможными тенденциями. Власть либо аккумулируется, либо распределяется через систему. Большинство обществ живет в аккумулирующем режиме, а большинство революционных движений заинтересовано только в смене центра этой аккумуляции. *Подлинная* революция должна *обратить* поток. И *никто* этого не делает, потому что срутся от страха лишиться своего места за штурвалом в историческом процессе. Если уничтожить одну агглютинативную динамику власти и заменить другой, ты ничего не изменишь. Ты не решишь никакие проблемы общества, они просто вернутся под новым углом. А нужно установить нано-тех, который разбирается с проблемами самостоятельно. Нужно построить структуры, которые позволят *распределять* власть, а не перегруппировывать. Ответственность, демодинамический доступ, системы законных прав, обучение азам политической инфраструктуры…

– Ой, – я поднял руку. Многое из этого я не раз слышал в прошлом от Голубых Жучков. И не собирался просиживать очередную лекцию, даже под красивым небом. – Надя, все это уже пробовали, и ты сама это знаешь. И судя по тому, что я помню из уроков доколониальной истории, народ, в который ты так веришь, получив власть, возвращал ее обратно деспотам. *С радостью*, в обмен не более чем на голопорно и дешевое топливо. Может, в этом для всех нас урок. Может, народу *интересней* пускать слюни над сплетнями и ню-фотками Жозефины Хикари и Рю Барток, чем переживать, кто управляет планетой. Никогда не задумывалась? Может, им так больше нравится.

На ее лице мелькнула насмешка.

– Ну да, может. А *может*, период, о котором ты говоришь, представляют в неправильном свете. Может, конституционная демократия прошлого тысячелетия не была ошибкой, какой ее малюют авторы исторических книг. Может, ее просто убили, отняли у нас, а потом врали нашим детям.

Я пожал плечами.

– Ну, может. Но если так, у них удивительно легко получается проворачивать раз за разом один и тот же трюк.

– Ну *естественно*, – это был почти крик. – А как же *иначе*? Если все твои привилегии, твое положение, твоя жизнь в гребаном достатке и статус зависят от этого трюка, разве ты бы его не заучил наизусть? Разве ты бы не научил ему своих детей, как только они смогут ходить и говорить?

– Но тем временем мы не в состоянии научить действенному

контртрюку наших потомков? Да брось! Нам что, надо каждые триста лет устраивать Отчуждение, чтобы помнить?

Она закрыла глаза и прислонилась затылком к скирде. Заговорила как будто с небом.

– Я не знаю. Может, да, надо. Это неравная борьба. Всегда легче убивать и разрушать, чем созидать и обучать. Легче позволять власти аккумулироваться, а не распределяться.

– Ага. А может, просто ты с твоими дружками-куэллистами не желаете видеть пределов нашей эволюционировавшей социальной биологии, – я слышал, как становится громче мой голос. Я пытался его обуздать, и слова цедились, как сквозь зубы. – Вот именно. Склонись и, сука, молись, делай, что велит дядька с бородой или в пиджаке. Как я и сказал, может, людям это *нравится*. Может, такие, как мы с тобой, просто какой-то хренов раздражитель, рой болотных жуков, который не дает им спокойно спать.

– Значит, тут ты опускаешь руки, да? – она открыла глаза в небо и, не наклоняя головы, искоса посмотрела на меня. – Сдаешься, позволяешь заграбастать всё себе погани вроде Первых Семей, позволяешь остальному человечеству впасть в кому. Отказываешься от борьбы.

– Нет, подозреваю, отказываться уже поздно, – я обнаружил, что не чувствовал мрачного удовлетворения, когда это говорил. Чувствовал только усталость. – Людей вроде Коя трудно остановить, когда они заводятся. Я таких повидал. И, к лучшему или худшему, мы уже *завелись*. Думаю, ты получишь свое новое Отчуждение. Что бы я ни делал и ни говорил.

Взгляд по-прежнему буравил меня.

– А ты думаешь, что это трата времени.

Я вздохнул.

– Я думаю, что слишком часто и на слишком многих планетах видел, как все идет не так, чтобы поверить, будто теперь будет иначе. Вы похерите жизни множества людей ради в лучшем случае парочки местных уступок. В худшем случае вы призовете на свои головы чрезвычайных посланников, а поверь мне, их вы не представляли и в самых страшных кошмарах.

– Да, Бразилия мне говорил. Ты сам был одним из этих штурмовиков.

– Вот именно.

Мы следили, как умирает солнце.

– Знаешь, – сказала она. – Я не буду притворяться, что знаю, что с тобой сделали в Корпусе посланников, но я уже встречала таких, как ты. Вы живете на ненависти к себе, потому что ее можно перевести в гнев на любую подвернувшуюся мишень для

уничтожения. Но это статическая модель, Ковач. Скульптура отчаяния.

– Неужели?

– Да. В глубине души ты не хочешь, чтобы мир становился лучше, потому что тогда останешься без мишеней. А если пропадет внешняя цель для твоей ненависти, придется столкнуться с тем, что внутри тебя.

Я фыркнул.

– И с чем же это?

– Конкретно? Я не знаю. Но могу рискнуть. Угадать. Жестокое обращение в детстве. Жизнь на улицах. Ранняя утрата чего-то или кого-то важного. Какое-нибудь предательство. И рано или поздно, Ковач, тебе придется столкнуться с тем, что ты не можешь вернуться назад и что-то изменить. Жизнь живется в одном направлении.

– Ага, – сказал я безучастно, – и во славу куэллистской революции, конечно же.

Она пожала плечами.

– Это уже твой выбор.

– Я все свои выборы уже сделал.

– И все-таки пришел выручить меня из рук семьи Харланов. Мобилизовал Коя и остальных.

– Я пришел за Сильви Осимой.

Она подняла бровь.

– Правда?

– Да, правда.

Возникла очередная пауза. Бразилия на борту скиммера скрылся в салоне. Я уловил только конец движения, но оно показалось резким и нетерпеливым. Я повел глазами и наткнулся на Вирджинию Видауру, которая смотрела на меня.

– Значит, – сказала женщина, которая считала себя Надей Макитой, – может показаться, что я зря трачу на тебя время.

– Да, я так и думаю.

Если она и разозлилась, то не выдала этого. Только снова пожала плечами, встала и уделила мне любопытную улыбку, затем ушла вдоль залитого закатом причала, время от времени поглядывая через край в густой океанский суп. Позже я видел, как она разговаривает с Коем, но меня до конца поездки она оставила в покое.

Как пункт назначения питомник не впечатлял. Он выламывался из поверхности Простора, напоминал не более чем сборище заболоченных гелиевых шаров, затопленных среди развалин очередной скирдовальной станции в форме буквы U. На самом деле до появления комбайнов это место и правда служило

независимым доком для сборщиков белаводорослей, но в отличие от других станций, где мы останавливались, ее не продали новым корпоративным игрокам, так что всего за поколение она пришла в запустение. Радул Шегешвар получил эти голые кости в качестве части игрового долга и вряд ли обрадовался, когда увидел, что выиграл. Но он вернул обветшавшую станцию в строй, переоснастил в намеренно старомодном стиле и расширил, застроив всю бывшую гавань для погрузки с помощью передовой технологии подводных бункеров, стыренной через армейского подрядчика из Ньюпеста, который был ему должен. Теперь местечко могло похвастаться небольшим эксклюзивным борделем, элегантными помещениями под казино и – полнокровное сердце всего заведения, то, что дарило клиентам такое пробирающее возбуждение, какое не найдешь в городе, – бойцовскими ямами.

Когда мы прибыли, нам устроили что-то вроде праздника. Гайдуки гордятся своим гостеприимством, и Шегешвар не был исключением. Он расчистил место на одном из крытых причалов в конце старой станции и накрыл там стол, организовал приглушенную музыку, благоухающие факелы из настоящего дерева и огромные вентиляторы, чтобы сдерживать болотный воздух. То ли из борделя внизу, то ли из какой-нибудь ньюпестовской голопорностудии Шегешвара привлекли очаровательных мужчин и женщин с тяжело загруженными подносами на руках и почти без одежды на теле. Пот на их обнаженной коже лежал искусными узорами и испускал обработанный запах с феромонами, их зрачки распахнулись до упора от каких-то эйфорических веществ, их доступность всячески тонко подчеркивалась. Возможно, не лучший прием для неокуэллистских активистов, но со стороны Шегешвара это могло быть намеренным решением. Он не терпел политики.

Так или иначе, настроение на причале воцарилось угрюмое – лишь очень медленно разгоралось химическое раскрепощение, которое не заходило дальше пьянства и меланхолии. Налет на свиту Мици Харлан и перестрелка в переулках Новой Канагавы оказались слишком кровавыми и жестокими, чтобы позволить другое настроение. Отсутствие погибших слишком бросалось в глаза, истории об их смерти были слишком мрачными.

Мари Адо, расплавленная напополам лучом «Санджета», из последних сил поднимающая оружие к собственному горлу и спускающая крючок.

Дэниэл, распотрошенный огнем из осколочного бластера.

Девчонка, с которой он был на пляже, Андреа, размазанная по полу, когда коммандос выбили дверь с петель.

Другие, которых я не знал или не помнил, разными способами отдавшие жизни, чтобы Кой смог уйти с заложницей.

– Ты убил ее? – спросил я его в момент затишья перед тем, как он запил. Мы слушали новости по пути на юг на борту охотника на скатов – *трусливая казнь невинной женщины мясниками-куэллистами*, – но Мици Харлан мог разнести на куски и неосторожный коммандо, а новости остались бы теми же.

Он уставился с причала.

– Ну конечно. Я же сказал, что убью. Они это знали.

– Настоящая смерть?

Он кивнул.

– Насколько это возможно. Ее уже наверняка восстановили в новой оболочке из резервной копии. Сомневаюсь, что она лишилась больше сорока восьми часов жизни.

– А что с теми, кого мы потеряли?

Его взгляд так и не уходил с другой стороны скирдовальной станции. Он как будто видел там, в мерцающем свете факелов, Адо и остальных, мрачных призраков на пиршестве, которые не уйдут, несмотря на алкоголь или такэ.

– Адо спалила свой стек перед смертью. На моих глазах. Прочие, – он словно слегка содрогнулся, но, может, из-за вечернего ветра над Простором, а может, просто пожал плечами. – Не знаю. Наверное, их захватили.

Продолжать этот разговор до логического завершения нам не требовалось. Если Аюра извлекла стеки, их хозяева теперь заперты в виртуальном допросе. Их будут пытать – если потребуется, до смерти, – затем перезагрузят в том же самом конструкте, чтобы начать заново. Раз за разом, пока они не выдадут все, что знают, а может, и дальше – в отместку за то, что они посмели поднять руку на члена Первых Семей.

Я проглотил остатки выпивки, ее крепость продралась по плечам и позвоночнику, я вздрогнул. Поднял пустой стакан в сторону Коя.

– Что ж, будем надеяться, оно того стоило.

– Да.

Больше я с ним не разговаривал. Течение праздника увлекло его за пределы доступности, а сам я застрял с Шегешваром в углу. У него в каждой руке было по бледной и косметически красивой женщине, одинаково одетых в переливающийся муслин янтарного цвета, – словно парные куклы чревовещателя в человеческий рост. Похоже, он был в общительном настроении.

– Наслаждаешься праздником?

– Еще нет, – я взял с подноса проходившего официанта печенье с такэ и вгрызся. – Подожди, уже скоро.

Он слабо улыбнулся.

– Тебе не угодить, Так. Хочешь сходить в загоны и позлорадствовать над своими приятелями?

– Не сейчас.

Невольно я взглянул через пузыристую лагуну станции туда, где располагались бойцовские ямы пантер. Я неплохо знал туда дорогу и не сомневался, что меня не остановят, но сейчас это не казалось по-настоящему важным. Кроме того, как-то в прошлом году я обнаружил, что, когда священники мертвы и облачены в плоть пантер, наслаждение их мучениями опускается всего лишь до холодного и неудовлетворительно абстрагированного знания. Было невозможно смотреть на огромных тварей с влажными гривами, которые рвут друг друга в бойцовских ямах, и по-прежнему видеть людей, которых я поднял из мертвых для наказания. Может, если психохирурги правы, в каком-то смысле их уже и не было. Может, основа человеческого сознания давно пропала, выеденная до черного отчаянного безумия за несколько дней.

Однажды в душный, одурительно жаркий день я стоял на крутых трибунах над одной из ям в окружении вопящей и топочущей толпы и чувствовал, как возмездие у меня в руках становится мыльным, растворяется и ускользает между хватающих пальцев.

После этого я перестал туда ходить. Просто сдавал Шегешвару украденные стеки памяти и позволял делать свое дело.

Теперь он поднял бровь в свете факелов.

– Ну хорошо. Может, я заинтересую тебя командным спортом? Не хочешь сходить с Ильей и Маюми в гравзал?

Я бросил взгляд на услащенных женщин и получил от каждой в ответ дежурную улыбку – казалось, без помощи веществ, но все равно осталось странное ощущение, будто Шегешвар манипулирует ими, засунув свои руки в отверстия у гладкокожих копчиков, а те, что покоились на каждом идеально изогнутом бедре, были пластмассовыми и ненастоящими.

– Спасибо, Рад. В своем возрасте я склонен к уединению. Но ты иди, развлекайся без меня.

Он пожал плечами.

– Я уже и не надеюсь развлечься *с* тобой. Даже не вспомню, когда мы развлекались в последние пятьдесят лет. Север действительно плохо на тебя влияет, Так.

– Как я уже сказал…

– Да-да, помню. Ты и так наполовину северянин. Но дело в том, Так, что в молодости ты старался это не показывать, – он

передвинул правую руку, чтобы обхватить полусферу пышной груди. Ее хозяйка хихикнула и куснула его за ушко. – Пойдемте, девочки. Оставим Ковача-сан наедине с его думами.

Я смотрел, как они втроем слились с толпой, ведомые Шегешваром. Напоенный феромонами воздух оставил в моих нутре и паху слабое ощущение сожаления. Я доел печенье с такэ, почти не чувствуя вкуса.

– Похоже, ты веселишься вовсю.

– Камуфляж посланника, – машинально ответил я. – Нас учат сливаться с окружением.

– Да? Похоже, твой тренер плохо старался.

Я обернулся и встретил кривую ухмылку на лице Вирджинии Видауры, стоявшей со стаканом в каждой руке. Я поискал глазами Бразилию и не увидел его поблизости.

– Это для меня?

– Если хочешь.

Я взял стакан и отпил. Миллспортский односолодовый, возможно, из самых дорогих вискокурен на Западном крае. Шегешвар был не из тех, кто позволял предубеждениям влиять на свои вкусы. Я проглотил еще и взглянул в глаза Видауры. Она смотрела на Простор.

– Сочувствую насчет Адо, – сказал я.

Она вернула взгляд на меня и подняла палец к губам.

– Не сейчас, Так.

Ни сейчас, ни потом. Мы почти не говорили, когда ускользнули с праздника, спустились в коридоры подводного бункера. Навыки чрезвычайного посланника завелись, как аварийный автопилот. Код взглядов и понимания, которое обжигало своей силой мои глаза.

Вот, – вспомнил я вдруг. – *Вот какая была жизнь. Вот как мы жили, вот* ради чего *мы жили.*

И в моей комнате, пока мы с четкостью посланников находили под наспех сорванной одеждой друг у друга на телах то, чего желали, я впервые больше чем за сотню лет объективной жизни спросил себя, почему я вообще ушел.

* * *

Это ощущение не пережило пантерьего рева утреннего отрезвления. После ослабления такэ и муторного похмелья – мягкость которого, как мне казалось, я не заслужил, – ностальгия ушла. Взамен, когда я смотрел на загорелое тело Видауры, раскинувшееся на белых простынях, остались не более чем

самодовольный собственнический инстинкт и расплывчатое дурное предчувствие, которое я не мог никак объяснить.

Видаура все сверлила взглядом дырку в потолке.

– Знаешь, – наконец сказала она, – никогда не любила Мари. Всегда так старалась всем нам что-то доказать. Как будто мало просто *быть* Голубым Жучком.

– Может, для нее было мало.

Я вспомнил описание Коя смерти Мари Адо и спросил себя, зачем она в конце спустила крючок: чтобы избежать допроса или же возвращения к семейным узам, которые всю жизнь пыталась обрубить. Спросил себя, хватило бы ее крови ариста, чтобы спастись от гнева Аюры, и на что бы ей пришлось пойти, чтобы выбраться из допросного конструкта в новой оболочке, что пришлось бы отдать, чтобы остаться невредимой. Спросил себя, что, если в последние моменты тускнеющего зрения она увидела кровь ариста из собственных ран и ей хватило уже одной только ненависти.

– Джек несет какой-то бред про героическое самопожертвование.

– А, ясно.

Она перевела взгляд на мое лицо.

– Я здесь не поэтому.

Я промолчал. Она вернулась глазами к потолку.

– Ох блин, поэтому.

Мы слушали рычание и крики. Видаура вздохнула и села. Прижала ладони к глазам и тряхнула головой.

– Никогда не задумывался, – спросила она меня, – мы еще люди или кто?

– В смысле, чрезвычайные посланники? – я пожал плечами. – Стараюсь не увлекаться стандартным крабьим говном про «берегитесь, постлюди идут», если ты об этом. А что?

– Не знаю, – она раздраженно покачала головой. – Да, бред идиотский, я понимаю. Но иногда говорю с Джеком и остальными – и они как будто другой вид. Во что они верят. Их *уровень* веры и тот херов мизер, который ее оправдывает.

– А. Значит, ты тоже не убеждена.

– Нет, – Видаура раздраженно взмахнула рукой. Развернулась на кровати ко мне. – Как это *возможно*, правильно?

– Ну, я рад, что не единственный попался в эту сеть. Добро пожаловать в рациональное меньшинство.

– Кой говорит, она прошла проверку. Во всем без исключения.

– Ага. Кою это так нужно, что он поверит, что хренов рипвинг в шарфике – Куэллкрист Фальконер. Я был на Опознании: стоило ей засомневаться в ответе, как они все спускали на тормозах. А

тебе никто не говорил о ее генетическом оружии?

Она отвернулась.

– Да, слышала. Довольно суровая штука.

– Довольно целиком и полностью противоречит всему, во что верила Куэллкрист Фальконер, вот что ты хотела сказать.

– Никто не остается чистеньким, Так, – тонкая улыбка. – Ты и сам знаешь. В определенных обстоятельствах…

– Вирджиния, если продолжишь в том же духе, покажешься полноценным верующим представителем старомодной человеческой расы. И не думай, что если увлечешься этой хренью, я стану и дальше с тобой общаться.

Улыбка посветлела, стала чем-то вроде смешка. Она коснулась верхней губы кончиком языка и прищуренно взглянула на меня. По мне пробежало странное электрическое ощущение.

– Ну ладно, – сказала она. – Будем нечеловечески рациональны. Но Джек говорит, что она помнит атаку на Миллспорт. Как садилась в коптер в Алабардосе.

– Да, и это как-то противоречит теории о копии, сохраненной в разгаре битвы у Дравы, не думаешь? Ведь оба этих события произошли гораздо позже Нового Хока.

Видаура развела руками.

– А еще это противоречит идее, что она псевдоличностная начинка какой-то инфомины. По той же логике.

– Ну. Да.

– И что нам остается?

– В смысле – что остается Бразилии и банде с Вчиры? – язвительно спросил я. – Легко. Им остается в панике искать еще какое-нибудь крабье говно, которому почти ничего не противоречит и которое позволит верить дальше. Для полноценных неокуэллистов это довольно унылое положение вещей.

– Нет, в смысле – *нам*, – ее глаза на последнем слоге пронзили меня. – Что остается нам?

Я замаскировал разряд в животе, потерев глаза, повторяя жест за ней.

– У меня есть одна мысль, – начал я. – Может, и объяснение.

Дверь пиликнула. Вирджиния подняла бровь.

– Ага, и заодно список гостей.

Я бросил еще один взгляд на часы и покачал головой. За окном рычание пантер затихло до утробного урчания и изредка треска, с которым они разламывали хрящ в мясе. Я натянул штаны, взял, подчиняясь порыву, «Рапсодию» с прикроватного столика и пошел открывать.

Дверь сложилась и открыла вид на тихий и темный коридор.

Там стояла женщина в оболочке Сильви Осимы, одетая, сложив руки на груди.

– У меня есть предложение, – сказала она.

Глава тридцать девятая

Когда мы высадились на Вчире, было все еще раннее утро. Пилот-гайдук, которого Сиерра Трес выдернула из кровати – причем из своей, – был молодой и наглый, а угнанный скиммер оказался тем же контрабандным бегунком, на котором мы прибыли. Больше не скованный необходимостью казаться обыкновенной и забывающейся частичкой трафика Простора, явно желая впечатлить Трес так же, как он впечатлял сам себя, пилот довел скорость судна до упора, и мы домчали до швартовки под названием Причалы Солнечного Веселья меньше чем за два часа. Трес сидела с ним в кабине и подбадривала, а Видаура и женщина, которая называла себя Куэлл, оставались вместе внизу. Я большую часть поездки сидел в одиночестве на передней палубе, сдувая похмелье прохладным потоком встречного воздуха.

Как и подобает месту с таким названием, Причалы Солнечного Веселья посещали в основном большие скиммеры с групповыми турами из Ньюпеста и редкие просторомобили богатеньких подростков, украшенные плавниками. В это время дня места для швартовки было много. Что важнее, Причалы были меньше чем в пятнадцати минутах ходьбы от «Склепа Дзуринды Туджмана» на скорости, комфортной для хромоногой Трес. Когда мы оказались на пороге, они только открывались.

– Я не уверен, – сказала мелкая сошка, в обязанности которой явно входило просыпаться раньше всех партнеров и сторожить офис до их прихода. – Я не уверен, что…

– А я уверена, – ответила Сиерра Трес нетерпеливо. Она нацепила юбку по лодыжки, чтобы прикрыть быстро зарастающую ногу, и по ее голосу и осанке ни за что было не понять, что она ранена. Пилота мы оставили на скиммере, но Трес он был и не нужен. Она и сама идеально разыгрывала карту гайдуцкого самодовольства. Сошка дрогнула.

– Слушайте, – начал он.

– Нет, это *ты* слушай. Мы были здесь меньше двух недель назад. Ты нас видел. Если хочешь звонить Туджману – флаг в руки. Но сомневаюсь, что он поблагодарит тебя за то, что ты поднял его в такой час, только чтобы подтвердить, что у нас есть тот же уровень доступа, что и в прошлый раз.

В конце концов пришлось и позвонить Туджману, и немного поорать, но мы получили что хотели. Они включили виртуальные системы и провели нас к диванам. Сиерра Трес и Вирджиния Видаура стояли в стороне, пока женщина в оболочке Осимы

присоединяла электроды. Она подняла гипнофоны.

– Что это такое?

– Высокомощная современная технология, – я нацепил улыбку, хотя на самом деле ее не чувствовал. Поверх похмелья, из-за ожидания, накапливалось тошнотворное чувство нереальности, без которого можно было бы и обойтись. – Существует всего пару сотен лет. Активируется вот так. Будет легче погружаться.

Когда Осима приготовилась, я лег на диван рядом и тоже оснастился гипнофонами и электродами. Глянул на Трес.

– Помнишь, что надо делать, чтобы вытащить меня, если все пойдет плохо?

Она кивнула без выражения. Я все еще не понимал, почему она согласилась нам помочь, не сбегав сперва к Кою или Бразилии. Казалось, еще рановато беспрекословно исполнять приказы от призрака Куэллкрист Фальконер.

– Ну ладно. Забиваем трубку.

Сонокоды затягивали меня хуже, чем обычно, но наконец я почувствовал, как зал смазался; на его месте нарисовались стены типового номера в отеле. Меня неожиданно укололо воспоминание о Видауре в номере дальше по коридору.

Возьми себя в руки, Так.

Хотя бы похмелье ушло.

Конструкт поставил меня на ноги, у окна, которое выходило на неправдоподобные пасторали с зелеными холмами. На другой стороне комнаты, у дверей, проявился набросок длинноволосой женщины и стал оболочкой Осимы.

Мы постояли, глядя друг на друга, затем я кивнул. Видимо, жест показался фальшивым, потому что она нахмурилась.

– Ты уверен? Тебе необязательно это проходить.

– Да, уверен.

– Я не хочу, чтобы…

– Надя, все в порядке. Меня тренировали просыпаться на чужих планетах в новых оболочках и тут же начинать вырезать туземцев. Тут-то что сложного?

Она пожала плечами.

– Ну ладно.

– Ну и ладно.

Она пересекла комнату и встала меньше чем в полуметре от меня. Ее голова склонилась, так что серебристо-серая копна медленно спала вперед и скрыла лицо. С одной стороны скользнул центральный кабель и повис, как хвост оглушенного скорпиона, опутанный более тонкими волокнами. В этот момент она была похожа на все архетипы сверхъестественного, которые

мои предки принесли с собой с Земли. Была похожа на призрака.

Она оцепенела.

Я вдохнул глубже и протянул руку. Пальцы раздвинули волосы на ее лице, как занавес.

За ним не было ничего. Ни лица, ни костей, только темное тепло, которое расплылось мне навстречу, как факельный свет в негативе. Я придвинулся ближе, и темнота разошлась у ее горла, нежно раздвигаясь вдоль всего вертикального стержня застывшей фигуры. Она раскрылась до промежности и дальше, тот же разрыв показался между ее ногами в воздухе. Я чувствовал, как постепенно опрокидываюсь. За мной последовал пол, затем вся комната, сморщиваясь, как использованная подтирка в костре на пляже. Вокруг поднялось тепло со слабым запахом электричества. Внизу была беспросветная чернота. Железные пряди в левой руке сплелись и стали толще, беспокойным змееподобным кабелем. Я повис на нем над бездной.

Не открывайте глаза, не открывайте левую руку, не двигайтесь вообще.

Я моргнул – возможно, назло, – и подавил воспоминания.

Скривился и отпустил.

* * *

Если это и было падение, по ощущениям не сказал бы.

Ни шума воздуха, ни света, чтобы измерить продвижение. Даже мое собственное тело стало невидимым. Кабель как будто испарился, стоило мне убрать от него руку. С таким же успехом я мог бы висеть без движения в грав-камере не больше, чем ширина моих плеч, только ощущения каким-то образом сигнализировали, что вокруг меня просторное свободное пространство. Я был как жучок-вертокрутка, парящий в воздухе одного из опустевших складов в «Белахлопок Кохей Девять».

Я прочистил горло.

Надо мной засверкало и осталось гореть освещение. Я машинально поднял руку; пальцы коснулись изящных волокон. На место встало ощущение перспективы – свет был не огнем в невообразимо высоких небесах, а крошечными веточками в паре сантиметров над головой. Я мягко взял их в руку и перевернул. Под нажимом пальцев свет угасал. Я отпустил, и они повисли на месте, на высоте груди передо мной.

– Сильви? Ты здесь?

За это я заслужил почву под ногами, и в послеполуденном свете проступила спальня. Судя по обстановке, место могло

принадлежать ребенку лет десяти. На стенах были голограммы Микки Нозавы, Рили Цутии и сонма прочих звезд, которых я не узнал, под окном – стол и инфополе, узкая кровать. Панель из зеркального дерева на стене увеличивала ограниченное пространство; стенной шкаф напротив открывался в спутанную мешанину одежды, включая официальные вечерние платья взрослых. На входной двери было приклеено изречение Отреченцев, но один уголок отходил от поверхности.

Я выглянул в окно и увидел классический городок умеренных широт, сбегающий к гавани и выдающейся косе бухты. Оттенок белаводорослей в воде, едва заметные тонкие полумесяцы Хотея и Дайкоку в темно-синем небе. Это могло быть где угодно. Рассредоточенно, вполне реалистично двигались суда и люди.

Я подошел к двери с отклеившимся изречением и попробовал ручку. Не заперто, но, когда я попытался выйти в коридор, передо мной появился подросток и толкнул назад.

– Мама говорит, ты должен сидеть в комнате, – сказал он вызывающе. – Так говорит *мама*.

Дверь захлопнулась у меня перед носом.

Я долго смотрел на нее, потом снова открыл.

– Мама говорит, ты должен…

Удар сломал ему нос и отбросил к противоположной стене. Я не разжимал пальцы, ожидая, что он набросится в ответ, но он только сполз по стенке, раскрыв рот и истекая кровью. Его глаза подернул шок. Я осторожно переступил через тело и пошел по коридору.

Меньше чем через десять шагов я почувствовал ее за собой.

Ощущение крошечное и сильное, шорох в текстуре конструкта, шуршание траурных теней по стенам у меня за спиной. Я замер как вкопанный и подождал. На голове и вокруг шеи сложилось что-то похожее на пальцы.

– Привет, Сильви.

Без какого-либо перехода я очутился за стойкой «Токийского ворона». Она облокотилась на нее рядом со мной, покачивая стакан с виски, который я не мог припомнить в ее руках, когда мы были там взаправду. Передо мной стоял тот же напиток. Вокруг на супер-ускорении бурлили посетители – поблекшие до серых цветов, не существенней, чем дым от трубок за столами или искаженные отражения в зеркальном дереве под нашими стаканами. Стоял шум, но смазанный и урчащий на самом краю слуха, как гул высокопроизводительных систем за стенами в ожидании.

– Кажется, с тех пор как ты появился в моей жизни, Микки Судьба, – ровно сказала Сильви Осима, – она разваливается к

черту.

– Все началось не с меня, Сильви. Она бросила на меня взгляд искоса.

– О, я знаю. Я сказала – «кажется». Но факты есть факты, как на них ни посмотри. Все мои друзья мертвы, по-настоящему, и теперь я узнаю, что убил их ты.

– Не этот я.

– Нет, я так и поняла, – она поднесла виски к губам. – Только мне почему-то не легче.

Она опрокинула стакан. Содрогнулась.

Смени тему.

– Значит, то, что слышит она, попадает и сюда?

– В какой-то степени, – стакан снова медленно опустился на стойку. Магия системы вновь наполнила его, медленно, словно что-то просачивалось сквозь ткань конструкта. Сперва отраженное изображение, от дна до краев, затем само содержимое. Сильви угрюмо наблюдала за этим. – Но я все еще разбираюсь, насколько у нас перепутаны сенсорные системы.

– Сколько ты ее уже носишь, Сильви?

– Не знаю. С прошлого года? Может, с каньона Иямон? Тогда я впервые отключилась. Впервые очнулась, не зная, где я, почувствовала себя так, будто все мое существование – комната, и кто-то в нее заходил, двигал мебель без спроса.

– Она настоящая?

Жесткий смешок.

– Ты меня спрашиваешь? Здесь?

– Ну ладно, ты знаешь, откуда она? Как ты ее подцепила?

– Она сбежала, – Осима снова повернулась ко мне. Пожала плечами. – Это она повторяет. «Я сбежала». Конечно, я и так это знала. Она выбралась из камеры, как только что выбрался ты.

Я невольно оглянулся через плечо, чтобы поискать взглядом коридор у спальни. Никаких следов за дымной толпой бара, никаких признаков, что он вообще существовал.

– И это была камера?

– Да. Вплетенная по уровню сложности реакция, командный софт автоматически строит камеры на основании языка вокруг всего, что попадает в хранилище мощностей.

– Выбраться было не очень трудно.

– Ну, на каком языке ты говоришь?

– Э-э – амеранглийский.

– Ага. В категориях машины это не очень сложно. Прямо скажем – детский уровень. Ты попал в тюрьму, которую заслужил твой уровень сложности.

– Но ты правда ожидала, что я не выйду?

– Не я, Микки. Софт. Эта штука автономная.

– Ну ладно, автономный софт ожидал, что я не выйду?

– Если бы ты был девятилетней девочкой со старшим братом, – сказала она с заметной обидой, – ты бы *не вышел*, поверь. Системы не созданы понимать человеческое поведение, они только распознают и оценивают язык. Все остальное – логика машины. Они пользуются моим подсознанием для ткани, тона происходящего, предупреждают меня напрямую, если происходит особенно серьезный побег, но нет никакого человеческого контекста. ДеКом работает не с людьми.

– Значит, если это Надя – или кто она там, – если она говорила, скажем, на старояпонском, система посадила ее туда же, куда и меня?

– Да. Японский куда сложнее амеранглийского, но в категориях машины разницей можно пренебречь.

– И она выбралась так же легко, как я. Не предупредив тебя, если действовала тихо.

– Тише тебя, да. По крайней мере из системы изоляции. Найти дорогу через сенсорные интерфейсы и буферы ко мне в голову куда сложнее. Но если есть время и целеустремленность…

– О, она целеустремленная. Ты же знаешь, кем она себя объявляет, да?

Короткий кивок.

– Она мне говорила. Когда мы обе скрывались тут от дознавателей Харланов. Но, кажется, я и так понимала. Мне стали сниться о ней сны.

– Ты думаешь, она Надя Макита? Правда?

Сильви подняла стакан и отпила.

– Трудно поверить, что это возможно.

– Но ты все равно позволишь ей командовать телом в ближайшем будущем? Не зная, кто или что она такое?

Снова пожала плечами.

– Я склонна судить по результату. Кажется, она справляется.

– Твою мать, Сильви, да вдруг она вообще *вирус*.

– Ну, судя по тому, что я читала в школе, настоящая Куэллкрист Фальконер – тоже. Разве не так звали куэллизм во времена Отчуждения? *Отравляющий вирус в теле общества?*

– Я не о политических метафорах, Сильви.

– И я тоже, – она опрокинула стакан, снова его осушила и поставила. – Слушай, Микки, я не активистка и не солдат. Я исключительно инфокрыса. Миминты и коды – с этим ко мне. Отправь меня в Новый Хок с командой – и ко мне никто близко не подойдет. Но сейчас мы не там, и мы с тобой оба знаем, что в Драву я вернусь нескоро. Так что, учитывая нынешний климат,

пожалуй, уступлю Наде. Потому что, кем бы или чем бы она ни была, у нее куда больше шансов выплыть, чем у меня.

Она сидела, глядя, как наполняется ее стакан. Я покачал головой.

– Это на тебя не похоже, Сильви.

– Еще как похоже, – вдруг ее тон стал яростным. – Микки, мои друзья или передохли, или еще чего похуже. Целая планета копов плюс миллспортские якудза хотят сделать со мной то же самое. Так что не рассказывай, что на меня похоже, а что нет. Ты не знаешь, что происходит со мной в таких обстоятельствах, потому что ни хрена этого не видел, понял? Даже я не знаю, что со мной происходит в таких обстоятельствах.

– Ага, и вместо того чтобы узнать, ты будешь мариноваться здесь, как какая-то мечта Отречения о хорошей маленькой девочке, которую хотели твои родители. Будешь сидеть и играться со своим встроенным миром и надеяться, что кто-нибудь снаружи разберется со всем за тебя.

Она промолчала, только подняла в мою сторону свеженаполненный стакан. Я почувствовал, как во мне пульсирует внезапная, удушающая волна стыда.

– Прости.

– Вот именно. Хочешь пережить то, что сделали с Орром и остальными? А то у меня есть все в подробностях внизу.

– Сильви, нельзя же…

– Они умирали страшно, Микки. Их освежевали, одного за другим. В конце Киёка кричала, как ребенок, чтобы я пришла и спасла ее. Не хочешь загрузиться, поносить это с собой, как приходится мне?

Я содрогнулся, и это движение словно отозвалось во всем конструкте. В воздухе вокруг нас повис тихий холодный гул.

– Нет.

После этого мы долго сидели молча. Вокруг приходили и уходили посетители «Токийского ворона», словно призраки.

Через какое-то время она неопределенным жестом указала наверх.

– Знаешь, стремящиеся верят, что это единственное истинное существование. Что все снаружи – иллюзия, игра теней, созданная богами-предками, чтобы лелеять нас, пока мы не построим собственную реальность под себя и не загрузимся в нее. Утешающая мысль, нет?

– Если хочется так считать.

– Ты назвал ее вирусом, – сказала она задумчиво. – Как вирус она была очень успешной. Проникла в мои системы, будто была для этого создана. Может, она будет так же успешна там, в

закулисных играх.

Я закрыл глаза. Прижал ладонь к лицу.

– Что-то не так, Микки?

– Пожалуйста, скажи, что это метафора. Я вряд ли выдержу еще одного пропатченного верующего.

– Эй, не нравится разговор – тебя никто не держит, правда же?

Внезапная резкость в ее голосе вдруг вернула меня в Новый Хок и бесконечные перепалки деКомовцев. С воспоминанием за уголки губ дернула нежданная улыбка. Я открыл глаза и снова посмотрел на нее. Положил обе ладони на стойку и позволил улыбке расцвести.

– Я пришел тебя вытащить, Сильви.

– Знаю, – она положила свою ладонь на мою. – Но мне и здесь хорошо.

– Я сказал Лазу, что присмотрю за тобой.

– Ну и присмотри за ней. Тогда и я буду в безопасности.

Я помялся, пытаясь все правильно сформулировать.

– По-моему, она какое-то оружие, Сильви.

– Ну и что? А мы все нет?

Я оглядел бар и серых ускоренных призраков. Тихое бормотание слившегося звука.

– Ты правда больше ничего не хочешь?

– Сейчас, Микки, я ничего больше не потяну.

Передо мной нетронутым стоял стакан. Я встал. Взял его.

– Тогда я на выход.

– Конечно. Я тебя провожу.

Виски оказался обжигающим, дешевым и крепким – я не ожидал.

* * *

Она вышла со мной на верфь. Здесь уже занимался рассвет, холодный и бледно-серый, и в безжалостном свете не было людей – ни ускоренных пастишей, никаких. Рыбацкая станция казалась закрытой и покинутой; места швартовок и океан за ними были пусты. Все было словно голое, обнаженное, и море Андраши подступало и шлепало о сваи с гнетущей силой. Если посмотреть на север, можно было почувствовать, как за горизонтом в такой же заброшенной тиши затаилась Драва.

Мы стояли под краном, где впервые познакомились, и тут до меня с ощутимой силой дошло, что я вижу ее в последний раз.

– Один вопрос?

Она смотрела в море.

– Давай.

– Твой представитель наверху говорит, что узнала кого-то в конструкте-изоляторе. Григорий Исии. Имя что-нибудь говорит?

Слегка наморщилась.

– Имя знакомое, да. Не скажу откуда. Но не понимаю, как туда могла попасть оцифрованная личность.

– И в самом деле.

– Она сказала, что это и *есть* Григорий?

– Нет. Она сказала, что там, внизу, было что-то на него похожее. Но после схватки с пушкой-скорпионом, когда ты пришла в себя в Драве, ты сказала, что оно тебя знало – что-то тебя *знало*. Как старого друга.

Сильви пожала плечами. По большей части ее по-прежнему занимал северный горизонт.

– Тогда это может быть какая-нибудь эволюция миминтов. Вирус, который активирует в человеческом мозге узнавание, заставляет думать, что ты видишь или слышишь какого-то знакомого. Каждый сам припишет вирусу подходящие черты.

– Очень маловероятно. Не сказать, чтобы миминты в последнее время имели богатый опыт человеческого общения, чтобы было что взять за основу для такого развития. Мексек там всего сколько, три года?

– Четыре, – слабая улыбка. – Микки, миминты были *созданы* для того, чтобы убивать людей. Для *этого* их туда и забросили триста лет назад. Невозможно сказать, могло или не могло выжить так долго какое-нибудь вирусное оружие в этом духе, а то и улучшиться.

– Ты с чем-нибудь подобным сталкивалась?

– Нет. Но это не значит, что там такого не бывает.

– Или тут.

– Или тут, – легко согласилась она. Ей хотелось, чтобы я поскорее ушел.

– А может, это очередная бомба с псевдоличностью.

– Может.

– М-да, – я еще раз огляделся. – Ладно. Как мне уйти?

– Кран, – на миг она вернулась ко мне. Ее глаза оторвались от севера и встретились с моими. Она кивнула туда, где стальная лестница исчезала в переплетении балок машины. – Просто лезь наверх.

Отлично.

– Береги себя, Сильви.

– Обязательно.

Она кратко поцеловала меня в губы. Я кивнул, хлопнул ее по

плечу и отступил на пару шагов. Затем обернулся к лестнице, положил руки на холодный металл ступенек и начал лезть.

Она казалась вполне основательной. Всяко лучше морского утеса, засиженного рипвингами, и подбрюшья марсианской архитектуры.

Я поднялся уже на пару десятков метров, когда до меня доплыл ее голос.

– Эй, Микки.

Я вгляделся вниз. Она стояла у основания крана и смотрела на меня. Сложила ладони у рта. Я осторожно отцепился одной рукой и помахал.

– Да?

– Только что вспомнила. Григорий Исии. Мы учили про него в школе.

– Что учили в школе?

Она развела руками.

– Прости, понятия не имею. Кто помнит эту хрень?

– Да уж.

– Почему бы не спросить *ее*?

Хороший вопрос. Очевидный ответ – осторожность чрезвычайного посланника. Но вторым к финишу с небольшим отрывом приходит упрямое недоверие. Нежелание. Я не поведусь на великое возвращение Куэлл по сниженным ценам, на которое, кажется, были готовы купиться Кой и Жучки.

– Может, и спрошу.

– Ну, – рука, поднятая в прощании. – Чистого скана, Микки. Лезь и не смотри вниз.

– Ага, – крикнул я. – И тебе, Сильви.

Я полез. Рыбацкая станция уменьшилась до детской игрушки. Море приняло текстуру мятого серого металла, приваренного к накренившемуся горизонту. Сильви стала точкой, глядящей на север, а потом ее и вовсе стало не разобрать. Может, ее там уже не было. Балки вокруг потеряли всякое сходство с краном. Холодный утренний свет потемнел до мерцающего серебра, что танцевало на металле раздражающе знакомыми узорами. Я все не уставал и не уставал.

Перестал смотреть вниз.

Глава сороковая

– Итак? – спросила она наконец.

Я глядел в окно на Пляж Вчира, на блики солнца на волнах. И пляж, и вода начали заполняться крошечными человеческими фигурками, намеренными насладиться погодой. Офис «Склепа Дзуринды Туджмана» был надежно изолирован от улицы, но можно было почти почувствовать крепнущий жар, почти услышать растущую болтовню и шквал туристов, который ее сопровождал. С тех пор как я вышел из конструкта, я еще ни с кем не говорил.

– Итак, ты была права, – я уделил взгляд женщине в теле Сильви Осимы, затем снова обратился к морю. Похмелье вернулось, как будто еще хуже. – Она не выйдет. Она впала в детство, в Отречение, чтобы справиться с горем, и останется там.

– Спасибо.

– Ага, – я оставил окно в покое, повернулся к Трес и Видауре. – Здесь мы закончили.

По дороге назад, к скиммеру, никто не говорил. Мы пробивались через ярко разряженную толпу, молча боролись с течением. Часто дорогу расчищали наши лица – это было видно по выражениям людей, торопливо отступающих в сторону. Но из-за солнечного тепла и желания погрузиться в воду не все сохраняли даже поверхностный уровень внимания. Сиерра Трес щерилась, когда получала по ноге тычки аляповатыми пластиковыми пляжными принадлежностями, но либо благодаря наркотикам, либо силе воли ее рот оставался крепко сжат, несмотря на любую боль. Никому не хотелось устраивать запоминающуюся сцену. Лишь раз она обернулась на особенно неуклюжего обидчика, и тот почти сбежал.

«*Эй, ребят*, – кисло гонял я мысль в голове. – *Разве вы не узнаете своих политических героев? Мы пришли вас всех освободить*».

На Причалах Солнечного Веселья пилот, как и все отдыхающие, валялся на скошенном боку скиммера на солнышке. Когда мы подошли, он сел и заморгал.

– Быстро вы. Уже обратно?

Сиерра Трес демонстративно оглядела яркий пластик вокруг.

– А ты видишь повод задерживаться?

– Эй, не так уж все плохо. Я со своими мелкими иногда сюда заезжаю, они кайфуют. Тут нормальный народ, не пафосные засранцы, как на южном конце. А, да. Ты, чувак. Друг Рада.

Я с удивлением поднял взгляд.

– Да.

– Тебя спрашивали.

Я замер на пути вокруг скиммера. Холодная волна готовности посланника, помеченная крошечными каплями радостного предвкушения. Похмелье отступило.

– Что хотели?

– Не сказали. Даже имени твоего не знали. Но описали узнаваемо. Это был священник, из северных чудил. Ну знаешь, при бороде и всех делах.

Я кивнул, предвкушение распалилось в теплые пляшущие огоньки.

– И что ты ему сказал?

– Булками шевелить сказал. Моя женщина с Шафрана порассказывала, что они там вытворяют. Я бы с этими гондонами не разговаривал, а привязывал живой колючкой к рамам для водорослей.

– Священник молодой или старый?

– А, молодой. И, по виду, с таким не забалуешь, сечешь?

В голову вернулись слова Вирджинии Видауры. *Освященные одиночки-убийцы избранных неверующих.*

Ну, не то чтобы ты этого не ожидал.

Видаура подошла и положила ладонь мне на руку.

– Такеси…

– Возвращайся с остальными, – сказал я тихо. – Я разберусь.

– Ты нам нужен, Так, чтобы…

Я ей улыбнулся.

– Неплохая попытка. Но я вам, ребят, уже не нужен. И свои последние обязательства я только что исполнил в виртуале. Больше мне все равно нечем заняться.

Она не сводила с меня взгляда.

– Все будет в порядке, – сказал я ей. – Порву ему глотку и тут же к вам.

Она покачала головой.

– Ты правда больше ничего не хочешь?

Слова зазвенели реальным эхом моего собственного вопроса Сильви в глубинах виртуальности. Я сделал нетерпеливый жест.

– А что еще остается? Биться за великое дело куэллизма? Ну конечно. Биться за стабильность и процветание Протектората? Я уже все это пробовал, Вирджиния, и *ты* тоже пробовала, и ты знаешь правду не хуже меня. Все это говно на палочке. Невинные жертвы в лужах крови, мясо, крики и все такое ради какого-нибудь грязного политического компромисса. Дела других людей, Вирджиния, они у меня уже вот где.

– И что взамен? Это? Опять бессмысленная резня? Я пожал

плечами.

– Меня учили заниматься бессмысленной резней. Я в этом мастер. Благодаря *тебе*, Вирджиния.

Слова были для нее как пощечина. Она отдернулась. Сиерра Трес и пилот посмотрели на нас с любопытством. Женщина, которая называла себя Куэлл, как я заметил, уже спустилась в салон.

– Мы оба ушли из Корпуса, – наконец сказала Видаура. – Целыми. Поумневшими. А теперь ты собираешься просто выключить весь остаток жизни, как сраный фонарь? Просто похоронить себя в подпрограмме возмездия?

Я выдавил ухмылку.

– Я за сотню лет уже наелся, Вирджиния. И скучать ни по чему не стану.

– Но это же ничего не *решает*, – она вдруг уже кричала. – Это не *вернет* Сару. Когда ты закончишь, ее по-прежнему не будет. Ты уже убил и замучил всех, кто там был. И что, стало лучше?

– На нас смотрят, – кротко ответил я.

– Да мне насрать. Отвечай. *Тебе стало лучше?*

Чрезвычайные посланники – величайшие лжецы. Но не в случае, когда говорят с собой или друг с другом.

– Только когда я их убиваю.

Она мрачно кивнула.

– Да, вот именно. И ты знаешь, в чем дело, Так. Мы оба знаем. Не то чтобы мы такого не видели. Помнишь Чеба Оливейру? Нильса Райта? Это патология, Так. Она выходит из-под контроля. Это зависимость, и в итоге она тебя сожрет.

– Может быть, – я придвинулся ближе, с трудом удерживая крышку на собственном внезапном гневе. – Но при этом не погибнут пятнадцатилетние девочки. Не будут разбомблены города и изничтожены населения планет. Не начнется Отчуждение или адорасьонская кампания. В отличие от твоих дружков по серфу, в отличие от твоей новой лучшей подружки в салоне, я больше ни от кого не прошу жертв.

Пару секунд она пристально смотрела мне в глаза. Затем кивнула, словно вдруг убедившись в том, во что она до конца не верила.

И молча отвернулась.

* * *

Скиммер боком отошел от швартовки, крутанулся в волне грязной воды и рванул на запад. Никто не остался на палубе

помахать. Капли из-под кормы оросили лицо. Я смотрел, как он уменьшается до слабого рокота и точки на горизонте, потом пошел искать священника.

Освященные одиночки-убийцы.

Я уже сталкивался с парой таких на Шарии. Религиозные маньяки, распаленные психозом, в мученических оболочках Десницы Господа, отделенные от основного корпуса бойцов, взглянувшие на виртуальный образ рая, ожидающего их после смерти, и затем отправленные проникнуть на опорные базы Протектората. Как и все шарийское сопротивление, они не могли похвастаться особым воображением, – что в конце концов и сгубило их при встрече с чрезвычайными посланниками, – но и в поддавки они не играли. У нас выработалось здравое уважение к их отваге и боевой выдержке, когда мы покончили с ними всеми до единого.

Рыцари Нового откровения же, напротив, были легкой целью. У них хватало энтузиазма, но не было родословной. Веры, покоившейся на привычных религиозных лозунгах для разжигания толпы и женоненавистничества, еще хватало для силовых акций; но для того, чтобы появился класс воинов, пока что не было либо времени, либо нужды. Они оставались любителями.

Пока что.

Я начал с пары отелей подешевле на береговой линии Простора. Казалось разумным предположить, что священник отследил меня до «Склепа Дзуринды Туджмана» перед нашей отправкой в Миллспорт. Затем, когда след завел в тупик, он просто решил переждать. Терпение – добродетель первосортных убийц; надо знать, когда делать ход, но надо быть готовым ждать. Те, кто тебе платят, поймут, либо их можно будет убедить потом. Ждешь и раскидываешь сеть. Ежедневная прогулка до Причалов Солнечного Веселья, осторожная проверка судов, особенно выделяющихся. Например, тонированных низкопрофильных пиратских скиммеров среди ярких и распухших туристических корыт, обычно забивающих стоянки. Единственное, что не сходилось с поведением киллера, – открытые расспросы пилота, и это я объяснял самодовольством, основанным на вере.

Слабая вездесущая вонь гниющих белаводорослей, облезшие фасады и ворчливый персонал. Узкие улочки, нарезанные полосами горячего солнечного света. Сырые замусоренные углы, которые по-настоящему высыхают только в часы около полудня. Беспорядочные потоки туристов, которые уже казались переутомленными дешевым весельем на солнце. Я блуждал всюду, пытаясь прислушиваться к чутью посланника, пытаясь

подавить головную боль и бьющуюся в глубине ненависть, которая требовала выхода.

Я нашел его задолго до вечера.

След было нетрудно взять. Кошут до сих пор оставался относительно незачумленным Новым откровением, и люди замечали священников так же, как замечаешь миллспортский акцент у Ватанабе. Везде я задавал одни и те же простые вопросы. Фальшивый серферский жаргон, позаимствованный легко повторяемыми кусками из разговоров вокруг, помог прорваться через оборону достаточного количества разнорабочих, чтобы отследить, где появляется священник. Разумное распределение кредитных чипов низкого номинала и угроз с холодным взглядом довершили остальное. Когда жара схлынула, я был уже в тесном лобби хостела и проката лодок и досок под названием «Дворец Волн». «Дворец», вопреки названию, стоял на ленивых водах Простора, на древних сваях из зеркального дерева, и через пол проникал запах гнили белаводорослей.

– Конечно, поселился неделю назад, – помогла мне девушка на ресепшене, раскладывая на полках у стены обшарпанные доски для серфинга из стопки. – Я уже ждала проблем – я же женщина, и в таком виде, все дела. Но ему как будто пофиг.

– Правда?

– Да, весь такой уравновешенный, прикинь? Я даже думала – может, серфер, – она рассмеялась. Беспечный, подростковый звон. – Бред, а? А с другой стороны, даже у них должны быть серферы, почему нет?

– Серферы повсюду, – согласился я.

– Так чего, хочешь с ним поговорить? Мне что-нибудь передать?

– Ну, – я пригляделся к почтовым ящикам за стойкой. – Вообще-то я бы ему кое-что оставил, если можно. Сюрприз.

Это ей понравилось. Она заулыбалась и поднялась.

– А то давай.

Она оставила доски и обошла стойку. Я покопался в кармане, нашел запасную батарею «Рапсодии» и вытащил.

– Вот.

Она с любопытством взяла черное устройство.

– И все? Не накарябаешь записку, ничего?

– Нет, и так нормально. Он поймет. Просто скажи, что я вернусь вечером.

– Ладно, как знаешь, – она весело пожала плечами и обернулась к ящикам. Я смотрел, как она кладет батарею в пыль на полке 74.

– А вообще, – произнес я с искусственной внезапностью, –

можно снять номер?

Она удивленно обернулась.

– Ну, э-э, конечно…

– Только на сегодня. Проще ведь, чем остановиться где-то еще, а потом возвращаться, понимаешь.

– Конечно, без проблем, – она оживила пальцем экран на стойке, миг изучала его, затем снова улыбнулась. – Если хочешь, могу даже, знаешь, поселить тебя с ним на одном этаже. Не по соседству – уже занято, – но через пару дверей, там свободно.

– Очень мило с твоей стороны, – сказал я. – Тогда знаешь что? Просто скажи ему, что я здесь, назови номер, пусть приходит и позвонит. Тогда даже можешь вернуть мне железо.

Ее лоб нахмурился от шквала перемен. Она с сомнением взяла батарею «Рапсодии».

– То есть уже ничего не надо передавать?

– Больше нет, спасибо, – я улыбнулся. – Наверное, лучше я сам все передам, непосредственно. Лицом к лицу.

* * *

Двери наверху были на старомодных петлях. Я взломал 74-й номер, приложив не больше стараний, чем когда был шестнадцатилетним уличным бандитом и вскрывал склады дешевых магазинов дайвинг-снаряжения.

Номер был тесным и самым дешевым. Капсульная ванная, многоразовый сетчатый гамак, чтобы сэкономить на свободном месте и стирке, ящики, встроенные в стены, маленький пластмассовый стол со стулом. Окно с настраиваемой прозрачностью, неуклюже связанное с климат-контролем комнаты, – священник оставил его затененным. Я поискал, где бы спрятаться в темноте, и за неимением вариантов был вынужден выбрать капсулу. Когда я вошел, в нос ударил свежий запах антибактериального спрея – должно быть, недавно закончился цикл очистки. Я передернулся, стал дышать через рот и поискал в ящичках болеутоляющие, чтобы изгладить накатывающие волны похмелья. В одном нашел блистер с простенькими таблетками от солнечного удара для туристов. Проглотил пару, не запивая, и уселся на закрытой крышке унитаза.

Что-то здесь не так, – укоряло меня чутье посланника. – *Что-то не сходится.*

Может, он не тот, за кого ты его принимаешь.

Ага, конечно – переговорщик, пришел тебя наставить на путь истинный. Господь передумал.

Религия – просто политика с высокими ставками, Так. Ты сам это знаешь, видел в деле на Шарии. Ты не знаешь, на что они способны, когда выбора не остается.

Эти люди овцы. Они делают все, что велят им святые. В моем разуме вспыхнула Сара. Мир вокруг на миг покачнулся от напора моей ярости. В тысячный раз я представил эту сцену, и в ушах шумело, словно от криков далекой толпы.

Я вытащил нож «Теббит» и уставился на тусклое темное лезвие.

Спокойствие посланника медленно просочилось обратно. Я снова уселся в маленьком пространстве капсулы, позволяя ему пропитать меня холодной решимостью. С ним пришли обрывки голоса Вирджинии Видауры.

Оружие – только приспособление. На самом деле убиваете и уничтожаете вы сами.

Быстро убить и исчезнуть.

Это не вернет *Сару. Когда ты закончишь, ее по-прежнему не будет.*

Из-за последнего я нахмурился. Нехорошо, когда кумиры формирующих лет начинают сбиваться с мысли. Когда обнаруживаешь, что они тоже люди.

Дверь бормотнула что-то про себя и начала открываться.

Мысль улетучилась, как обрывки на ветру наконец выпущенной силы. Я вышел из капсулы, обошел дверцу и встал с ножом, готовый резать.

Он был не таким, каким я его представлял. Пилот скиммера и девочка внизу отмечали его самообладание, и оно проявилось в том, как он развернулся от шороха моей одежды, движения воздуха в узкой комнате. Но он оказался тощим и легким, с выбритым гладким черепом, а борода была торчащей нелепостью на изящных чертах.

– Меня ищешь, святоша?

На миг мы столкнулись взглядами, и нож в моей руке задрожал словно сам по себе.

Затем он поднял руку и дернул бороду, и она отошла с коротким треском как от помех.

– Конечно, я ищу тебя, Микки, – сказала Ядвига устало. – Целый месяц за тобой гоняюсь.

Глава сорок первая

– Ты же вроде умерла.

– Ага, минимум два раза, – Яд мрачно ковыряла накладную бороду в руках. Мы сидели вместе за дешевым пластмассовым столом, не глядя друг на друга. – Наверно, это единственная причина, почему я еще дышу. Они не искали меня, когда пришли за остальными.

При ее словах я снова увидел Драву, перед мысленным взглядом появились кружащий снег в ночной тьме, мороженные созвездия лагерных огней и редкие силуэты, скользящие между зданий, нахохлившиеся из-за непогоды. Они пришли на следующий вечер, без объявления. Непонятно, то ли Курумаю купили, то ли запугали начальством, то ли попросту убили. Когда направленная сила командного ПО Антона на максимальной энергии перекрыла системы в лагере, Ковач и его люди нашли команду Сильви по сетевой сигнатуре. Выбили двери, потребовали сдаться.

Обломались.

– Я видела, как Орр снял одного, – продолжала Яд механически, всматриваясь в собственные воспоминания. – Просто вспышка. Он крикнул, чтобы все уходили. Я несла заказ из бара. Я даже не…

Она замолчала.

– Все хорошо, – сказал я.

– Нет, ни хера хорошего, Микки. Я сбежала.

– Если бы не сбежала, была бы мертва. По-настоящему.

– Я слышала, как кричала Киёка, – она сглотнула. – Я знала, что уже поздно, но…

Я поторопил ее дальше.

– Кто-нибудь тебя видел?

Резкий кивок.

– Обменялась с парой из них выстрелами на пути к гаражам. Ублюдки будто кишели везде. Но за мной они не пошли. Наверное, решили, что я просто строптивый прохожий, – она обвела рукой свою оболочку «Эйшундо». – Понимаешь, ведь при сетевом поиске нет ни следа. Для этой твари, Антона, я была невидимкой.

Она взяла один из жуков «Дракул», завела и съехала прямо с причала.

– Системы автоподлодки в устье не сразу пришли в себя, – сказала она и безрадостно усмехнулась. – Нельзя же выводить транспорт на воду без разрешения. Но чистые метки все-таки ее

переубедили.

И прямиком в море Андраши.

Я механически кивал, хотя на самом деле почти не верил своим ушам. Она гнала жука без передышки почти тысячу километров до самой Текитомуры и тихо приземлилась ночью в лагуне к востоку от города.

Она отмахнулась.

– В кофрах были еда и вода. Мет, чтобы не спать. На «Дракуле» стояла навигационка от «Нухановича». Главное, о чем я волновалась, – держаться достаточно низко, чтобы казаться лодкой, а не летающей машиной, и не выбесить ангельский огонь.

– И как ты меня нашла?

– Да, вот тут начинается какая-то странная хрень, – впервые в ее голосе расцвело что-то не похожее на усталость и едкий гнев. – Я загнала жука по дешевке на верфи Соробан, шла обратно в Комптё. Отходила с мета. И тут как будто учуяла тебя. Как запах моего старого семейного гамака из детства. И я просто последовала за ним – как я уже сказала, я была в отходняке, действовала на автопилоте. Увидела тебя на верфи, как ты садишься на этот драндулет. «Дочь гайдука».

Я снова кивнул, в этот раз с неожиданным пониманием – огромные куски пазла вставали на свои места. Меня омыло головокружительное, непривычное чувство тоски по семье. В конце концов, мы же близнецы. Родные отпрыски давно павшего дома «Эйшундо».

– Значит, ты плыла зайцем. Это ты пыталась залезть в капсулу, когда начался шторм.

Она скривилась.

– Да, шнырять по палубе, когда светит солнышко, – это одно дело. Но в такую погоду этим заниматься не хочется. Надо было догадаться, что они накатили сигнализаций до жопы. Сраное масло медуз, а цены задирают, как на нейротех «Хумало».

– А на второй день это ты воровала еду из общего хранилища?

– Эй, когда я увидела, что ты на борту, твоя лодочка уже мигала огнями отправления. Вышли через час. Не сказать, чтобы у меня было много времени запастись провизией. Я целый день просидела голодная, пока не поняла, что ты не сходишь в Эркезеше, а настроился поплавать. Жрать-то хочется.

– Знаешь, а там из-за этого чуть не подрались. Один из твоих деКомовских коллег хотел кого-то прикончить за кражу.

– Да, я слышала. Ветераны контуженые, мать их, – в ее голосе зазвучала привычная неприязнь, макропрограмма мнения перекрыла все остальное. – Вот из-за таких лузеров обо всей

профессии думают плохо.

– Значит, ты следила за мной и в Ньюпесте, и на Просторе.

Очередная невеселая улыбка.

– Моя родина, Микки. А кроме того, твой скиммер оставлял такой след в супе, по которому я бы прошла и с завязанными глазами. Парень, которого я наняла, поймал тебя на радаре при высадке на мысе Кем. Я была там к ночи, но тебя уже куда-то унесло.

– Ага. Так какого хрена ты не постучалась ко мне в каюту, когда у тебя была возможность, на борту «Дочери гайдука»?

Она осклабилась.

– Я тебе не доверяла. Вообще. Как тебе такой ответ?

– Ясно.

– Ага, и пока не сменили тему – как насчет того, что все еще не? Как насчет объяснений, какого хера ты наделал с Сильви?

Я вздохнул.

– Есть выпить?

– Это ты мне скажи. Ты же ко мне вломился.

Что-то где-то внутри меня перевернулось, и я вдруг понял, как рад ее видеть. Только не мог понять, то ли из-за биологических уз оболочек «Эйшундо», то ли из-за памяти о месячном товариществе и перепалках на Новом Хоке, то ли просто на контрасте после разом посерьезневших и переродившихся революционеров Бразилии. Я посмотрел, как она стоит передо мной, и по комнате словно пронесся порыв ветра с моря Андраши.

– Рад снова тебя видеть, Яд.

– Ага, я тебя тоже, – призналась она.

* * *

Когда я все выложил, за окном уже было темно. Яд поднялась и протиснулась в узком пространстве мимо меня, встала у окна с настраиваемой прозрачностью. На затемненном стекле тускло расплывались уличные фонари. Доносились громкие голоса – какой-то пьяный спор.

– Уверен, что говорил именно с ней?

– Уверен. Не думаю, что Надя, кем бы она ни была – *чем* бы она ни была, – не думаю, что она может управлять ее командным софтом. Уж точно не настолько, чтобы породить такую разумную иллюзию.

Яд кивнула.

– Да, эта Отреченская хрень должна была рано или поздно

аукнуться Сильви. Если засрать мозги в таком возрасте, уже никогда их не прочистишь. Ну а что с этой Надей? Правда думаешь, что это личностная мина? Потому что должна сказать, Микки, почти за три года охоты на Новом Хоке я ни разу не видела и не слышала про инфомину с таким количеством деталей, такой глубиной проработки.

Я помялся, ощупывая края понимания, подаренного интуицией посланника, в поисках сути, которую можно утоптать и передать таким грубым инструментом, как слова.

– Я не знаю. По-моему, она, не знаю, какое-то оружие со специфическим назначением. Все указывает на то, что Сильви чем-то заразилась в Нечистой. Ты была с ней в каньоне Иямон, да?

– Ага. Во время боя она отвалилась. Отходила несколько недель. Орр прикидывался, что это стресс после стычки, но все всё понимали.

– А до этого с ней все было нормально?

– Ну, она была башкой деКома, с этой работой нельзя быть *нормальным*. Но ее бред, отключки, наводки на места, которые уже кто-то обработал, – все это пошло косяком после Иямона, да.

– Места, которые уже кто-то обработал?

– Ну, сам знаешь, – в отражении окна на ее лице вспыхнуло раздражение, как спичка, потом так же внезапно затухло. – Нет, если подумать, откуда тебе знать, ты же ни разу не видал.

– Что не видал?

– А, несколько раз мы обнаруживали активность миминтов, но когда приходили, то все уже было чисто. Казалось, будто они сражались друг с другом.

Перед глазами встало что-то из первой встречи с Курумаей. Нытье Сильви, бесстрастные ответы командира лагеря.

– Осима-сан, в прошлый раз, когда я разогнал тебя в расписании перед другими, ты презрела свои обязанности и исчезла на севере. Откуда мне знать, что ты не выкинешь тот же трюк?

– Сиг, ты послал нас глазеть на развалину. *Кто-то добрался туда раньше нас, там ничего не осталось. Я тебе уже все говорила.*

– Когда наконец соизволила вернуться, да.

– О, рассуждай здраво. Как мне декомиссовать то, что и так расковыряли? Мы свалили, потому что там ни хрена не было.

Я нахмурился, когда на место встал еще один фрагмент. Гладко и заподлицо, как чертов осколок. От теорий, которые я строил, лучилось беспокойство. Они не сходились ни с чем, чему я привык верить.

– Сильви что-то об этом говорила, когда мы получали задание по зачистке. Курумая разогнал вас, а когда вы вышли на

заданную местность, там не было ничего, кроме развалин.

– Да, оно самое. Но это было не единожды. Мы сталкивались с этим в Нечистой несколько раз.

– Когда я был с вами, вы мне не рассказывали.

– Ну, сам понимаешь, деКом, – Яд кисло скорчилась на себя в окне. – Для людей с тоннами передовой техники в башке мы удивительно суеверные придурки. Считается некрутым говорить о таких вещах. Приносит неудачу.

– Тогда еще раз. Эти суицидные дела миминтов – они случались и до Иямона.

– Насколько я помню, да. Так ты мне объяснишь эту свою теорию о спецоружии?

Я тряхнул головой, укладывая новую информацию.

– Я не уверен. Думаю, она была создана активировать этого генетического убийцу Харланов. Не думаю, что Черные бригады отказались от своего оружия, не думаю, что их уничтожили раньше, чем они его запустили. Думаю, они разработали эту штуку как детонатор, начало цепочки. Спрятали в Новом Хоке фальшличность с запрограммированным желанием запустить оружие. Она верит, что она Куэллкрист Фальконер, потому что это придает ей воли. Но не более того, это только стимулирующая система. Когда дело доходит до цели – генетического проклятья для людей, которые еще не родились, когда его создали, – она ведет себя как совершенно другой человек, потому что в конечном итоге имеет значение только цель.

Яд пожала плечами.

– Описал в точности всех политических лидеров, про которых я слышала. Цели и средства, все такое. Почему долбаная Куэллкрист Фальконер должна чем-то отличаться?

– Да уж, не знаю, – во мне уперлось какое-то любопытное и нежданное сопротивление ее цинизму. Я посмотрел на руки. – Взглянуть на жизнь Куэлл – в основном все, что она делала, сходится с ее философией. Даже эта ее копия – или что это такое – даже она не может уложить свои действия в характер человека, которым себя считает. Она путается в собственных мотивациях.

– И что? Добро пожаловать в сраное человечество. Из-за горечи в ее словах я поднял глаза. Яд все еще стояла у окна, глядя на свое отражение.

– Ты ничего не могла поделать, – сказал я мягко.

Она не смотрела на меня, не отвернулась от окна.

– Может. Но я знаю, что *чувствовала*, и этого было мало. Меня изменила эта поганая оболочка. Вырезала меня из нашей сетки…

– И спасла тебе жизнь.

Она нетерпеливо мотнула бритой головой.

– Она не давала мне чувствовать то, что чувствуют остальные, Микки. Она меня отделила. Даже с Ки у нас все изменилось. За последний месяц мы больше не чувствовали себя как прежде.

– Обычное дело с новыми оболочками. Люди учатся…

– Ой ну да, все я знаю, – теперь она отвернулась от собственного лица и смотрела на меня. – Отношения – это непросто, отношения – это работа. Но мы обе старались, старались больше, чем раньше. Старались больше, чем *приходилось* раньше. В этом и проблема. Раньше стараться вообще не *приходилось*. Я иногда текла от одного взгляда на нее. Нам только это и было нужно – касание, взгляд. И все пошло по жопе, все.

Я промолчал. Есть времена, когда нельзя сказать ничего полезного. Остается только слушать, ждать и смотреть, как то, что внутри, выходит. Надеяться, что это очистка.

– Когда я услышала ее крик, – сказала Яд с трудом. – Я как бы… Это было не важно. Недостаточно важно. Не хотелось остаться и сражаться. В собственном теле я бы осталась и сражалась.

– Ты хотела сказать – осталась бы и умерла.

Беспечно пожала плечами, отвернулась, словно из-за слез.

– Это крабье говно, Яд. В тебе говорит вина, потому что ты выжила. Ты все это себе рассказываешь, хотя ничего не могла поделать и сама это знаешь.

Тогда она посмотрела на меня – и она правда плакала, тихие струйки слез и смазанная гримаса.

– А ты-то что, сука, знаешь, Микки? С нами все это сделала твоя же сраная версия. Ты гребаный разрушитель, контуженый посланник. Ты никогда не был деКомовцем. Тебе там не место, ты не представляешь, что все это значит. Какая это тесная связь. Не представляешь, каково ее потерять.

Мой разум быстро вернулся к Корпусу и Вирджинии Видауре. Гнев после Инненина. Тогда у меня в последний раз было свое место хоть где-то – и это было больше века назад. С тех пор я чувствовал зачатки похожего чувства – новые побеги товарищества и единой цели – и каждый раз вырывал их на корню. От этой херни умирают. Слишком расслабляешься.

– Итак, – сказал я с жестокой прозаичностью. – Вот ты меня выследила. Теперь ты знаешь все. Что будешь делать?

Она стерла слезы с лица резкими движениями, почти ударами.

– Я хочу ее видеть, – сказала она.

Глава сорок вторая

У Яд был маленький побитый скиммер, который она взяла напрокат на мысе Кем. Он стоял под ярким охранным огоньком на прокатном пирсе за хостелом. Мы спустились к нему, и по дороге нам радостно помахала девчушка за стойкой, которая, похоже, получала трогательное удовольствие от своей роли в нашем успешном воссоединении. Яд набрала коды на замках отъезжающей крыши, забралась за штурвал и резко вывернула нас в темноту Простора. Когда блеск огоньков Полосы за спиной уменьшился, она снова оторвала бороду и уступила мне штурвал, чтобы скинуть рясу.

– Да, а зачем так нахлобучиваться? – спросил я. – В чем смысл?

Она пожала плечами.

– Прикрытие. Я решила, что меня ищут по меньшей мере яки, и я не знала, что нужно тебе, на что ты играешь. Лучше всего не высовываться. Бородачей нигде не трогают.

– Да?

– Да, даже копы, – она сняла охровую ризу через голову. – Забавная штука – религия. Никому не хочется разговаривать со священником.

– Особенно с таким, который может объявить тебя врагом Господа за то, как ты стрижешься.

– Ну, наверное, и это тоже. В общем, нашла магазин приколов на мысе Кем, сказала, что это для пляжной вечеринки. И знаешь что? Сработало. Никто со мной не разговаривает. А еще, – она освободилась от остального облачения с привычной легкостью и ткнула большим пальцем в осколочную пушку для миминтов под мышкой. – Отлично прячет железо.

Я пораженно покачал головой.

– И ты притащила эту гаубицу сюда? Ты что, планировала размазать меня по всему Простору?

Она холодно посмотрела на меня. Под ремнями кобуры на деКомовской футболке были слова: «ОСТОРОЖНО: УМНАЯ МЯСНАЯ ОРУЖЕЙНАЯ СИСТЕМА».

– Может быть, – сказала она и отвернулась, чтобы убрать маскировку в заднюю часть крошечной кабины.

* * *

Ходить по Простору по ночам не слишком весело, когда

ведешь прокатное судно с радарными возможностями детской игрушки. Мы с Яд были родом из Ньюпеста и повидали в юности достаточно аварий, чтобы сбавить обороты и не торопиться. Не помогало и то, что Хотей еще не поднялся, а Дайкоку на горизонте обволокла растущая туча. Был коммерческий маршрут для туристических судов – иллюминиевые буи уходили в пахучую от водорослей ночь, – но не помогал и он. Местечко Шегешвара находилось вдали от проложенных путей. Через полчаса буи скрылись из виду, а мы остались наедине с жалким медным светом высоко зависшей, несущейся Мариканон.

– Как здесь мирно, – сказала Яд, словно впервые это обнаружила.

Я хмыкнул и свернул налево, когда огни скиммера выловили впереди заросли корня цепеша. Раскинувшиеся ветки громко царапнули по металлу юбки. Яд поморщилась.

– Может, стоило подождать утра.

Я пожал плечами.

– Если хочешь, вернемся.

– Нет, я думаю…

Радар пискнул.

Мы оба посмотрели на консоль, потом друг на друга. Обнаруженный объект снова пискнул, ближе.

– Может, скирдовоз, – сказал я.

– Может, – но за усиливающимся сигналом она следила с твердой деКомовской неприязнью на лице.

Я вырубил передний ход и ждал, пока скиммер мягко успокоится под бормотание подъемных стабилизаторов. На нас обрушился аромат водорослей. Я встал и оперся на края открытой панели крыши. С запахами Простора ветер принес слабый звук приближающихся моторов.

Я опустился обратно в кокпит.

– Яд, лучше достань артиллерию и займи позицию на корме. На всякий случай.

Она кратко кивнула и жестом попросила уступить ей место. Я отодвинулся, и она легко заскочила на крышу, затем освободила осколочный бластер из ремней кобуры. Бросила взгляд вниз на меня.

– Сигнал?

Я задумался, затем выкрутил стабилизаторы. Бормотание системы подъема усилилось до ровного рокота, затем улеглось.

– Вот так. Услышишь – мочи все, что видишь.

– Есть.

Ее ноги шаркнули по надстройке, она направилась на корму. Я снова поднялся и посмотрел, как она укрывается за хвостовым

оперением скиммера, затем обратил внимание на приближающийся сигнал. Радарная установка была необходимым минимумом и не выдавала никаких деталей, не считая постепенно растущего пятна на экране. Но пару минут спустя мне уже не нужен был радар. На горизонте вырос худой силуэт с турелями, поплыл к нам, и на его носу с тем же успехом мог бы висеть иллюминиевый знак.

ПИРАТ.

Чем-то напоминающий океанский компактный ховерлодер, он шел без навигационных огней. На поверхности Простора он казался длинным и низким, но и громоздким от грубых броневых плит и орудийных капсул, приваренных к основному корпусу. Я выкрутил нейрохимию и расплывчато увидел фигуры, двигавшиеся в слабом красном освещении за стеклянными листами на носу, но никакой активности у орудий. Когда судно приблизилось и подставило мне широкий борт, я увидел на металле юбки отметины и царапины. Последствия встреч, которые кончались абордажем.

Включился и прошел мимо меня прожектор, затем вернулся и остановился. Я поднял руку от яркого света. Нейрохимия выжала мне силуэты на приземистой башне над передней рубкой пирата. Над супом поплыл молодой мужской голос, звенящий от веществ.

– Ты Ковач?

– Я Судьба. Чего надо?

Сухой безрадостный смешок.

– Судьба. Ну да, тебе идет. Смотрю и вижу, стоишь там весь такой судьбоносный.

– Я задал вопрос.

– Чего мне надо. Я слышал. Ну, чего мне *надо* – в первую очередь мне надо, чтоб твоя тощая подружка на корме вышла и опустила железо. Она у нас все равно на ИК как на ладони, и превратить ее вибрационкой в корм для пантер раз плюнуть, но ты же тогда расстроишься, верно?

Я промолчал.

– Ну вот, а если ты расстроишься, мне только хуже. Я тебя должен радовать, Ковач. Привезти с собой, но радостного. Так что твоя подружка выйдет – *я* радуюсь, никаких фейерверков и кровищи – *ты* радуешься, вы едете со мной – радуются мои начальники, хвалят *меня* – *я* радуюсь еще больше. Знаешь, как это называется, Ковач? Круговорот радости.

– Не хочешь рассказать, кто твои начальники?

– Ну, да, я-то *хочу*, но никак не *могу*, понимаешь. Контракт. С моих уст про эту херню не сорвется ни слова, пока не привезу тебя и не начнется наше буги «*радость для меня – радость для*

тебя». Так что, боюсь, придется тебе довериться.

Или погибнуть в попытке побега.

Я вздохнул и повернулся к корме.

– Вылезай, Яд.

Настала долгая пауза, затем она показалась из теней хвостового оперения, болтая осколочным бластером в опущенной руке. Нейрохимия все еще работала, и вид на ее лице говорил, что она бы лучше доверила переговоры пушкам.

– Это гораздо лучше, – довольно откликнулся пират. – Теперь мы все друзья.

Глава сорок третья

Его звали Влад Цепеш – оказывается, не в честь растения, а в честь какого-то забытого во тьме веков народного героя из доколониальных времен. Он был долговязым и бледным, с телом, как у дешевой, молодой и бритой версии Джека Соула Бразилии, которую выкинули на стадии прототипа. Что-то подсказывало, что тело принадлежало ему, это его первая оболочка, а в этом случае он был ненамного старше Исы. На щеках виднелись рябые шрамы, которые он время от времени ковырял, и он дрожал с головы до ног от перебора с тетраметом. Обильно жестикулировал и слишком часто смеялся. В какой-то момент молодой жизни вскрыл себе череп у висков и заполнил зубчатые отверстия в форме вспышек молнии много-сплавным цементом черно-лилового цвета. Тот блестел в слабом свете пиратского судна, а если смотреть на голову в анфас, придавал лицу какую-то демоничность, ради чего все, очевидно, и затевалось. Мужчины и женщины на мостике с готовностью уступали место его порывистым движениям под метом, а в их глазах, когда они на него смотрели, читалось уважение.

Если отбросить радикальную хирургию, он напоминал мне Шегешвара и меня самого в этом возрасте настолько, что даже заныло что-то внутри.

Судно – возможно, предсказуемо, – носило соответствующее название «Колосажатель», и оно мчалось на запад, властно сминая препятствия, которые скиммеру меньшего размера и без брони пришлось бы обходить.

– Надо, – ответил Влад емко на наши вопросы, когда что-то хрустнуло под бронированной юбкой. – Все вас ищут на Полосе, и, видать, хреново ищут, потому что так и не нашли. Ха! В общем, просрали на это дело кучу времени, а мои клиенты, они, похоже, выбиваются из графика, если вы меня понимаете.

На наш интерес к личности клиентов он продолжал держать рот на замке, а при таком количестве мета это достижение.

– Слушайте, в любом случае скоро приедем, – трясся он, лицо дергалось. – Чего париться?

По крайней мере в этом он не врал. Меньше чем через час после того, как нас захватили, «Колосажатель» замедлился и осторожно подошел боком к сгнившей развалине скирдовальной станции в какой-то глуши. Связистка пирата прогнала пару зашифрованных протоколов подтверждения, и у тех, кто находился внутри разрушенной станции, была машина, которая знала код. Связистка подняла голову и кивнула. Влад стоял с

блеском в глазах перед приборной доской и рявкал приказы, как оскорбления. «Колосажатель» набрал еще боковой скорости, выстрелил швартовочными линями в вечнобетонные сваи причала с трещащим стуком, затем подтянулся вплотную. Зеленый свет, и вытянулся трап.

– Ну давайте пошли, – поторопил он нас с мостика обратно к люку, затем наружу под почетным караулом двух молодчиков на мете – еще моложе его и еще более дерганых. По мосткам, шагом, который хотел сорваться в бег, через док. Заброшенные краны стояли замшелыми в тех местах, где отказала антибактериалка; вокруг валялись куски сломанных и заржавевших машин, готовясь царапнуть неосторожных прохожих за лодыжки и плечи. Мы пробрались через обломки и вышли на финишную прямую к открытой двери в основании вышки начальника дока с поляризованными окнами. Наверх вели заляпанные ступеньки – два пролета, один над другим, и стальная площадка между ними, которая звенела и пугающе проминалась под ногами, когда мы по ней протопали.

Из комнаты наверху лился рассеянный свет. Я беспокойно шел с Владом впереди. Никто не пытался отнять наше оружие – конечно, когорты Влада были обвешаны железом без всякого стеснения, но все же…

Я вспомнил путешествие на «Флирте с ангельским огнем», ощущение слишком быстро налетающих событий, чтобы успевать их обработать, и сам вздрогнул во мраке. В комнату я вошел, готовый к драке.

А потом все опрокинулось.

– Привет, Так. Как там нынче вендетта?

Тодор Мураками, худой и уверенный в себе, в стелс-костюме и боевой куртке, снова с подстриженными по армейским стандартам волосами, упирал руки в бока и улыбался мне. На его бедре висел «Калашников» с интерфейсом, на левой груди – нож в перевернутых ножнах. На столе между нами находились приглушенный фонарь Ангьера, портативное инфополе и голокарта с восточными окраинами Болотного Простора. От всего – от железа до улыбки – пахнуло операциями чрезвычайных посланников.

– Не ожидал, а? – добавил он, когда я не ответил. Он обошел стол и протянул руку. Я посмотрел на нее, потом на его лицо, не двигаясь.

– Какого хрена ты тут делаешь, Тод?

– Благотворительностью занимаюсь, веришь, нет? – он уронил руку и глянул мне за плечо. – Влад, забери своих ребят и подожди внизу. И нашу охотницу на мимимтов прихвати.

Я почувствовал, как Яд за спиной ощетинилась.

– Она останется, Тод. Или разговора не будет.

Он пожал плечами и кивнул моим новообретенным друзьям-пиратам.

– Смотри сам. Но если она услышит что-то не то, мне придется убить ее ради ее же блага.

Шутка Корпуса – и когда он ее произнес, было трудно не повторить его улыбку. Я почувствовал, очень отдаленно, тот же укол ностальгии, как когда вел Вирджинию Видауру в постель в питомнике Шегешвара. То же отдаленное удивление, почему же я ушел.

– Это шутка, – пояснил он для Яд, пока остальные гремели на лестнице.

– Да, я догадалась, – Яд прошла мимо меня к окнам и взглянула на замерший силуэт «Колосажателя». – Итак, Микки, Такеси, Ковач, или как тебя, сука, сейчас звать. Представишь меня своему другу?

– Эм-м, да. Тод, это Ядвига. Как ты, очевидно, уже знаешь, она из деКома. Яд – Тодор Мураками, мой коллега по, э-э, старой работе.

– Я чрезвычайный посланник, – небрежно подсказал Мураками.

К ее чести, Яд почти и бровью не повела. Взяла предложенную руку со слегка недоверчивой улыбкой, затем оперлась на наклонную стену башни и сложила руки.

Мураками понял намек.

– Значит, в чем дело, да?

Я кивнул.

– Можно начать с этого.

– Думаю, ты и сам догадался.

– Думаю, можешь пропустить эти игры и просто ответить.

Он улыбнулся и коснулся виска стрелковым пальцем.

– Прости, привычка. Ладно, слушай. Вот моя проблема. Согласно нашим источникам, похоже, у тебя тут революционные волнения, которые, возможно, способны серьезно раскачать лодку Первых Семей.

– Источники?

Очередная улыбка. Не поддался.

– Вот именно. Источники.

– Я не знал, что вас сюда прислали.

– Нас не прислали, – с него спала частичка спокойствия посланника, словно из-за признания он потерял какое-то право на него. Оскалился. – Как я уже сказал, это благотворительность. Ограничение ущерба. Ты знаешь не хуже меня, что мы не можем

позволить себе восстание неокуэллистов.

– Да? – в этот раз улыбался я. – Кто это «мы», Тод? Протекторат? Семейство Харланов? Еще какие-нибудь супербогатые ушлепки?

Он раздраженно махнул рукой.

– Я про всех нас, Так. Правда думаешь, что именно это нужно планете? Очередное Отчуждение? Очередная война?

– Для войны нужны двое, Тод. Если Первые Семьи согласятся на условия неокуэллистов, проведут реформы – что ж, – я развел руками. – Тогда не вижу, зачем вообще понадобится восстание. Может, тебе лучше с ними побеседовать.

Нахмурился.

– Зачем ты так говоришь? Не рассказывай, что повелся на их бред.

Я помолчал.

– Не знаю.

– Не *знаешь*? Это что еще за гребанутая политическая философия, Так?

– Это вообще не философия, Тод. Это просто ощущение, что, пожалуй, с нас всех уже хватит. Пожалуй, пришло время подпалить этих сволочей.

Он наморщился.

– Не могу это позволить. Прости.

– Тогда почему просто не призовешь гнев Корпуса и не прекратишь тратить время?

– Потому что *я*, сука, *не хочу*, чтобы сюда ввалились посланники, – на его лице появилось внезапное краткое отчаяние. – Я сам *отсюда*, Так. Это мой дом. Думаешь, я сплю и вижу, как бы превратить Харлан в очередной Адорасьон? Очередную Шарию?

– Очень благородно, – Яд оторвалась от наклонных окон, подошла к столу и ткнула в инфополе. Вокруг ее пальцев заискрились красный и сиреневый цвета. – И какой план боя, мистер Совесть?

Его глаза забегали между нами, остановились на мне. Я пожал плечами.

– Вопрос логичный, Тод.

Он колебался. Мне вспомнилось, как пришлось отдирать собственные онемевшие пальцы от троса под марсианской крепостью в Текитомуре. Он сейчас отпускал преданность чрезвычайным посланникам длиною в целую жизнь, и мое отозванное членство в Корпусе было слабым оправданием.

Наконец он хмыкнул и развел руками.

– Ладно. Вот тебе новости, – он ткнул в меня пальцем. – Тебя

продал твой дружок Шегешвар.

Я моргнул. Тут же:

– Да ни хрена.

Он кивнул.

– Да, понимаю. Долг гайдуков, да? Он тебе должен. Но только, Так, тебе стоит самого себя спросить, *кому* из тебя он должен.

О черт.

Он увидел мою догадку и снова кивнул.

– Да, я и про это все знаю. Понимаешь, пару столетий назад в объективном времени Такеси Ковач спас жизнь Шегешвару. Но это сделали *обе* ваши копии. За стариком Радулом должок, факт, но, очевидно, он не собирается расплачиваться дважды. И твоя молодая и свежая версия только что на этой самой основе заключила с ним сделку. Этим утром люди Шегешвара взяли почти всех твоих пляжных революционеров. Взяли бы и тебя с Видаурой и деКомовкой, если бы ты не увез их по делам ранним утром на Полосу.

– А теперь? – последние упрямые ошметки цепляющейся надежды. Выжги их – встречай факты, с лицом, высеченным из камня. – Теперь Видаура и остальные тоже у них?

– Да, их захватили по возвращении. Их удерживают, пока не прибудет Аюра Харлан-Цурёка с отрядом зачистки. Если бы ты вернулся к остальным, куковал бы с ними в одной камере. Так что, – быстро дернувшаяся улыбка, поднятая бровь, – похоже, ты мне теперь торчишь.

Я позволил войти ярости – как глубокому вдоху, как растущему комку. Дал ей бушевать во мне, затем аккуратно затушил, как недокуренную сигару с морской коноплей, приберег на потом. Запри чувства, думай.

– Откуда ты все это знаешь, Тод?

Он сделал самоуничижительный жест.

– Как я уже сказал, я здесь живу. Провода гудят, новости бегут. Сам знаешь, как это бывает.

– Нет, что-то не знаю, как это бывает. Что у тебя за источник, Тод?

– Я не могу ответить.

Я пожал плечами.

– Тогда не могу помочь.

– Так все и оставишь? Шегешвар тебя продал – и это сойдет ему с рук? Твои друзья с пляжа умрут? *Брось*, Так.

Я покачал головой.

– Я устал сражаться за других людей. Бразилия с друзьями это заварили – пусть и расхлебывают. А Шегешвар никуда не

денется. Успею до него добраться.

– А Видаура?

– А что Видаура?

– Она нас тренировала, Так.

– Да, нас. Вот давай иди и спасай ее сам.

Не будь я посланником, ничего бы не заметил. Даже не дрожь, какая-то миллиметровая смена позы, а то и меньше. Но Мураками обмяк.

– Я не могу сам, – сказал он тихо. – Я не знаю базу Шегешвара, а без этого мне понадобится взвод посланников.

– Тогда вызывай Корпус.

– Ты знаешь, к чему это…

– *Тогда отвечай, кто твой сраный источник.*

– Ага, – сказала Яд сардонически в последовавшей тишине. – Или просто попроси его войти.

Она поймала мой взгляд и кивнула на закрытый люк в полу задней части комнаты. Я сделал к нему шаг, и Мураками едва сдержался, чтобы не загородить мне дорогу. Прожег взглядом Яд.

– Простите, – сказала она и постучала пальцем по голове. – Оповещение об инфопотоке. Стандартное железо водомерок. Твой дружок пользуется телефоном и много ходит. Вернее, нервно мечется, я бы сказала.

Я улыбнулся Мураками.

– Ну, Тодор. Твой ход.

Напряжение продлилось еще пару секунд, затем он вздохнул и жестом пригласил меня вперед.

– Давай. Ты бы все равно рано или поздно догадался. Я подошел к люку, нашел панель и ткнул. Где-то в глубине здания заворчала машинерия. Люк поднялся с дергаными заминками. Я наклонился к открывшемуся пространству.

– Добрый вечер. И кто из вас стукач?

Ко мне обернулись четыре лица, и как только я их увидел – четыре строго одетых фигуры в черном, – кусочки мозаики встали на место в моей голове со звуком люка, который наконец открылся до конца. Трое были бойцами – двое мужчин и женщина, и кожа на их лицах отличалась блестящей пластиковой эластичностью там, где им пришлось залить спреем татуировки. Краткосрочный вариант, всего на день, и не выдерживал взгляда профессионала. Но в глубине территории гайдуков это наверняка выручало их от участи сражаться не на жизнь, а на смерть на каждом углу Ньюпеста.

Четвертый, с телефоном, был старше, но узнаваем по одному только поведению. Я понимающе кивнул.

– Танаседа, я полагаю. Ну-ну.

Он слегка поклонился. Как же без этого – и холеные манеры старой школы, и внешность под стать. На лице у него не было украшений, потому что человеку его уровня приходилось часто посещать анклавы Первых Семей, где этого не одобряют. Но все равно можно было разглядеть почетные шрамы на местах, где татуировки удалили без преимуществ современной хирургической техники. Его черные волосы с проседью были туго забраны в короткий хвост, и тем обнажали шрамы на лбу и подчеркивали длинные кости лица. Глаза были карие и твердые, как полированные камни. Осторожная улыбка, которой он меня встретил, была такой же, какой он удостоит смерть, если и когда она к нему снизойдет.

– Ковач-сан.

– А тебе-то какая выгода, сам? – бойцы хором напряглись из-за моего неуважения. Я не обратил внимания, бросил взгляд обратно на Мураками. – Я так понимаю, тебе известно, что он желает мне настоящей смерти, как можно медленнее и мучительнее.

Мураками столкнулся взглядами со старшим якудза.

– Это решаемо, – пробормотал он. – Верно, Танаседа-сан?

Танаседа снова поклонился.

– До моего сведения дошло, что, хотя ты и был вовлечен в смерть Хираясу Юкио, вина не целиком лежит на тебе.

– И что? – я пожал плечами, чтобы сбить нарастающий гнев, – ведь он мог узнать эту подробность только через виртуальный допрос Орра, Киёки или Лазло, когда моя молодая версия помогала ему их убивать. – Обычно в случае ваших претензий виноват человек или нет – дело десятое.

Женщина в его свите издала глубокий гортанный рык. Танаседа оборвал его легким движением руки, но посмотрел на меня так, что сразу выдал свое беспокойство.

– Также мне стало известно, что ты обладаешь устройством хранения памяти больших полушарий Хираясу Юкио.

– А.

– Это так?

– Ну, если думаешь, что я дам себя обыскать, можешь…

– Такеси, – голос Мураками казался ленивым, но только казался. – Не обостряй. У тебя есть стек Хираясу или нет?

Я замер на переломе, и большая часть меня надеялась на то, что стек попытаются отнять силой. Мужчина слева от Танаседы дернулся, и я ему улыбнулся. Но они оказались хорошо надрессированы.

– Не со мной, – сказал я.

– Но ты же можешь доставить его Танаседе-сан, правильно?

– Если захочу, полагаю, смогу, да.

Снова мягкий рык, на этот раз прокатившийся по всем трем якудза.

– *Ронин*, – сплюнул один из них. Я встретился с ним взглядом.

– Вот именно, сам. Без хозяина. Так что следи за собой. Меня никто не будет держать за поводок, если ты мне вдруг не понравишься.

– И никто не поддержит, если тебя прижмут к стене, – заметил Танаседа. – Прошу, мы не могли бы избавиться от мальчишеской дерзости, Ковач-сан? Ты говоришь о желании. Без информации, которую предоставил я, ты бы сейчас находился в плену со своими коллегами в ожидании казни. А также я предложил отозвать приказ на твое устранение. Разве этого недостаточно для возвращения стека памяти, от которого тебе в любом случае нет пользы?

Я улыбнулся.

– Хватит балаболить, Танаседа. Ты все это делаешь не ради Хираясу. Он только переводит хороший морской воздух, и ты сам это знаешь.

Главный якудза словно свернулся в клубок, наблюдая за мной. Я сам до сих пор не знал, зачем на него давлю, ради чего.

– Хираясу Юкио – единственный сын моего зятя, – очень тихо. Почти шепот на дистанции между нами, но острый от сдерживаемой ярости. – Это гири, и я не ожидаю, что южанин способен меня понять.

– Вот ублюдок, – удивленно сказала Яд.

– А ты чего ожидала, Яд? – я издал гортанный звук. – В конце концов, он преступник, ничем не отличается от гребаных гайдуков. Просто мифология другая, а крабье говно о древней чести – все то же.

– Слушай, Так…

– Отвали, Тод. Давайте говорить открыто, как положено. Это политика, а не что-нибудь хотя бы отдаленно чистое. Танаседа переживает не о своем племяннике. Это побочный выигрыш. Он переживает, что теряет власть, боится, что его накажут за запоротую попытку шантажа. Он видит, как Шегешвар задружился с Аюрой Харлан, и пришел в ужас, что гайдукам за их старания обломится доля в серьезном глобальном бизнесе. И все это его миллспортские родственнички повесят на него, вместе с коротким мечиком и инструкцией «вставить сюда и резать вбок». Верно, Тан?

Боец слева сорвался, как я и подозревал. В его правую руку упал тонкий, как игла, клинок. Танаседа рявкнул на него, и тот замер. Его глаза полыхнули, а костяшки побелели на рукоятке

кинжала.

– Вот видишь, – сказал я ему, – а у самурая без хозяина таких проблем не бывает. Никаких намордников. Если ты ронин, не надо наблюдать, как ради политической выгоды продают честь.

– Ты заткнешься в конце концов или нет, – простонал Мураками.

Танаседа шагнул мимо натянутого, рвущегося напряжения его разъяренного телохранителя. Он следил за мной узкими глазами, как будто я был каким-то ядовитым насекомым, которое следует изучить ближе.

– Скажи мне, Ковач-сан, – произнес он тихо. – Ты действительно желаешь умереть от рук моей организации? Ты *ищешь* смерти?

Я выдержал его взгляд, потом сделал вид, что сплюнул.

– Тебе в принципе не дано понять, чего я ищу, Танаседа. Ты это не узнаешь, даже если оно тебе хрен откусит. А если случайно на это и наткнешься, будешь только думать, как бы продать подороже.

Я посмотрел на Мураками, рука которого лежала на рукоятке «Калашникова» на поясе. Кивнул.

– Ладно, Тод. Я увидел твоего стукача. Я в деле.

– Значит, мы договорились? – спросил Танаседа. Я рвано вдохнул и обернулся к нему.

– Сперва ответь. Как давно Шегешвар заключил сделку с моей копией?

– О, не в ближайшем прошлом, – я не понял, есть ли в его голосе удовлетворение. – Насколько я понимаю, ему известно, что вы оба существуете, уже в течение нескольких недель. Твоя копия искала старые связи с большим усердием.

Я вернулся мыслями к появлению Шегешвара во внутреннем порту. Его голос по телефону. *Выпьем вместе, может, даже сходим к Ватанабе, как в старые времена, поболтаем под такэ и саке? Я хочу посмотреть тебе в глаза, друг мой. Увидеть, что ты не изменился.* Я спросил себя, что если уже тогда он взвешивал решение, смакуя необычные обстоятельства, при которых мог выбрать адресата по оплате долга.

Если так, в соревновании с молодым собой я смотрелся бледно. И Шегешвар все сказал четко, прошлой ночью, едва ли не признался в лицо.

– Я уже и не надеюсь развлечься с тобой. Даже не вспомню, когда мы развлекались в последние пятьдесят лет. Север действительно плохо на тебя влияет, Так.

– Как я уже сказал…

– Да-да, помню. Ты и так наполовину северянин. Но дело в

том, Так, что в молодости ты старался это не показывать.

В этот момент он со мной прощался?

– Тебе не угодить, Так.

– Может, я заинтересую тебя командным спортом? Не хочешь сходить с Ильей и Маюми в грав-зал?

Всего на секунду во мне поднялась старая печаль.

Ее забила злость. Я поднял взгляд на Танаседу и кивнул.

– Твой племянник закопан под пляжным домом к югу от мыса Кем. Я нарисую карту. Теперь давай все, что есть.

Глава сорок четвертая

– Зачем ты это делал, Так?

– Что делал?

Я стоял с Мураками под прожекторами Ангьера на «Колосажателе», глядя, как якудза отбывают на элегантном черном просторомобиле, который Танаседа вызвал по телефону. Они поплыли на юг, оставляя широкий бурный хвост цвета молочной блевоты.

– Зачем на него давил?

Я смотрел вслед уходящему скиммеру.

– Потому что он мразь. Потому что он сраный преступник, но не желает этого признавать.

– В твоем возрасте потянуло на морализаторство?

– Да? – я пожал плечами. – Может, это просто взгляд южанина. Ты же из Миллспорта, Тод, а многое лучше видится на расстоянии.

Он хохотнул.

– Ладно. И какой тебе открывается вид с расстояния?

– Как всегда. Якудза выдают любому, кто готов слушать, свою речь про древнюю традицию чести, а сами занимаются чем? Тем же самым преступным крабьим говном, как и все, только еще подсосались к Первым Семьям.

– Судя по всему, уже нет.

– Ой, брось, Тод. Ты же не дурачок. Эти ребята были заодно с Харланом и остальными с самой высадки на планету. Танаседа, может, и поплатится за косяк с «Куалгристом», который совершил он, но остальные только правильно и вежливо поцокают языком с сожалением и выскользнут из-под удара. Вернутся к тем же незаконным товарам и учтивому вымогательству, которым пробавлялись всегда. И Первые Семьи встретят их с распростертыми объятьями, потому что это лишь очередная нить в неводе, который они набросили на нас всех.

– Знаешь, – в его голосе все еще отдавался смех, – ты начинаешь говорить, как она.

Я оглянулся на него.

– Как кто?

– Как Куэлл, чувак. Ты говоришь, как хренова Куэллкрист Фальконер.

На пару секунд это зависло в воздухе между нами. Я отвернулся и уставился в темноту над Простором. Возможно, заметив между мной и Мураками давние трения, Яд предпочла оставить нас на причале наедине, еще когда остальные якудза

готовились к отправлению. В последний раз я ее видел, когда она садилась на «Колосажатель» с Владом и его почетным караулом. Бросила что-то насчет кофе с виски.

– Ну ладно, Тод, – сказал я ровно. – Тогда ответь мне на такой вопрос. Почему Танаседа прибежал замаливать грехи к тебе?

Он скорчил рожу.

– Ты сам все объяснил – я родился и вырос в Миллспорте. Яки любят работать на высшем уровне. Они меня облизывали с тех пор, как я впервые вернулся домой в увал из Корпуса сто с гаком лет назад. Они думают, что мы старые друзья.

– И они правы?

Я почувствовал взгляд. Проигнорировал.

– Я чрезвычайный посланник, Так, – произнес он наконец. – Не забывай, пожалуйста.

– Ага.

– И *я твой* друг.

– Я уже подписался, Тод. Не надо лишний раз меня умасливать. Я впущу тебя в черный ход Шегешвара при условии, что ты поможешь мне его уделать. А какая у тебя выгода?

Он пожал плечами.

– Аюра должна получить свое за нарушение директив Протектората. Двойное облачение чрезвычайного посланника…

– Бывшего.

– Говори за себя. *Его* так официально и не освободили от службы, хотя тебя – да. И даже за хранение такой копии кто-то в иерархии Харланов должен заплатить. Они обязательны для удаления.

Теперь в его голосе почувствовалась странная резкость. Я пригляделся к нему. Меня озарила очевидная истина.

– Думаешь, у них есть и ты, да?

Кривая улыбка.

– А ты что, особенный, что они скопировали одного тебя? Брось, Так. Разве это не глупо? Я проверял записи. На том призыве нас с Харлана было около десятка. Тот, кто придумал эту гениальную подстраховку, скопировал бы нас всех. Аюра нужна живой, пока не скажет, где в стеках данных Харланов их искать.

– Ясно. Что еще?

– Ты знаешь, что еще, – тихо сказал он.

Я вернулся взглядом к Простору.

– Я не буду помогать убивать Бразилию и остальных, Тод.

– Я и не прошу. Хотя бы ради одной Вирджинии я попытаюсь этого избежать. Но кому-то придется расплатиться по счетам Жучков. Они прикончили Мици Харлан на улицах Миллспорта,

Так!

– Большая потеря. Редакторы сим-журналов всей планеты рыдают.

– Ну ладно, – мрачно сказал он. – Еще они по ходу положили хрен знает сколько случайных жертв. Правоохранители. Невинные прохожие. Мне хватило полномочий закрыть эту операцию под грифом «стабилизированные волнения против режима», без необходимости присылать подкрепление. Но я *должен* найти козлов отпущения, иначе аудиторы Корпуса облепят нас, как живая колючка. Ты сам это знаешь, знаешь, как все работает. Нужно, чтобы *кто-то* заплатил.

– Или чтобы его заставили.

– Или чтобы его заставили. Но этим кем-то необязательно быть Вирджинии.

– Б*ывший чрезвычайный посланник возглавляет планетарное восстание*. Нет, я понимаю, почему пиарщики Корпуса будут недовольны.

Он осекся. Уставился на меня с внезапной враждебностью.

– Ты правда так обо мне думаешь?

Я вздохнул и закрыл глаза.

– Нет. Прости.

– Я изо всех сил стараюсь подчистить все так, чтобы причинить как можно меньше боли людям, которые мне важны. А от тебя никакой помощи.

– Знаю.

– Мне нужен виновник смерти Мици Харлан и лидер восстания. Тот, кто сойдет за злого гения за всем этим говном. Может, еще парочка, чтобы список арестованных выглядел посолидней.

Если в итоге мне придется сражаться и погибнуть за призрака и память о Куэллкрист Фальконер, а не за нее саму, то даже это лучше, чем не сражаться вовсе.

Слова Коя, сказанные на выброшенном на берег и навек заглохшем ховерлодере на Вчире. Слова и проблеск страсти в его лице – возможно, страсти мученика, который уже раз упустил свой миг и не намерен упускать второй.

Кой, Черная бригада.

Но Сиерра Трес говорила примерно то же самое, когда мы прятались в каналах и развалинах Эльтеведтема. А за Бразилию все время говорило его поведение. Может, им всем нужно только мученичество во имя более древнего, великого и весомого дела, чем они сами.

Я стер мысли, сбросил их с путей, прежде чем они дошли до конца.

– А Сильви Осима? – спросил я.

– Ну, – он снова пожал плечами. – Насколько я понял, она чем-то заразилась в Нечистой зоне. Так что если мы спасем ее от перестрелки, то очистим и вернем прежнюю жизнь. Звучит разумно?

– Звучит несостоятельно.

Я вспомнил, как Сильви рассказывала о командном ПО на борту «Пушек для Гевары». *И какую прочистку потом ни купишь, что-то все равно остается. Неубиваемые остатки кода, осадок. Призраки.* Если Кой мог сражаться и умереть за призрака, кто знает, что неокуэллисты сделают из Сильви Осимы, даже когда ее головные системы продуют.

– Правда?

– Брось, Тод. Она икона. Есть там что в ней или нет, она может стать гребнем целой новой неокуэллистской волны. Первые Семьи захотят ликвидировать ее из принципа.

Мураками злобно улыбнулся.

– Что Первые Семьи хотят и что они от меня получат – две *совершенно* разные вещи, Так.

– Да?

– Да, – он это растянул, подразнивая. – Потому что если они не будут сотрудничать, то я пообещаю им высадку чрезвычайных посланников в полном объеме.

– А если они поймут, что ты блефуешь?

– Я сам посланник, Так. Херачить планетарные режимы – наша *работа*. Они подо мной сложатся, как гребаный шезлонг, и ты сам это знаешь. Они будут так благодарны за лазейку и шанс уйти безнаказанными, что, если я попрошу, выстроят в очередь собственных детей вылизывать мне жопу.

Тогда я посмотрел на него, и на миг показалось, что распахнулась дверь в мое собственное прошлое. Он стоял там, все еще улыбаясь в свете прожекторов Ангьера, и был практически мной. А я помнил, каково было тогда. В этот раз ко мне вернулось не ощущение братства, а брутальная мощь вседозволенности Корпуса. Раскрепощающая дикость, которая росла из глубоко укоренившегося знания, что тебя боятся. Что о тебе перешептываются во всех Освоенных мирах и что даже в коридорах власти на Земле при твоем имени замолкают воротилы. Кайф, как от брендового тетрамета. Мужчины и женщины, которые могут разрушить или просто списать с баланса сотни тысяч жизней одним хотением, – этих мужчин и женщин можно заново научить страху, а пособием был Корпус чрезвычайных посланников. Ты.

Я натянул улыбку в ответ.

– Очаровательно, Тод. Ты совсем не изменился, да?

– Ага.

И вдруг улыбка перестала быть натянутой. Я рассмеялся, и внутри меня словно что-то растряслось.

– Ну ладно. Тогда рассказывай, засранец. Как мы это провернем?

Он снова ответил по-клоунски поднятыми бровями.

– Я надеялся, это ты расскажешь. Это же у тебя планы зданий.

– Да, я имел в виду наши силы для штурма. Ты же не планируешь воспользоваться…

Мураками ткнул большим пальцем в сторону корпуса «Колосажателя».

– Нашими дергаными друзьями? И собираюсь, и воспользуюсь.

– Блин, Тод, это же кучка пацанов-торчков. Гайдуки их сожрут.

Он отмахнулся с пренебрежением.

– Работаем с подручным материалом, Так. Ты же знаешь. Они молодые, злые и накачаны метом, только и ждут, на кого все это выплеснуть. Они займут Шегешвара, пока мы не войдем и не поставим точку.

Я бросил взгляд на часы.

– Планируешь выходить сегодня ночью?

– Завтра на рассвете. Мы ждем Аюру, а если верить Танаседе, она прибудет ранним утром. Ах да, – он закинул голову и кивнул на небо. – И погода.

Я проследил за его взглядом. Над головой собирались толстые, мрачные стены туч, неуклонно валились на запад, через проглядывающее рыжеватое небо, где еще пытался заявить о себе свет Хотея. Дайкоку давно утонула в приглушенном свечении на горизонте. И теперь я заметил, что над Простором дует свежий ветер, приносивший безошибочный запах моря.

– А что погода?

– Она переменится, – Мураками принюхался. – Шторм, который должен был затихнуть в южном Нуримоно? Не затих. И, похоже, он зацепился за какой-то северо-западный ветер. И теперь возвращается к нам.

Обида Эбису.

– Уверен?

– Конечно, не уверен, Так. Это гребаный прогноз погоды. Но даже если мы не прочувствуем всю его силу, шквалистый ветер и горизонтальный дождь нам тоже не помешают, верно? Хаотичные системы – ровно тогда, когда нужно.

– Это, – сказал я осторожно, – сильно зависит от того,

насколько хорошим пилотом окажется твой нервный приятель Влад. Ты же знаешь, что здесь говорят, когда буря закладывает крюк, да?

Мураками непонимающе посмотрел на меня.

– Нет. Что это к беде?

– Нет, это называется Обида Эбису. В честь сказки про рыбаков-хозяев.

– А, точно.

Здесь, далеко на юге, Эбису – не Эбису. На севере и в экваториальных регионах Харлана, в преобладающей японо-амеранглийской культуре, он народный бог моря, покровитель моряков и в целом добродушное существо. В качестве замены или бога-помощника с удовольствием привлекают и святого Эльма, чтобы не исключать и не огорчать более христианское население. Но на Кошуте, где сильно наследие восточно-европейского рабочего класса, построившего этот мир, такое настроение «живет-поживает и другим не мешает» не прижилось. Эбису – подводный демон, которым пугают непослушных детей по вечерам, чудовище, с которым в легендах святым вроде Эльма приходится сражаться, чтобы защитить верующих.

– Помнишь, как кончается сказка? – спросил я.

– Конечно. Эбису одаривает рыбаков за их гостеприимство фантастическими подарками, но забывает свою удочку, да?

– Ага.

– И тогда, э-э, он возвращается ее забрать, и только хочет постучать, как слышит, что рыбаки издеваются над его личной гигиеной. И руки рыбой воняют, и зубы он не чистит, и вместо одежды тряпье. Все такое, чему полагается учить детей, правильно?

– Правильно.

– Да, помню, рассказывал эти штуки Суки и Маркусу, когда они еще были маленькими, – глаза Мураками затуманились, отправились к горизонту и собирающимся тучам. – Уже почти полвека назад. Можешь поверить?

– Закончи сказку, Тод.

– Конечно. Ну, э-э, что у нас там. Эбису бесится, так что он прокрадывается, хватает удочку, а когда уходит, все его дары превращаются в гнилые белаводоросли и дохлую рыбу. Он ныряет в море, а у рыбаков потом несколько месяцев хреновый улов. Мораль сей сказки – помни о личной гигиене, но *главное, детишки*, не обсуждайте людей у них за спиной.

Он оглянулся на меня.

– Ну как, я справился?

– Неплохо для первого раза за пятьдесят лет. Но здесь сказку

рассказывают по-другому. Понимаешь, Эбису омерзительно уродлив, с щупальцами, клювом и клыками, жуть на ножках, и рыбаки с трудом держатся, чтобы не сбежать в криках. Но они побороли свой страх и все равно предложили ему гостеприимство, хотя в случае с демонами этого делать не стоит. И Эбису одаривает их подарками, украденными с кораблей, затопленных им в прошлом, и потом уходит. Рыбаки с облегчением выдыхают и начинают болтать, какой он чудовищный, какой страшный, какие они умники, что выманили у него всякие подарки, и тут посреди разговора он возвращается за своим трезубцем.

– Значит, не за удочкой?

– Нет, наверное, удочка не такая страшная. В этой версии – за огромным колючим трезубцем.

– Если подумать, могли бы и заметить, что он его забыл, да?

– Да *заткнись* ты. Эбису подслушал, как они его поносят, и ушел в черной ярости, только чтобы вернуться в виде огромной бури, которая стирает с лица земли всю деревню. А тех, кто не утонул, он утащил своими щупальцами в вечную агонию в аду морских пучин.

– Мило.

– Да, мораль похожая. Не обсуждай людей у них за спиной, но *самое главное* – не доверяй этим поганым заморским демонам с севера, – улыбка сошла с моего лица. – В последний раз, когда я видел Обиду Эбису, я был совсем ребенком. Она пришла с моря на восточный конец Ньюпеста и разнесла поселения на многие километры вдоль береговой линии Простора. Без труда убила сотни человек. Затопила половину скирдовозов во внутреннем порту, прежде чем кто-нибудь успел их завести. Ветер подхватывал легковесные скиммеры и швырял на улицы, до самого парка Харлана. Здесь Обида – к очень большой беде.

– А то. Для тех, кто выгуливал собачку в парке Харлана, конечно.

– Я серьезно, Тод. Если шторм придет, а твой приятель Влад под метом не справится с управлением, мы перевернемся и будем дышать белаводорослями намного раньше, чем доберемся до Шегешвара.

Мураками чуть нахмурился.

– О Владе буду переживать я, – сказал он. – Ты сосредоточься на плане атаки, таком, который сработает.

Я кивнул.

– Еще бы. План атаки, который сработает с сильнейшим оплотом гайдуков в южном полушарии, с торчками-подростками в качестве ударной группировки и вернувшимся штормом вместо

прикрытия. К рассвету. Конечно. Что тут сложного?

На миг он снова нахмурился, потом вдруг рассмеялся.

– Ты так расписал, что мне уже не терпится, – он хлопнул меня по плечу и ушел к пиратскому ховерлодеру, бросая из-за спины: – Я поговорю с Владом. Это войдет в анналы, Так. Сам увидишь. У меня предчувствие. Интуиция посланника.

– Ну конечно.

А на горизонте взад и вперед прокатился гром, словно он метался в узком замкнутом пространстве между основанием туч и землей.

Эбису, вернувшийся за трезубцем и не очень довольный тем, что сейчас услышал.

Глава сорок пятая

Рассвет все еще был не более чем сплюнутыми серыми брызгами на нависающей черной массе штормового фронта, когда «Колосажатель» втянул швартовщики и рванул по Простору. На атакующей скорости он издавал такие звуки, будто разваливался от тряски на части, но когда мы ворвались в шторм, даже это заглохло в воплях ветра и металлическом стуке дождя по бронированным бокам. Передние стекла мостика превратились в сокрушительный водопад, который с ошалелым электронным визгом колотили тяжелые дворники. Во мраке можно было разглядеть, как обычно ленивые воды Простора взбились в волны. Обида Эбису оправдала ожидания.

– Снова как в Касенго, – прокричал Мураками, с мокрым лицом и улыбкой, протискиваясь в дверь с верхнего мостика. Его одежда промокла до нитки. За его спиной кричал ветер, хватался за косяк и пытался пролезть внутрь. Мураками с трудом отбился и захлопнул дверь. С солидным щелчком закрылись штормовые автозамки. – Видимость упала ниже плинтуса. Эти парни даже не поймут, что происходит.

– Тогда какой же это Касенго, – сказал я раздраженно, вспоминая. В глазах из-за недостатка сна словно скрипел песок. – Те парни нас ожидали.

– Да, верно, – он обеими руками снял воду с волос и тряхнул пальцами над полом. – Но мы их все равно покрошили.

– Следи, как дует, – сказал Влад своему рулевому. В его голосе слышался новый, любопытный тон – авторитетный, с которым я еще не сталкивался. Припадки трясучки улеглись. – Мы идем по ветру, а не поддаемся ему. Повернись-ка бочком.

– Поворачиваю.

Ховерлодер из-за маневра ощутимо задрожал. Палуба под ногами загудела. Когда изменился наш угол входа в шторм, дождь издал новый, яростный, звук на крыше и стеклах.

– Другое дело, – сказал Влад невозмутимо. – Так и держи.

Я еще побыл на мостике, затем кивнул Мураками и выскользнул в люк на жилую палубу. Двинулся к корме, хватаясь руками за стены коридора из-за непредсказуемых скачков в стабильности ховерлодера. Раз или два появлялись члены команды и с тренированной легкостью проскальзывали мимо меня в тесном пространстве. Воздух был жаркий и липкий. Через пару кают я бросил искоса взгляд в открытую дверь и увидел одну из юных пираток Влада, раздетую по пояс и склонившуюся над незнакомыми модулями оборудования на полу. Я заметил

огромные пышные груди, пленку пота на коже под резким белым светом, короткие волосы, мокрые на шее под затылком. Затем она поняла, что я рядом, и выпрямилась. Одной рукой оперлась на стену каюты, второй прикрыла груди и встретила меня напряженным взглядом – то ли из-за отходняка с мета, то ли из-за нервов перед боем.

– Проблемы, сам? Я покачал головой.

– Прости, задумался.

– Да? Тогда вали.

Дверь каюты задвинулась. Я вздохнул.

Справедливо.

Я нашел Яд такой же напряженной, но в одежде. Она сидела на верхней из двух коек в каюте, которую нам выдали, с осколочным бластером без магазина у подвернутой ноги в ботинке. В ее руках поблескивали половины пистолета с твердым боезапасом, который я у нее не припоминал.

Я завалился на нижнюю койку.

– Что у тебя там?

– Электромаг «Калашников», – ответила она. – Одолжил один у парней дальше по коридору.

– Уже нашла друзей, а? – когда я это сказал, меня подмяла необъяснимая грусть. Может, из-за близнецовых феромонов наших оболочек «Эйшундо». – Интересно, у кого он его спер.

– А кто сказал, что он его спер?

– Я. Это же пираты, – я сунул руку к ее койке. – Ладно, дай посмотреть.

Она защелкнула оружие и уронила мне в ладонь. Я поднес его к глазам и кивнул. Дальнобойный ЭМ от «Калаш» славился во всех Освоенных мирах как идеальное бесшумное оружие, а эта модель была последним словом техники. Я хмыкнул и вернул наверх.

– Ага. Семьсот долларов ООН минимум. Никакой наркопират не будет тратить такие деньги на бесшумку. Стибрил. Может, и владельца убил. Смотри, с кем водишься, Яд.

– Чувак, какой ты веселый этим утром. Ты хоть *поспал?*

– Под твой-то храп? А сама как думаешь?

Без ответа. Я снова хмыкнул и отдался воспоминаниям, которые растревожил Мураками. Касенго, заурядный портовый городишко в почти неосвоенном южном полушарии Земли Нкрумы. Когда политический климат ухудшился, а отношения с Протекторатом испортились, он получил гарнизон правительственных войск – совсем недавно. Касенго по причинам, известным только местным, обладал гиперпространственным передатчиком межзвездных мощностей, и правительство Земли

Нкрумы волновалось, что военные ООН захотят получить к этим мощностям доступ.

И правильно делали.

За предыдущие шесть месяцев мы под шумок захватили гиперпространственные станции всей планеты, пока политики еще притворялись, что дипломатия чем-то поможет. Когда командование чрезвычайных посланников приказало ударить по Касенго, мы уже адаптировались к Земле Нкрумы не хуже, чем любой из сотни миллионов колонистов в пятом поколении. Пока внедренные команды разжигали бунты на улицах северных городов, мы с Мураками собрали небольшой тактический отряд и исчезли на юге. Целью было устранить гарнизон во сне и захватить оборудование для пробоя на следующее утро. Что-то пошло не так, утечка информации, и прибыли мы к хорошо охраняемой станции.

Времени на новые планы не было. Та же утечка, что предупредила гарнизон Касенго, означала, что подкрепления уже в пути. Мы ударили во время морозного ливня, в стелс-костюмах и грав-ранцах, заполоняя небо вокруг ложными целями, чтобы симулировать полномасштабное наступление. В неразберихе бури уловка сработала как по писаному. Гарнизон состоял в основном из зеленой мобилизованной молодежи, которую возглавляли всего несколько закаленных младших офицеров. Через десять минут боестолкновения они дрогнули и рассыпались по залитым дождем улицам паникующими отступающими группками. Мы загоняли, окружали и выкашивали. Некоторые пали в бою; большинство попало в плен живыми.

Позже в их тела вошла первая волна тяжелых штурмовиков Корпуса.

Я закрыл глаза.

– Микки? – голос Яд с койки наверху.

– Такеси.

– Пофиг. Пусть будет Микки, а?

– Ладно.

– Как думаешь, там сегодня будет эта сука Антон?

Я с трудом разлепил веки.

– Я не знаю. Наверное. Танаседа думает, да. Похоже, Ковач все еще его использует, может, на всякий случай. Никто не знает, чего ожидать от Сильви или того, что она может перенести, так что если таскать с собой другую командную голову, то это успокаивает.

– Да, похоже на правду, – она помолчала. Затем, когда мои глаза уже снова смыкались: – Тебя не волнует, когда ты так о себе говоришь? Когда знаешь, что он там?

– Конечно, волнует, – я широко зевнул. – Я убью этого мелкого гада.

Молчание. Я позволил векам захлопнуться.

– Короче, Микки.

– *Чего?*

– Если Антон там?

Я закатил глаза на койку над собой.

– Да?

– Если он там, этот козел – мой. Если придется в него стрелять – отстрели ноги или еще что. Но он мой.

– Идет.

– Я серьезно, Микки.

– Я тоже, – пробормотал я, тяжело проваливаясь под весом прерываемого сна. – Мочи кого хочешь, Яд.

* * *

Мочи кого хочешь.

Неплохая постановка задачи для всего налета.

Мы ударили по питомнику на скорости тарана. Искаженные сигналы о бедствии помогли подобраться достаточно близко, чтобы дальнобойные орудия Шегешвара оказались бесполезны. Рулевой Влада шел по вектору, который напоминал бегство от шторма, но на самом деле был управляемым маневром на высокой скорости. Когда гайдуки поняли, что к чему, «Колосажателя» уже было не остановить. Он ворвался в вольеры пантер, сокрушая барьеры из ремней и старые деревянные пирсы скирдовальной станции, неудержимый, разрывая обшивку, снес обветшавшие стены и протащил растущую массу обломков на армированном носу.

«*Слушайте*, – говорил я Мураками и Владу прошлым вечером, – *тихо это сделать невозможно*». И глаза Влада озарились энтузиазмом, распаленным метом.

«Колосажатель» со скрежетом и лязганьем забуксовал и застрял посреди наполовину погруженных в воду модулей подводного бункера. Палуба круто накренилась направо, на уровне с десяток сигнализаций высадки истерически вопили о столкновении, когда люки на этой стороне распахнулись взрывными болтами. Рухнули, как бомбы, абордажные трапы с живой колючкой на концах, которая корчилась и вгрызалась в вечный бетон для опоры. С дребезжанием и жужжанием отстрелились швартовочные лини, гулко отдаваясь в корпусе. «Колосажатель» вцепился накрепко.

Эта система когда-то предназначалась только для аварийного использования, но пираты перепрошили все судно для быстрой атаки, абордажа и тарана. Не сказали об этом только искусственному мозгу, который по-прежнему думал, что корабль попал в аварию.

На трапе нас встретила погода. Меня хлестнули ветер и дождь, ударили по лицу, толкнули под разными углами. В самую гущу бури бросилась с воплями штурм-команда Влада. Я взглянул на Мураками, покачал головой и последовал за ними. Может, они и правильно делали: «Колосажатель» прочно засел среди оставшихся после него разрушений, и пути назад не было – только победа или смерть.

В серых завихрениях шторма началась пальба. Шепот и шипение лучевого оружия, грохот и лай огнестрельного. Лучи во мгле светились бледными синими и желтыми цветами. Далекий раскат грома по небу; на него ответила бледная молния. Кто-то впереди меня заорал и упал. Неразборчивые крики. Я соскочил с конца трапа, поскользнулся на округлом модуле, восстановил равновесие с помощью оболочки «Эйшундо» и скакнул вперед. В мелкую плещущую воду между модулями, к следующему торчащему пузырю. Его поверхность оказалась шершавой, цепляться было легко. Периферийное зрение говорило, что я на вершине клина, Яд – на левом фланге, Мураками – на правом с плазмошрапнельной пушкой.

Я применил нейрохимию и заметил впереди ремонтную лестницу на пирс, у основания которой прижало огнем сверху троих пиратов Влада. У ближайшего модуля подводного бункера плавало раскинувшееся тело их товарища; от лица и груди, где бластерный огонь выжег жизнь, шел пар.

Я бросился к лестнице с бесшабашностью водомерки. – Яд!

– Да – *вперед!*

Словно опять в Нечистой. Остатки настройки Сачков, а может, какое-то родство близнецов, забота «Эйшундо». Я перешел на спринт. За мной заговорил осколочный бластер – злобный порывистый скулеж в дожде, – и край пирса взорвался под градом картечи. Еще крики. Я добрался до лестницы, как раз когда пираты поняли, что их больше никто не прижимает. Я спешно полез наверх, заткнув «Рапсодию».

Там были тела, разорванные и кровоточащие после осколочного огня, и один из людей Шегешвара, раненый, но все еще на ногах. Он сплюнул и бросился на меня с ножом. Я увернулся, захватил вооруженную руку и скинул его с пирса. Короткий крик, потерявшийся в шторме.

Присесть и приготовиться – я поводил «Рапсодией» в плохой

видимости, пока за мной ползли остальные. Дождь колотил, от вечнобетонной поверхности как будто поднимался миллион гейзеров. Я сморгнул капли с глаз.

На пирсе было чисто.

Мураками хлопнул по плечу.

– Эй, неплохо для пенсионера.

Я фыркнул.

– Кто же еще тебя научит, как надо. За мной, сюда. Мы прошли по пирсу под дождем, нашли вход, который я искал, и проскользнули по одному внутрь. Внезапное облегчение, освобождение от мощи шторма шокировало, почти как тишина. Мы стояли, обтекая на пластиковый пол короткого коридора со знакомыми тяжелыми металлическими дверями с иллюминаторами. Снаружи ревел гром. Я на всякий случай заглянул в стекло двери и увидел комнату, полную безликих металлических шкафчиков. Холодильник для хранения корма пантер и время от времени трупов врагов Шегешвара. В конце коридора узкая лестница спускалась к грубому станку для переоблачения и ветеринарной секции для пантер.

Я кивнул на лестницу.

– Там. Три этажа – и мы в подводном бункере.

В авангарде пошли пираты, шумные и воодушевленные. Учитывая их дозу мета и немалую обиду за то, что пришлось лезть по лестнице за мной, переубедить их было бы трудно. Мураками пожал плечами и даже не пытался. Они быстро загрохотали по лестнице и влетели прямиком в засаду.

Мы были на пролет выше, двигались с трезвой осторожностью, но даже я почувствовал, как выплеск бластеров опалил мои лицо и руки. Какофония истошных внезапных криков, когда пираты вспыхнули, словно факелы. Один сделал три шатких шага назад из ада, умоляюще подняв к нам охваченные пламенем руки. Его тающее лицо было меньше чем в метре от моего, когда он рухнул, шипя и дымясь, на холодные ступеньки.

Мураками швырнул вниз ультравиб-гранату, и она металлически зазвенела, прежде чем разразилась знакомым чирикающим криком. В замкнутом пространстве он был оглушающим. Мы одновременно прижали руки к ушам. Если кто-то внизу и кричал, их смерти оказались неслышными.

Мы подождали секунду после того, как граната затихла, затем Мураками пальнул вниз из плазмошрапнельной винтовки. Никакого ответа. Я прокрался мимо почерневших и остывающих трупов пиратов, давясь от вони. Вгляделся за отчаянно вывернутые руки того, кто принял основной удар, и увидел пустой коридор. Сливочно-желтые стены, пол и потолок, ярко

освещенные полосками иллюминия над головой. Ближе к основанию лестницы все было окрашено широкими мазками крови и сгустков ткани.

– Чисто.

Мы пробрались через ошметки и осторожно двинулись по коридору, в сердце нижних этажей подводного бункера. Танаседа не знал точно, где держат пленных, – гайдуки вообще нервно и агрессивно отреагировали на появление якудза на Кошуте. Несмотря на шаткое положение раскаивающегося неудавшегося шантажиста, Танаседа все равно настаивал, чтобы его пустили, потому что надеялся узнать у меня под пыткой или вымогательством местонахождение стека Хираясу Юкио и тем самым хоть как-то компенсировать потерю репутации, по крайней мере, в глазах собственных коллег. Аюра Харлан-Цурёка из каких-то своих интриганских побуждений согласилась, так что в конце концов именно ее давление на Шегешвара и привело к дипломатическому сотрудничеству якудза и гайдуков. Танаседу формально поприветствовал сам Шегешвар, а затем сообщил в недвусмысленных выражениях, что тому лучше остановиться в Ньюпесте или Городе Духа, не приближаться к питомнику без особого приглашения и держать своих людей на коротком поводке. Экскурсии по владениям Танаседа точно не удостоился.

Но на самом деле в комплексе было только одно безопасное место для людей, которым хозяин пока не желает смерти. Я видел его пару раз в предыдущие наезды, однажды даже наблюдал, как туда сопровождают обреченного игромана, пока Шегешвар размышлял, как именно преподать на нем урок для остальных. Если хочешь запереть человека в питомнике – сажаешь его туда, откуда не выберется даже чудовище. Сажаешь в клетки для пантер.

Мы помедлили на перекрестке, где над нами зияла открытая вентиляционная система. По трубе слабо доносились звуки продолжающейся битвы. Я показал налево, шепча:

– Там. Клетки пантер на следующем повороте справа; они выходят в туннели, которые ведут прямиком в вольеры. Шегешвар переделал пару для людей. Где-то там они и будут.

– Ну хорошо.

Мы снова ускорились, повернули направо, и тут я услышал плавный, солидный гул двери в клетку, которая опускалась в пол. Шаги и возбужденные голоса. Шегешвар, и Аюра, и третий голос, который я вроде бы слышал раньше, но не мог узнать. Я задавил дикий выплеск радости, прижался к стене и махнул Яд и Мураками.

Аюра – сжатый гнев, когда я настроился:

…надеялся, что меня это *впечатлит*?

– Вот только не надо сейчас, – огрызнулся Шегешвар. – Это все узкоглазый як, которого именно ты уговаривала терпеть. Я же говорил…

– Почему-то, Шегешвар-сан, я сомневаюсь…

– И не смей меня так звать. Мы на Кошуте, а не на сраном севере. Имей уважение к чужой культуре. Антон, ты уверен, что атакующих передач нет?

И третий голос тут же подгрузился в памяти. Высокий командный голова с разноцветными волосами из Дравы. Цепной софт-пес Ковача 2.0.

– Ничего. Только…

Надо было этого ожидать.

Я хотел выждать еще пару секунд. Дать им выйти в широкое, ярко освещенное пространство коридора, затем захлопнуть капкан. Но вместо этого…

Яд пронеслась мимо меня, как сорвавшийся трос на траулере. Ее голос словно выбил эхо из стен всего комплекса.

– Антон, гребаный ты ублюдок!

Я оторвался от стены, развернулся, чтобы накрыть их всех «Рапсодией».

Слишком поздно.

Я увидел всех троих, замерших в шоке. Шегешвар встретился со мной взглядами и вздрогнул. Яд расставила ноги, навела осколочную пушку от бедра. Антон увидел и среагировал – по-деКомовски быстро. Он схватил Аюру Харлан-Цурёку за плечи и швырнул перед собой. Осколочная пушка кашлянула. Офицер безопасности Харланов закри…

…и развалилась от плеч до талии, когда ее разорвал мономолекулярный рой. Кровь и ткань взорвались в воздухе вокруг нас, заляпали меня, ослепили…

Пока я вытирал глаза, оба уже исчезли. Через клетку они свалили в туннель. Остатки Аюры лежали тремя кучками в лужах крови.

– Яд, ты какого *хера вытворяешь*? – заорал я.

Она вытерла лицо, размазывая кровь.

– Я же говорила, что достану его.

Я ухватился за спокойствие. Ткнул пальцем в месиво у наших ног.

– Ты ни хрена его *не* достала, Яд. Он свалил, – спокойствие меня подвело, катастрофически рухнуло перед бесцельной яростью. – *Да что же ты за наглухо перекрытая дура. Он, сука, свалил.*

– Тогда я его, сука, поймаю.

– Нет, нам на…

Но она уже снова была в движении, в открытой камере, на деКомовской рыси. Нырнула в туннель.

– Неплохо, Так, – сказал сардонически Мураками. – Авторитет и субординация. Мне нравится.

– Завали хлебало, Тод. Просто найди комнату с мониторами, проверяй клетки. Они где-то здесь. Я вернусь, как только смогу.

Я отступал и договаривал уже на лету. Снова пустился бежать, за Яд, за Шегешваром.

За чем-то.

Глава сорок шестая

Туннель вывел в бойцовскую яму. Крутые наклонные стены из вечного бетона, десятиметровые, до половины высоты разодранные десятилетиями боев болотных пантер, пытавшихся выцарапать путь на свободу. Огороженное пространство для зрителей наверху, открытое небо, забитое быстро бегущим табуном зеленоватых туч. Смотреть прямо на дождь было невозможно. На дне ямы – тридцать сантиметров плотной грязи, взбитых в коричневую жижу ливнем. Стоки в стенах не справлялись.

Я прищурился и через воду в воздухе и на лице заметил Яд на полпути на узкой ремонтной лестнице, врезанной в угол ямы. Заорал поверх шторма:

– *Яд!* Подожди, *чтоб тебя!*

Она помедлила, зависнув на ступеньке лестницы, ее осколочный бластер смотрел вниз. Затем она махнула и полезла дальше.

Я выругался, убрал «Рапсодию» и последовал за ней. Дождь каскадами бежал по стенам и колотил по голове. Мне показалось, где-то наверху я слышу выстрелы бластеров.

Когда я добрался до верха, показалась рука и схватила меня за запястье. Я подскочил от шока и увидел Яд, которая смотрела на меня сверху вниз.

– Не высовывайся, – окликнула она. – Они здесь. Я опасливо поднял голову над уровнем ямы и оглядел переплетение мостков и лабиринты зрительских галерей между ямами. Всюду вид перекрывали толстые завесы дождя. Дальше чем на десять метров видимость серела; на двадцати пропадала. Где-то на другой стороне питомника я еще слышал бушующую перестрелку, но здесь была только буря. Яд лежала ничком на краю ямы. Она заметила, как я озираюсь, и придвинулась.

– Они разделились, – прокричала она мне на ухо. – Антон направился на стоянку на дальней стороне. Уверена, он ищет транспорт, а может, подмогу в лице второго тебя. Другой мужик ушел туда, в загоны, похоже, готов драться. Только что стрелял в меня.

Я кивнул.

– Ладно, ты за Антоном, я позабочусь о Шегешваре. Прикрою, когда ты пойдешь.

– Забились.

Когда она перекатывалась, я схватил ее за плечо. На миг притянул назад.

– Яд, только будь осторожней, включи голову. Если наткнешься там на меня…

Ее губы раздвинулись в ухмылке, дождь заструился по зубам.

– Тогда завалю его для тебя в подарок.

Я присоединился к ней на узком пространстве над стеной, достал «Рапсодию» и установил на максимальную дальность и узкий разброс. Поерзал и устроился в низкой стойке.

– Чистого скана! Она подобралась.

– Пошла!

Она рванула от меня вдоль перил на ближайший мостик и во мглу. Справа завесу дождя разорвала молния бластера. Я на рефлексе выстрелил из осколочного пистолета, но понял, что промазал. От сорока до пятидесяти метров, говорила оружейница в Текитомуре, но для начала не помешает видеть, во что стреляешь.

Так что…

Я встал. Заревел в бурю.

– Эй, Рад! Слышишь? Я иду убить тебя к херам!

Без ответа. Но и без огня из бластера. Я осторожно двинулся вперед, по галерее над ямой, пытаясь определить положение Шегешвара.

Бойцовские ямы – широкие овальные арены, утопленные прямо в илистом дне Простора, глубже окружающих вод где-то на метр. Всего их девять, прижавшихся друг к другу рядами по три, пересекающиеся галереи венчали толстые вечнобетонные стены между ними, где зрители могли стоять у перил и смотреть, как на безопасном расстоянии внизу пантеры рвут друг друга на клочки. На углах между ямами висели зрительские балконы из стальной сетки, чтобы дать необходимое дополнительное место для популярных боев. Не раз я видел галереи, забитые в пять рядов, и балконы на углах, скрипящие под весом толпы, выглядывающей смерть.

Вся постройка в виде улья из девяти ям поднималась на пять метров из мелководья Простора и одним боком соприкасалась с низкими пузырями подводного бункера. С этого края ям, под переплетением многих служебных мостков находились ряды небольших кормовых загонов и длинных прямоугольных тренировочных дорожек, которые на пути к питомнику пробил «Колосажатель». Насколько я понимал, с этого края изуродованных обломков и стрелял бластер.

– *Ты слышишь меня, Рад, говна кусок?*

Бластер снова грохнул. Луч обжег совсем близко, и я упал на вечный бетон, разбрызгивая воду.

Над головой прокатился голос Шегешвара.

– Ближе, пожалуй, не стоит, Так.

– Как хочешь, – крикнул я в ответ. – Все равно все кончено, только зачистить осталось.

– Неужели? Ты совсем не веришь в себя? Он сейчас в новом доке, отбивает твоих пиратских дружков. Он загонит их обратно в Простор или скормит пантерам. Ты слышишь?

Я прислушался и снова уловил звуки битвы. Огонь из бластеров и редкие мучительные крики. Невозможно понять, как идут дела у любой стороны, но ко мне вернулись нехорошие предчувствия о Владе и его команде мет-наркоманов. Я скривился.

– А мы, значит, от него в восторге, да? – крикнул я. – Что такое, много времени проводили вместе в грав-зале? Вместе имели с обоих концов твою любимую шлюху?

– Пошел ты, Ковач. Он хотя бы еще помнит, *как* надо развлекаться.

Его голос прозвучал ближе, даже несмотря на шторм. Я слегка приподнялся и пополз по полу галереи. Подобраться бы чуть ближе.

– Ну да. И ради этого стоило меня продать?

– Я тебя не продал, – загрохотал в ответ смех, как лебедка траулера. – Я тебя променял на версию получше. Я отдам долг ему, а не тебе. Потому что *этот* хрен еще помнит, где его корни.

Еще ближе. Тащи себя метр за метром через безжалостный дождь и три сантиметра стоячей воды на мостках. От одной ямы, вокруг второй. Не высовывайся. Не дай ненависти и злости поднять тебя на ноги. Вынуди его еще на одну ошибку.

– А он помнит, как ты канючил и ползал в переулке с разорванной ногой, Рад, ублюдок? Это он помнит?

– Да, помнит. Но знаешь что? – голос Шегешвара взлетел выше. Явно задело за живое. – Он просто *не выкручивает мне яйца по этому поводу каждый, сука, раз. И не пользуется этим, чтобы выжимать из меня щедроты.*

Еще ближе. Я изобразил в голосе веселье.

– Ага, да еще и с Первыми Семьями тебя свел. А в этом-то все дело и есть, верно? Ты продался кучке аристов, Рад. Прямо как сраный якудза. Что дальше, переедешь в Миллспорт?

– Эй, *пошел ты*, Ковач!

Ярость сопровождал очередной разряд бластера, но он ушел в молоко. Я ухмыльнулся в дожде и настроил «Рапсодию» на максимальный разброс. Приподнялся из воды. Выкрутил нейрохимию.

– И это *я* забыл, где мои корни? Брось, Рад. Ты и моргнуть не успеешь, как уже будешь носить узкоглазую оболочку.

Совсем близко.

– Эй, пошел…

Я поднялся на ноги и бросился вперед. Нацелился по голосу; нейрохимическое зрение довершило остальное. Я заметил его на корточках на дальней стороне одного из кормовых загонов, наполовину скрытого стальной сеткой мостика. «Рапсодия» излила мономолекулярные осколки из моего кулака, пока я обегал овальную галерею бойцовской ямы. Времени прицеливаться не было, только надеяться, что…

Он вскрикнул, и я увидел, как он покачнулся, схватился за руку. По мне пробежала дикая радость, обнажила мои зубы. Я выстрелил снова, и он либо упал, либо укрылся. Я скакнул через перила между своей галереей и кормовым загоном. Чуть не споткнулся, но обошлось. Восстановил равновесие и в долю секунды принял решение. Я не мог обойти его по стене. Если Шегешвар еще жив, он успеет подняться на ноги и поджарит меня из бластера. Мостик был прямым, метров шесть по верху загона. Я сорвался на бег.

Металл под ногами тошнотворно покачнулся.

Внизу, в загоне, что-то скакнуло и рыкнуло. Меня окатило запахом моря и гниющего мяса от дыхания пантеры.

Позже я пойму подробности: загон получил скользящий удар от «Колосажателя», и вечный бетон на стороне, где ждал Шегешвар, раскололся. Этот конец мостков висел всего на паре вывернутых из пазов болтов. И каким-то образом из-за того же повреждения где-то из загона выбралась болотная пантера.

Я был все еще в двух метрах от конца дорожки, когда болты сорвались окончательно. Рефлекс «Эйшундо» бросил меня вперед. Я уронил «Рапсодию», схватился за край загона обеими руками. Пол ушел из-под ног. Ладони сомкнулись на промокшем от дождя вечном бетоне. Одна рука соскользнула. Гекконовая хватка другой удержала меня. Где-то внизу болотная пантера выбила когтями из сползшего мостка искры, затем упала с пронзительным воем. Я поискал опору второй рукой.

Над краем стены загона показалась голова Шегешвара. Он был бледен, на правом рукаве его куртки просачивалась кровь, но, увидев меня, он улыбнулся.

– Ну надо же, сука, – сказал он почти непринужденным тоном. – Мой старый самовлюбленный долбаный друг Такеси Ковач.

Я отчаянно качнулся вбок. Уцепился каблуком за край загона. Шегешвар увидел это и похромал навстречу.

– Нет, это вряд ли, – сказал он и спихнул мою ногу. Я снова замотался, едва удерживая хватку обеими ладонями. Он стоял

надо мной, смотрел. Затем взглянул за бойцовские ямы и кивнул с неопределенным удовлетворением. Вокруг нас бился дождь.

– Хоть раз, для разнообразия, я смотрю на тебя сверху вниз.

Я тяжело дышал.

– *Отсоси.*

– Знаешь, а эта пантера внизу вполне может оказаться твоим религиозным дружком. Вот ирония, а?

– Просто заканчивай уже, Рад. Ты продажный кусок говна, и уже ничего это не изменит.

– Давай-давай, Такеси. Осуждай меня, читай долбаные морали, – его лицо перекосилось, и на миг мне показалось, что сейчас он и собьет меня вниз. – Как всегда. *Ой, Радул гребаный преступник, Радул ни хрена сам не может, один раз я, сука, спас Радулу жизнь*. Ты это пел с тех самых пор, как увел у меня Ивонну, и *с тех пор ни хрена и не изменился*.

Я уставился на него под дождем, чуть не забыв о пропасти под ногами. Выплюнул воду изо рта.

– Какого хера ты несешь?

– Ты отлично знаешь, какого хера я несу! Лето у Ватанабе, Ивонна Вазарели, с зелеными глазами.

С именем вспыхнуло воспоминание. Риф Хираты, худощавый силуэт надо мной. Мокрое от моря тело со вкусом соли на сырых резиновых костюмах.

Держись крепче.

– Я, – я глупо покачал головой. – Я думал, ее звали Ева.

– Вот видишь, вот в*идишь*, сука, – слова потекли из него, как гной, как застарелый яд. Лицо исказилось от гнева. – Тебе даже было на нее *насрать*, просто очередная безымянная подстилка.

На долгий миг прошлое нахлынуло на меня, как прибой. Оболочка «Эйшундо» перехватила управление, и я завис в освещенном туннеле из калейдоскопических образов того лета. На веранде у Ватанабе. Жара, давящая со свинцового неба. Редкий бриз над Простором, неспособный даже пошевелить тяжелые зеркальные музыкальные подвески. Кожа, скользкая под одеждой, в крупных каплях пота – на виду. Ленивые беседы и смех, едкий аромат морской конопли в воздухе. Зеленоглазая девушка.

– Это же было двести долбаных лет назад, Рад. И ты с ней даже почти не *разговаривал*. Ты херачил мет с сисек Малгожаты Буковски – как, блин, обычно и делал.

– Я не знал, как разговаривать. Она же была… – он запнулся. – Она же мне *нравилась*, ты, гондон.

Сперва я не узнал звук, который вырвался из меня. Это мог быть поперхнувшийся кашель от дождя, который заливался в

глотку каждый раз, как я открывал рот. Было похоже на всхлип, крошечное выворачивающее чувство, будто внутри что-то отошло. Ускользнуло, потерялось.

Но нет.

Это был смех.

Он нашел на меня после первого приступа захлебывающегося кашля, как тепло, требуя свободного места в груди и выхода. Он выплюнул воду из моего рта, и я не мог остановиться.

– *Хватит ржать, сука.*

Я не мог остановиться. Я хихикал. Свежая энергия напрягла мои руки от незваного веселья, в гекконовые ладони хлынула новая хватательная сила, до кончика каждого пальца.

– Тупой ты придурок, Рад. Она же была из богатеев Ньюпеста, она не собиралась тратить жизнь на уличных отбросов вроде нас. Той же осенью она уехала учиться в Миллспорт, и я ее больше не видел. Она мне даже *сказала*, что я ее больше не увижу. Сказала не расстраиваться, что мы повеселились, но дальше жизни у нас разные, – почти не осознавая, что я делаю, я поймал себя на том, что начал подтягиваться на крае загона под его взглядом. В грудь уперся твердый угол вечного бетона. Я задыхался, когда говорил: – Ты правда думаешь. Что у тебя были какие-то шансы с *такой* Рад? Думал, что она тебе… Детей народит, будет сидеть на верфи в Шпекны с другими марухами? Ждать, пока ты вернешься? Бухой от Ватанабе под утро? В смысле, – между вдохами снова прорывался смех, – это насколько ж отчаянной должна быть женщина, *любая*, чтобы на такое согласиться?

– *Пошел ты!* – заорал он и ударил меня ногой в лицо. Наверное, я знал, что это случится. Я точно его провоцировал. Но все вдруг показалось далеким и не важным на фоне блестяще-ярких образов того лета. И в любом случае, все делала оболочка «Эйшундо», не я.

Вперед хлестнула левая рука. Схватила его за икру, когда нога поднялась от удара. Из моего носа хлынула юшка. Гекконовая хватка вцепилась. Я с силой рванул вниз, и он исполнил на краю загона идиотскую одноногую джигу. Посмотрел на меня с ходящими желваками.

Я упал и затащил его за собой.

Падать пришлось недалеко. Бока загона были с таким же наклоном, как в бойцовских ямах, и сорвавшийся мостик застрял на середине вечнобетонной стены почти горизонтально. Я ударился о сетчатый металл, Шегешвар приземлился на меня. Я остался без воздуха в легких. Мостик содрогнулся и заскрежетал, съехав вниз еще на полметра. Под нами сошла с ума пантера, бросаясь на перила, пытаясь сорвать нас на дно загона. Она чуяла

кровь, струящуюся из моего сломанного носа.

Шегешвар заворочался с яростью в глазах. Я нанес удар. Он его подавил. Шипя односложные ругательства сквозь сжатые зубы, он прижал раненую руку к моему горлу и навалился. Из него вырвался вскрик, но давление он не сбавил ни на секунду. Пантера врезалась в бок упавшего мостика, обдав вонью дыхания через сетку с моей стороны. Я видел один бешеный глаз, скрывшийся за искрами, когда когти рванули по металлу. Она вопила и пускала слюни, как безумная.

Может, так и было.

Я брыкался и отмахивался, но Шегешвар меня зажал. Почти две сотни лет уличного насилия за пазухой – такие бои он не проигрывал. Он прожигал меня взглядом, и ненависть придавала ему сил забыть о боли осколочного ранения. Я высвободил одну руку и снова попытался ударить в горло, но он закрылся и от этого. Блок локтем – и пальцы едва скользнули по его лицу. Затем он захватил мою руку и тяжелее навалился на свою раненую, которой душил меня.

Я поднял голову и прокусил куртку на предплечье до самой разорванной плоти. В ткани накопилась кровь, наполнила мой рот. Он закричал и ударил меня по голове второй рукой. Давление на горле начало сказываться – я больше не мог вздохнуть. Пантера билась о металлический мостик, он сдвинулся. Я чуть соскользнул в сторону.

Воспользовался этим.

Прижал раскрытую ладонь и пальцы к его лицу. С силой потащил вниз.

Гекконовые зацепки впились и вцепились в кожу. Там, где кончики пальцев держались крепче всего, лицо Шегешвара разорвалось. Инстинкт уличного бойца зажмурил его глаза, когда я схватился, но это не помогло. Пальцы оторвали его веко, поцарапали глазное яблоко и вытащили на оптическом нерве. Он издал крик, из самого нутра. На фоне серости дождя вдруг прыснула красная кровь, тепло шлепнула на мое лицо. Он отпустил меня и отпрянул назад, с изуродованным лицом, свисающим глазом и все еще бьющей из глазницы кровью. Я заорал и рванул за ним, добавив хук по здоровой половине лица, который отбросил его боком к перилам мостка.

Он раскинулся там на секунду, неловко подняв левую руку для блока, крепко сжав правый кулак, несмотря на ранение.

И его забрала болотная пантера.

Был – и не стало. Мешанина из гривы, передних конечностей и раскрытого клюва. Когти врезались в него на высоте плеча и стащили с мостка, как тряпичную куклу. Он крикнул раз, а потом

я услышал единственный жестокий хруст, когда захлопнулся клюв. Я ничего не видел, но, похоже, она мгновенно перекусила его пополам.

Кажется, не меньше минуты я покачивался на перекошенном мостке, прислушиваясь к звуку терзаемой и глодаемой плоти, треску костей. Наконец я добрел до перил и заставил себя посмотреть.

Я опоздал. Ничего в месиве вокруг голодной пантеры не напоминало даже отдаленно человеческое тело.

Дождь уже смыл почти всю кровь.

* * *

Болотные пантеры – не самые умные существа. Насытившись, эта больше не проявляла – или почти не проявляла – интереса к моему присутствию над головой. Пару минут я искал «Рапсодию», но не нашел, так что приготовился вылезать из загона. Благодаря множеству трещин, которые «Колосажатель» оставил в вечном бетоне, это было не очень трудно. Я вставил ноги в самый широкий разлом для опоры и пополз. Не считая испуга, когда на вершине в моей руке раскрошился кусок вечного бетона, подъем оказался скорым и без происшествий. На пути наверх что-то в системе «Эйшундо» постепенно остановило кровотечение из носа.

Наверху я постоял, прислушиваясь к звукам битвы. Ничего не понял из-за шторма, да и тот как будто стал тише. Либо сражение закончилось, либо перешло к коротким перебежкам и выжиданию. Оказывается, я недооценил Влада и его команду.

Ага, или гайдуков.

Пора узнать.

Я нашел бластер Шегешвара в лужице крови у перил кормового загона, проверил заряд и начал выбираться по переходам над бойцовскими ямами. По пути до меня медленно дошло, что смерть Шегешвара доставила мне не более чем легкое облегчение. Я не мог заставить себя переживать из-за того, как он меня продал, а откровение о его злобе из-за моих прегрешений с Евой…

Ивонной.

…хорошо, Ивонной, это откровение только подтвердило очевидную истину. Несмотря ни на что, единственное, что держало нас вместе почти двести лет, – этот единственный и невольный долг из-за событий в подворотне. Мы никогда не нравились друг другу, и это привело меня к мысли, что молодой я наверняка сыграл на Шегешваре, как соло на цыганской скрипке

Иде.

Внизу, в туннеле, я останавливался каждые пару шагов и выслушивал стрельбу. В подводном бункере стояла жуткая тишина, и эхо моих шагов было громче, чем меня устраивало. Я вернулся по туннелю до люка, где оставил Мураками, и обнаружил останки Аюры Харлан с хирургически аккуратным отверстием там, где была вершина ее позвоночника. Никаких следов кого-либо еще. Я осмотрел коридор в обоих направлениях, снова прислушался и уловил только повторяющийся металлический лязг, который списал на запертых болотных пантер, яростно бросающихся на стены клеток из-за переполоха снаружи. Я скривился и начал путь вдоль слабо звенящих дверей, с накрученными нервами и осторожно поднятым бластером.

Я нашел остальных через шесть дверей. Люк был опущен, клетка беспощадно залита светом. На полу лежали сваленные тела; стена за ними была раскрашена длинными брызгами крови, словно ее плескали ведрами.

Кой. Трес.

Бразилия.

Четверо или пятеро остальных, с которыми я знаком, хотя не мог припомнить имен. Всех убили из оружия с твердым боезапасом, а затем перевернули лицом на пол. В каждом позвоночнике была прорублена одинаковая дырка, стеки пропали.

Ни следа Видауры, ни следа Сильви Осимы.

Я стоял посреди бойни, пока взгляд переходил от одного трупа к другому, словно в поисках чего-то, что я уронил. Я стоял, пока тишина в ярко освещенной камере не стала звенящим гулом в ушах, заглушающим мир.

Шаги в коридоре.

Я крутанулся, поднял бластер и чуть не застрелил Влада Цепеша, выглянувшего из-за стены. Он отскочил, взметнув плазмошрапнельную винтовку, затем замер. На его лице всплыла неуверенная улыбка, одна рука поднялась почесать щеку.

– Ковач. Блин, я тебя чуть не грохнул.

– Какого хрена тут происходит, Влад?

Он оглядел трупы за моей спиной. Пожал плечами.

– А хрен знает. Похоже, мы опоздали. Ты их знаешь?

– *Где Мураками?*

Он махнул рукой туда, откуда пришел.

– На другой стороне, у парковочного причала. Послал меня найти тебя, помочь, если надо. Мы уже отстрелялись, чтоб ты знал. Теперь осталось только подмести и заняться старым добрым пиратством, – он снова ухмыльнулся. – Пора зарабатывать. Пошли, нам сюда.

Я ошарашенно последовал за ним. Мы пересекли подводный бункер по коридорам, отмеченным следами недавнего сражения, мимо обожженных бластерами стен и уродливых пятен рваной человеческой плоти, раскинувшихся трупов и однажды – абсурд – мимо хорошо одетого человека средних лет, который сидел на полу и в кататоническом шоке таращился на свои раздробленные ноги. Должно быть, налет спугнул его из казино или борделя и погнал в бункер, где он и попал под перекрестный огонь. Когда мы подошли, он слабо поднял к нам обе руки, и Влад пристрелил его из винтовки. Мы оставили его дымиться огромной дыркой в груди и поднялись по приставной лестнице в здание старой скирдовальной станции.

На причале царила та же кровавая баня. По верфи и среди пришвартованных скиммеров были разбросаны покалеченные тела. Тут и там горели огоньки, где лучи бластеров нашли что-то более возгораемое, чем человеческая плоть и кость. В дожде поднимался дымок. Ветер заметно стихал.

Мураками был у воды, на коленях рядом с обмякшей Вирджинией Видаурой, и что-то возбужденно ей говорил. Одной рукой гладил ее по лицу. Рядом стояли пара пиратов Влада и дружелюбно спорили, закинув оружие на плечи. Они были мокрые, но, похоже, невредимые.

На обтекаемом кузове пришвартованного рядом зеленого просторомобиля – тело Антона.

Он свисал головой вниз, раскрытые глаза застыли, радужные волосы командной головы почти доставали до воды. Там, где были его грудь и живот, зияла дыра, в которую можно было целиком засунуть голову. Похоже, Яд достала его сзади из осколочного бластера, зауженного до предела. Бластер валялся на причале в лужах крови. Самой Яд и след простыл.

Мураками увидел нас и отпустил лицо Видауры. Поднял осколочный бластер и протянул мне обеими руками. Магазина не было, затвор открыт. Его отстреляли до конца, затем бросили. Он покачал головой.

– Мы искали ее, но ничего. Кол говорит, что, кажется, видел, как она упала в воду. Подстрелили с той стены. Может, ее только зацепило, но в этой хрени, – он показал на погоду, – не поймешь, пока не начнем прочесывать дно. Шторм уходит на запад. Когда уляжется, будем искать.

Я посмотрел на Вирджинию Видауру. Я не видел заметных ранений, но она казалась в полубессознательном состоянии, ее голова качалась. Я вернул взгляд к Мураками.

– Какого х…

И тут меня в лицо ударил приклад осколочного бластера.

* * *

Белое пламя, шок. Новое кровотечение.

Что…

Я пошатнулся, моргнул, упал.

Надо мной встал Мураками. Отбросил осколочный бластер и снял компактный стильный шокер с пояса.

– Прости, Так.

И выстрелил.

Глава сорок седьмая

В конце очень длинного темного коридора меня ждет женщина. Я пытаюсь торопиться, но одежда тяжелая от воды, а сам коридор под наклоном и заполнен почти до колена чем-то вязким, что я принимаю за сгустившуюся кровь, хотя воняет белаводорослями. Я бреду по затопленному наклонному полу, но открытая дверь как будто не становится ближе.

Проблемы, сам?

Я подключаю нейрохимию, но с биотехом что-то случилось, потому что я вижу только ультрадалекое изображение, как в снайперском прицеле. Стоит дернуться – и оно пляшет по всему коридору, отчего глазам больно. Женщина время от времени похожа на пышногрудую пиратку Влада, раздетую по пояс и согнувшуюся над модулями незнакомого снаряжения на полу каюты. Длинные большие груди свисают, как фрукты, – я чувствую, как мое нёбо ноет от желания пососать один из коротких темных сосков. Затем, стоит мне подумать, что зрение устаканилось, как оно соскальзывает и я вижу крохотную кухоньку с раскрашенными вручную жалюзи, которые не пускают кошутский солнечный свет. Там тоже женщина, тоже раздетая по пояс, но уже другая, потому что ее я знаю.

Прицел снова дрожит. Мои глаза опускаются к оборудованию на полу. Матово-серые ударостойкие корпусы, блестящие черные диски, при активации подскочат инфополя. Логотип на каждом модуле начертан знакомыми идеографическими символами, хотя сейчас я не могу читать ни язык Дома Хань, ни земной китайский. «Ценг Психографикс». Это название я встречал на разных полях сражений и в палатах психохирургического восстановления, и название новое. Новая звезда в разреженном созвездии военных брендов – бренд, продукты которого может себе позволить только очень обеспеченная организация.

Что у тебя там?

Электромаг «Калашников». Одолжил один из парней, дальше по коридору.

Интересно, у кого он его спер.

А кто сказал, что он его спер?

Я. Это же пираты.

Вдруг мою ладонь заполняет округлая пышная форма рукоятки «Калашникова», Он поблескивает в тусклом свете коридора, так и просит, чтобы спустили курок.

Семьсот долларов ООН минимум. Никакой наркопират не будет тратить такие деньги на бесшумку.

Я с трудом делаю еще пару шагов вперед, когда в меня просачивается отвратительное ощущение, что я не смог сопоставить факты и сделать выводы. Я словно всасываю вязкую жижу в коридоре ногами и заполненными ботинками и знаю, что, когда заполнюсь, резко остановлюсь и не смогу сделать ни шага.

А потом распухну и взорвусь, как сжатый курдюк с кровью.

Снова сюда придешь – и я тебя сожму так, что ты треснешь на хрен.

Я чувствую, как мои глаза округляются от изумления. Я снова вглядываюсь в снайперский прицел – и в этот раз там не женщина с железом, не каюта на борту «Колосажателя».

Там кухня.

И моя мать.

Она стоит одной ногой в тазу с мыльной водой и наклоняется, чтобы промокнуть икру пузырем дешевой, выращенной на ферме гигиенической губки. На ней юбка сборщика водорослей с разрезом на боку, закрывающая ноги на треть, и она голая по пояс, и молодая – моложе, чем я обычно ее вспоминаю. Ее груди свисают, длинные и гладкие, как фрукты, и мой рот ноет от остаточных воспоминаний об их вкусе. Тогда она искоса смотрит на меня и улыбается.

И тут другую дверь – которая, как мимолетно подсказывает память, ведет на верфь, – выбивает он. Выбивает и бьет мать, как какая-то стихийная сила.

Сука, хитрожопая сука.

От шока мои глаза снова отвлекаются, и вот я стою уже на пороге. Помеха снайперского прицела исчезла – все здесь и сейчас, реально. Я начинаю двигаться только после третьего удара. Удар тыльной стороной ладони наотмашь – все мы время от времени получали от него этот удар, но на сей раз он не сдерживается, – она летит через кухню на стол и падает, она встает, а он бьет снова, и из ее носа в прямом луче света через жалюзи течет кровь, яркая, она пытается подняться, на этот раз с пола, и он опускает тяжелый ботинок ей на живот, она содрогается и перекатывается на бок, таз переворачивается, и мыльная вода плещет ко мне, через порог, на мои босые ноги, а потом как будто мой призрак остается у дверей, а все остальное вбегает в комнату и пытается встать между ними.

Я маленький, наверное, не старше пяти, а он пьян, так что удары неточные. Но их достаточно, чтобы отбросить меня обратно к двери. Тогда он идет ко мне, нависает, неуклюже уперевшись руками в колени, тяжело дыша через приоткрытый рот.

Снова сюда придешь – и я тебя сожму так, что ты треснешь на

хрен.

Он даже не потрудился закрыть дверь, возвращаясь к ней.

Но пока я сижу бесполезным комком и начинаю плакать, она тянется через комнату и толкает дверь рукой, так что створка закрывает все, что сейчас случится.

Затем – только звуки ударов, закрытая дверь удаляется.

Я волокусь по наклонному коридору, гонюсь за дверью, пока сквозь трещину еще протискивается свет, и плач в моем горле превращается в крик рипвинга. Во мне поднимается волна гнева, и с ней расту я, я старше с каждой секундой, скоро вырасту и достану дверь, я успею раньше, чем он наконец бросит нас всех, исчезнет из нашей жизни, и это я заставлю его исчезнуть, я убью его голыми руками, в моих руках оружие, мои руки и есть *оружие, и густая жижа куда-то утекает, а я бросаюсь на дверь, как болотная пантера, но уже ничего не изменить, она закрыта слишком давно, она тверда, и столкновение отдается во мне, как разряд шокера, и…*

Ах, да. Шокер.

Значит, это не дверь, а…

…причал, и я прижался к нему лицом, прилип в луже слюны и крови от того, что прикусил язык, когда упал. Обычное дело после шокеров.

Я закашлялся и подавился комком слизи. Выплюнул, быстро оценил ущерб и тут же пожалел об этом. Все тело стало зазубренной мешаниной дрожи и боли от шокера. Кишки и желудок когтила тошнота; голова казалась легкой и наполненной звездным воздухом. Половину лица, куда пришелся удар прикладом, дергало. Я полежал, собирая себя, возвращая какой-то контроль, затем оторвал лицо от причала и выгнул шею, как тюлень. Короткое, ограниченное движение. Руки были связаны за спиной какими-то ремнями, и я не видел выше лодыжек. Теплый пульс активного биосплава на запястьях. Он поддавался, чтобы не покалечить надолго скованные руки, и растворялся, как теплый воск, если капнуть правильным ферментом, но выбраться из него можно с таким же успехом, как снять собственные пальцы.

Надавив на карман, я не особо удивился. Он забрал «Теббит». Я был безоружен.

Меня стошнило жалкими остатками содержимого пустого желудка. Я опал назад и постарался не влезть в рвоту лицом. Где-то далеко слышались выстрелы из бластеров и – слабо – что-то похожее на смех.

Мимо в мокром прошлепали ботинки. Остановились и вернулись.

– Он просыпается, – сказал кто-то и присвистнул. – Суровый

засранец. Эй, Видаура, ты говорила, что тренировала его?

Ответа не было. Меня снова стошнило, затем я умудрился перекатиться на бок. Контуженно заморгал, увидев над собой силуэт. Влад Цепеш смотрел сверху вниз из расчищающегося неба, которое почти прекратило дождить. Выражение на его лице было серьезным и уважительным, и, наблюдая за мной, стоял он совершенно неподвижно. Ни следа его былой дерганости от мета.

– Хорошее представление, – прохрипел я.

– Понравилось, а? – он усмехнулся. – Одурачил тебя, да?

Я провел языком по зубам и сплюнул кровь, смешанную с рвотой.

– Да, думал, Мураками свихнулся, что взял тебя. И что случилось с настоящим Владом?

– Ну, – он кисло поморщился. – Сам знаешь, как бывает.

– Да, знаю. Сколько вас здесь? Не считая вашей специалистки по психохирургии, с шикарными грудями.

Он легко рассмеялся.

– Да, она говорила, что ты пялился. Роскошное мясо, скажи? Знаешь, последнее, что перед этим носила Либек, – оболочку гимнастки на тросах из Лаймона. Плоская как доска. Уже год прошел, а она до сих пор не может решить, довольна переменой или нет.

– Лаймон, а? Лаймон, Латимер.

– Он самый.

– Родина передового деКома.

Он улыбнулся.

– Что, в голове все начинает сходиться?

Непросто пожать плечами, когда руки скованы за спиной, а сам лежишь ничком. Я постарался как мог.

– Я заметил железо от Ценга у нее в каюте.

– Черт, так ты не на сиськи пялился.

– Нет, на них тоже, – признался я. – Но сам знаешь. Ничего с периферии не теряется.

– Что есть, то есть.

– Мэллори.

Мы оба посмотрели в сторону крика. По причалу от подводного бункера шагал Тодор Мураками. Он был безоружен, не считая обычных «Калашникова» на бедре и ножа на груди. Вокруг него со светлеющего неба падал мягкий дождь.

– Наш ренегат шевелится и плюется, – сказал Мэллори, показывая на меня.

– Хорошо. Слушай, раз только ты можешь заставить свою команду действовать скоординированно, пойди и построй их. В борделе еще остались тела с нетронутыми стеками, я сам видел,

когда уходил. Кто знает, может, там даже живые свидетели еще где-то отсиживаются. Пройдитесь в последний раз – никого не оставлять в живых, все стеки расплавить, – Мураками с отвращением всплеснул руками. – Господи, это же *пираты*, уж с этим они должны справиться. А они играются там, выпускают пантер и упражняются в стрельбе. Ты только послушай.

Пальба из бластеров еще висела в воздухе, длинные неорганизованные очереди с возбужденными криками и смехом. Мэллори пожал плечами.

– А где Томаселли?

– Все еще ставит железо с Либек. А Ван ждет тебя на мостике, пытается проследить, чтобы никого случайно не сожрали. Это твой корабль, Влад. Пойди и рявкни на них, а когда закончат прочесывать – подгони «Колосажателя» для погрузки на эту сторону.

– Ладно, – словно рябь пробежала по воде: Мэллори вошел в образ Влада и начал нервно ковырять рябые шрамы. Кивнул мне. – Увидимся, когда увидимся, а, Ковач? Давай.

Я смотрел, как он обходит стену станции и скрывается из виду. Метнул взгляд обратно на Мураками, который еще смотрел в сторону звуков веселья после операции.

– Любители, мать их, – пробормотал он и покачал головой.

– Итак, – сказал я мрачно, – ты все-таки здесь по заданию.

– Угадал с *первого* раза, – отвечая, Мураками присел и, хмыкнув, приподнял меня в неуклюжее сидячее положение. – Только без обид, а? Я же вряд ли мог вчера все тебе рассказать, призывая к ностальгии, да?

Я огляделся с новой точки обзора и увидел Вирджинию Видауру, привалившуюся к кнехту с руками за спиной. На ее лице был длинный темнеющий синяк, один глаз заплыл. Она тупо посмотрела на меня, потом отвернулась. В грязи и поту на лице были размазаны слезы. Ни следа оболочки Сильви Осимы, живой или мертвой.

– И поэтому ты решил развести меня как дурачка. Он пожал плечами.

– Работаем с подручным материалом, сам знаешь.

– Сколько вас здесь? Явно не вся команда.

– Нет, – он слабо улыбнулся. – Только пятеро. Мэллори. Либек, с которой, как я понял, ты встречался, как бы. Еще двое – Томаселли, и Ван, и я.

Я кивнул.

– Скрытное развертывание. Надо было догадаться, что ты не будешь шататься в увале по Миллспорту. Давно вы в поле?

– Четыре года почти. Это мы с Мэллори. Мы прибыли раньше

остальных. Пару лет назад разобрались с Владом – перед этим какое-то время за ним следили. Потом Мэллори привел остальных в качестве новобранцев.

– Наверное, было некомфортно. Так просто влезть в шкуру Влада.

– Да нет, – Мураками сел на корточки под мягким дождем. Казалось, ему совершенно некуда торопиться. – Они не очень внимательные, мет-торчки, и у них не бывает действительно значимых отношений. Когда появился Мэллори, у Влада была всего парочка настоящих приближенных, а я позаботился о них заранее. Снайперская оптика и плазмошрапнель, – он изобразил, как поводит стволом и стреляет. – Пока-пока, голова, пока-пока, стек. Влада завалили через неделю. Мэллори висел у него на хвосте почти два года, разыгрывал фаната-пирата, отсасывал, делил все трубки и бутылки. А потом, однажды темной ночью в Городе Духа – бац! – Мураками ударил кулаком в ладонь. – Эта портативная штука от Ценга – красота. Можно разоблачать и облачать хоть в туалете отеля.

Город Духа.

– Все это время вы следили за Бразилией?

– Среди прочего, – он снова пожал плечами. – Да на самом деле за всей Полосой. Это единственное место на планете, где остался серьезный дух восстания. На севере, даже в Ньюпесте, есть только преступность, а ты сам знаешь, как консервативны преступники.

– Отсюда и Танаседа.

– Отсюда и Танаседа. Нам нравятся якудза, они просто хотят подсосаться к любой власти. А гайдуки – ну, несмотря на их расхваленные народные корни, на самом деле они только дешевая версия той же болезни, просто без обеденного этикета. Кстати, нашел своего приятеля Шегешвара? Забыл спросить перед тем, как тебя треснул.

– Да, нашел. Его сожрала болотная пантера.

Мураками хохотнул.

– Знатно. И какого хрена ты от нас ушел, Так?

Я закрыл глаза. Похмелье от шокера становилось все хуже.

– А ты как? Решил за меня проблему с двойным облачением?

– А – нет, еще нет.

Я снова открыл глаза, в удивлении.

– Он еще где-то шляется?

Мураками пристыженно повел рукой.

– Выходит, так. Похоже, тебя убить непросто, даже в том возрасте. Но мы его достанем.

– Неужели, – сказал я угрюмо.

– Еще как. Без Аюры у него нет начальника, некуда бежать. И можно положиться, как на световую скорость, что больше никто в Первых Семьях не захочет продолжать ее дело. Если хотят, чтобы Протекторат оставался дома и не отнимал у них олигархические игрушки.

– Или, – заметил я небрежно, – можешь убить сейчас меня, а потом пригласить его и заключить сделку.

Мураками нахмурился.

– Несмешно, Так.

– Я и не шутил. Он все еще называет себя посланником, знаешь ли. Наверняка с радостью воспользуется шансом вернуться в Корпус, если предложишь.

– Да мне посрать, – теперь в его голосе слышалась злость. – Я не знаю эту мелкую сволочь, так что ему хана.

– Ладно-ладно. Остынь. Просто хотел облегчить тебе жизнь.

– У меня жизнь и так легкая, – проворчал он. – Двойное облачение посланника, даже бывшего, – практически необратимый политический суицид. Конрад Харлан обосрется, когда я заявлюсь в Миллспорт с головой Аюры и рапортом по этому делу. Лучшее, на что ему можно надеяться, – отрицать, что он что-либо знал, и молиться, что я его пощажу.

– Вы достали стек из Аюры?

– Да, голова и плечи остались практически целы. Мы ее допросим, но это формальность. Мы не будем применять то, что она знает, напрямую. В таких случаях мы предпочитаем не мешать президентским отбросам отрицать вину. Сам помнишь инструкции: минимизировать местные волнения, поддержать видимость безупречной власти для Протектората, приберечь информацию, чтоб было чем давить в будущем.

– Да, помню, – я попытался проглотить слюну. – А знаешь, Аюра может и не расколоться. Агент семьи – у нее должна быть мощная закалка преданности.

Он скверно улыбнулся.

– В конце концов раскалываются все, Так. Ты это знаешь. В виртуальном допросе либо расколешься, либо сойдешь с ума, а в наши дни мы можем их вернуть и после этого, – улыбка поблекла до более жесткого и не менее скверного выражения. – Так или иначе, это не имеет значения. Конрад, наш любимый лидер буквально всех времен, никогда не узнает, что мы из нее вытянули, а что нет. Он предположит худшее и начнет пресмыкаться. Иначе я вызову штурмовую группу, спалю Утесы Рилы, а потом подвергну ЭМИ его и всю его гребанутую семейку.

Я кивнул, глядя на Простор с чем-то вроде улыбки на губах.

– Ты говоришь почти как куэллист. Чего-то в этом роде они и

хотели добиться. Жалко, что ты с ними не договорился. Но в конце концов ты здесь не для этого, – я резко вернул взгляд на его лицо. – Да?

– Не понял? – но он даже не старался, и в уголке его рта блуждала улыбка.

– Брось, Тод. Ты заявился с передовым психографическим оборудованием; твоя подружка Либек последний раз служила на Латимере. Ты куда-то забрал Осиму. И говоришь, что занимался этим делом уже четыре года, а это подозрительно удачно совпадает с началом Инициативы Мексека. Ты здесь не ради куэллистов, а ради того, чтобы присмотреть за технологией деКома.

Улыбка выплыла наружу.

– Проницательно. Но на самом деле ты ошибаешься. Мы здесь и для того и для другого. Именно совпадение передового деКома *и* остаточного куэллистского присутствия напугало Протекторат до усрачки. Ну и, конечно, орбитальники.

– Орбитальники? – я моргнул. – А орбитальники тут при чем?

– Сейчас ни при чем. И так должно оставаться дальше. Но с технологией деКома в этом больше нельзя быть уверенным.

Я покачал головой, пытаясь стряхнуть оцепенение.

– Что?.. Почему?

– Потому что, – сказал он серьезно, – похоже, эта хрень работает.

Глава сорок восьмая

Они вывезли тело Сильви Осимы из скирдовальной станции на громоздких серых грав-санях с символами «Ценг» и изгибающимся пластмассовым щитом от дождя. Либек управляла санями с пульта, а вторая женщина – как я понял, Томаселли, – следовала сзади с наплечной системой мониторинга, тоже с лого «Ценг». Когда они вышли, я смог вскарабкаться на ноги, и, как ни странно, Мураками был не против. Мы молча стояли бок о бок, как скорбящие на какой-то похоронной процессии прошлого тысячелетия, наблюдая за гравитационным одром и его ношей. Взглянув на лицо Осимы, я вспомнил изящный сад камней на вершине Утесов Рилы, носилки, и мне пришло в голову, что для вестника новой революционной эры эта женщина слишком много времени проводит в бессознательном состоянии на перевозках для инвалидов. В этот раз ее глаза под прозрачной крышкой были открыты, но, кажется, ничего не замечали. Если бы не показатели жизнедеятельности на встроенном у головы экране, можно было бы подумать, что видишь труп.

А что же еще, Так? Ты видишь труп куэллистской революции. Больше у них ничего нет, без Коя и остальных никто не вернет ее к жизни.

На самом деле я не удивился, что Коя, Бразилию и Трес казнил Мураками. В каком-то смысле я понимал это с момента, когда очнулся. Я видел это в лице Вирджинии Видауры, обмякшей у кнехта; когда она выплюнула слова о том, что произошло, они уже были не более чем подтверждением. А когда Мураками как ни в чем не бывало кивнул и показал мне пригоршню извлеченных стеков, меня только замутило, как будто я смотрел в зеркало на какую-то свою смертельную рану.

– Брось, Так, – он сунул стеки обратно в карман стелс-костюма и со снисходительной гримасой вытер ладони друг о друга. – У меня не было выбора, ты же понимаешь. Я уже говорил, что мы не можем позволить себе повторение Отчуждения. Не в последнюю очередь потому, что они бы все равно проиграли, а потом Протекторат закрутил бы гайки, и кому это надо?

Вирджиния Видаура плюнула в него. Попытка была хорошая, если учесть, что она все еще сидела у кнехта в трех-четырех метрах. Мураками вздохнул.

– Ты можешь *подумать* головой, Вирджиния, нет? Сообрази, что неокуэллистская смута сделает с этой планетой. Думаешь, на Адорасьоне было плохо? Думаешь, на Шарии случился трындец?

Да это фигня по сравнению с тем, что было бы здесь, если бы твои приятели с пляжа подняли революционный флажок. Поверь, администрация Хапеты сюсюкать не собирается. Это ястребы с карт-бланш. Они сокрушат все, что похоже на мятеж в Освоенных мирах, и если для подавления потребуется планетарная бомбардировка – *то они пойдут и на нее.*

– Ага, – огрызнулась она. – И вот с такой моделью управления мы должны смириться, да? Коррумпированное олигархическое господство при могущественной поддержке армии.

Мураками снова пожал плечами.

– Не понимаю, почему бы и нет. История показывает, что это работает. Людям нравится, когда им говорят, что делать. И олигархия не так уж плоха, разве нет? В смысле, посмотри хоть на условия, в которых живут люди. Никто больше и не вспоминает о бедности и репрессиях лет Освоения. Они закончились триста лет назад.

– А *почему* закончились? – голос Видауры ослаб. Я начал переживать, что ее контузило. Серферские оболочки крепкие, но не созданы для того, чтобы выдержать такое повреждение головы, как у нее. – Ты гребаный дебил. Именно потому, что куэллисты навели порядок.

Мураками раздраженно повел рукой.

– Ну ладно, значит, они уже сослужили службу, правильно? Больше они нам не нужны.

– Это говно крабье, Мураками, и ты сам это знаешь, – но при этом Видаура пусто смотрела на меня. – Власть не структура, а текучая система. Она либо аккумулируется на вершине, либо распределяется по системе. Куэллизм запустил распределение, и с тех пор уроды в Миллспорте пытались обратить поток. И вот он снова аккумулирующий. Теперь все будет только хуже, они будут брать и брать, а еще через сто лет ты проснешься и *снова* окажешься в гребаных годах Освоения.

Мураками кивал во время речи, словно серьезно раздумывал.

– Да, только дело в том, Вирджиния, – сказал он, когда она закончила, – что мне никто не платит, и уж точно меня никто не тренировал переживать о том, что будет через сто лет. Меня тренировали – более того, меня тренировала *ты*, – разбираться с текущими обстоятельствами. Этим мы здесь и занимаемся.

Текущее обстоятельство: Сильви Осима. ДеКом.

– Гребаный Мексек, – раздраженно сказал Мураками, кивая на распростертую фигуру на гравсанях. – Будь моя воля, местное правительство и близко бы к этой хрени не подошло, не говоря уже о том, чтобы выдавать лицензии банде упоротых маргиналов и охотников за головами. Можно было послать на зачистку

Нового Хока команду специалистов Корпуса, и ничего бы вообще не случилось.

– Да, только это слишком дорого стоит, забыл?

Он кивнул с хмурым видом.

– Ага. Та же причина, почему Протекторат вообще начал сдавать эту хрень в аренду. Доход на инвестиции. Куда ни плюнь, за всем стоит бабло. Никто больше не хочет делать историю, только большие деньги.

– Я думала, ты об этом и мечтаешь, – слабо сказала Вирджиния Видаура. – Всеобщая грызня за деньги. Надзиратели-олигархи. Простая система контроля. А теперь будешь *жаловаться*?

Он стрельнул в нее искоса глазами, в которых была усталость, и покачал головой. Либек и Томаселли убрели делить косяк с морской коноплей, пока не появится с «Колосажателем» Влад/Мэллори. Передышка. Грав-сани покачивались без присмотра в метре от меня. Дождь нежно падал на прозрачное пластмассовое покрытие и сбегал по изгибу. Ветер улегся до нерешительного бриза, а пальба бластеров с дальнего конца питомника давно затихла. Я стоял в кристальном моменте тишины и смотрел в застывшие глаза Сильви Осимы. У барьеров моего сознательного понимания царапались в поисках входа шепчущие ошметки интуиции.

– Что там насчет истории, Тод? – спросил я невыразительно. – Что происходит с деКомом?

Он повернулся ко мне, и такого выражения я у него еще не видел. Он неуверенно улыбнулся. Словно помолодел.

– Что происходит? Как я уже сказал, происходит то, что оно *работает*. На Латимере получают результаты, Так. Вошли в контакт с марсианскими ИскИнами. Совместимость инфосистем. Впервые за почти шестьсот лет попыток. Их машины заговорили с нашими, и мостик через пропасть перекинула именно эта система. Мы раскололи интерфейс.

По моей спине коротко пробежались холодные коготки. Я вспомнил Латимер и Санкцию IV, то, что сам там видел и делал. Думаю, я всегда понимал, что это будет переломное событие. Просто никогда не верил, что оно дотянется до меня.

– Но что-то это замалчивают, – сказал я кротко.

– А как иначе? – Мураками ткнул пальцем в лежащую на грав-санях женщину. – То, что прошили этой женщине в голову, заговорит с машинами, которые оставили марсиане. В свое время оно может даже нам объяснить, куда они делись, а то и привести *к ним* – обрывистый смешок. – А прикол в том, что она даже не археолог, не тренированный офицер-системщик Корпуса или

специалист по марсианам. Нет. Она гребаный охотник за головами, Так, наемная убийца машин на грани психопатии. И там еще хрен знает сколько таких же, как она, разгуливающих с этой активной техникой в голове. Ты понимаешь, как жестоко налажал Протекторат в этот раз? Ты сам был в Новом Хоке. Можешь представить последствия, если наш первый контакт с гиперпродвинутой инопланетной культурой произойдет благодаря этим людям? Нам повезет, если марсиане не вернутся и не стерилизуют все планеты, что мы колонизировали, просто на всякий пожарный.

Мне вдруг снова захотелось сесть. По мне прокатилась дрожь шокера, от нутра до головы, и череп вдруг стал легким. Я сглотнул тошноту и постарался собраться с мыслями в гвалте внезапно вспомнившихся подробностей. Сачки Сильви в сдержанном и эффективном бою против кластера пушки-скорпиона.

Вся твоя система враждебна нам.

А кроме того, мы тут жить хотим, блин. Орр со своим ломом над нерабочим каракури в туннеле под Дравой. *Ну, мы отключаем его или что?*

ДеКомовская бравада на борту «Пушек для Гевары», довольно забавная из-за нелепых допущений, пока не перенесешь ее в контекст, в котором она зазвучит по-новому.

Как только придумаешь, как декомиссовать орбитальник, Лаз, скажи нам.

Ага, поддерживаю. Сбей спутник – и Мици Харлан будет отсасывать тебе по утрам до конца жизни.

Вот черт.

– Ты правда думаешь, что она это может? – спросил я оцепенело. – Думаешь, она способна разговаривать с орбитальниками?

Он обнажил зубы. Это было что угодно, но не улыбка.

– Мы ни хрена не знаем, Так, может, *уже* разговаривала. Сейчас она на успокоительных, и снаряга «Ценг» мониторит ее на передачи – это часть задания. Но невозможно сказать, чем она занималась до этого.

– А если она начнет?

Он пожал плечами и отвернулся.

– На это дело есть приказ.

– О, отлично. Очень конструктивно.

– А какого хрена еще делать, Так? – его голос обострило отчаяние. – Ты сам знаешь, какая херня творится в Новом Хоке. Миминты вытворяют такое, чего не должны уметь, миминты строятся по параметрам, которых никто не помнит по временам

Отчуждения. Все думают, это какая-то эволюция машин, подросла базовая нанотехнология, – но что, если нет? Что, если их активировал деКом? Что, если орбитальники просыпаются, потому что почуяли командное ПО, и что-то делают с миминтами в ответ? Эта хрень разработана для того, чтобы связываться с системами марсиан, как мы их понимаем, и на Латимере говорят, что она работает. Так почему бы ей не работать и здесь?

Я уставился на Сильви Осиму, в голове эхом зазвенел голос Яд.

…Но ее бред, отключки, наводки на места, которые уже кто-то обработал, – все это пошло косяком после Иямона, да.

…несколько раз мы обнаруживали активность миминтов, но когда приходили, то все уже было чисто. Казалось, будто они сражались друг с другом…

Мой разум помчался по дорогам, которые для меня открыла тодоровская интуиция посланника. Что, если они не сражались друг с другом? Или что, если…

Сильви, полубессознательная на койке в Драве, бормочет. *Оно меня* знало. Оно. *Как старый друг. Как…*

Женщина, которая называла себя Надей Макитой, на другой койке – на борту «Островитянина с Боубина».

Григорий. Там что-то, что говорит, как Григорий.

– Люди, которые у тебя в кармане, – сказал я тихо Мураками, – которых ты убил ради стабильного завтра для всех. Они верили, что это Куэллкрист Фальконер.

– Ну, вера – забавная штука, Так, – он смотрел мимо грав-саней, и в его голосе вовсе не слышалось смеха. – Ты же чрезвычайный посланник, ты это знаешь.

– Да. И во что веришь *ты*?

Пару мгновений он молчал. Затем тряхнул головой и посмотрел прямо на меня.

– Во что верю я, Так? Я верю, что если мы раскодируем ключи к марсианской цивилизации, то даже воскрешение из настоящих мертвых покажется нам мелким и малозначительным по сравнению с этим.

– Думаешь, это она?

– Мне плевать, даже если это она. Это ничего не меняет.

Крик Томаселли. Из-за разрушенного питомника Шегешвара выдвинулся «Колосажатель» как какой-то наглый слоновый скат-киборг. Рискуя снова сблевать, я аккуратно вызвал нейрохимию и разглядел в боевой рубке Мэллори со связисткой и парой других пиратов, которых я не узнал. Я придвинулся к Мураками.

– У меня еще вопрос, Тод. Что вы планируете делать с нами? Со мной и Вирджинией?

– Ну, – он энергично потрепал себя по коротко подстриженным волосам, так что с них полетели мелкие капли. Всплыл намек на мрачную ухмылку, словно возвращение к прикладным темам было чем-то вроде встречи со старым другом. – Это проблема, но мы что-нибудь придумаем. На Земле сейчас все обстоит так, что либо вас обоих велят привезти, либо стереть. Посланники-ренегаты не в чести у нынешней администрации.

Я устало кивнул.

– И?

Улыбка стала ярче.

– И пошли они. Ты посланник, Так. И она тоже. То, что вы лишились клубных привилегий, еще не значит, что вам не место среди нас. Если уйдешь из Корпуса, еще не изменишь того, кто ты есть на самом деле. Думаешь, я все это перечеркну только потому, что какая-то шайка земных политиков ищет козлов отпущения?

Я покачал головой.

– У тебя все же есть работодатели, Тод.

– Да на хер. Я отвечаю перед командованием Корпуса. Мы своих на ЭМИ не сдаем, – он зажал в зубах нижнюю губу, бросил взгляд на Вирджинию Видауру, снова на меня. Его голос опустился до шепота. – Но чтобы это провернуть, мне нужно сотрудничество, Так. Она принимает все слишком близко к сердцу. С таким настроением я не могу просто отпустить ее на свободу. Не в последнюю очередь потому, что стоит мне отвернуться, она наверняка всадит мне заряд плазмошрапнели в затылок.

«Колосажатель» пошел боком к неиспользованному участку причала. Выстрелили крюки, прожевали дыры в вечном бетоне. Некоторые попали в гнилые участки и выскочили, как только начали натягиваться. Ховерлодер слегка сдал назад на волне потревоженной воды и рваных белаводорослей. Крюки втащились и отстрелились снова.

За мной что-то завыло.

Сперва какая-то идиотская часть меня решила, что это Вирджиния Видаура наконец выплескивает накопленную скорбь. Долю секунды спустя я уловил искусственный тон звука и понял, что это. Тревога.

Время как будто застряло. Секунды превратились в неторопливые куски восприятия; все двигалось с ленивой скоростью подводного спокойствия.

…Либек, развернувшаяся от края воды, из открытого рта выпадает зажженный косяк, отлетает от верха ее груди с

краткой вспышкой искр…

…Мураками, кричащий мне на ухо, несущийся мимо к грав-саням…

…Вопящая система мониторинга, встроенная в сани, целая батарея систем инфокатушек, вспыхнувших, как свечи, вдоль бока внезапно задергавшегося тела Сильви Осимы…

…глаза Сильви, широко раскрытые и замершие на моих, притягивая и завораживая мой взгляд…

…Сигнал тревоги, незнакомый, как и новое железо «Ценг», но с одним-единственным возможным смыслом…

…и рука Мураками, поднятая, – рука с «Калашниковым», сорванным с пояса…

…Мой собственный крик, растягивающийся и вторящий его крику, когда я бросаюсь наперерез, безнадежно медленно…

А потом на востоке разорвались тучи и извергли ангельский огонь.

И причал озарился светом и яростью.

И упало небо.

Глава сорок девятая

Я не сразу понял, что это не новый сон. В сцене вокруг чувствовалось то же галлюцинаторное отрешение, как в кошмаре о детстве, который я пережил после шокера, то же отсутствие вменяемости. Я снова лежал на причале питомника Шегешвара, но он был пуст, а мои руки вдруг оказались свободны. Поверх всего плыл легкий туман, а из картинки снова утекли цвета. Грав-сани терпеливо парили на прежнем месте, но по извращенной логике снов теперь на них лежала Вирджиния Видаура, с лицом, бледным по обеим сторонам от огромного синяка. В нескольких метрах от меня вода в Просторе местами необъяснимо горела бледным пламенем. За ним наблюдала сидящая Сильви Осима, сгорбившись на одном из кнехтов, как рипвинг, и не двигаясь с места. Она наверняка слышала, как я с трудом поднимался, но не пошевелилась и не оглянулась.

Дождь наконец прекратился. Воздух пал гарью.

Я нетвердо подошел к краю воды и встал рядом с ней. – Хренов Григорий Исии, – сказала она, так и не глядя на меня.

– Сильви?

И тогда она обернулась, и я увидел, что был прав. Командная голова деКома вернулась. Как она держалась, выражение глаз, голос – все изменилось. Она блекло улыбнулась.

– Это все ты виноват, Микки. Это ты заставил меня задуматься об Исии. Я не могла выкинуть его из головы. А потом вспомнила, кто он, и пришлось спуститься и поискать его. И раскопать дороги, по которым он пришел, по которым пришла *она*, – Сильви пожала плечами, но не без труда. – Так я открыла путь.

– Я перестал тебя понимать. Так *кто* этот Григорий Исии?

– Ты правда не помнишь? Урок истории в начальке, третий класс? Кратер Алабардоса?

– У меня болит голова, Сильви, и я постоянно прогуливал школу. Давай к делу.

– Григорий Исии был пилотом джеткоптера куэллистов, и в ходе отступления он оказался в Алабардосе. Именно он пытался вывезти Куэлл. Он погиб с ней, когда ударил ангельский огонь.

– Значит…

– Да, – она засмеялась – издала единственный тихий смешок. – Она та, за кого себя выдает.

– Это… – я осекся и оглянулся, пытаясь вместить в голову масштаб события. – Это сделала Макита?

– Нет, я, – она пожала плечами. – Точнее, они, но я их

попросила.

– Ты *вызвала* ангельский огонь? Ты хакнула орбитальник?

По ее лицу пробежала улыбка, но при этом она словно зацепилась за что-то болезненное.

– Ага. Сколько мы болтали крабьего говна, а у меня правда получилось. Кажется чем-то невозможным, да?

Я с силой прижал руку к лицу.

– Сильви, помедленнее. Что случилось с джеткоптером Исии?

– Ничего. В смысле, все, как ты и читал в школе. В него попал ангельский огонь, как и рассказывали в детстве. Все, как в истории, – она больше говорила с собой, чем со мной, все еще глядя в туман, который поднял удар орбитальника, испаривший «Колосажатель» и четыре метра воды под ним. – Но это не то, что мы думали, Микки. Ангельский огонь. Это лучевое оружие, но не только. Это и записывающее устройство. Ангел-летописец. Он уничтожает все, чего касается, но все, чего он касается, оставляет отпечаток и на энергии луча. Каждая молекула, каждая субатомная частичка чуть меняет энергетическое состояние луча, и, когда процесс заканчивается, луч несет точный образ того, что уничтожил. И сохраняет образы. Ничто не забыто.

Я поперхнулся от смеха и недоверия.

– Да ты прикалываешься. Хочешь сказать, Куэллкрист Фальконер провела последние триста лет в гребаной марсианской базе данных?

– Сперва она потерялась, – пробормотала она. – Она так долго скиталась среди крыльев. Она не понимала, что с ней случилось. Не знала, что ее транскрибировали. Какая же она охренительно *сильная*.

Я попытался это представить – виртуальное существование в системе, построенной инопланетным разумом, – и не смог. По коже побежали мурашки.

– И как она выбралась?

Сильви посмотрела на меня с любопытным блеском в глазах.

– Ее прислал орбитальник.

– Ну серьезно.

– Это серьезно, – она покачала головой. – Не буду врать, что понимаю протоколы. Поняла только, что произошло. Они что-то увидели во мне, или, наверное, во мне и моем командном софте. Какую-то аналогию, что-то понятное им, тому, как они думали. Оказывается, я была лучшей основой для этого сознания. Наверно, вся орбитальная сеть – единая система, и, наверно, она давно уже пыталась это сделать. Модифицированное поведение миминтов в Новом Хоке. Наверно, система пыталась загрузить сохраненные человеческие личности, всех людей, которых

орбитальники выжгли из неба за прошлые четыре столетия, или то, что от них осталось. До этого момента она пыталась запихнуть их в разум миминтов. Бедняга Григорий Исии был частью пушки-скорпиона, которую мы взорвали.

– Да, ты сказала, что узнала его. Когда лежала в бреду в Драве.

– Не я. Это *она* поняла, она что-то в нем узнала. Не думаю, что от личности Исии осталось так уж много, – она поежилась. – В моих камерах от него точно осталось не так уж много; сейчас это в лучшем случае шелуха, и то безумная. Но что-то подтолкнуло *ее* воспоминания о нем, и она заполнила всю систему в попытках выбраться и разобраться. Вот почему наша атака провалилась. Я не выдержала, и она вырвалась из глубокой оперативки, как гребаный взрыв бомбы.

Я зажмурил глаза, пытаясь обработать информацию.

– Но зачем это орбитальнику? Зачем им начинать загрузку?

– Я же говорю – не знаю. Может, они сами не понимают, что делать с личностями людей. Вряд ли их разрабатывали для этого. Может, они их терпели лет сто, а потом начали искать место, куда сбросить мусор. Миминты получили Новый Хок в свое распоряжение триста лет назад; это три четверти нашей истории на планете. Может, там это происходит давно – нам неоткуда знать о том, что было до Инициативы Мексека.

Я отрешенно задумался, сколько человек лишились жизней из-за ангельского огня за четыреста лет с начала освоения Харлана. Случайные жертвы ошибок пилота; политические пленники, взлетевшие на грав-ранцах с Утесов Рилы и с десятка других мест казни; странные смерти, когда орбитальники вели себя ненормально и атаковали вне обычных параметров. Я задумался, сколько из этих людей сошли с ума, крича, внутри орбитальных баз данных марсиан, скольких постигла та же участь, когда их бесцеремонно засунули в разум миминтов в Новом Хоке. Я задумался, как много их осталось.

Ошибка пилота?

– Сильви?

– Что? – она уже снова рассматривала Простор.

– Ты была в сознании, когда мы спасали тебя из Рилы? Ты помнишь, что происходило вокруг?

– В Миллспорте? Не очень. Кое-что. А что?

– У нас была стычка со свупкоптером, и его взорвали орбитальники. Я тогда подумал, что пилот не рассчитал взлет или что орбитальники психовали после фейерверков. Но если бы он продолжал обстрел, ты бы погибла. Как думаешь?..

Она пожала плечами.

– Может быть. Я не знаю. Связь ненадежная, – она обвела рукой вокруг себя и засмеялась, немного нервно. – Я не могу творить такое по одному желанию. Как я уже говорила, пришлось вежливо попросить.

Тодор Мураками – испарился. Томаселли и Либек, Влад/Мэллори и вся его команда, весь бронированный корпус «Колосажателя» и сотни кубических метров воды, на которых он стоял, даже – я взглянул на запястья и увидел на каждом крошечный ожог – биосплавные наручники на наших с Вирджинией руках. Все исчезло в микросекунду из-за скрупулезно направленного гнева с небес.

Я думал о точности мышления, необходимой, чтобы машины добились всего этого с высоты в пятьсот километров над поверхностью планеты, о том, что там может кружиться загробная жизнь со своими стражами, а потом вспомнил крошечную спаленку в виртуальности, отклеивающийся уголок памфлета Отречения на двери. Я снова посмотрел на Сильви, но теперь немного понимал, что в ней творилось.

– Каково это? – спросил я мягко. – Говорить с ними? Она фыркнула.

– А ты как думаешь? Все как в религии, как будто проповедническое крабье говно матери вдруг воплотилось в жизнь. Я не разговариваю, а как бы, – она повела руками, – как бы делюсь. Как будто тают границы твоей личности. Не знаю. Может, это как секс, хороший секс. Но не… Да ну на фиг, Микки, я не могу это описать. Я и поверить почти не могу, что это происходит. Да уж, – она кисло улыбнулась. – Союз с божеством. Только люди вроде моей матери скорее убежали бы с криками из центра Загрузки, чем *реально* встретились бы с чем-то таким. Это мрачный путь, Микки, я только открыла дверь – и софт сам знал, что делать дальше, он *хотел* меня туда отвести, он для этого создан. Но там темно и холодно, он бросает тебя одну. Голой. Раздетой. Тебя накрывают чьи-то крылья, но они холодные, Микки. Холодные и жесткие, и пахнут вишней и горчицей.

– Но это с тобой говорят орбитальники? Или думаешь, что ими управляют сами марсиане?

Она откуда-то нашла силы на еще одну кривую ухмылку.

– Это было бы нечто, да? Разгадать величайшую тайну нашего времени. Где же марсиане, куда они ушли?

Долгий миг я позволял образу осесть в разуме. Наши рапторы-предшественники с крыльями летучих мышей тысячами поднялись в небеса и ждали, чтобы вспыхнул ангельский огонь и преобразовал их, спалил дотла и переродил в виртуальности над облаками. Возможно, они прибывали сюда в паломничестве со

всех планет своей гегемонии, собрались ради мига необратимого вознесения.

Я покачал головой. Заимствованные образы из школы Отречения и остаточные извращенные христианские мифы о жертвах. Это же первое, чему учат зеленых археологов. Не пытайся наложить собственные антропоморфные представления на то, что даже отдаленно не похоже на человека.

– Слишком просто, – сказал я.

– Да. Я так и думала. В любом случае разговаривает орбитальник, и кажется он такой же машиной, как и миминты, делает все то же, что делает софт. Но да, там все еще есть марсиане. Григорий Исии, точнее то, что от него осталось, лепечет только о них, если вообще удается добиться от него чего-то членораздельного. И, наверное, Надя тоже вспомнит что-нибудь в этом роде, когда пройдет достаточно времени. Наверное, когда она наконец вспомнит, как вышла из их базы данных в мою голову, тогда и сможет говорить с ними *по-настоящему*. И тогда моя связь по сравнению с этим будет выглядеть как морзянка на тамтамах.

– Я думал, она не умеет пользоваться командным ПО.

– Она не умеет. Пока. Но я могу ее научить, Микки. На лице Сильви Осимы, когда она говорила, был необычный покой. Такого я за ней еще не замечал за все время, что мы провели вместе в Нечистой, да и позже. Он напомнил мне о лице Николая Нацуме в монастыре Отречения, до того как пришли мы и все испортили, – знание о цели, существующей вне всяких человеческих сомнений. И смирение со своими деяниями – то, чего я не знал со времен Инненина и чего не надеялся почувствовать вновь. Взамен я почувствовал, как во мне сворачивается ядовитая зависть.

– Станешь сенсеем деКома, Сильви? Такой у тебя план, значит?

Она нетерпеливо отмахнулась.

– Я говорю об учении не в реальном мире, я говорю о *ней*. Я могу ускорить время относительно реального во внутреннем хранилище мощностей, чтобы каждая минута стала месяцем, и покажу ей, *как это делать*. Это не охота на миминтов – ПО создано не для этого. Только теперь я это понимаю. Все время в Нечистой по сравнению с этим я как будто находилась в полусне. А *это* – кажется, что для этого я рождена.

– Но это говоришь не ты, Сильви, а софт.

– Да, может быть. И что?

Я не смог придумать ответа. Взамен я посмотрел на грав-сани, где вместо Сильви лежала Вирджиния Видаура. Я подошел ближе – казалось, меня туда тянут за трос, зацепленный за

кишки.

– С ней все будет в порядке?

– Да, наверное, – Сильви устало оттолкнулась от кнехта. – Твоя подруга, а?

– Э-э… Что-то в этом роде.

– Ну, синяк на лице выглядит так себе. Наверняка кость треснула. Я перенесла ее туда как можно аккуратнее, включила систему, но она только вводит успокоительные – наверное, в общем порядке. И диагноза я пока не дождалась. Понадобится пере…

– Хм-м?

Я повернулся, чтобы попросить ее договорить, и увидел серый цилиндр на вершине параболы. Не было времени добраться до Сильви, не было времени ни на что, кроме как броситься, спотыкаясь, за грав-сани и в косую тень под их прикрытие. Военный заказ «Ценг» – он по меньшей мере укреплен для боевых условий. Я упал на землю с другой стороны и прижался к причалу, сложив руки на голове.

Граната взорвалась с удивительно приглушенным хрустом, и что-то в голове завопило от этого звука. Меня захлестнула немая ударная волна, вырубила слух. В размазанном гудении после взрыва я уже стоял на ногах – не было времени искать осколочные ранения, только оскалиться, развернуться к нему, когда он вылезал из воды на краю причала. У меня не было оружия, но я вышел из-за грав-саней так, словно был вооружен до зубов.

– Быстрый ты, – окликнул он. – Думал, вас обоих накрою.

Его одежда была мокрой после заплыва, а на лбу – длинная ссадина, которую вода оставила розовой и бескровной, но наглость в оболочке янтарного цвета никуда не делась. Черные волосы, по-прежнему длинные, спутанно лежали на плечах. Он казался безоружным, но все равно улыбался уверенно.

Сильви свернулась калачиком между водой и санями. Я не видел ее лица.

– Теперь я тебя убью на хрен, – произнес я холодно.

– Ну да, попытаешься, старик.

– *Ты понимаешь, что наделал? Ты хоть представляешь, кого сейчас убил?*

Он покачал головой в наигранной печали.

– А у тебя правда давно прошел срок годности, да? Думаешь, я вернусь к семье Харланов с *трупом*, когда могу захватить живую оболочку? Мне не за это платят. Это шок-граната – к сожалению, последняя. Не слышал, как она шарахнула? Трудно перепутать, если недавно бывал в боевых действиях. А, ну да, ты же и не

бывал. Ударная волна вырубает, вдыхаемая молекулярная шрапнель фиксирует состояние. Она пролежит весь день.

– Мне не надо читать лекции о военной технике, Ковач. Я, блин, *был* тобой, и бросил ради чего-то поинтереснее.

– Неужели? – в пугающе голубых глазах вспыхнула злость. – Это ради чего же? Низкопробной преступности или провалившейся революционной политики? Мне сказали, ты всем успел побаловаться.

Я сделал неровный шаг и увидел, как он подобрался в боевую стойку.

– Что бы тебе ни *говорили*, я видел на век рассветов больше твоего. И теперь я их у тебя отниму.

– Да? – он с отвращением хмыкнул. – Ну, если они довели тебя до того, кем ты стал, ты только сделаешь мне одолжение. Потому что плевать, что со мной будет, – главное, чтобы я никогда не стал тобой. Лучше сам прострелю себе стек, чем буду стоять на твоем месте.

– Тогда, может, так и сделай. Сэкономишь мне время. Он рассмеялся. Кажется, смех должен был быть презрительным, но у него не получилось. Слишком много нервов и эмоций. Он махнул рукой.

– Блин, почти хочется тебя отпустить, так тебя жалко. Я покачал головой.

– Нет, ты не понимаешь. Я не дам тебе забрать ее обратно к Харланам. Все кончено.

– Тут ты охренеть как прав. Поверить не могу, как же ты запорол свою жизнь. Только взгляни на себя.

– Лучше ты взгляни на меня. Это последнее лицо, которое ты увидишь, мелкий тупой ублюдок.

– Только не надо мелодрамы, старичок.

– О, это, по-твоему, мелодрама?

– Нет, – в этот раз он правильно передал интонацию презрения. – Ты слишком жалкий даже для нее. Это *дикая природа*. И ты старый хромой волк, который больше не может угнаться за стаей, болтается с краю и надеется перехватить мясца, которым побрезгуют остальные. *Поверить* не могу, что ты ушел из Корпуса. Я просто не могу, *сука*, поверить.

– Ну, тебя там, сука, не было, – огрызнулся я.

– Ага, потому что если бы был, то этого бы ни за что не случилось. Думаешь, *я* бы спустил все в толчок? Просто свалил бы, как папа?

– Эй, *пошел ты!*

– Ты бросил их точно так же, сволочь. Ты свалил из Корпуса и из их жизни.

– Ты сам не понимаешь, что за херню несешь. Я был им нужен так же, как сраная паутинная медуза в бассейне. Я был *преступником*.

– Вот именно им ты и был. И что, медаль за это хочешь?

– О, а *ты* бы что сделал? Ты бывший посланник. Знаешь, что это значит? Запрет на любую общественную должность, военное звание или корпоративный пост выше уборщика. Без доступа к легальному кредиту. Ты у нас такой умный – расскажи, как бы ты поступил с таким раскладом?

– Я бы тупо не уходил.

– *Тебя там, сука, не было.*

– А, ну ладно. Что бы я сделал после Корпуса? Не знаю. Но что, блин, я знаю точно – я бы не стал тобой через двести лет. Одинокий, нищий и беспомощный без Радула Шегешвара и шоблы сраных *серферов*. Ты знал, что я отследил тебя до Рада до того, как ты сюда приехал? Знал?

– Ну конечно.

На миг он запнулся. В его голосе больше не было наглости посланника; он слишком злился.

– Да, а ты знал, что мы просчитали почти каждый твой шаг после Текитомуры? Ты знал, что это я организовал засаду в Риле?

– Ага, она прошла особенно удачно.

Его лицо перекосилось от нового градуса ненависти.

– Ни хрена не важно, потому что у нас все равно был Рад. У нас с самого начала все было схвачено. Почему, ты думаешь, вы так охренительно легко сбежали?

– Э-э, возможно, потому, что орбитальники сбили ваш свупкоптер, а вы слишком бестолковые, чтобы отследить нас до Северной косы?

– Пошел на хер. Думаешь, мы вас вообще искали? Да мы с самого начала знали, куда вы отправитесь. С самого, сука, начала мы знали о тебе все.

Хватит. В центре моей груди сгустился твердой комок решимости, и он тянул меня вперед, поднимал руки.

– Ну ладно, – сказал я тихо. – Теперь тебе осталось только закончить дело. Как думаешь, один справишься?

Долгий момент мы смотрели друг на друга, а перед нашими глазами вставала неизбежность драки. И тогда он бросился на меня.

Сокрушительные удары в горло и пах из четкой комбинации атаки, которая оттеснила меня на два метра, прежде чем я смог ее сдержать. Я остановил удар в пах, резко опустив руку и низко присев, чтобы принять удар по горлу лбом. В тот же миг взорвался собственной контратакой, прямо вверх, в солнечное

сплетение. Он пошатнулся, пытался захватить руку моим любимым движением айкидо, которое я узнал так хорошо, что чуть не рассмеялся. Я вырвался и ткнул ему в глаза пальцами. Он легко и грациозно отскочил вне досягаемости и ударил сбоку ногой по ребрам. Слишком высоко и недостаточно быстро. Я схватил ногу и резко вывернул. Он перевернулся с ней и ударил меня в голову второй ногой, когда инерция подняла его в воздух. Плюсна шаркнула по лицу – я уже отступал, быстро, чтобы избежать удара в полную силу. Выпустил его ногу, зрение на миг рассыпалось. Я отшатнулся к грав-саням, когда он приземлился. Они покачнулись на своем поле и удержали меня. Я тряхнул головой, чтобы выбить из нее воздушную легкость.

Драка была не такой бешеной, как должна. Мы оба вымотались и неизбежно полагались только на системы своих оболочек. Мы оба совершали ошибки, которые в других обстоятельствах оказались бы смертельными. И, наверное, мы оба до конца не знали, что делаем в этой тихой, подернутой туманом нереальности пустого причала.

Стремящиеся верят…

Голос Сильви, размышлявшей в хранилище мощностей.

Что все снаружи – иллюзия, игра теней, созданная богами-предками, чтобы лелеять нас, пока мы не построим собственную реальность под себя и не загрузимся в нее.

Утешающая мысль, нет?

Я сплюнул и втянул воздух. Оторвался от изгиба крышки грав-саней.

Если хочется так считать.

На другой стороне причала на ноги поднялся он. Я налетел быстро, пока он еще приходил в себя; собрал в кулак все, что во мне оставалось. Он увидел и крутанулся мне навстречу. Оттолкнувшись с поджатой ноги, отбил в движении кулаки блоком обеими руками у головы и груди. Я пролетел мимо на перенаправленной инерции, и он последовал за мной, всаживая локоть в затылок. Я упал, прежде чем он нанес новый удар, перекатился и попытался выбить из-под него ноги. Он, танцуя, отскочил, успел ухмыльнуться и вернулся, ударив ногой.

Второй раз за это утро мое ощущение времени растворилось. Боевая подготовка и разогнавшаяся нервная система «Эйшундо» замедлили мир до ползучего, расплывающегося движения, неразборчивого вокруг его приближающегося удара и зубастой ухмылки за ним.

Хватит ржать, сука.

Лицо Шегешвара: десятилетия озлобленности перекосило от ярости, а потом от отчаяния, когда мои издевки пробили броню

иллюзий, что он воздвиг вокруг себя за жизнь, полную насилия.

Мураками, с пригоршней окровавленных извлеченных стеков, пожимающий плечами, словно отражение в зеркале.

Мать, сон и…

…и он опускает тяжелый ботинок ей на живот, она содрогается и перекатывается на бок, таз переворачивается и мыльная вода плещет ко мне…

…волна гнева, поднимается…

…я старше с каждой секундой, скоро вырасту и достану дверь…

…я убью его голыми руками, в моих руках оружие, мои руки и есть *оружие…*

…игра теней…

Его нога опустилась. Это как будто заняло целую вечность. В последний миг я откатился к нему. В конце движения ему некуда было деваться. Удар пришелся на мое подставленное плечо и выбил его из равновесия. Я продолжал катиться, и он запнулся. Удача подложила что-то на причале под его пятки. Неподвижное тело Сильви. Он опрокинулся через нее.

Я встал, перескочил тело Сильви и в этот раз застал его до того, как он успел подняться. Жестоко пнул по голове. В воздух скакнула кровь, его лоб порвался. Еще раз, прежде чем он откатился. Порвался рот, и снова выплеснулась кровь. Он осел, контуженно приподнялся, и я тяжело приземлился на его правую руку и грудь всем весом. Он хекнул, и мне показалось, что я почувствовал хруст руки. Я врезал открытой ладонью по виску. Его голова мотнулась, глаза затрепетали. Я занес руку для удара по горлу, который сокрушит трахею.

…игра теней…

Вы живете на ненависти к себе, потому что ее можно перевести в гнев на любую подвернувшуюся мишень для уничтожения.

Но это статическая модель, Ковач. Скульптура отчаяния.

Я смотрел на него. Он почти не двигался; его легко убить.

Я смотрел на него. *Ненависть к себе…*

Игра теней…

Мать…

Вдруг из ниоткуда – образ, как я болтался под марсианской крепостью в Текитомуре на намертво приваренной хватке. Парализованный и подвешенный. Я видел свою руку, что сжалась на тросе, удерживая меня. Держала мою жизнь.

Держала меня на месте.

Я видел, как разжимаю руку, по одному онемевшему пальцу, и двигаюсь.

Я встал.

Слез с него и отступил. Стоял и смотрел, пытаясь осознать, что сейчас сделал. Он моргнул.

– Знаешь. – Сказал я, и мой голос заело, словно ржавый. Пришлось начинать заново, тихо, устало. – Знаешь – иди на хер. Тебя не было в Инненине, не было на Лойко, на Санкции IV или Доме Хань. Тебя никогда не было на Земле. Какого хера ты вообще знаешь?

Он сплюнул кровь. Сел и вытер разбитый рот. Я безрадостно рассмеялся и покачал головой.

– Знаешь что? Давай посмотрим, как *ты* справишься. Думаешь, обойдешь все мои косяки? Ну давай. Попробуй, блин, – я отошел и махнул на ряды пришвартованных скиммеров у причала. – Наверняка там найдется парочка, которым не так сильно досталось. Сам выбирай, как выбираться отсюда. Никто не будет тебя искать, давай двигай, пока есть фора.

Он приподнимался постепенно. Глаза не отрывались от моих; руки дрожали от напряжения, готовились к обороне. Может, я ему ничего и не сломал. Я снова усмехнулся, в этот раз мне было легче.

– Я серьезно. Попробуй управиться с моей сраной жизнью лучше, чем я. И тогда посмотрим, закончишь ты так, как я, или нет. *Вперед*.

Он сделал шаг мимо меня, все еще настороже, с мрачным лицом.

– И попробую, – сказал он. – Не представляю, чтобы у меня получилось хуже.

– Ну и *катись* отсюда. *Катись отсюда на хер*, – я ухватился за свежую злость, позыв снова сбить его с ног и закончить на этом. Я запихнул ее обратно. Это потребовало на удивление немного усилий. Голос снова прозвучал ровно. – Только не стой и не ной, а *иди и сделай лучше*.

Он еще раз опасливо глянул, а потом ушел, к краю причала и одному из неповрежденных скиммеров.

Я следил, как он уходит.

Через десяток метров он остановился и обернулся. Мне показалось, он хотел поднять руку.

И с другого конца причала хлынул жидкий сгусток огня из бластера. Он пришелся на его голову и грудь и спалил все на своем пути. Миг он стоял, исчезнув выше пояса, а затем дымящиеся останки тела повалились на бок, за причал, ударившись о нос ближайшего скиммера, и с глухим всплеском отскочили в воду.

Что-то кольнуло под ребрами. Из меня просочился тонкий

возглас, я поймал и зажал его зубами. Развернулся, без оружия, в направлении выстрела.

Из дверей скирдовальной станции вышла Ядвига. Она как-то завладела плазмошрапнельной винтовкой Мураками, или очень на нее похожей. Держала ее на бедре. Вокруг ствола еще висело жаркое марево.

– Я так понимаю, ты не сильно огорчишься, – крикнула она из-за ветра и мертвой тишины между нами.

Я закрыл глаза и стоял, просто дышал.

Не помогло.

Эпилог

С палубы «Дочери гайдука» видно, как побережье Кошута превращается в низкую угольную полоску за кормой. На юге еще остались высокие уродливые тучи: туда, вдоль западного края Простора, укатился шторм, теряя силу на мелководье и умирая. По прогнозам, до самого севера – спокойное море и солнце. Джапаридзе считает, что может домчать нас до Текитомуры в рекордное время и за те деньги, что мы ему платим, сделает это с радостью. Но внезапный рывок старенького грузового ховерлодера на север наверняка привлечет внимание, а нам это сейчас не нужно. Медленный заурядный ритм коммерческого маршрута с остановками вдоль западного побережья Шафранового архипелага будет лучшим прикрытием. И торопиться некуда.

Я знаю, где-то в правительственных коридорах Миллспорта сейчас кипит расследование. Пробоем прислали аудиторов Корпуса, и теперь они разбирают то немногое, что осталось от тайной миссии Мураками. Но, как и угасающий шторм в Просторе, нас это не затронет. У нас есть время; если повезет, столько, сколько нужно. Вирус «Куалгрист» неуклонно расползается по населению планеты, рано или поздно он отправит семью Харланов к их предкам, из плоти аристов в стеки данных. Вакуум власти в центре миропорядка, который появится из-за их ухода, засосет остатки олигархии Первых Семей в политический водоворот, из которого им не выгрести, и тогда все начнет разваливаться. Якудза, гайдуки и Протекторат станут кружить, как боттлбэки вокруг ослабевшего слоновьего ската в ожидании конца, присматривая друг за другом. Но пока ничего делать не будут.

В это верит Куэллкрист Фальконер, и, хоть иногда все звучит слишком гладко, как риторика Коя о ходе истории, я склонен с ней согласиться. Я уже видел это на других планетах, а кое-где и сам все начинал, и в ее предсказаниях есть зерно истины. К тому же она присутствовала при Отчуждении, а значит, она самый большой эксперт по политическим переменам на Харлане из всех нас.

Так странно – быть с ней. Ты знаешь, что разговариваешь с многовековой исторической легендой, – так это знание еще и непостоянно: иногда она почти незрима, иногда жутко бросается в глаза. Но, кроме того, невозможно забыть, что все чаще она приходит без усилий, плавно меняясь местами с Сильви Осимой, как Джапаридзе меняется вахтой с первым помощником. Иногда даже замечаешь, как все происходит – словно волна помех проходит по лицу, она моргает, и ты уже говоришь с другой

женщиной. А иногда я даже не знаю, с кем из них разговариваю. Приходится следить, как двигается лицо, слушать модуляции голоса.

Я спрашиваю себя: может, через пару десятков лет такая скользящая форма личности станет для человечества вполне обычной? Судя по тому, что говорит Сильви, этому ничего не мешает. Потенциал в системах деКома почти безграничный. Чтобы его обуздать, нужны сильные люди, но так было всегда, с любым важным шагом в знаниях или технологии. Нельзя выживать на старых моделях, надо двигаться вперед, строить лучшие разум и тело. Либо так, либо вселенная набросится, как болотная пантера, и сожрет тебя живьем.

Я стараюсь не думать о Шегешваре и остальных. Особенно о втором Коваче. Постепенно начинаю разговаривать с Яд, потому что все-таки не могу ее винить за тот выстрел. А Вирджиния Видаура в ночь, когда мы вышли из порта Ньюпеста на борту «Дочери гайдука», дала мне наглядный урок в науке забывать. Мы трахались нежно, не забывая о ее медленно заживающем лице, и потом она плакала и всю ночь говорила со мной о Джеке Соуле Бразилии. Я слушал и впитывал, как она и учила меня век назад. А наутро она обхватила мой член, подрочила и взяла в рот, и в себя, и мы снова трахались, а потом встали навстречу дню. С тех пор она не упоминала о Бразилии, а когда это делал я – ненамеренно, – моргала и улыбалась, и слезы ни разу не покинули ее глаз.

Мы все учимся бороться с воспоминаниями, продолжать жить с утратами и переживать только о том, что можем изменить.

Оиси Эминеску однажды сказал мне, что нет смысла свергать Первые Семьи, потому что тогда на Харлан заявятся Протекторат и чрезвычайные посланники. Он думал, что куэллизм был бы обречен, если бы посланники существовали во время Отчуждения. Наверное, он прав, и даже самой Куэлл трудно с этим спорить, хотя когда солнце садится за вороненым вечерним океаном, и мы сидим на палубе со стаканами виски, она всякий раз пробует.

На самом деле это не важно. Потому что в хранилище мощностей, растягивая минуты до месяцев, Сильви и Куэлл учатся общаться с орбитальниками. Когда мы прибудем в Текитомуру – по крайней мере, по расчетам Сильви, – они уже закончат. А дальше, надеется она, они смогут передать тот же трюк Оиси и, может, другим деКомовцам-единомышленникам.

И вот тогда мы будем готовы.

Настроение на «Дочери гайдука» молчаливое и мрачное, но под ним чувствуется надежда, странное течение, в незнакомых поворотах которого я пока только осваиваюсь. Битва точно не

будет славной, точно не будет бескровной. Но зато мне начинает казаться, что она возможна. Учитывая обстоятельства и помощь ангельского огня, думаю, мы сможем скинуть Первые Семьи, прогнать якудза и гайдуков или хотя бы прижать их к ногтю. Думаю, мы сможем отпугнуть Протекторат и посланников, а потом, если от мира что-нибудь еще останется, пожалуй, дадим шанс демодинамической нанотехнике Куэлл.

И я все-таки верю – ну ладно, надеюсь, – что орбитальная платформа, которая может прицелиться и стереть с лица земли как ховерлодер с командой, так и крошечные наручники на руках двух человек, которая может одновременно уничтожать и сохранять, которая может выгружать целые разумы в системы на земле, – я все-таки верю, что эта же система однажды обратит свой взгляд на край океана Нуримоно и найдет парочку давно заброшенных и заросших водорослями стеков памяти.

И вернет к жизни то, что в них хранится.

notes

Примечания

1

Экономика, при которой богатство обеспеченных слоев общества просачивается сверху вниз. Примером служит рейганомика. (*Здесь и далее примечания переводчика.*)

2

Семьи народных мстителей (*исп.*).

3

Отсылка к организации «Временная ИРА» в Ирландии.

За нас (*исп.*). (*Прим. пер.*)